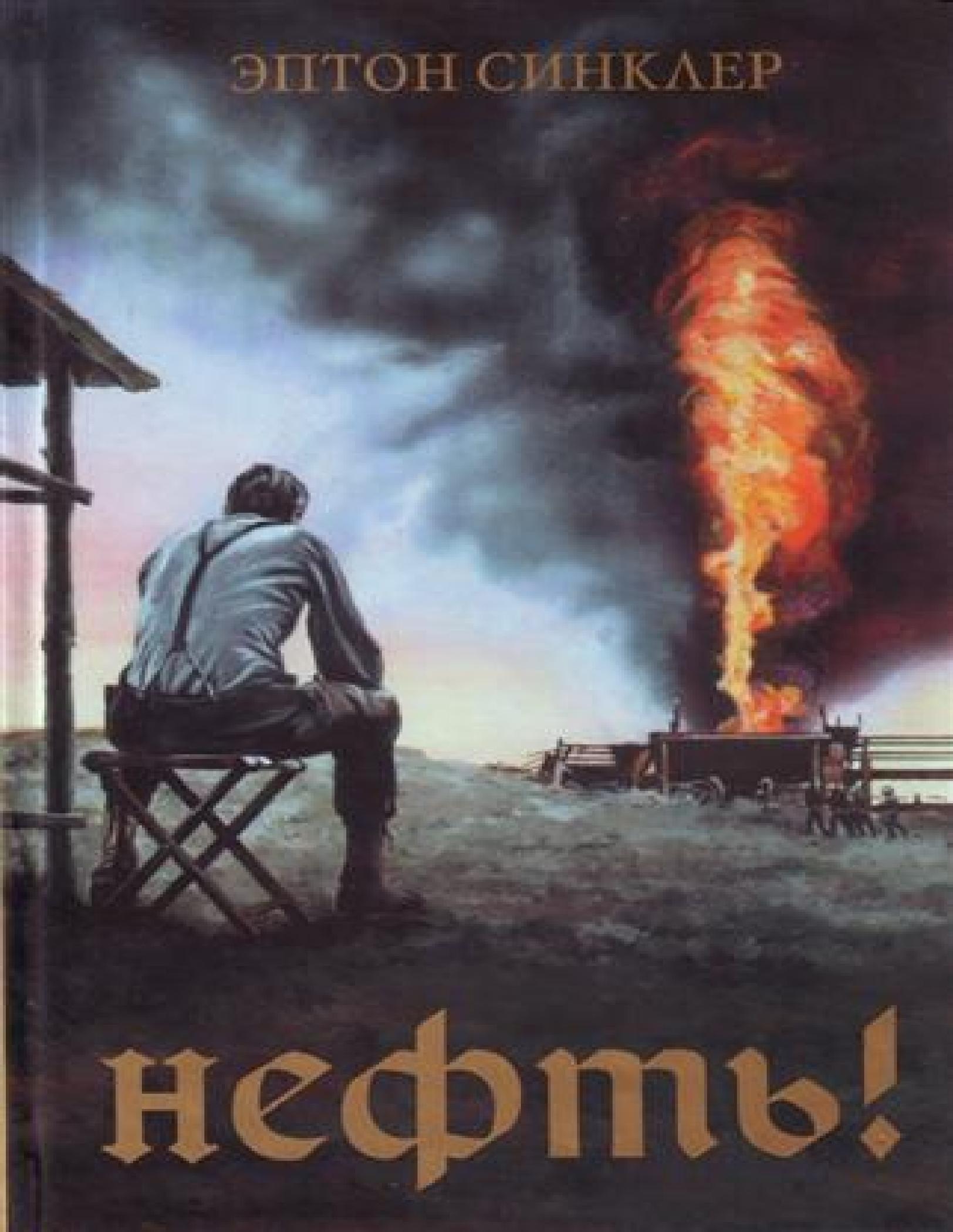

ЭПТОН СИНКЛЕР

нефть!

Table of Contents

[Эптон Синклер Нефть!](#)

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)

[Глава первая ПОЕЗДКА](#)

[Глава вторая ДОГОВОР](#)

[Глава третья БУРЕНИЕ](#)

[Глава четвертая РАНЧО](#)

[Глава пятая ОТКРОВЕНИЕ](#)

[Глава шестая СОБСТВЕННЫЙ УЧАСТОК](#)

[Глава седьмая СТАЧКА](#)

[ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

[Глава восьмая](#)

[Глава девятая ПОБЕДА](#)

[Глава десятая УНИВЕРСИТЕТ](#)

[Глава одиннадцатая НЕПОКОРНЫЙ](#)

[Глава двенадцатая "СИРЕНА"](#)

[Глава тринадцатая "МОНАСТЫРЬ"](#)

[Глава четырнадцатая "ЗВЕЗДА"](#)

[Глава пятнадцатая КАНИКУЛЫ](#)

[Глава шестнадцатая УДАЧА](#)

[Глава семнадцатая СКАНДАЛ](#)

[Глава восемнадцатая БЕГСТВО](#)

[Глава девятнадцатая НАКАЗАНИЕ](#)

[Глава двадцатая ПОСВЯЩЕНИЕ](#)

[Глава двадцать первая МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

Annotation

История американского нефтепромышленника начала прошлого века — сильного человека, не останавливающегося ни перед чем ради достижения мечты...

История «нефтяных войн» на Юго-Западе США, превзошедших своей жестокостью даже легендарные «ранчерские войны» Дикого Запада...

История нефти, денег и крови, любви и ненависти, поведенная классиком американской литературы Эптоном Синклером, легла в основу сценария потрясающего фильма Пола Томаса Андерсона. Картина была выдвинута в восьми номинациях на премию «Оскар» и удостоилась двух золотых статуэток...

- [Эптон Синклер](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

Эптон Синклер

Нефть!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ПОЕЗДКА

I

Дорога в пятнадцать футов шириною бежала гладкая, без колеи и выбоин, с ровными, как по нитке обрезанными краями, точно лента из серого бетона, которую чья-то гигантская рука протянула через долину. Почва шла волнами: длинные постепенные подъемы, а потом резкие спуски. Но эти спуски вас не пугали, вы знали, что на волшебной ленте из серого бетона, разостланной на вашем пути, нет, ни бугров, ни расселин, — ничего опасного для дутых шин ваших колес, вращавшихся со скоростью семи оборотов в секунду. Утренний холодный ветер, стремительно кидавшийся вам навстречу, свистел и гудел на все лады, но вы сидели удобно и уютно: вас защищал наклонно поставленный щит, который перебрасывал всю эту бурю через вашу голову. Порой вам нравилось поднять кверху руку и почувствовать холодное прикосновение воздуха; порой вы сами высывались за край щита, и тогда воздушный поток ударял вас по лбу и бешено трепал ваши волосы. Но большую часть времени вы сидели неподвижно и молча, преисполненные чувства собственного достоинства, — совершенно так же, как сидел папочка, а папочка — мистер Дж. Арнольд Росс — воплощал собой всю этику автомобилизма. На мистере Россе было надето пальто из мягкой шерстяной материи бронзово-коричневого цвета, удобного широкого покроя, с большим воротником, большими отворотами и большими патями на карманах — портной постарался проявить свою щедрость всюду, где только мог. Пальто мальчика было сшито тем же портным, из той же мягкой шерстяной материи, с такими же большими отворотами, воротником и патями на карманах. На руках у мистера Росса были специальные автомобильные перчатки, и совершенно такого же сорта перчатки были и у мальчика. Очки у мистера Росса были огромные, в роговой оправе, и хотя мальчик никогда еще не был ни у одного окулиста, но он нашел в одном магазине очки с простыми дымчатыми стеклами, в роговой оправе, точь-в-точь такой же, как и у его отца. На голове у

мистера Росса не было шляпы, так как он считал, что ветер и солнечный свет лучше всего сохраняют волосы, а потому и на голове мальчика ничего не было, и его кудри свободно развевались по ветру. Вся разница между ними — за исключением, конечно, роста — заключалась в том, что отец держал в зубах, в углу рта, большую незажженную сигару, пережиток прежних трудных времен, когда он перевозил на мулах разные тяжести и жевал табак.

Измеритель скорости показывал пятьдесят миль в час. Это была скорость, установленная мистером Россом для езды по открытой местности, и он изменял ее только в сырую погоду. Высота местности не влияла на нее. При каждом подъеме мистер Росс сильнее нажимал на педаль правой ногой, и машина устремлялась вверх, выше и выше, пока не достигала перевала, откуда неслась в следующую долину, все время держась в самом центре волшебной ленты серого бетона; машина ускоряла ход, катясь вниз, и мистер Росс слегка ослаблял давление правой ноги, позволяя мотору сокращать скорость. «Пятьдесят миль в час достаточно», — говорил мистер Росс, а раз он что-либо решил, то следовал этому неизменно.

Далеко впереди, по волнистой дороге, навстречу ему мчалась другая машина: небольшое черное пятно, скрывавшееся в низинах и становившееся все больше и все виднее на вершинах подъема. Еще несколько мгновений — и встречный автомобиль был перед вами. Он летел на вас со стремительностью большого снаряда.

Момент для испытания нервов автомобилиста. Волшебная лента из серого бетона не обладала никакой задерживающей силой; грунт по обеим ее сторонам был приспособлен на случай неожиданных столкновений и необходимости съехать за край дороги, но вы, конечно, не могли точно знать, насколько хорошо подготовлен этот грунт, и рисковали попасть или в сыпучий песок, который затруднил бы ваше продвижение вперед, или же в липкую грязь и глину, что затормозило бы ваши колеса и положило бы конец вашему путешествию.

Вот почему законы хорошего управления автомобилем разрешают вам съезжать с волшебной ленты из серого бетона только в самых крайних случаях. В вашем распоряжении имеется несколько дюймов этой ленты по правую сторону вашей машины, и столько же дюймов — у человека, едущего вам навстречу. И между этими двумя стремительно мчащимися навстречу друг другу снарядами остается расстояние всего в несколько дюймов. Риск, казалось бы, довольно значительный, но и вселенная держится на основе таких же вычислений, и около этой мгновенной черты, близкой к столкновению, все же остается достаточно времени или для создания новых миров, или для того, чтобы деловые люди могли успешно промчаться друг мимо друга. «Ууушшш»... — зловеще шипел и свистел пушечный снаряд, несясь вам навстречу. Перед вами мелькает лицо встречного автомобилиста с такими же очками в роговой оправе, как и ваши, так же крепко ухватившегося двумя руками за рулевое колесо, с таким же напряженным остановившимся взглядом, как у вас. И вот он уже промчался. Вы не обернулись потому, что при скорости в пятьдесят миль в час ваше дело — смотреть только вперед, оставляя прошлое прошлому. Сейчас может появиться другая машина, и вам опять придется покинуть удобную середину бетонной ленты и довольствоваться одной ее драгоценной половиной, учитывая те несколько дюймов, которые у вас в запасе. Каждый раз ваша жизнь зависит от вашего искусства поставить вашу машину на той черте, которая ей

полагается, а также от искусства вашего неизвестного партнера и его готовности сделать то же самое. И в том случае, когда вы убедитесь, что мчащийся вам навстречу партнер не принял всех требуемых от него мер, вы можете быть уверены, что машиной управляет или пьяный, или женщина — кто именно, у вас нет времени выяснить, так как в вашем распоряжении остается одна тысячная доля секунды, чтобы повернуть рулевое колесо на десятую часть вершка и въехать правыми колесами машины в грязь.

Такие случаи происходили не чаще одного или двух раз в день, и всякий раз, когда это случалось, мистер Росс совершенно одинаково передвигал сигару из одного угла рта в другой и бормотал: «Проклятый идиот», — единственное бранное слово бывшего погонщика мулов, которое он позволял себе произносить в присутствии мальчика и которое теперь в его устах было просто «научным термином». Он употреблял его при встречах с пьяными, с женщинами, управлявшими автомобилями, возами с сеном, повозками с мебелью, грузовыми автомобилями, мотоциклетами, мчавшимися с такой быстротой, что их бросало из стороны в сторону; с мексиканцами в тряских таратайках, которые вместо того, чтобы месить колесами придорожную грязь, как им, собственно, полагалось, выезжали на ленту из серого бетона — и как раз в ту самую минуту, когда навстречу вам мчался другой автомобиль. И вы принуждены были хвататься сразу за все тормоза, останавливать свою машину и, что хуже всего, скользить на шинах. Быть вынужденным скользить на шинах — одна из самых больших неприятностей для автомобилиста, и мистер Росс был убежден, что настанет день, когда будет запрещено законом ездить по государственным дорогам со скоростью меньше сорока миль в час и когда всем желающим трястись на ветхих таратайках с едва передвигающими ноги лошадьми будет предоставлена полная свобода оставаться дома или быть перерезанным автомобилем пополам.

II

Горный хребет пересекал дорогу. Издали горы казались голубыми; как прозрачная завеса, висел туман над их вершинами; они громоздились одна на другую беспорядочными массами; более далекие из них, с неясными очертаниями и бледной окраской, были полны манящей таинственности, — вы знали, что вам надо было ехать прямо на них, прямо на эти горы, и вас интересовал вопрос: которую же из них прорвет наша дорога? Чем ближе подъезжали вы к горам, тем ярче становилась их окраска — зеленая, серая, бронзово-желтая. По их склонам росли не деревья, а густые заросли кустарников самых разнообразных оттенков. Там и сям выступали отроги скал — черные, белые, коричневые, красные. Местами среди зелени кустов нежно алела юкка, стебель которой, в десять и больше футов вышиной, был покрыт на конце сплошной массой мелких красных цветов и напоминал пламя свечи, которое, однако, не колебалось от ветра.

Дорога пошла в гору и скоро обогнула выступ скалы, на котором виднелась надпись, сделанная красными буквами: «Гваделупская высота. Скорость на поворотах — 15 миль в час».

Проезжая мимо надписи, Росс ничем не выдал своей грамотности и умения пользоваться «измерителем скорости». Ему было ясно, что эта надпись была сделана для не умеющих править автомобилем, посвященным же в это искусство нечего было с ней считаться. Если дорога шла по правой стороне ущелья, то вам, в то время как вы делали поворот, надо было как можно ближе держаться к горе; в распоряжении же встречного автомобилиста оставался противоположный край дороги, и ему предоставлялось глядеть в оба, если жизнь была ему дорога.

В тех же случаях, когда гора была у вас справа и на поворотах заслоняла вас от глаз ехавшего вам навстречу автомобилиста, — Росс прибегал к помощи своего рога. Это был большой сигнальный рог, властно отдававший приказания, — как раз такой, какой нужен человеку, неотложные дела которого требуют, чтобы он проезжал пространства, площадью превосходящие древние империи, — человеку, которого ждут в конце путешествия крайне важные деловые свидания и который разъезжает, не останавливаясь, и днем и ночью, во всякую погоду. Голос рога был суров и воинствен — в нем не слышалось никакого намека на человечность и доброту: при скорости в пятьдесят миль в час не остается места для эмоций этого рода. Вы хотите от людей одного: чтобы они сошли с вашей дороги. И скорей! Как можно скорей! Это говорит им громкий носовой звук вашего рога. «Ууааан»... — звучал ваш рог на первом повороте. «Ууааан»... — звучал он на следующем, и скалистые стены Гваделупского ущелья на все лады отражали этот новый, странный для них звук — «Ууааан»... «Ууааан»... В страхе разлеталась в разные стороны птицы, земляные белки спешили скрыться в своих песчаных норках, и все, кто спускался в это время по крутым изгибам дороги, — хозяева ранчо, возвращавшиеся на «фордах» в свои владения, переселенцы, направлявшиеся в Южную Калифорнию, со всеми своими цыплятами, собаками, младенцами и матрацами, — все они инстинктивно бросались в сторону, и колеса их экипажей касались последнего страшного дюйма опасной дороги... «Ууааан»... «Ууааан»... — кричал автомобиль.

Каждый мальчик скажет вам, что это великолепно. Подниматься все выше и выше, к самым облакам, на машине, полной мощи, чудесно оборудованной, которая послушна малейшему нажиму вашей ноги. Машина в 90 лошадиных сил! Подумать только! Представьте себе, что в ваш экипаж запряжено девяносто лошадей, попарно, — сорок пять пар, — и все они галопом мчатся по горной дороге, — разве это не заставило бы усиленно забиться ваш пульс! А эта волшебная лента из серого бетона, разостланная для вас, извивающаяся то в одну, то в другую сторону, прокладывая себе путь повсюду, где только нужно, плотно прижимаясь к отвесной скале одной горы, перебрасываясь через вершину другой, пронзая мрачные недра третьей. Она извивается, крутится, понижается, поднимается, делая бесчисленные повороты, и все время держит вас в равновесии, в полной безопасности, указывая своей белой чертой, проведенной как раз посередине, то место, которого вы должны держаться! Какая удивительная сила сделала это? И отец объясняет сыну: «Это сделали деньги». Капиталисты сказали одно слово, и пришли инженеры и техники, а за ними тысячи землекопов, толпы мексиканцев и индейцев с бронзовой кожей с заступами и лопатами, с мотыгами, со всевозможными инструментами, с ящиками динамита, с тысячами мешков цемента

и принялись рыть землю, взрывать скалы. Они работали здесь и год, и два — и ярд за ярдом развтывали волшебную ленту.

Никогда еще, с тех пор как существует мир, не было людей, равных по могуществу этим «капиталистам». И отец был одним из них: он тоже мог делать подобные вещи, и как раз теперь он готовился совершить одно из таких изумительных дел: в этот вечер, ровно в семь часов, в одной из комнат «Королевской гостиницы» в Бичи его будет ждать Бэн Скут, нефтяной комиссионер, которого Росс называет своей ищейкой. У него в руках будет письменное крупное «предложение» в готовом для подписи виде, и отцу нужно будет только подписать свое имя — вот почему отец имел право требовать, чтобы дорога, по которой он ехал, была свободна от всяких препятствий. Вот что означали властные, воинственные звуки его рога — «Ууааан... Ууааан»... Едет Росс, прочь с дороги! «Ууааан... Ууааан»...

Мальчик сидел и смотрел на все живыми блестящими глазами. Он видел мир таким, каким изображали его фантазеры во времена Гарун-аль-Рашида. Он видел его с волшебного коня, на котором мчался через вершины гор, сквозь облака, или с ковра-самолета, летевшего по воздуху. Гигантская панорама развтывалась перед его глазами. На каждом повороте дороги открывались новые и новые виды; внизу под вами извивались долины, над вами — вершины гор всевозможных очертаний и окрасок. На той высоте, на которой вы находились, в ущельях и по уступам гор росли громадные старые сосны с ветвями, поломанными бурями и обожженными молниями, или дубовые рощи, придававшие местности вид английских парков. Выше, на вершине, только кустарник, покрытый теперь нежными ярко-зелеными листьями, да цветы шалфея и других неприхотливых растений, которые знают, что им надо торопиться цвести, пока в почве не иссякла еще весенняя влага. Среди кустарников пестрели оранжевые цветы повилики, цепляющиеся за стебли соседних растений, погибавших от этих объятий, но кустарник был густ и обилен.

Еще выше — голые скалы, окрашенные в самые разнообразные цвета. Некоторые из них походили на звериные пестрые шкуры, на шкуры красно-бурых леопардов и красно-серых с коричневыми полосами, на черно-белых неизвестных вам зверей.

Горы казались беспорядочно нагроможденными каменными глыбами, точно их разбросали сражавшиеся здесь великаны; или это были огромные булыжники, как будто сваленные в кучу уставшими от игры детьми великанов. Некоторые скалы смыкали над дорогой высокие своды; зияли ущелья, а по краю дороги шел белый прочный барьер, чтобы защищать вас на крутом повороте. Высоко в воздухе парила какая-то белая птица. Вот она сложила крылья и, как подстреленная, камнем устремилась в бездну.

— Это орел? — спросил мальчик.

— Лунь, — ответил отец, чуждый всему романтическому.

Выше и выше взбирались они под мягкий однотонный шум мотора. Под наклонно поставленным щитом, защищавшим их от ветра, находились циферблаты с различными стрелками: измеритель скорости, точно указывающий маленькой красной черточкой быстроту хода машины, часы и термометр. Все эти предметы твердо запечатлены в сознании отца, представляющего собой еще более сложный механизм. И действительно, могла ли машина в девяносто лошадиных сил

выдержать сравнение с силой многих миллионов долларов? Машина могла сломаться, но если бы померк разум отца, то это было бы нечто вроде затмения солнца.

На Гваделупских высотах им полагалось быть около десяти часов утра, и мальчик ни на минуту не сомневался, что они поспеют как раз вовремя. Он напоминал того старого фермера с новыми золотыми часами, который, стоя на пороге своего дома, наблюдал за восходом солнца. «Если оно не поднимется через три минуты, — говорил он, — значит, оно запаздывает».

III

И тем не менее случилось нечто, что спутало ваше расписание. Вы вдруг попали в полосу тумана. Точно холодное белое покрывало спустилось на ваше лицо. Туман не мешает вам видеть, но он смочил глинистую дорогу и образовал на ней слой грязи — обстоятельство, ставящее самого опытного автомобилиста в беспомощное положение. Быстрый глаз Росса, однако, заметил это вовремя, и он успел затормозить машину как раз в ту минуту, когда она начала уже скользить и почти коснулась белого деревянного барьера у края дороги.

Они опять двинулись вперед, но очень медленно, чтобы в любой момент остановиться; измеритель скорости показывал сначала пять миль, потом три; а затем они начали скользить, и отец, пробормотав: «Проклятье», снова остановил машину и поставил ее около самой горы так, чтобы встречные автомобили могли издали увидеть ее. Мальчик открыл дверцу и весело выпрыгнул на дорогу; отец вышел за ним медленно и спокойно. Сняв свое пальто, он положил его под сиденье; потом снял пиджак и аккуратно положил его туда же: ведь одежда — часть человеческого достоинства, символ жизненного преуспевания и никогда не должна быть ни запачкана, ни смята. Он отстегнул манжеты у своей рубашки и засучил рукава: всем этим движениям подражал и мальчик. В задней части автомобиля находилось небольшое отделение, которое отец отпер одним из своих бесчисленных ключей, достал из него тормозные цепи и прикрепил их к шинам задних колес. Потом вымыл руки о придорожные, мокрые от тумана листья, что не замедлил сделать и мальчик: ему очень нравилась холодная влага блестящих капель, покрывавших листья. Вытерев руки о чистую тряпку, висевшую в машинном отделении, они снова надели пиджаки и сели на прежние места, и автомобиль двинулся в путь, немного быстрее, но все еще не с той скоростью, которая полагалась по расписанию.

«Гваделупская высота. Скорость на поворотах — 15 миль в час». Так гласила надпись. Теперь они начали медленно спускаться, тормозя автомобиль, который протестовал и вздрагивал от нетерпения. Очки Росса-отца лежали у него на коленях, так как они были в мокрых пятнах от тумана, покрывавшего холодной влагой его волосы и лицо. Было весело вбираться в себя с каждым вздохом этот холодный воздух; еще веселее высовываться за щит и громко трубить в рог: отец позволял теперь мальчику трубить, сколько ему было угодно. Вот поднимается навстречу другой

автомобиль — «форд» и тоже трубит в рог, и над его радиатором клубится легкий дымок.

Внезапно туман начал рассеиваться, с каждой минутой становился реже и скоро исчез. Быстро понеслись они вперед, навстречу удивительному виду, который открывался перед их глазами. О как чудесно! Все шире раздвигались горы, открывая новые и новые ландшафты. О, если бы были крылья, чтобы парить над этими вершинами и долинами, сбегаящими вниз! К чему все эти повороты, ограниченная скорость, эти цепи, тормоза?.. «Вытри мои очки», — произнес прозаическим тоном отец. Вид — видом, но ему нужно было следить за белой чертой, которая шла посередине дороги, и опять на поворотах затрубил его рог: «Ууааан»... «Ууааан»...

Они продолжали спускаться, и постепенно волшебная панорама исчезала, и опять они превратились в простых смертных, опять спустились на землю. Все шире и шире становились повороты дороги; скоро они обогнули последний уступ последней горы, и перед ними открылся длинный прямой спуск. Яростно засвистел ветер, красная черточка измерителя скорости энергично задвигалась. Теперь они наверстывали потерянное время. Ух! С какой головокружительной быстротой замелькали деревья и телеграфные столбы! Вот уже не пятьдесят, а шестьдесят миль в час... Некоторые, пожалуй, испугались бы такой быстроты, но ни о какой опасности не могло быть и речи, когда рулевым колесом управлял Дж. Арнольд Росс. Внезапно машина замедлила ход и так неожиданно, что вы едва не соскользнули с сиденья, а маленькая красная черточка стала показывать пятьдесят, сорок, тридцать. Дорога расстилалась впереди прямая, как стрела, на ней не было видно никакой другой машины, а между тем, отец тормозил. Мальчик взглянул на него вопросительно. «Сиди спокойно, — сказал ему отец, — не смотри по сторонам: слезка за скоростью».

О, да это целое приключение! Сердце мальчика запрыгало от радости. Ему очень хотелось обернуться и посмотреть на того, кто нагонял их автомобиль, но он понимал, что должен сидеть не двигаясь и с невинным видом смотреть прямо перед собой. Нет, они никогда не делали более тридцати миль в час, и если какому-нибудь полицейскому офицеру, наблюдающему за движением, показалось, что они спускались с высоты с большей скоростью, то, очевидно, это было оптическим обманом, вполне понятной ошибкой человека, обязанности которого отнимали у него веру в честность человеческой природы. Да, это действительно ужасная обязанность — вести постоянную борьбу со скоростью и восстанавливать против себя весь человеческий род: прибегать ко всякого рода низким приемам, прятаться в кустах с часами в руках и сообщаться постоянно по телефону с другими своими товарищами, так же стоящими и тоже с часами в руках на определенном от вас расстоянии, и учитывать таким образом скорость каждого проезжающего автомобилиста. Они изобрели даже специальный прибор — ряд зеркал, располагаемых вдоль дороги и помогающих им в работе. Такого рода деятельность доставляла массу хлопот автомобилистам, которым приходилось все время быть начеку. При малейшем намеке на опасность они должны были тотчас же замедлять свой ход и делать это не слишком внезапно, не вдруг, но постепенно; чтобы это имело вид вполне естественного замедления, к которому вы придете, едва только

заметите, что нечаянно на несколько мгновений перешли за предел установленной скорости.

— Этот малый теперь от нас не отстанет, — сказал отец. Перед его глазами помещалось крошечное зеркало, дававшее возможность следить за этими «врагами человеческого рода», но мальчик не мог им пользоваться и сидел поэтому как на иголках, не видя того, что его так интересовало.

— Ты его видишь? — спрашивал он поминутно отца.

— Сейчас нет еще, но он появится. Он знает, что мы ехали ускоренным ходом. Он нарочно выбрал для своих наблюдений такую прямую, открытую дорогу, как эта, по которой все едут ускоренным ходом.

Из этого вы видите всю низкую натуру этих преследователей — они непременно выбирают такие места, по которым скорая езда не представляет никакой опасности, и ловят тех, кто пользуется этой возможностью, устав от медленного спуска по влажной горной дороге с постоянными поворотами.

И они продолжали ползти со скоростью тридцати миль в час: законный предел, установленный в спокойные мирные дни 1912 года. Такое передвижение отнимало прелесть автомобильной езды и сводило на нет все расписание. Перед глазами мальчика пронесся образ Бен Скута, этой «ищейки» отца, сидящего в одной из комнат «Королевской гостиницы» в Бичи в обществе нескольких других деловых людей, жаждущих принять участие в крупных предприятиях. Отец, конечно, будет говорить с ним по телефону, с часами в руках разочтет, сколько потребуется времени, чтобы сделать остающиеся мили, назначит час — и явится минута в минуту: ничто его не остановит. Если их автомобиль неожиданно сломается, то отец вынет свои саквояжи, запрет машину, остановит первый проезжающий экипаж, доедет на нем до ближайшего города и там наймет или купит лучший автомобиль, какой только найдет, а сломанный велит отдать в починку. Да, ничто не сможет остановить отца. Однако теперь он ползет, делая только тридцать миль в час... «Почему? В чем дело?» — спросил мальчик... «Судья Ларкей», — ответил отец, и все стало ясно. Они проезжали через округ Сан-Джеронимо, где ужасный судья Ларкей посылал в тюрьму нарушителей правил автомобильной езды. Мальчик никогда не забудет того дня, когда отец был принужден отложить все свои дела и вернуться назад, в Сан-Джеронимо, чтобы явиться в суд и подвергнуться раздраженным окрикам этого престарелого самодержца... В большинстве случаев вам не приходилось подвергаться таким оскорблениям; вы просто показывали вашему преследователю свою карточку, удостоверяющую, что вы член «Автомобильного клуба», и он, вежливо кивнув, протягивал вам маленькую бумажку с цифрой вашего штрафа, пропорционального той скорости, с которой вы ехали. Вы отправляли по почте чек на эту сумму, и этим дело кончалось.

Но там, в Сан-Джеронимо, все эти люди вели себя, точно идиоты, и отец сказал судье Ларкею, как он смотрит на этот прием ловить автомобилистов при помощи агентов, прячущихся в кустах, шпионящих за гражданами. Все это было неблагородно и заставляло автомобилистов считать служителей закона врагами. Судья попробовал было сострить и спросил, не считает ли он, что каждый жулик может смотреть на представителей закона, как на врагов. На следующий день во всех местных газетах стояло «Нефтепромышленники противятся закону о скорой

езде: Дж. Арнольд Росс говорит, что он этот закон изменит». Друзья Росса трунили над ним, но он стоял на своем и говорил, что рано или поздно он добьется того, что этот закон будет изменен, и в конце концов он, конечно, этого добился, и вы именно ему обязаны тем, что обычая ловить автомобили более не существует; полицейские агенты не прячутся в кустах, но в своих мундирах разъезжают верхом по дорогам, и вам нужно только поглядывать временами в маленькое зеркало и двигаться вперед с той скоростью, какая вам нравится.

IV

Они доехали до стоящего у края дороги домика с навесом, где продавался газолин. Росс поставил автомобиль под навес и велел подбежавшему человеку снять тормозные цепи. Мальчик выскочил из автомобиля в ту самую минуту, как он остановился, открыл маленькое отделение, находившееся сзади, достал из него мешок, в котором хранились тормозные цепи и бидон для смазочного масла. «Смазочное масло так же дорого, как сталь», — говорил обыкновенно Росс. У него много было таких изречений, и мальчик знал их наизусть. Росс говорил это не потому, что боялся лишней траты, и не потому, что на его заводах продавалось смазочное масло, а не сталь, но только потому, что его общим принципом было — делать все как можно лучше и относиться с уважением ко всякой части машин.

Росс тоже вышел из автомобиля, чтобы размять ноги. Это был человек высокий, крупный. Пальто сидело в обтяжку на его плотной фигуре. У него было круглое лицо с крупными чертами; румяные, гладко выбритые щеки были свежи, но, взглядевшись в него внимательнее, вы замечали под его глазами мешки, а у висков сеть морщинок. Волосы его были с сильной проседью. У него было много забот, и он начинал уже стареть. Выражение его лица — в решительные минуты суровое и энергичное — было благодушно-спокойное; и мысли его работали медленно, но основательно. Порой, когда представлялся случай, как, например, сейчас, он любил проявить свою общительность и поболтать по-просту с теми, кого он встречал по дороге — с такими же простыми людьми, как и он сам, которые не замечали его неправильного английского выговора и не старались вытянуть у него денег, — во всяком случае, не в таком количестве, на какое стоило бы обращать внимание.

И он с удовольствием разговаривал теперь с человеком, суетившимся около его автомобиля. «Да, сегодня в ущелье было очень скверно, такой густой туман, что пришлось немного запоздать; неладное место для спуска, трудно тормозить машину». — «Очень скверное место, — подтвердил его собеседник. — скользкое, как стекло: немало автомобилей попадают из-за этого в беду. Непременно нужно было бы что-нибудь придумать, как-нибудь улучшить дорогу». «Просто снять часть горы, — отдать эту работу на подряд», — подумал отец. Рабочий сообщил Россу, что сегодня тумана бояться уже нечего, что в мае туманы бывают здесь очень часто, но по утрам и к полудню всегда погода проясняется. Потом он спросил, не нужно ли газолину, но Росс ответил, что у него с собой большой запас, который они сделали перед началом подъема. На самом же деле Росс любил пользоваться газOLIНОМ

собственного завода, не доверяя другим, но не сказал этого, чтобы не обидеть собеседника.

Он протянул ему за услуги серебряный доллар — и отказался от сдачи. Рабочий в первую минуту был совершенно ошеломлен такую щедростью; потом, в знак приветствия, поднял вверх палец, да, он понял, что имеет дело с большим человеком. Отец давно уже привык к такого рода сценам, тем не менее, они всегда проливали луч света в его сердце, и, чтобы чаще испытывать такое настроение, он никогда не забывал держать в своих карманах запас серебряных долларов. «Бедняги, — говорил он, — маловато зарабатывают они». Росс хорошо это знал; он сам вышел из их среды и при всяком удобном случае старался объяснить это мальчику. Для него это была сама жизнь. Мальчик же видел во всем что-то романтическое.

Они заняли свои места и собирались уже тронуться в дальнейший путь, когда к домику, от которого они отъезжали, подъехала мотоциклетка и в ней — кто бы вы думали? — их преследователь, полицейский агент. Росс был прав, говоря, что он гнался за ними. Увидав их теперь у домика, где брали газолин, он сердито нахмурился, но так как ему не к чему было придрататься, то они спокойно продолжали свой путь. «Очевидно, он будет теперь торчать здесь, где ему удобно подстергать едущие мимо автомобили», — сказал отец. И это оправдалось. Не успели они проехать и двух миль скучным ходом — тридцать миль в час, как услышали позади себя громкий звук рога, и мимо них со страшной быстротой пронесся автомобиль. Несколько секунд спустя отец, посмотрев в свое маленькое зеркальце, объявил: «А вот и он, — я говорил». Мальчик быстро обернулся, и в этот момент, оглушая их ревом своего мотора, промчалась мимо мотоциклетка. «Гонка! Гонка! — восторженно кричал мальчик, подпрыгивая на месте. — О, папочка, поедем за ними!..»

Отец не достиг еще того возраста, когда увлечение спортом становится чуждым человеку, и, кроме того, ему удобно было видеть своего врага впереди себя и наблюдать за ним. Отец пустил свою машину полным ходом. Снова цифры поползли на красную черточку измерителя скорости: 35, 40, 45, 50, 55. Мальчик еле удерживался на краю своего сиденья, глаза его сияли, он крепко сжимал руки.

Волшебная лента из серого бетона кончилась. И теперь перед ними была широкая грязная дорога, длинными зигзагами тянувшаяся по низким холмам, засеянным пшеницей. Она была хорошо утрамбована, но на ней было немало бугров, на которых подсакивал автомобиль, снабженный всевозможными рессорами и приспособлениями, предназначенными для того, чтобы ослаблять толчки и не затруднять езду. Впереди поднималось громадное облако пыли — целая туча, которую ветер рассеивал по всем направлениям. Можно было подумать, что там двигалось многочисленное войско. Моментами удавалось рассмотреть мчавшийся с головокружительной быстротой автомобиль и преследовавшую его, теперь уже почти на одной линии, мотоциклетку.

— Он старается удрать. О, папочка, задержи чем-нибудь мотоциклетку! Задержи!

Да, такое приключение не часто встречается в дороге.

— Проклятый идиот, — произнес отец свой суровый приговор. — Человек рискует жизнью, лишь бы не заплатить грошового штрафа. Все равно ему не уйти от погони на такой дороге.

И спустя несколько секунд, когда пыль немного рассеялась, они увидели остановившийся у правого края дороги автомобиль, а рядом с ним мотоциклетку и агента с записной книжкой в руке, в которой он что-то отмечал. Отец уменьшил ход до невинных тридцати миль и проехал мимо. Мальчику очень хотелось остановиться и послушать неизбежные в этих случаях протесты и возражения, но он знал, что надо было наверстать потерянное время и воспользоваться удобным случаем, чтобы удрать от надзора. Сделав несколько миль, они ускорили ход. Мальчик в течение следующего получаса беспрестанно оглядывался, но агента уже не было видно. Снова для них не существовало никакого другого закона, кроме их собственного.

V

Незадолго перед этим они были свидетелями одного несчастного случая в дороге и затем были приглашены в суд дать свои показания. Секретарь суда, вызвав «Дж. Арнольда Росса», вызвал вслед затем совершенно таким же торжественным тоном «Дж. Арнольда Росса-младшего», и мальчик, стоя перед судьей, подтвердил, что он знает, что такое присяга, знаком со всеми правилами езды на автомобилях — и рассказал все, что он видел.

Этот случай дал ему некоторое понятие о судебных разбирательствах, и всякий раз теперь, когда он наталкивался в дороге на какие-нибудь неправильности, — он тотчас же создавал в своем воображении целый судебный процесс. Он мысленно говорил себе то, что, по его мнению, должны были сказать в том или другом случае обвиняемый и обвинитель, и нередко так увлекался, что начинал жестикулировать. «В чем дело? Что с тобой, мальчик?» — спрашивал отец. Мальчик сконфуженно молчал, потому что ему не хотелось сознаваться, что его фантазии опять увлекли его куда-то далеко от действительности. Но отец знал, в чем дело, и тихонько улыбался. «Этот маленький фантазер, — думал он, — всегда строит себе воздушные замки. Всегда перескакивает с одной мысли на другую. Всегда всем интересуется». Совсем иначе работала голова отца. Он подолгу обдумывал каждый вопрос, и мысли, приходившие ему в голову по поводу того или другого предмета, были степенны и медленны; чтобы запечатлеться в его сознании, все его ощущения и впечатления требовали долгого времени, подобно медленно нагревающейся печи. Во время своих поездок с сыном он иногда в течение целого часа не произносил ни слова. Господствующим его ощущением было тогда превосходное самочувствие, — сознание, что он в своем удобном теплом пальто составляет как бы часть этой великолепной, мягко мурлыкающей машины, толкаемой вперед кипящей нефтью и делающей пятьдесят миль в час. Если бы вы проникли в его сознание и внимательно разобрались в нем, то вы нашли бы там не мысли, а скорее физические ощущения, испытываемые им от состояния погоды, от езды, от банковских счетов, от сидящего рядом с ним мальчика. Взятые вместе, соединенные в одно, эти ощущения могли бы быть выражены приблизительно так: «Вот я правлю этим автомобилем, — я, Джим

Росс, когда-то простой возчик, потом „Дж. А. Росс и К°“ — представитель торговой фирмы на Куин-Сентр в Калифорнии, а теперь Дж. Арнольд Росс — крупный нефтепромышленник. Мой завтрак почти переварился, и мне начинает делаться жарко в моем широком новом пальто, потому что солнце уже высоко... И у меня сейчас новая нефтяная скважина на Лобос-Ривере, дающая четыре тысячи баррелей в сутки, — и в Антилопе, дающая шестнадцать тысяч баррелей, и я еду подписывать новый договор в Бич-Сити, и не далее как через два часа мы нагоним все потерянное время. И Бэнни сидит рядом со мной; он здоров, крепок и будет владеть всем тем, что я теперь создаю; будет продолжать мое дело, идя по моим стопам, с той только разницей, что ему не придется бродить ощупью и делать те ошибки, какие делал я, и не будет у него никаких тяжелых воспоминаний... И будет он во всем меня слушаться».

Бэнни сидел рядом с отцом, и мысли роились в его голове, перепрыгивая с одного вопроса на другой, подобно тому как скачет в поле кузнечик с одной травинки на другую. Вот мчится, точно сумасшедший, зайчонок; у него уши такой же длины, как у мула; почему они так прозрачны на солнце и такие ярко-розовые? А там, на изгороди сорокопуд — и все время забавно хлопает крыльям и, то распуская их, то складывая... Для чего он это делает?.. А вот на дороге лежит изуродованное тело земляной белки. Она, наверно, перебежала дорогу и попала под автомобиль, а теперь через нее будут проезжать другие автомобили, и скоро от нее ничего не останется; она превратится в пыль, и ветер развеет ее по дороге... Отцу нечего об этом говорить: он скажет, что белки разводят чуму, т. е. не сами белки, а блохи, которые на них; время от времени бывают случаи этой болезни, но газетам запрещают о них писать, так как это производит тяжелое впечатление.

Мальчик думал об этом маленьком жалком существе, жизнь которого погасла так внезапно... Как это жестоко и удивительно, что все существа растут и становятся сильными «так просто», из ничего, по-видимому, — по крайней мере отец не мог этого объяснить и говорил, что никто не может... Вот на дороге воз с домашним скарбом; он двигался им навстречу, к большому неудовольствию отца; но Бэнни обрадовался, увидав двух мальчиков его возраста, которые сидели на возу и спокойно смотрели на него равнодушными глазами. Худые, бледные мальчики, у которых был такой вид, точно они никогда не ели досыта... Почему бывают бедные люди и почему, если они бедные, им никто не помогает? «Свет устроен так, что каждый должен помогать сам себе», — объяснил ему отец.

«Бэнни» — было имя, которое дала мальчику его мать, когда он был совсем крошкой, потому что он был тепленький, мягонький и смугленький. Она одевала его в мягкие легкие коричневые с белыми воротниками и кушаками костюмчики. Теперь, когда ему минуло уже тринадцать лет, он протестовал против такого детского имени, и его товарищи сократили окончание и сделали из него просто Бэн — и это имя так за ним и осталось. Это был хорошенький мальчик с густыми каштановыми кудрями, развеваемыми ветром, с большими карими блестящими глазами, румяный и загорелый, потому что большую часть времени он проводил на воздухе. В школу он не ходил — у него дома был воспитатель, так как ему предстояло в будущем занять в свете то место, которое теперь принадлежало его отцу; и он часто сопровождал отца в его поездках, чтобы понемногу входить в курс

всех его дел. И как чудесны, бесконечно чудесны были эти сцены! Столько новых лиц, столько новых, неизвестных ему сторон человеческой жизни. Они проезжали через города и деревни, — замечательные города и деревни, с людьми, домами, автомобилями, лошадьми, вывесками и плакатами. По обеим сторонам дороги — плакаты; на каждом перекрестке указательные столбы с длинным, подробным перечнем всех мест, куда ведет данная дорога, — настоящий урок географии. И целый ряд высчитанных расстояний, по которым вы могли всегда проверить самым точным образом ваш путь, весь ваш маршрут, — это был урок арифметики. Далее, плакаты с целым рядом путевых сообщений, предупреждающих вас обо всех опасных местах: неожиданных поворотах, скользких спусках, перекрещивающихся железнодорожных путях. Через самую дорогу были переброшены укрепленные на высоких столбах и освещенные электрическими лампочками надписи: «Лома Виста». «Добро пожаловать к нам». А дальше, при выезде: «Лома Виста — граница города». «До свидания. Счастливого пути. Опять приезжайте к нам».

И не было конца объявлениям, цель которых — разнообразить ваше путешествие: «Впереди великолепный вид; готовьте „Кодак“». И вы искали вид, а когда находили, никогда не знали, тот ли это самый, о котором гласило объявление. Фабрикант автомобильных шин выставил большую деревянную фигуру мальчика с развевающимся флагом в руке. Отец сказал, что этот мальчик очень похож на Бэнни, а Бэнни нашел, что он больше похож на Джека Лондона, портрет которого он видел в одном журнале. Другой фабрикант шин на каждом перекрестке дорог, ведущих в соседний город, водрузил по большой, тоже сделанной из дерева, раскрытой книге, на которой, кроме названия фабрики и магазина, давались вам еще поучительные сведения, касавшиеся данной местности и ее истории. Вы могли узнать из нее, что Цитрус был тем пунктом, где были выращены первые калифорнийские апельсины, что Санта-Розита обладала лучшими источниками радия во всей восточной части Скалистых гор, что на окраинах Крошент-Сити отец Юпитера Серра в 1769 году обратил в христианство две тысячи индейцев.

Вы узнали далее, что и теперь еще были люди, старавшиеся обращать своих ближних в свою веру; об этом гласили плакаты и надписи, украшавшие скалы и железнодорожные мосты: «Приготовься к встрече с твоим господом», — и тут же рядом объявление железнодорожной компании: «Здесь пересекаются железнодорожные пути. Остановись. Смотри. Слушай». Отец объяснил, что железнодорожная компания предпочитает, чтобы встреча с богом произошла в другом месте, так как чересчур серьезное отношение к религиозным вопросам в этом месте может повлечь за собой печальные последствия. На одном из придорожных плакатов стояло: «Иисус ждет», а дальше начинался ряд бесчисленных объявлений, касавшихся обедов, ресторанов, гостиниц, — забавные объявления вроде: ресторан «Собачья конура», «Горшок с омарами» и т. п., доказывавшие, что люди очень любили покушать и приходили в веселое, шутовское настроение при одной мысли о еде. И каких только не было гостиниц. «Капля росы», «Случайный приют», «Надо торопиться» и пр. и пр. И тут же дух беззаботного веселья и непритязательных шуток встречал вас, когда вы входили в эти гостиницы. Внутренние их стены тоже были испещрены разными надписями вроде: «Богу мы верим, всем другим за наличные», «Не браните наш кофе: настанет день, когда и вы тоже будете стары и слабы», «Мы заключили с

нашим банком условие: он не продает супов, а мы не учитываем чеков», и многое в этом роде.

VI

Теперь они ехали по широкой долине; на целые мили тянулись пшеничные поля, зеленевшие в лучах майского солнца. Вдали среди группы деревьев виднелись там и сям крыши домов. «Если вы ищете уютный дом, — гласил плакат, — то поспешите в Санта-Инес — хорошая вода, дешевая земля и семь церквей. За справками обращайтесь к „Спрукс и Никельсон“».

Скоро дорога сделалась значительно шире; посредине ее протянулся ряд деревьев, по обеим сторонам выстроились домишки. «Если будете ехать медленно, увидите наш город; если помчитесь быстро, увидите нашу тюрьму», — предупреждал один огромный плакат. Отец замедлил ход до двадцати пяти миль в час, так как он знал, что городские власти любили прибегать к такого рода приему: подстергали приезжавших в их город автомобилистов, и в тех случаях, когда они не были знакомы с правилами езды в городе и не изменяли сразу хода своих машин, с них взыскивали большой денежный штраф, и деньги шли на выпивку этих грабителей нового типа. И с ними отец собирался вести серьезную борьбу: он говорил, что все эти штрафы должны идти государству на исправление дорог.

«Деловой центр города. 15 миль в час». Главная улица Санта-Инес представляла двойную аллею с двумя рядами автомобилей, стоявших так плотно один к другому, что новоприбывшим приходилось ждать, пока какой-нибудь из стоявших автомобилей не даст заднего хода и не выедет из ряда, и тогда тотчас же торопливо занимать освободившееся место. Вдвинув, наконец, свой автомобиль, куда ему полагалось, Росс снял свое пальто, аккуратно сложил его, заправил рукава внутрь, — что он никогда не забывал делать после того, как сделался владельцем универсального магазина, который заключал в себе и отделение мужского верхнего платья. Он и Бэнни аккуратно уложили свои пальто в заднем отделении автомобиля и, заперев его на ключ, направились по пешеходной дорожке вниз по аллее мимо магазинов.

Санта-Инес был одним из городов Соединенных Штатов, и выставленные здесь на продажу вещи были точно такими же вещами, какие вы могли видеть в витринах других главных улиц, — «рекламированные» товары национального производства. Владелец ранчо приезжал в город в рекламированном, национального производства автомобиле, ускорял его ход, нажимая на педаль своим рекламированным, национального производства башмаком. В книжном киоске он находил выставку рекламированных журналов, содержащих все национально рекламированные объявления о национально рекламированных вещах, которые он повезет отсюда в свое ранчо.

Только очень немногие подробности придавали Санта-Инес характер западного города: ширина улиц, совершенно новые магазины, сверкающие белизной своих стекол усовершенствованные электрические фонари, висевшие посреди улиц; и тут же вы могли встретить человека в широкополой шляпе — низкорослого индейца,

шамкающего на ходу губами, и одинокую фигуру ковбоя. «Элит-кафе» — гласила белая вывеска над одной из дверей; а на окне, на самом стекле, было написано масляной краской: «Вафли», и у дверей висело «меню» с обозначением цен всех тех блюд, которые вы могли получить здесь. В самом кафе вдоль одной стены были расставлены столики, а у другой стены помещалась стойка, и перед ней ряд широких спин без пиджаков с перекрещенными на рубашках подтяжками, восседавших на высоких табуретах. Здесь, у стойки, можно было поесть, и Росс с мальчиком поспешили занять два свободных табурета.

В таком месте, как это, Росс чувствовал себя в своей сфере. Ему доставляло удовольствие пошутить со служанками — он всегда умел сказать что-нибудь забавное, придумывая смешные названия кушаньям: «Пожалуйста, чтобы яйца смотрели на меня во все глаза», — говорил он, заказывая яичницу-глазунью. «Заверните ребеночка в одеяльце», — внушал он и смеялся над усилиями служанки догадаться, что это означает сваренное вкрутую яйцо, положенное между двумя ломтиками хлеба. Он оживленно болтал со своим соседом-ранчером, спрашивая его о всходах пшеницы и о предлагавшихся ценах на апельсины и орехи; все эти вопросы его очень интересовали как торговца нефтью, которому важно знать, насколько будут обеспечены деньгами его покупатели. Росс был и землевладельцем и собирался еще «прикупить кусочек», так как он считал, что вся Южная Калифорния содержит в своих недрах нефть и что рано или поздно здесь будет нефтяное царство.

Но сейчас они опаздывали, у них не было времени шутить. Росс спросил себе жареного зайца, но Бэнни не захотел его есть — не из-за каких-нибудь предубеждений, а потому, что в это утро он видел на дороге раздавленного зайчонка. Бэнни выбрал жареную свинину, потому что он никогда не видел мертвой свиньи. Ему подали на блюде два ломтика мяса с картофельным пюре, положенным горкой — с ямкой наверху, в которую был налит сладкий, коричневого цвета, соус, и немного рубленой свеклы с листиком салата, политым яблочной подливкой. Служанка принесла ему добавочную порцию, так как ей понравился этот веселый загорелый мальчик с розовыми щеками, с растрепавшимися от ветра кудрями, с нежно очерченным, как у девочки, ртом, с живыми блестящими карими глазами, которые с интересом оглядывали все в комнате: и надписи на стенах, и бутылки с ягодным сиропом, и куски пирога, и толстую веселую служанку, и другую, худенькую, с усталым лицом, которая прислуживала ему. Он смешил ее, рассказывая о прятавшихся в кустах агентах, следящих за автомобилистами, и о той — погоне, свидетелями которой они с отцом были. В свою очередь, она рассказала ему о тех преследованиях, каким подвергаются автомобилисты при въезде в их город. Сосед Бэнни как раз попал в лапы властей и должен был заплатить штраф в десять долларов. Сосед тоже принял участие в разговоре, и, таким образом, им, было о чем поговорить, пока Бэнни кончал свой обед, запивая кусок торта с изюмом стаканом молока. Вставая из-за стойки, Росс дал служанке «на чай» полдоллара, что для этого кафе было совершенно неслыханной щедростью и казалось даже чуть ли не безнравственным. Тем не менее служанка деньги взяла.

Теперь они ехали очень осторожно, пока не миновали тех мест, где могли опасаться засады, а потом прибавили ходу и покатали по широкому бульвару, под названием «Миссионерская дорога», вдоль которой на высоких столбах висели

бронзовые колокольчики. Эта часть пути изобиловала живописными названиями вроде: «Дорога Чертова сада», «Граница Кругосветной поездки», «Вершина Весенней горы», «Дорога Снежной бухты», «Дорога Фигового дерева», «Заячьего следа» и пр. и пр. Была также и «Телеграфная дорога», — название, взволновавшее мальчика, так как он читал, как во время одной гражданской войны сражались за обладание «Телеграфной дорогой», и, когда они по ней ехали, он представлял себе отряды пехоты, прятавшиеся в кустах, и мчавшуюся по полям кавалерию; он не мог усидеть спокойно на месте и не замечал, что толкает отца. «В чем дело? Что с тобой?» — спрашивал тот. «Ничего, папочка, я просто так, думал о чем-то». — «Забавный ребенок. Не может не фантазировать».

Встречались также и испанские названия, ревностно охраняемые благочестивыми жителями. Бэнни понимал их, потому что учился по-испански, так как ему предстояло впоследствии иметь дело с рабочими-мексиканцами. «El Camino Real» — означало «Королевскую Большую дорогу». «Verdugo Canon» — означало «Палач».

— Что здесь произошло, папочка? — спрашивал Бэнни. Но папочка не знал истории. Он разделял в этом отношении мнение одного из фабрикантов рекламированных автомобилей национального производства, что история, в большинстве случаев, сущая ерунда.

VII

Дорога, залитая асфальтом, накалилась от зноя и сверкала пред вами, точно широкий водяной поток. По обеим ее сторонам тянулись апельсиновые рощи: в темно-зеленой гляцевитой листве горели золотом плоды последнего урожая и белели снежные хлопья нового цветения — нежные цветы новых завязей, и с каждым дуновением ветра до вас доносился их упоительный, сладкий аромат. Дальше шли ореховые рощи — ветвистые деревья с широкими листьями, бросавшие густую тень на тщательно разрыхленную под ними землю. За ними целые изгороди из роз в восемь и десять футов вышиною, сплошь покрытые цветами. Еще дальше — высокие тонкие эвкалипты с длинными узкими листьями, со странной чешуйчатой корой, которая отваливается большими кусками и оставляет стволы голыми.

Теперь вам надо было замедлить ход и быть начеку, так как здесь пересекались несколько дорог и вам все время приходилось лавировать и делать ряд тонких расчетов, чтобы не столкнуться с мчащимся на вас автомобилем, и при этом так, чтобы не быть в следующий затем момент перерезанным надвое тем автомобилем, который мчался на вас сбоку.

Было страшно интересно следить за тем, как папочка справлялся со всеми этими трудностями, и, догадываясь о его намерениях, смотреть, с каким искусством он приводит их в исполнение.

Города попадались через каждые пять-десять минут, и вам приходилось все время сообразоваться с той скоростью, которая допускалась при въезде и выезде из каждого города и которая могла бы привести в уныние самую неповоротливую черепаху. Автомобильная дорога шла по главной улице каждого города, — отец

полагал, что на этом настояли хозяева магазинов, рассчитывая, что вы выйдете из экипажа и что-нибудь купите. Если бы ваша дорога проходила по окраинам города, чтобы избежать большого скопления экипажей на главной улице, то все эти торговцы перекочевали бы туда. Порой они делали надписи, указывавшие, что ваша дорога поворачивает в ту или другую сторону, — чтобы привлечь автомобилиста в другую торговую улицу, — а когда вы доезжали до ее конца, то видели другую надпись, заставлявшую вас возвращаться назад на вашу прежнюю дорогу. Отец относился к таким уловкам с благодушной снисходительностью человека, который готов посмотреть, как попадутся в ловушку другие, но который не попадет в нее сам.

Обычно каждый город состоял из нескольких десятков, сотен или тысяч безукоризненно правильных прямоугольных кварталов, разделенных на безукоризненно правильные прямоугольные участки, и в каждом из них находился домик новейшей конструкции с зеленой лужайкой перед окнами и хозяйкой дома, поливающей эту лужайку.

На городских окраинах находились еще свободные площади, подразделенные на участки и украшенные красными и желтыми флагами, весело развевающимися по ветру, а затем красные и желтые плакаты с целым рядом вопросов и ответов. Все они отличались крайней категоричностью и краткостью. Так, например: «Газ? — Есть». «Вода? — Самая лучшая». «Освещение? — Прекрасное». «Школы? — Строятся». «Виды? — Заткнут за пояс альпийские» и т. д. Тут же, у дороги, маленькое бюро, или попросту палатка, и перед ней подвижной молодой человек с блокнотом и универсальным пером, готовый после минутного разговора написать вам контракт на продажу участка. Хозяева этих дополнительных участков приобрели их по тысяче долларов за акр, но стоило им развесить свои флаги и устроить палатку, как каждый акр возрос до 1675 долларов. Это объяснил мальчику отец с обычной своей снисходительностью. Да, это была замечательная страна.

Теперь они находились на окраинах Энджел-Сити. Здесь тоже продавались участки, и уже без «всяких ограничений», т. е., другими словами, вы могли построить здесь любой дом и отдать его внаймы людям любой национальности и окраски. В результате получилось скопище жалких лачужек, похожих на какой-то безобразный нарост.

Здесь кишело огромное количество детей: по какой-то странной причине детей всегда бывает особенно много там, где им наиболее трудно вырасти.

Мистер Росс так энергично гнал вперед машину, обгоняя всех, что они теперь снова выполняли свое расписание. Они объехали центральную торговую часть города, чтобы избежать скопления экипажей, и покатили по бульвару Бич-Сити. Так гласила надпись у начала бульвара. Это была широкая асфальтовая дорога, по которой мчались тысячи автомобилей, а по сторонам красовались плакаты с надписями, придуманными для того, чтобы пленить воображение автомобилистов, заставить их затормозить свои машины и купить что-нибудь в этих на скорую руку построенных домиках и палатках, раскрашенных в красные, синие и зеленые цвета и торгующих всевозможными напитками и яствами. Каждая из таких палаток могла привести в восхищение тринадцатилетнего мальчика. Как бесконечно разнообразен и как пленителен в своем разнообразии мир!

— Для чего вот это, папочка? А вот это?

Они мчались по широкой аллее вдоль берега океана. Половина седьмого: минута в минуту по расписанию. Автомобиль остановился у большого отеля. Бэнни открыл дверцу, и в ту же секунду со ступенек подъезда бегом спустился швейцар, который знал мистера Росса и помнил доллары, звеневшие в его карманах. Он схватил саквояжи, пальто и понес их наверх в сопровождении мальчика, который был преисполнен чувства собственного достоинства и сознания своей ответственности, так как шел один, без отца (мистер Росс остался внизу, чтобы отвести автомобиль в гараж). Бэн Скот, «нефтяной комиссионер» сидел в низком кожаном кресле с сигарой во рту и не спускал глаз с двери. Увидев входившего Бэнни, он поднялся ему навстречу, выпрямил свою длинную тощую фигуру и сморщил длинное безобразное лицо в приветливую гримасу. Мальчик, держась прямо, помня, что он Дж. Арнольд Росс-младший и что в данную минуту является представителем своего отца в крайне важном для него деле, пожал протянутую ему руку и сказал:

— Добрый вечер, мистер Скот. Бумаги готовы?

Глава вторая

ДОГОВОР

I

Номер дома, куда направился затем Росс, был 5746; он находился на бульваре Лос-Роблес, и если бы вам пришлось познакомиться с этой удивительной страной, которую ожидало великое будущее, то вы узнали бы, что дом этот стоял посреди капустного поля. «Лос-Роблес» означает «Дубы», и на расстоянии двух или трех миль от дома, в том месте, где начинался бульвар, в самом центре Бич-Сити росли, действительно, четыре дуба. Но здесь, где помещался дом, ничего не было, кроме голого склона холма, очень крутого и в то же время не настолько крутого, чтобы его нельзя было хорошо вскопать, провести борозды и засеять капустой и свекловицей. Те, кто умел проникать мыслью в будущее, решили, что настанет такой день, когда широкие аллеи протянутся по склонам холма, но пока тут тянулась только одна грязная дорога и на каждом ее повороте торчали белые столбы, указывавшие направление — на север и на восток.

Два года тому назад землемеры из Санта-Инес явились сюда со своими красными и желтыми флажками. В газетах был помещен целый ряд объявлений, устроен был даровой проезд из центра Бич-Сити и даровой завтрак, состоявший из сэндвичей, ломтика яблочного торта и чашки кофе. Капуста была собрана с полей, поля разделены на участки, и все они запестрели маленькими плакатами, на которых стояло: «Продан». Но вскоре все эти плакаты заменились другими, так как один из компании, скупивший землю и собравшийся устроить здесь ряд пешеходных тропинок, провести воду и газ, — удрал со всеми деньгами; все предприятие обанкротилось, и на месте прежних надписей запестрели другие: «Продается»,

«Обращаться к владельцу», «Выгодная сделка. Обратиться к Смит и Хедмуттону!». Когда же на все эти новые объявления не последовало никакого ответа, то собственники участков погрузились, потом утешились мыслью, что когда их Вилли и Джимми станут взрослыми, они сумеют извлечь выгоду из всех этих владений, а пока они решили сдать эту площадь японским садоводам, которые брались развести здесь доходные сады и огороды за одну только треть урожая.

Но вот три или четыре месяца назад случилось нечто совершенно неожиданное: один из собственников, которому принадлежало два или три акра земли на самой вершине холма, прислал два грузовых автомобиля, нагруженных громадными бревнами; явились плотники и немедленно принялись за работу, удивляя всех соседних владельцев, недоумевавших, что за странный дом собирались здесь строить. И вдруг разнеслась весть, страшно всех взволновавшая: строится нефтяная вышка.

К владельцу участка явилась депутация, желавшая выяснить, что все это означало. Он ответил им, что у него оказалась свободной сотня тысяч долларов и он решил произвести ряд изысканий. Но, несмотря на такое заверение, надписи на плакатах подверглись переделке, и вместо прежних теперь красовалось: «Продаются нефтяные участки». Появились на сцене спекулянты, справлявшиеся об именах и адресах владельцев, и к ним начали поступать различные предложения. Ходили слухи, что кому-то было предложено за участок тысяча долларов — цена почти вдвое выше первоначальной; по буграм грязных дорог замелькали автомобили, и по субботним и по воскресным дням целые толпы любопытных собирались глазеть на строящуюся вышку.

Начались буровые работы, однообразные и неинтересные. Местные газеты сообщали об их результатах. Буровая скважина Д. Г. Колвера, Проспект-Хилл, № 1, дошла до 1478 футов глубины, все время один песок и камень и ни признака нефти. То же самое было и на глубине 2000 и 3000 футов; а потом в течение нескольких недель занимались только тем, что извлекали части сломавшегося бурава, и среди публики интерес к работам совершенно остыл. Было ясно, что бурили «впустую», и те из владельцев участков, которые отказались их продать за двойную цену, проклинали себя за такую глупость.

Все эти изыскания представляли собой, очевидно, только глупую забаву, ничего не имевшую общего с верным помещением денег в те или другие городские участки. Затем газеты сообщили, что Д. Г. Колвер, Проспект-Хилл, № 1, возобновил буровые работы; теперь дошли уже до глубины 3059 футов — и все так же безрезультатно, но владельцы все еще не теряли надежды докопаться до чего-нибудь интересного.

И вот внезапно случилась странная вещь. Появились грузовики, нагруженные чем-то тяжелым, плотно закрытым брезентом. Все те, кто имел какое-нибудь отношение к этому предприятию, хранили глубокое молчание, добровольное или вынужденное, но детвора умудрилась заглянуть под брезент в то время, когда грузовики с трудом взбирались по склону холма под шум своих моторов, и эта детвора потом объявила, что под брезентом лежали большие металлические трубы с отверстиями по краям для болтов, и все поняли, что дело шло об обсадных трубах — ни о чем другом.

Одновременно разнеслись слухи о том что Д. Г. Колвер купил другой участок на том же холме. Смысл этого был теперь ясен: буровая № 1 дошла до нефтяных песков.

Весь холм запестрел рекламами, и агенты всех окружающих богатых землевладельцев устремились сюда, на «участок» — магическое слово, которое не означало уже больше участка, засеянного капустой или свеклой; нет, это был нефтяной участок.

Спекулянты устраивались в походных палатках или в стоявших у края дороги автомобилях и обдумывали свои дела. С утра до вечера сновали любопытные, целые толпы окружали вышку, и люди непрерывно приходили и уходили; толпа стояла и глазела на вышку, прислушиваясь к монотонному жужжанию тяжелого бурава — ж-ж-ж-ж-ж... прерываемому глухим пыхтением паровой машины — пуф-пуф-пуф-пуф... «Осторожнее, держитесь дальше», — гласила угрожающая надпись, предупреждавшая зевак. И куда девалась благовоспитанность мистера Колвера и его служащих!

Но вдруг всякая возможность держать что-либо в секрете исчезла; буквально весь мир был оповещен; телеграфные провода и кабели разнесли весть в самые далекие уголки земного шара: величайшее событие в истории нефтяной промышленности в Южной Калифорнии, на участке Проспект-Хилл забил фонтан! Грохот, гул, шум, как у Ниагарского водопада! Черный столб устремился вверх на высоту 200 или 250 футов — никто не мог сказать с точностью — и с громом обрушился на землю в виде черной густой, липкой, тягучей массы, разбрасывающей все, что встречалось ей на пути, — инструменты, доски, бревна, — и угрожающей жизни людей. Эта масса наполнила все резервуары, переливалась через их края, подобно тому как переливается через край кастрюли какой-нибудь кипящий на огне соус, и устремилась вниз по склону холма. Гонимая ветром, масса эта покрывала сплошной черной завесой, точно черным густым туманом, все, что было на ее пути. Вот она набросилась на дом Колвера, обмазала его черной сажой и заставила все его женское население со всех ног улепетывать в соседнее капустное поле. Впоследствии все с гомерическим хохотом рассказывали друг другу о том, как эти женщины сокрушались и охали о порче своих платьев и оконных занавесок, вымазанных этим потоком «черного золота» стоимостью в несколько миллионов долларов.

Телефон передал новость в Бич-Сити, газеты выпускали специальные телеграммы, уличная толпа на всех перекрестках громогласно обсуждала событие, все дороги, ведущие к владениям Колвера, покрылись сплошной черной лентой автомобилей, и ночь еще не наступила, когда бульвар в Бич-Сити был запружен двумя рядами экипажей, двигавшихся в одном и том же направлении. Пятидесятитысячная толпа плотным кольцом окружала фонтан, стоя от него на почтительном расстоянии. Появившиеся среди толпы полицейские энергичными окриками заставляли любопытных отступать дальше от интересовавшего их зрелища, и громко звучали их возгласы: «Тушите огни. Тушите огни». Опасность была серьезная: достаточно было, чтобы кто-нибудь, по рассеянности, зажег папиросу — и весь холм был бы охвачен пламенем. Для этого довольно было малейшей искры от резкого удара сапожного гвоздя о камень или от слишком энергичного трения о землю стальных обручей на шинах грузовиков. Нередко

нефтяные фонтаны воспламеняются именно в тот момент, когда вырываются из скважины.

Но толпа продолжала стоять и смотреть. Мужчины становились на сиденья своих экипажей и при свете звезд устраивали аукционы. Участки предлагались по сказочным ценам, и некоторые из них тут же покупались. Составлялись договоры, образовывались компании, продавались паи; дельцы выходили из рядов толпы, удалялись на значительное от вышки расстояние и, встав с подветренной стороны, зажигали спичку, чтобы посмотреть друг на друга и нацарапать несколько слов на клочке бумаги. Такие сделки продолжались далеко за полночь, и когда наступило утро — вдоль дороги было уже разбито несколько больших палаток для дальнейших деловых переговоров и сделок, и все капустное поле пестрело красными и черными плакатами: «Кооператив Бич-Сити № 1», «Синдикат № 1. Десять тысяч акций по десять долларов».

Тем временем рабочие выбивались из сил, стараясь остановить поток бушевавшей нефти. Многие из них дошли уже до полного изнеможения; они металась из стороны в сторону, полуослепленный черной жидкостью, не в состоянии найти себе опоры. К чему бы они ни прикасались, все было покрыто маслянистой черной жидкостью. Работали в темноте, ощупью, и только рев черного чудовища, его удары и брызги говорили о том, где оно находится. Работали лихорадочно, со всем напряжением, на какое только способны, так как рабочим было обещано по пятидесяти долларов на человека, если они остановят нефть до двенадцати часов ночи, и по сто долларов, если им удастся это сделать до десяти часов. Невозможно было с точностью учесть, какие громадные богатства выбрасывались чудовищем, но во всяком случае каждую минуту уплывали тысячи долларов. Мистер Колвер работал наравне с другими; от страшного напряжения у него лопнули барабанные перепонки в обоих ушах. «Попробовал бы он остановить фонтан своей собственной башкой», — заметил недружелюбно один из рабочих... А затем м-р Колвер узнал через несколько дней, что к нему предъявлено сорок два иска об убытках за повреждение дома, одежды, за погибших цыплят, коз, коров, капусту, свекловицу и автомобили, оказавшиеся в придорожных канавах, куда они скатывались со скользкой, покрытой маслянистой нефтью дороги.

II

Дом под № 5746, находившийся на бульваре Лос-Ройлес, принадлежал Джо Гроарти, ночному сторожу «Ольтман Ломбер и К^о» в Бич-Сити. Миссис Гроарти в прежние времена ходила стирать поденно белье, чтобы помочь мужу вырастить семерых детей, а теперь, когда они все уже выросли и разбрелись в разные стороны, занималась разведением цыплят и кроликов. Обычно Джо уходил на свою работу в шесть часов вечера, но спустя три дня после того, как забил нефтяной фонтан на участке Колвера, — событие, взволновавшее весь город, — он решил отказаться от своей должности и, оставшись вечером дома, стоял на крыльце в ожидании посетителей. Это был благодушного вида старик в черном пиджаке с целлулоидным воротником и с черным галстуком, — костюм, который он надевал по воскресным и

праздничным дням, на свадьбы и похороны. У миссис Гроарти не было подходящего для данного случая туалета, и потому она съездила в город и истратила некоторую часть своих будущих нефтяных богатств на покупку вечернего платья из желтого атласа. Она чувствовала себя немного сконфуженной от сознания, что это платье было для нее как будто маловато, чего-то не хватало и наверху — в том месте, где выступали ее плечи и грудь, и внизу — где виднелись ее жирные икры, затянутые в тонкие ажурные чулки, такие тонкие, что казалось, их совсем не было. Но платье, по уверению продавщицы, было «самое модное» — такие платья носили «настоящие леди», а мечтой миссис Гроарти было одеваться как «они».

Дом был в обычном стиле бунгало. Он был построен обеспеченными людьми, которым пришлось потом с ним расстаться, и миссис Гроарти особенно настаивала на покупке его, потому что пленилась удивительной приемной комнатой, смежной с кухней. Все свои сбережения они употребили на единовременный взнос по купчей и оставшуюся сумму выплачивали по тридцать долларов в месяц. Владение было переведено на их имя, и скоро они надеялись покрыть всю сумму долга.

Когда вы переступали порог этого дома, первое, что вам бросалось в глаза, — это необыкновенный блеск стен, обшитых полированными фанерами под дуб, необыкновенно глянцевитыми. Чтобы усилить эффект, маляр покрыл их сетью волнообразных линий, в подражание жилкам древесины дуба. Таких линий было несколько десятков тысяч. Камин был сложен из разноцветных, безукоризненно гладких, сверкающих, как драгоценные камни, изразцов, а в задней части комнаты помещалась самая удивительная вещь во всем доме — необыкновенно затейливая, украшенная резьбой лестница, образовавшая на своем повороте площадку, на которой красовалась большая пальма. Взглянув на эту лестницу, вы, разумеется, ни минуты не сомневались в том, что она, как и все лестницы, вела в следующий этаж. И, сколько бы раз вы ни посещали этот дом, как бы часто вы ни бывали у Гроарти, вам никогда и в голову бы не пришло, что тут что-то неладно. Но в один прекрасный день, когда вы были свободны и стояли без всякого дела перед домом Гроарти, вы неожиданно замечали, что крыша дома была совершенно плоской на всем своем протяжении и о втором этаже нигде не было и помину. Конечно, вы не могли отказать себе в злорадном любопытстве, спешили к Гроарти, чтобы внимательнее обыкновенного осмотреть удивительную лестницу, и в результате этого осмотра убеждались, что она никуда не вела и что ее красота была единственным оправданием ее существования.

Миссис Гроарти стояла у круглого стола в своей приемной комнате и ждала гостей. На столе красовался букет роз, а рядом — изящная книжка в шелковом голубом переплете с золотыми буквами: «Руководство хорошего тона — настольная книга для дам». Это «Руководство» было единственной книгой во всем доме и попало сюда только два дня тому назад; сообразительный приказчик, получив деньги за желтое атласное платье, предложил будущей «нефтяной королеве» приобрести последнюю «замечательную новинку», продававшуюся в книжном отделении их магазина. В свободные от хозяйства минуты миссис Гроарти изучала это назидательное произведение, а теперь положила его на самое видное место в комнате, как яркое доказательство культуры ее обитателей.

Первой пришла вдова Мерчей, соседка, жившая на самой границе участка Гроарти в маленьком домишке, с двумя детьми. Это была худенькая, застенчивая, скромно одетая женщина. Она пришла в восторг от туалета миссис Гроарти и поздравляла ее с тем, что она живет на южном склоне холма, где можно носить такие очаровательные вещи, тогда как на северном его склоне, куда ветром относилось всю нефть, нельзя было сделать шагу, не испортив обуви. Многие хозяева все еще не решались топить своих печей, боясь взрыва.

После нее пришли супруги Вальтер-Блэк со своим взрослым сыном, — владельцы юго-западного углового участка. На мистере Блэке был дорогой клетчатый пиджак; на его брюшке болтался на короткой часовой цепочке золотой брелок-талисман в виде какого-то зверька. Миссис Блэк, полненькая, как и муж, дама; у нее были такие же красивые платья, как у миссис Гроарти, но весь ее вид ясно говорил, что она «нарочно» не надела ни одного из них, собираясь сюда, в эту «капустную яму». За ними следовал мистер Демпри — плотник, владец домика, находившегося позади дома Гроарти, но обращенного в другую сторону. Мистер Демпри был очень маленького роста человек, сутулый, с узловатыми, закрученными от тяжелой работы руками. Он был неважным грамотеем, и его страшно волновали все эти неожиданные события, нарушившие мирный уклад его жизни.

Затем пришли Рейтельны — владельцы небольшой кондитерской, очень милая такая парочка, всегда старавшаяся всем угодить и страдавшая, когда ей это не удавалось. Они были собственниками одного из маленьких соседних участков. За ними мистер Гэнк — худощавый человек с резкими, точно топором вырубленными чертами и с пронзительным, действовавшим на нервы голосом. Это был владец следующего, совсем крохотного участка. Но так как в свое время Гэнк работал в качестве рудокопа на золотоносных рудниках, то считал себя большим авторитетом в вопросе об арендных договорах на нефтяные участки. Вслед за ним пришел его враг, мистер Диббл, адвокат, представитель отсутствующего собственника одного из северо-западных участков. Он очень взволновал собрание, настаивая на выполнении многих формальностей, непонятных людям без юридической подготовки. Он собирался доказать необходимость отделить северные участки от южных, и владельцы этих последних смотрели на него как на изменника. После него пришел мистер Голяйти — владец одного из средних участков. Никто не знал, чем он, собственно, занимается, но он всем импонировал своими костюмами и благовоспитанностью: это был общий примиритель. Голос его звучал нежно, говорил он много, но странно: когда он кончал, вы не могли отдать себе отчета, что, собственно, он хотел сказать.

Потом приехали в большом автомобиле супруги Бромлей — пожилые, очень состоятельные люди. Они привезли с собой Лолкеров, двух маленьких евреев-портных, с которыми в нормальное время они никогда не стали бы разговаривать иначе, как в их мастерской. Но сейчас дело обстояло иначе: с этими двумя союзниками в их владении было четыре «средних участка», что составляло достаточную площадь для изыскания, и они могли грозить всем остальным заключением отдельного договора. Непосредственно за ними явились супруги Сивоны — люди с большими претензиями, смотревшие на остальных сверху вниз,

что, по мнению этих остальных, было вполне «необоснованно», так как «их автомобиль был второго сорта, такой, какие были в моде года три тому назад».

Вместе с ними в комнату вошел мистер Саам, штукатур, который жил во временном гараже на крошечном участке, соседнем с участком Сивонов. Его жилище ровно ничего ему не стоило; между тем он громче всех заявлял, что все дома должны быть перенесены за счет будущего арендатора этих земель. И мистер Саам намеревался взыскать еще с арендатора убытки за бобы и томаты, которые он развел на своем участке. Присутствовавшие подняли было его на смех, но, ко всеобщему удивлению, его поддержал всегда молчавший Демпри, плотник, заявив, что он считает его претензию вполне законной, что у него у самого семь гряд бобов в полном цвету, и он полагает, что в договоре должен быть пункт, в силу которого первая буровая скважина должна быть пробуравлена на незасаженных и невозделанных заселенных участках, чтобы дать возможность хозяевам собрать без помехи плоды своих трудов.

III

Пробило половину восьмого — час назначенного собрания, и все смотрели выжидательно друг на друга, спрашивая себя, кто же произнесет первое слово. Наконец, встал незнакомый субъект высокого роста, назвавший себя Мэрриуэзером; это был доверенный мистера и миссис Блэк. Медленно, растягивая слова, он заявил, что советовал бы сделать некоторые изменения в тексте договора.

— Сделать изменения в договоре! — воскликнул мистер Гэнк, вскакивая, в свою очередь, с места. — Но я полагал, что мы уже все согласились не делать в нем никаких изменений.

— Дело идет о сущем пустяке, сэр...

— Но ведь через пятнадцать минут приедет мистер Росс, чтобы подписать договор!

— Но это только подробность, и на изменение ее достаточно будет пяти минут. Наступило зловещее молчание.

— Хорошо, но что же вы хотите изменить?

— Только одно. Нужно, чтобы при вычислении площади участков и части доходов, пропорциональной этой площади, принимали во внимание постановление закона, по которому участкам, находящимся ближе к центрам улиц, предоставлялись большие преимущества, чем другим, лежащим вдали от центра.

— Это еще что? — со всех сторон раздались негодующие возгласы.

Широко раскрытыми от изумления глазами все смотрели на мистера Мэрриуэзера.

— Что это? Откуда вы все это взяли? — воскликнул мистер Гэнк.

— Я взял его из калифорнийского Уложения о законах.

— Во всяком случае, ни я, ни кто другой об этом никогда не слыхали, — сказал мистер Гэнк.

Его слова поддержал хор сочувствующих возгласов: «Безусловно, никто не слыхал. Это нелепо».

— Мне кажется, что я выражу мнение большинства, если скажу, что у нас не было такого соглашения. Мы предполагали, что вся площадь участков, входящих в договор, и есть та площадь, которая указана на общем плане компании, — сказал старый мистер Бромлей.

— Именно, именно! — закричала миссис Гроарти.

— Я думаю, сударыня, — возразил адвокат, — что все это недоразумение произошло от вашего недостаточного знакомства с законами страны о разработке нефти. Постановления статута совершенно ясны.

— О разумеется, никто в этом не сомневается, — огрызнулась на него миссис Гроарти. — Нам совершенно не нужны ваши объяснения: мы знаем, что вы представитель владельца углового участка, а угловые участки получают двойную сумму.

— Не совсем так, миссис Гроарти; вы не должны забывать, что ваш собственный участок идет к центру бульвара Лос-Роблес, а ширина этого бульвара восемьдесят футов.

— Да, но ваш участок тоже идет к центру одной из боковых улиц...

— Совершенно верно, миссис Гроарти, но Эль-Чентро-авеню имеет в ширину всего шестьдесят футов.

— Все это сводится только к тому, что вы свои участки считаете теперь в девяносто пять футов, вместо шестидесяти пяти, как мы все их считали, когда согласились предоставить большим участкам большие доли участия в прибыли.

— И вы хотели заставить нас все это подписать? — закричал мистер Гэнк. — Вы сидели втихомолку и придумывали, как бы лучше нас обобрать!

— Господа, господа! — зажужжал примиряющий голос Голяйти.

— Дайте мне сказать, — вмешался, в свою очередь, Абэ Лолкер, портной. — Эльдорадская дорога не так широка, как бульвар Лос-Роблес, — так неужели же из-за этого мы все, хозяева участков восточной половины, получим меньше денег, чем другие?

— Фактически не будет почти никакой разницы, — сказал мистер Мэрриуэзер. — Вы сами можете вычислить.

— Разумеется, я могу вычислить, но если фактически это не будет представлять, как вы говорите, почти никакой разницы, то для чего, спрашивается, вы сюда явились и подняли всю эту шумиху?

— Я только одно могу вам теперь заявить, — закричал мистер Гэнк, — что вы никогда не заставите меня подписать такой договор!

— И меня также, — сказала мисс Снипп, молоденькая сиделка, решительного вида особа в очках. — Я думаю, что наши маленькие участки должны теперь подняться в цене.

— Я предлагаю, — прибавил мистер Гэнк, — вернуться к нашему первоначальному соглашению, единственно, в сущности, разумному. Доходы должны делиться поровну между всеми участниками.

— Позвольте мне обратить ваше внимание на одно обстоятельство, мистер Гэнк, — сказал с достоинством мистер Диббл, — только прежде всего скажите мне — правильно ли я считаю вас собственником одного из мелких участков, прилегающих к аллее?

— Совершенно правильно.

— В таком случае, уяснили ли вы себе, что закон дает вам право на добавочные пятнадцать футов вдоль всей аллеи? Это выдвигает вас из ряда средних участков.

На тощем длинном лице мистера Гэнка выразилось величайшее изумление.

— О-о-о, — произнес он.

Миссис Гроарти громко расхохоталась:

— О-о! Это, безусловно, меняет все дело, не правда ли?

— А при чем же останемся мы, собственники маленьких участков, не прилегающих ни к центру улицы, ни к аллее? — воскликнула миссис Кейт, жена молоденького игрока в бейсбол. — В каком же мы очутимся положении, мой муж и я?..

— Мне кажется, что мы здорово во всем запутались, — сказал мистер Саам, штукатур. — Никто не знает, к какой категории он, собственно, принадлежит.

Сказав это, он взял карандаш и листок бумаги и, как и большинство сидящих в комнате, принялся делать различные вычисления и уяснять себе новый план. Но чем больше он вычислял, тем сложнее, казалось, становилась задача.

IV

Первоначальная мысль об одном общем соглашении, касающемся всей площади участков, была подана Вальтером Броуном. Для начала буровых работ достаточно было двух или трех участков, но на такой договор пошла бы только небольшая компания; вы могли бы попасться в лапы всяких спекулянтов, и вам пришлось бы сидеть и ждать у моря погоды, в то время как другие будут высасывать нефть из ваших владений. Необходимо было действовать одним общим блоком; в этом случае у вас всегда хватит нефти на целую дюжину нефтяных скважин, и вы сможете иметь дело с одной из крупных компаний, добиться быстрого бурения и — что еще важней — быть уверенным, что получите свою долю доходов.

После долгих усилий, уговоров, угроз, умасливания, споров, ссор и интриг собственники всех двадцати четырех участков собрались в доме Гроарти и решили подписать одно общее соглашение с тем условием, чтобы никто не заключал отдельного договора. Этот документ был внесен в городской архив, и после этого они с каждым днем все яснее понимали, что они сами приготовили себе. Они согласились прийти к соглашению и с этого момента ни в чем не могли согласиться. Каждый вечер они собирались к семи с половиной часам, спорили и ссорились далеко за полночь. Домой возвращались в полном изнеможении, усталые, измученные и до рассвета не могли заснуть. Они забросили свои дела, свое домашнее хозяйство и не поливали больше своих цветников — к чему работать, как какие-нибудь каторжники, когда вы скоро разбогатеете? Они образовывали новые совещания, делились на менее многочисленные группы и снова толковали и спорили, не приходя ни к какому результату. Головы их непосильно работали. Искра алчности зажглась в их сердцах и скоро разгорелась в такое страшное пламя, в котором расплавлялись все принципы и все законы.

А нефтяные комиссионеры, все эти «ищейки», уже бегали по их следам, осаждали их квартиры, звонили в телефоны, гнались за ними в автомобилях. И каждое новое предложение вносило вместо успокоения новые раздоры, подозрения и ненависть. На всякого, кто являлся с таким предложением, смотрели, как на желающего надуть остальных, а на того, кто это предложение защищал, как на вошедшего с ним в стачку. Никто из них не представлял себе, какую форму могут принять все эти хитрости и предательства. Даже самый добродушный из них, безобидный мистер Демпри, плотник, возвращаясь однажды домой после целого дня утомительной работы, был остановлен каким-то незнакомым господином, ехавшим в великолепном лимузине.

— Подождите, мистер Демпри, — сказал он, — мне хотелось бы знать, как вы находите мой автомобиль. Не правда ли, он великолепен?.. А что вы скажете, если я сейчас выйду из него и предоставлю его вам? И я сделаю это с удовольствием, если только вы уговорите свою группу войти в «Грунтовой синдикат».

— О нет, — ответил мистер Демпри, — я не могу этого сделать: я обещал мисс Снипп поддерживать ее план.

— Ну, об этом вы можете забыть, — сказал собеседник. — Я только что говорил с мисс Снипп, она берет автомобиль...

Все они впали буквально в истерическое состояние, когда внезапно перед ними блеснула надежда — точно солнечный луч прорвался сквозь черные тучи; мистер и миссис Сивон передали предложение некоего Скута, явившегося представителем Арнольда Росса и дававшего им больше, чем кто-либо до сих пор: единовременную сумму в тысячу долларов наличными деньгами за каждый участок, четвертую часть получаемой с каждого участка прибыли и обязательство пробурить скважину в течение тридцати дней под угрозой уплаты другой тысячи долларов каждому владельцу участка.

Все они знали мистера Арнольда Росса. В местных газетах печатались статьи о том, что «крупный предприниматель» Росс выступает теперь на новом поприще; был помещен его портрет и дан краткий очерк его жизни — жизни типичного американца, вышедшего из народа и еще раз прославившего эту страну великих возможностей.

И сердца Саама, штукатура, и мистера Демпри, плотника, мистера Гэнка, рудокопа, и мистера Гроарти, ночного сторожа, и мистера Рейтеля, кондитера, и супругов Лолкеров, дамского и мужского портных, — преисполнились радостным трепетом при чтении этой истории; наступала их очередь попытать счастья: это была страна великих возможностей для них. Но на предложение мистера Скута согласились далеко не сразу. Разгорелась новая ссора, в результате которой «большие» и «средние» участки решили прийти к соглашению действовать сообща, сравнять свои права и голосовать против «маленьких» участков. В конце концов был составлен договор, в основе которого стояло требование, чтобы каждый владелец участка получал свою долю прибыли пропорционально площади данного участка. Они уведомили мистера Скута, что у них все готово, и он устроил свидание их с мистером Россом, который должен был встретиться с ними на следующий день; в самый момент, назначенный для подписания этого договора, у них снова поднялась суматоха, они опять все перессорились. Неожиданно четыре «маленьких» участка

оказались «впереди» «средних» участков, — и в результате такого нового положения вещей четыре «больших» участка и четыре «маленьких», сделавшихся вдруг «большими» участками, стояли за договор, а четыре самых «маленьких» и двенадцать «средних» участков — против него.

Мисс Снипп, с кирпично-красным от бешенства лицом, тыкала пальцем в Гэнка и кричала: «Никогда, слышите ли, никогда вы не заставите меня подписать эту бумагу! Никогда, ни за что на свете!» На что мистер Гэнк кричал ей так же неистово: «А я вам говорю, что закон заставит вас подписать, если большинство будет голосовать за подпись». Миссис Гроарти, позабыв о существовании «Руководства хорошего тона», злобно тарашила глаза на мистера Гэнка, судорожно сжимала руки с таким видом, точно уже душила его за горло, и вопила: «А кто, как не вы, ратовал за права маленьких участков? Кричали: поровну, поровну... А теперь... Ах вы змея! Подколотная змея!..» Так неистовствовала публика, когда внезапно гневные голоса затихли, судорожно сжимавшиеся кулаки разжались и негодующие взгляды погасли. Раздался стук в дверь, короткий властный стук, и всем присутствующим пришла в голову одна и та же мысль: «Дж. Арнольд Росс».

V

Большинство из присутствовавших здесь людей не прочли за всю свою жизнь ни одной книжки об этикете. Житейским правилам учил их жизненный опыт, и теперь им представлялся очень ценный для этого случай. Так, они узнали, что когда какой-нибудь «великий» человек входит в комнату, он входит первым, а за ним следуют его спутники; они также узнали, что надетое на нем пальто — очень свободного покроя; что вид у него величественный и что он стоит молча, пока один из его спутников не представит его собравшемуся обществу.

— Леди и джентльмены, — сказал его агент, мистер Скут, — это мистер Арнольд Росс.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — проговорил мистер Росс, приятно улыбаясь.

Несколько мужчин встали и предложили ему стул. Он придвинул к себе первый попавшийся, сделав это совершенно просто и не дав заметить хозяйке, что он видит, что стульев на всех не хватает.

За мистером Россом стоял другой человек, такой же высокий.

— Мистер Альстон Прентис, — представил его Скут, и все были вдвойне заинтересованы: это был известный адвокат из Энджел-Сити. Вместе с ним вошел мальчик, по-видимому, сын мистера Росса. У многих женщин, находившихся в комнате, были свои мальчики, и каждому из них предназначалось вырасти в большого нефтяника, поэтому они внимательно рассматривали мальчика Росса и узнали, что такой мальчик стоит рядом со своим отцом и ничего не говорит, но все осматривает живыми глазами. Затем он садится на подоконник и внимательно слушает всех, точно взрослый. Миссис Гроарти собрала у своих соседей все стулья, без которых они могли обойтись, и взяла напрокат дюжину стульев, но и этого оказалось мало, а в «Руководстве хорошего тона» ничего не говорилось о том, как

поступать в подобном случае. Наиболее энергичные из присутствующих спасли положение, разыскав в сарае, за гаражом, несколько пустых деревянных ящиков, в которых были когда-то персики, абрикосы и сливы. С их помощью все благополучно разместились. — Итак, — проговорил весело мистер Скут, — все готово?

— Нет, — прозвучал в ответ резкий голос мистера Гэнка, — мы не готовы. Мы не можем прийти к соглашению.

— Что? — воскликнул агент. — Почему же вы мне сказали, что у вас уже все решено?

— Так и было сначала, но затем мы опять разошлись во мнениях.

— Но в чем же дело?

Несколько человек принялись в один голос объяснять, в чем дело. Громче всех кричал мистер Саам:

— Сюда явилось несколько человек с чересчур хорошими адвокатами, которые так объяснили нефтяные законы, что никто из остальных владельцев не желает теперь подписывать договор.

— Но в таком случае позвольте сказать вам, — произнес мистер Скут вкрадчивым голосом, — что здесь присутствует мистер Прентис, известный юрист. Может быть, он разъяснит нам этот вопрос.

Все хором объяснили кое-как причину своих несогласий. Тогда авторитетно заговорил мистер Прентис. Он сказал, что законы объяснены совершенно правильно, что договор касается именно центральной части улиц и аллей, но что они могут внести в составленный договор соответствующие добавления, не нарушая его целиком. Эти слова подбавили масла в огонь. Каждый начал доказывать свои права, упрекать других, указывать на совершающиеся несправедливости, и пламя взаимной ненависти разгорелось так ярко, что они забыли даже присутствие Арнольда Росса и его знаменитого адвоката.

— Как я сказала, так и опять повторяю, — кричала мисс Снипп. — Никогда, никогда!

— Нет, вы подпишете, если все будут за то, чтобы подписать! — кричал так же громко мистер Гэнк.

— А вот попробуйте и увидите!

— Вы хотите сказать, что можете расторгнуть соглашение?

— Я хочу сказать, что у меня есть адвокат, и он расторгнет его в тот день, когда я скажу ему.

— Я должен заметить как юрист, — сказал мистер Диббль, — мои коллеги мистер Прентис и мистер Мэрриуэзер, вероятно, поддержат меня, что это соглашение «забронировано».

— В крайнем случае мы принуждены будем подать на вас в суд, и вы посидите годик-другой! — закричал мистер Саам.

— Это вам было бы очень полезно, — иронически сказал мистер Гэнк.

— Все равно придется быть обворованным, если не одной шайкой жуликов, так другой, — объявила мисс Снипп.

— Тише, тише, нельзя же так, — вмешался Бэн Скут. — Мы здесь собрались не для того, чтобы откусывать носы друг у друга. Не находите ли вы, что лучше всего предоставить теперь мистеру Россу рассказать вам о своих планах?

— Разумеется. Пусть говорит мистер Росс! — воскликнул мистер Голяйти, и все хором поддержали его: «Да, да. Надо выслушать, что скажет мистер Росс. Если кто-нибудь в состоянии нас выручить, то только он один».

VI

Спокойный и сосредоточенный поднялся со своего места мистер Росс. Он уже снял свое широкое пальто, аккуратно сложил его и положил на ковер, рядом со своим стулом, — подробность, которую отметили в своей памяти все присутствующие жены-хозяйки. Он стоял теперь перед собравшимися в своем удобном костюме из саржи — с серьезным, но в то же время добрым лицом — и заговорил с ними благожелательным, почти отеческим тоном. Произношение его немного разнилось от их произношения, но оно не было английским, а чисто юго-восточным американским говором. Вот что сказал мистер Арнольд Росс:

— Леди и джентльмены, чтобы попасть сюда сегодня, я проехал почти через половину нашего штата. Я не мог приехать сюда раньше потому, что забил мой новый фонтан на Лобос-Ривере, и я должен был заехать туда, посмотреть его. Этот фонтан дает теперь четыре тысячи баррелей в сутки и приносит доход в пять тысяч долларов в день. Помимо этого, у меня на ходу еще две буровые скважины и шестнадцать неготовых нефтяных скважин в Антилопе. А потому, леди и джентльмены, если я скажу вам, что я опытный нефтяник, то вы с этим, конечно, согласитесь.

Вам представляется сейчас прекрасный случай, леди и джентльмены, которым вы должны воспользоваться, — но не забывайте, что если вы не будете достаточно осмотрительны, то вы можете все потерять. Из всех тех предпринимателей, которые будут предлагать вам начать бурение на вашей земле, может быть, только один из двадцати будет нефтепромышленником, остальные же окажутся спекулянтами. Они будут стараться стать между вами и нефтепромышленниками, чтобы ухватить часть тех денег, которые по праву принадлежат вам. Может случиться и так, что вы найдете человека с деньгами и желанием работать, но он окажется совершенно несведущим в нефтяном промысле и передаст все это дело в аренду другому лицу; и вы очутитесь в зависимости от этого арендатора, интерес которого будет заключаться в том, чтобы кое-как, наспех, выполнить контракт и схватиться за новый. Я же сам наблюдаю за работами и хорошо знаю тех, кто со мной работает. Я все время около них и слежу за тем, что они делают. Я не теряю инструментов в буровых скважинах и не трачу месяцев на их вылавливание. Я не произвожу таких безобразных цементных работ, которые позволяют воде проникать в скважину и портить все дело. К тому же я основался теперь в этой стране так прочно, как никакой другой предприниматель или компания. Так как на Лобос-Ривере мой фонтан только что забил, у меня все буровые машины освободились, все инструменты готовы. Я могу погрузить инструменты на моторы, и через неделю все это будет здесь. У меня большие деловые связи, благодаря которым я могу быстро получить строевой лес для вышек. Вот почему я гарантирую вам, что к буровым

работам мы приступим немедленно. Другие же будут только вам обещать, а когда настанет пора действовать — их здесь уже не будет.

Леди и джентльмены, не мне давать вам указания, как делить доходы, которые вам будет платить арендатор, но позвольте мне сказать вам, что то, что вы надеетесь выиграть в результате ваших совещаний и споров, будет ничто в сравнении с тем, что вы потеряете вашими отсрочками, так как вы неминуемо попадетесь в лапы спекулянтов. Леди и джентльмены, позвольте мне как опытному нефтянику сказать вам, что Проспект-Хилл даст сравнительно небольшое число нефтяных скважин. Давление под землей скоро ослабнет, и нефть получат только те, кто первыми будут ее разрабатывать. Нефтяные источники истощаются очень быстро; через какие-нибудь два-три года все скважины будут снабжены насосами, в том числе и тот недавно открытый фонтан, который вскружил вам головы. А потому послушайтесь моего совета: не изменяйте этого договора; согласитесь на ту небольшую долю из общей прибыли, какая каждому полагается по закону, а я буду стараться, чтобы ваши общие доходы оказались большими доходами, и вы фактически не потеряете ваших денег!

Вот все, что я хотел вам сказать, леди и джентльмены.

Знаменитый Росс, окончив свою речь, продолжал стоять, точно ожидая, не ответит ли ему кто-нибудь. Затем он сел при общем молчании. Слова его были очень значительны, и никто не решался нарушить очарование.

Наконец поднялся мистер Голяйти.

— Друзья, — сказал он, — мы только что слышали речь, полную здравого смысла, произнесенную человеком, который пользуется нашим общим доверием; его слова меня вполне убедили, и я надеюсь, что мы сможем выказать себя группой деловых людей, способных принять разумное решение в этом деле, которое значит так много для каждого из нас. — Этими словами мистер Голяйти начал одну из своих длинных речей, смысл которой сводился к тому, что решения большинства должны все подчиняться.

— В этом-то вся и штука, как определить это большинство, — сказал мистер Саам.

— Сейчас будем голосовать, — сказал Лолкер, — и тогда это выяснится.

Мистер Мэрриуэзер, адвокат, шепотом советовался со своими клиентами, потом громко заявил:

— Леди и джентльмены, мистер и миссис Блэк уполномачивают меня сказать, что речь мистера Росса произвела на них очень сильное впечатление и что они готовы пойти на все уступки, чтобы было достигнуто общее согласие. Они готовы пренебречь тем пунктом, на который я указывал в начале нашего совещания, и готовы подписать договор в его теперешней редакции.

— Что это, собственно, значит? — спросила миссис Гроарти. — Что их доля в доходах будет вычислена пропорционально участку площадью в 95 футов?

— Мы предлагаем подписать документ в том виде, в каком он сейчас; вопрос, как его истолковать, будет выяснен позже.

— Ого! — воскликнула миссис Гроарти. — Уступка с вашей стороны действительно значительна, нечего сказать! Особенно приняв во внимание то, что мы слышали от мистера Прентиса, то есть что закон на вашей стороне.

— Мы согласны подписать, — сказал мистер Гэнк, стараясь придать своему резкому голосу приятный тон.

— О, послушайте только, кто это говорит! — воскликнула мисс Снипп. — Тот самый, кто полчаса тому назад говорил, что мы должны вернуться к нашему первоначальному соглашению — «единственно разумному: одинаковые у всех участки, одинаковые доли участия в прибыли». Точно ли я передаю ваши слова, мистер Гэнк?

— Я согласен подписать договор, — упрямо повторил бывший рудокоп.

— Что же касается меня, — заявила энергичная сиделка, — то что я сказала, то и опять скажу: не подпишу. Никогда. Никогда!

VII

Старая миссис Росс, бабушка Бэнни, самым энергичным образом протестовала против участия мальчика в деловых поездках его отца. «Этим можно уничтожить всю мягкость его натуры», — говорила она. Вся та грязь и человеконенавистничество, с которыми связано добывание денег, могут превратить мальчика с детских лет в грубого циника. Но отец Бэнни отвечал, что такова жизнь и нечего обманывать себя. Мальчику придется рано или поздно жить среди этого мира, и чем раньше он узнает его, тем будет лучше.

И вот теперь, когда мальчик сидел на подоконнике и наблюдал за тем, что происходило в комнате, слова его бабушки неожиданно пришли ему на память.

Да, это были низкие люди, в этом не могло быть никакого сомнения. Папочка был прав, когда говорил, что нужно каждую минуту быть начеку, так как каждый постоянно норовил стянуть что-нибудь у вас. Все присутствовавшие в комнате, очевидно, сошли с ума от радости, что могут так быстро получить кучу денег, и Бэнни, который всегда имел их столько, сколько ему было нужно, пренебрежительно прислушивался ко всем этим мелочным спорам. Положительно было бы неприятно встретиться с ними с глазу на глаз в каком-нибудь закоулке: они могли бы с вами сделать все, что угодно. Эта толстая старуха в желтом атласном платье, с жирными красными руками и затянутыми в шелковые ажурные чулки жирными икрами, — ей ничего не стоило бы расцарапать чью-нибудь физиономию. А этот человек с резкими, точно топором вырубленными чертами и пронзительным голосом — он, кажется, способен был бы пырнуть вас ножом темной ночью.

Отец хотел, чтобы Бэнни понимал все подробности этих деловых соглашений: условия договора, постановления закона, размеры различных участков, денежные суммы, вложенные в это предприятие. Позже он будет с ним по этому поводу беседовать, сделает ему нечто вроде экзамена, чтобы узнать, насколько его мальчик все это усвоил. Это заставляло Бэнни внимательно слушать то, что говорилось, и согласовать это с тем, что он слышал о договоре дорогой, сидя с отцом, Бэн Скутом и мистером Прентисом в автомобиле. Но мальчик не мог удерживать долго свои мысли в одном направлении; его интересовали все эти лица, которые он здесь видел, и он делал различные предположения, касавшиеся их жизни, нравов, привычек. Вот тот сгорбленный старик с узловатыми руками. Это, наверное, был

какой-нибудь бедный рабочий, и ясно, что ему было не по себе от всех этих умствований, рассуждений и споров; ему хотелось найти кого-нибудь, на кого он мог бы положиться, чьим слезам мог бы поверить, и он смотрел на всех вопросительно, но не мог, разумеется, найти здесь никого себе по душе... А эта молодая женщина в очках — как она на всех набрасывалась! Интересно, что она делала вообще, когда не ссорилась? А вот эти двое пожилых и, по-видимому, богатых людей, — они, кажется, очень важничали своим богатством и своим положением, но это не помешало им приехать сюда торговаться о своей доле прибыли и не проявлять ни малейшего сочувствия к владельцам «маленьких» участков.

Пожилый господин пододвинул свой стул к отцу и стал что-то шептать ему. Бэнни видел, что отец отрицательно покачал головой, и пожилой господин встал и подошел к своей жене, а отец сказал что-то Скуту. Тот встал и громко заявил:

— Мистер Росс просил меня объяснить, что в его интересы совершенно не входит брать в аренду ту или другую часть всей площади. Он не станет ставить ни одной вышки до тех пор, пока у него не будет обеспечена площадь, достаточная для целого ряда нефтяных скважин. Если вы не придете ни к какому соглашению, он подпишет другой договор, который я ему уже приготовил.

Это заявление подействовало на всех присутствующих как холодный душ, и споры сразу прекратились. Заметив это, отец сделал знак своему агенту, и тот продолжал:

— Мистеру Россу предлагают площади на северном склоне, где бурение обещает дать хорошие результаты, так как мы полагаем, что нефтяной пласт проходит именно в том направлении. Там несколько больших участков принадлежат одной компании, так что достигнуть соглашения будет нетрудно.

Да, эти слова всех усмирили, и прошло, по крайней мере, четверть часа, прежде чем они опять начали спорить.

Сидя на своем подоконнике, Бэнни видел огни нового фонтана, теперь закрытого, так как еще не были готовы обсадные трубы, и он ясно слышал через открытое окно, как закладывали болты на этих трубах и стучали топоры плотников, строивших по склону холма ряд новых вышек. Бэнни прислушивался ко всем этим звукам, когда внезапно кто-то тихонько окликнул его:

— Эй, мальчуган! — Голос прозвучал откуда-то из темноты.

Бэнни высунулся из окна и увидел фигуру, прижавшуюся к стене дома.

— Эй, мальчуган, — раздался снова шепот, — слушай, что я тебе скажу, но не подавай виду, что ты меня слушаешь, чтобы другие не заметили. Никто не должен знать, что я здесь.

«Шпион, — было первой мыслью Бэнни, — старающийся разузнать подробности договора». Воображение его заработало, и он стал напряженно прислушиваться к этому настойчивому шепоту.

— Слушай, мальчуган. Я — Поль Аткинс, и хозяйка этого дома моя тетка. Я не хочу, чтобы она знала, что я здесь, потому что она тотчас же пошлет меня обратно домой... Я живу в ранчо около Сан Элидо, но я убежал из дому, потому что я не могу больше там оставаться, — понял? Я иду искать работы, но прежде мне нужно поесть, иначе подохну с голоду. Я знаю, тетка дала бы мне чего-нибудь, мы с ней друзья, — понял? Да только я знаю, что она отошлет меня домой, а я этого не могу. Ну вот, мне

надо бы стащить что-нибудь из кухни, а как заработаю — сейчас же верну ей. Я ведь только займы беру — понял? А ты открой мне кухонную дверь. Я ничего не возьму, кроме куска пирога и какого-нибудь бутерброда, понял? Скажи тетке, что тебе нужно пойти в кухню выпить воды, а когда войдешь туда, поверни ключ в двери и иди обратно в комнату... Если хочешь — выйди ко мне потом через парадную дверь, чтобы убедиться, что все именно так, как я тебе говорю. Только делай поскорее, будь добрым мальчуганом; я с утра ничего не ел, весь день на ногах и сейчас едва держусь. Ты выйди ко мне, я тебе все расскажу, а ты сейчас ничего мне не говори: увидят, что у тебя шевелятся губы, и догадаются, что здесь кто-то есть. Понял?

Мысли Бэнни напряженно работали. Это был вопрос этики, очень тонкий вопрос: имели ли вы право открыть кухонную дверь для того, чтобы заведомо впустить чужого человека, может быть вора? Но, разумеется, это был не вор, раз он был племянник хозяйки дома и она дала бы ему все, что ему было нужно. Но как узнать — правду ли он говорит? Конечно, можно будет выйти из дому и задержать его, если это окажется вор.

Но в ушах Бэнни звучал голос незнакомца, и он-то и заставил его решиться. Ему нравился этот голос, и прежде чем он увидел лицо Поля Аткинса, он уже почувствовал силу его характера. Что-то влекло его к нему, что-то глубокое, волнующее, сильное.

Бэнни соскользнул с подоконника и подошел к миссис Гроарти, которая вытирала пот с разгоряченного лица, устав от своей последней злобной тирады.

— Не разрешите ли вы мне, — обратился к ней мальчик, — пойти в кухню напиться?

Бэнни думал, что она ограничится одним только позволением, но он не знал, что миссис Гроарти готовилась к карьере светской женщины и не упускала случая обучаться на практике всем приемам богатых людей даже и тогда, когда дело шло только о стакане воды. Увидав перед собою сына мистера Дж. Арнольда Росса, она сразу смягчилась, голос ее потерял всю свою язвительность.

— Разумеется, дорогой мой, — сказала она ласково и, встав, направилась к двери. Бэнни последовал за ней.

— Какая прелестная комната! — воскликнул он, войдя в кухню, и в этом не было большого преувеличения, так как вся она была выкрашена эмалевой белой краской.

— Да, она, правда, красивая, и я рада, что вы это находите, — сказала хозяйка дома и, взяв с полки стакан, подставила его под кран.

— Очень просторная кухня, — сказал Бэнни, — это всегда удобно. — Он взял стакан и, поблагодарив, выпил несколько глотков.

«Какой естественный и простой мальчик, — подумала миссис Гроарти. — Замечательно простой».

Бэнни подошел к двери, ведущей во двор.

— Наверно, у вас здесь крыльцо и теплые сени, — сказал он, повернул ключ и открыл дверь. — Какой хороший свежий воздух, и вам видны отсюда все фонтаны. А как будет интересно, когда буровые работы будут производиться на вашем участке прямо перед вами!

«Удивительно милый мальчик», — подумала миссис Гроарти, ответив утвердительно на слова Бэнни и выразив надежду, что все это скоро осуществится.

Бэнни проявил опасение, что она может легко простудиться в своем вечернем платье, и закрыл дверь, а миссис Гроарти, очарованная приятными аристократическими манерами мальчика, не обратила внимания, что дверь осталась не запертой на ключ. Мальчик поставил пустой стакан на край каменного стола, служившего для мытья посуды, и последовал за миссис Гроарти обратно в первую комнату, откуда доносились громкие голоса.

— Я хочу только сказать, — раздался голос мистера Саама-штукатура, — что если вы действительно думаете подписать этот договор в том виде, в каком он сейчас, — то дайте нам в своих вычислениях сообразоваться с той площадью, какой мы владеем, а не с улицами, которые нам не принадлежат.

— Другими словами, — саркастическим тоном заметила миссис Вальтер Блэк, — позвольте нам изменить договор!

— Другими словами, — еще более саркастическим тоном сказала мисс Снипп, — позвольте нам избежать той ловушки, которую вы нам расставляете, вы, собственники «больших» участков.

VIII

Было вполне понятно, что тринадцатилетний мальчик мог устать от всех этих споров, а потому никому не показалось странным, что Дж. Арнольд-младший открыл тихонько парадную дверь и выскользнул из дома. Он подошел к заднему крыльцу как раз в ту минуту, когда Поль Аткинс осторожно закрывал за собой кухонную дверь.

— Спасибо, мальчуган, — проговорил он шепотом, направляясь к дровяному сараю.

Бэнни пошел рядом с ним.

— Я взял кусок ветчины, два ломтика хлеба и кусок пирога, — проговорил Поль беззвучным голосом, так как рот его уже был набит.

— Что ж, это хорошо, — сказал Бэнни рассудительным тоном. Он замолчал, и в течение некоторого времени слышалось только, как голодный человек жадно жевал. До этой минуты человек этот был для Бэнни только неясной тенью, обладавшей голосом, но теперь при свете звезд он разглядел, что эта тень была на целую голову выше его и очень тощая.

— Да, не очень-то легко дохнуть с голода, — произнес, наконец, незнакомец, кончив жевать, и прибавил: — Не хочешь ли кусочек?

— О нет, я ужинал, — ответил Бэнни, — и в такое позднее время я никогда не ем.

Его собеседник снова принялся жевать. Бэнни находил происшествие очень таинственным и романтическим: точно голодный волк сидит с ним рядом и жует в темноте. Они сели на ящике, и когда незнакомец перестал жевать, Бэнни спросил:

— Скажи, почему ты убежал из дому?

На этот вопрос его сосед ответил тоже вопросом, очень его смутившим:

— Скажи, к какой церкви ты принадлежишь?

— Что ты хочешь этим сказать? — недоумевающе спросил мальчик.

— Разве ты не понимаешь, что значит — принадлежать к какой-нибудь церкви?

— Я знаю, что моя бабушка берет меня иногда в церковь баптистов, а когда я бываю у мамы, то она ходит со мной в епископальную церковь, но я не знаю, принадлежу ли я к какой-нибудь церкви.

— Вот что... — произнес Поль. Было ясно, что слова Бэнни очень изумили его. — Так ты хочешь сказать, что твой отец не принуждает тебя принадлежать к той или другой церкви?

— Я не думаю, чтобы папочка очень во все это верил.

— Ну-у!!! И ты не боишься?

— Боюсь? Чего?

— Адских мук и огня... Если ты потеряешь свою душу...

— Нет. Я никогда об этом не думал.

— Ты не знаешь, мальчуган, как чудно то, что меня сейчас мучает! Я как раз решил отправиться в ад, но все-таки не для клятвенного обещания. Скажи, ты божишься когда-нибудь?

— Иногда, не очень часто.

— Ну а я даже проклял Бога.

— Как ты это сделал?

— Я сказал: будь ты проклят! И повторил это несколько раз, понимаешь? Я думал, что небо разверзнется и меня убьет молния. Я сказал: я не верю и никогда не буду верить и не даю обещания. И пусть я пойду за это в ад.

— Но если ты не веришь, так чего же ты боишься? — спросил Бэнни, мысли которого работали всегда логично.

— Ну, это, я думаю, потому, что я сам хорошенько не знаю, верил я или нет. Я и теперь этого не знаю. Мне кажется неправдоподобным, чтобы мой слабый разум мог идти наперекор стольким векам. Я думаю, что нет другого такого счастливица, как я. Отец говорит, что хуже меня он никого не знает...

— А твой отец во что верит?

— В религию «прежних веков». Она называется «Религией четырех евангелий». Это апостольская церковь, и верующие прыгают.

— Прыгают?!

— Да. Святой дух нисходит на тебя и заставляет тебя прыгать. Иногда он заставляет кататься по земле, а иногда — говорить на разных языках.

— А это как же?

— Да так. Ты начинаешь что-то быстро-быстро говорить, и нельзя разобрать, на каком это языке. Может быть, на языке ангелов, как говорит папа; я этому не верю. Не верю, не понимаю и все это ненавижу.

— А твой отец это тоже делает?

— Да. С ним это случается во всякое время дня и ночи. Этим способом он, как говорит, побеждает искусителя. Стоит сказать что-нибудь за обедом, чего говорить не следует, — о том, например, что в доме нечего есть, или спросить о сроке уплаты процентов за заложенное имущество, или заметить ему, что он не должен был бы отдавать все деньги миссионерам, — как он тотчас же начинает вращать глазами, громко произносить молитвы и кричать: «Изыди.» Потом им овладевает Святой Дух, и он начинает подпрыгивать на стуле и дрожать всем телом, а затем падает, катается по полу и выкрикивает какие-то непонятные слова «на разных языках», как это

говорится в Библии; тогда и мама начинает тоже кричать, потому что все это ее страшно пугает, и хотя она знает, что ей нужно смотреть за младшими детьми, укладывать их спать, — она не может противиться духу, а в это время папа снова начинает кричать: «Изыди, изыди», и плечи мамы вздрагивают, она начинает вертеться на стуле, кричать так же громко, как и отец, и все малыши, чувствуя себя на свободе, тоже начинают скакать, кричать; и тебя самого охватывает страх: кажется, что кто-то тебя хватает за плечи и против воли подбрасывает... И вот один раз я убежал из дому и, сжав кулак, стал грозить небу и кричать: «Будь ты проклят, Бог!» А потом стал ждать, что небо обрушится на меня, но оно не обрушилось, и я сказал, что я не верю и никогда не буду верить, если даже попаду за это в ад.

— Поэтому ты и убежал из дому?

— Это только одна причина. Жизнь дома вообще стала невозможной. У нас в ранчо много земли, но все это почти сплошь голые скалы; посеешь что-нибудь, а дождь пойдет, смоев все семена, и вырастут одни сорные травы. Если есть бог и если он любит бедных, зачем он посылает им столько сорных трав? Я с утра до вечера только и делал, что их полыл, а они не убывали... Я стал проклинать их... «Проклятые травы; проклятые, проклятые». Отец говорит, что их создал не Бог, а дьявол; но ведь и дьявола создал Бог, и он знал, что будет делать дьявол, а потому разве в этом не он виноват?

— Мне тоже так кажется, — сказал Бэнни.

— Да, тебе повезло, мальчуган. Ты никогда и не знал, что у тебя есть душа. А от скольких беспокойств это тебя избавило.

Наступило молчание, затем Поль прибавил:

— Мне нелегко было убежать из дому, и, в конце концов, думаю, придется вернуться туда: уж из-за одной мысли, что братья и сестры умирают с голоду... им только это и остается.

— И много вас всех?

— Четверо, кроме меня, и все моложе меня.

— А тебе сколько лет?

— Шестнадцать. Следующим за мной идет Эли — пятнадцати лет; на нем покоится благодать Духа Святого: он дрожит иногда по целым дням; видит ангелов, которые спускаются на облаках, окруженные славой, и он исцелил старую больную миссис Бюгнер наложением рук... Отец говорит, что бог пошлет через него людям великое свое благословение... За ним — Руфь, ей тринадцать; у нее тоже бывают видения, но она начинает теперь думать так же, как и я; мы с ней иногда очень хорошо толкуем о разных вещах; ты знаешь, со взрослыми о многом нельзя говорить, а с такими, как ты сам, можно.

— Да, я это знаю, — сказал Бэнни. — Взрослые всегда думают, что мы ничего не понимаем.

— Вот из-за Руфи мне и тяжело уходить из дому, — продолжал Поль. — Она советовала мне уйти... только как они будут там справляться без меня? Они не могут делать тяжелую работу, которую я делал. Ты не подумай, что я от тяжелой работы ухожу. Я только и могу заработать что-нибудь такой работой и ищу ее. Но дома и заработать нельзя ничего. Отец сажает всех нас иногда в телегу и отвозит в Парадиз — туда, где миссия нашей Церкви Духа Святого, и там все они целое воскресенье

катаются по полу и выкрикивают какие-то непонятные слова, и дух приказывает им вносить деньги на обращение язычников. Такие миссии есть и в Англии, и во Франции, и в Германии, во всех безбожных странах. Отец обещает вносить всегда больше, чем зарабатывает, но обещанную сумму нужно внести, и отец берет все деньги, какие у нас есть, и выплачивает миссиям. Он говорит, что все наши деньги принадлежат уже не ему, но духу святому... понимаешь?.. Ну, вот я и убежал из дому...

Оба замолчали, потом Поль спросил:

— А отчего здесь так много народу?

— Собираются подписывать нефтяной договор. Ты слышал о нефти?

— Да. Мы слышали о фонтане. У нас в ранчо тоже, кажется, есть фонтан, — по крайней мере, так говорил мой дядя — Эди; он нашел верные признаки ее. Но дядя Эди умер, а я нигде не видел нефти, да я и не верю, чтобы нашу семью могла ждать какая-нибудь удача. А вот тетка моя все говорит, что будет богата.

При этих словах перед глазами Бэнни пронесся образ миссис Гроарти в ее блестящем атласном желтом платье, из которого смешно выступали ее жирные руки и грудь, — и он спросил:

— Неужели твоя тетя тоже катается по полу?

— Ну нет, что ты! Она вышла замуж за католика, и отец называет ее вавилонской блудницей и никому из нас не позволяет с ней разговаривать. Но она добрая и всегда даст мне поесть, — я знаю это. Если я не найду работы, то приду сюда.

— Почему ты думаешь, что не найдешь работы?

— Потому что все только читают мне нотации и убеждают вернуться домой.

— Но для чего ты им обо всем этом говоришь?

— Нельзя не сказать. Они спрашивают, где я живу, почему не дома, а я не намерен никому лгать.

— Так ты можешь умереть с голоду.

— Для этого надо, чтобы я прежде сделался ни на что не годным калекой... Знаешь, у меня был спор с отцом. Он сказал: «Если ты сойдешь с пути святого духа, то тобой овладеет дьявол и ты начнешь лгать, мошенничать, красть и распутничать». А я ему говорю: «Хорошо, я докажу вам, что можно остаться честным и не веря в дьявола». Я решил это и докажу ему. Тетке я заплачу за то, что у нее взял; я только взял у нее займы.

— Вот, возьми это, — сказал Бэнни, протягивая руку.

— Что это?

— Немного денег.

— О нет, сэр, я не беру незаработанных денег.

— Но послушай, Поль, у папочки много денег, и он мне всегда дает, сколько бы я ни спросил... Сейчас он здесь, чтобы подписать новый договор с твоей теткой; и эти деньги ему совершенно не нужны.

— Нет, сэр, я не для того убежал из дома, чтобы стать попрошайкой. Вы, может быть, думаете, что если я взял кусок пирога из буфета моей тетки...

— Нет, я этого совершенно не думаю. И если ты хочешь, то можешь считать это займом.

— Спрячь сейчас же эти деньги, — сказал Поль, и в голосе его слышались резкие ноты. — Я не собираюсь влезать в долги, а ты и без того сделал для меня достаточно. Забудем же об этом.

— Хорошо... только... Поль...

— Сейчас же спрячь. Вот так.

— Ну хорошо, только... обещай, что ты придешь завтра в гостиницу и позавтракаешь со мной.

— Нет, я не могу прийти в гостиницу, я не так одет...

— Ну, это совершенные пустяки.

— Совсем не пустяки. Твой отец богатый человек, он не захочет, чтобы к нему в гостиницу приходил какой-то мальчик из ранчо.

— Папочка не обратит внимания на то, как ты одет... уверяю тебя. Он постоянно говорит, что у меня слишком мало знакомых мальчиков, что я всегда один и слишком много читаю.

— Может быть. Но такого мальчика, как я, он не захочет...

— Он говорит, что я должен работать, честное слово... ты не знаешь папочки. Он будет рад, если ты придешь; будет рад, если мы будем друзьями.

Они оба замолчали.

Поль взвешивал предложение, а Бэнни ждал с таким волнением, точно это было решение суда. Ему нравился этот мальчик. Никогда еще ни один мальчик не был ему так симпатичен, как этот. Только понравился ли он сам ему? Но, как часто случается, решение суда не было вынесено.

— Что это? — воскликнул Поль, вскакивая.

Бэнни тоже вскочил. Из дома миссис Гроарти неслись такие крики, что они заглушили и стук топоров и шум рабочих, работавших рядом. Крики становились все громче и громче, и мальчики бросились к открытому в доме окну. В комнате теперь все стояли и, казалось, кричали в один голос. Не всех можно было рассмотреть в этой толпе, но позы двух стоявших около окна мужчин были полны драматизма. Это были — мистер Саам-штукатур, владелец одного из «самых маленьких участков», и мистер Гэнк — бывший рудокоп, собственник одного из «больших участков».

Стоя друг против друга, они с угрожающим видом потрясли сжатыми кулаками.

— Лгун, грязная желтая вонючка! — кричал мистер Саам, наступая на мистера Гэнка.

— Дрянь, завистливый щенок! Вот вам, получите! — и с этими словами — бац! кулак мистера Гэнка угодил прямо в переносицу мистера Саама. Тот размахнулся, в свою очередь, и — паф! прямо по челюсти мистера Гэнка. И опять — паф! — и опять — паф! и так несколько раз сряду — паф, паф, паф, паф... И мальчики, испуганные, смотрели в открытое окно. Крики. Побоище.

IX

Казалось, началась общая драка, но на самом деле этого не было: просто несколько человек бросились разнимать мистеров Саама и Гэнка и старались

расташить их по разным углам. Прежде еще чем это произошло — Бэнни услышал голос отца, звавший его из приоткрытой парадной двери.

— Сейчас, папочка, — ответил мальчик и побежал навстречу выходявшему из дома отцу. Мистер Росс спускался со ступеньки крыльца в сопровождении трех своих сторонников.

— Скорей, — сказал он Бэнни. — Мы едем в отель.

— Как, папочка? Что случилось?

— Да просто здесь собрание каких-то олухов, и ничего нельзя с ними поделаться. Я теперь и даром не возьму от них аренды. Только бы поскорее отсюда уехать.

Они направились к ожидавшему их у дороги автомобилю. Вдруг Бэнни остановился.

— Папочка, — воскликнул он, — подожди минутку! Пожалуйста, папочка! Здесь один мальчик, с которым я познакомился, и мне нужно сказать ему два слова. Минуточку подожди, пожалуйста!

— Хорошо, только поскорее, — сказал отец. — Мне нужно успеть сегодня же вечером поговорить об одной аренде.

Бэнни помчался обратно с такой быстротой, на какую только были способны его ноги.

— Поль, Поль, — кричал он, — где ты?

Но никто не отвечал ему. Бэнни бросился к дровяному сараю, обежал дом, взбежал по ступенькам заднего крыльца, открыл дверь и заглянул в пустую, блестящую белой эмалевой краской кухню, опять побежал к сараю, затем к гаражу и, остановившись у края капустного поля, стал громко кричать, насколько позволяли его легкие:

— Поль, Поль. Где же ты? — но ответа не было.

Опять раздался голос мистера Росса, и на этот раз в звуке его слышалось нечто такое, с чем нельзя было не считаться. И Бэнни вернулся к отцу с тяжелым сердцем и взобрался на свое место в автомобиле. Всю дорогу назад, в отель, пока его спутники обсуждали условия нового договора, он сидел молча, и слезы тихо текли по его щекам. Поль ушел. Ему, наверно, никогда уже с ним не увидеться. А какой удивительный мальчик! Такой умный, так много знает. Как интересно говорить с ним! И честный мальчик, никогда не будет ни лгать, ни воровать. Бэнни стало стыдно, когда он подумал о том, сколько раз он лгал в своей жизни, — правда, не в серьезных вещах; но теперь прямолинейная честность Поля делала и эти пустяки в глазах Бэнни низкими и пошлыми.

И Поль не захотел взять папочкиных денег. Папочка думал, что все рады схватить его деньги, а этот мальчик отказался от них. Он, наверно, рассердился на Бэнни за то, что он так на этом настаивал, — иначе он не убежал бы от него. Или, может быть, Бэнни ему не понравился, и Бэнни больше никогда не увидит его.

Глава третья

БУРЕНИЕ

Снова долины и ущелья Гваделупской высоты оглашались звуками автомобильных рожков. Но на этот раз дело шло не об одном или двух каких-нибудь автомобилях, а о целом поезде их, о дюжине семитонных грузовиков, широких и массивных, с широкими и массивными двойными колесами, а за ними трейлеры, нагруженные еще большим количеством тонн. На первом моторе груз поднимался кверху как башня; это была громадная стационарная паровая машина, придерживаемая со всех сторон толстыми брусьями. Можете судить, с какой осторожностью двигался этот грузовик на поворотах. За первым грузовиком следовали другие, с полным «набором» всех необходимых для буровых работ инструментов, с полыми трубами из самой лучшей стали, которые привинчиваются одна к другой и идут вниз, в землю, на милю и больше вглубь, смотря по надобности. Концы этих труб выступали за трейлеры, и на них развевались красные флаги для предупреждения. Если навстречу вам катил автомобиль, то вы останавливались, и он осторожно объезжал вас; если дорога была чересчур узка, то тихонько пятился до более широкого места, где можно было разехаться. Это требовало непрерывных криков сигнальных автомобильных рожков. Вы могли подумать, что стая каких-то гигантских доисторических птиц (птеродактили, вероятно, шумели) спустилась на Гваделупское ущелье и все они прыгали и кричали: «Хонк, хонк, хонк...»

На самом же деле они кричали вот что: «Нас ждет мистер Росс. Мистер Росс подписал арендный договор, и вышка уже строится, и все инструменты должны быть доставлены вовремя. Прочь с дороги!» Мистер Росс не доверял железным дорогам. Железные дороги отодвинут весь ваш материал на запасный путь, и вы потом целую неделю должны звонить по всем телефонам и ездить объясняться с молчаливыми как пень чиновниками. Но раз вы обеспечили себя взятыми внаем грузовыми автомобилями, то они в течение всей работы в вашем полном распоряжении и доставляют вам весь требуемый материал без каких-либо задержек. Застраховаться можно было от всех несчастных случаев. Страховые общества расценивали даже жизнь тех, кого бы могли нечаянно сбросить вместе с «фордом» со склона горы.

И вот здесь, на горной дороге, двигалось множество гудящих автомобилей или грузовиков, делавших в час даже менее разрешенных законом пятнадцати миль. Радиаторы, свистя, выпускали пар, и чуть ли не через каждую милю приходилось останавливаться, чтобы охладить их. Но, в конце концов, до вершины горы добрались вполне благополучно, а оттуда началось медленное сползание вниз, причем впереди ехал человек с красным флагом, которым он энергично махал, чтобы дать время встречным экипажам отодвинуться в какое-нибудь безопасное местечко дороги и пропустить мимо себя весь этот поезд. Так миновали они ущелье и выехали на прямую дорогу, по которой могли теперь двигаться с нормальной быстротой, и далеко разносились в воздухе их мощные радостные звуки: «Хонк-хонк... Прочь с дороги! Сторонитесь! Отец ждет».

На грузовике, взгромоздившись на части буровой машины, сидели молодые парни в синих блузах и всем своим видом показывали, что их предыдущая работа не

была произведена впустую, что скважина, которую они вырыли, содержала в себе достаточное количество липких черных соковищ. Но лица они отмыли, и теперь рабочие весело улыбались расстилавшемуся перед ними, залитому солнцем, ландшафту. Они пели, обменивались шутками со встречными автомобилями и посылали воздушные поцелуи девушкам, выглядывавшим из придорожных домиков, из запасных складов, из палаток с прохладительными напитками, апельсиновыми сиропами и всевозможными яствами. На это путешествие у них ушло целых два дня, но это им было безразлично, они служили старому Россу, и он должен был обо всем позаботиться. Первой его обязанностью было строго следить, чтобы с ними производился расчет каждую субботу, чтобы каждый рабочий получал на доллар больше, чем все другие рабочие в округе, и чтобы все они получали плату не только за рабочие дни, но и за те, которые проводили на тяжелых грузовиках, делая по тридцати миль в час по ровной дороге, проходящей по апельсиновым рощам, распевая веселые песни о своей милой, поджидающей их в городе. Да, тому, чье сердце молодо, радостной кажется жизнь.

Мистер Росс подписал договор с мистером Бенксайдом — владельцем участка на северном склоне холма, человеком образованным, который знал, чего он хотел, и не отнимал у вас времени зря. На его участках нефтяные пласты лежали глубже, а потому мистер Росс должен был отдавать только шестую часть дохода и уплатить премию в пять тысяч долларов за два с половиною акра. Вместе с приглашенным геологом Росс исследовал почву и полагал, что уяснил себе, как проходят нефтяные пласты. Он поручил Бэну Скуту искать другие участки для аренды. Взяв с собой Бэнни, мистер Росс отправился в главное отделение Западной компании строительных материалов, и там у него было очень важное «частное» совещание с председателем правления, мистером Аскоттом. Это был широкоплечий толстый джентльмен с красными щеками и необыкновенно приветливыми манерами. Он гладил и ерошил кудри Бэнни, угощал отца сигарами, говорил о погоде и перспективах новых нефтяных разработок, и все это в таком тоне, что можно было подумать, что он и мистер Росс — старые товарищи. В конце концов отец Бэнни прервал все эти разговоры, заявив самым категорическим образом, что ему необходимо получить строевой лес, требуемый для новой вышки, не позже как через три дня. Услышав это, мистер Аскотт всплеснул руками и сказал, что такой заказ не может быть выполнен даже для самого Господа Бога. Требования на материал для строящихся вышек опустошили все склады, а заказов поступает по два десятка в день. Мистер Росс перебил его: он все это прекрасно знал, но его дело было совершенно исключительной важности. Он только что заключил контракт с большой неустойкой. Он не признавал стальных вышек и не сомневался, что Компания окажет ему на этот раз все свое содействие, если не захочет, чтобы он прервал с ней всякие сношения. Строительного же материала ему понадобится в течение ближайших трех месяцев, по крайней мере, еще на полдюжины вышек; для мистера Аскотта должно быть ясно, что новая нефтяная скважина, для которой так спешно строится вышка, приведет к расширению нефтяной промышленности в стране, а следовательно, и к увеличенному спросу на лесные материалы, а потому дело мистера Росса — важное общественное дело, и все должны помочь ему. Кроме того, мистер Росс имел в виду организовать маленький синдикат, чтобы

использовать часть этого первого фонтана. Совершенно спокойное дело для двух-трех человек, которые сразу видят, что хорошо, что дурно, и любят чувствовать под ногами твердую почву. Мистер Росс был уверен, что мистер Аскотт знает его как человека, верного своему слову.

Мистер Аскотт ответил, что, разумеется, он в этом не сомневался, и тогда мистер Росс сказал, что он приехал сюда, на эти нефтяные участки для того, чтобы отдать этому делу большую часть своего времени и создать здесь крупное предприятие, а для этого считает необходимым создать небольшую совместную организацию; только при условии, что они будут друг друга поддерживать, можно рассчитывать достигнуть желаемого успеха. Мистер Аскотт сказал, что такие объединенные организации в духе времени, он с этим согласен, и, наморщив лоб, он порылся в лежавших на конторке бумагах, сделал карандашом несколько вычислений и спросил, в какой день и час должен быть доставлен требуемый материал. Отец ответил, что его цементные рабочие наполовину сделали работы по устройству фундамента колодца и что подрядчик по плотничьим работам собрал достаточную партию рабочих, так что если мистер Аскотт доставит материал к четвергу вечером, то это будет как раз вовремя.

Мистер Аскотт заметил, что доставка будет особенно трудна, потому что дороги, по которым придется возить материал, находятся в отвратительном состоянии. На это отец ответил, что он это знает и собирается прямо от мистера Аскотта заехать к главному управляющему всеми дорогами округа. Мистер Аскотт сказал, что это хорошо и что он, с своей стороны, тоже сделает что-нибудь. И отец пригласил его приехать в ближайшие дни на работы, чтобы осмотреть промыслы. Они пожали руки друг другу, и у Бэнни опять волосы были взъерошены — во время деловых разговоров их не трогали. Вот так все и было. Дорогой в автомобиле отец повторил свое любимое изречение: «Смазочное масло дороже стали». Отец подразумевал под этим, что вы всегда должны предоставлять нужным вам людям некоторую долю участия в вашей прибыли, — они становятся частью вашей «организации» и быстро исполняют все ваши требования.

Они подъехали тем временем к управлению главного инспектора местных дорог, где у отца было второе, крайне важное частное совещание. Инспектор, мистер Бэнцигер — небольшого роста, плутоватый, с очками на носу — не принадлежал по своему костюму к разряду богатых людей, и Бэнни узнал это по тону. Здесь не было обмена сигарами с золотыми ободками, не было разговоров о погоде, отец сразу приступил к делу. Он сказал, что приехал в Бич-Сити, чтобы наладить одно крупное дело, которое потребует сотни рабочих рук и даст миллионы долларов общине.

На вопрос о том, захотят ли власти, ведающие дорогами, оказать содействие и сделать это возможным, мистер Бэнцигер ответил, что, разумеется, власти пойдут навстречу, насколько это потребует для скорейшего достижения такой цели, но беда в том, что появление нефти на участке «Проспект-Хилл» застало их в такой момент, когда у них нет фондов для спешных работ. Мистер Росс ответил, что такое положение вполне возможно, но что необходимо принять все меры для того, чтобы из него выйти, и все должны работать вместе.

Мистер Бэнцигер колебался и спросил, чего же, точно говоря, желает мистер Росс. Отец объяснил, что он только что начал работать там-то и там-то, и, вынужден

кармана маленький план, указал, какие улицы ему необходимо нивелировать и где какие рвы засыпать щебнем так, чтобы его строевой лес мог быть доставлен к четвергу.

Мистер Бэнцигер сказал, что, может быть, это и можно будет устроить, и послал своего секретаря — единственное постороннее лицо в комнате — за мистером Джонсом. Тотчас отец понял, конечно, в чем дело, и, как только секретарь вышел, достал из кармана маленькую пачку кредитных билетов и сказал, что так как мистеру Бэнцигеру придется теперь работать сверх нормы, много хлопотать, то будет справедливо вознаградить его чем-нибудь за труд; он надеется, что в будущем им немало придется поработать вместе и что он всегда очень заботится о своих друзьях. И мистер Бэнцигер спокойно положил пачку кредитных билетов в карман и ответил, что он все это вполне понимает и уверен, что местные власти окажут всякое содействие человеку, который работает на пользу общины и для развития ее промышленности. Мистер Росс может быть уверен, что работы по исправлению дорог начнутся завтра утром. Они обменялись рукопожатиями, и отец с Бэнни вышли из конторы. Отец сказал Бэнни, что он никому никогда, ни при каких обстоятельствах не должен рассказывать о том, чему он был сейчас свидетелем, потому что у всех должностных лиц бывают враги и завистники, желающие воспользоваться всяким случаем, чтобы лишить их места, и они могут изобразить это так, будто отец дал мистеру Бэнцигеру взятку. Разумеется, это не имело ничего общего с взяткой: мистер Бэнцигер все равно исправил бы дороги, так как это его обязанность, а то, что отец дал ему, это был просто маленький подарок, так сказать, благодарность за его хлопоты. Было бы просто неприлично не дать ему ничего, когда вы получаете большие деньги, а здесь бедняга живет на нищенское жалованье. Без сомнения, у мистера Бэнцигера была семья — жена, дети; у них, наверное, были долги; жена его, может быть, была больна, и они не могли заплатить доктору. Мистеру Бэнцигеру придется, вероятно, остаться сегодня в конторе до позднего вечера и торопить своих подчиненных поскорее приняться за дело. Это может вызвать неудовольствие его начальников, которые сделают ему выговор за то, что он действует без их разрешения. Начальники эти, наверное, состоят пайщиками каких-нибудь крупных компаний, которые, конечно, желают, чтобы дороги исправлялись только для каких-нибудь их собственных предприятий. В подобного рода делах вы всегда бываете окружены целой сетью интриг, и вам все время надо быть настороже. Не воображайте, что вы можете явиться в какое-нибудь адское место и взять из его недр на несколько миллионов долларов природных богатств без того, чтобы вас не окружала целая стая хищников, старающихся вырвать эти богатства из ваших рук.

Все это звучало очень разумно и убедительно, и Бэнни внимательно слушал лекцию отца, сводившуюся к его неизменному правилу: «Надо относиться бережно к своим деньгам». В любой день с отцом могло случиться несчастье, и тогда все дела лягут на плечи Бэнни. Поэтому он должен как можно скорее дать себе отчет в том, что все те люди, которых он будет встречать, будут стараться более или менее хитрыми уловками присвоить себе часть его денег. Бэнни не желал опровергать доводов отца, но просто отдался ходу своих мыслей и воскликнул:

— Но, папочка, тот мальчик Поль, помнишь? Он, наверно, не захотел бы воспользоваться нашими деньгами. Я предлагал ему, он наотрез отказался взять и ушел, даже не простившись со мной.

— Да, я знаю, — сказал мистер Росс. — Но ведь ты говорил мне, что вся его семья сумасшедшая. Очевидно, и он тоже, только немного в другом роде.

II

Теперь Бэнни все время думал над вопросом: можно ли было вывести из поведения Поля Аткинса заключение, что он сумасшедший? Если да, то это означало, что и он, Бэнни, тоже немного сумасшедший, так как Поль произвел на него необыкновенно сильное впечатление, и Бэнни не переставал думать о нем. Он отдал дань чувству чести, так сильно развитому в Поле, решив, что он постарается не быть лгуном даже в пустяках. Кроме того, встреча с Полем заставила Бэнни в первый раз отдать себе отчет в том, как спокойна и комфортабельна была его собственная жизнь. На следующее утро после встречи с Полем, когда он открыл глаза, лежа на мягком матрасе удобной постели с белоснежными полотняными простынями, под теплым и легким как пух одеялом, — первой его мыслью было: а как-то спал эту ночь Поль? — Где он нашел себе пристанище? Неужели ему пришлось спать на голой земле? Бабушка Бэнни, когда видела его сидящим вечером на земле, кричала ему, что он «простудится и умрет...», а как же он, Поль? Позже, сидя за обильным завтраком в роскошной столовой отеля, он не находил уже никакой прелести в стоявших перед ним густых сливках, яйцах, ветчине, кексах и замороженном винограде. Поль в это время был голоден, так как он был чересчур горд, чтобы есть незаработанный хлеб, и Бэнни среди окружающего его комфорта снова почувствовал непреодолимое влечение к этому строгому анахорету.

На следующий день после бурного собрания у миссис Гроарти Бэнни уселся под высокой пальмой против отеля, надеясь, что, может быть, Поль пройдет мимо. Но вместо него пришли миссис Гроарти с мужем и мистером Демпри в сопровождении мистера и миссис Бромлей с их временными друзьями — двумя евреями портными. Это была депутация от «средних» участков, заявившая, что их собрание продолжалось до часу ночи и решило расторгнуть их общее соглашение и действовать всем самостоятельно, — каждый за себя; и вот теперь собственники «средних» участков пришли просить мистера Росса заключить с ними отдельный договор. Бэнни сказал, что его отец отправился с геологом исследовать почву; они могут подождать его. Но Бэнни прекрасно знал, как отец не любил иметь дело с небольшими площадями и подписывать отдельные небольшие договоры.

В ожидании возвращения отца Бэнни сел на скамейку рядом с миссис Гроарти, надеясь узнать от нее что-нибудь про Поля. Он признался ей, что накануне вечером сделал нехороший поступок: не запер двери ее кухни. Следуя своей программе говорить только правду, он прибавил, что один человек вошел после этого в ее кухню и взял немного провизии. Бэнни обещал не говорить, кто это был, но он был очень голоден, и Бэнни очень жалел его. Если миссис Гроарти разрешит ему... и он вынул свой маленький кошелек.

Миссис Гроарти сияла от удовольствия, растроганная деликатностью и благородством чувств Бэнни; она положительно влюбилась в этого странного мальчика, такого хорошенького, с яркими, нежно очерченными, как у девочки, губами и с манерами взрослого маркиза или кого-нибудь в этом роде (миссис Гроарти видала таких особ в кинематографах). Она отказалась от его денег и подумала: как жаль, что богатство не пришло к ней раньше; тогда ее дети носили бы такие же красивые костюмы и научились бы выражаться с таким же старомодным изяществом.

Дня через два-три Бэнни, проходя мимо дома Гроарти, увидел во дворе будущую «нефтяную королеву», кормившую своих кроликов. «А, милый мальчика!» Она подозвала его и, когда Бэнни подошел ближе, сказала:

— Вчера я получила письмо от Поля.

— Где же он? — с волнением спросил Бэнни.

— Письмо прислано из Сан-Паоло, но он пишет, чтобы его там не разыскивали, потому что он нигде еще определенно не устроился и переезжает с места на место.

— А как он живет?

— Он пишет, что все хорошо и чтобы о нем не беспокоились. Бедный мальчик! Он прислал мне марками плату за то, что он взял у меня. Он говорит, что заработал эти деньги. — По щекам миссис Гроарти текли слезы, и Бэнни усвоил трудный урок, что человеческая натура представляет нечто очень сложное и что одна и та же жирная леди может быть то гиеной жадности, то воплощением сострадания как Мадонна.

Они сидели на клетке, где помещались кролики, и мирно беседовали. Бэнни рассказал подробно, как было дело, и чувствовал, что с его совести скатилась тяжесть. В свою очередь, миссис Гроарти рассказала ему о семействе Аткинсов, — как они приехали из Арканзаса, проделав этот путь старинным способом — в повозке на лошадях. Она была тогда девочкой, а еще раньше, совсем ребенком, на руках матери она была привезена из горной области Теннесси. Участок Аткинсов в деревне Парадиз в окрестностях Сан-Элидо — это ранчо с пастбищем для коз, с горным ключом в маленькой долине среди скал, и земли, годной для обработки, там не больше двух акров, и часть этой земли приходится поливать ручными насосами. Это был пустынный округ, и миссис Гроарти не представляла себе, как семья будет жить без Поля: на нем лежала вся тяжелая работа. Она послала бы им часть своих денег, которые получит за нефть, но она знает, что Абель — ее брат, отец Поля — не возьмет от нее ни копейки: он совсем помешался на своей религии.

Бэнни спросил, всегда ли ее брат принадлежал к этой секте. И она ответила, что нет: он сделался сектантом только в эти последние годы. Что же касается ее, то, выйдя замуж три года назад за католика, она узнала настоящую религию, которая в течение стольких веков оставалась неизменной. Это была очень удобная религия, которая оставляла вас в покое и не сводила с ума всякими нововведениями и сектами. В Бич-Сити была очень хорошая католическая церковь, и у отца Патрика было доброе сердце и прекрасный сильный голос. Знал ли Бэнни что-нибудь о католическом богослужении? Бэнни ответил отрицательно, и миссис Гроарти занялась бы, быть может, обращением в католичество красивого и богатого мальчика, если бы она не была всецело во власти соблазнов этого мира.

Да, без сомнения, дьявол привел ее сюда, усадил на клетку с кроликами и показывал ей все земное царство. Как раз против нее, на другой стороне улицы, над домом № 5743 на бульваре Лос-Роблес красовалась вывеска «Грунтового синдиката», и к нему все время подъезжали автомобили, привозя желающих купить акции, продававшиеся по десять долларов каждая. Группа собственников «средних участков», к которой принадлежала миссис Гроарти, еще ни с кем не подписала договора. Им было сделано много разных предложений, объяснила она, самые лучшие — компанией «Слипер и Уилкинс»... Не слышал ли что-нибудь Бэнни об этих предпринимателях? И окончательно ли убедился его папочка в том, что лучшие нефтяные пласты находятся на северном склоне холма? Миссис Гроарти и ее муж предполагали на те деньги, которые получают в виде единовременной премии при подписании договора, купить несколько акций «Эврика-Пет» — сокращенное «Эврика Петролеум Компании», — которая обещает немедленно начать работы по бурению на северном склоне холма... И Бэнни вдруг вспомнил предостережение отца: «Берегись тех, кто будет смотреть на тебя, как на нефтяную скважину, и стараться выкачать из тебя все, что им нужно».

III

Мистер Бэнцигер послал на двух грузовиках рабочих-мексиканцев, которые выровняли дороги, а мистер Аскотт сдержал свое слово и в назначенный срок доставил весь требуемый материал для вышек. Главный подрядчик мистера Росса по плотничьим работам собрал большую партию рабочих, и они очень скоро скрепили болтами брусья нижней обвязки. Быстро, ряд за рядом, выростала вышка и скоро стояла перед вами — ста двадцати двух футов вышины, прямая, стройная и прочная. Пологая лестница вела к двум площадкам: одна помещалась посередине, а другая — на самом вершине вышки. Все было красиво, чисто и ново, и папочка позволил взбираться на верхнюю площадку, и оттуда можно было видеть за домами и деревьями синие воды Тихого океана, — о, какой он был огромный! А затем приехал целый поезд грузовиков, как раз к заходу солнца, покрытых пылью и грязью от долгой дороги, но полных еще неизрасходованной энергии, судя по громким крикам сигнальных рожков, которыми они приветствовали Дж. Арнольда Росса и его сына. Придорожные канавы были все забиты щебнем, и на образовавшемся широком пространстве у края дороги выстроились в одну линию один около другого все двенадцать грузовиков.

На вышке зажглись электрические огни, и навстречу прибывшим поспешили рабочие с засученными рукавами рубашек цвета хаки. Все работали охотно под непосредственным наблюдением «старика», их «хозяина», от которого зависела их участь. Они уважали старика, потому что он хорошо знал свое дело, и никто не мог его одурачить. Он нравился им, потому что соединял в себе строгость с добротой; он был прост без претензий. После работы, усевшись на табуретке за общим столом с рабочими, он съедал свой обед: бобы и кофе. Это был настоящий протак, а к этому присоединялось еще очарование миллионов долларов. Да, у него были бочки, набитые жидкими долларами. И что значил по сравнению с ним фокусник,

выбрасывающий из своих рукавов живых кроликов или целые ярды лент? По сравнению с ним, который мог соорудить сразу десятка два вышек и несколько миль стальных труб и собрать целые поезда моторов и цистерн и в несколько дней проложить новые дороги для этих моторов.

Рабочие любили и «мальчугана», который тоже был прост в обращении, как и его отец, и вдобавок был еще всегда весел и интересовался всем, что вы делали. Задавал толковые вопросы и запоминал ваши объяснения. Да, такой мальчуган хорошо изучит дело, на него можно будет положиться; старик воспитывал его правильно. Бэнни знал всех рабочих по именам и часто, надев старую, выпачканную в смазочном масле куртку, принимался за любую работу, с какой могли справиться его, еще детские, руки.

Но сейчас о такой работе не могло быть и речи. Сейчас время было горячее: побивались рекорды.

Прежде всего был приготовлен для установки машины громадных размеров цементный фундамент, а на него положена деревянная настилка, чтобы уничтожить дрожание. Затем была подвезена платформа с паровой машиной. Примостили прочные сходни, по ним машина соскользнула на свое место и была готова для работы. В то же самое время другая партия рабочих хлопотала около огромного парового котла. Резервуар с газOLIном был под рукой, паропровод в полной готовности, и котел был готов производить пар. Были подвезены еще несколько других платформ с инструментами и всем тем материалом, который требовался для работ.

Когда Бэнни пришел к месту работ на следующее утро, большой барабан был уже установлен на место, блок укреплен вверху вышки, и рабочие выгружали паровое сверло. Стальной цепью обвязывали они по три тяжелые трубы сразу, и кран, снабженный стальным крюком, спускался сверху и захватывал цепь. Машина начинала пыхтеть, стальной канат сильно напрягался, и трубы соскальзывали с платформы. Эти трубы были по двадцати футов длины, а каждый фут весил девятнадцать фунтов, так что в тех случаях, когда ваша нефтяная скважина была глубиной в целую милю, то у вас получалось — как это вы сами можете вычислить — пятьдесят тонн стали, и ваша вышка должна была выдерживать эту тяжесть, и ваши стальные канаты должны были ее поднимать, и ваш барабан и машина должны были выдерживать все это напряжение.

Публика приходит в ужас от цен на газOLIн, но она никогда не задумывалась над стоимостью парового бурава и обсадных труб.

Все эти замечания Бэнни слышал тысячу раз, но отец никогда не уставал повторять их. Он был вполне доволен только тогда, когда мальчик бывал с ним на работах и изучал дело на практике. Вы не должны обманывать себя, воображая, что можете всегда нанять достаточно опытных специалистов; да и как можете вы судить об опытности данного специалиста, если сами не изучили дела так же хорошо, как и он? Ваш специалист-управляющий может умереть, его может переманить какой-нибудь другой нефтепромышленник, и тогда что с вами будет? «Вы сами должны быть своим экспертом-специалистом», — говорил всегда отец.

Механизм, при помощи которого совершалось вращение, назывался вращательным станком. Он соединялся с двигателем при помощи стальной цепи,

действовавшей подобно передаточной цепи велосипеда, с той разницей, что здесь звенья были толщиной в кулак. В центре вращательного станка было сделано отверстие, через которое проходило огромное сверло; соответственное отверстие было сделано в полу вышки, и скоро подобное же отверстие должно было появиться и в самой почве. Отверстие во вращательном станке было квадратное, и верхний конец сверла был тоже квадратным, приспособленным как раз для этого отверстия. Прежде всего вы ввинчиваете в «гнездо» в нижнем конце сверла острый резец, или «долото», которое, собственно, и режет землю. Резец этот стальной. У него форма двух поставленных один против другого дисков, которые непрерывно вращаются, и тяжесть штанги заставляет их прокладывать себе дорогу в землю. Вы начинаете с восемнадцати дюймовым резцом, и, вращаясь, он пробуравливает отверстие в два фута в диаметре. И вот настал, наконец, момент, когда последний болт был затянут и все буровые инструменты готовы были для своего долгого пребывания в недрах земли. Это был торжественный момент, подобный спуску нового корабля или вступительной речи первого президента республики. Собрались все наши друзья, рабочие ночной и дневной смен, целая толпа посторонних зрителей. Машинист не спускал своей руки с рычага и своих глаз с отца.

Отец подал ему знак, и машинист нажал рычаг; машина пошла в ход, заработали со скрипом зубчатые колеса передач. Сверло опустилось, и резец коснулся земли. «В путь-дорогу собирайтесь», — запел старший мастер, все присутствовавшие, у кого были чистые руки, обменялись с отцом рукопожатием, в том числе мистер и миссис Бенксайд, на земле которых производилось бурение, а также и все члены их семьи. Потом Бенксайды увели отца и Бэнни к себе, откупорили бутылку шампанского, и все выпили по глотку за процветание «буровой скважины Росс-Бенксайд № 1», которая в это время уже углубилась в землю на шесть футов.

IV

Наступило лето, прохладное на океанском побережье и невыносимо жаркое на Лобос-Ривере, а потому семья мистера Росса решила оттуда уехать.

Отец на такие дела тратил мало времени: он запросил агента по сдаче внаем дач, получил адрес меблированной виллы на берегу океана, поехал взглянуть на нее, вернулся в город и подписал арендный договор на полгода за две тысячи пятьсот долларов.

Снаружи дом был оштукатурен и окрашен, внутри же он блестел, подобно дому миссис Гроарти, только здесь все было отделано под «красное дерево», а не «под дуб», как там. Парадная входная дверь вела в громадный холл; по одну сторону его помещалась гостиная, по другую — столовая со всеми современными усовершенствованиями. Эти две комнаты были обставлены владельцем не считаясь ни с расходами, ни со стилями: вычурная дорогая французская мебель с золочеными выгнутыми ножками, обитая цветным шелком; американская мебель из черного ореха прошлого столетия, с розами и розетками; китайская мебель из черного тикового дерева с резными драконами. Были здесь и статуи голых женщин из полированного мрамора, и среди них мраморный пастор в длинном сюртуке и с туго

завязанным галстуком. Наверху было шесть спален — все разного цвета. Многие нашли бы, может быть, что вилле не хватало уютности, здесь нельзя было чувствовать себя дома, — но Бэнни никогда не задумывался над подобными вопросами, привыкнув к остановкам в разных отелях. С тех пор как он себя помнил, «домом» для него было то место, которое его отец нанимал или покупал на определенный недолгий срок вблизи производимых ими нефтяных работ. Как индейцы в окрестностях Гудзонова залива, убив зимой одного американского оленя, тотчас же переключиваются в поисках за другим, — так и отец, наладив работу на одном нефтяном участке, передвигался на другие.

Первым явился в новую виллу мистер Итон, учитель Бэнни; он привык уже к телефонным звонкам, извещавшим его о новом местопребывании его воспитанника. Уложив два саквояжа и один чемодан, он садился в автобус или в вагон железной дороги и отправлялся в путь. Это был скромный бледный молодой человек с светло-голубыми глазами. Карманы его пиджака оттопыривались, потому что он набивал их книгами. Он был приглашен в дом Росса с условием, что нефть должна стоять на первом месте, а ученье на втором. Или, другими словами, он должен был учить Бэнни в такое время, когда отец не обучал его. Отец не вполне ясно понимал, для чего нужны книжные знания. Иногда он говорил, что все это «вздор», а иногда платил им должную дань. Да, он, конечно, был во многом невеждой, и Бэнни будет знать больше, чем он. Но в то же время он ревновал сына к этим знаниям, смутно опасаясь, что среди них могут оказаться такие, которые ему будут не по душе. И в этом отношении он был прав, так как мистер Итон совершенно бессовестно внаштал Бэнни, что многие вещи в мире гораздо важнее нефти.

Затем к подъезду нового дома подъехал великолепный семейный лимузин с бабушкой и тетей Эммой. Лимузином правил Рудольф, который соединял в себе и шофера и садовника, а в торжественных случаях — и дворецкого. Рядом с ним сидел Синг — повар-китаец, представлявший чересчур большую драгоценность, чтобы можно было доверить его особу автобусу или железной дороге. Нелли — горничная могла быть заменена с меньшими затруднениями, а потому ехала отдельно. Грузовик вез сундуки и другие вещи: велосипед Бэнни, картонки со шляпами тети Эммы и бабушкины драгоценные произведения искусства.

Старой миссис Росс было семьдесят пять лет, и ее жизнь до того времени, когда появились автомобили, телефоны и всякого рода сложные машины, была жизнью простой хозяйки скромного ранчо. Она исполняла всю тяжелую домашнюю работу и в бедности воспитала своих детей. Ее дочь умерла от родов, один сын погиб от тифа в испанскую войну, другой умер от пьянства. «Джим» теперь воплощал для нее все, но богатство пришло к нему поздно, и он окружил ее довольством только в конце ее жизни. Вам, наверно, долго пришлось бы ломать себе голову, прежде чем вы догадались бы, какое употребление сделала она из своего досуга и своего богатства. Она решила сделаться художницей. В течение шестидесяти лет, как оказалось, она мечтала об этом в то время, как мыла посуду, шлепала малышей, сушила абрикосы и гроздь мускатного винограда.

И вот теперь — где бы они ни жили — бабушке отводилась лишняя комната для «студии», и один путешествовавший художник обучил ее первым приемам живописи. Сам он писал закаты солнца в пустыне и скалистые берега Калифорнии,

но старая миссис Росс никогда не писала того, что видела. Ее интересовали более изысканные сюжеты: парки, газоны, тенистые аллеи с нарядными дамами в кринолинах и фижмах и кавалерами в расширяющихся книзу панталонах. Ее шедевром была картина в шесть футов длины и четыре вышины, которая висела в столовой. На заднем плане был изображен красивый двухэтажный дом, перед ним широкая круглая площадка с фонтаном посередине; от дома отъезжала коляска, а может быть, это было ландо или кабриолет, в котором сидели нарядная леди и джентльмен, а на козлах кучер-негр. За экипажем бежала собачка. А на лужайке играли в серсо мальчик и девочка в кринолине. Вы никогда не уставали смотреть на эту картину, потому что всегда находилось в ней что-нибудь новое. Отец, указывая на нее посетителям, говорил: «Это мама написала; не правда ли удивительно: ведь ей семьдесят пять лет». И все, кто бы ни приходил — агенты, являющиеся с проектами новых договоров, адвокаты, приносившие бумаги для подписи, управляющие, приходившие за новыми приказаниями, — все подолгу рассматривали картину и всегда соглашались с мнением отца.

Тетя Эмма была вдова того сына, который умер от пьянства, и к ней богатство пришло тоже поздно. Отец ни в чем и ничем не ограничивал их: они покупали все, что хотели, и расплачивались его чеками. Тетя Эмма покупала все в самых лучших модных магазинах, шила себе самые изящные костюмы и поддерживала престиж фамилии Росса во всех тех городах и местечках, где они жили. Она бывала во всех женских клубах и слушала доклады о «женских типах и пьесах Шекспира», «о терапевтическом значении оптимизма» и о том, «что мы будем делать для нашей молодежи?». Раз в месяц старая миссис Росс и тетя Эмма устраивали «торжественный» чай, и отец обычно оказывался занятым началом бурения или цементированием именно в этот день.

Особенно покровительствовала тетя Эмма тем магазинам, где продавались разного рода «косметики». Она знала по именам всех продавщиц за этими прилавками, а также знала и названия всех последних французских новинок в этой области. Правда, она произносила их на совершенно американский лад, но надо прибавить, что это был единственный способ, понятный продавщицам при наименовании товаров. Ее туалетный стол был заставлен целыми рядами изящных коробочек, миниатюрных пузырьков, флакончиков, содержавших румяна, белила, пудру, духи, эмаль для ногтей и многое другое, известное только ей одной. Одним из самых ранних воспоминаний Бэнни была тетя Эмма, сидящая на кончике стула и похожая на огромного попугая. Она была полуодета, — Бэнни был тогда еще так мал, что на него можно было не обращать внимания, — он мог наблюдать в то время, как она сидела, затянутая во все свои доспехи: высокий корсет, тугие подвязки и высокие, плотно зашнурованные ботинки. Она сидела очень прямая и серьезная, мазала себе чем-то щеки и брови, похлопывала себя по лицу маленькой пуховкой, с которой сыпалась белая и розовая пудра, и в это время рассказывала Бэнни о своем покойном муже, умершем много лет назад. Его погубила роковая слабость, — сердце же у него было доброе, мягкое, великодушное. «Да, да, — говорила тетя Эмма, — это был очень хороший человек; где-то он теперь...» А затем — хлоп, хлоп — смахнула пуховкой слезинки со щек, и они снова сделались розовыми.

Глубоко в земле под вышкой «Росс-Бенксайт № 1» непрерывно вращался большой стальной стержень. Он был снабжен наконечником с тупыми стальными зубьями, подобными тем, какие бывают на щипцах для орехов. На эту вращающуюся штангу давил сверху груз в двадцать тонн — собственный вес стержня, — и при каждом своем повороте штанга вдавливалась в твердую скалу и превращала ее в порошок. Она работала среди потока жидкой глины, которая лилась через полые трубы вниз и потом снова поднималась, двигаясь между наружной стенкой трубы и землей. Этот поток жидкой глины исполнял тройную обязанность: 1) сохранял штангу и наконечник бурава от чересчур сильного нагревания, 2) уносил из скважины все измельченные части скалистой почвы и 3) при своем движении вверх закреплял стенки буровой скважины, покрывая их слоем замазки, которая делала их более твердыми, так что они не давили на стержень. Наверху, у отверстия буровой скважины, был вырыт колодезь, куда выливались из труб жидкая грязь и вода, и специальная машина размешивала эту смесь. Там же находились приспособления, которые прогоняли жидкую смесь вниз, причем сила давления на нее равнялась 250 футам на квадратный дюйм. Бурение — работа грязная. Вы тонете сперва в жидкой серой грязи, пока не забьет фонтан, а потом утопаете в жирной нефти.

А каких громадных денег стоила эта работа. Каково было приводить в движение все эти двадцать тонн стальных труб, становившихся с каждым днем, по мере их углубления в землю, все тяжелее, так как они все время удлинялись. Всякий раз, когда пускали в ход большой паровой двигатель и он тянул цепь, а зубчатые колеса начинали скрипеть, Бэнни с восторгом прислушивался к этому шуму. Да, это была машина. Пятьдесят лошадиных сил. Представьте себе пятьдесят лошадей, впряженных в старомодный вращательный станок, такой, какой употребляли наши предки для добывания воды из колодца или для приведения в движение молотилки примитивного устройства.

Да, добывание нефти в Калифорнии обходится недешево. Это не так, как на востоке, где скважины очень неглубоки и где вам достаточно поднимать и опускать ваш насос. Здесь не так. Здесь вам приходится бурить на глубине шести-семи тысяч футов; вам нужно от трехсот до трехсот пятидесяти свинченных между собою труб, и нужны специальные постройки, так как вы не можете долго оставлять вашу скважину без защиты. Вам приходится проходить через слои мелкого водоносного песка, и в скважину надо опускать стальные или железные обсадные трубы, похожие на громадные печные трубы; их надо опускать колено за коленом и тщательно склепывать одно с другим, чтобы добиться полной водонепроницаемости; после этого все заливается цементом, и вы начинаете бурить меньшим «долотом», — скажем, четырнадцати дюймовым. И вы будете брать все меньшие и меньшие резцы, так что, когда вы достигнете нефтеносных песков, буровое отверстие сузится до пяти или шести дюймов. Если вы такой заботливый человек, как отец, то у вас будет целый набор обсадных труб, и наверху, где отверстие скважины широко, трубы будут вкладываться одна в другую, так что на верхней своей части скважина будет

иметь ограждение из нескольких стенок, обсадную трубу в четыре стенки: одна труба вкладывалась в другую.

День и ночь работал двигатель, громадная цепь гремела; вращательный станок непрерывно вращался, и резец врезывался в скалу. Вам надо иметь две смены рабочих, по двенадцати часов каждая. И вы все время должны быть настороже и все время прислушиваться. У парового двигателя всегда должны быть запасы воды, газолина и смазочного масла, насос должен все время работать, жидкая глина — наполнять чан, машина — перемешивать смесь, а бурав — сверлить на должной глубине. При этом всегда могли произойти разного рода неправильности, могло испортиться то одно, то другое, а это все стоило больших денег. Отец приказывал, чтобы его будили ночью в любой час, и он отдавал приказания по телефону или наскоро одевался и спешил на работы. А на следующий день за завтраком рассказывал Бэнни, что произошло. Все этот Дан Россагер, ночной надсмотрщик, — он упрям и медлителен как мул; он всегда копается, а когда его поторопил отец, он сказал: «Хорошо, если вы хотите, чтобы трубы „свернулись“». — «Свернутся» или «не свернутся», но вы должны работать как нужно, а не копаться». И штанги «свернулись». Отец был уверен, что Дан сделал это нарочно. Но как бы там ни было, штанги у вас свернулись, и вам пришлось тянуть вверх все трубы в две тысячи футов длиною, так как надо было найти «разрыв», выбросить испорченную часть и приступить к главному; к вылавливанию из скважины обломков вашего бура. Для этой цели имеется особый аппарат, называемый «ловильным», который вы на канате опускаете вниз. Вам не сразу удавалось ухватиться крепко за то, что вы искали, но, в конце концов, вы с этим справлялись и вытаскивали обломок вашей штанги. Тогда вы вставляли новую часть, и вся работа начиналась сызнова. Но теперь вы уже не торопили Дана и ограничивались тем темпом, который он находил «безопасным».

Часть дня отец проводил в своей маленькой конторе в деловой части города. Там у него был свой стенограф и свой бухгалтер; там же хранились документы, касавшиеся всех его нефтяных скважин. Туда же к нему являлись с предложениями новых договоров, приносили показывать модели новых изобретений и аппаратов. Отец всех внимательно выслушивал, так как никогда нельзя было сказать заранее, что можно было встретить среди всех этих проектов и моделей.

Потом приходил почтальон и приносил ему сведения о всех разрабатываемых им скважинах. Отец диктовал письма и телеграммы и говорил по телефону с дальними участками. Иногда после таких разговоров он приходил к завтраку очень раздраженным. Этот Импей, управляющий участком в Антилопе, сломал ногу, уронив на себя трубу. Импей — высокого роста малый с черными усами, — наверно, Бэнни его помнит? Мальчик ответил утвердительно. Он помнил, как отец кричал на него однажды.

— Я прогнал его, — сказал отец, — но потом пожалел его жену и детей и взял его обратно. В тот день я застал его на коленях с головой, просунутой между цепью и колесом, причем он отлично знал, что на этой машине у нас не было предохранителей. Он разыскивал обрывки какого-то каната, и ему едва не оторвало всех пальцев. Но какой смысл делать что-нибудь для людей, которые настолько бестолковы, что не могут позаботиться о своих собственных пальцах, не говоря уже

о головах? Не понимаю, как они доживают до того возраста, когда у них вырастают черные усы на лице. — И мистер Росс долго говорил на одну из своих любимых тем: о беззаботности и небрежном отношении к себе рабочих. И говорил он это все, конечно, не без цели: бурение — опасная вещь, и Бэнни должен знать, что он делает, расхаживая небрежно под вышкой.

Пришла телеграмма с Лобос-Ривера: «Буровая № 2» бездействовала. Прежде всего, рабочие уронили в нее набор инструментов, а потом, когда их вылавливали, какой-то олух умудрился уронить в скважину стальной лом. А они в это время уже пробурили скважину в четыре тысячи футов, и вылавливать вещи на такой глубине — дело очень сложное и требующее больших расходов. В скважине образовалась пробка, и все, что они ни делали, было безуспешно. На этой скважине точно лежало какое-то заклятие: там все не удавалось, и работы опаздывают там на несколько недель против сделанного расписания. Отец очень взволновался. Каждые два часа звонил по телефону, но получал все одни и те же ответы: они ничего не могут сделать, они пробовали и то и другое, но все напрасно. Упавшие в скважину инструменты они нашли и вытащили, но лом все еще оставался там.

На третий день отец решил лично отправиться на Лобос-Ривер, так как медлить дольше было нельзя: надо было во что бы то ни стало поставить новые обсадные трубы, и он хотел лично следить за цементными работами. Услыхав, что отец собирается на Лобос-Ривер, Бэнни подскочил с криком:

— И меня возьми, папочка!

— Ну разумеется, — ответил отец.

Бабушка, как всегда, запротестовала, говоря, что мальчику нельзя так пренебрегать своим учением, а отец, как всегда, ответил:

— Для изучения истории и поэтов у Бэнни впереди вся жизнь, нефтяное же дело он может изучать только теперь, пока с ним его отец.

Тетя Эмма старалась заставить мистера Итона вступить за честь истории, но учитель хранил скромное молчание, зная, в чьих руках деньги в этой семье. И Бэнни понимал, что его отсутствие нимало не огорчит его наставника, который готовил диссертацию на магистра: свое свободное время он использует на изучение женских рифм в драматических произведениях доелизаветинского периода.

VI

Они опять ехали по дороге на Лобос-Ривер, и Бэнни вспоминал подробности предыдущей поездки: маленькую гостиницу, где они завтракали, словоохотливую девушку, служившую у стола, остановку у домика, где был склад смазочного масла и газолитина, и встречу с ненавистным для всех автомобилистов полицейским агентом, преследовавшим их за чересчур скорую езду.

На Лобос-Ривер они приехали вечером. Там все еще продолжалось безуспешное вылавливание застрявшего в скважине стального лома, и отец, обратившись к собравшимся рабочим, сказал им таким тоном, каким только он умел говорить, и таким голосом, который был везде слышен, — что от людей, которые не умели заботиться о своей собственной безопасности, нельзя и требовать, чтобы они

заботились о его интересах. Рабочие выслушали это как школьники, которым читают нотацию, но «олуха», главного виновника, среди них, конечно, не было: он давно уже шагал где-то по большой дороге.

Явился комиссионер с новым инструментом — изобретением самых последних дней — для очистки скважин. Он уверял, что с этим прибором они немедленно выловят лом. Они попробовали, но прибор застрял в скважине. Очевидно, там была какая-то неровность, какой-то «мешок», в котором все застревало.

— Нужно попробовать очистить скважину динамитом, — сказал отец.

Бэнни очень интересовало, будет ли слышен взрыв на глубине четырех тысяч футов. Динамит сделал свое дело, лом освободился от тисков, а затем надо было все вычистить, пробурить еще немного глубже и опустить обсадную трубу, чтобы закрыть попорченное взрывом место.

Так, день за днем, Бэнни на практике проходил нефтяную науку. Вместе с отцом, геологом и старшим мастером буровых работ он ходил осматривать те места, на которых предполагались новые скважины. Отец брал кусочек бумаги, карандаш и на чертеже объяснял Бэнни, почему нужно помещать эти скважины по четырем углам ромба, а не по углам квадрата.

Вернувшись в Бич-Сити, они нашли дома Берти. Берти была сестра Бэнни, двумя годами старше его, уезжавшая гостить к своим знакомым, очень светским людям, в Вудбридж-Райли. Бэнни начал было ей рассказывать о вылавливании стального лома и обо всем, что происходило на Лобос-Ривере, но она резко оборвала его, назвала «маленьким нефтяным гномом» и сказала, что его ногти способны «испугать даже мертвых». Казалось, что Берти стыдилась «нефти», и это было нечто новое, так как раньше она была хорошим товарищем, интересовалась делом отца, подолгу рассуждала обо всем с Бэнни и покровительствовала ему, как любят делать старшие сестры. Бэнни удивлялся этой перемене, но постепенно он понял, что причиной этого было светское воспитание, которое Берти получала в пансионе мисс Костль.

Во всем виновата была тетя Эмма.

— Джим прав, — говорила она, — обучая Бэнни науке «наживать деньги», но Берти должна быть молодой леди, т. е. она должна научиться тратить деньги, которые будут наживать отец и Бэнни.

С этой целью тетя узнала название самого дорогого пансиона для юных расточительниц, и с этих пор семья редко видела, маленькую Берти: она была в пансионе или гостила у своих новых богатых подруг. Приглашать их к себе она не считала возможным: у них не было настоящего дворцевого — Рудольф «мог годиться только для деревни», заявляла она. Она приобрела в пансионе особый жаргон, приводивший в недоумение ее бабушку и тетку; проделывала странные пируэты, от которых поднималось ее платье, показывая нарядное с кружевами и лентами белье, что повергало бабушку в глубочайшее изумление и заставляло отца криво усмехаться. Грамматика ее отца приводила Берти в отчаяние. «О, папа, пожалуйста, не говори так», — просила она, когда отец произносил при ней какое-нибудь из своих любимых народных словечек. Отец с той же усмешкой неизменно отвечал: «Я говорю так пятьдесят девять лет».

Но тем не менее он стал употреблять эти словечки значительно реже, что служило явным доказательством успехов цивилизации.

Берти соблаговолила, наконец, съездить с братом на новые вышки. Возвращаясь с работ пешком, они встретили миссис Гроарти, с которой Бэнни поспешил приветливо поздороваться. Он познакомил ее с сестрой, причем Берти была с ней величественно холодна, а когда осталась вдвоем с братом, бранила его за вульгарный вкус и говорила, что он сам, если желает, может знакомиться с кем угодно, но не должен знакомить свою сестру со всякой «шушерой». Бэнни не мог этого понять и не мог постичь во всю свою жизнь, как могут люди не интересоваться другими людьми.

Он рассказал Берти о Поле, о том, какой это удивительный мальчик, но Берти на все его восхваления сказала то же, что говорил его отец: «Поль, наверно, сумасшедший». Мало того, она разгорячилась и сказала, что Поль ужасное существо и что она очень рада, что Бэнни не удалось его найти. И такое отношение к Полю Берти сохранила в течение всей жизни, она проявила его в первый же момент, и бедный Бэнни был совершенно сбит с толку. Но, действительно, как можно было ожидать, чтобы Берти, которая обучалась в пансионе поклонению деньгам, умению угадывать с первого взгляда, у кого сколько их было, и ценить людей только за их богатство, — как могла она восхититься человеком, который утверждал, что каждый имеет право только на те деньги, которые он заработал.

Берти была верна себе и своей натуре, а Бэнни оставался верен себе. И раздражение сестры сделало только то, что Поль в представлении Бэнни принял теперь образ одинокой, легендарной личности; он был единственным человеком, который, имея возможность получить «папочкины» деньги, от них отказался. Всякий раз, когда Бэнни бывал неподалеку от дома миссис Гроарти, он заходил к ней, усаживался рядом с ней на клетку с кроликами и расспрашивал о Поле. Однажды миссис Гроарти показала ему нацарапанное каракулями письмо от Руфи Аткинс — сестры Поля, которую Поль очень любил. Она писала, что не получает вестей от брата, что жить им очень трудно и что они иногда закалывают своих коз, и миссис Гроарти сказала что это буквально значит съесть свой капитал. Потом получилось второе письмо от Руфи, в котором она сообщала, что Поль ей написал; он был на севере, теперь он уехал оттуда, но определенного местопребывания у него еще не было. Это было заказное письмо, и в нем он прислал пять долларов на хлеб, но не на «миссии». Скопить денег очень трудно, получая ту плату, которая полагалась мальчишкам, писал Поль. И снова Бэнни был растроган. Вернувшись домой, тайно от всех он взял пятидолларовый билет, аккуратно завернул в листок бумаги, вложил в конверт и написал адрес: «Мисс Руфи Аткинс, Парадиз, Калифорния» — и бросил в почтовый ящик.

Миссис Гроарти всегда была рада видеть Бэнни, и Бэнни знал причину этой радости: она старалась использовать его «как какую-нибудь буровую скважину». Он вежливо давал ей те или другие сведения, спрашивал у отца, что он думал о Слипере и Уилькенсе; отец говорил ему, что это просто «спекулянты». Бэнни добросовестно передал эти слова, но собственники «средних участков», несмотря на это, подписали с ними договор и очень скоро в этом раскаялись, так как Слипери и Уилькенсы перепродали договор одному синдикату, и на следующий день рядом с домом миссис

Гроарти красовалась палатка, в которой публике, завербованной на улицах Бич-Сити специальным агентом, отпускались даровые завтраки. Синдикат, купивший договор, назывался «Бонанца синдикат № 1». Поспешно принялись за постройку вышки, началось бурение и дошло до глубины ста футов. Миссис Гроарти была на седьмом небе и на полученную одновременно тысячу долларов купила сотню акций другого синдиката — «Кооператива № 3». Толпа топтала ее газон, но она не обращала на это внимания; компания обещала перенести ее дом, как только начнут бурить вторую нефтяную скважину, и тогда у нее будет «гораздо более шикарное соседство», заявила она Бэнни

Но в следующее свое посещение он нашел ее очень взволнованной: бурение прекратилось. Газеты писали, что рабочие «ловили» что-то в скважине, но среди публики говорили, что они «ловили свое жалованье». Продажа акций замерла, и все было продано так называемой «Арендной компании». Но буровые работы не возобновлялись, и бедная мисс Гроарти умоляла Бэнни узнать у отца, в чем тут было дело. Отец не знал, и никто вообще не знал, и объяснилось все это только через полгода, когда буровая скважина мистера Росса «Росс-Бэнксайд № 1» уже закончила свои работы вполне успешно. Тогда в газетах появилось сообщение о судебном разбирательстве дела Д. Бюкет-Кибер и его компаньонов по синдикату «Бонанца», обвиняемых в мошеннической продаже нефтяных акций. А тем временем собственники, заключившие договор, никого не могли найти, кто бы согласился продолжать бурение, так как нефтяная скважина на соседнем с ними участке дала всего только две тысячи баррелей нефти, или, другими словами, ровно ничего. И газеты писали теперь, что южный склон не оправдал возлагавшихся на него надежд.

И Бэнни, проходя по улицам южного склона в момент наивысшей славы своего отца, встречал грустные фигуры собственников «средних участков»: бедного мистера Демпри, возвращающегося домой медленными и усталыми шагами после целого дня тяжелой работы, мистера Саама-штукатура, ухаживавшего теперь за своими грядками бобов и поливавшего их из короткой кишки. Бэнни часто видел миссис Гроарти, кормившую своих цыплят и чистившую клетку кроликов, но никогда уже больше не видел он на ней ее нарядного вечернего платья из желтого атласа.

VII

По холму, там и сям, были разбросаны вышки, над которыми днем поднимался белый дымок от машин, а ночью горели яркие электрические огни. Ночью и днем до вас доносился непрерывный гул тяжелых машин. Газеты сообщали о результате работ, и сотни, тысячи спекулянтов и желающих стать спекулянтами читали эти отчеты, садились в автомобили и мчались на место работ, где синдикаты раскидывали свои палатки или устраивали конторы и выставляли плакаты, на которых цены акций были написаны огромными буквами. Акции нарасхват покупались публикой, которая не в состоянии была отличить нефтяной вышки от какой-либо другой постройки. Кто же занимал первое место во всех этих газетных сообщениях? Разумеется, «Росс-Бэнксайд № 1». Мистер Росс постоянно

присутствовал при бурении, следил за рабочими, поощрял их, бранил, когда было за что, и за все это время у него не произошло ни одного несчастного случая. Буровая скважина была уже в три тысячи двести футов глубины и дошла до первого пласта нефтеносных песков. Работали уже восьмидюймовым резцом, который врезывался теперь в скалистый водонепроницаемый слой. Отец с особенной заботливостью относился к этому моменту бурения. Он утверждал, что необходимо знать каждый дюйм в вашей скважине. Бэнни тоже следил за работами и приобрел уже много сведений в нефтяном промысле.

Когда появились первые следы нефти, немедленно производился ряд химических анализов, и Бэнни принимал участие и в этом. Каждый нефтяной бассейн имел свои особенности, каждый представлял собой загадку, и разрешившего ее ждала драгоценная награда. Отец убеждался все более и более в том, что он был прав, начав бурение именно на этом склоне, и скоро отдал приказание готовить резервуары для нефти. В том случае, если бы ему пришлось разочароваться в своих ожиданиях и нефти здесь не оказалось бы, она найдется на каком-нибудь другом участке, и всякий нефтепромышленник с радостью воспользуется готовыми резервуарами. Скоро к месту работ приехал целый поезд грузовиков и платформ, закрытых брезентами. Это не прошло, конечно, незамеченным для публики, и вокруг вышки с утра до вечера толпились люди, жаждавшие проникнуть в тайну того, что совершалось. Они провожали рабочих домой, стараясь всякими обещаниями и взятками вызвать их на откровенность, вступали в разговоры с их женами и со всеми членами их семей. Бэнни стал самым популярным мальчиком во всем Бич-Сити. Изумительно, сколько оказалось на свете добрых джентльменов и добрых леди, которым доставляло удовольствие угощать мальчика мороженым, шоколадом и конфетами. Но отец строго запретил Бэнни вступать в разговоры с посторонними и прекратил даже обычные семейные беседы за обеденным столом, боясь, чтобы тетя Эмма не проговорила кому-нибудь из своих знакомых дам, а те, в свою очередь, не рассказали бы об этом своим мужьям.

Близость нефти проявлялась все определеннее, и отец отдал приказание готовить подмости для разгрузки платформ и грузовиков. И скоро тридцать тысяч баррелей, свежеразкрашенных в ярко-красную краску, появились на участке. При виде их волнение публики перешло все границы. Казалось, что все в городе сошло с ума. Сомнений больше не оставалось — достигли нефтеносных песков. Среди ночи отца разбудил телефонный звонок. Он вскочил с постели, поднял Банни, и, наскоро одевшись, они побежали к вышке. В скважине появились первые признаки давления. Жидкая глина начала уже подниматься и бурлить в скважине. Бурение прекратилось, и рабочие поспешно ставили и укрепляли верхнюю обсадную трубу, которая давно уже была приготовлена. Но отец не удовольствовался этим и приказал еще поставить массивные подпорки к этой верхней обсадной трубе и залить их цементом. Тогда можно быть спокойным, как бы сильно ни было давление на дне. Буровая «Росс-Бэнксайд № 1» не должна потерять ни одной капли добытого сокровища. Вся нефть должна литься в резервуары, а из них прямо в счет отца в городском банке.

Теперь надо было приступить к цементным работам, чтобы сделать скважину водонепроницаемой. Глубоко внизу находился бассейн нефти, скрытый под

непроницаемым для воды каменным пластом, нависшим над ним в форме опрокинутого вверх дном умывального таза. Вся эта нефть была полна газа, который и производил давление. Когда ваш буровой резец проходил через этот «умывальный таз», нефть и газ устремлялись к вам наверх, но при условии, если вы не позволяли воде проникнуть вниз и этим уничтожить давление. Во время бурения вам приходилось проходить через подпочвенные потоки воды, и теперь вам надо было залить толстым слоем цемента дно вашей скважины, заполнив все углубления внутри и снаружи обсадных труб. После цементирования бурение продолжалось через цемент вплоть до нефтеносных песков, и таким образом получался канал, по которому нефть могла подниматься снизу вверх, но куда вода уже не могла проникнуть. Этот момент был самый критический во всей вашей работе, и все были в волнении; нужно ли говорить о владельце и его сыне?

Прежде всего, вы опускали обсадную трубу, известную под названием «водяной колонны». Если вы осторожный человек, подобный отцу, то вы проведете эту колонну на всем протяжении до самого пола вашей вышки. После этого вы принимаетесь накачивать чистую воду и делаете это в течение нескольких часов до тех пор, пока из скважины не будет вычищена вся грязь. Тогда у вас все готово для цементных работ. Рабочие подвозили на одной платформе все необходимые инструменты, а на другой — мешки цемента без песку. Они начинали работать прямо как черти, потому что все должно быть закончено меньше чем в шесть часов, пока цемент не начнет твердеть. Бэнни было очень интересно следить за всем, что они делали. Они приделали внутри обсадной трубы железный поплавок, снабженный в верхней и нижней части резиновыми кружками так, чтобы он мог плавать на воде внутри обсадной трубы.

Мешки с цементом развязали, и цемент высыпали в «мешалку». Оттуда смесь лилась в скважину под давлением сильных насосов, которые толчками гнали ее вниз. Смесь текла быстро, и в течение получаса несколько футов обсадных труб были уже наполнены цементом. Затем внутри обсадной трубы прилаживали второй резиновый поплавок, и опять начинали работать тяжелые насосы, прогоняя цемент между этими двумя поплавками вниз; в скважину. Когда цемент доходил до дна, нижний поплавок, опускаясь, открывал ему выход, и под давлением верхнего поплавка цемент заполнял все трещины, скважины и все пространство между наружной стеной обсадной трубы и землей и поднимался вверх на сто или двести футов, и когда он застывал, то у вас получалась непроницаемая защита от воды. Как интересно было наблюдать за такой работой, знать, что творится там, в недрах земли, видеть эту толпу рабочих, деятельных и неутомимых, как муравьи, и в то же время спокойных и уверенных в себе, знающих свое дело и доводящих его до конца.

Но вот цементная работа была окончена, и теперь нужно было ждать, чтобы цемент вполне окреп. Для осмотра работ приезжал правительственный инспектор, и если оказывалось что-нибудь неладно, то приходилось вновь все переделывать и иногда переделывать по многу раз. Но этого не могло, конечно, случиться у отца. Он хорошо знал цементные работы, «а также и инспекторов», — прибавлял отец с усмешкой. У него оказалось все в исправности, и буровая «Росс-Бэнксайд № 1» опять заработала, причем диаметр скважины теперь был шесть дюймов. Через каждые два-три часа производилось испытание давления. Теперь вы уже едва переводили

дух от волнения, испытывая чувство, подобное тому, какое вы испытывали в детстве, когда ждали рождественского утра, чтобы развязать свой чулок и посмотреть, что прислал св. Николай. Толпа целый день не отходила от вышки, и пришлось вывесить целый ряд самых строгих надписей, чтобы держать людей на приличном расстоянии.

Наконец, отец объявил, что считает глубину достаточной, и рабочие стали прилаживать последнюю трубу, снабженную отверстиями, точно сито. Через нее и должен был устремиться драгоценный поток. Работали без отдыха всю ночь. Наконец, труба была приложена, инструменты все убраны, и приступили к «промывке» скважины, что производилось посредством накачивания в скважину чистой воды и выкачивания из нее жидкой глины и песку. На эту операцию должно было уйти часов пять или шесть, и отец с Бэнни ушли на это время домой, чтобы немного отдохнуть. Когда они вернулись, пора было начинать тартанье.^[2] Надо было применить двухраздельную желонку, представляющую собою нечто вроде поршня в пятьдесят футов длиной. Она спускалась в скважину, поднимала столб воды в пятьдесят футов и выбрасывала из скважины. Потом подняли еще такой же водяной столб и увидели, что дальше не надо пускать поршень так глубоко, так как давление показало, что водяной столб в скважине очень поднялся. Теперь вы уже знали совершенно определенно, что конец был близок; еще один или два подъема желонки, и весь водяной столб выбросится из скважины, жидкая глина, вода и нефть брызнут фонтаном до самого верха вышки, Надо заставить только любопытных отойти подальше и закричать: «Тушите огни!» Закричать так громко, чтобы все это услышали и ни один дурак не смел бы стоять в толпе с зажженной папиросой в зубах. И вот она взвилась. Раздался гром рукоплесканий, и зрители бросились в сторону, боясь попасть под нефтяной дождь. Нефти дали немного пошуметь на свободе, чтобы дать время уйти всей воде, и она весело шипела и свистела, взлетая все выше и выше. Солнце только что село, и небо было ярко-пурпуровое. Отец отдал приказание, чтобы в то время, когда нефтяные брызги разлетались в разные стороны, ни один автомобиль не смел двигаться с места.

Но скоро нефтяной дождь прекратился, и нефть «спрятали», заперли, предварительно убедившись в безукоризненной работе клапана верхней обсадной трубы, а потом вскоре подали ее в совершенно уже готовом виде, т. е. установили связь между верхней обсадной трубой и резервуаром, и нефть спокойно потекла в него. Измеритель показывал тридцать тысяч галлонов в час. Значит, первый резервуар должен был наполниться к двенадцати часам следующего дня. Вот и все. Все закончилось совершенно просто, но в Бич-Сити это известие произвело не меньшее впечатление, как если бы ангел, спустившись с неба на сверкающих облаках, разбросал золотые двадцатидолларовые монеты по всем улицам города. Да, буровая «Росс-Бэнксайд № 1» свидетельствовала о богатствах северного склона холма, и надежды тысяч и десятков тысяч людей превратились в полную уверенность. Газеты поспешили разгласить эту новость во всех ее подробностях: «Росс-Бэнксайд № 1» давала пятнадцать тысяч баррелей нефти ежедневно, удельный вес ее был 32, и доход владельца выражался в колоссальной цифре — двадцать тысяч долларов в сутки. Всюду, где бы ни появлялись отец и Бэйни, на них глазела толпа, и раздавались восклицания: «Вот знаменитый мистер Арнольд Росс, а

мальчик рядом с ним — его сын. Подумать только, что он получает теперь тринадцать долларов в минуту, все равно, бодрствует ли он или спит. Да, такие люди могут позволить себе лишнее блюдо на завтрак». Бэнни, не мог не испытывать некоторого чувства тщеславия и не думать, что он представляет собой нечто особенное. Порой ему казалось, что у него вот-вот вырастут крылья и он полетит. Но его «охлаждал» отец.

— Относись к этому проще, сынок, — говорил он ему, — не болтай много и держи себя в руках. Не теряй головы. Помни, что не ты сделал эти деньги и что они скоро от тебя уплывут, если ты станешь глупить.

Отец был благоразумным человеком, да к тому же успех его в Бич-Сити не был его первым успехом. Он уже пережил искушения, которые приходят вместе с богатством, и понимал, что должен испытывать теперь мальчик. Приятно сознавать, что у вас груды денег, но на своих пирах сажайте за стол скелет и, упиваясь вином успеха, прислушивайтесь к тихому шепоту:

— Memento mori.^[3]

Глава четвертая

РАНЧО

I

Приближался день, когда Бэнни должен был навестить мать.

Мать Бэнни не носила фамилии его отца, подобно матерям других мальчиков. Ее звали миссис Ланг, и жила она в бунгало в окрестностях Энджел-Сити. По соглашению между нею и отцом, Бэнни проводил у нее одну неделю в каждые полгода, и Бэнни ждал этой поездки с самыми разнородными чувствами. Мать была нежна с ним, у нее находилась для него ласка, которой ему не доставало в другое время, и она была такая хорошенькая, действительно «прелестная мамочка», как все называли ее.

Но в других отношениях посещения эти были тяжелы для Бэнни, так как хотя и полагалось скрывать от него некоторые обстоятельства, он все же не мог о них не догадываться. Мамочка расспрашивала его о делах отца, а Бэнни отлично знал, что отец не любит, чтобы о них болтали. Затем мамочка жаловалась на недостаток денег: отец давал ей двести долларов в месяц, а разве молодая и очаровательная соломенная вдовушка могла прожить на такую сумму! Ее счет из гаража никогда не был оплачен, и Бэнни знал, что она станет жаловаться, надеясь, что он передаст это отцу, а отец избегал слушать подобные вещи. В следующий раз она станет плакать, говоря, что Джим тиран и скряга.

Сейчас положение было особенно затруднительно для Бэнни. Мамочка прочитала в газетах о новом фонтане и потому хорошо знала, сколько заработал отец. У нее возник план, который она сообщила Бэнни: он должен постараться склонить отца увеличить ее содержание, но, разумеется, так, чтобы отец не

подозревал, кто истинный вдохновитель этого плана. И это как раз в тот момент, когда Бэнни отказался от роскоши мелкой лжи!

Существовала и еще какая-то тайна, — касавшаяся мамочкиных друзей. Когда Бэнни гостил у мамочки, ее навещали какие-то друзья-джентльмены, которые могли быть ему приятны и неприятны. Когда он возвращался домой, тетя Эмма предлагала ему вопросы, обнаруживающие ее желание выведать что-то об этих друзьях-джентльменах, но так, чтобы Бэнни об этом не догадался, — но Бэнни понимал, что именно хочется ей знать. Он заметил также, что отец никогда не касался этой темы, никогда не задавал вопросов, касавшихся мамочки, и что тетя Эмма производила свой допрос в его отсутствии.

Все это оказывало странное действие на Бэнни. Подобно тому как у отца имелся в банке сейф, куда никто не мог заглядывать, кроме него, так и в уме Бэнни был свой тайный уголок. По внешнему виду Бэнни был живым и откровенным мальчуганом, пожалуй, слишком развитым для своих лет; он жил двойной жизнью, подхватывая то здесь, то там мысли и, как белка орехи, унося их и пряча в свой тайный уголок, чтобы вернуться к ним позднее, разгрызть их и разжевать. Одни орешки оказывались хорошими, другие — плохими; Бэнни учился составлять о них суждения и отбрасывать негодные.

Было ясно одно: мужчины и женщины делают что-то такое, что они сговорились держать в секрете. Это темный угол жизни, — таинственный и довольно противный. Вначале Бэнни проявлял по отношению к отцу полную лояльность, не пытаясь узнать то, чего, по мнению отца, Бэнни не должен был знать. Но бесконечно это не могло продолжаться: ум автоматически стремится понять, и на мысль о подобных вещах наводили и птицы, и цыплята, и собаки на улицах; об этом знал каждый уличный мальчишка, ревностно готовый все объяснить; да и сами глупые взрослые говорили непрерывно о таких вещах, о которых нельзя не догадаться: тетя Эмма постоянно говорила, что каждая женщина гонялась за отцом, «желая его завлечь» и «делая ему бараньи глаза» (у тети Эммы имелся огромный запас подобных выражений), и отец всякий раз обнаруживал странное замешательство, оказывая хоть чуточку внимания какой-нибудь леди, словно боялся, чтобы Бэнни не стал разделять опасения тети Эммы.

В действительности же тетка раздражала Бэнни, и он быстро научился избегать ее вопросов и не выдавать того, что сказал папочка прелестной леди в отеле на Лобос-Ривере и обедала ли с ним вообще какая-нибудь леди. Но, приобретя эти светские качества, Бэнни постоянно пребывал в состоянии скрытого возмущения: почему это люди не могут говорить обо всем открыто, и зачем им нужно притворяться и шептаться, причиняя вам неудобства?

II

Через неделю после устройства участка «Росс-Бэнксайд № 1» у Росса уже была новая вышка, на которую подготовлялся арендный договор, а еще через неделю она была уже оборудована, и буравы начали прокладывать путь в земные недра. Строились еще две вышки, и ожидалась станки и инструменты. На этом участке

должны были находиться четыре буровые скважины, расположенные по четырём углам ромба, каждая сторона которого равнялась тремстам футам. Чтобы перевезти жилище Бэнксайда на другой участок, понадобились перевозчики. Но м-ра Бэнксайда это мало тревожило, так как он успел переселиться в загородную виллу на берегу океана, вблизи отца, купил новую обстановку, новый большой спортивный автомобиль для утренних поездок в загородный клуб, где играли в гольф. Семья Бэнксайда успела привыкнуть к наличию дворцового, а миссис Бэнксайд записалась в члены самого фешенебельного дамского клуба. Действенность — лозунг на Западе, и если вы решили изменить свое социальное положение, нужно идти напролом.

Отец и Бэнни съездили еще раз на Лобос-Ривер и не без труда наладили скважину № 2. Здесь предстояло построить еще две вышки, купить и доставить сюда большое количество инструментов.

В нефтяном деле путь всегда один: заработав известную сумму, ее сейчас же приходится вкладывать в новые бурения, с тем, разумеется, чтобы получать с них новые доходы. К этому вынуждала игра. Приходилось гнаться взапуски с теми, кто каждую минуту грозил отвести вашу нефть. Как только у вас появлялась одна скважина, надо было устраивать защитные скважины, чтобы оградить себя от посягательств соседей на вашу собственную нефть. А сбыт нефти представлял такую массу хлопот, что вам начинало приходиться на мысль: хорошо бы наладить собственный перегонный завод и ни от кого не зависеть! Но независимость стоит дорого: нужно было бы добывать в своих скважинах все количество нефти, потребное для поддержания завода в действии, понадобилась бы целая цепь пунктов для сбыта своих продуктов производства. Игра эта трудна для мелкой сошки. Но как бы вы ни выросли, всегда найдется кто-нибудь больше вас.

У отца в данный момент не было ни одной неудачи, все шло как надо. В разгаре успехов ему вздумалось возобновить бурение в одной из своих старых скважин в Антилопе, пойти немного глубже и посмотреть, что из этого выйдет. Проба вышла удачной: на глубине восьмисот футов оказался новый пласт нефтяных песков, и каждый из шестнадцати старых фонтанов, — выкачивавшихся в течение двух лет и почти истощенных, — готов был доставить отцу новое богатство при расходах по несколько тысяч долларов на фонтан.

Но сразу же выступила и новая задача: у этого района не было нефтепровода, а он был необходим. Россу предстояло сговориться с некоторыми промышленниками, он собирался съездить на место и уладить дело.

Узнав об этом, к нему явился с очень серьезным видом Бэнни:

— Папочка, ты забыл, что скоро пятнадцатое ноября?

— Так что ж, сынок?

— Ты обещал поехать со мной в этом году стрелять перепелок.

— Верно, сынок! Но как раз теперь я ужасно занят.

— Ты слишком много работаешь, папа. Тетя Эмма говорит, что ты сорвешь себе почки, и доктор говорит то же самое.

— Он рекомендует перепелиную диету?

Бэнни понял по улыбке отца, что он собирается пойти на уступки.

— Давай захватим наши походные вещи, — просил мальчик, — и когда ты покончишь дела в Антилопе, вернемся домой через долину Сан-Элидо.

— Сан-Элидо? Но, сынок, ведь это на пятьдесят миль в сторону от нашего, пути!

— Говорят, что там невероятно много перепелок, папочка!

— Мы можем найти их гораздо ближе к дому.

— Я знаю, папочка, но я никогда там не был, и мне хочется посмотреть эту местность.

— Почему ты прицепился именно к ней?

Бэнни смутился, зная, что отец опять найдет его «чудным», но твердо продолжал стоять на своем.

— В этой местности живут Аткинсы.

— Аткинсы? Кто это?

— Разве ты не помнишь мальчика Поля, с которым я познакомился вечером, когда ты толковал об арендном договоре?

— А ты все еще волнуешься из-за этого мальчика?

— Я встретил вчера на улице миссис Гроарти, которая рассказала мне об этой семье. Они в ужасном горе: банк собирается продать их ранчо, потому что они не могут заплатить процентов по закладной. Миссис Гроарти боится даже подумать о том, что с ними будет. Ты знаешь, — сама миссис Гроарти, в конце концов, не получила ничего. Свои премиальные деньги она истратила на покупку акций, а они ничего не дают. Ей приходится жить на заработок мужа, который служит ночным сторожем.

— Что же ты хочешь сделать?

— Я хочу, чтобы ты выкупил эту закладную или сделал еще что-нибудь, но только пусть Аткинсы останутся в своем доме. Это подло выбрасывать людей из дому! Они работают, делают все, что могут!

— Многих людей выбрасывают таким образом, сынок, если они не выполняют своих обязательств.

— Но если они в этом не виноваты?

— Понадобилась бы огромная бухгалтерия, чтобы доказать, чья здесь вина, а у банков книги так не ведутся.

Заметив выражение протеста на лице Бэнни, он добавил:

— Ты убедишься, сынок, что на свете существует целая куча жестоких вещей, изменить которые не в нашей власти. Рано или поздно тебе придется с этим примириться.

— Но, папа, там четверо детей! Из них три девочки. Куда они пойдут? Поль далеко; они не в состоянии даже дать ему знать о случившемся. Миссис Гроарти показывала мне их фотографию: это хорошие, добрые люди, и всю жизнь они ничего не видели, кроме тяжелой работы. Право, папочка, я не успокоюсь, пока не помогу им. Ты обещал купить мне автомобиль когда-нибудь. Возьми эти деньги и выкупи закладную. Она стоит меньше двух тысяч долларов, — для тебя это пустяк!

— Знаю, сынок. Но ведь тогда они сядут тебе на шею!..

— Нет, они не такие, они гордые! Миссис Гроарти говорила, что они никогда не возьмут от тебя денег, — так же, как и Поль. Но если ты выкупишь закладную у банка, им ничего не останется делать. Или ты мог бы купить у них ранчо и сдать им его в аренду. Поль говорил, что на их земле есть нефть, по крайней мере его дядя Эди видел ее у самой поверхности.

— В Калифорнии тысячи таких ранчо. Нефть на поверхности земли не означает ничего особенного.

— Хорошо, папочка, ты всегда говорил, что хочешь попробовать добывать нефть на своей собственной земле. А ты отлично знаешь, что это единственный случай получить то, о чем ты говорил: целую огромную полосу земли, которая будет принадлежать тебе одному, за которую не нужно будет платить ни процентов с прибылей, ни аренды. Давай попытаем счастья в Парадизе. Поедем туда, расположимся на несколько дней и поохотимся на перепелок, а там увидим, что нам делать. Мы поможем этим бедным людям и, в то же время, дадим отдых твоим почкам.

Отец сказал:

— Хорошо, — и подумал, уходя: «Чудной мальчуган».

III

Долина Сан-Элидо лежит на краю пустыни, уголок которой нужно пересечь, чтобы попасть в Сан-Элидо. Это голая, дикая местность, покрытая песками и камнем, сожженная солнцем, где не растет ничего, кроме серых, пыльных растений пустыни. Вы мчитесь по прекрасной мощеной дороге через страну, где еще живут души пионеров старых времен, проезжавших по ней в крытых фургонах или на вьючных мулах и сложивших свои кости возле дороги. Еще и теперь приходится быть осторожным, углубляясь на боковые дороги, пересекающие эти пустынные места. Каждую минуту автомобиль может завязнуть с пробитым радиатором, из которого вытекала вода, и вы должны считать себя счастливыми, если выберетесь отсюда живыми.

Чтобы получить здесь воду, приходится копать глубокие колодцы. Там и сям разбросаны фруктовые ранчо и поля альфальфы. Они прерываются длинными участками с белой, как соль, почвой — от присутствия в ней алкалия⁴⁴ — как объяснил отец. Алкалий делает страну настоящей ловушкой для олухов. Приезжает чужеземец с востока, видит прелестные фруктовые ранчо и думает, что делает очень выгодное дело, покупая соседнюю землю по сто долларов за акр. Он сажает фруктовые деревья, терпеливо их поливает, но они не растут, — ничто не растет, кроме альфальфы. Может быть, здесь слишком много алкалия?

Горе-ранчер вырывает вон деревья, уничтожает даже самый след их и, в качестве владельца недвижимого имущества, охотится за другими олухами.

К автомобилю по правую руку Бэнни был привязан большой сверток, завернутый в непромокаемый чехол. Они находились в «походе», — мысли мальчика блуждали среди расовых воспоминаний, среди опасностей и волнений, существовавших десять тысяч лет тому назад. Бэнни часами держал в обеих крепко сжатых руках по многозарядному ружью. Отчасти он делал это потому, что ему доставляло удовольствие ощущать их, а отчасти по необходимости: упакованные ружья имели бы вид «тайного оружия», что запрещалось законом.

Недалеко от входа в долину начиналась грязная дорога, с надписью на столбе: «Парадиз, восемь миль». Они въехали в узкий проход между горами, похожими на

груды обвалившихся камней всевозможных форм и окрасок. Здесь пошли фруктовые ранчо: деревья еще безлистые, с обмазанными известью стволами, и молодые деревца, покрытые проволочными сетками в защиту от кроликов. Первые в сезоне дожди уже прошли, и показалась молодая трава: калифорнийская весна начинается снизу.

Проход расширился; появились разбросанные там и сям домики фермеров и деревня Парадиз: единственная улица с несколькими лавками, обсаженная эвкалиптами, отбрасывающими длинные тени при вечернем освещении. Отец остановил автомобиль у склада, где автомобили запасаются бензином; здесь же была и съестная лавка.

— Не можете ли вы указать мне ранчо Аткинса?

— Здесь два Аткинса, — ответил приказчик, — старый Абель Аткинс...

— Это он! — воскликнул Бэнни.

— У него козья ферма наверху, возле спуска. До него не так-то легко добраться. Вы рассчитываете попасть туда сегодня вечером?

— Мы не станем особенно печалиться, если нам это не удастся, — сказал Росс. — Мы взяли с собой все походное снаряжение.

Тогда служащий в складе начал запутанно объяснять им дорогу: надо проехать по тропинке позади школы, вы сделаете несколько поворотов и увидите около шестнадцати перекрестков; нужно ехать по правому, а потом по спуску, по которому отводят воду к Розевиллю. Это будет четвертый арройо после того, как вы минуете овечье ранчо старика Теккера, с маленьким домиком наверху, под перечными деревьями.^[5] Они отправились в путь и долго колесили по извилистой дороге, служившей, по-видимому, овечьей тропой. Солнце садилось за холмами, и облака стали пурпурными. Им пришлось объезжать утесы, слишком высокие для их автомобиля, они сползали вниз, в небольшие овраги, и снова поднимались вверх с постоянно меняющейся передачей движения. О перепелах не нужно было спрашивать: холмы оглашались мелодичным криком слетавшихся на ночлег птиц.

Наконец, они добрались до «спуска». Это был деревянный желоб, несущий воду, и от него шли ручейки во всех направлениях, и всюду вокруг расстилалась густая зеленая трава, которую щипало большое стадо овец, не обращавших ни малейшего внимания ни на автомобиль, ни на гудки. Эти дурьи головы так и стремились попасть прямо под колеса!

Показался верховой — здоровый загорелый парень с фантастически пестрым платком вокруг шеи, в широкополой шляпе, с кожаным ремнем. Он гнал стадо коров. Седло и ремни стремян поскрипывали под ним, и этот звук в вечерней тишине раздавался резко и отчетливо. Отец остановил машину. Парень тоже остановился.

— Добрый вечер, — сказал отец.

— Добрый вечер, — сказал парень. У него было приятное, открытое лицо. Он показал им дорогу: арройо пропустить трудно, так как оно имеет воду. Постройки станут видны, как только они поднимутся немного выше.

И когда они отправились дальше, Бэнни сказал:

— Послушай, папочка! Как мне хочется здесь жить, как приятно ездить верхом, вроде этого человека. — Он знал, что эти слова дойдут до отца, потому что парень как раз был таким, каким, по мнению отца, должен быть мужчина: высокий,

сильный, румяный и загорелый как индеец. Да, пожалуй, будет не слишком трудно убедить отца купить для сына ранчо Аткинса!

Они продвигались кое-как по овечьей тропе, пересчитывая арройо, стенки которых вырисовывались в сумерках в виде высоких туманных очертаний, увенчанных фантастическими колоннами скал. Зажженные автомобильные фонари бросали вокруг колеблющийся свет, выхватывая из темноты дорогу. Наконец, они заметили арройо с водой — его можно было узнать по густой зеленой траве — и свернули на еще более изрытую тропинку. Впереди виднелись постройки, в одном из окон светился огонь. То было ранчо, где родился и вырос Поль Аткинс, и Бэнни ощутил необъяснимое внутреннее содрогание, словно приближался к месту, где родился Авраам Линкольн или какой-нибудь другой великий человек.

Отец вдруг заговорил:

— Послушай, сынок. Здесь может оказаться нефть, — всегда есть один шанс на миллион, — так ты ничего не упоминай об этом. Можешь, если хочешь, сказать, что ты встречался с Полем, но молчи о том, что он рассказывал тебе о нефти, и сам ничего не болтай. Предоставь мне все деловые разговоры.

Перед ними был «калифорнийский дом», построенный из вертикально поставленных досок, в один фут ширины, с узкими планками, закрывающими щели. Крылечка не было ни спереди, ни сзади, а вместо порога лежал плоский камень. Окраска дома — если он когда-нибудь был окрашен — поблекла так сильно, что при свете автомобильных фонарей ее нельзя было разглядеть. По другую сторону тропинки и дальше вверх, по направлению к небольшой долине, смутно чернелась группа сараев и большая овчарня, сооруженная из досок, местами подпертых вырубленными из эвкалиптов столбами. Оттуда доносились возня и ворчанье животных.

На расстоянии одного ярда стояла семья Аткинсов, погруженная в созерцание непривычного зрелища: въезжающего в их усадьбу автомобиля. Здесь был сгорбленный тощий мужчина и мальчик, немного ниже ростом, чем он, но тоже сутулый; на них были поношенные синие блузы без воротников и заплатанные штаны, державшиеся на помочах; за ними стояли три девочки, идущие лесенкой по росту, в неопикуемых миткалевых платьях; а в двери виднелась женщина, — вернее, крошечная тень женщины, — бледная и изнуренная. Все шестеро стояли молча и неподвижно. Автомобиль въехал во двор и остановился. Шум мотора перешел в мягкое гуденье.

— Добрый вечер, — сказал отец.

— Здорово, брат, — ответил мужчина.

— Это усадьба Аткинса?

— Да, брат.

Голос был слабый и неуверенный, но он потряс Бэнни до глубины души: он знал, что этот голос привык «бормотать» и «говорить во языцах». Вдруг на семейство сейчас «накатит», и они примутся за свое «прыганье» и «катанье» в присутствии Бэнни?..

— Мы охотимся, — пояснил Росс, — нам сказали, что здесь удобное место для стоянки. Вода у вас хорошая?

— Нельзя быть лучше. Располагайтесь как дома, брат.

— Ладно. Мы немного съедем по тропинке, куда-нибудь подальше от дороги. Нет ли здесь большого дерева, под которым можно расположиться?

— Эли, покажи им дуб и помоги устроиться.

Бэнни снова вздрогнул. Ему было известно, что этот Эли «осенен святым духом», с ним бывает «тряска», и он исцелил возложением рук старую миссис Бюгнер. Бэнни припоминал каждую малейшую подробность, касавшуюся этой семьи — самой необыкновенной, которую ему когда-либо приходилось знать, не считая, конечно, тех, о которых он читал.

Эли пошел по тропинке, машина последовала за ним, а м-р Аткинс — за машиной, без сомнения для того, чтобы убедиться, как Эли исполнит свой долг. Три девочки брели сзади, а миссис Аткинс продолжала стоять в дверях и наблюдать.

Они достигли большого дуба с расчищенной под ним площадкой. Росс поставил машину так, чтобы фонари освещали площадку: когда есть автомобиль, никогда не приходится страдать от темноты на стоянке. Когда машина остановилась, Бэнни перелез через дверцы и начал отвязывать ремни, которыми был прикреплен большой сверток к автомобилю. Мгновенно сверток был отвязан и развернут. Из него появились великолепные вещи: палатка восьми футов в квадрате, сделанная из такого легкого непромокаемого шелка, что, если ее скатать, она производила впечатление свернутого платья; шесты для палатки, сделанные из нескольких свинчивающихся колен; колья и маленький дорожный топорик для их вбивания; три теплых дорожных одеяла, не считая непромокаемого чехла, который тоже служил одеялом; две пневматические подушки и такой же матрац, которые приходилось надувать, пока лицо не покраснеет; наконец, брезентовый мешок с походной кухонной утварью из алюминия, — все предметы с отвинчивающимися ручками вкладываются один в другой, а также алюминиевые ящики с несколькими отделениями для съестных припасов. Когда все эти предметы разложены в порядке, то можно чувствовать себя и среди пустынь, и на горной вершине так же комфортабельно, как в лучшем номере отеля.

М-р Аткинс приказал Эли помочь им, но отец эту помощь отклонил: стоит ли! Они сами знают, что и как нужно сделать, да к тому же все это совсем не трудно.

Тогда м-р Аткинс послал Эли принести ведро воды и осведомился, не хотят ли они молока, — разумеется, козьего, потому что другого у них нет. Отец ответил, что это было бы отлично, а Бэнни перенесся мыслью на Балканы и в другие замечательные края, известные ему из книг, где люди живут одним козьим молоком. М-р Аткинс послал за молоком Руфь, и Бэнни снова встрепнулся: Руфь была любимой сестрой Поля; у нее, у единственной, по словам Поля, был «здравый смысл». М-р Аткинс крикнул ей вслед, чтобы она захватила и яйца, отец сказал, что хорошо бы получить и немного хлеба. У Бэнни точно оборвалось что-то внутри, когда он услышал ответ старика, признавшегося, что у них нет хлеба, так как негде его сеять, да и наливается он плохо здесь, на холмах. Все, что у них есть, — это картофель. Отец сказал, что картофель отлично сойдет, они его сварят немного к ужину, на что м-р Аткинс возразил, что они могут получить его гораздо раньше: миссис сварит его в печке, и таким образом доказал свое полное непонимание того, что такое путешествие с палаткой. Отец отказался от услуг печки, говоря, что огонь им нужен здесь. Тогда м-р Аткинс заметил, что теперь по ночам морозит, и приказал

Эли набрать для них вязанку топлива. Выполнить это было нетрудно, так как стоило отойти на несколько футов в сторону от арройо, и вы натыкались на кустарник пустыни, по большей части совершенно высохший. Эли вырвал из земли несколько кустов, притащил их и разломал о колено на части, потом принес два камня, — это тоже было легко: на ранчо Аткинса нельзя было сделать и нескольких шагов, чтобы не наткнуться на камень.

Огонь был разведен, картофель весело кипел в горшке, банка с консервами была открыта, а мясо уже шипело на сковородке. Отец стряпал, — это было благородное занятие, — а Бэнни хлопотал вокруг, расставляя посуду на непромокаемой крышке, служившей во время еды скатертью без стола. Когда мясо было готово, отец разбил яйца о край кастрюли, вылил на сковородку и сделал глазунью. Потом было подано козье молоко, вкусное, густое и холодное. На запах его не обращали внимания, убеждая себя, что это романтично. Молоко было налито в алюминиевые чашки, составлявшие часть лагерного снаряжения. Кроме того, была подана тарелка сотового цветочного меда, душистого и коричневого, принесенного Руфью.

Отец пригласил семейство Аткинсов поужинать с ними, но старик отказался, — спасибо, они все уже поели. Тогда отец попросил их по крайней мере сесть, так как вряд ли им удобно стоять.

В ответ на это Эли, три девочки и присоединившаяся к ним мать уселись на камнях на почтительном расстоянии от огня; м-р Аткинс сел на камень несколько ближе, и в то время как отец ужинал, они болтали о состоянии погоды, об урожае и том, какова жизнь здесь, на холмах.

Покончив с едой, Бэнни с отцом растянулись на одеялах, чувствуя себя хорошо и удобно. М-р Аткинс сказал, что Эли может помочь раскрыть палатку, но отец снова отказался от его услуг, говоря, что дело это чрезвычайно несложное и отнимет у них мало времени. Тогда Аткинс предложил услуги одной из девочек, — вымыть им посуду, на что отец изъявил согласие. Бэнни собрал сковороды и тарелки, а девочка, средняя по возрасту, по имени Мели, унесла их в дом. Они снова немного поболтали, причем Бэнни заметил, как ловко начинает осваиваться отец с этим семейством, снискивая себе его доверие. Потом наступила пауза, — критический момент для знакомства, — после которой Абель Аткинс спросил торжественным и прочувствованным, не похожим на обычный, голосом:

— Брат, могу ли я задать вам личный вопрос?

— Конечно, — ответил Росс.

— Брат, спасены ли вы?

Бэнни затаил дыхание: ему припомнились слова Поля о том, что м-р Аткинс имел обыкновение, услышав что-нибудь противоречащее его религии, громко молиться и впадает в религиозный транс. Бэнни уже раньше рассказывал об этом отцу, и тот, очевидно, сообразил, что нужно делать. Он ответил тоном, не менее торжественным:

— Да, брат, мы спасены.

— Омыты ли вы кровью?

— Да, брат, мы омыты.

— К какой церкви вы принадлежите, брат?

— Она называется церковью «Истинного слова».

Пауза.

— Я не знаю, в чем состоит ваше учение, — сказал м-р Аткинс.

— Мне очень жаль, — ответил отец, — я с удовольствием изложил бы его вам, но нам запрещено говорить о нашей вере с незнакомыми.

— Но, брат, — м-ра Аткинса это, очевидно, изумило, — в Священном Писании сказано: "Господь призвал нас, чтобы проповедывать евангелие", и еще: "Евангелие должно быть распространено между всеми народами".

— Брат, — продолжал отец с той же глубокой серьезностью, — это понимаю. Но по нашему вероучению мы должны прежде познать людей в дружбе, а потом говорить с ними о религии. Все мы должны уважать чужие убеждения.

— Так, брат, — согласился м-р Аткинс, и его голос заметно упал. Было очевидно, что он не знает, что сказать дальше. Он взглянул на членов своей семьи, как бы ища у них поддержки, но они до сих пор не произнесли еще ни одного слова, за исключением — "да, папа", в ответ на его приказания.

Тогда Росс счел нужным рассеять недоумение:

— Мы приехали сюда поохотиться на перепелок: я слышал, что здесь их много.

VI

Стало так холодно, что небольшой костер уже не согревал. Тогда семейство Аткинсов удалилось, а Бэнни с отцом раскрыли палатку, убрали в нее пожитки, и Бэнни принялся за свою работу — надувание матраца. Ночь была звездная, и они расположились на ночлег под открытым небом; сняв ботинки и верхнее платье, они торопливо залезли под одеяла, — от эдакого холода запрыгаешь! Бэнни свернулся в комочек и лежал, ощущая на лбу дуновение ночной прохлады.

— Послушай, папочка, — вдруг спросил он, — что такое церковь "Истинного слова"?

Отец засмеялся.

— Бедный старый безумец! Нужно же было как-нибудь его сбить!

Они тихо лежали, и дыхание отца скоро стало равномерным и глубоким. Но мальчик, несмотря на усталость, заснул не сразу. Он лежал и раздумывал. Кодекс отца был совершенно иной, чем тот, которому решил следовать Бэнни. Отец мог солгать, если считал это необходимым, доказывая, что при некоторых обстоятельствах люди не могут говорить правду и даже иногда не имеют на это права. И, однако, было совершенно ясно, что отцу не хотелось, чтобы сам Бэнни следовал этому кодексу. Он мог попросить Бэнни умолчать, но никогда не принудил бы его сказать неправду, и, как правило, когда отцу необходимо было солгать, он всегда делал это в отсутствие Бэнни.

Было и еще множество вещей в этом роде, так, например, отец курил сигары, а иногда пил вино, но он ни за что не хотел, чтобы Бэнни курил и пил. Это было странно.

У Бэнни зябли голова и лицо, но телу было тепло, и он стал погружаться... погружаться... мысли начали путаться... Но вдруг он сразу очнулся. Что такое?..

Матрац колыхался и кидал его из стороны в сторону, пришлось расставить локти, чтобы удержаться.

— Папочка! — вскрикнул Бэнни. — Что это?

Росс проснулся сразу. Встал. Бэнни встал тоже, вытянув вперед обе руки, чтобы удержать равновесие.

— Черт возьми! — воскликнул отец. — Землетрясение.

Ну разумеется, землетрясение!.. И как странно чувствовать, что твердая земля, на которую так полагаешься, встряхивает тебя подобным образом.

Дерево заскрипело над их головами, словно сотрясаемое ветром. Они оба выбежали из-под него. Поднялся крик, бляенье и мычанье. То были козы, которым это ощущение нравилось еще меньше, чем людям; у них не было успокоительного представления о структуре земли и геологических явлениях. Затем раздались крики другого рода: они исходили от семейства Аткинсов, по-видимому, выбежавших из хижины.

— Слава!.. Аллилуйя!.. Иисусе, спаси нас!.. Господи, смилуйся!..

— Все, уже кончилось. Пойдем ляжем, иначе они придут сюда молится над нами, — сказал отец.

Бэнни повиновался, и они улеглись.

— Слушай, это было ужасное землетрясение! — прошептал мальчик. — Как ты думаешь, оно, наверно, разрушило какие-нибудь города?

— Похоже на то, что оно было только местным, — ответил отец. — У них здесь, в этом холмистом краю, такие землетрясения нередки.

— Но в таком случае Аткинсы должны бы к ним привыкнуть!

— Я думаю, им доставляет удовольствие подымать всю эту кутерьму, у них мало событий в жизни, — сказал отец. В его собственной жизни было так много волнений, что его не слишком интересовали землетрясения, и еще меньше — неистовства религиозных маньяков. Скоро он опять погрузился в глубокий сон.

Но Бэнни продолжал лежать и слушать. На Аткинсов "накатило": под холодными белыми звездами "прыгуны" совершали свое обычное священнодействие. Они вопили, бормотали молитвы, смеялись, пели и выкрикивали:

— Слава!.. Слава!.. Аминь!.. Селах!.. — и прочие, непонятные для Бэнни слова, которые могли быть одинаково и греческими, и еврейскими, и словами на языке архангелов. Голос старика Абея Аткинса покрывал все остальные, а пронзительные крики детей составляли хор; бляенье коз напоминало множество фальшивых басов в оркестре. Холодные мурашки пробежали по спине Бэнни: его научному рационалистическому разуму, знающему о строении Земли и геологических наслоениях, было всего каких-нибудь одно-два столетия, тогда как разум инстинктивный, произносящий заклинания, насчитывает тысячи, а может быть, и сотни тысяч лет. Жрецы, безумствуя, произносили заклинания. А так как их жертвы сами верили в их силу, то заклинания действовали, и в них начинали верить еще больше.

В данный момент производилось заклинание против землетрясения. Люди, стоя на коленях, простирали руки к небесам, раскачиваясь всем телом, и вопили: "Колесница славы, колесница славы со святым агнцем!"

Наконец, Бэнни уснул. Когда он снова открыл глаза, за холмами брезжил розовый рассвет, а отец уже надевал охотничий костюм цвета хаки. Протирая глаза, Бэнни выпрыгнул из постели и проворно оделся, — холод буквально леденил кости. Он вскарабкался по склону холма, собирая сухие ветки, развел костер и поставил на него котелок.

Пришел Эли. Принес вымытую посуду и спросил, какого они хотят молока: вчерашнего холодного или утреннего — парного?

— А скажите, вы чувствовали землетрясение? — спросил он взволнованно. — Право, оно было ужасно! А в ваших краях они бывают?

У Эли были светло-каштановые волосы, давно не стриженные и не чесанные с самого землетрясения, бледно-голубые глаза, немного выпуклые, что придавало его взгляду выражение серьезности, и длинная шея с выдающимся кадыком. Изношенные штаны были коротки, они не поспевали за его ростом. Башмаки были надеты на босу ногу. Он стоял и внимательно разглядывал все вещи и одежду городских путешественников и в то же время пытался позондировать их души:

— Как учит ваше "Истинное слово" относительно землетрясений?

Отец был занят поджариванием мяса с яйцами и, чтобы отделаться от него, сказал, что они хотели бы получить сегодняшнего утреннего молока.

Но Эли не замедлил явиться снова, стоял и следил за каждым куском, который они отправляли в рот. Он рассказал, что вся семья молилась всемогущему, прося отворотить землетрясение, а землетрясение означает, что святому духу надоели прелюбодеяния, пьянство и ложь, царящие в мире. Но разве они-то делали что-либо подобное?!

Бэнни имел смутное представление о прелюбодеяниях, но он знал, что отец произнес величайшую ложь как раз незадолго перед землетрясением, и улыбнулся про себя при мысли о том, как истолковали бы землетрясение Аткинсы, если бы всё знали.

Пришел старик осведомиться, все ли у них благополучно. М-р Аткинс ясно доказывал своим видом, что сын был его вторым и довольно точным изданием, только старик был крупнее и выше. У него были такие же выпуклые бледно-голубые глаза и большой кадык. Обветренное лицо было изборождено морщинами от забот, но при всем своем слабоумии он казался добрым, честным и хорошим стариком. Он тоже заговорил о землетрясениях и рассказал об одном, которое разрушило кирпичные и бетонные постройки в Розевилле два года назад. Потом он сообщил, что Мели и Сэди отправляются в школу и, если путешественники хотят, они могут купить им хлеба. Росс дал ему доллар, и у них возникли небольшие пререкания; Аткинс настаивал на том, что они согласны взять за яйца, молоко и картофель обычную цену, которую им платят в лавке, и вовсе не желают брать денег за стоянку, так как не видели от этого никакого беспокойства и очень рады путешественникам: жизнь здесь, на холмах, очень уединенна, и если бы не Господь и его Евангелие, — радостей было бы немного.

Отец и Бэнни надели через плечо ягдташи, набитые патронами, вскинули ружья и отправились вверх по небольшой долинке и дальше по холмам. Бэнни не очень заботился о том, чтобы настрелять побольше перепелок. Ему было жаль хорошеньких черных и коричневых птичек с гордыми хохолками, которые быстро бегали, проворно перебирая лапками, и красиво кричали на закате. Но Бэнни не высказывал этих мыслей. Он знал, что отец любит охотиться и что это единственное средство оторвать его от работы и вытащить на свежий воздух, который, по словам врача, так ему полезен.

Отец вскидывал ружье с быстротой молнии и, казалось, вовсе не целился. Но он несомненно целился, так как никогда не делал ошибки сына: не старался подстрелить двух птиц сразу. Он, сверх того, успевал следить за Бэнни и учил его, как надо идти по одному направлению, никуда не сворачивая, чтобы не очутиться друг у друга под дулом.

Они славно побродили по холмам и долинам. Птицы вспархивали и разлетались в разные стороны. Жужжанье... серая полоска... хлоп! хлоп!.. и птицы или улетали, или падали. Не стоило бегать их поднимать, потому что на их место появлялись другие. Они прятались, убегали. Нужно было хлопать еще и еще, а под конец оставалось сразу подобрать всех, которых можно было найти, — мягкие комочки теплых перьев, залитых кровью. Иногда комочки были еще живы, и приходилось свертывать им шею. Бэнни ненавидел это.

Наполнив сумки, усталые и голодные, они побрели обратно к стоянке. Пришел Эли, предлагая ощипать птиц. Они ему с удовольствием это разрешили и отдали половину дичи семье на обед. Было жалко смотреть, как заблестели при этом глаза бедного полуголодного юноши, — нелегко жить одним святым духом, когда продолжаешь расти!

Эли отнес дичь в дом, где под рукой был чурбан для рубки мяса и ведра с водой. Бэнни, между тем, растянулся на отдых, подняв ноги кверху. Вдруг он вскочил, восклицая:

— Папочка, взгляни-ка!

— На что взглянуть?

— На мой ботинок!

— Что там такое?

Бэнни поднес ногу к самому носу.

— Папочка, это нефть!

— Ты в этом уверен?

— Но что же другое может это быть?

Он запрыгал вокруг отца на одной ноге, чтобы тот мог убедиться сам.

— Она, должно быть, на самой поверхности земли.

— Ты уверен, что этих следов не было раньше?

— Конечно, папочка! Нефть еще мягкая. Как же я мог уложить ботинок в таком виде, ничего не заметив? Я, наверное, попал в самую настоящую лужу. Ах, послушай! держу пари, что причиной всему землетрясение! Нефть показалась в образовавшейся трещине.

Бэнни снял ботинок, и отец осмотрел находку. Он заявил, что не следует слишком волноваться, это совершенно обычная вещь: найти нефтяные лужи на

поверхности земли. Как правило, они невелики и ничего не означают. Тем не менее, не стоит пренебрегать найденными следами нефти, и после обеда они отправятся на место охоты посмотреть, что там такое.

Папочке легко говорить, — не стоит волноваться! Он плохо знает, что на уме у его мальчика! Бэнни уже давно лелеет одну мечту. Дело в том, что папочка не раз высказывал желание заполучить когда-нибудь настоящий нефтеносный участок, который принадлежал бы только ему одному. Он высчитывал и доказывал, что если платить всего только шестую часть с прибылей, то и в таком случае это значит — отдавать половину своей чистой прибыли, так как приходится оплачивать все издержки не только по бурению, но также по поддержанию и эксплуатации фонтана, и по сбыту нефти. Всегда приходится отдавать половину твоих денег какому-то постороннему только за то, что ему принадлежит земля!

Хорошо же!.. Когда-нибудь папочка получит участок в свое полное распоряжение, возьмет его себе и сможет разрабатывать как хочет. Он построит целый нефтяной город и будет управлять им без всякого постороннего вмешательства. Найти такой участок — в этом именно и заключалась мечта Бэнни.

Он представлял себе это на десятки ладов: то он копает яму в земле, и нефть начинает бить оттуда струей; чтобы скрыть свою находку, он заваливает яму, а папочка скупает участки на целые мили вокруг и делает Бэнни своим компаньоном; то он исследует пещеру в горах и попадает в нефтяной пруд, из которого выбирается с большим трудом.

Бэнни рисовал себе множество самых разнообразных возможностей, но ему никогда не приходило в голову, что может произойти землетрясение, образовав трещины в земле как раз перед тем, как им с папочкой отправиться на охоту за перепелками.

Бэнни был так возбужден, что едва заметил вкус великолепного обеда, состоявшего из перепелок, картофеля и вареной репы. Как только папочка выкурил послеобеденную сигару, они отправились в путь, то разглядывая почву под ногами, то подымая глаза на межевые столбы, чтобы определить, правильно ли они идут к тем холмам, где были раньше. Они прошли таким образом с полмили и спугнули двух перепелок. Отец подстрелил их, пошел поднять и неожиданно вскрикнул:

— Вот она, сынок!

Бэнни подумал, что речь идет о птицах, но отец снова позвал его:

— Поди сюда! — и, когда мальчик приблизился, сказал — Вот твоя нефть!

Присутствие здесь нефти было несомненно. Черная полоса ее в шесть-восемь дюймов шириной выливалась из расщелины почвы. Нефть была мягкая и вязкая и порою вскипала пузырями, как бы еще просачиваясь. Отец опустил на колени, окунул палец в нефть и посмотрел ее на свет. Потом отломил сухую ветку от кустарника и погрузил ее в расщелину, чтобы убедиться, насколько она глубока и продолжается ли напор нефти.

— Нефть настоящая, — сказал отец, вставая, — в этом не может быть никакого сомнения. Я полагаю, будет неплохо купить это ранчо.

Они отправились обратно. У Бэнни все пело внутри, а Росс строил планы и производил мысленные расчеты. Оба забыли о перепелках.

— Миссис Гроарти не говорила тебе о том, сколько земли под этим ранчо? — спросил отец.

— Она говорила, что под ним только часть земли.

— Нужно узнать, как велик весь участок. Между прочим, сынок, не сделай ошибки и не проговорись кому-либо хоть одним словом о нефти, даже после того, как я уже куплю этот участок. Будет не худо купить также кусок земли на этих холмах. За скалы не придется дорого платить.

— Но послушай, папочка! Ты должен заплатить м-ру Аткинсу хорошую цену!

— Я заплачу ему за землю столько, сколько она стоит, но отнюдь не собираюсь платить за ее нефтеносность. Во-первых, у него могут возникнуть подозрения, и он откажется от продажи. Во-вторых, ему нечего делать с этой нефтью, она ему ни на что не нужна да не будет нужна и через миллион лет. Да и что станет делать с доходами от нефти бедный слабоумный старикашка?

— Но ведь не станем же мы пользоваться его положением, папочка?

— Я сделаю так, что он не пострадает, закреплю деньги таким образом, что он не будет в состоянии раздавать их миссионерам, и всегда буду заботиться о нем и его детях, стараясь поднять их на ноги. Но здесь и речи быть не может об участии в прибылях. И если кто-нибудь из них станет расспрашивать тебя обо мне, ты должен сказать, что я занимаюсь торговыми делами: торгую землями и разными товарами. Скажи также, что у меня есть магазин и что я покупаю машины и даю деньги под обеспечение. Все это совершенно верно.

Идя дальше, Бэнни переворачивал в уме на все лады ту моральную проблему, которой предстояло занимать его много лет.

Какие именно права имели Аткинсы на нефть, скрытую в земле под их ранчо? Мальчик больше не сказал отцу ни слова: он знал, что отец уже принял решение. Конечно, он должен повиноваться приказаниям отца. Но все же вопрос этот он обсуждал про себя всю дорогу, вплоть до самого ранчо, где они увидели старика Аткинса, починаявшего козий загон. Они подошли к нему и поболтали немного об охоте и о дичи. Отец заметил:

— М-р Аткинс, не войдете ли вы со мной в дом, чтобы я мог поговорить с вами и с вашей женой? — А когда м-р Аткинс изъявил согласие, отец обратился к сыну и сказал: — Извини, сынок, попробуй пойти поохотиться за перепелками один, без меня. — И Бэнни ясно понял, что это означает: по мнению папочки, мальчику лучше было не присутствовать при хирургической операции, которая должна была лишить бедных Аткинсов их шестисот сорока акров скал.

VI

Бэнни побрел вверх на арройо и увидел высоко на склонах холма пасущихся коз. Он поднялся повыше, чтобы взглянуть на них, и познакомился с Руфью.

Она сидела на большом валуне, пристально глядя на цепь холмов. Она была босая, с непокрытой головой, в изношенном и заплатанном миткалевом платье, из которого давно уже выросла. Руфь была худеньким, бледным, несмотря на загар, ребенком, — смуглость ее была анемичной, без признаков румянца, — с

фамильными голубыми глазами и выпуклым лбом. Волосы ее были зачесаны прямо назад и перевязаны обрывком старой ленты. Она сидела и стерегла стадо, как это делали дети Палестины две тысячи лет назад, о которых она читала в единственной имевшейся в доме Аткинса книге. Она этим занималась одну неделю из трех, часов по десяти-двенадцати в день, чередуясь с сестрами. К ней редко кто-нибудь приближался, а потому появление чужого мальчика, вскарабкавшегося наверх, привело ее в смущение. Она не взглянула на него и сидела, поджав ноги.

Но Бэнни владел магическим словом, которое должно было открыть ему ее сердце.

— Вы ведь Руфь, не правда ли? — спросил он и, когда она кивнула в ответ головой, прибавил: — Я знаком с Полем.

В один миг они стали друзьями.

— О!.. Где? — Руфь стиснула руки и, не отрываясь, смотрела на него. Бэнни рассказал ей о своем посещении миссис Гроарти, — разумеется, ничего не упоминая о нефти, — рассказал, как пришел Поль и что именно произошло. Она его не прерывала, впиваясь в каждое слово. Руфь никогда не отличалась многоречивостью. Ее чувства протекали в глубине, не оставляя пены на поверхности. Но Бэнни знал, что она всей душой прикована к его рассказу: она боготворила брата.

— И вы его больше ни разу не видели? — прошептала она.

— Да я, в сущности, никогда и не видел его, — ответил Бэнни. — И не узнал бы его при встрече. Вы не знаете, где он?

— Я получила три письма, все из разных мест, и он писал, что там не останется, но придет как-нибудь повидаться со мной, — именно со мной. Он боится папы.

— Что он может ему сделать?

— Папа его выдерет. Он на него ужасно зол и называет его порождением сатаны. Поль говорит, что не верит в то, что написано в Библии. А вы верите?

Бэнни колебался, вспоминая отца и его "Истинное слово", но решил, что настолько-то может доверять Руфи, и сказал, что, кажется, верит не во всё. Тогда Руфь, глядя с напряженным беспокойством ему в глаза, спросила:

— Отчего бывают землетрясения?

Бэнни рассказал ей все, чему его учил м-р Итон относительно земной коры, ее сжимания и пустот между пластами, которые первыми уступают давлению. Судя по изумленному выражению ее лица, он понял, что это было первой крупницей естественно-научных знаний, зароненной ей в голову.

— Так вам нечего бояться? — сказала она.

И Бэнни заметил признаки другой мысли, зародившейся у нее в уме. Руфь еще внимательней поглядела на него и воскликнула:

— О!.. Так, значит, это вы послали деньги!

— Деньги? — спросил он невинно.

— Четыре раза приходили конверты с вложенными в них пятидолларовыми билетами, а письма не было. Папа говорил, что это дело святого духа. Но ведь это были вы? Ведь так?

На эту прямую атаку Бэнни ответил утвердительным кивком головы. Руфь покраснела и, заикаясь, смущенно начала бормотать слова благодарности, говоря, что не знает, смогут ли они когда-нибудь за это отплатить, — сейчас им живется

тяжело. Бэнни прервал ее заявлением, что все это чепуха, у папочки денег больше, чем он может истратить. Он объяснил, что папочка, намерен купить у ее родителей ранчо, выкупить закладную и, если они захотят, оставит их жить на прежнем месте за очень небольшую плату.

Слезы побежали по щекам Руфи, она принуждена была отвернуться, и, не владея собой, — ей нечем было вытереть глаза, нельзя было воспользоваться даже кончиком подола, его едва хватало, чтобы прикрыть голые ноги, — она соскользнула с валуна и спряталась за ним. Бэнни сидел взволнованный не столько этим проявлением чувства, сколько этической борьбой, происходившей в его собственной душе. Он повторял себе, что действительно только желание помочь Аткинсам побудило его притащить сюда отца, нефть была лишь предлогом, чтобы склонить его на поездку. Отец все равно — и без нефти — купил бы ранчо, именно для того, чтобы оказать помощь этой семье. Очень может быть, что дело не обошлось бы без пререканий, но он его все-таки купил бы.

Так успокаивал себя Бэнни и в то же время не мог не думать о хирургической операции, происходящей внизу, в хижине в ту самую минуту, когда он сидит здесь и заставляет Руфь думать о нем как о герое и спасителе. Отец сказал: "Какое употребление может сделать бедный слабоумный старикашка из доходов от нефти?!" Бэнни не сомневался, что отец станет доказывать то же самое и относительно Руфи: она здорова и счастлива, сидя здесь на солнце с голыми загорелыми ногами. Для нее это самое лучшее, что может быть на свете, — гораздо лучше, чем если бы ее ноги были обуты в дорогие шелковые чулки. "Совершенно верно, — вдруг начинал доказывать маленький бесенок в уме Бэнни, — но зачем же тогда у других женщин должны быть шелковые чулки? Например, у тети Эммы?! Она сидит за своим туалетным столом, и у нее есть не только шелковые чулки но и корсеты, выписываемые из Парижа, и целый косметический магазин всяческих притираний. Разве для нее не так же было бы хорошо сидеть на солнце с голыми загорелыми ногами и пасти коз?"

VII

Послышался голос отца, зовущий Бэнни, и он простился с Руфью и сбежал вниз по арройо. Росс сидел в автомобиле.

— Мы едем в Парадиз, — сказал он. — Но прежде перемени свои испачканные ботинки.

Бэнни снял ботинки, сунул их в задний кузов машины и вскочил на сиденье. Они покатали вниз по тропинке, и отец с довольной улыбкой заметил:

— Все хорошо, сынок! Ранчо наше.

Его забавляла разыгравшаяся в доме сцена, и он рассказал ее Бэнни, предвидя возможность осложнений в чувствах сына. Отец тактично завел разговор с четой Аткинсов о недостатке хлеба в их семье. Это дало толчок м-ру Аткинсу раскрыть все положение. На ранчо имелась закладная в тысячу шестьсот долларов, по которой были просрочены проценты на сумму около трехсот долларов. Они уже получили из банка последнюю повестку, в которой говорилось, что на будущей неделе назначена

опись имущества. Тогда отец объявил, что ему нужно место для летнего отдыха, где его мальчик мог бы жить на открытом воздухе, и что он даст за ранчо хорошую цену. Бедная миссис Аткинс залилась слезами: это был ее домашний очаг, она чуть ли не родилась здесь. Отец посоветовал ей не сокрушаться, так как они смогут здесь остаться, сохранив за собой все фермерские права. Он даст им ранчо в аренду на девяносто девять лет, с платой по десять долларов в год. Старик схватил отца за руку, говоря, что он видит в этом руку Господа. Отец понял, что сделал у удачный ход, и пояснил, что Господь послал его согласно откровению "Истинного слова", после чего м-р Аткинс сделал именно то, что приказывал ему Господь через посредство отца.

И Дж. Арнольд Росс привел таким образом в порядок дела этой семьи. Можно держать пари, что отныне деньги не будут больше бессмысленно расшвыриваться по рукам разных миссионеров. Господь повелел отцу сказать м-ру Аткинсу, что он должен употреблять их на прокормление, одежду и образование собственных детей. Далее Господь открыл, что права отца на землю Аткинсов должны быть оплачены не наличными деньгами, а сертификатами депозита кредитной компании, которая будет давать Аткинсам небольшой доход, — долларов пятнадцать в месяц, — что гораздо приятнее, чем платить банку десять долларов в месяц процентов по закладной. Кроме того, Господь повелел, чтобы эти деньги были целиком сохранены для детей.

Друг Бэнни Поль может поблагодарить отца за то, что он сохранил за ним его часть. Когда м-р Аткинс заявил, что один из его сыновей — черная овца и недостойн Господней милости, отец, исходя из откровения "Истинного слова", доказал, что нет овцы чернее той, которую Господь вымыл добела в дни своей славы. М-р Аткинс радостно с этим согласился и вместе с женой подписал свое имя на составленном Россом запродажном акте.

Покупная цена участка была установлена в три тысячи семьсот долларов — цифра, назначенная самим м-ром Аткинсом, который сказал, что земля в этой холмистой местности стоила пять долларов за акр, а все возведенные на ней постройки он исчислял в пятьсот долларов. На самом деле, по мнению отца, эта куча развалин стоила гораздо меньше, но он согласился на оценку старика. По договору, м-ру Аткинсу предоставлялось такое количество воды, которое было бы достаточно для поливки двух акров земли, где у него в настоящий момент были произведены посевы. Конечно, если понадобится, ему можно будет дать воды и больше, но отец не хотел оставлять поводов для споров относительно прав на воду. Утром мистер и миссис Аткинсы поедут в Парадиз, отец наймет там четырехместный автомобиль и свезет их в какой-нибудь другой город, где можно будет покончить дело без большой огласки. Теперь отец едет в Парадиз, чтобы поручить городскому агенту по продаже недвижимого имущества купить для него несколько других земельных участков.

— Почему ты не пошлешь за Бэн Скутом? — спросил Бэнни.

Отец ответил, что Бэн мошенник: он поймал его раз на попытке сорвать взятку с противной стороны, а кроме того, местный житель сделает это лучше. Отец соблазнит его исключительным куртажем, а Бэнни пусть наблюдает и учится, как

это делается. К счастью, отец оказался предусмотрительным и взял с собой чек на три тысячи долларов.

— Я не знал точно, сколько времени может продлиться наша поездка, — сказал он со свойственным ему юмором.

Они подъехали к конторе с вывеской: "Дж. Х. Хардекр. Недвижимые имущества. Страховка. Ссуды".

М-р Хардекр сидел с сигарой во рту, задрал ноги на конторку, выжидая добычи. Это был тощий, голодного вида паук. Его ни на минуту не ввел в заблуждение старый охотничий костюм отца; он чувствовал, что здесь есть деньги. Он спустил ноги на пол и сел. Отец тоже сел, бросил какое-то замечание насчет погоды, спросил о землетрясении и, наконец, сказал, что у него есть родственник, которому по состоянию здоровья необходимо жить на свежем воздухе. Он только что купил участок Абея Аткинса, и ему при этом пришло в голову, что хорошо бы заняться в широких размерах разведением коз. Так вот, не возьмется ли м-р Хардекр купить для него какую-нибудь землю, прилегающую к участку Аткинсов?

М-р Хардекр ответил, не задумываясь, что здесь можно получить целую уйму этого холмистого товара: имеется участок Бенди, совсем рядом... Он вытащил большой план местности и карандашом указал на нем Россу этот участок. Найдется до тысячи акров подобной земли, большею частью она расположена в глубине, среди холмов и сплошь скалистая. Росс спросил, за какую сумму ее можно купить, на что м-р Хардекр ответил, что весь этот холмистый товар держится в цене от пяти до шести долларов за акр. Он стал указывать на другие участки; отец попросил его подождать минуту, пока он вынет карандаш и бумагу, и принялся отмечать у себя имена владельцев, количество акров и цену. По-видимому, возможно было скупить все окружающие участки, и потому, когда агент забывал включить который-нибудь из них, отец спрашивал: "А как насчет этого?" — и м-р Хардекр отвечал: "Это участок старого Раскома... Да, я думаю, что его также можно будет купить". На это отец сказал: "Давайте внесем их в список все", — что вызвало странное выражение на лице м-ра Хардекра. Ему казалось, что настал великий час в его жизни.

— Теперь, м-р Хардекр, — продолжал Росс, — будем говорить прямо. Я хочу купить землю по сходной цене. Бывает всегда так: только люди увидят, что вам хочется ее купить, они начинают вздувать цену. Давайте это выясним. Я хочу купить землю по справедливой цене, но не хочу переплачивать. Если же кто-нибудь начнет эту цену вздувать, вы можете сказать, чтобы он забыл об этом деле, и я забуду тоже. Все те участки, которые можно приобрести по сходной цене, вы купите для меня, получая обычный куртаж с продавца. С меня же вы получите пять процентов сверх того. Это значит, что я хочу видеть в вас своего человека, который делает все, что может, чтобы купить для меня участки по самым низким ценам. Мне нечего указывать вам на то, что покупка должна производиться быстро и без огласки, чтобы люди даже не успели подумать, что здесь скрывается какой-то блеф. Вы меня понимаете?

— Да, — отозвался м-р Хардекр, — но я не знаю, в какой срок сумею все это сделать. В таком маленьком местечке, где любят поговорить, нужно немало времени, чтобы сделать дело.

— Если вы будете действовать согласно моим указаниям, времени понадобится немного. Вы не должны упоминать обо мне; совершайте покупку для неизвестного клиента и оплачивайте предварительное соглашение наличными деньгами, а это значит, что задержки не будет, так как люди находятся здесь же, под боком.

— Но это потребует целой кучи денег, — сказал м-р Хардекр, несколько испуганный.

— У меня в кармане есть немного мелочи, — ответил Росс, — да к тому же я захватил с собой чек, который завтра же могу обменять на наличные. Видите ли, м-р Хардекр, иногда я бываю просто помешан на охоте за дичью. Мне пришла в голову идея, что если мне удастся найти здесь обилие дичи, я куплю себе немного земли, чтобы иметь место для охоты. Но твердо усвойте себе следующее: я могу охотиться так же хорошо на одном холме, как и на другом, и никому не позволю считать за дичь меня самого.

Росс вынул из кармана письмо председателя крупного банка в Энджел-Сити, удостоверяющее, что м-р Джемс Росс — человек, обладающий большими средствами и величайшей честности. По сведениям Бэнни, у отца было два таких письма: одно на имя Джемса Росса, другое на имя Дж. Арнольда Росса. Первым он пользовался только при покупке нефтеносных участков, и никто никогда не догадывался о тождестве этих двух лиц!

Предложение Росса сводилось к следующему: он заключает с м-ром Хардекром условие, которым м-р Хардекр уполномачивается заключать предварительные соглашения сроком на десять дней на целый ряд участков определенного размера и по определенной цене, с уплатой пяти процентов в счет каждого соглашения. Росс должен оплатить соглашения в течение трех дней, причем м-р Хардекр получает от него пять процентов со всей покупки.

М-р Хардекр, раздираемый страхом и алчностью, наконец, решился рискнуть, лишь оговорившись, что если м-р Росс его подведет, он легко может оказаться банкротом. Он уселся за свою ветхую пишущую машинку и напечатал два экземпляра соглашения с длинным перечнем участков, которые должны были Россу обойтись немногим более шестидесяти тысяч долларов. Оба дважды перечитали соглашение и поставили под ним свою подпись: сначала Росс, а потом, слегка дрожащей рукой, м-р Хардекр. Росс сказал: "Прекрасно", — отсчитал и выложил на конторку десять стадолларовых билетов и предложил м-ру Хардекру немедленно приступить к работе. Хорошо, если бы он приготовил предварительные соглашения для подписи противной стороне. Росс думает, что у него в автомобиле найдутся нужные бланки. Он в этом не уверен, но на всякий случай пойдет посмотреть. Отец вышел, а м-р Хардекр, как бы между прочим, дружески спросил Бэнни:

— А какое дело у вашего отца, маленький джентльмен?

И Бэнни, внутренне смеясь, ответил:

— О, папочка занимается всевозможными делами. Он покупает землю и массу других вещей.

— Какие же это вещи?

Бэнни продолжал в том же тоне:

— У него есть универсальный магазин, а иногда он покупает машины и дает деньги под обеспечение.

В эту минуту вернулся отец. По счастливой случайности, в автомобиле оказалась целая пачка необходимых бланков, что заставило Бэнни усмехнуться снова: еще ни разу до сих пор не случилось, чтобы у папочки в нужный момент не оказалось какого-нибудь документа, инструмента, антисептического средства или хирургического бинта, запрятанных где-нибудь в недрах автомобиля.

VIII

Они отправились обратно к стоянке. Солнце уже склонялось к закату, перепела перекликались на всех холмах. Они обогнали провожавшего скот верхового, который остановился, поговорил с ними о землетрясении и поехал дальше, поскрипывая седлом и ремнями стремян, и отец сказал:

— Может быть, нам сегодня же удастся купить ранчо этого парня, и ты сможешь ездить верхом на его лошади.

Дальше им повстречался другой парень, — на этот раз пеший, высокий и тонкий, и такой сутулый, словно он держался за ручки плуга. Он был в одежде местных фермеров и соломенной шляпе. Парень прошел мимо крупными шагами, жестко глянул на обоих и едва кивнул головой в ответ на приветствие Росса — "добрый вечер". Отец заметил: "Забавный малый", — а на Бэнни произвело сильное впечатление это серьезное лицо с большим, выдающимся носом и широким ртом с опущенными уголками губ.

Добравшись до своего лагеря, они развели огонь и устроили великолепный ужин, состоящий из целой сковороды дичи и копченого мяса, из горячего какао, поджаренных гренков, приготовленных из хлеба, принесенного Мели и Сэди, и из персикового компота, купленного Бэнни. После ужина Бэнни увидел Руфь возле козьего загона и пошел в том направлении, чтобы с ней встретиться. Она боязливо оглянулась, — нет ли кого поблизости, — и прошептала: "Поль был здесь". Бэнни с удивлением смотрел на нее. Поль? И внезапная догадка сверкнула в его мозгу: тот, кого они встретили по дороге, и был Поль! Он описал Руфи его наружность, и она подтвердила: да, это был Поль. Он пришел на несколько часов, чтобы повидаться с ней, как обещал, и принести ей скопленные из жалованья пятнадцать долларов.

— Я сказала, что нам теперь деньги не нужны, но он их все-таки оставил.

— О, почему он не остался и не поговорил с папочкой и со мной! — воскликнул Бэнни. — Он едва кивнул нам.

Руфь была очевидно смущена, ее трудно было заставить сказать еще что-нибудь о Поле. Бэнни настаивал, — ведь ему так хотелось узнать Поля, а он как будто его не любит. Только после Руфь решила передать Бэнни то, о чем говорил Поль.

— Его взбесило, что папа продал ранчо. Он говорит, что мы не должны были этого делать.

— А что же вам оставалось делать?

— Он говорит, что мы должны были продать овец для уплаты банку и, по примеру некоторых местных жителей, заняться разведением клубники. Нам таким образом удалось бы встать на ноги, оставаясь независимыми.

— Поль так горд! — воскликнул Бэнни. — Он так боится благодетелей.

— Не совсем так! — возразила Руфь.

— Но тогда что же?

— Ну, не слишком-то вежливо об этом говорить! — Руфь снова смутилась.

— В чем же дело, Руфь? Я хочу постараться понять Поля.

— Ну хорошо! Поль говорит, что ваш отец крупный нефтепромышленник, что здесь есть нефть, и вы об этом знали, так как он сам вам об этом рассказал.

Воцарилось молчание.

— Ваш отец нефтепромышленник?

Бэнни заставил себя ответить:

— Папочка деловой человек, он покупает землю и разные вещи. У него есть магазин, он покупает также машины и дает деньги под обеспечение. — Говорить это приказал ему отец, и это, как мы знаем, была почти правда. Тем не менее, произнося эту фразу, Бэнни чувствовал себя лжецом. Он обманывал Руфь, милую невинную, доверчивую Руфь с большими простодушными глазами и прелестным добрым лицом, Руфь, которая была не способна на злые мысли или эгоистический поступок, вся жизнь которой была сплошным самопожертвованием. О, зачем все так сложилось, что ему пришлось лгать именно ей, Руфи!

Они еще поговорили о Поле, который весь день прятался среди холмов. Дела Поля идут хорошо: он нашел работу у одного старого адвоката, который, несмотря на свое неодобрительное отношение к его побегу из дома, помогал ему скрываться. Адвокат этот был, что называется, вольнодумцем и проповедовал, что каждый может верить во что хочет. Старик сделал Поля своим садовником и подручным, давал ему читать книги, Поль делается образованным. Это было похоже на чудо и звучало восхитительно. Поль прочитал одну касающуюся Библии книгу, в которой доказывалось, что Библия есть не что иное, как древняя история еврейского народа, волшебные сказки, полные противоречий, кровавых убийств и прелюбодеяний, и нет никакого основания считать все эти вещи божьим словом. Полю хотелось, чтобы Руфь тоже прочитала эту книгу, и Руфь переживала теперь по этому поводу безумный ужас. Однако Бэнни заметил, что она не столько страшится за собственную душу, сколько за душу Поля.

Бэнни вернулся к отцу и рассказал ему о том, что второй встреченный ими парень был Поль.

— В самом деле? — отозвался Росс и повторил снова: — Забавный малый!

Отца не интересовала встреча с Полем, он не имел ни малейшего подозрения о душевном смятении сына. Все его мысли были сосредоточены на недавнем великом открытии и на затеянных им делах. Он лежал на спине, подложив под голову подушку, и, глядя вверх, на звезды, сказал:

— Верно одно, сынок, — в голосе его послышался смех, — или мы с тобой подыдем большую суматоху в нефтяной игре, или, черт возьми, сделаемся козьими и овечьими королями в Калифорнии!

Глава пятая

ОТКРОВЕНИЕ

Бэнни поступил в школу. Тетя Эмма, бабушка и Берти беспрестанными придирками добились того, что он уже не мог больше оставаться "маленьким нефтяным гномом" и посвящать все свое время изучению науки, как делать деньги, а должен был превратиться в такого же мальчика, как и все, т. е. весело проводить время, носить спортивные свитеры, кричать на футбольных матчах, сделаться частью большой машины. М-р Итон прищипил себя для последнего смертельного усилия и наложил заплату на все слабые места в умственном снаряжении воспитанника: Бэнни выдержал несколько экзаменов и был надлежащим образом внесен в списки учеников Высшей школы Бич-Сити.

Школа занимала два квартала в городском предместье и состояла из нескольких зданий, расположенных по трем сторонам четырехугольника. Это были нарядные дома хорошей архитектуры, составлявшие предмет гордости для города и натуги — для казны. Школа была общественная. В нее поступали сыновья и дочери довольно состоятельных людей, не имевших нужды посылать на работу своих детей до достижения ими восемнадцати—двадцатилетнего возраста. Девочки и мальчики представляли, таким образом, определенный экономический слой, продолжая и в школе группироваться по тому же принципу. Их тайные общества, несмотря на запрещения учителей, процветали. Основанием для принятия в них служило богатство и все отсюда проистекающее: хорошо упитанное тело, модные платья, изящные манеры, веселое отношение к жизни.

Молодежь объединялась в небольшие группы, перемещаясь из одной комнаты в другую, где им преподносилась культура в надлежаще отмеренных дозах. Это была огромная фабрика знания, на которой родители, в сущности, платили за самую лучшую экипировку, которая в силу какого-то необъяснимого процесса постепенно отнималась у учителей и переходила в руки учеников. Чем старше становились ученики, тем менее они интересовались занятиями; их внимание все больше поглощала так называемая "внешняя деятельность": спортивная площадка, теннис, баскетбол, большой пруд для плавания и паркет для танцев. Мальчики и девочки создали себе отдельный мир, имеющий свои законы и тайную жизнь. Они носили булавки и значки, употребляли пароли и рукопожатия, имеющие условное значение, установили целый кодекс правил о том, когда какого цвета должен быть галстук или лента на шляпе и в каком углу конверта следует налеплять почтовую марку.

То была стадная жизнь, основанная, как и у взрослых, на денежном престиже и атлетической доблести; устраивались состязания двух борющихся групп, противопоставлялись их силы и способность кричать громче, на обязанности каждого лежало повторять эти крики вместе со своей партией все время, пока происходила репетиция битв, служивших подготовкой к позднейшим, более серьезным триумфам в колледже и университете, где лишь сильнейшие в материальном и физическом отношении будут приняты в великие студенческие братства, чтобы выполнять с совершенной ловкостью и грацией свои социальные и физические функции.

Бэнни, как мы знаем, отвечал всем требованиям школьной общественности. Он обладал англосаксонскими чертами лица, огромным количеством свитеров и ездил в школу на машине последнего модного образца текущего года. Он был принят в самые изысканные кружки и присутствовал при всем, что в них происходило. Он необычайно всем интересовался, так как никогда раньше не представлял себе, что на свете существует такое огромное количество молодежи, хотел знать каждого и жадно наблюдал — широко раскрыв глаза и развесив уши — и учителей, и учеников. Но между ним и остальными учениками всегда стояла какая-то стена — нечто рассудительное, старомодное и "чуждое", причиной которого была его большая осведомленность в нефтяном деле. Недаром Берти сделала ему жестокое замечание, что у него под ногтями нефтяная грязь. Он никогда не думал, подобно прочим баловням фортуны, что "деньги растут на деревьях", зная, что они достаются тяжелым и опасным трудом. Да и дома было такое положение, которое он понимал вполне ясно: отец был далеко не уверен, что выбранная школа самое подходящее место для мальчика, и постоянно наблюдал за ним, вел с ним беседы, чтобы узнать, какие мысли выносит Бэнни оттуда. Таким образом, перед мальчиком открывалась постоянная возможность сравнивать школьный метод воспитания с методом отца, решая для себя, который из двух более правилен.

Перед вступлением на новое поприще у Бэнни произошел с отцом так называемый "серьезный разговор", чрезвычайно удивительный и любопытный. Во-первых, папочка соглашался предоставить ему автомобиль на следующих условиях: Бэнни должен был дать слово никогда не переходить за предельную скорость ни в городе, ни за городом. Замечательный пример двойственного морального закона: сам папочка делал это не раз и совершенно открыто! Но он был взрослый и мог сам судить о скорости и, кроме того, ему служили извинением важные дела. Что касается Бэнни, то в школу ему предстояло отправляться очень рано, а остальное время он стал бы кататься исключительно для собственного развлечения. Бэнни, конечно, разрешалось катать в машине посторонних, но править рулем он должен был сам, никому другому этого не разрешая, — у папочки нет денег устраивать бесплатный гараж для всего школьного братства, и Бэнни хорошо сделает, если скажет, что таков закон, установленный раз навсегда отцом. Далее отцу хотелось, чтобы Бэнни дал ему обещание не курить и не пить спиртных напитков, пока ему не исполнится двадцать один год. Это был тоже "двойственный" закон, но папочка и тут действовал откровенно. Сам он выучился курить, но жалел об этом. Если Бэнни нравится приобрести эту привычку — дело его! Но, по мнению папочки, с этим следует подождать, пока Бэнни в достаточной мере подрастет, достигнет полного развития и научится отдавать себе ясный отчет в том, что делает. То же самое и относительно спиртного. В настоящее время папочка пьет очень мало, но в его жизни был период, когда он едва не сделался настоящим алкоголиком. Он боится этого и для сына. Разрешение Бэнни учиться в колледже, по крайней мере на отцовские деньги, в значительной степени будет зависеть от его обещания избегать кутежей. Бэнни, конечно, обещал, для него это было очень легко. Ему очень хотелось узнать поподробнее историю папочки, он никогда не видал его пьяным, и одна мысль об этом казалась ему страшной и неприятной. Наконец, беседа коснулась женщин. Но здесь папочка, очевидно, не мог себя заставить быть вполне откровенным. Он сказал

только две вещи: все знают о том, что у отца Бэнни много денег, и благодаря этому Бэнни может подвергнуться одной из самых худших для молодого человека опасностей. Всевозможные женщины будут стараться завлечь его, заставляя тратиться на них, или станут его шантажировать. А так как Бэнни расположен женщинам верить, то его следует об этом предупредить. Папочка рассказал несколько ужасных случаев с богатыми юношами, которые попали в руки таких женщин, и как это изуродовало их жизнь и навлекло позор на их семьи. Дальше папочка заговорил о болезнях: распутные женщины очень часто бывают больны. Он рассказал несколько случаев и на этот счет, а также насчет шарлатанов, делающих своей добычей неопытных испуганных мальчиков. Если уж случится попасть в подобную беду, следует обращаться к первоклассному врачу.

Это было все, что папочка хотел ему сказать. Бэнни принял его слова с благодарностью, но ему хотелось задать отцу множество вопросов. Он не мог себя к этому принудить ввиду совершенно очевидной сдержанности отца, выражение лица и вся манера которого заставляли подозревать, что в вопросах пола скрывалось что-то чрезвычайно гадкое, о чем даже трудно говорить. Здесь скрывалась та сторона личной жизни, которую всегда оставляют во мраке. Бэнни пришло в голову, что к нему лично речь отца мало относилась; он знал о существовании грязных мальчишек, но сам таким не был и быть не собирался.

Вскоре дело для Бэнни облегчилось еще тем, что он жестоко влюбился. Школа кишела такими толпами молодых и очаровательных женских существ, что избежать их не было никакой возможности, особенно в том случае, когда ваше состояние и социальное положение заставляли многих из них обращать на вас свое внимание. Заигрывания некоторых юных мисс были слишком смелы, другие же отталкивали застенчивого юнца чрезмерным жеманством. Нашлась только одна, сумевшая привлечь большой сдержанностью и молчаливостью, что давало возможность его воображению наделять ее всяческими романтическими качествами. Ее звали Розы Тэйнтор. У нее была пышная коса ниже пояса и вьющиеся золотистые завитки на лбу. Она отличалась еще большею застенчивостью, чем Бэнни, и говорила мало. Но в этом и не было необходимости: она обладала зато необыкновенным даром восторгаться, выражая свое душевное состояние всегда одинаково. Она все находила "восхитительным", и это все становилось еще "восхитительное" от ее чувствительных глубоких вздохов. Но самым "восхитительным" было нефтяное дело: Розы никогда не уставала слушать о нем, и это нравилось Бэнни, который мог много порассказать ей о нефти.

Отец и мать Розы были дантисты, — не слишком романтическое занятие, — естественно, что их дочери казалось таким необыкновенным носиться по всей стране, как это делал Бэнни, управлять армиями рабочих и приказывать земным недрам отдавать свои огромные сокровища.

Бэнни совершал вместе с ней прогулки в автомобиле и, выезжая за город, где не требовалось особой бдительности, правил одной рукой, а другая лежала на руке Розы, и по обоим пробегала поистине "восхитительная" дрожь. Им доставляло удовольствие разъезжать таким образом в продолжение целых часов или, оставив машину, бродить по холмам, собирая цветы и любуясь солнечным закатом.

Бэнни был преисполнен уважения к Розе и лишь раза два отважился запечатлеть поцелуй на щечке своей возлюбленной, причем, сделал это с почти религиозным благоговением. Если погода не благоприятствовала ухаживанию на открытом воздухе, он приходил к ней в дом.

У ее родителей был конек: собирание старинных английских гравюр, которые были развешаны в рамках по стенам и целыми пачками предлагались на просмотр посетителям. Это были грациозные сценки из эпохи XVIII века, изображавшие охоту и джентльменов в красных рейт-фраках, своры собак и кабачки с краснощекими служанками, подающими кружки эля кутилам с огромными трубками.

Бэнни мог рассматривать гравюры часами, — ведь для того, чтобы их перелистывать, была нужна только одна рука. Разве может быть что-нибудь не "восхитительным", когда вы молоды и невинны?

Все это заставляло Бэнни витать в облаках, покупать новые шляпы, поджидать свою избранницу на улице и предупреждать все ее желания.

II

Теперь отец совершал свои деловые поездки один, за исключением тех случаев, когда он их устраивал в конце недели или по праздничным дням. Он не любил ездить один, а Бэнни со своей стороны никогда не переставал думать об отце и, когда тот возвращался, выслушивал с удовольствием все подробности о его делах.

Теперь на Лобос-Ривере было шесть скважин, и все они "здорово окупались". Кроме них, Росс имел еще четыре буровые скважины и углубил одиннадцать старых в Антилопе: там теперь работал нефтепровод, по которому рекой текло богатство. На участке Бэнксайда он владел шестью скважинами, все они были в действии. Он уплатил за них м-ру Бэнксайду свыше миллиона долларов процентов с прибылей, и это, по его мнению, было только начало. На следующем участке, "Росс-Вэгстафф", бурились еще три скважины, а на расстоянии полумили к северу участком "Росс-Эрмитедж № 1" открывалась новая территория.

Долину Проспект-Хилл нельзя было узнать. На вершине холма и по всем склонам вздымался целый лес вышек, наступавших на поля капусты и сахарной свеклы. Издали в туманном свете заходящего солнца их можно было принять за целую армию ползущих улиток, выставивших высокие рожки. Когда вы подходили ближе, вас оглушали грохотанье и рев, как в царстве Плутона.

Ночью холм представлял волшебное зрелище с пятнами белого и золотистого света, клубами дыма и ослепительными вспышками взметающегося пламени в тех местах, где сжигался с ревом выходящий из земных недр газ, который никак нельзя было использовать. Проезжая мимо в удобной машине, этот участок можно было принять за сказочную страну; мешало только сознание, что здесь работает целая армия рабочих, работает тяжело, по двенадцати часов в смену, с опасностью для жизни, под угрозой самых страшных увечий. На память невольно приходили все усилия и борьба, интриги и предательства, разорения и разрушенные надежды!.. Стоило послушать рассказы отца о том, что случилось с бедными парнями, которые тысячами вкладывали свои деньги в этот район, налетая как мошки на пламя свечи.

И тогда сказочный край превращался в бойню, где большинство перемалывается в сосиски на завтрак меньшинству.

Росс теперь завел большую контору с управляющим и рядом клерков. Он сидел в ней словно капитан военного корабля на своей вышке. Что бы ни происходило с другими, отец заботился лишь о себе и о своих. Он стал известен как крупнейший промышленник во всем районе, и всевозможного рода люди начали являться к нему с разнообразными предложениями, рисуящими чудесные, ослепительные перспективы. За ним установилась репутация солидности, и он мог бы организовать общество хоть в десять или двадцать миллионов, и толпы вкладчиков немедленно устремились бы к нему.

Но отец отклонял все предложения, говоря сыну, что подождет, пока тот подрастет и покончит со всеми своими науками. К тому времени у них соберется много денег, и они затеют что-нибудь действительно грандиозное. Бэнни сказал: "Верно!" Ему это нравилось. Он надеялся, что это "по-настоящему большое" окажется в Парадизе, и тогда он сможет принять в нем действительное участие. Отец ведь сказал, что ранчо Аткинса безусловно его открытие, и, когда там приступят к бурению, скважина будет названа именем Росса младшего.

Там еще ничего не было начато; произошла неблагоприятная заминка в земельных сделках, и приходилось выжидать. Злая судьба внушила владельцу большого участка "Бенди-тракт" уехать из дома в тот самый день, когда м-р Хардекр заключил все свои предварительные соглашения. Когда же м-р Бенди вернулся и узнал о стольких внезапных покупках, у него возникли подозрения, и он решил свой участок придержать, подняв на него цену с пяти долларов за акр до пятидесяти. Особенно скверно было то, что участок Бенди находился в непосредственной близости от ранчо Аткинса, занимал свыше тысячи акров и проходил недалеко от того места, где Бэнни и Росс наткнулись на нефть. Отец полагал, что, в действительности, нефтяной пласт целиком лежал на участке Бенди, но без исследования не мог этого проверить. Отец решил подождать, предоставляя м-ру Бенди несколько лет помариноваться. Так бывает, когда кошка выслеживает крота и выжидает, кто скорей устанет. Бэнни спросил, кто же такой м-р Бенди — кошка или крот, на что отец ответил, что если бы кто и решился принять Джима Росса за крота, то он немедленно бы поспешил доказать противное.

Итак, они выжидали. Когда-нибудь мифический родственник Росса, инвалид, явится на эти скалистые холмы пасти стадо в несколько тысяч овец, но пока почти все купленные ранчо были сданы в аренду прежним владельцам. Три или четыре из них пустовали, что нимало не волновало отца, который заявил о своем намерении оставить их для охоты и распорядился чтобы м-р Хардекр поставил значки на протяжении всех купленных им двенадцати тысяч акров с целью внушить м-ру Бенди мысль о чрезвычайной жадности Росса к мелкой дичи.

III

Почти весь цивилизованный мир вступил в войну. Газеты, которые читали отец и Бэнни, превратились в сплошные плакаты с картами во всю страницу, флажками

отмечались ежедневные битвы и поражения, и говорилось о тысячах, а может быть, десятках тысяч погибших людей.

Мирно процветающим жителям Калифорнии все это представлялось сказкой о старинных далеких несчастьях, которые трудно вообразить себе. Америка официально объявила нейтралитет. Это значило, что на уроках о "текущих событиях", где Бэнни изучал, что происходит на свете, учителя требовали объективного отношения к войне и делали строгий выговор ученику, оскорбляющему другого ученика выражением националистических симпатий.

Для деловых людей вроде Росса нейтралитет обозначал, что они могут получать деньги с обеих сторон; только "Антанте" можно продавать прямо, а "центральный державам" — через посредство голландских и скандинавских агентов, и когда Англия попыталась прекратить это блокадой, агенты подняли настоящий вой.

Цены на "горючие" материалы начали немедленно подниматься. Бэнни ужасался при мысли, что миллионы отца возражали за счет агонии остального мира. Но Росс ответил, что это смешно, и не его вина, что народы Европы упрямо ведут войну. Раз они нуждаются в предметах, которые он продает, то и должны платить за них по рыночной цене. Всякого рода спекулянты являлись к Россу, внушая ему, что при его огромных наличных капиталах он может делать чрезвычайно быстрые обороты, покупая сапоги, корабли, сургуч и прочие "боевые" принадлежности. Росс отвечал на это, что он знает одно дело — нефть, и свою дорогу в жизни пробил именно тем, что держался дела, которое знает. Когда представители воюющих держав приглашали его для подписания контрактов на поставку нефти, он заявлял, что ничто не может доставить ему большего удовольствия, но предлагал им, прежде чем платить, обменять свои европейские боны на добрые американские доллары, приводя в пример маленькие уличные рестораны, в которых всякий посетитель может видеть следующую надпись: "У нас соглашение с банком, — он не продает супов, а мы не меняем чеков".

На основании репутации отца, слывшего человеком неограниченных средств и неоспоримой честности, Бэнни был избран казначеем футбольной команды новичков, — должность крайне ответственная, дававшая ему право сидеть на боковых линиях и помогать лидеру своей партии.

В то время как на другом краю света люди метались во мраке, снегу и грязи, с ослепленными усталостью или выбитыми пулей глазами, с вываливающимися в грязь внутренностями, в Калифорнии сияло солнце, а Бэнни стоял, обратившись лицом к толпе школьников, числом около двух тысяч, сидящих на скамейках и вопящих в унисон нелепые слова — боевой клич их партии. Он пришел домой сияющий, охрипнув до такой степени, что едва мог рассказать причину своей радости. Тетя Эмма тоже сияла, — наконец-то он становится похожим на других мальчиков, и семья Россов начинает занимать в обществе подобающее ей положение.

Наступили рождественские каникулы. По общему признанию, отец чересчур заработался, и Бэнни предложил ему: "Поедем за перепелками". Теперь было не так трудно, как прежде, вытащить отца: у них был собственный заповедник для охоты. "Заповедник" звучало великолепно, и было бы странно не воспользоваться им.

Они уложили свое походное снаряжение, покатали в Парадиз и раскинули палатку под тем же дубом, как и прежде. Ранчо и семейство Аткинсов оставались все те же, только детская шеренга стала дюйма на два выше, да на каждой девочке было надето новое платье. Положение семьи значительно улучшилось с тех пор, как вместо расхода в десять долларов у нее оказался ежемесячный доход в пятнадцать долларов.

Отец и Бэнни отправились за дичью и настреляли полную сумку. Попутно они осмотрели и полоску нефти, теперь засохшую и покрытую песками и пылью. Вернувшись на стоянку, они как следует поели. Потом пришла Руфь за грязными тарелками. Она заняла место Эли, которого пригласили ухаживать за миссис Пуффер, страдающей головными болями. Эли приносил много добра своими исцелениями, слухи о них разнеслись далеко, и люди стекались отовсюду, прося его возложить на них руки.

Бэнни спросил Руфь, не слыхала ли она о Поле. Она ответила, что Поль приходил с ней повидаться месяца два назад и что дела у него идут хорошо. Она казалась несколько смущенной, и Бэнни подумал, что это из-за присутствия папочки, который лежал тут и слушал. Тогда Бэнни пошел проводить ее, и по дороге Руфь рассказала о Поле. Он принес ей книгу, которая должна была доказать, что если она не хочет, то может не верить в библию. Папа поймал ее с этой книгой, отнял ее и бросил в огонь, а Руфь потом высек. Бэнни пришел в ужас.

— Вы хотите сказать, что он вас побил? — воскликнул он.

Руфь ответила, что отец пустил в ход ремень от конской сбруи.

— Он сделал вам больно?

Руфь подтвердила: да, это было так больно, что она только через неделю стала садиться. Ее немного удивило возмущение Бэнни: ей вовсе не казалось странным, что девушку, которой почти шестнадцать лет, может высечь отец. Она думала, что отец делает ей добро, считая своим долгом спасти ее душу от адского пламени.

— Что это была за книга? — спросил он, и Руфь ответила:

— "Век разума", это старинная книга, — быть может, Бэнни слышал о ней?

Бэнни не слышал, но тут же решил отыскать второй экземпляр ее, прочитать и передать Руфи все, что в ней написано. Он отправился к отцу и излил свое негодование. Но оказалось, что отец держался по этому вопросу того же мнения, что и Руфь. Конечно, срам для ребенка быть высеченным за попытку приобрести знания, но старый Абель Аткинс в своей семье — глава и имеет право наказывать детей. Отец сообщил, что слышал об этой книге: это сочинение, знаменитого "еретика" по имени Том Пэн, который что-то делал в эпоху американской революции. Отец никогда не читал Пэна, но легко мог себе представить, в какую ярость его книга привела м-ра Аткинса. Если Поль читает подобные вещи, он далеко пойдет!

Бэнни не мог здесь больше оставаться. Его ужасало, что Руфь секут за попытки развить свой ум. Он говорил об этом весь день, заявляя, что должен существовать закон, воспрещающий подобные вещи. Отец возразил, что закон вмешивается только в случае применения отцом слишком жестокого и необычайного наказания. Бэнни настаивал на том, что папочка должен вмешаться, а отец спрашивал, смеясь, хочет ли Бэнни, чтобы он усыновил Руфь. Бэнни этого не хотел, но думал, что папочка должен использовать свое влияние на Аткинса. Отец заметил, что глупо

стараться переубедить такого тупого старика: чем больше станешь ему доказывать, тем упорнее будет он стоять на своем. Свое влияние на старика он приобрел только тем, что делал вид, будто соглашался со всеми его бреднями.

Но Бэнни никак не хотел оставить эту тему, убеждая отца, что, если бы он захотел, он безусловно мог бы чего-нибудь добиться и что он должен что-нибудь сделать. Росс немного подумал и сказал:

— Вот что я тебе скажу, сынок! Нам с тобой следует придумать новую религию. — Бэнни был знаком этот тон, отец над ним подсмеивался, и он терпеливо ждал. — Да, — продолжал Росс, — необходимо разработать для них "Истинное слово" и сделать одной из главных заповедей этой религии запрещение мужчинам бить девушек. Нужно специальное откровение как раз по этому поводу.

Бэнни заинтересовался. Отец начал задавать ему вопросы о Поле: во что тот верил, что рассказывал относительно Руфи и что говорила Руфь о себе самой. Бэнни понял, что отец собирается что-то предпринять, и ждал с любопытством, что же это будет.

Они снова поохотились и по возвращении развели большой костер. После веселого ужина Росс сказал:

— Теперь пойдем основывать новую религию!

Они спустились вниз к хижине, — Росс, погруженный в глубокое раздумье, а Бэнни, от любопытства шагая на цыпочках, — ведь никогда нельзя сказать, что сделает папочка, когда ему приходит настроение сыграть какую-нибудь шутку. В позднейшие годы, оглядываясь назад и вспоминая этот момент, мальчик всегда задавал себе вопрос: что испытали бы они оба, если бы предвидели последствия этой шутки — появление "обновленческого" движения, которое потрясло если не всю Калифорнию, то, во всяком случае, земледельческую часть Калифорнии и некоторых прилегающих к ней штатов?!

Старый м-р Аткинс любезно пригласил их войти, а Мели и Сэди уступили свои стулья, усевшись сами на что-то вроде ящичков в углу комнаты. Бэнни в первый раз был в доме Аткинсов. Это жилище произвело на него впечатление ужасающей нищеты. Внутри, как и снаружи, были только голые доски, некрашеный стол и шесть таких же стульев, несколько полок с глиняной посудой, висящие на стене сковороды и печка со сломанной ножкой, под которую был подложен камень. Вот и все, буквально все, если не считать тусклой керосиновой лампы. В домике имелось еще две комнаты: одна для обоих супругов, другая для трех девочек, спавших на одной кровати. Сзади к дому был пристроен сарай с двумя нарами у стены: верхнюю занимал Эли, а пустовавшая вторая оставалась напоминанием о заблудшей овце.

Эли вернулся из своей поездки и находился в комнате вместе с остальными. Ему исполнилось восемнадцать лет, и он был уже настоящим мужчиной. Голос его тоже звучал по-мужски, если не обращать внимания на то, что он часто срывался и переходил в писк. Над этим можно было бы смеяться, если бы только хоть кто-нибудь из слушающих Эли обладал чувством юмора. В эту минуту Эли как раз рассказывал родителям и изумленным сестрам, что его снова осенил святой дух, начались судороги, и старая миссис Пуффер мгновенно исцелилась от своих болей. М-р Аткинс очень громко повторил три или четыре раза "Аминь" и, обернувшись к отцу, заметил: Бог благословляет нас в детях наших.

Отец ответил, что это верно, может быть, даже более верно, чем они думают. Он спросил Аткинса, думал ли тот когда-либо о том, что господь может послать в мир новое откровение. Надо было видеть, как вся семья при этом мгновенно поднялась и устремила взоры на отца: все шестеро стояли неподвижно, как статуи. Что подразумевал под этим вопросом их гость?

Росс пояснил: до сих пор было два откровения, заключающихся в ветхом и новом завете. Разве не может быть, что святой дух подготавливает еще и третье? В течение долгого времени последователи "Истинного слова" ожидали исполнения обетования, данного в Библии, — каждый мог о нем читать!.. Это новое откровение заменит два другие и, естественно, будет от них разниться, так что последователи старого учения смогут и не признать его, — совершенно так же, как это было и в предыдущем случае. Разве это недостаточно разумно? — спросил Росс, на что Аткинс поспешил ответить утвердительно и попросил продолжать. Тогда Росс заявил, что "Истинное слово" должно возродиться в умах мужчин и сделаться вестью истинной свободы. Святому духу угодно, чтобы люди не боялись предаваться поискам истины, — она придет через искания многих умов. Может случиться, что некто, доселе презираемый и отвергнутый, станет краеугольным камнем нового храма. Отец говорил все это с глубочайшей торжественностью. Бэнни слушал и изумлялся: он и не подозревал, что папочка так хорошо владеет библейской речью, словно какой-нибудь проповедник!

То же самое думало и семейство Аткинсов. Старик впивался в каждое слово Росса, настаивая, чтобы он открыл им все, что ему известно. Тогда отец заявил, что у них есть сын, слова которого, переданные ему, заключают в себе истинный смысл "третьего откровения". Он видел этого сына, наружность которого его поразила; он был именно таким, каким должен быть ожидаемый последователями "Истинного слова" пророк, т. е. отличался высоким ростом, был белокур и голубоглаз, с серьезным взглядом и глубоким голосом. Итак, по убеждению отца, носитель "вести свободы", которой заповедано внимать, и есть старший сын Аткинсов Поль, и только по недоразумению они прогнали его от себя.

Надо было видеть действие, которое эти слова произвели на семью! Старый м-р Аткинс сидел, как пораженный громом, с отвисшей челюстью, словно отец простер перед ним ангельские крылья. На худом лице миссис Аткинс лежало выражение невыразимого восторга, а узловатые руки были крепко стиснуты у подбородка. Руфь, казалось, была готова соскользнуть со стула и броситься на колени. Все лица выражали восхищение, за исключением Эли. Он сверкал глазами и вдруг вскочил с искаженным лицом; он закричал, и его ломающийся голос звучал резко и пронзительно:

— А может он показывать знамения?!

Отец медлил с ответом, и Эли крикнул еще раз:

— Скажите, может он показывать знамения? Исцелял ли он болезни? Изгонял ли дьяволов? Заставлял ли хромого встать и ходить? Воскрешал ли мертвых? Скажите! скажите!

Это выступление окончательно сразило отца: со стороны Эли он меньше всего мог ожидать атаки. Он считал его за неуклюжего деревенского увальня, который носил башмаки на босу ногу и чересчур короткие штаны, подавал им молоко и

уносил грязные тарелки. И этот самый Эли внезапно превратился в пророка, с пламенной ревностью возглашавшего, подобно всем пророкам: "Я тот, кого благословил святой дух! Меня избрал Господь, чтобы показывать знамения! Смотрите на меня, говорю вам! Смотрите на меня! Разве волосы мои не белокуры? И не голубые ли у меня глаза? Не серьезно разве лицо мое, и голос мой не глубок?" И действительно, голос Эли в эту минуту снова понизился, — теперь он был взрослым мужчиной, пророком, ясновидцем и провозглашателем угроз: "Я говорю, берегитесь того, кто крадется в ночи змеей ползущей, чтобы искушать души колеблющихся! Берегитесь исчадий сатаны, обольщающих душу ложным учением и отметающих надежду веков! Я даю знамения, которые могут видеть все! Утверждение мое — четыре евангелия, которые были достаточно спасительны для моих отцов, как достаточно спасительны они для меня! Слава, аллилуйя и спасение на тех, кто омыл свои грехи в крови агнца! Аллилуйя! Аллилуйя!"

С отчаянным воплем Эли простер руки вперед, а м-р Аткинс, поднявшись со стула, вторил ему таким же воплем: "Слава! слава!" Тут же, на глазах у отца и Бэнни, стали происходить ужасные вещи. С Эли началось нечто вроде конвульсий: глаза выкатились из орбит, на губах показалась пена, по рукам, от плеча до кончиков пальцев, пробегали судороги, колени стукались одно о другое, черты лица, как в калейдоскопе, обнаруживали смену всех оттенков идиотизма. Он завывал страшным голосом, трудно было вообразить такой голос в подобном теле, бормотал какие-то бессвязные, нелепые слова. Но для старого м-ра Аткинса в этом, видимо, заключались какие-то чары, заставившие его вздеть руки кверху и дергать ими, словно пытаясь взлететь на небо.

— Изыди! Изыди! — закричал он и начал сгибаться и разгибаться, словно простреленный посредине; старая миссис Аткинс, бедная слабая маленькая женщина, вся состоящая из жил и костей, обтянутых кожей, тоже принялась качаться взад и вперед, сидя на стуле, а две младшие девочки упали на пол и катались на животе. Руфь сидела с побелевшим лицом, охваченная страхом, переводя взгляд с посетителей на Эли, издававшего нечленораздельное воющее бормотание, вероятно, обозначающее свирепые проклятия по адресу отца Бэнни.

И это был конец. Отец, пятясь, вышел из комнаты. Бэнни последовал за ним, и оба в темноте побрели к своему лагерю. Отец всю дорогу шептал:

— Господи Иисусе!

IV

Следующий день была суббота. Утром — Бэнни и отец еще завтракали — Аткинсы запрягли свою единственную старую лошадь в единственную старую повозку и отправились на еженедельный дебош в апостольскую церковь в Парадизе. Отец и мать ехали, четверо детей шли пешком впереди повозки.

Благодаря этому Росс и Бэнни могли поохотиться вволю, не смущаясь общественным мнением. В полдень они сели в машину и отправились объезжать окрестности, осматривая купленные владения и навещая некоторые семьи бывших

владельцев, а теперь арендаторов. У отца была карта участков, и во время пути он мысленно прокладывал в этом районе дороги и производил другие улучшения.

— В один прекрасный день вся эта местность окажется заселенной, — сказал он, — и главное, с чего надо начать, — это взрывать скалы.

Проехал верховой, — парень, встреченный ими в первый раз. Теперь им было известно, что это молодой Бенди, сын их недруга. Они обменялись приветствиями: кошка и крот, желающие соблюсти вежливость!

Поднимаясь вверх по склону, где находилось незанятое ранчо во владениях Раскома, они были удивлены, увидав здесь очаровательное маленькое бунгало с хорошим крыльцом, увитым диким виноградом, который весной покрывается массой красных цветов.

— Послушай, папочка, — вот куда нам следует приехать, чтобы обосноваться! — воскликнул Бэнни.

Отец ответил, что сюда нужно кого-нибудь поселить, кто поддерживал бы порядок: здесь есть даже колодец, и, с некоторыми поправками, место будет совершенно подходящее! Здесь есть и кошка; она кажется совершенно сытой: тут множество кротов! Хорошее предзнаменование для победы над Бенди!.. И они оба засмеялись.

Следуя дальше по спуску, ведущему к Розевиллю, они натолкнулись на старую гостиницу, поужинали в ней и вечером отправились окружной дорогой в Парадиз. При въезде в город, сейчас же, как свернуть с проезжей дороги, они заметили в тени деревьев здание с освещенными окнами, откуда несло бормотанье многих голосов.

Чей-то воющий голос поднимался над остальными, — двух таких существовать не могло. Это была церковь святых "прыгунов", в ней проповедовал Эли.

— О, папочка, — воскликнул Бэнни, — давай его послушаем!

Поставив автомобиль за ограду, они стали в тени деревьев и услышали следующее:

— ...ибо кончились дни ваших испытаний. Придите ко мне все вы, труждающиеся и обремененные, и я успокою вас. Потому что я носитель "Истинного слова". Я приношу знамения: больной исцелится, и дьяволы изгнаны будут, хромой станет ходить, а умершие встанут и возьмут свои одры! Братья, я послан возвестить вам Третье откровение! Еще раз святой дух обнаруживает себя. Новое евангелие предлагается вам согласно разъясненным доселе пророчествам. Было старое искупление, которое превзойдено и заменено. Ныне "Истинное слово" свободы предлагается вам, и я — тот, кто послан возвестить его. И горе невнемлющему, ибо он будет ввергнут в ад, и лучше было бы, если бы с жерновом на шее был он ввергнут в море. Горе тому, кто приходит, как змея, ползущая в ночи, искушать души колеблющихся. Я говорю: берегитесь исчадий сатаны, обольщающих душу ложным учением и отметающих надежду веков. Я даю знамения, которые могут видеть все. И я благословляю того, кто последует за мной; его болезни будут исцелены, он увидит славу Господню и получит дар святого духа — дар говорить на всех языках. Слава, аллилуйя и благословение на тех, кто омыл свои грехи в крови агнца! Аллилуйя!

Воющий голос Эли потонул в хоре одобрений, воплей и стенаний, точно вся конгрегация апостольской церкви в Парадизе скакала на своих сиденьях или

каталась по полу. И действительно, очень скоро началось и это. Но Росс не позволил Бэнни подойти ближе и взглянуть на происходящее.

— Это слишком позорно! — сказал он. Они сели в автомобиль и поехали прочь.

— Послушай, папочка! — воскликнул мальчик. — Ведь Эли повторял слово в слово все то, чему ты его научил. Ты думаешь, он действительно верит во все это?

Отец ответил, что тайна эта может быть известна только святому духу. Эли опасный помешанный, но его нельзя посадить в сумасшедший дом, потому что он говорит священными текстами. У него не хватает ума, чтобы выдумать что-нибудь самому, но он достаточно соображает, что можно сделать из поданных ему Россом фраз. Они, таким образом, видели перед собой новую религию, принесенную в мир, чтобы заражать бедняков и невежд. Теперь ее не может остановить и сам Всемогущий.

На следующий день прискакал верховой, привезший Россу телефонограмму. В "Росс-Эрмитэдж № 1" возникли волнения. Немедленное присутствие отца необходимо. Перед отъездом Бэнни нашел возможность поговорить с Руфью и передал ей возникший у него чудесный план: по словам папочки, было необходимо, чтобы на ранчо Раскома кто-нибудь жил и держал его в порядке. Бэнни полагал, что папочка согласится купить несколько коз, обставить дом и сдать его Полю. Руфь тогда сможет тоже переселиться туда, чтобы заниматься хозяйством Поля. Сечь ее там будет некому, и она сможет читать все, что захочет.

План Бэнни, казалось, обрадовал Руфь, но она сказала, что вряд ли Поль согласится принять от кого-нибудь благодеяние. Бэнни продолжал настаивать, что тут нет никакого благодеяния, — папочке в самом деле нужен человек, который бы следил за ранчо, и они просто заключат деловое соглашение. Поль станет обрабатывать усадьбу и платить папочке известную часть. Руфь на это только вздохнула и заметила, что ее отец никогда ей не разрешит переселиться на ранчо. Он более, чем когда-либо, настроен против Поля. Виной всему Эли, который завидует Полю и его стремлению стать "образованным". Эли был всегда таким, а теперь стал еще хуже, потому что "приезжие из города" поддерживают Поля. И теперь ей не позволяют даже разговаривать с Бэнни или его отцом из боязни, что она потеряет веру.

Руфь была почти ровесница Бэнни, ей должно было скоро минуть шестнадцать лет. Бэнни сказал, что ей осталось всего два года до совершеннолетия, и тогда она, по словам папочки, может идти куда ей угодно: жить с Полем или взять вместе с ним ранчо Раскома. Бояться ей нечего. Пусть она ждет и не сбивает себя с толку всяческой прыгающей чепухой. Это гнусная бессмыслица, и она должна действовать, сообразуясь с собственным здравым смыслом, и ждать, когда станет взрослей. Папочка будет рад помочь ей получить образование и освободиться от Эли и его пророчества, так как папочка — Руфь может быть в этом уверена — любит Эли не больше, чем Эли его.

Прошло три месяца, и отец уладил дела на "Росс-Эрмитэдж № 1", добился нового большого успеха, произведя исследование на новой территории, и был провозглашен благодетелем района Проспект-Хилл. Но врач еще раз нашел у него переутомление, — это было перед пасхальными каникулами, и Бэнни принялся изучать карту и предложил отцу проехаться в Голубые горы. Они находились всего в десяти милях расстояния от Парадиза, и в этих местах было изобилие форели. Почему бы им не устроить главную квартиру на ранчо Раскома и не половить форелей! Отец улыбнулся: Бэнни не может жить далеко от Парадиза! На это Бэнни сказал, что Парадиз — его открытие, а кроме того, ему хочется посмотреть, как поживает Руфь, и разузнать все насчет Поля и насчет Эли с его "третьим откровением".

В довершение всего пришло письмо от м-ра Хардекра с извещением, что на старого Бенди напал в поле бык и искалечил его. М-р Хардекр думает, что молодой Бенди не захочет работать на ранчо и переедет в город, так что, если м-р Росс еще не раздумал, землю, вероятно, можно будет купить.

Бэнни хотелось немедленно выехать. Отец успокаивал его.

— Молодых кротов легче ловить, чем старых, — сказал он и написал м-ру Хардекру, что не очень гонится за этим участком, но может взять его по той же цене, как и остальные. Он собирается в те края на несколько дней половить рыбу и тогда посмотрит. Затем отец написал м-ру Аткинсу, прося оказать ему любезность — послать кого-нибудь из детей на ранчо Раскома помыть там полы и приготовить все к их приезду. Бэнни же он поручил отправиться с тетей Эммой в мебельный магазин в Бич-Сити, купить немного мебели, посуды и кухонных принадлежностей. Все это следовало уложить в грузовик и отправить в Парадиз. Туда же нужно послать съестные консервы и все необходимое, чтобы дом был совершенно готов к их приезду. Можно себе представить, какую радость доставило это поручение Бэнни. Мысленно он уже приспособлял ранчо не только для их временного пребывания, но также для Поля и Руфи, которые, переселившись туда, могли бы себя чувствовать как дома. Если вам пришлось быть сыном удачливого нефтепромышленника, то вы можете заставить свои мечты сбываться.

Отец и Бэнни приехали на место как раз к закату солнца и прямо отправились в усадьбу Раскома. Здесь на переднем крыльце, увитом диким виноградом в полном цвету, свисающим над ее головой, как пурпуровая арка, стояла Руфь, а рядом с ней "мужчина" которого издали Бэнни принял за старого Аткинса. Подъехав ближе, Бэнни убедился, что этот человек — молодой, и сердце его чуть не выпрыгнуло от радости. Не спуская глаз, он смотрел на эту большую сильную фигуру в синей рубашке и в штанах цвета хаки и на шапку желтых растрепанных волос. Разве можно было не узнать это темное лицо с большим выступающим носом и опущенными углами рта?

— Это Поль! — взволнованно прошептал Бэнни.

Действительно, это был Поль. Пара, стоявшая на крыльце, двинулась приездом навстречу, и Руфь представила своего брата отцу. Поль сказал: "Добрый вечер", и остановился, выжидая, подаст ли ему отец руку или нет. Потом он пожал руку Бэнни, который вдруг странно ощутил при этом, что прежний образ Поля, образ мальчика, жившего в его мечтах, который мог бы стать для него хорошим товарищем,

потускнел. Перед ним стоял вполне взрослый мужчина, человек, казавшийся лет на десять старше его и сделавшийся вдруг навсегда для него недостижимым.

— Мебель привезли? — спросил отец, и Руфь ответила, что все в порядке и что даже ужин был бы готов, если бы они знали точно, когда приедет мистер Росс. Но с ужином они не задержат. Тем временем Поль помог Бэнни внести свертки в дом, и что за чудо — это было самое прелестное бунгало, какое когда-либо вы видели! Все в нем было новенькое с иголки, вплоть до розового абажура на лампе и цветов на столе, стоящем посередине. Очевидно, Руфь вложила в эту работу все свое сердце. Она очень застенчиво осведомилась у отца, что он желает на ужин. Отец ответил: "Все, что найдется", и скоро на сковороде зашипела копченая грудинка, распространяя приятный запах. Выгрузив машину, Поль стоял и ждал. Бэнни воспользовался этим, чтобы засыпать его вопросами и узнать о нем все, узнать, как он очутился здесь.

Поль рассказал, что пришел еще вчера, желая повидаться с Руфью, объяснился на этот раз до конца с отцом и заявил ему, что ему девятнадцать лет и он считает себя достаточно взрослым, чтобы самому заботиться о себе. Бэнни спросил, не "выдрал ли" его отец? Поль улыбнулся и ответил, что отец не в состоянии никого драть, так как у него разыгрался ревматизм. Он неумолим и суров, как всегда, но Полю предоставил идти в ад собственной дорогой и обещал помолиться за него. Бэнни сразу заметил, что Поль уже не называл больше своего отца "пап" и не уродовал английского языка, подобно остальным членам семейства Аткинсов. Он говорил как образованный человек, каким и был на самом деле.

Они поужинали. Поль и Руфь намеревались прислуживать за столом, но отец заставил их сесть, и все четверо составили маленькую, но очень веселую компанию. Бэнни бомбардировал Поля вопросами о его жизни и случайно рассказал сам, как охотился за ним в ту памятную ночь у миссис Гроарти. Почему он тогда убежал? Они говорили о тетке Поля, о ее трагедии с участком, о ничего не стоящих акциях, которые она купила. Поль узнал от Руфи, что Бэнни посылал ей деньги. Он поблагодарил и обещал возратить их. Он сохранил свою непреклонную гордость; никогда не искал ничьих милостей, не выскакивал вперед, но держался позади и ждал, когда его позовут. Он рассказал, как ему жилось. Его благодетель, старый юрист, недавно умер и оставил ему всю свою библиотеку, — за исключением юридических книг, — настоящее сокровище: множество научных сочинений и лучших образцов старой английской литературы. Почти три года Поль пользовался этой библиотекой, — в этом была вся его жизнь! Редкий вечер проходил без того, чтобы он не засиделся за полночь. Он учился также и днем, потому что, в сущности, работы у него было немного. У покойного Минтера не было собственных детей, кроме того, его занимал этот мальчик, жаждавший заняться самообразованием, и мало-помалу Поль сделался его настоящим баловнем. Работая со старым микроскопом, Поль решил, что еще года два покорпит над науками, а потом поступит в какую-нибудь лабораторию, — если понадобится, хотя бы на должность швейцара, — и пробьет себе дорогу к работе в лаборатории.

А чего он только не изучал! Он читал Гексли и Спенсера, говорил о Гальтоне и Вейсмане, и Лодже, и Ланкастере, и целой куче других, имен которых Бэнни даже никогда не слышал. Жалкое школьное знание Бэнни съежилось до последних

пределов, и как бессмысленны сразу показались ему все футбольные триумфы. Отец тоже ничего не знал обо всем этом. Ему было уже за пятьдесят, но ни разу не доводилось ему видеть такого ученого студента. Любопытно было, как он ухватился за новые для него вещи. Поль рассказывал о работах исследователей над вопросом, могут ли приобретенные свойства передаваться по наследству. Вопрос этот был настолько важен, что Вейсман резал хвосты у мышей, чтобы посмотреть, будут ли они у следующих поколений или нет. Но, по мнению Поля, это было в достаточной мере глупо, так как мыши с отрезанными хвостами, в сущности, не переживали никакого реального изменения своих жизненных свойств. Важнее узнать, скоро ли заживает рана и заживает ли она у новых поколений мышей быстрее, чем у предыдущих. Путь к разрешению этого вопроса лежит в стимулировании животных к развитию в них новых способностей и в наблюдении над тем, могут ли молодые поколения развивать их более легко. Отец сразу схватил всю суть того, что Поль отговорил, и заметил, что можно кое-что узнать из наблюдений над рысистыми лошадьми и изучения их родословной.

— Вот именно, — подтвердил Поль. Отцу хотелось узнать побольше по этому вопросу. У Поля оказалась при себе книга, которую отец рад бы был прочитать. Руфь мыла посуду, и Поль вышел принести дров. Отец взглянул на Бэнни и сказал:

— Это славный парнишка, сынок! — И Бэнни от гордости покраснел до корней волос: Поль-то ведь был его открытием, так же, как и нефтяной участок в Парадизе. Затем отец заговорил с Полем о деле: ему нужно было, чтобы кто-нибудь занял это ранчо. Поль выразил согласие взять это на себя, но с условием составить совершенно точный договор. Отец осведомился, каким образом думает он зарабатывать деньги. На это Поль ответил, что он скопил около трехсот долларов и собирается купить на них несколько коз и посадить этой весной бобы и клубнику, которые через год уже станут приносить доход. Он согласен платить Россу половину того, что будет с них получать. Далее у них возникли некоторые разногласия, так как Росс полагал, что должен платить Полю известную сумму за то, что он будет содержать здесь все в порядке, но Поль на плату не соглашался и настаивал на разделе поровну доходов, получаемых арендатором, — условие, на котором принято сдавать землю в этих краях. А когда м-р Росс станет приезжать сюда для охоты или рыбной ловли, Поль, разумеется, будет переселяться в палатку. Но Росс сообщил о своем намерении построить себе отдельный дом, и Поль, если хочет, может помогать плотнику, конечно, за плату. Поль сказал, что с постройкой дома он может самостоятельно управиться и сделает все, за исключением дверей и окон. Он выучился делать всякого рода работы, с которыми приходится сталкиваться на ранчо. Отец спросил Поля, будет ли Руфь жить вместе с ним. Поль ответил, что Руфь будет часто навещать его и постепенно приучит к этому отца. Нелегко было бы держать их далеко друг от друга, особенно теперь, когда Эли почти никогда не бывает дома.

Отец стал расспрашивать об Эли и о том, как распространяется "третье откровение". Оказывается, дня через три-четыре после того, как Эли выступил провозвестником в парадизской церкви, к нему явилась депутация от церкви в Розевилле, заявившая, что до них дошли слухи о чудесах, творимых Эли, и что они просят Эли прийти и проповедовать им. Эли проповедовал. Обнаружились новые

знамения, и новый пророк совсем осмелел. Теперь он разъезжал по стране в чьем-то дорогом лимузине, в заднем кузове которого лежала груда костылей, принадлежавших исцеленным. Костыли эти выставлялись напоказ каждой новой конгрегации, почти всегда тотчас же к нему присоединявшейся. На голову пророка сыпался дождь серебряных долларов, полудолларов, кредиток, обвернутых вокруг монет. Эли присвоил себе теперь титул "провозвестника второго пришествия" и говорил, что час второго пришествия на землю Христа будет указан именно им. Иногда вся конгрегация целиком отрясала прах прежней церкви от ног своих и переходила к последователям "Истинного слова". Иногда же обращалась только часть, происходил раскол, и образовывалась еще новая церковь.

— Как вы думаете, чем он всего этого достигает? — спросил отец.

— Он действительно излечивает людей, — ответил Поль. — Здесь поблизости есть некоторые "исцеленные". Вы сами можете с ними поговорить. Я читал одну книгу о внушении. Кажется, подобного рода вещи происходили и тысячу лет назад.

— Посылает ли он хоть немного денег домой? — спросил отец.

Поль улыбнулся не очень доброй улыбкой.

— Деньги эти священны, — сказал он. — Они принадлежат святому духу, а Эли — его казначей.

VI

Утром они отправились на ловлю форелей. Но по дороге зашли повидать м-ра Хардекра. Прежде чем войти, отец предупредил Бэнни: "Не говори теперь ни слова и не делай никаких гримас. Предоставь мне все устроить самому". Они вошли, и м-р Хардекр сообщил, что получил предложение от молодого Бенди, который действует от имени отца, продать ранчо за двадцать тысяч долларов. Сердце Бэнни радостно запрыгало. Если бы отец заранее не предупредил его, он не удержался бы и закричал:

— Купи его, папочка, купи!

Но он сидел неподвижно и молчал, слушая, как отец говорит:

— Господи Боже! за кого нас принимает этот парень?

М-р Хардекр пояснил, что под этим участком имеется около двадцати акров хорошей земли.

— Ну хорошо, — сказал отец. — Кладите по сотне за акр. Да постройки. Всего, скажем, четыре тысячи. Таким образом, молодой Бенди намерен выжать по четырнадцати долларов за акр со всей своей тысячи акров скал. Он, верно, думает, что поймал на удочку младенца!

— Если говорить правду, мистер Росс, — промолвил агент, — он знает, что вы нефтепромышленник, и думает, что вы собираетесь бурить на этом участке.

— Прекрасно, — возразил Росс. — В таком случае посоветуйте ему поискать еще кого-нибудь, кто стал бы бурить на принадлежащем ему участке. Если у него окажется хоть сколько-нибудь нефти, я начну бурить на своем. А тем временем купленная мной земля соберет всю дичь, которую закон разрешает мне настрелять в продолжение сезона.

В конце концов, отец согласился дать двенадцать тысяч долларов наличными, а если его условие не принимается, он перестанет думать о покупке. Когда они сели в автомобиль и машина тронулась, Бэнни прошептал:

— Послушай, папа, не упустил ли ты случая?

Но отец ответил:

— Дай ему еще немного помариноваться. У меня земли достаточно, и я могу начать на ней бурить хоть сейчас.

— А если они найдут еще кого-нибудь, кто захочет бурить на их земле?

— Не волнуйся. У тебя есть причина желать приобрести именно этот участок? А другого здесь нет никого, у кого бы была такая же причина. Молодой Бенди скоро устанет искать покупателя. Пойдем-ка удить рыбу.

Они поймали в маленьком горном озере несколько холодных сверкающих форелей и возвратились на усадьбу Раскома. Поль зажарил рыбу, и они чудесно поужинали втроем. Потом отец закурил сигару и начал задавать Полю всевозможные вопросы из области науки, выразив сожаление, что не получил в молодости образования: такие вещи стоило изучать. И почему это Бэнни не изучает биологию и физику вместо того, чтобы набивать себе голову латынью, поэзией и исторической чепухой насчет старых королей, их войн и их любовниц — глупые рассказы, ни на что не нужные!

На другое утро, простившись с Полем, они снова вернулись в горы, провели большую часть дня за ужением, а потом поехали в Бич-Сити, попали туда поздно и сейчас же легли в постель.

Бэнни снова начал посещать школу и нести свои обязанности казначея футбольной команды. А отец принялся за работу по устройству еще четырех скважин на участке "Эрмитедж" и трех — на участке "Вегстафф". А в это время народы Европы через весь континент протянули две смертные линии. И миллионы людей, словно под властью какого-то чудовищного колдовства, кидались на эти линии, поя землю кровью и давая рвать на части свои тела. В газетах упоминалось о битвах, длившихся месяцами. А цены на нефтяные продукты продолжали расти, умножая груды богатств Дж. Арнольда Росса.

Наступило лето, и Берти строила относительно брата определенные планы. Берти была теперь юной восемнадцатилетней леди, блестящим, ослепительным созданием, — ее платья переливались блеском, как у цирковой наездницы, а изящные маленькие ножки были обуты в прозрачный ослепительный шелк и прелестные тонкие ботинки без единой царапинки. Если Берти надевала пурпуровое, алое, оранжевое или зеленое платье, то каким-то чудодейственным образом появлялись того же оттенка чулки, башмаки, шляпа, перчатки и даже сумочка. К пачкам ее счетов отец относился злобно-юмористически и ничуть не был в восхищении от этой юной бабочки, которой он помог освободиться от кокона. Тетя Эмма утверждала, что "дитя имело право на это мотовство", и отец платил по счетам, но стоял непоколебимо, как Гибралтар, отражая все усилия Берти вовлечь его в светский водоворот. Ну нет! он до смерти боится всех этих важных кривляк, особенно женщин, сверкающих на него глазами из-за люнетов, лорнетов, или как они там называются! Он тогда начинает чувствовать себя настоящим пугалом. О чем

ему было говорить с людьми, никогда не выдавшими ни одного бурильного инструмента?

Эта вульгарная отцовская черта была усвоена и Бэнни, который, как издевалась над ним сестра, думал, что это "остроумно". Конечно, восемнадцатилетняя леди едва снисходит до того, чтобы замечать шестнадцатилетнего малыша. Но у богатых друзей Берти были младшие братья и сестры, и ей хотелось заставить Бэнни вычистить нефть из-под своих ногтей, вступить в этот фешенебельный свет и найти себе девушку более достойную, чем Розы Тэйнтор. Бэнни, со свойственным ему любопытством ко всему новому, сделал несколько попыток в этом направлении, но должен был признаться, что все эти богатые юноши его мало интересовали. Он не видел, чтобы они знали или делали что-нибудь интересное. Они вечно говорили друг с другом на таком доморощенном жаргоне, с таким множеством тайных намеков, что их разговор напоминал какой-то новый язык. Никто из них не заинтересовал Бэнни настолько, чтобы ему захотелось заняться расшифровкой их речей. Он охотнее надевал свое нефтяное платье и ехал смотреть на участки, где производилось бурение, и если там не было дела для "ничего не смыслящих" людей, то он помогал бурильщикам и откатчикам вытаскивать песок и камень, смешанные с грязью, которыми обычно завалена вся дорога, ведущая к отверстию бурового колодца.

Между тем, Бэнни все обдумывал и составил некоторый план.

— Папа, — сказал он, — а как же насчет домика, который мы собирались строить в Парадизе?

— Но ведь там летом жарко, как в аду, сынок!

Бэнни не знал, какая температура в аду, но ответил, что ведь Поль ждет, а для папочки во всяком случае хорошо попотеть: он стал слишком тяжел. Он может сидеть под тенью винограда в райском костюме, пока Бэнни и Поль будут заниматься плотничаньем. Это во всяком случае какая-то перемена, и доктор Блэкстон, которого он намерен вызвать, несомненно подтвердит это. Отец улыбнулся, ответил: "Прекрасно", и даже выразил согласие, чтобы с этим покончить, окончательно усыновить двух Аткинсов.

Итак, они снова очутились на ранчо Раскома, захватив на этот раз свою палатку. Но, по настоянию Поля и Руфи, они спали в доме, Руфь в палатке, а Поль на пустом сеновале.

Поль арендовал лошадь и плуг, развел огород, засадил большой кусок земли бобами, посадил клубнику и ходил за ней, как настоящий агроном. У них с Руфью было несколько коз, которые давали порядочное количество молока, и несколько цыплят, находившихся на попечении Руфи. Самое приятное было то, что Поль получил книги из библиотеки Минтера. Большая часть еще лежала в ящиках, так как их некуда было поставить. Несколько полок Поль соорудил из упаковочного ящика: на них стояли Гексли, Геккель, Ренан и другие писатели, безусловно губительные для душ их читателей.

Но "пап", по словам Руфи, сдался. Она как-то сразу выросла, и теперь ее нельзя было сечь. Кроме того, "пап" страдал ужасным ревматизмом: даже Эли не мог его излечить. Отец сообщил, что, заказывая лес для постройки, он заказал также материал для книжных полок, устройством которых Поль может заняться в течение

зимы. Поль снова с ним заспорил, но отец заявил, что дом его и он имеет право, если ему это нравится, устраивать в нем книжные полки, — не правда ли? Поль даст ему несколько книг на время его приездов и поможет ему урвать еще кусочек образования, хоть он теперь и старик.

Место было прекрасное, а семья, здесь организовавшаяся, чувствовала себя счастливой: отец вполне отвлекался и от своих буровых скважин и от недавней ссоры с одним из лучших своих надсмотрщиков, который женился на дуре, ушел с места и думать забыл о своей работе. Лес для постройки они купили у торговца из Розевилля, Поль был сделан "старшим плотником", Бэнни "подмастерьем", а отец остался хлопотуном, суетившимся вокруг до тех пор, пока не начинал тяжело дышать. Тогда он сел под цветущим виноградом, а Руфь откупоривала для него бутылку виноградного сока, захваченного им сюда в числе прочих чудесных вещей.

Как-то вечером они отправились в Парадиз за почтой, среди которой оказалась и маленькая местная газетка, получаемая старым м-ром Аткинсом.

— Взгляни-ка, папа! — сказал Бэнни, просматривая ее. — Вот статья на первой странице об удивительном митинге, устроенном Эли в Санта-Лючия, о том, как обезумели его почитатели, а он возвестил о своем предназначении построить храм — "скинию третьего откровения".

Вся она должна быть из белоснежного мрамора, с золотым фризом, и занимать целый квартал в Энджел-Сити, т. е. быть точно такого размера, как она привиделась Эли во сне. Тут же приводились приблизительных ее размеры, и, как заметил отец, они далеко превышали величину самого большого квартала, который можно найти в Энджел-Сити. Но, несомненно, все это уладится, и храм будет назван "Новым откровением".

Розевилльский "Орел" — название газеты — всячески восхвалял Эли, — "прославившего долину Сан-Элидо", — теперь она будет нанесена на карту. Апостольскую церковь в Розевилле предполагалось перестроить на "добровольные пожертвования", которые будут собираться на митингах, устраиваемых Эли, но старое здание решено было сохранить, чтобы дать возможность пилигримам посещать то место, где было возведено "Истинное слово".

К Россам зашел м-р Хардекр, видевший их на улице. Он сказал, что молодому Бенди надоела мысль о том, что отец намерен производить бурение. Он вместе с родителями собирается переехать в город и заняться делами. Поэтому если предложение Росса остается в силе, семья его принимает.

— Отлично, — сказал отец. — Пусть мистер Хардекр назначит парню, когда прийти, и можно будет подписать соглашение.

На следующий день мистер Хардекр приехал на ранчо Раскома, заявив, что он ездил к Бенди, захватив туда чиновника по сделкам. Старые мистер и миссис Бенди соглашение на сделку подписали. Отец вместе с Бэнни отправились на автомобиле в банк, где отец выложил четыре тысячи долларов и подписал условие уплатить остальные восемь тысяч по истечении надлежащего срока. Выйдя из банка, Росс сказал с улыбкой:

— Очень хорошо, сынок! Теперь ты можешь приняться за бурение на своем участке.

Конечно, Бэнни очень хотелось приступить к бурению. Он хотел, чтобы отец протелефонировал своему главному надсмотрщику и взял подрядчика для работ по устройству дорог. Но отец ответил, что нужно прежде закончить постройку домика, а там будет видно. И Бэнни снова вернулся к своей плотничьей работе: он прибывал к крыше гонт и чувствовал себя самым счастливым юношей. Одна только мысль, как червяк, грызла его душу: каким образом сообщить Полю и Руфи о намерении отца приступить к бурению?! Подумают они или нет, что отец купил их ранчо под фальшивым предложением?

Судьба оказалась к нему милостива. Произошло нечто такое, о чем вы не догадались бы и в тысячу лет! Три дня прошло с момента заключения сделки с Бенди, а отец все еще обдумывал положение, ни на что не решаясь. Пришла Мели Аткинс, в голубом капоре для защиты от полуденного солнца, и принесла изумительные новости: проездом из города возле них остановился старый м-р Ринком, который рассказал папе, что большое нефтяное объединение, "Нефтяная компания "Эксцельсиор"", "Эксцельсиор Петролеум-компани" или в сокращении — "Эксцельсиор-Пет", сняло в аренду ранчо Картера, расположенное по другую сторону долины, на милю западнее Парадиза, и собирается произвести там нефтяное бурение. Все эти новости Мели сообщила сидевшему в виноградной тени отцу, который сейчас же позвал Бэнни и Поля, настилавших в хижине пол. Прибежали оба, прибежала и Руфь со своего птичьего двора. Когда известие им было передано, Бэнни воскликнул:

— "Эксцельсиор-Пет"!.. Ну, папа, это один из "Великой пятерки".

Они обменялись взглядами, и отец, хлопнув в ладоши, воскликнул:

— Уж эти-то люди не стали бы бурить, если бы не знали, что делают! Бэнни, не попробовали ли нам пробурить здесь скважину и посмотреть, что из этого выйдет?

— О, мистер Росс, — воскликнула Руфь. — Вы должны это сделать! Дядя Эди всегда говорил, что здесь есть нефть.

— Разве? — отозвался отец. — Ладно, в таком случае я рискну, хотя бы просто для забавы. — И он взглянул на Бэнни с тенью улыбки. Эта улыбка многое сказала Бэнни. Отец догадался, что сын терзался, как быть с Аткинсами, и мудро спас положение, избавив его от необходимости делать признание. Дорогой, добрый старый папочка! Вечно он думал о том, что бы такое сделать для своего мальчика! Разве всякий другой на месте Бэнни не чувствовал бы себя счастливым от такого разрешения этической проблемы!

Глава шестая

СОБСТВЕННЫЙ УЧАСТОК

I

Отец тщательно обдумал положение своих дел, исследовал свой банковский счет и принял следующее решение. Они приступят к бурению участка "Парадиз № 1

Росса-младшего", действуя по возможности быстро, так, чтобы компании "Эксцельсиор" пришлось погоняться за своими деньгами. Нечего позволять "Великой пятерке" думать, что она владеет всей нефтяной промышленностью! Росс останется здесь и посмотрит, как пойдут дела. Он уже телеграфировал своему геологу и отыскал подрядчика, которому поручил составить смету на артезианский колодец.

М-р Баннинг, геолог, прибыл на следующий день и при первом осмотре сильно поколебал надежды Бэнни. По его словам, Росс был прав и слишком рассчитывать на полосу нефти на поверхности земли нельзя: тут, конечно, могли быть нефтеносные пески на глубине ста—двухсот футов, но в них вряд ли могло содержаться много нефти.

— Если это все, что вы ищете, — сказал м-р Баннинг, — то здесь следует установить небольшой буров на колесах, из тех, что употребляются в Пенсильвании. Настоящие нефтеносные лески лежат глубоко, и пока до них не доберешься, трудно угадать, что найдешь.

Но м-ру Баннингу нравились наружные признаки района, и, по его мнению, рискнуть стоило. Он целых два дня бродил с отцом и Бэнни по холмам, изучая наклон почвы. Наконец, они с отцом остановили свой выбор на одной из сторон холма, на ранчо Аткинса, как раз около того места, где Руфь пасла коз, а Бэнни с ней болтал.

Явился бурильщик для артезианского колодца, предлагая сделать его четырехдюймовой ширины, по два доллара двенадцать центов за фут. Росс подписал с ним контракт, по которому бурильщик обязывался выполнять в день определенную норму. За выработанный излишек ему полагалась премия, за невыполненную работу — штраф. Затем отец и Бэнни отправились нанести визит м-ру Иеремии Кэри, ранчеру близ Розевилля, который был председателем окружного комитета инспекторов, ведавшего наиважнейшими вопросами по строительству дорог.

Большая часть дороги проходила через собственные владения отца, и Бэнни наивно думал, что отец наймет подрядчика и станет платить ему сколько нужно, как это было в деле с артезианским колодцем. Но отец ему объяснил, что таким образом дела с дорогами не делаются: дорога — общественная, ведет от Парадиза к Розевиллю вдоль спуска, а потому она должна быть выровнена и вымощена на общественный счет. Конечно, отец будет ею пользоваться больше, чем кто-либо другой, но ведь ему зато придется платить некоторые налоги! Все владельцы, имеющие земельную собственность вдоль спуска, должны оплатить известную часть ее стоимости, а новая дорога увеличит ценность этих владений.

Все это отец разъяснял сначала Бэнни, а потом м-ру Кэри, приветливому старику, который занимался выращиванием персиков и абрикосов по склонам хребта над долиной Сан-Элидо.

М-р Кэри был, видимо, польщен посещением знаменитого нефтепромышленника, пригласил их в дом, усадил на удобные садовые стулья и попросил м-сис Кэри принести лимонаду для Бэнни. Росс достал свои сигары в золотой обертке и повел беседу с председателем окружного совета инспекторов о том, какое огромное значение для всего района будет иметь развитие здесь

нефтепромышленности. Он рассказал об участке Бэнксайда на Проспект-Хилл и о миллионе с лишком долларов, полученных от него семьей Бэнксайда, о дворце на взморье, который она теперь занимает. Мистер и миссис Кэри все шире и шире открывали глаза, слушая, как Росс рисовал их воображению склон, покрытый лесом нефтяных вышек. Безусловно, все зависит от разрешения одного вопроса — вопроса о дорогах. Нет никакого сомнения, что возить материал для вышек, буровые инструменты и тяжелые машины по имеющейся в этих краях овечьей тропе — невозможно; на этой дороге только что сломалась новая рессора в машине отца. Не может же округ ожидать, чтобы он стал строить общественную дорогу на свой счет для того только, чтобы иметь привилегию платить десятки тысяч долларов новых налогов в окружное казначейство.

М-р Кэри со всем этим согласился.

Отец продолжал: весь вопрос во времени. Если окружные власти намерены тянуть волюнку дальше и держать его в ожидании, — ну что ж! у него много других участков, где он может начать бурение, а свои здешние владения он оставит для заповедника.

М-р Кэри казался взволнованным. Он сказал, что сделает все, от него зависящее, но м-р Росс, конечно, понимает, что общественные дела трудно продвигать быстро. Понадобится представить смету постройки новой дороги на утверждение чрезвычайного собрания выборщиков. Отец заметил, что об этом самом он и хотел поговорить с м-ром Кэри. Если дело только в этом, то в данном случае вопрос можно было бы провести сразу, без созыва чрезвычайного собрания, — просто как необходимую починку старой дороги, а не прокладывание новой.

М-р Кэри ответил, что, конечно, у них имеются фонды для ремонтных работ, но сколько именно — он не знает и должен посоветоваться с коллегами по совету.

М-р Кэри встал и вместе с Россом и Бэнни пошел к экипажу, и когда они, стоя, продолжали болтать, Росс вынул из кармана пакет и сказал:

— М-р Кэри! Я попросил вас уделить мне часть вашего времени. Нехорошо, если бы вам пришлось это делать даром. Надеюсь, вы не примете за оскорбление, если я попрошу разрешения оплатить ваш газолин и стоимость шин, испорченных во время разъездов по этому делу?

М-р Кэри колебался, не зная, будет ли это достаточно прилично. Но Росс его уверил, что дело здесь совершенно ясное: это плата за потерю м-ром Кэри времени, а не за что-нибудь большее, и она не должна никак влиять на самый ход дела. Может быть, в будущем у них случатся и еще какие-нибудь дела, и Росс будет бурить и на ранчо м-ра Кэри. М-р Кэри положил пакет в карман и сказал, что сообщит, как обстоит дело.

Как раз в этом году Бэнни проходил в школе курс так называемых "гражданских наук" и изучал все, относящееся к управлению страны. Во время этого курса в классе проводились многочисленные обсуждения различных вопросов, между прочим, вопроса о подкупе должностных лиц. Бэнни, и не подозревавший, что ему когда-нибудь придется лично столкнуться с подобными вещами, спросил однажды учительницу, может ли случиться, чтобы делец платил общественному должностному лицу какие-то особые суммы за потерю времени и хлопоты по общественным делам. Учительница была шокирована таким предположением и

сказала, что это была бы несомненная взятка. Теперь Бэнни рассказал этот случай отцу и в ответ получил следующее объяснение: между теоретическим взглядом и его практическим применением существует разница. Учительнице не приходилось бурить нефтяные скважины, отправка тяжелых материалов по овечьей тропе не влияла на ее личные дела, которые заключались в одном: сидеть в комнате и произносить высокопарные слова, вроде "идеалы", "демократия", "общественное служение". Люди, которые обучают в школах, никогда не производили никаких материальных ценностей, а потому не имеют реального представления о мире.

В настоящем случае все сводится к одному: хотят они бурить на участке Аткинса или нет? Можно, конечно, ждать хоть десять лет, пока не явится кто-нибудь другой и не сделает того, что должен сделать сейчас отец, т. е. подставить колеса под общественную власть и "подмазать" их.

В огромном большинстве случаев общественные власти алчны и, действуя под предлогом оказать вам поддержку, заставляют вас платить. Иногда же они просто невежественны и совершенно индифферентны. Как бы то ни было, если хочешь, чтобы дела двигались вперед, приходится платить. Росс объяснил сыну разницу между делами общественными и частными. В частном деле каждый сам себе глава, он сам старается ускорить ход событий. Тот же, кто входит в состав общественных властей, будет видеть вокруг себя волокиту, пустоту и бездеятельность до тех пор, пока его не затошнит. И, однако, еще находятся дураки, цепляющиеся за общественную собственность; они называют себя социалистами и хотят перевернуть все существовавшие формы управления. Если бы им это удалось, пришлось бы каждый раз, прежде чем купить ковригу хлеба, заполнять не меньше дюжины просительных бланков и ждать заключения комитета чиновников. Отец сказал, что Бэнни пройдет здесь практический курс "гражданских наук", который он может доложить своей учительнице. Дело по устройству дороги не ограничится взяткой одному только садоводу, выращивающему абрикосы, — отнюдь нет!

Дня через два Росс позвонил м-ру Кэри, который ему сообщил, что виделся с другими членами совета и боится, что может возникнуть оппозиция: предстоят пере выборы, дорожные фонды истощены, и никто не хочет взять на себя хлопоты. Собрание совета состоится на будущей неделе, и, если у Росса есть какое-нибудь влияние, он должен использовать его в остающийся до собрания промежуток времени.

Отец передал этот разговор Бэнни и объяснил, что и остальные члены комитета, очевидно, ждут от него визита с раздачей конвертов.

— Но я сделаю это оптом, — сказал Росс, — и немедленно, прежде чем шайка "Эксцельсиор-Пет" успеет сообразить, что происходит. Я думаю, это наш единственный шанс. У меня есть идея.

Отец отправился в контору м-ра Хардекра и, глядя сквозь дым золоченой сигары на этого сведущего джентльмена, спросил, к кому бы он считал нужным обратиться в том случае, если бы ему понадобилось провести дорогу в долине Сан-Элидо? М-р Хардекр засмеялся и ответил, что в первую очередь повидался бы с м-ром Коффи, а потом отправился бы домой ждать результатов.

Из дальнейшего выяснилось, что м-р Коффи торгует сеном и фуражом в городе Сан-Элидо, считающемся центром округа, и состоит как бы республиканским главой

округа. Поблагодарив за полученные сведения, Росс вместе с Бэнни покати́л по направлению к Сан-Элидо с обычной для него быстротой.

— Теперь, сынок, — сказал он, — ты закончишь свой курс гражданских наук.

II

Джекоб Коффи — "Сено, семена, фураж, известь, цемент и гипс" — сидел в своей частной конторе позади лавки, положив ноги на стоящий посередине стол, с которого еще не были стерты следы игры в покер. Это был плотный человек с крепко сжатым ртом и прочими соответствующими чертами. Кожа у него на лице была словно дубленая, а зубы сплошь золотые. Он снял ноги со стола, встал и, услышав имя Росса, сказал:

— Я думал, вы раньше приедете.

Росс ответил:

— Я только что услышал о вас и ехал по пятидесяти миль в час.

Так они стали друзьями. М-р Коффи получил вместо своей наполовину изжеванной сигары — золоченую, и они приступили к делу.

— Мистер Коффи, — сказал отец, — я независимый нефтепромышленник, работающий самостоятельно, тот, кого "Великая пятерка" называет мелкой сошкой, хотя здесь, в округе Сан-Элидо я могу показаться не очень мелким. Я купил двенадцать тысяч акров земли и хочу разрабатывать нефть. Если нефть здесь найдется, устрою сотни две буровых скважин на участке, дам работу для тысячи рабочих, буду платить несколько миллионов долларов жалованья и удвою стоимость недвижимого имущества миль на пять, на десять в округности. Здесь сейчас появились дельцы "Эксцельсиора". Они постараются выжить меня и всякого другого. Но большие компании никогда не затевают теста, если в нем не нуждаются сами, — и все таким образом переходит к государственной машине. Они, как и всякие другие, нуждаются для своего усмирения в небольшой конкуренции. Мы, независимые, платим больше и заставляем делать то же самое этих крупных молодцов. Я полагаю, что говорю с человеком, знающим эту игру?

— Вы не ошиблись, — сказал м-р Коффи. — Что же вам, собственно, нужно?

— Сейчас только одно — дорогу к Парадизу. Дело простое: нет дороги — нет бурения. И это не пустые слова, а факты; вам легко это понять, потому что вы сами занимаетесь перевозкой тяжелых материалов, и вы могли бы попытаться освободиться от овечьей тропы.

— Можно, — ответил м-р Коффи.

— Отлично, тогда не о чем больше говорить. Мне нужна дорога и нужна без волокиты, — я хочу, чтобы округ приступил к работе в течение следующих десяти дней и протолкнул дело вперед настолько, чтобы я мог начать бурение теперь же, пока это можно сделать без особого шума. Может быть, раньше здесь так не делалось. Но я знаю, чего хочу, и пришел спросить, сколько это будет стоить. Я, кажется, ясно выражаюсь?

— Вполне, — отозвался м-р Коффи, и на его жестком лице мелькнула тень улыбки. Было очевидно, что деловые приемы отца ему нравились.

Он изложил свой взгляд, и Бэнни ясно понял, что он торгуется, преувеличивая трудности дела. Незадолго перед этим у общественных властей округа было много хлопот — один дурак и негодяй стащил известную сумму денег.

— Глупо брать общественные деньги, — заметил м-р Коффи, — можно заработать гораздо больше законными путями!

Кроме того, в этих краях всегда существовал критический взгляд на дорожные подряды: в городе есть молодчик, издающий газету "Сторожевая собака" и наполняющий ее самыми безрассудными обвинениями. Одним словом, все сводилось к тому, что использовать ремонтные фонды округа для постройки дороги в интересах нефтепромышленника будет очень трудно: нужно хлопотать и рисковать потерей голосов. Как уже заметил м-р Росс, шайка "Эксцельсиор-Пет" имеет дорогу к своему участку и не станет покровительствовать дороге Росса. Она может дать кое-какие материалы этому олуху из "Сторожевой собаки" и произвести нажим на государственный комитет, превратив жизнь м-ра Коффи в маленький ад.

Отец слушал вежливо, — это требуется, когда стороны торгуются. Он сказал, что постарается вознаградить всех, кому придется хлопотать. Прежде всего нужно оказать внимание окружным инспекторам. Не будет ли, по мнению м-ра Коффи, самое лучшее, если отец внесет в кассу местного комитета пять тысяч долларов?

М-р Коффи выпустил в воздух облака голубовато-серого табачного дыма и сидел, пристально созерцая написанную на них цифру пять с тремя нулями.

— Вы понимаете, — добавил отец, — это дело особое, независимое от каких бы то ни было предложений, которые я делаю персонально вам.

— Выскажите вашу мысль до конца, — спокойно сказал м-р Коффи.

Тогда Росс заговорил о своей вере в силу сотрудничества, о том, что он всегда устраивал небольшую компанию и, где бы ни работал, крепко стоял за своих друзей, уделяя им известную часть из того, что получал сам. Он рассказал об участке "Росс-Бэнксайд № 1", о том, как для этого фонтана был образован синдикат и как он, чтобы обеспечить доставку материала для постройки вышек, предоставил председателю большой лесной компании два процента, — незначительная дружеская услуга, не больше, — а фонтан дал уже около шестисот тысяч долларов чистой прибыли, и председатель лесной компании заработал свыше двенадцати тысяч только за то, что похлопотал о получении м-ром Россом нужных ему лесных материалов в назначенный день. Здесь, в сущности, то же самое. Если отец получит дорогу, он станет вести большую игру на участке Парадиз, в которой м-р Коффи может принять участие. Росс предлагает ему два процента с фонтана. Стоимость его сейчас достигает ста тысяч долларов, так что м-р Коффи получит вклад в две тысячи долларов. Если же фонтан сделается производящим, то он может получить пять, десять, даже тридцать и сорок тысяч долларов. Такие вещи случаются нередко и должны быть приняты в соображение. Конечно, это будет означать, что отец и м-р Коффи станут друзьями, работая вместе и оказывая друг другу, когда понадобится, маленькие услуги.

М-р Коффи выпустил еще несколько клубов дыма и, изучая их, заметил, что он чувствует к отцу симпатию. Но, по его мнению, будет лучше, если м-р Росс предоставит две тысячи долларов в местный фонд, а пять тысяч лично м-ру Коффи. Росс при этом спросил, глядя ему прямо в глаза: "Можете ли вы доставлять товары?"

М-р Коффи ответил, что может это делать прекрасно, м-ру Россу не о чем беспокоиться. И так, это было не что иное, как торговая сделка. Отец вынул свою чековую книжку и выписал чек на две тысячи долларов на имя казначея местного окружного комитета республиканской партии. Потом, спросив м-ра Коффи, не состоит ли он должностным лицом в какой-нибудь общественной организации, и получив ответ, что нет, он просто деловой человек, отец сказал:

— Прекрасно! Соглашение может быть составлено на имя мистера Коффи. — И он написал расписку, что получил сумму в один доллар, разный товар и ценные возмещения, в обмен на которые м-р Коффи получает на два процента с чистого дохода от фонтана, который предполагается бурить на ранчо Абеля Аткинса близ Парадиза и который будет носить название "Росс младший № 1". Разумеется, бурение начнется, когда пройдет хорошая дорога от главной улицы Парадиза до въезда на ранчо Абеля Аткинса, а если названная дорога не будет сделана в течение двух месяцев, означенный Дж. Арнольд Росс освобождается как от необходимости производить бурение, так и от обязанности возратить поименованному Джекобу Коффи означенный один доллар, прочие товары и ценные возмещения. Росс передал расписку Джекобу Коффи, улыбнулся и выразил надежду, что она не попадет в лапы "Сторожевой собаки".

М-р Коффи тоже улыбнулся, положил руку на плечо Бэнни и со своей стороны выразил надежду, что этот юный джентльмен не станет болтать, на что отец ответил, что Бэнни изучает нефтяное дело и первый выученный им урок: никогда не разбалтывать о делах отца.

Они пожали друг другу руки и распростились. Усевшись в машину, Бэнни воскликнул:

— Но, папочка, я думал, ты демократ!

Росс со смехом ответил, что не собирается решать вопросов ни о тарифах, ни о независимости Филиппинских островов, а просто хочет получить дорогу на ранчо Аткинса.

— Я не понимаю одного, — сказал Бэнни, — как может мистер Коффи сделать все это, если он не занимает никакой должности?

Отец ответил, что крупные дельцы, как правило, избегают занимать какую-либо должность, это им развязывает руки при обделывании всяких операций. М-р Кэри, если бы стало известно, что он взял деньги у Росса, легко мог попасть в тюрьму. С м-ром же Коффи сделать ничего нельзя, он просто влиятельный человек. Занимает должность обыкновенно или какой-нибудь бедняга, нуждающийся в жалованье по пятому разряду, или человек, побеждаемый тщеславием, который любит говорить речи, срывать аплодисменты и видеть свою фотографию напечатанной в газетах. Вы никогда не увидите в газетах портрета Джекоба Коффи, он делает дела в задней комнате своей конторы и никогда — открыто.

Бэнни вспомнил все, чему его учили в "классе гражданских наук", и спросил: всегда ли идут по такому пути дела управления?

Отец ответил, что везде происходит приблизительно одно и то же, начиная с округа и штата и вплоть до национального правительства. Это вовсе не так плохо, как кажется, и является лишь естественным следствием неспособности к настоящему делу огромной массы людей... Хорошо произносить высокопарные речи

о демократии, а что существует в действительности? Кто избиратели здесь, в округе Сан-Элидо? Это все те же олухи, которых Бэнни видел скачущими, катающимися и говорящими на всех языках в церкви Эли. Кто рискнет утверждать, что эти люди способны управлять? Это они-то должны решать — нужна ли отцу дорога и может ли он начать бурить или нет? Совершенно ясно, что они этого не могут сделать. Джекоб Коффи и есть тот, кто решает за них. Он обладает решительностью и энергией, которой должен отличаться деловой человек и которой трудно научиться при теперешнем американском строе.

III

Принялись за работу бурильщики, а также и рабочие по проводке телефонной линии. По мнению отца, теперь было как раз время заняться постройкой казарм для рабочей команды. Пока будут вестись изыскания, они построят временную коечную казарму. Когда же нефть будет найдена, они, если понадобится, выстроят для семейных рабочих хорошенькие домики. Отец сказал Полю, что глупо ему терять время на бобы и клубнику, которые не дадут ему выбиться из нищеты всю жизнь. Ему следует сделаться плотником, взявшись за постройку казармы, после чего он может заняться изучением бурения нефти. Отец предполагал вызвать своего главного плотника, чтобы он высчитал, сколько материала нужно для казармы, и понаблюдал за ее закладкой, после чего Поль сможет закончить эту работу вместе с плотниками, которых он наймет в окрестностях. Росс согласен платить ему пять долларов в день, что будет почти в пять раз больше того, что он получил бы, обрабатывая свое ранчо.

Поль ответил согласием, и однажды вечером они сели и составили план дома.

— Дом должен быть действительно хорошим, — сказал Росс, — потому что ведь это будет фонтан Бэнни, а Бэнни превратился в маленького социалистического реформатора и намеревался кормить своих рабочих ливерными пирожками.

Вместо одной длинной комнаты с койками они решили устроить отдельные спальные каморки, каждая с окном и двумя койками, помещенными одна над другой, — для рабочих дневной смены и ночной. В доме должны быть души, столовая, кухня, кладовая и, кроме всего прочего, небольшая гостиная с библиотекой, несколькими журналами и книгами. Таков был замысел самого Бэнни, который, разумеется, мечтал о культурной рабочей команде.

Отец и Бэнни отправились в Розевилль, чтобы выбрать обивку и мебель для собственного домика, теперь уже оконченного. Отец купил номер "Орла", свежий, только что из печати, и, развернув его, разразился оглушительным взрывом хохота. Бэнни никогда в жизни не видел, чтобы он так смеялся, и потому поспешил заглянуть в газету. На первой странице была напечатана статья о некоем ранчере Адонии Прескотте, живущем близ спуска, между Парадизом и Розевиллем. Около трех месяцев назад экипаж Прескотта перевернулся, а сам он сломал себе ключицу и теперь предъявил иск к округу в размере пятнадцати тысяч долларов для возмещения убытков. Больше того: он подал в суд жалобу на всех членов совета инспекторов за их нерадение к общественным обязанностям, которое выразилось в

том, что они оставляли дорогу в таком опасном состоянии. Дальше на первой же странице целых два столбца были отведены обсуждению ужасного состояния названной выше дороги; говорилось, что поблизости имеются минеральные источники, которые предполагалось использовать, но проект пришлось оставить из-за отсутствия удобных дорог. Теперь появилась возможность добывания нефти, но она тоже грозит не осуществиться из-за плохих дорог, делающих Сан-Элидо одним из самых отсталых округов штата. "Орел" заявлял, что ранчер Джо Лимэкер, воодушевленный желанием общего блага, распространяет петицию о немедленном исправлении дороги вдоль спуска, и выражал надежду, что все граждане и плательщики налогов подпишут ее.

На следующий день явился на ветхом "форде" сам м-р Лимэкер и просил отца подписаться под петицией. Отец задумчиво на нее взглянул и сказал, что это обойдется ему в чертову кучу налогов. Но воодушевленный желанием общего блага, м-р Лимэкер, которому Джекоб Коффи платил три доллара в день, слегка поспорил с отцом, и тот, наконец, согласился, заявив, что не хочет прослыть у соседей за скупца и подпишет вместе с остальными. Четыре дня спустя пришло известие, что инспектора созвали чрезвычайное собрание и вотировали немедленно исправление дороги у спуска. Еще через два дня появилась ремонтная группа рабочих, а при ней запряжки крупных лошадей с тяжелыми плугами, — кто бы подумал, что их так много в округе, — их набралось штук до двадцати на этой двухмильной полосе земли. Они вспахали почву, а люди при помощи ломов отбрасывали с дороги камни; потом работали кирками, скоблили грязь, и скоро тропа стала напоминать настоящую проезжую дорогу. После этого от Парадиза потянулись нескончаемые грузовые платформы со щебнем, которые, поднимаясь, опрокидывались назад и сбрасывали свой груз. Явились машины для выравнивания и паровые катки для укатывания. Замечательное зрелище, показывающее, как много могли сделать деньги отца!

Лес для казармы был заказан и получался небольшими партиями. Поль работал над постройкой с несколькими работниками из соседних ранчо. Он нанял их сам, протелефонировал из Парадиза. Может быть, некоторые и чувствовали себя несколько униженными, работая под управлением девятнадцатилетнего "старшего мастера", но двадцатидвухдолларовый чек Росса успокаивал их чувства еженедельно в субботу, в половине первого. Даже на старого м-ра Аткинса внезапное возвышение "паршивой овцы" произвело впечатление. Он уже ничего больше не говорил ни насчет адского пламени, ни насчет серы. Ведь вся эта работа кипела на его ранчо! Целый день стучали молотки плотников, а наверху, около входа в арройо бил артезианский фонтан, и толпы людей и лошадей уравнивали дорогу, ведущую вверх, к месту бурения. Семье Аткинсов казалось, будто весь округ внезапно двинулся к их ранчо. Ведь это обозначало высокие цены на все съестные припасы, которые они могли предложить, и при этом без всякой доставки, тут же на месте. Трудно оставаться нечувствительным к зрелищу такой кипучей деятельности, даже если предполагать, что это подвох сатаны!

Лучше всего зрелище успехов Поля действовало на Руфь, она буквально сияла от счастья. Кроме забот о себе и о Поле, Руфь занималась еще и хозяйством в доме отца и Бэнни. Но все это ей, видимо, нравилось, она пополнела, щеки ее порозовели. У нее

уже были деньги, на которые она могла купить ботинки, чулки и новые платья, причем Бэнни как-то вдруг заметил, что она прехорошенькая девушка. Она разделяла мнение Бэнни о том, что его отец великий человек, и выражала свое восхищение тем, что пекла для него пироги и пудинги, невзирая на его старания сбавить вес. Все четверо после окончания дневной работы ужинали каждый вечер вместе в бунгало Раскома, увитом диким виноградом. Потом выходили под виноградную тень поболтать при лунном свете о том, что каждый делал и что собирается делать. И мир казался им интересным — в нем стоило жить!

IV

Бэнни нужно было возвратиться в школу. Но прежде он должен был нанести свой обычный визит матери.

Бэнни читал в газетах заметку, что миссис Эндрью Уозерспун-Ланг подает прошение в суд, ходатайствуя о расторжении брака с мужем, который ее оставил. В этот приезд мамочка рассказала ему все. Второй супруг подло бросил ее через два года после свадьбы, и она не знает даже, где он находится. Она одинокая, несчастная женщина, — глаза ее были полны слез. Бэнни не может себе представить, до какой степени каждый стремится сделать своей добычей беззащитную женщину. Скоро Бэнни уловил, что мамочка тактично делает сквозь все эти слезы какие-то намеки. После получения развода ей хотелось бы принять новое имя или, вернее, получить обратно имя папочки, но Бэнни не совсем понял, хочет ли она взять вместе с именем обратно и папочку. Она расспрашивала, как поживает папочка, не чувствует ли он себя одиноким. Есть ли у него друзья среди женщин? Все эти вопросы поставили Бэнни в некоторое затруднение. Он не любил, когда выведывали об отношениях отца с женщинами, — он сам ничего не знал и не любил думать об этом.

Он посоветовал мамочке написать папе, потому что папа не позволяет ему, Бэнни, говорить об этих вещах.

При этих словах несколько новых слезинок скатилось по хорошеньким щечкам, и мама сказала, что все от нее отстраняются, даже собственная дочь Берти отказалась приехать пожить с ней. Что это значит? Бэнни объяснил, как мог, что сестра, по его мнению, эгоистка и погружена в свою светскую карьеру. Она теперь молодая леди с прочным положением, она высоко летает, и у нее не находится времени ни для кого из родных.

И, однако, для разговора с братом Берти не так давно нашла время. Она объявила, что Бэнни уже достаточно взрослый и может узнать все о своей матери. Берти все факты были давно известны от тети Эммы, а теперь она передала их ему, и для мальчика разъяснились многие тайны не только матери, но и отца. Папа, будучи хозяином лавки в поселке, женился после сорока лет на деревенской красавице, которая думала, что поймала хорошую добычу. Но скоро мысли стали уносить ее далеко за пределы деревни! Она пробовала уговорить, расшевелить отца и кончила тем, что убежала с богатым скотопромышленником из Энджел-Сити, который женился на ней. Но она скоро ему надоела, и он ее бросил. Бегство мамы сделало то, чего не могли добиться все ее аргументы: оно расшевелило отца. Он понял, что все

хотят денег. Он сам проиграл лишь потому, что мало их заработал. Ладно! так он же всем покажет!

С этого момента отец сжал зубы и принялся за работу. Несколько человек его деревенских товарищей решили добывать нефть. Он присоединился к ним. Дело пошло успешно, и скоро Росс отделился от них и стал работать самостоятельно.

Бэнни раздумывал над этой историей, наблюдал за отцом и объединял в уме различные случаи. Да, теперь он понимал, откуда эта суровая сдержанность, подозрительность и безжалостное отношение; папа наказывал миссис Эндрию Уозерспун-Ланг, доказывая ей, что он ничуть не хуже всякого скотопромышленника из города. Вот откуда недоверие папы к женщинам, убеждение его, что все они стараются лишь выманить деньги. Вот почему он сосредоточил все свои надежды на Бэнни, который, обладая всеми достоинствами отца и ни одним из его недостатков, завоеует должное положение и признание, — все, чего папа не нашел в своей собственной жизни!

Как только Бэнни начинал думать об этом, его охватывал прилив любви к отцу, он обнимал отца и начинал что-то говорить о том, как он чрезмерно работает, и что ему, Бэнни, нужно скорей вырасти и облегчить отцу его ношу. Он очень редко поднимал теперь вопрос о долгах матери и о ее просьбах увеличить ее содержание; отец привил ему свою точку зрения. Отец сказал, что нет никакого смысла давать матери много денег: она из той породы людей, которым никогда не живется в пределах собственного дохода. Они делают долги и вечно недовольны. Это не скупость со стороны отца и не желание ее наказать. Просто у нее достаточно денег для того, чтобы вести такую жизнь, на какую она рассчитывала, выходя за него замуж. По его понятию о справедливости — ей нечего было рассчитывать на его позднейшие успехи, на плоды которых у нее нет никаких прав. Если она когда-нибудь поймет, что может получить деньги от Бэнни, она сделает жизнь Бэнни несчастной. Вот почему Росс так непреклонен в этом отношении. Пусть торговцы подадут на нее в суд, получить они ничего не смогут, и это выучит их не давать ей в долг. Для нее это будет самое лучшее. Тема эта горькая, но когда-нибудь Бэнни поймет и узнает, что женщина, чтобы выманить у вас побольше денег, пойдет даже на то, чтобы выйти за вас замуж!

Бэнни не говорил этого, но думал, что отец относится слишком пессимистически ко второй половине человеческого рода. Он ведь знал, что есть и другого сорта женщины, — сам он нашел одну такую, Розу Тэйнтор, которая уже больше года была возлюбленной его сердца. Роза всегда старалась удержать Бэнни от трат на нее. И это было хорошо. Она каталась в его автомобиле — и только. Роза была так хороша и мила, что Бэнни чувствовал себя по-настоящему несчастным, сознавая, куда клонится их любовное приключение. Все его старания отогнать от себя правду ни к чему не приводили; он все более и более проникался ею. Они рассматривали английские гравюры восемнадцатого столетия до тех пор, пока не выучили их наизусть, а комментарий к ним Роза оставался тот же: "Восхитительно!" Бэнни узнал много новых вещей и жаждал новых ответов, как это ни казалось жестоко! Поэтому он теперь стал не так часто, как прежде, возить Розу на автомобиле и один или два раза пригласил танцевать другую девушку. А маленькая Роза оставалась так же мила и скромна, как всегда, она даже не плакала, — по

крайней мере в его присутствии. Бэнни был этим глубоко тронут. Он в этом отношении был похож на всех представителей мужского пола, которые находят чрезвычайно удобным, когда их старые любви соглашаются умирать безболезненно, не причиняя хлопот. Еще не отдавая себе в этом отчета, он был уже готов влюбиться в другую.

V

Новая дорога была закончена; казарма для рабочих построена, и там уже поселились рабочие. Приехал старший мастер-плотник, и Поль работал вместе с ним на вышке. Явились грузовые автомобили с инструментами для бурения; все нужно было установить и приладить. Поль помогал в этой работе. Бэнни был в школе и пропустил все эти чудеса, но отец почти каждый день получал отчет от своего старшего мастера и за ужином рассказывал обо всем Бэнни. В своих работах они немного отставали от компании "Эксцельсиор", которая уже приступила к бурению: у тех было то преимущество, что им не нужно было строить дорогу. Но отец не тревожился. По его словам, нефть здесь находилась на очень большой глубине, и не скоро они до нее доберутся.

Наконец, настал торжественный час и для Бэнни. Это случилось в пятницу, и он отпросился из школы, — не часто у мальчика был такой извинительный предлог — ведь у него был свой "собственный нефтяной участок", названный его именем, и он должен был ехать туда, чтобы надавить рычаг и привести в движение буровую машину. Они выехали утром и приехали в Парадиз ранним вечером. С какой гордостью мчались они по новой дороге — твердой и гладкой. Они подъехали к ранчо Аткинсов. Новая дорога шла прямо через него, их собственная, частная дорога! Никого из Аткинсов дома не было. Все ушли на нефтяной участок. И отсюда было уже видно, какая толпа собралась около вышки, около красивой, блестящей новой вышки из желтой сосны, вышки "Парадиз № 1 Росса-младшего".

Автомобиль остановился, и старший мастер приветствовал их. Все уже было готово. Последний болт был прикреплен. Из машины поднимался пар. Ее развели за два часа до их приезда. Бэнни осмотрелся и увидел среди рабочих Поля, державшегося позади, и Руфь, которая была вместе со всеми своими. Бэнни подошел к ним. Он был рад видеть их всех, даже старого Аткинса, несмотря на его прыганье, катанье, ревматизм и всякие другие несчастья.

И все соседи собрались здесь. Бэнни знал многих по именам и вступал в беседу со всеми подряд, кого знал и кого не знал. Все любили этого живого мальчика, этого юного нефтяного "принца", у которого был собственный нефтяной участок, названный его именем. Некоторые из соседей в глубине своих сердец были печальны, потому что продали свои земли так дешево: если бы они сохранили их, они тоже могли бы сделаться богатыми и знаменитыми. Но всякая тень, омрачающая праздник, должна быть изгнана. Об этом торжестве они будут говорить много дней.

Отец осмотрел все, задал несколько вопросов и уже готов был сказать: "Начинайте", как вдруг он заметил автомобиль, катящийся по дороге. Это был

большой блестящий лимузин. Он въехал в толпу, и толпа расступилась перед ним. Лимузин остановился, и из него вышел, — ну, поверили ли бы вы своим глазам, — молодой человек, высокий, немного неловкий, с покатыми плечами, загорелый, голубоглазый, с шапкой желто-соломенных волос — Эли Аткинс, пророк "третьего откровения", в преображении и славе твердого белого воротничка, черного галстука и черного из тонкого сукна костюма, плохо скроенного, но дорогого. Эли Аткинс с его неуклюжими манерами, проникнутыми той особенной скромной гордостью, которую прививает духовная профессия. За ним сошел пожилой джентльмен; он помог выйти из экипажа двум леди в костюмах, напоминавших костюм Эли, но приспособленных для женщин. Это были новые последовательницы пророка или те, которых он исцелил. Соседи почтительно глазели на вновь приехавших, и на одну-две минуты нефтяной участок был забыт — духовная сила восторжествовала над силой материальной.

Отец выступил вперед и пожал руку пророку: что прошло, то прошло, и все несогласия забыты в этот торжественный час. Бэнни с удивлением ждал, что будет, потому что никогда не слышал, чтобы отец произносил речь, не подготовив ее заранее. Но это была особая черта в Джемсе Арнольде Россе, который умел в одно мгновение приспособляться к неожиданным событиям и придавать им такой оборот, какой ему был нужен.

Отец стал лицом к толпе и, прочистив горло, сказал:

— Леди и джентльмены. Мы готовимся начать бурение нефтяного источника на той земле, где родился мистер Эли Аткинс, и потому, может быть, он согласится сказать вам несколько слов.

Все заплодировали, а Эли покраснел и почувствовал себя, очевидно, польщенным. Он сделал один или два шага вперед, протянул руки перед собою благословляющим жестом, поднял голову, полузакрыв глаза и звучным глубоким голосом начал:

— Братья и сестры, на этих холмах я пас стада моего отца, и здесь так же, как с древними пророками, со мной говорил голос святого духа в буре и в громе.

...Братья и сестры! Господь проявляет свою силу разными путями и осыпает своих детей драгоценными дарами. Все сокровища земли принадлежат ему, и когда он в своем милосердии наделяет ими людей, то по его воле они должны использовать эти сокровища на служение ему и на прославление его. Потребности тела должны быть подчинены потребностям духа, и если по божественной мудрости должно случиться, что этот источник принесет богатство и сокровища, они должны быть употреблены на служение Всемогущему, и тогда благословение его будет на всех, кому принадлежит эта земля, и на всех, кто работает на ней. Аминь.

И все хором ответили "аминь". Таким образом, вы получили благословение, и все теперь было освящено. Вся та ложь, которую отец рассказывал Аткинсам и многим другим, взятки, которые он заплатил мистерам Кэри и Коффи, — все это было теперь прощено, уничтожено, и нефтяной источник № 1 во владениях Росса-младшего с этого времени будет освященным источником. Отец обернулся и поглядел на Бэнни, который стоял около машины, держа рычаг в руке. "Ну, теперь пора, сынок". И Бэнни нажал рычаг. Машина запыхтела, цепь натянулась, зубчатка

заскрипела, вращательный станок повернулся, и там внизу, под полом вышки, послышался особый звук, когда сверло коснулось земли.

Бэнни вернулся в школу, и каждый день, когда он кончал занятия, он или ехал к отцу в контору, или, как только тот возвращался домой, спрашивал его по телефону, какие известия получены из Парадиза. На глубине менее двухсот футов они нашли нефтеносные пески. Сделали проверку; этот слой был глубиной в два фута, и отец сказал, что одного этого запаса достаточно, чтобы покрыть расходы на нефть для их автомобиля на целый год. Бурение продолжалось дальше все еще с резцом в восемнадцать дюймов, через твердый песчаник. Работали при открытой скважине, без обсадных труб, потому что грунт был очень крепкий. Поль работал везде, где нужна была его помощь, но, главным образом, как плотник. "Папочка, мы когда-нибудь сделаем Поля нашим управляющим", — сказал Бэнни, но Поль улыбнулся и ответил, что он хочет быть ученым, и прибавил серьезно, что он не так глуп, чтобы думать, будто работа начальников легка, — нет, он не согласится обменять свои восемь часов работы на восемнадцать часов работы мистера Росса. Это была тонкая лесть, и репутация Поля в глазах отца значительно повысилась.

Наступил "Благодарственный день",¹⁶¹ и душа Бэнни разрывалась на две части — в школе должно было состояться ежегодное футбольное состязание с другой, соперничающей школой, находящейся в Энджел-Сити. Кто же Бэнни? Настоящий ли он мальчик или нефтяной гном? Он выдержал страшную борьбу с самим собой и, наконец, произнес решение, огорчившее Розы Тэйнтор и тетку Эмму, — он отправляется в Парадиз с отцом! "Теперь перепелиный сезон, и отцу нужно отдохнуть", — сказал мальчик тетке. Но проникательная леди заметила, что ему не удастся одурачить ее.

Теперь им не нужно было везти палатку; у них был отдельный домик в ранчо Раскома, с телефоном и со всеми удобствами. Телефон был проведен и в бунгало. Можно было позвонить и вызвать Руфь.

Когда они приезжали, в комнате пылал веселый огонь. На столе стоял ужин с разными вкусными вещами домашнего изготовления.

После такого ужина отцу необходимо было на следующий день сделать большую прогулку в несколько миль. Конечно, они прежде всего остановились у нефтяного участка, осмотрели все, переговорили с десятником. Появились новые следы нефти; отец сказал, что нужно спешить быстрее вынимать землю, и просил мистера Баннинга прийти на следующий день, чтобы вместе с ним исследовать почву.

Подъезжая к вышке, они еще издали увидели, что буровая штанга была вынута из скважины и рабочие столпились около нее. Когда они подъехали ближе, они увидели, что рабочие опускают в скважину веревку. Десятник Дэв Мергинс, заметив их, подбежал к автомобилю, и они поняли, что произошло что-то серьезное.

— У нас несчастный случай, мистер Росс.

— Что случилось?

— В скважину упал рабочий.

— Боже мой, — воскликнул отец, — кто?

А сердце Бэнни вдруг замерло. Его первой мыслью было — не упал ли Поль?

— Один чернорабочий, — сказал десятник, — по имени Джо Гунда, вы его не знаете.

— Как же это случилось?

— Никто не знает. Мы меняли резец, а он почему-то спустился вниз, в колодец. Сперва никто о нем не подумал; мы не заметили, что его нет.

— А вы уверены, что он там, внизу?

— Мы пробовали крюком и выловили кусок его рубашки.

Бэнни побелел, даже губы у него стали белыми.

— О, папочка, останется ли он жив?

— А давно он туда упал?

— Мы хватились его с полчаса назад.

— А вы слышали что-нибудь, какие-нибудь звуки?

— Ничего.

— Он утонул в тине. Как глубоко здесь?

— Около пятидесяти футов. При бурении сверло все время входило в тинистую почву. Он, должно быть, упал головой вниз. Если бы он мог вынырнуть и поднять голову, то он закричал бы.

— Боже мой, Боже мой! — воскликнул отец. — Мне хочется бросить все это дело. Как вы можете помочь людям, если они сами не хотят помогать себе?

Бэнни слышал этот возглас уже тысячу раз. У них был сделан щит около скважины; и каждый, кто спускался в яму, должен был закрывать скважину этим щитом. По краям скважины неизбежно скоплялась грязь, и верхняя часть скважины представляла собой воронку со скользкими от грязи краями, а в данном случае еще и с примесью скользкой нефти. Не закрывая скважины, люди подвергали себя большому риску, скользя по краям этой зияющей ямы. Как же еще можно было предохранить их?

— Он семейный? — спросил отец.

— Он говорил Полю Аткинсу, что у него в Оклахоме есть жена и дети. Он работал там на нефтяных промыслах.

Отец сидел неподвижно, пристально смотря перед собою, и все молчали. Они знали, что он действительно интересуется жизнью своих рабочих. Забота о них была его личной гордостью. У Бэнни что-то болезненно повернулось внутри. Подумайте, какой позор! Именно у него, на его вышке случилось это несчастье, именно там, где началась разработка его первой буровой скважины. Теперь все было испорчено для него. Он уже не в состоянии будет радоваться, если даже будет найдена нефть.

— Ну хорошо, — сказал отец, — что же вы сделали? Опускали и поднимали крюк? Так вы никогда его не выловите. Вы должны спустить туда трехзубый граб.

— Я думал, что мы можем ранить его... — объяснил Дэв Мергинс.

— Я знаю, — сказал отец, — но вы должны это сделать. Все равно он теперь не может быть жив. Приготовляйте граб, отправляйтесь вперед и делайте все, что нужно. Будем надеяться, что хоть это послужит уроком для всех остальных.

Отец вышел из автомобиля и сказал Бэнни, чтобы он отвез их вещи в ранчо Раскома и сообщил печальную новость Руфи. Она будет в отчаянии, особенно если она знала этого рабочего. Бэнни понял, что отец не хочет, чтобы он оставался здесь, когда тело поднимут наверх, и, так как он не мог принести никакой пользы, он, не

говоря ни слова, повернул автомобиль и уехал. Мысленно он видел рабочих, привинчивающих к штанге трехзубый граб — инструмент, который употребляется для того, чтобы вылавливать и устранять всякие посторонние предметы, случайно попавшие в скважину, схватывая их острыми крюками. Они могут схватить Джо Гунду за ноги или даже за лицо. Уф! чем меньше вы будете думать об этих вещах, тем лучше, если хотите сохранить ваше наслаждение этой игрой в нефть.

Отец пришел через два часа и немедленно лег, чтобы немножко отдохнуть.

— Тело нашли, — сказал он.

Телефонировали следователю. Следователь выслушал данные под присягой показания нескольких лиц из администрации, снял допрос с рабочих, осмотрел тело и выдал разрешение на погребение. Поль собрал оставшиеся от рабочего вещи на его койке и сложил их в ящик для того, чтобы отослать жене. У отца в кармане было штук шесть писем, которые Поль нашел среди вещей покойного, и так как отец не хотел, чтобы Бэнни относился легко к деньгам или думал, что жизнь только игра, он дал ему эти письма, и Бэнни, сидя в углу, прочитал их: жалкие коротенькие записочки, нацарапанные детским почерком, в которых сообщалось, что доктор рассказал, что у Сузи будет еще долгое время слабость сердца после инфлюэнцы, что у бэби прорезались еще два зуба, и он ужасно страдал, и что приехала тетка Мэри и сказала, что Вилли в Чикаго, где ему живется хорошо. Затем шли крестики и кружки, означавшие места поцелуев мамы и Сузи и бэби. Одна фраза была очень приятна и отцу и Бэнни: "Я рада, что у тебя такой хороший хозяин". Все это опечалило им вечер накануне "Благодарственного дня"; они мало ели из тех блюд, которые приготовила Руфь, и праздничное настроение отлетело от них. Они говорили о всяких несчастных случаях, и отец рассказал о том, что произошло во время работ на первой скважине, которую он разрабатывал: они уже прорыли скважину в тридцать футов, как вдруг маленький ребенок сполз в яму, а оттуда соскользнул в скважину; два рабочих с трудом удержали мать, которая хотела броситься вслед за ним, а остальные рабочие бросились спасать ребенка. Они привязали большой крюк на конец каната, захватили ребенка и осторожно подняли его на несколько футов, но затем что-то задержало дальнейший подъем, ребенок зацепился за что-то, и все были в отчаянии. Ребенок висел там, где-то в темноте и все время жалобно кричал: "У-у-у"... Они ясно слышали его плач. Они начали в двадцати футах от скважины рыть колодец такой ширины, чтобы в нем могли работать два человека. Когда колодец был вырыт до такой глубины, что рабочие в нем оказались ниже ребенка, они прорыли боковой ход, добрались до ребенка и подняли его наверх совершенно невредимым. Крюк только оцарапал его около пояса. Поверхностная царапина, и она скоро зажила: через несколько дней ребенок был совершенно здоров.

Странная вещь жизнь! Если бы Бэнни остался в этот день дома, он повел бы Розу Тэйнтор на футбольное состязание, и в тот момент, когда бедный Джо Гунда погибал в тине, Бэнни весело кричал бы, поощряя свою партию. А вечером он бы танцевал; да, Берти сейчас, конечно, танцует в доме одной из ее фешенебельных подруг или где-нибудь в отеле.

Бэнни мысленно видел ее сверкающие плечи и грудь, ее бальное платье из мягкой блестящей материи, ее пылающие щеки и оживленное лицо; она пьет шампанское или скользит вокруг комнаты в объятиях Эшлей Мэгью — юноши, в

которого она влюблена теперь. Тетя Эмма, разряженная в пух и прах, играет в карты, а бабушка пишет красками какого-нибудь юного лорда, или герцога, или еще кого-нибудь в этом роде, в коротких панталонах и шелковых чулках, целующего руку у прелестной дамы.

Да, жизнь странная и жестокая вещь! Вы живете в узком кругу тех, кого вы знаете, в узком кругу вашего собственного опыта, и, как говорит народ, то, чего вы не знаете, то вас и не трогает. Ваш праздничный обед был испорчен, потому что один бедный рабочий соскользнул в нефтяную скважину, которая случайно оказалась вашей скважиной. Но десятки, а может быть, сотни людей падают в другие скважины, разбросанные по всей стране, и это нисколько не беспокоит вас. Да и как вы можете думать о всех людях, которые умирают здесь и в Европе! По всему пути от Фландрии до Швейцарии армии, зарывшись в траншеи, бомбардируют друг друга день и ночь, и тысячи солдат изувечены там так же страшно, как было изувечено трехзубым грабом тело Джо Гунды на дне нефтяной скважины. Но это нисколько не портит вашего праздничного обеда, ни чуточки. Все эти люди значат для вас не больше перепелки, которую вы предполагаете подстрелить на следующее утро.

Следователь закончил формальности, и тело Джо Гунды было похоронено на вершине холма, немного в стороне от вышки, и на могиле поставлен деревянный крест, чтобы отметить это местечко. Это была работа для мистера Шрубса, проповедника из церкви Эли; пришел и сам Эли, пришли и старый мистер Аткинс, его жена и другие почтенные старые леди и джентльмены, которые любят ходить на похороны. Это было курьезно — отец, по-видимому, был рад, что они пришли и сказали ему, что надо делать; они знали, а он нет. Разумеется, молиться по-настоящему, молиться и произносить проповедь над тощим телом этого бедного рабочего не стоило, но все-таки что-то было сделано, и это сделали знающие люди, а вам нужно было только постоять с обнаженной головой на солнце несколько минут и вручить чек на десять долларов проповеднику. Да, такова была процедура! В смерти, как и в жизни, вам нужно, чтобы что-то было сделано и было лицо, профессия которого — делать то, что нужно делать в данном случае, а вы должны платить ему. Для Бэнни это казалось вполне естественным явлением и совершенно одинаковым, будет ли это мистер Шрубс, который молится над вашим умершим рабочим, или человек из придорожного склада, который наливает газолин и воду в ваш автомобиль, или это будут общественные власти, которые разрешают постройку дороги, по которой катится ваша машина.

Отец послал телеграмму миссис Гунде, сообщая ей о смерти мужа и о том, что он отправил ей чек на сто долларов для покрытия ее неотложных расходов. А теперь отец написал письмо, подробно рассказывая, что они сделали, как они послали ей вещи ее покойного мужа в ящике, большой скоростью. Отец, платил страховку для того, чтобы покрывать свою ответственность за несчастные случаи, и миссис Гунда должна была получить известную сумму от страхового общества. Она должна только представить свое требование в комиссию, рассматривающую несчастные случаи в промышленных предприятиях. Она, вероятно, получит пять тысяч долларов, и отец выражал надежду, что она поместит свои деньги в правительственные бонды и не позволит обмануть себя каким-нибудь подозрительным спекулянтом, обещающим быстрое обогащение.

Итак, все кончилось, и отец сказал, что они могут теперь идти охотиться и постараться забыть о том, чему помочь они не в силах. И Бэнни согласился, но все-таки его не радовал спорт, потому что в его душе что-то ныло, и смешивались вместе страдания Джо Гунды и солдат во Франции, и ему отравляло всякую радость воспоминание о растерзанных телах.

VI

Настало рождество, и Бэнни выработал свою программу на все праздники. На первый день он вместе с отцом должен был отправиться на футбольное состязание, а на следующее утро — уехать в Парадиз и оставаться там до Нового года. К этому дню нужно было возвратиться в город для новогоднего состязания в футбол. Работы на нефтяном участке шли хорошо; пробурили уже больше чем на две тысячи футов; почва все время была мягкая, и работам ничто не мешало. За две недели до Рождества, едва только Бэнни вернулся домой из школы, тетка Эмма сказала ему:

— Отец только что телеграфировал; он получил какие-то новости относительно "Эксцельсиор Петер". — Это было шутливое название фирмы. Тетка Эмма поняла, что "Пет" было сокращенное название, и думала, что она, как настоящая леди, должна была называть эту компанию полным именем: "Петер". Над ней постоянно издевались за это.

— Какие же это новости? — воскликнул Бэнни.

— Они добрались до нефти.

— В Парадизе? — Бэнни бросился к телефону в страшном волнении. Да, отец сказал, что Дэв Мергинс только что телеграфировал оттуда. "Эксцельсиор Картер № 1" — так была названа скважина — уже несколько дней работал в нефтеносных песках, но это старались сохранить в тайне.

Бэнни прыгнул в автомобиль и помчался в контору к отцу. Все были возбуждены. Вечерние газеты уже сообщили о появлении нефти, и многие из нефтяников, друзей отца, пришли к нему поговорить о событии. Очевидно, это означает новую нефтяную жилу. Теперь на Парадиз будет сделан настоящий набег. Отец — счастливец. Подумать только, он приобрел две тысячи акров в этой области; он является их полным собственником. Как это случилось? Отец говорил, что он совсем не предполагал, что тут есть нефть. Он истратил сто тысяч долларов только для того, чтобы позабавить своего мальчика, заинтересовать его делом и, может быть, дать ему хороший урок — не увлекаться нефтяной игрой. Но теперь выходит так, как будто бы мальчик дал ему урок. Мистер Бэнксайд, который теперь сделался настоящим нефтепромышленником и сам разрабатывал собственный нефтяной участок, сказал, что он предпочел бы, чтобы сын его потерпел неудачу на первой же пробе, тогда он не приобретет привычки играть. Отец согласился, но подумал, что теперь поставлено слишком много денег на карту, чтобы желать проигрыша.

После этих известий Бэнни был как на иголках; ему хотелось сорваться и помчаться в Парадиз. Он хотел немедленно бросить школу, но отец не позволил. Бэнни решил, что он может теперь не интересоваться этой старомодной рождественской футбольной игрой. Что об этом думает отец? На это отец ответил,

что он прожил до пятидесяти девяти лет, никогда не видя футбольной игры. Тогда Бэнни написал Руфи, что они приедут в сочельник после школы и будут обедать поздно — на светский лад. Для Руфи было трудно поверить, что фешенебельное общество в городах обедает поздно вечером между восемью и девятью часами!

Тем временем работы по бурению продолжались. Теперь бурили уже на глубине двух тысяч трехсот футов. А было известно, что "Эксцельсиор Картер № 1" добрался до нефти на глубине двух тысяч четырехсот тридцати семи футов. Бэнни был так возбужден, что бегал к телефону между уроками в школе и вызывал отцовского секретаря, чтобы спросить у него, нет ли каких-нибудь новостей. И вот за три дня до Рождества он услышал магическое слово. Отец был у телефона и сказал, что на участке Бэнни достигли нефтеносных песков; еще рано говорить о чем-нибудь определенном, — были только признаки нефти — вот и все.

Как только Бэнни окончил занятия в школе, он бросился к отцу в контору и там услышал разговор отца по телефону с торговцем, который поставлял им машины. Отец заказывал патентованную обсадную трубу и крышку к ней, похожую на сито, самую большую. Все это должно быть отправлено сегодня же ночью. А затем отец вызвал Мергинса и сказал ему, в котором часу прибудет заказанная им верхняя обсадная труба. Они должны подготовиться к цементным работам, вынуть из скважины сверло и заготовить цемент, не меньше пятидесяти тонн. Итак, они тоже достигли нефтяного пласта, глубиной в восемь футов. Это была нефть высокого качества. Богатство ждало их, таившееся там внизу, под этими каменистыми холмами, на которых в течение многих лет бродили только стада коз и овец. Отец заказал уже и цистерны. Отцу сообщили затем, что верхняя обсадная труба получена и цемент приготовлен.

— Когда все это будет залито цементом, — сказал отец, — то все газы Везувия не в состоянии будут поднять эту тяжесть.

Работы по бурению продолжались. Добрались до другого нефтяного пласта, и там нефть была еще тяжелее. Приближался решительный момент, и отец сказал, что действительно дело так серьезно, что Бэнни может отпроситься на один день из школы. Отец отдал распоряжение промыть скважину. Он вызвал специалиста по цементным работам и отправил большой грузовик с партией рабочих в Парадиз.

А на следующий день, рано утром, отец и Бэнни бросили чемоданы в автомобиль и помчались в Парадиз, побивая все рекорды скорости. Через три часа они остановились, чтобы телеграфировать в Парадиз. Старший мастер сказал им, что скважину они промыли, что у компании "Эксцельсиор" уже вырвался водяной фонтан и что там с минуты на минуту ожидают нефтяного фонтана.

В Сан-Элидо они тоже остановились, и отец сказал:

— Мы должны пойти позвать руку Джекобу Коффи.

Они подъехали к магазину. Бэнни выпрыгнул. Его встретил конторщик.

— Мистер Джекоб уехал в Парадиз смотреть на фонтан, — сказал он. — Вы слышали новость? На участке "Эксцельсиор" забил фонтан. Здесь повсюду нефть.

Бэнни выбежал из магазина, прокричал отцу новость, взобрался в автомобиль, и они помчались еще быстрее через пустынную степь. Отец засмеялся и сказал, что теперь даже полицейские агенты, подстерегающие автомобилистов, отправились смотреть фонтан, и можно ехать с какой угодно быстротой.

Они въехали в Парадиз; кругом была совершенная пустыня — ни одной души на улице, ни одного экипажа, за исключением нескольких автомобилей, мчавшихся, подобно автомобилю Россов, к участку "Эксцельсиор". Воры могли бы свободно хозяйничать здесь, но и все воришки бросились глазеть на фонтан вместе с полисменами. Не доезжая до фонтана за четверть мили, вы уже слышали шум его, похожий на шум Ниагарского водопада. А затем, после одного поворота вы видели перед собой всю долину, и все кругом было черно, точно опустилась огромная грозовая туча; повсюду, куда бы вы ни смотрели, была завеса из черного тумана. Этот черный туман закрывал и вышку, а над ее верхушкой собрались густые черные облака. Кругом стояла толпа и смотрела на черный фонтан, который поднимался на двести футов в воздух и оттуда обрушивался на землю с шумом, похожим на шум бесконечного, быстро бегущего экспресса. Отсюда вы могли видеть людей, работающих или пытающихся работать под вышкой. Некоторые из них с лопатами и ломами старались создать нечто в роде плотины для того, чтобы удержать поток нефти.

— Но они не спасут много, — сказал отец, — нефть испаряется слишком быстро.

Отец смотрел на эту сцену философски. Ведь это были не его "похороны". Если бы это был фонтан кого-нибудь из "независимых" и самостоятельных, он предложил бы помощь, но ведь это была грязная компания "Эксцельсиор-Пет". Они всегда с презрением смотрели на "мелких сошек", а потому о них и нечего заботиться. Конечно, как-то стыдно смотреть, что пропадает все это сокровище, но вы не можете быть сентиментальным, если начали нефтяную игру. Единственное, что вы можете сделать, — это следить за ветром, как бы он не переменялся внезапно и нефть не испортила бы вашего нового костюма.

VII

Они поглазели несколько минут на эту картину, а затем вспомнили, что у них есть своя буровая скважина, и поехали назад в Парадиз, через долину, к ранчо Аткинсов. Они долго говорили со старшим мастером. Отец внимательно рассматривал образчик нефти, который добыли со дна скважины, и анализ, сделанный химиком, который исследовал нефть. Старший мастер сказал, что промывка сделана хорошо и что все подготовлено для того, чтобы начать цементирование с утра. Все были настроены; они подготовились к своему делу лучше, чем "Эксцельсиор-Пет", и не зальют всех окрестностей нефтью. Цистерны были наготове на железнодорожном складе; они осмотрели фундаменты, приготовленные для цистерн.

Все было хорошо. "Дело в шляпе", — сказал отец. Они поехали к себе в ранчо Раскома и увидели Руфь. Бэнни переделался в охотничье платье и немного пострелял перепелок перед закатом. Затем они сели за ужин, и Поль рассказал им, что говорят здесь об их работах, о фонтане и о том, сколько денег собрал Эли для своего храма. После ужина все опять поехали к своей вышке. Никак не могли расстаться с ней. Был ясный холодный вечер. На небе блестела новая луна, а над ней мерцала большая белая звезда. Все было красиво, и Бэнни был счастлив — у него был "свой

собственный" нефтяной участок, и бурение шло все глубже и должно было принести ему сокровища, пред которыми сокровища всех старинных волшебных сказок и приключения арабских ночей покажутся детскими игрушками.

Они подняли уже снизу водяную струю — это необходимо, прежде чем начать цементирование; обсадная труба была немного приподнята со дна так, чтобы цемент мог пройти под нее. Это было трудно, потому что труба плотно вошла в грунт, и им пришлось работать внизу особым инструментом, известным под названием "банки", который тяжело стучал там, в глубине. Стоя на платформе вышки, Бэнни слушал эти удары далеко в земле, и вдруг до него долетел звук, подобного которому он никогда еще не слышал в своей жизни. Звук, который он почувствовал, буквально, как удар по голове. Казалось, что вся внутренность земли вырвалась наружу. Огромная крышка обсадной трубы со всей массой цемента, про которую отец сказал, что ее не поднять всем газам Везувия, вдруг полетела в воздух, прямо вверх, за ней труба в четырнадцать дюймов, прямо через вышку, сокрушая все блоки, все болты и все машины, точно они были сделаны из хрупких сахарных леденцов.

Разумеется, Бэнни бросился бежать, спасая свою жизнь, и все рассыпались в разных направлениях. Бэнни на бегу оглянулся раз или два и увидел, что в воздух поднимается обсадная труба, точно гигантская курительная трубка. Затем эта трубка надломилась и посыпалась вниз, увлекая за собою часть вышки, и из буровой скважины поднялся водяной гейзер, а затем нефть, черные потоки ее с обычным шумом — экспресса, мчащегося вдали. Бэнни закричал, раз или два, и увидел отца, который махал руками и, вероятно, тоже кричал. Бэнни бросился к нему, и вдруг случилось самое страшное: вся масса нефти, поднимавшаяся на воздух, вспыхнула!

Они никогда не узнали, как это случилось. Может быть, причиной была электрическая искра или огонь из котла, или искра при падении всех этих обломков, от трения каменных кусков о сталь...

Как бы то ни было, теперь перед ними была башня пламени. Самое великолепное зрелище — пылающая нефть, бьющая фонтаном из земли. Нефть вздымалась кверху, вспыхивала, падала, снова летела в небо и снова падала, и огромная красная масса пламени развевалась, пылала и превращалась в черные клубы дыма, а затем опять становились красной. Горы дыма вздымались к небесам, а оттуда пламя каскадами бежало вниз, на землю. Каждая струя, вырывавшаяся из земли, становилась вулканом, и из него огненный столб поднимался еще выше; вся эта масса, кипящая и пылающая, превращалась в огненную реку, и лава текла вниз по долине, обращая все, к чему она прикасалась, в пламя, проглатывая каждое препятствие, а затем закрывая огонь клубами дыма. Сила тяжести увлекала огненную реку вниз по долине, а сила встречного ветра поднимала ее вверх по склону холма; огненная река коснулась рабочей казармы и мгновенно поглотила ее; она коснулась и склада с инструментами и уничтожила все, что было из дерева, и когда порыв ветра отнес поток нефти и газа в сторону, то мелькнул остов вышки, окутанный пламенем.

Бэнни увидел отца и побежал к нему. Отец собирал около себя рабочих. Не ранен ли кто-нибудь? Он пересчитал всех, одного за другим. Слава Богу, все были здесь, целы и невредимы. Он приказал Полю бежать вниз в ранчо и увести всю семью в

горы. Бэнни тоже должен пойти с ним и держаться как можно дальше от огня; никогда нельзя сказать, в каком направлении может произойти взрыв. И Бэнни побежал вниз к ранчо по пятам Поля. Они нашли всю семью на коленях, читающую молитвы. Девочки бились в истерике. Они их подняли и сказали им, что они должны уйти. "Не заботьтесь ни о каких вещах, — кричал Бэнни, — отец вам за них заплатит!" Поль побежал к загону, куда он запирали коз на ночь, чтобы выпустить их, но козы в страхе перескочили через ограду и убежали вниз по холму. Они сами позаботились о себе.

Бэнни оглянулся; по дороге ехал отец в автомобиле; он отправляется за динамитом, — так он крикнул мальчикам; они тем временем были уже далеко от огня, и отец скоро исчез в темноте. В первый раз во всю жизнь, как Бэнни знал отца, он сделал упущение и не запасся тем, что было ему необходимо. Он ни разу не подумал привезти с собою немного динамита во время своих поездок.

Конечно, Бэнни не раз слышал о нефтяных пожарах, наводящих ужас на нефтепромышленников и являющихся бичом этой отрасли индустрии. Он знал о различных приемах, которыми обыкновенно тушат пожары. Вода не помогает в таких случаях. Она не тушит, а усиливает пламя. Пламя немедленно разлагает воду на ее составные части, и вы в этом случае просто дали бы огню новую пищу в виде кислорода. Чтобы потушить нефть, необходимо иметь в своем распоряжении огромное количество необработанного пара, но чтобы получить его, вам необходимо сейчас же несколько паровых котлов. А здесь был только один, и огонь, конечно, уничтожил бы все раньше, чем вы установите другие котлы. Бэнни слышал об одном пожаре, где огонь свирепствовал десять дней, пока не сделали большую коническую стальную крышку с отверстием наверху, через которую выходило пламя, и не закрыли ею скважину. На огонь, вырвавшийся из отверстия, направили струю пара и потушили его. Но пока будут сделаны все эти приспособления, огонь уничтожит все, и миллионы долларов будут сожжены. Бэнни понял, что эта безвыходная альтернатива заставила отца решиться на крайнюю меру: попытаться остановить пожар динамитным взрывом, даже рискуя разрушить всю буровую скважину.

Мальчики осторожно обошли склон холма и вернулись обратно к месту пожара с наветренной стороны, стараясь держаться подальше от бушующей стихии. Они увидели группу рабочих, выкапывавших колодец настолько близко к пожару, насколько это было возможно. Бэнни понял, что это приготовление для динамита. Рабочие устроили барьер против огня из двух стальных цистерн, в которых они мешали цемент, а сверху положили кишку, через которую пускали струю воды; вода немедленно обращалась в пар, как только достигала пламени. Рабочий бросался в сухой палящий жар, делая несколько ударов киркой в земле, или выбрасывал несколько лопат грязи и бежал на зад. Тогда его заменял другой рабочий. Дэв Мергинс манипулировал кишкой, лежа плашмя на земле с тряпкой на голове. К счастью, можно было пользоваться насосом артезианского колодца, так как их насос погиб вместе со всеми другими инструментами. Дэв отдавал приказания, и яма становилась все глубже и глубже. Поль побежал к нему на помощь, и Бэнни хотел присоединиться к нему, но Дэв отослал его обратно, и Бэнни должен был стоять и смотреть, как горела его "собственная" вышка, и единственное, что он мог сделать, — это немножко обжечь себе лицо!

Рабочие вырыли яму настолько, что могли прятаться в ней, быть ниже поверхности земли, и тогда работать стало легче. Но все-таки человек, работающий в этой яме, рисковал жизнью. Предположите только, что ветер подует в эту сторону хотя бы на несколько секунд, и тогда вся масса кипящей нефти зальет его. Но ветер не менялся, и рабочие прыгали внутрь ямы и рыли ее все глубже, и лопатами выбрасывали наружу грязь. Теперь они рыли проход по направлению к буровой скважине. Они шли вперед насколько возможно дальше, приготавливая щель для динамита.

И вдруг Бэнни подумал о своем отце, который едет сюда с запасом взрывчатого вещества. Отец не мог ехать по дороге, ему нужно сделать круг по каменистому склону холма, в темноте везя этот опасный груз! Бэнни побежал со всех ног для того, чтобы помочь ему.

Там, внизу, стояло несколько экипажей. Многие приехали посмотреть на пылающую нефть. Бэнни расспрашивал об отце и, наконец, увидел осторожно подвигавшийся автомобиль. Там был отец и какой-то другой человек, которого Бэнни не знал. Они подъехали настолько близко, насколько было возможно, — дом Аткинсов давно уже был уничтожен огнем. Они остановились и вышли, и отец сказал Бэнни, что надо отвезти автомобиль назад, куда-нибудь в безопасное место, и что нельзя подходить близко ни к нему, ни другому человеку с динамитом. Они пойдут теперь осторожно к месту пожара. Бэнни слышал, как отец сказал своему спутнику, что нужно идти возможно медленнее. Они не должны рисковать своей жизнью для спасения нескольких баррелей нефти.

Когда Бэнни вернулся опять к месту пожара, отец и другой человек были уже здесь, и рабочие закладывали динамит. У них было нечто вроде электрической батареи, чтобы взорвать динамит, и когда Бэнни подошел, то все уже было готово; все отошли в сторону, а чужой человек нажал ручку. Раздался треск, а затем взрыв пламени из вновь прорытого колодца, и пылающий нефтяной гейзер из нефти, который с шумом поднимался из буровой скважины, вдруг мгновенно остановился — совершенно так же, как вы останавливаете воду при поливке сада из кишки, зажав ее отверстие. Нефтяной столб рассыпался. На земле еще последовало несколько мелких взрывов, но скоро все кончилось. Огненная река еще текла внизу и довольно долго горела, но главный источник пожара был прекращен.

И никто не был ранен, т. е. никто, кроме Бэнни, который стоял около красной реки и смотрел на остатки своей прекрасной нефтяной вышки, на груду пепла на месте казармы для рабочих и думал о своих погибших надеждах. Если бы мальчик был немного моложе, то он бы попросту расплакался. Отец подошел к нему, посмотрел ему в лицо, догадался, что он чувствует, и засмеялся.

— В чем дело, сынок? Разве ты не понимаешь, что ты получил свою нефть?

Как это ни странно, но эта мысль пришла Бэнни в голову в первый раз. Он посмотрел на своего отца с таким выражением, что отец крепко обнял мальчика и сказал:

— Веселее, сынок, все это пустяки, это только шуточки. Ты ведь теперь архимиллионер!

— Что?! — воскликнул Бэнни. — Ты правду говоришь?

— Правду? — повторил отец. — Конечно, правду; ведь у нас океан нефти вот тут внизу, под нами, и все это наше, и ни одна душа не может подойти близко, кроме нас, а ты нос повесил из-за этой жалкой маленькой вышки.

— Но, папочка, мы так много работали над ней!

Отец снова засмеялся.

— Забудь это, сынок! Мы снова отстроим, откроем эту скважину или скорехонько пробуравим новую. А сегодня это был просто маленький рождественский фейерверк в честь нашего вступления в ряды крупных нефтепромышленников.

Глава седьмая

СТАЧКА

I

Прошел год, и вы с трудом узнали бы теперь местечко Парадиз. Дорога была вымощена от самой долины, и вдоль нее были расставлены большие и маленькие плакаты, гласившие, что нефтеносные земли продаются или отдаются в аренду; и тут же были разбиты палатки, в которых совершались продажи и арендные договоры. Прямо перед собой вы видели нефтяные вышки. Направо виднелась новая церковь Эли, а рядом Первый Национальный банк. Часто случалось, что кто-нибудь покупал участок и строил на нем дом и поселялся в нем. А на следующей неделе дом уже продавался, и купивший разбирал его и начинал строить нефтяную вышку. Огромное большинство не шло дальше постройки вышки, потому что те, кто стремился извлечь из земли наибольший доход, сделали открытие, что никакие в мире объятия не действовали лучше, чем присутствие такой постройки на земельном участке. Вы могли насчитать, пока вы ехали по дороге, одиннадцать вышек с западной стороны долины, там, где находился фонтан "Эксцельсиор", а на вершине холма было пятьдесят вышек, принадлежащих различным компаниям, а на востоке, прежде чем вы добрались бы до участка Росса, вы насчитали бы более дюжины вышек, и теперь предполагалось поставить еще несколько за этим участком вдоль склона Розевилль, где был построен отель "Минеральные источники".

Маленькое ранчо Аткинсов было центром деревни. Отсюда вы могли бы насчитать еще четырнадцать вышек, разбросанных то там, то здесь по склонам, а внизу виднелись большие цистерны и бараки, и склады инструментов, и конторы. Отец построил новый дом для семьи Аткинсов. Они продали своих коз и занимались теперь возделыванием своего участка, на котором развели сад, выращивали клубнику и различные овощи и вели меновую торговлю цыплятами и яйцами. Кроме того, у них была маленькая лавочка у главной дороги, и миссис Аткинс и две дочери пекли пирожки и пирожные и другие печенья, которые исчезали в глотках нефтяных рабочих с невероятной быстротой, при помощи различных напитков. Но

никакого "курева" вы не могли здесь купить, это противоречило "третьему откровению", и достать его вы могли только у конкурента Аткинсов, в лавочке по другую сторону дороги.

Новая казарма для рабочих стояла немного дальше от того, места, где была прежняя, под тенью нескольких эвкалиптовых деревьев. В новой казарме было шесть душей, которыми охотно пользовались рабочие, но, к большому огорчению Бэнни, вы редко могли увидеть кого-нибудь в читальном зале, несмотря на хорошенькие занавеси, сшитые руками Руфи. Хорошие переплеты различных журналов редко носили на себе отпечаток пальцев нефтяных рабочих. Бэнни старался понять, почему не посещается читальня, и Поль сказал ему, что причина лежит в слишком длинном рабочем дне. Сам Поль, как плотник, работал только восемь часов, и у него было время для чтения, но у нефтяных рабочих было только две смены по двенадцать часов каждая и работали они сплошь весь год, ежедневно, не исключая воскресенья и праздников. Если вам приходится в течение такого долгого времени работать тяжелыми инструментами, то по окончании работы, после вашего ужина, вам будет не до чтения, лишь бы только вытянуться да захрапеть. И вот этот-то вопрос отец и не мог удосужиться разрешить. Он был для этого слишком занят.

Поль был старшим мастером-плотником, и на его обязанности было следить за всеми постройками: большая ответственность для юноши, еще не вполне зрелого. На участке было уже построено сорок домиков для семейных рабочих, стоимостью каждый в 600 долларов. Рабочие платили арендную плату за них по тридцати долларов в месяц, но ничего не платили ни за воду, ни за газ, ни за электрическое освещение. Никто не знал в точности, сколько стоили эти услуги, и поэтому Бэнни не мог определить, была ли такая расценка справедлива или нет; и никто из рабочих не знал этого. Но отец говорил, что все рады получить отдельные домики, а для делового человека это был верный способ определить правильность расценки.

Но был один пункт, относительно которого Бэнни решительно высказал свое мнение. Он не мог понять, почему все, что относилось к нефтяной промышленности, было так безобразно, и твердо решил, что необходимо сделать что-нибудь для украшения рабочего домика. Он расспросил Руфь, посоветовался с ней, и они отправились в питомник в Сан-Элидо, не сказав ничего отцу, и заказали там сто саженцев акации, каждый в оловянном горшке, и двести отводков вьющихся роз, каждый с корнями, завязанными в рогожу. И вот около каждого домика теперь стояло молоденькое деревцо, а сзади него палка, а вдоль дороги были устроены изгороди из газовых труб, и виноградная лоза готова была ползти по изгороди. Обязанностью Руфи было раз в месяц снимать одного из рабочих с его обычной работы и заставлять вместе с нею поливать деревья и лозу, а на следующий день окапывать их и выпалывать сорную траву вокруг них. За эту работу Руфь получала жалованье — десять долларов в месяц, и ей было присвоено торжественное звание "старшего десятника по садовым работам". Бэнни следил за тем, как росли растения, и, сидя в своей читальне, убеждал себя, что он уже начал работать, как социальный реформатор, для устранения несогласий и противоречий между капиталом и трудом, о которых он учил теперь в школе на уроках "социальной этики".

Бэнни было теперь почти восемнадцать лет. Он был худ, но хорошо сложен. Кожа у него была смуглая, волосы слегка вились, а губы были красны и нежны, как у девушки. По внешности он был весел, но по существу очень серьезен и сознательно старался подготовиться к трудной задаче руководить делами, в которые вложен многомиллионный капитал, и управлять жизнями многих тысяч рабочих.

Если те люди, которые пишут книжки по этим вопросам и преподают их в школе, действительно нашли разрешение этих вопросов, то Бэнни очень хотел знать, как же именно они разрешили их. Поэтому он слушал и читал все, что ему советовали прочитать, а затем приходил домой и расспрашивал отца, а когда посещал нефтяные промыслы, то расспрашивал Поля. Учителя и учебные книги говорили, что действительных, настоящих противоречий между капиталом и трудом не существует: и тот, и другой необходимы для промышленности. Они были партнерами и должны научиться идти рука об руку. И отец говорил, что это верно. Только, как и многое другое, это была теория, и она не всегда оправдывалась. Отец говорил, что рабочие невежественны и желают много такого, чего промышленники не в состоянии дать. Отсюда вытекают споры. Но отец не знал, что можно с этим поделать, и, по-видимому, не старался ничего изобрести для разрешения этого сложного вопроса. Он всегда был слишком занят каким-нибудь новым нефтяным участком, и Бэнни сам был отчасти виноват в том, что на отца навалилась, такая куча работы.

Если хорошенько подумать над этим, то станет стыдно. Это ранчо было местом, где отец мог отдохнуть и пострелять перепелок, но теперь, когда здесь забила нефть, он приезжал сюда уже совсем не для отдыха. Здесь нужно было намечать план новых буровых скважин и приступать к бурению, прокладывая трубы, продавать нефть, думать о постройке домов, дорог, о газе, о воде; каждый день приносил с собой что-нибудь новое. Книги показывали теперь, что почти три миллиона долларов были вложены уже в эти участки, и теперь отец говорил о необходимости иметь собственный дистиллятор. Его ум был полон тысячью технических подробностей в связи с этим вопросом.

Была одна группа людей — очень крупных капиталистов — которые желали работать вместе с ним и превратить это место в единый огромный нефтяной участок с обществом, капитал которого равнялся бы шестидесяти миллионам долларов. Здесь были бы огромные цистерны, многочисленные дистилляторы, цепь распределительных станций. Согласится ли отец пойти по этой дороге, или он сохранит дело для Бэнни? Скоро мальчик должен будет решить, захочет ли он возложить на свои плечи эту огромную тяготу, или же предоставит другим людям заботиться об этом деле для него. Захочет ли он изучить все сам, как изучает Поль, или же просто погрузится в эту нефтяную игру, стремясь все больше и больше увеличивать число добываемых баррелей нефти?

II

Размышлениям Бэнни по вопросу о капитале и труде не суждено было остаться чисто академическими. Приехав на рождественские каникулы в Парадиз, он нашел

Поля чрезвычайно озабоченным: Поль спросил Бэнни, как относится мистер Росс к вопросу о рабочих союзах на своих предприятиях. Дело в том, что сюда приехал организатор от союза рабочих-плотников. Поль разговаривал с ним и решил, что его долг присоединиться к союзу. Многие из рабочих присоединились тайно, но Поль не хотел бы ничего скрывать от мистера Росса. Бэнни ответил, что его отец не особенный сторонник рабочих союзов, но он, конечно, не будет ничего возражать против присоединения Поля, если Поль думает, что так нужно поступить. Во всяком случае они об этом переговорят подробно.

И в тот же вечер у них было настоящее совещание, но не совсем такое, как бывало у Бэнни в его школе.

Отец верил в пользу организаций; он всегда говорил это, и его формула была применима и к рабочим, по крайней мере в теории. Но на практике мистер Росс замечал, что рабочие союзы делают необходимым существование группы администраторов, которая отрывается от настоящей работы вместе со своими товарищами, и, в сущности, эти администраторы перестают быть рабочими. Эти лица образуют особый класс, и они уже действуют в своих собственных интересах, а не в интересах труда. Естественно, они должны найти оправдание для своего собственного существования, и поэтому они способны иногда возбуждать рабочих к недовольству, которого они, предоставленные самим себе, может быть, и не почувствовали бы.

Поль сказал, что это одна сторона дела, но что можно смотреть на вещи и с другой стороны: у рабочих может вспыхнуть недовольство, а официальные представители союза могут своим влиянием успокоить рабочих. Представители союза ведут переговоры с хозяевами и, конечно, стараются, чтобы рабочие получили удовлетворение своих требований, не прибегая к крайним мерам. Разве не более разумно ликвидировать все споры в промышленности, признав основным фактом то, что одна группа продает свой труд, а другая покупает его? Все понимают, что человек, покупающий лошадь, не ценит ее так дорого, как ее собственник.

Отец смотрел на это не совсем так, потому что при таких условиях вести дело для него было затруднительно. Он сказал, что относительно союзов у него возникают сомнения еще и потому, что они лишают рабочего его личной свободы. Рабочий в этом случае не остается свободным американским гражданином, а представляет собою частичку машины, приводимой в движение политиками, а часто и опасными агитаторами. А ведь индивидуальная предприимчивость и индивидуальная инициатива сделали эту страну великой, и мы всеми силами должны защищать индивидуальную свободу граждан. Поль согласился с этим, но прибавил, что сами хозяева подали дурной пример рабочим. Они объединились и образовали "федерацию нефтяных промышленников", которая весьма строго управляет всей этой промышленностью и отрицает "личную свободу". Поль напомнил, что в начале своей промышленной деятельности мистер Росс платил своим рабочим на один доллар больше, чем платили все другие промышленники, он делал это для того, чтобы получить более совершенную работу. Но когда он начал разрабатывать нефтеносные земли в этой области, он присоединился к федерации нефтепромышленников, и ему теперь не позволяют повышать плату сверх норм, выработанных федерацией.

Это было верно. Отец согласился. Но поспешил добавить, что он никому не уменьшил заработной платы. Его предприятие разрослось так быстро, что он поместил своих рабочих в более высокий разряд, и когда он набирает новых рабочих на старую работу, то они получают прежнюю высокую плату. Но Поль продолжал его расспрашивать, и отец должен был согласиться, что действительно он принадлежит к союзу промышленников и в значительной степени пожертвовал своей индивидуальной свободой. Было несомненно, что существует какое-то распоряжение, которому должны подчиняться все промышленники и которое клонилось к тому, чтобы защитить их от требований рабочих. Отец был достаточно честен, чтобы признать и за рабочими необходимость защищаться; он прибавил: может быть, если бы он был рабочим, он тоже доказывал бы необходимость рабочей организации.

Поль сделал приятное отцу, сказав, что если бы все хозяева были так же справедливы, как мистер Росс, то с ними легко было бы договориться. Но факт неоспорим, что большинство из них уважает только силу, а рабочие могут быть сильны, только организовавшись в группу. Почему, например, плотники работают только восемь часов? Потому что все они во всей стране организованы, и вы не можете найти ни одного хорошего плотника, не принимая условий, выработанных союзом. А рядом нефтяные рабочие организованы плохо, и потому у них до сих пор только две смены в сутки. Совершенно недопустимая вещь. Вот почему и Бэнни не может привлечь рабочих в свою читальню. Поль сказал это с улыбкой для того, чтобы вынуть жало из этих слов. Он знал, что они больно ранят Бэнни, да и мистеру Россу не очень-то они приятны. Мистер Росс не мог бы ввести для своих нефтяных рабочих восьмичасовой рабочий день, даже если бы он хотел это сделать, потому что федерация нефтепромышленников лишила его индивидуальной свободы и инициативы в этом вопросе. Поль прибавил, что федерация очень скоро станет лицом к лицу с этим требованием, так как нефтяные рабочие организовались и как раз здесь, в Парадизе, о чем, вероятно, мистер Росс уже знает. Отец ответил, что он слышал об этом. Он даже признался, что федерация прислала ему бюллетени, предупреждая его. Но отец прибавил, что это его не тревожит. Если его рабочие захотят организовать союз, то он сумеет сладить с ними и при этих условиях, — он всегда старался быть справедливым, всю свою жизнь, — и рабочие знали это, по крайней мере большинство из них. Поль ответил, что мистер Росс должен признать основной факт, что цены на все значительно поднялись после начала европейской войны. Поднялась также и цена на нефть, но нефтепромышленники, составившие федерацию, придерживаются старой расценки труда; это не может считаться справедливым и, естественно, вызывает волнения среди рабочих. Хозяева, ведущие борьбу против рабочих союзов, просто близоруки, потому что они своим сопротивлением толкают рабочих к другой организации, к союзу международных рабочих, к известной организации "Промышленные рабочие всего мира". Отец с испугом посмотрел на Поля, потому что члены этой организации пользовались репутацией очень опасных людей, их считали почти анархистами, которые желают захватить нефтеносные земли и передать их в руки рабочих; ходили страшные рассказы о том, что называется "саботажем": рабочие, если не удовлетворяют их требований, наказывают хозяев тем, что портят машины, даже иногда поджигают

нефть. Неужели же правда — здесь появились члены этой организации? Поль ответил, что он не может отвечать на такие вопросы, что его могли бы назвать за это шпионом, но что, несомненно, представители этой рабочей организации имеются повсюду — и в нефтяной промышленности и во всякой другой. Вы не можете не допустить их в среду ваших рабочих, и единственно, чем можно бороться с их влиянием, — это честной и справедливой политикой.

Поль изучил вопрос о капитале и труде, как он изучал все, что попадалось на его пути. Он прочел книжки, о которых Бэнни никогда не слышал даже по названиям. Их не изучали в Высшей школе, потому что, как заявил Поль, эти книжки поддерживали рабочих. Поль беседовал с организатором, приехавшим сюда от союза нефтяных рабочих, очень развитым интеллигентным человеком, специально работавшим в течение многих лет среди нефтяных рабочих и знающим прекрасно условия этой работы. Бэнни был страшно заинтересован им и сказал, что он хотел бы встретиться с ним. Как к этому отнесется отец? Отец ответил, как он всегда отвечал последнее время, что сейчас он очень занят прокладкой новых труб и вопросом об очистке нефти, но позже, может быть, он тоже этим заинтересуется. Отец всегда обманывал сам себя таким образом. Когда-то в будущем наступит такое время, когда он будет свободен.

Однако он ничего не имеет против того, чтобы Бэнни встречался со всеми организаторами, с какими он захочет; несомненно, ему придется со многими из них разговаривать в течение своей жизни. Поль сказал, что Том Акстон приехал сюда тайно, но, в сущности, все хозяева знают его. Он был изгнан с территории "Эксцельсиор-Пет" только вчера. Без сомнения, он с удовольствием согласится побеседовать с Бэнни, но, разумеется, это не лишит его права организовать рабочих мистера Росса.

В результате этого разговора Акстон был приглашен для встречи с Бэнни в читальню, и это было величайшей сенсацией на участке Аткинсов со времени нефтяного пожара. Рабочие ночной смены забыли про сон. Они столпились около читальни, а все, кто проходил мимо, заглядывали в двери и окна. Организатора союзов считали таинственной и страшной личностью: думали, что он является только ночью и встречается со своими друзьями где-нибудь там, за холмами, а он вдруг был здесь утром и на глазах у всех беседовал с сыном старого Росса.

— Не удивительно ли, — говорили рабочие, — что Бэнни Росс получил от отца согласие даже на свидание с рабочим организатором!

Том Акстон был высокий человек, говоривший медленно, мягким голосом, с легким южным акцентом. Он производил впечатление здоровья и силы, да ему и нужно было быть таким, принимая во внимание то, на что ему приходилось наталкиваться на промыслах. Разумеется, он не мог дать клятву, что это именно нефтепромышленники федерации подсылали хулиганов, нападавших на него и старавшихся его изувечить. Но когда это неизменно случалось с ним в различных местах Южной Калифорнии, именно там, где добывается нефть, и не происходило нигде в других местах, то, естественно, он мог вывести из этого свои заключения.

Бэнни был потрясен этим. Он никогда не слышал о таких приемах и не знал, что ему ответить. Он мог только выразить надежду, что мистер Акстон знает от рабочих

отца, что отец не в состоянии участвовать в этих грязных махинациях. Организатор улыбнулся. Он, очевидно, беседовал с Полем, потому что сказал:

— Ваш отец думает, что рабочие союзы руководятся паразитами и агитаторами. Прекрасно. Я хотел бы, чтобы вы спросили его, знает ли он что-нибудь точно и определенно о деятельности федерации нефтепромышленников, о тех людях, которые руководят ею. Вы, несомненно, узнаете, что ваш отец точно так же пренебрегает делами своего союза, как большинство рабочих — делами своих союзов.

Бэнни согласился, что это справедливо, и когда он спросил отца и узнал, что отец никогда даже не бывал на собраниях федерации, а просто давал свое согласие на все, ни о чем не расспрашивая, то Бэнни почувствовал уважение к Тому Акстону и начал думать о том, что ему рассказал Акстон об условиях работы в Парадизе и на других нефтяных промыслах, и о том, как быстро возникают между людьми разногласия.

Только вчера нефтяная компания "Виктор" уволила четырнадцать рабочих, которые присоединились к союзу. Хозяева подослали шпиона к рабочим и узнали имена записавшихся в союз. "Здесь у вас, несомненно, скоро вспыхнет стачка, — сказал организатор. — Она будет объявлена для того, чтобы добиться трех смен в сутки, и когда стачка начнется, ваш отец увидит, сможет ли он вести переговоры отдельно со своими собственными рабочими, или должен будет остаться в союзе нефтепромышленников, подчиняясь их общей политике".

Можете себе представить, как много материала получил Бэнни для размышлений и какие дискуссии вел он с отцом и с Полем и с учителем в классе "социальной этики" в Высшей школе в Бич-Сити.

III

Союзники, установив контроль над морем, обрекли Германию на голод. Немцы могли ответить на это только одним оружием — подводными лодками. Соединенные Штаты принудили германское правительство дать обязательство, что лодки не будут нападать на пассажирские безоружные пароходы. Но теперь, в начале зимы 1917 года, немцы заявили, что они больше не будут подчиняться этому требованию, и все заговорили, что Америка должна принять участие в войне. Германский посол в Вашингтоне уехал домой, и после этого в Высшей школе на уроках, обсуждающих "текущие события", уже более не господствовал дух нейтралитета.

Для хозяев-нефтепромышленников казалось чрезвычайно непатриотическим актом со стороны рабочих то, что они требуют как раз теперь восьмичасового рабочего дня и увеличения заработной платы, не считаясь с переживаемым кризисом. Страна должна думать о самозащите, она нуждается в нефти, как еще никогда не нуждалась во всю свою историю! Но рабочие возражали на это, что хозяева не соглашаются на уступки не потому, что они несут убытки, — они отдают нефть правительству не даром: нет, они получают за нее прекрасную цену и будут получать ту же цену, а может быть, и еще лучшую, если начнется война. Рабочие

требовали своей доли, требовали увеличения заработка соответственно тем высоким ценам, которые они платили теперь при покупке всего необходимого. Повсюду собирались митинги, и в конце февраля официальные представители рабочего союза обратились к различным нефтяным обществам с письменным заявлением, требуя созыва конференции. Когда это требование осталось без всякого ответа, они известили предпринимателей, что рабочие решили прибегнуть к стачке.

Трое рабочих явились к отцу. Один из них был старый служащий, двое других — новые рабочие. По возрасту все трое были молоды, да и действительно вы почти никогда не увидите нефтяного рабочего старше тридцати пяти лет, — и все они были американцы белой расы. Делегаты держали в руках свои шапки, были немного бледны, смущены, но решительны. Они все были расположены к мистеру Россу и высказали ему это. Он был "справедлив", и он должен знать, что их требования вполне основательны. Не захочет ли он последовать примеру некоторых предпринимателей, принявших новую расценку труда? Если он это сделает, работа на его участках будет продолжаться без перерыва. Стачка, если она будет объявлена, ограничит количество добываемой нефти, и цена на нее поднимется. Мистер Росс выиграл бы тогда больше, чем он должен будет заплатить рабочим. Но мистер Росс ответил, что он вошел в состав федерации нефтепромышленников и обещал подчиняться ее решениям. Что случилось бы с его репутацией честного дельца, если бы он оставил своих товарищей во время кризиса? Единственное, что он может сделать, — это начать работу внутри самой федерации для того, чтобы она заключила соглашение с рабочими, больше ничего он не может обещать, и он отправится в Энджел-Сити для того, чтобы узнать, как лучше продвинуть дело. Он сам лично думал, что требование восьмичасового рабочего дня вполне справедливо, и склонялся также в пользу увеличения заработной платы соответственно вздорожанию жизни, так, чтобы доходы рабочих не были подвержены колебаниям. Делегаты были обрадованы этими обещаниями, и затем все обменялись рукопожатиями.

Предоставленный самому себе, Джемс Арнольд Росс, как вы, конечно, понимаете, никогда бы не знал такого положения и не пошел бы так далеко в своих обещаниях. Он просто думал бы о своих деньгах или о том, что сделать с помощью своего капитала. Он, вероятно, шел бы в ногу со всей своей группой, как он делал до сих пор. Но был Бэнни, "маленький идеалист". Бэнни любил рабочих, и рабочие любили его, и отец гордился этой взаимной симпатией и был сентиментален ради Бэнни даже в таких случаях, где он никогда и не мечтал быть сентиментальным для самого себя. И, кроме того, был еще Поль, который знал положение рабочих из самых первых рук, а Бэнни настойчиво втягивал Поля в свою жизнь, осыпая Поля вопросами и заставляя его говорить откровенно о таких вещах, о каких он вряд ли говорил бы свободно при других обстоятельствах. Таким образом, Поль сделался силой в глазах отца, и, таким образом, отец обещал помочь рабочим.

В первый раз он присутствовал на собрании своего собственного союза. Собрание назначено было вечером и протянулось до часу ночи. На следующий день было воскресенье. Бэнни приехал в город, встретил своего отца в отеле и выслушал рассказ о том, что случилось. Большинство нефтепромышленников, по-видимому, так же, как и Джемс Арнольд Росс, предоставили управление своими союзами

другим. На это важное, решающее собрание явилось только сорок человек. И преобладающая группа состояла из представителей "Великой пятерки". Председатель, очевидно, управляющий всей организацией, был поверенным общества "Эксцельсиор-Пет". Ему принадлежал небольшой нефтяной участок, который ему дали, вероятно, для того, чтобы он имел право войти в эту организацию. У него была группа, которая, видимо, получила от него инструкции и голосовала вместе с ним.

Бэнни хотел знать все подробности и засыпал отца вопросами. Отец выступил в защиту рабочих настолько тактично, насколько мог. И действительно, он нашел в собрании двух нефтепромышленников, которые поддержали его, хотя и очень робко; для руководящей группы он казался чем-то в роде ренегата, и они ему намекали об этом.

— Знаешь ли ты, как все это делается, сынок? — воскликнул отец. — У всех уже есть определенное мнение, и ты можешь голову себе об стену разбить, а все-таки их не переубедишь. Они боятся организованного труда, и это делает их глухими и слепыми. Они говорят... — и отец подробно пересказал те аргументы, которыми там осыпали его: союзы — это значит провокация, это значит власть разбойников, беспорядки, стачки; союзы — это значит социализм.

— Что же они думают делать, папочка?

— Они прежде всего не хотят допустить рабочих организоваться в союз, вот и все. Я сказал: "По-видимому, федерация превращается в штрейкбрехерскую организацию", и Фред Науман — это председатель — обернулся ко мне и воскликнул: "Вы это сказали!" И они будут штрейкбрехерской организацией до тех пор, пока в их предприятиях будут стачки. Так сказал Рэймонд, вице-председатель фирмы "Виктор", а затем Бэн Скут.

— Бэн Скут?

— Да, он был там. Он, по-видимому, делал какое-то "обследование" для федерации — вежливое определение шпионства. Ему было известно то, что мы сказали рабочим за день до этого, и он заметил, что я своим поведением оказал очень печальное влияние на ход дел, так как дал стачечникам моральную поддержку. Я сказал ему, что считаю себя свободным говорить то, что я думаю, и высказал те же мысли и здесь, на собрании, и я выскажу их и газетам, если они спросят меня. Науман саркастически улыбнулся: "Я не думаю, по правде говоря, чтобы они обратились к вам, мистер Росс".

И действительно, они не обратились ни тогда, ни позже. Собрание это было объявлено закрытым, а в таком случае отдельные члены не имели права ничего сообщать в газеты. Только председатель или кто-то другой из официальных лиц дал в печать официальный отчет, в котором было сказано, что собрание подало голоса за то, чтобы непоколебимо стоять на своей прежней позиции, несмотря ни на какие угрозы союза. "Теперь настало время для всех, истинно любящих Америку, охранять благополучие страны против врагов, внешних и внутренних". Так говорилось в отчете двух утренних газет.

— Что же ты предполагаешь делать? — спросил Бэнни.

— Что же я могу сделать, сынок? — Лицо отца потемнело, оно было в глубоких морщинах.

Бэнни знал, что отец не привык ложиться поздно и, вероятно, сегодня утром встал рано, тревожимый этими делами. И все же Бэнни не мог не прибавить со своей стороны:

— И ты позволишь этим людям распорядиться нашим делом, папочка?

— По-видимому, так и будет, сынок. Я не в состоянии один финансировать наше дело.

— Со всей той нефтью, которую ты уже добыл?

— Да. У нас большой запас нефти, но все-таки она, главным образом, в земле, и прежде всего мне нужно для работ два-три миллиона долларов в банке.

Он начал объяснять, как ведутся современные коммерческие предприятия. У предпринимателя никогда не бывает достаточно денег, сколько бы фактически у него их ни было. Он всегда расходует больше, чем имеет. Делает дела, так сказать, с будущим. Он вносит деньги в банк, а банк дает ему право тратить больше, чем он вложил. Банк учитывает его "бумаги", так это называется. Вот здесь, на их участках нужно бурить несколько новых скважин, нужно покупать машины и материалы, платить рабочим, и все это авансом, надеясь, что нефть будет получена в следующем месяце или еще через месяц. Он знает, что нефть будет добыта, и банки ему верят, основываясь на его репутации и зная ценность его имущества. Но если он выступит против федерации, он немедленно должен забыть о таких вещах, как банк в штате Калифорния. Ему придется платить наличными за всякую вещь, он должен будет остановить развитие своего дела, а затем он не в состоянии будет уплатить даже по своим счетам, когда они будут предъявлены.

Бэнни был потрясен.

Он думал, что отец его один из самых богатых людей в штате и один из самых независимых.

— Как, отец, нам не принадлежит даже наше собственное дело, нам не принадлежат даже наши собственные души?

И опять начались разговоры на одну из их обычных тем. "Дело остается делом". Это не беседы за чайным столом. Собственность трудно приобрести и сохранить. И, как он уже много раз говорил своему сыну, люди всегда стараются отнять у вас вашу собственность. Для защиты богатства нужна дисциплина, и богатые люди должны быть сплочены. Это может показаться жестоким, если вы этого не поймете как следует, но такова жизнь.

Вот возьмем, например, европейскую войну. Это была страшная вещь. От одной мысли о ней можно заболеть, но она была, и если вы в нее попали, так вы уж не могли выскочить и должны были сражаться. То же самое и со всеми деловыми предприятиями. Для вас нет опасения, если вы находитесь в той группе, у которой в руках власть. Если вы пойдете за безопасную линию, волки очень быстро растерзают вас на куски.

Но Бэнни не мог удовлетвориться этими общими положениями. Он желал знать подробности.

— Пожалуйста, расскажи мне, папочка, кто же эти люди, с которыми мы должны вместе работать?

Отец объяснил, что это была сплоченная группа, но точно определить ее трудно. Представители всех крупных предприятий в Энджел-Сити и территорий, которые примыкают к городу.

Сюда входило несколько организаций: не только федерация нефтепромышленников, но также и ассоциации купцов и мануфактуристов, торговая палата, они были все объединены, а маленькая группа руководила всеми делами, и Фрэд Науман мог вызвать к телефону с десятков людей и превратить вас в парию, выключенного из всякого делового общества. Ни один банк не даст вам тогда займы ни одного доллара, и ни один из крупных торговцев не откроет вам кредита, а некоторые могут прекратить с вами торговые дела даже и за наличный расчет.

До самой своей смерти старший Росс никогда не мог, в сущности, понять своего сына. Его всегда удивляла та настойчивость, с которой Бэнни исследовал такое положение вещей, которое отцу казалось неизбежной принадлежностью жизни. У отца было два помещения в мозгу. Одно — для вещей вполне справедливых, а другое — для вещей, как они существовали в жизни и как вы могли позволить им существовать.

Но здесь пред ним было новое явление. У мальчика в голове было только одно помещение, и там вещи были такими, какими он считал, что они должны были быть; они не могли быть "несправедливыми" — вы должны были сделать их справедливыми. В противном случае для чего вам вся эта справедливость? Вы только будете сами себя обманывать ею.

— Послушай, папочка, — сказал Бэнни, — неужели нет никакого способа разорвать эти узы? Разве ты не мог бы остановить дальнейшее развитие дела, все поставить на расплате наличными и работать медленнее? И знаешь, это было бы лучше уже в одном отношении: ты мог бы не работать так много. Ведь тебе необходимо отдохнуть.

Отец не мог не улыбнуться, несмотря на страдание, которое он видел на лице Бэнни.

— Если бы я вышел из этой организации, сынок, — ответил он, — у меня уж не было бы никогда ни одного спокойного часа для отдыха до тех пор, пока ты не похоронил бы меня там, на холме, рядом с Джо Гундой.

— Но ведь у тебя будет нефть, если ты сговоришься с рабочими; работы будут продолжаться. И нефть будет получаться только из этого единственного округа.

— Да, сынок, но нефть не деньги; ее нужно еще продать.

— Ты хочешь сказать, что ее не возьмут у нас?

— Я не могу этого сказать, сынок. Я никогда не был в таком положении и не знаю, что они могут сделать. Одно я могу сказать, что они никогда не позволят мне отделиться от них. Они уж найдут какой-нибудь способ удержать меня. Это так же верно, как то, что завтра взойдет солнце.

IV

Отец отправился на промыслы и снова беседовал с представителями своих рабочих. Он не рассказал им, что произошло на собрании, но сообщил, что он

употребил все свои усилия, чтобы привлечь нефтепромышленников на свою сторону, но это ему не удалось. Он связан с ними соглашениями, которых он не может порвать. Он был бы очень рад пойти навстречу требованиям рабочих, если только федерация даст свое согласие на это. Но если вспыхнет стачка, то он не сможет продолжать работу на своем участке. Для него будет большим убытком прекратить разработку своих лучших производительных скважин. Однако он постарается продержаться, и его рабочие должны смотреть на прекращение работ, как на отпуск, и вернуться к нему, как только кончится стачка. Пока же он их не будет увольнять, и они могут оставаться в своих казармах и домах, разумеется, при условии, что они будут сохранять порядок и не причинят никакого вреда собственности.

Это была, разумеется, необычная уступка, и он выразил надежду, что рабочие оценят это. Рабочий комитет ответил, что, без сомнения, все они это понимают и что они глубоко благодарны мистеру Россу за то, что он для них делает. Члены комитета были смущены и очень почтительны; вы понимаете, очень трудно для скромных рабочих людей вести борьбу со своим хозяином, "большим" человеком, вооруженным магической властью денег.

Стачка была назначена на среду. Рабочие прошли толпой с пением песен. К союзу присоединилось не более десяти процентов всех рабочих, но работу прекратили все: меньшинство, которое хотело бы остаться, было недостаточным для того, чтобы продолжать разработку скважин, и поэтому все работы были остановлены. Рабочие привели все в порядок, прикрыли скважины и отправились в Парадиз, где состоялся огромный митинг, на котором присутствовало около трех тысяч местных рабочих и пришли многие городские жители и некоторые фермеры. По-видимому, сочувствие местного населения было на стороне рабочих.

Том Акстон произнес речь: он изложил требования рабочих и рассказал, как, на основании его прежних опытов, стачка должна проводиться. Самое важное, что они должны запомнить, — это сохранить на своей стороне сочувствие общества, повинаясь закону и избегая всякого намека на беспорядок. Это будет нелегко, потому что федерация нефтепромышленников знает это так же, как и руководители стачки, и будет со своей стороны делать все, чтобы вызвать рабочих на насилие; с этой целью сюда уже прибыли "стражники", и самой большой трудностью для рабочих будет сохранить спокойствие лицом к лицу с ними. Если поверить Акстону, то такой прием применяется обычно хозяевами во всех стачках; он сказал, что стражники эти — самые гнусные типы, которых подбирают крупные агентства, поставляющие шпионов. Они набираются из отбросов городского населения. У каждого из них в потайном кармане хранится оружие. В другом потайном кармане у них спрятана бутылка виски, но Том Акстон не знает точно, получили ли они эту бутылку от хозяев, или же сами позаботились запастись ею. Как бы там ни было, они были привезены сюда на грузовиках, по пути остановились перед домом шерифа в Сан-Элидо, все сообща присягнули как "делегаты шерифа", и им были розданы серебряные значки, чтобы носить их в петлицах. И после этого все, что бы они ни делали, будет отныне считаться согласным с законом.

Несколько из этих делегатов стояли тут же и слушали речь Акстона. Не нужно говорить, что они не были в восторге от нее.

Председатель союза, который приехал сюда для того, чтобы руководить стачкой, также произнес речь; затем говорил секретарь союза и организатор союза плотников, и все это было еще недостаточно, потому что рабочие были полны энтузиазма и умы их были открыты для всяких идей. Это был урок о том, что такое солидарность. Они записывались сотнями в союз и вносили плату из своих скудных сбережений.

Назначен был стачечный комитет, и члены его отправились работать в старое гумно, которое было превращено в главную квартиру стачечников. Это было единственное свободное место, подходящее по своим размерам, которое удалось отыскать среди всех мелких построек на нефтяных промыслах. Там непрерывно гудела толпа, люди приходили и уходили, но не было никакого беспорядка. Выборные лица и добровольные помощники работали так, как будто отдых и сон совершенно неизвестны человеческому организму. Нужно было найти временные помещения, так как не многие нефтепромышленники были настолько великодушны, чтобы предоставить стачечникам кров. Союз заказал большое число палаток, но их потребуется еще больше, когда окончится аренда на домики, составляющие собственность нефтяных компаний. К счастью, не многие рабочие были обременены семьями. Нефтяной рабочий — перелетная птица; он часто меняет место работы и не сразу перевозит свою семью, а ждет, когда он привыкнет к новой обстановке и подкопит немного денег, чтобы перевезти свою жену и детей с места последней работы.

Бэнни приехал в воскресенье утром. К этому времени волна первого возбуждения уже прошла. Это был дождливый день, и рабочим негде было созвать митинг. Группы людей стояли под воротами или под навесами, везде, где можно было найти свободный кров. Вид у них был немного печальный, точно они нашли стачку менее романтической, чем ожидали. Перед участками нефтепромышленников, особенно перед теми, которые принадлежали крупным компаниям, расхаживали взад и вперед мрачные люди в плащах и шляпах и бросали на вас подозрительные взгляды. У некоторых из них были ружья за плечами, как у военных часовых. Бэнни поехал на участок отца. И там было то же самое, и это больно ранило его сердце. Пред ним было олицетворение всего того, что было ему так неприятно в промышленном мире и что он мечтал изгнать с участка, принадлежащего "Россу-младшему". Но истина была в том, что взгляды "младшего" временно потерпели поражение, а взгляды "старшего" восторжествовали и клали свой отпечаток на события.

Сидя в конторе на своем участке, Бэнни осыпал отца вопросами относительно стражников. Неужели действительно нужно было ставить охрану против собственных рабочих?

— Ну, конечно, нужно, сынок, — протестовал отец. — То, что ты говоришь, несерьезно. Как можно оставить собственность в три миллиона долларов без всякой защиты?

— Где мы наняли этих стражников, отец?

— Мы их не наняли; это федерация прислала их сюда.

— Но разве мы не могли поставить свою собственную охрану?

— Я не знаю никаких людей для этой цели и не знаю, где их найти. Мне тоже пришлось бы обратиться к какому-нибудь агентству, как это и сделала федерация.

— А разве нельзя было воспользоваться нашими собственными рабочими, которых мы знаем?

— Превратить стачечников в охрану? Ты сам должен понимать, что этого нельзя делать, сынок.

— Почему нельзя?

— Прежде всего, уже по одному тому, что мы застрахованы в страховых обществах. Воображаю, как быстро они подняли бы сумму, которую я должен платить за страховку! А затем, предположим, меня подожгли бы — и я был бы разорен, ты не понимаешь этого?

Да, Бэнни понял. По-видимому, весь мир был одной хорошо выработанной системой, находящейся в противоречии со справедливостью и добротой и повсюду сеющей жестокость и страдание. И он и отец были частью этой системы и должны способствовать ее сохранению против своего желания.

— Мы платим что-нибудь за эту охрану, отец?

— Мы вносим свою долю, без сомнения.

— Что же получается в таком случае: мы даем деньги Фреду Науману для борьбы со стачкой даже и в том случае, если бы мы и не хотели с ней бороться?

На это отец заметил, что дьявольски неприятно видеть, как работа на всех скважинах сразу приостановилась. Он стал просматривать бумаги на своем столе, и Бэнни сидел некоторое время молча, стараясь проникнуть в мысли отца. Это были элементарные мысли, не требующие никакой особой тонкости, чтобы быть понятыми. Здесь на участке было одиннадцать производительных скважин, которые в последний четверг утром дали, в общем, тридцать семь тысяч баррелей нефти. Это значит, по теперешним низким ценам, валовой доход до двух миллионов долларов в месяц. Ум отца был полон соображениями о том, что он мог бы сделать с этими деньгами, а теперь он должен был разрешить трудную задачу: как обойтись без этих денег? Лицо его было серо, изборождено морщинами от забот, и в сердце Бэнни была жалость к нему. Он, Бэнни, желал победы рабочих. Но захотел ли бы он этой победы ценою новых забот и новой тяжести на плечах отца?

V

Поль ушел вместе со стачечниками, так сообщили Бэнни. Отец предложил ему остаться, потому что на участке были строительные работы и плотники не объявляли стачки. Но Поль думал иначе и решил, что его обязанность быть вместе с нефтяными рабочими; среди них мало образованных людей — ведь на них лежала все время тяжесть двенадцатичасового рабочего дня; мистер Росс должен был согласиться на уход Поля, окончательный или временный, как он сочтет лучше. Отец сказал, что он не питает никакой вражды к нему и Поль может вернуться, когда стачка окончится.

Бэнни отправился на ранчо Раскома, чтобы повидаться с Руфью и расспросить ее обо всем. "Старший десятник по садовым работам" тоже присоединился к стачке

вместе со старшим мастером-плотником, но она осталась в бунгало и ухаживала по-прежнему за мистером Россом, когда он оставался в своем домике. Руфь сказала, что Поль больше не живет здесь. Он спал на соломе в главной квартире союза, где он работал по двадцать часов в день. Мели осталась со своей сестрой, и они все свое время посвящали теперь печению хлеба, а старый мистер Аткинс на такой же лошади, запряженной в такую же старую тележку, отвозил хлеб в Парадиз и продавал стачечникам. Они закрыли лавочку на своем участке, потому что там никого не было, кроме охранников, а они не хотели ни в каком случае кормить их, даже если бы те умирали с голоду. Так говорила Мели, которая болтала, как заводной ящик, а Руфь посматривала на Бэнни с некоторым смущением, полагая, что в его присутствии не нужно было этого говорить. Но Бэнни сказал, что он сам против этой охраны, что ему больно смотреть на нее в этих местах, которые он считал своими. Мели прибавила, что стражник, охраняющий их участок, неплохой малый, он был раньше лесником и пожарным, но все другие — ужасные люди, и отец запретил девочкам ходить вечером на дорогу. Охранники всегда пьяны и всегда ругаются.

В кухне стоял соблазнительный запах имбирного печенья, а Бэнни еще не завтракал. Девушки накрыли маленький стол, и все втроем уселись за завтрак. Было блюдо яиц с картофелем, хлеб и масло, козье молоко, имбирное печенье и клубника с собственными грядками; все, что посадил здесь Поль, было окружено заботливым уходом Руфи, она не могла выносить страданий живого, даже если бы это были растения.

Руфь теперь была уже взрослой девицей, почти восемнадцати лет, такого же возраста, как и Бэнни, но она чувствовала себя немного старше, как это обыкновенно бывает у девушек. Ее прекрасные волосы лежали узлом на затылке, и вы больше уже не видели ее босых ног. У нее был очень привлекательный вид, когда она работала в кухне, потому что щеки ее становились розовыми. Она ловко справлялась с домашней работой и приказывала вам сидеть спокойно и не мешать ей, стараясь помочь. У нее были блестящие голубые глаза, как и у всей семьи Аткинсов, но взгляд ее был особенно чист и спокоен; он, казалось, проникал вам в самую душу и делал невозможным грубость или ложь.

У Бэнни как раз в это время началась его первая серьезная любовь, о которой мы скоро расскажем. Эвника Хойт была богатой девушкой и сложной натурой. Знакомство с ней было иногда удовольствием, иногда мучением. Но Руфь была бедная и простая девушка; ее присутствие действовало успокоительно, как субботнее утро. Главной основой жизни Руфи было убеждение, что ее брат Поль необыкновенно хороший и выдающийся человек. Теперь Поль отдавал весь свой рабочий день на помощь стачечникам, а Руфь приготавливала хлеб для них; пока у них были деньги, она его продавала, а когда деньги истощились — отдавала даром.

Мели с восторгом пекла хлеб для рабочих, но у нее были и другие интересы. Появление нефти на участке Аткинса внесло большие перемены в жизнь Мели. Она уже не была больше "пастухом козих стад", развилась, расцвела, приобрела умение бойко разговаривать и яркую ленту в волосы и ожерелье из желтых бус. Мели накануне вечера была в городе, там было очень интересно. Эли стал известным проповедником; у него собственная церковь, и он отправляет в ней службы каждый вечер во славу Божию. Много стачечников посещают церковь, и на них изливается

милосердие Божие. Во время богослужения, между молитвами, Мели собрала много новостей о стачке. Было столкновение на главной улице, потому что пьяный стражник грубо обошелся с Мэми Парсенс, и Поль был в числе делегатов, которые отправились к шерифу и потребовали, чтобы у стражи были отобраны или револьверы, или водка. Завтра Мели снова отправится в церковь; там будут три службы в течение дня; говорили, что в понедельник нефтепромышленники привезут сюда штрейкбрехеров и начнутся работы на участке "Эксцельсиор-Пет", а стачечники приготавливаются остановить работы. Это будет страшно.

Бэнни отправился в город и бродил там, желая встретить кого-нибудь из рабочих, но, к несчастью, никто ему не попался. Он не мог увидеть Поля, потому что Поль был завален работой в главной квартире стачечников, а Бэнни не мог туда пойти, потому что это было не совсем удобно: кто-нибудь мог подумать, что он хочет шпионить. Бэнни уже не был юным нефтяным принцем, которому все удивлялись и которого баловали. Он был теперь врагом и читал вражду во взглядах рабочих даже там, где, может быть, ее и не было. Он был в положении солдата армии, который чувствует, что дело армии несправедливо, и не желает бороться за него. Но как это тяжело — желать собственного поражения!

В воскресенье утром солнце ярко блестело, и никогда еще Бэнни не видел такой толпы в Парадизе. Эли совершил богослужение перед своей новой дарохранительницей и сказал стачечникам, что если они будут хранить веру в святой дух, им нечего будет заботиться о своей заработной плате. Ведь было же чудо с хлебом и рыбами, и разве их небесный отец не может насытить их, если они будут верить в него? Некоторые поверили этому и сказали "аминь", другие засмеялись и отправились на площадку перед зданием школы, где союз созвал митинг для тех, кто верил, что заработная плата необходима. Бэнни отправился туда и услышал Поля, который выступил на митинге со своей первой речью. Это было большое событие для Бэнни да и для всего города, в сущности. Весьма картинное создалось положение, вы должны согласиться с этим. Два молодых Аткинса, две местные соперничающие знаменитости, произносящие в одно и то же время речи и проповедующие несколько разные учения.

Нужно сказать в пользу Эли, что он не выступал против стачки и, вероятно, никогда не мог ясно понять, каким образом его доктрина оказывала поддержку федерации предпринимателей. Его сестры пекли хлеб для стачечников, тяжело работая своими "физическими" руками, вымешивая "физическое" тесто, а он, Эли, в это время провозглашал, что он мог бы создать чудесный "духовный" хлеб, полные корзины его, силою своей молитвы. Почему же он не сделает "физического" хлеба, смеялись скептики, и Эли отвечал: "Потому что у них мало веры". Ему говорили, что он должен подать пример и начать, и если только он создаст один маленький хлебец по библейскому методу, то это обратит в его веру миллионы, и все организованное рабочее движение присоединилось бы к церкви "третьего откровения".

У Поля был глубокий сильный голос и медленная убедительная дикция; он был хорошим оратором по той простой причине, что не знал никаких ухищрений, а всецело погружался в то, что он хотел сказать. Ожидалось неизбежное начало работ на нефтяных участках, и Поль советовался с юристами и теперь излагал стачечникам самым подробным образом, что они имели право сделать и от чего они должны

воздержаться. Они могли защищать свои законные права, но не должны ослаблять своей позиции, позволяя себе хотя бы малейшее нарушение закона, так как этим они дали бы возможность своим врагам изобразить их как виновную сторону. Все их будущее поставлено теперь на карту, так же, как и будущее их жен и детей. Если им удастся добиться трех рабочих смен в день, то у них будет досуг для образования, для размышлений, для улучшения их собственного положения, и они получат возможность дольше оставлять в школе своих детей. Это должно быть настоящей целью их стачки, и если демократия не понимает этого, то, значит, она ничего не желает понимать, и разговоры о патриотизме одно лицемерие. Речь Поля была покрыта аплодисментами, и Бэнни с трудом удержался от аплодисментов и ушел, испытывая грусть в сердце, разрываемый жизненными противоречиями.

На обратном пути в Бич-Сити у него было много времени для размышлений. Только в полночь он добрался до своей школы, и всю дорогу он слышал голос Поля, покрывающий шум машины, объявляющий войну всему тому, во что Бэнни, как ему казалось, верил.

VI

По возвращении в школу Бэнни черпал известия о стачке из газет, и они не приносили ему большого успокоения. Газеты уверяли, что стачка была преступлением против страны во время этого кризиса, и газеты наказывали стачечников не только тем, что изобличали их в длинных передовицах, но, кроме того, еще печатали подробные отчеты о "дурном поведении" стачечников. Во вторник утром вы могли прочесть, что когда несколько грузовиков привезли на нефтяные участки рабочих — телеграммы не говорили, что это штрейкбрехеры, — то толпа встретила их у входа на нефтяные промыслы компании "Эксельсиор" и начала осыпать их бранью, и даже несколько камней полетело в них. Представители федерации предпринимателей в своем отчете называли это поведение толпы "бунтом", и этот отчет был помещен полностью.

На следующий день была очередь нефтяной компании "Виктор", которая отправила на грузовиках рабочих в Розевилль, а оттуда на автомобилях в Парадиз в сопровождении вооруженных стражников для защиты этих штрейкбрехеров. Здесь тоже происходили неприятные сцены. Были столкновения между охраной и стачечниками и в других местах. Незадолго перед этим несколько стачечников были ранены, а двое из охраны жестоко избиты.

Федерация предпринимателей обратилась с воззванием к губернатору, прося прислать милицию для защиты их прав, которым грозит опасность от преступников, не желающих соблюдать законы, презирающих постановления штата Калифорнии и организующих разгром страны накануне войны.

Девять человек из десяти читали эти сообщения в газетах и верили им. Все, кого знал и с кем встречался Бэнни, верили этому и считали Бэнни странным чудаком, потому что он колебался и сомневался. Тетка Эмма, например, вполне твердо знала, что стачечники родились преступниками и вместе с тем германскими агентами, или, по крайней мере, они были в союзе с германскими агентами, ну а это не все ли

равно? Нарядные леди в клубах получали сведения прямо из главных квартир, потому что многие из них были женами влиятельных промышленников. Мужья сообщали эти известия своим женам, а жены передавали тетке Эмме, которая дрожала теперь за финансовое положение своего зятя.

А Берти была еще хуже, — настоящая принцесса всех тех глупых маленьких снобов, которые ее окружали.

Берти решила посетить один из нефтяных участков своего отца; там она заметила расу низших существ, созданий, выпачканных грязью, которые стащили свои кепки и смотрели на нее с тупым страхом, но под их низкими лбами она заметила признаки понимания и человеческого ума, и Берти почувствовала себя неприятно.

Затем она посетила Парадиз и провела вечер в домике, где останавливался отец. Она встретила с Полем и Руфью, которые ожидали ее. Она желала оказать им покровительство, и те почувствовали это и замкнулись в холодном молчании. Берти должна была признать, однако, что они были очень приличными рабочими людьми, но она не могла понять, почему ее брат поддерживает с ними близкую дружбу. Она считала их низшими существами. "Боже мой, — возмутился Бэнни, — да кто мы такие?" И это, без сомнения, было отвратительно с его стороны напоминать сестре, что их отец был погонщиком мулов и каменщиком, в сущности, не так давно; почему же лучше быть погонщиком мулов, чем плотником? Берти с достоинством говорила, что ее отец поднялся снизу, потому что в нем самом было внутреннее превосходство; она знает, что в нем "хорошая кровь". Она знает это, хотя и не может доказать. Бэнни ответил, что у Поля и Руфи тоже "хорошая кровь" и что они, разумеется, тоже стоят на пути к тому, чтобы подняться наверх.

Это был тот вопрос, о котором они не переставая спорили. Берти уверяла, что Поль относится к Бэнни свысока и покровительственно и что только по своей доброте он этого не замечает. Поль позволяет себе обращаться к Бэнни, называя его "сынок", как делает отец. Разве это прилично? Берти называла друга своего брата "твой приятель Поль", и Берти сказала: "твой приятель Поль" ушел и изменил нашему отцу, он как раз сделал то, о чем я тебе уже давно говорила, — не нужно доверять таким людям. И когда Берти замечала, что Бэнни все-таки продолжает симпатизировать Полю и даже защищает рабочих, она называла его тупицей и неблагодарным. Их отец рисковал жизнью, выходя к этим бунтарям, не желающим знать закона; этого не делал ни один предприниматель. Все они оставались в своих управлениях в Энджел-Сити и поручали бороться со стачкой своим агентам. Но отец, разумеется, под влиянием Бэнни, брал все на себя, и если с ним что-нибудь случится, то Бэнни должен будет нести за это ответственность всю свою жизнь.

Отец вернулся домой через несколько дней, и Берти после приезда стала негодовать еще сильнее, потому что отец просил всех членов семьи сократить теперь свои расходы, пока не кончится стачка; ему приходится переживать очень тяжелое время. Берти саркастически заметила, что Бэнни мог бы теперь продать свой автомобиль, чтобы помочь отцу в его затруднениях. Отец рассказал, как на его участке произошел мелкий инцидент: один из стачечников ночью наткнулся на охранника, и произошла драка. Кто в этом виноват, трудно установить, но начальник охраны опасается, что теперь эти столкновения будут постоянно

происходить, если отец не выселит стачечников из казарм на своем участке. В конце концов, они пришли к компромиссному соглашению — отделить барак с рабочими от остальной части участка колючей проволокой.

Таким образом, была построена изгородь из колючей проволоки, высотой в восемь футов, и Берти иронически заметила, что это теперь создаст еще другое место, где Бэнни и "его Руфь" могут выращивать розы.

Отец остановил Берти, заметив, что рабочие — не преступники. Большинство из них добрые парни и хорошие американцы, и, конечно, немцы ни при чем тут. Волнения были, но их вызвали агитаторы. Но все это не переубедило Берти, потому что "старый любимец Бэнни" Поль был, в сущности, всегда самым худшим из этих агитаторов, и Берти думала, что отец не должен теперь спать в своей одинокой хижине на промыслах, и пусть Аткинсы не готовят для него обед; она слышала страшные рассказы о некоторых рабочих ресторанах, где во время стачки некоторым подсыпали яд в суп. Когда отец и Бэнни расхохотались в ответ, она сказала, что, разумеется, она не думает, будто Поль или Руфь способны на такой поступок, но у них есть помощники, которые готовят и для стачечников и для отца в одно и то же время. И вообще отец должен быть подальше от них, потому что они покинули его во время тяжелого кризиса.

Бэнни заявил по этому поводу, что Руфь всегда была верной и сердечной девушкой, и на это его сестра сказала небрежно: о да, без сомнения, она знает о преклонении Бэнни перед этой "чудесной" мисс Руфью. Как только она приехала на нефтяной участок, она услышала, что он влюблен в Руфь. Или это, может быть, Мели, или как там зовут другую?

Бэнни вскочил и вышел из комнаты. Бэнни нисколько не был влюблен ни в Руфь, ни в Мели, но ему было ненавистно презрение сестры к рабочим и ее откровенная классовая ненависть. А в то же время он вспоминал, что в своем собственном кругу Берти была добра, великодушна, а иногда нежна и сердечна; она была верна своим друзьям, помогала им в тревогах, часто поддерживала их в затруднениях. Вы понимаете, для Берти были близки эти люди, она их знала, они все были богаты, и она их считала равными себе и охотно входила в их жизнь. Но нефтяных рабочих Берти не знала; они для нее были низшими существами, созданными для добывания денег на ее удовольствия, обязанными ей подчиняться, работать на нее, потому что им платили.

Но что такое была Берти? И почему нефтяные рабочие должны были заботиться о ней? Она была красивой и блестящей молодой особой, которая знала, как истратить большую сумму денег во время ужина в элегантном отеле в компании других молодых особ, обладающих такими же способностями. Она состязалась в этом с ними и говорила только о том, что они сказали, что они сделали и что они приобрели. Берти редко утруждала себя каким-нибудь занятием, хотя ложилась спать очень часто на заре и редко вставала до ленча, разве только тогда, когда у нее были утренние визиты. Для чего иметь деньги, если у вас не будет уменья тратить их? Это было мирозерцание, которое Берти хотела привить и своему младшему брату. И тетка Эмма вторила ей. А теперь явилась Эвника Хойт, которая остановила свой выбор на Бэнни, и это было самое могущественное влияние из всех. "Пользуйся молодостью! — кричал каждый. — Для чего нам возлагать на свои плечи тяжесть

всего мира? И главное, не беритесь за то, чего вы не можете переделать, и не ломайте себе голову над всевозможными жизненными противоречиями..."

VII

Подводные германские лодки среди многих других потопили один американский пароход. И Америка решила принять участие в войне. Конгресс был созван, и вся страна приготавливалась к военным действиям. В местных газетах целые страницы наполнялись телеграммами из Вашингтона, Нью-Йорка и из европейских столиц. И потому неудивительно, что известия о стачке в Парадизе терялись среди этих важных телеграмм. Изредка вы могли увидеть несколько строчек, где говорилось о стачке, погребенной где-то там, на последней странице. Три стачечника были арестованы по обвинению в нанесении побоев штрейк-брехеру темной ночью. Предприниматели заявили после этого, что стачечники пытались поджечь постройки на участках и что германские агенты работают вместе с агитаторами среди рабочих. Действительно, у рабочих только и была эта забота, если мы вспомним, что три тысячи человек с женами и детьми вели отчаянную борьбу с голодом!

Отец, разумеется, получал ежедневные отчеты о том, что происходило, и, таким образом, у Бэнни тоже были сведения. Понемногу предприниматели набрали рабочих, платя им повышенную плату и привозя их на участки из разных концов штата. Среди них было мало опытных, квалифицированных рабочих, и потому во время работ происходило много несчастных случаев. Тем не менее, значительное число скважин снова разрабатывалось. Было два-три случая, когда приступали и к новому бурению. Но на участке Россов все бездействовало. И Бэнни не мог не заметить, что отца все более раздражало такое положение. Ежедневно он терял целое состояние. И в то же время портились его отношения с его товарищами-предпринимателями, которые думали, что он или потерял разум, или изменил их общему делу.

Разумеется, "Великая пятерка" была очень рада видеть, как один из "независимых" сам перерезает себе горло. Но они разыгрывали негодование, распространяли разные слухи и вели пропаганду против своего соперника, преувеличивая то беспокойство, которое он вызывал своим поведением.

Бэнни видел все это; в него тоже проникал яд сплетен, которые приносили домой тетя Эмма из клубов и Берти с танцевальных вечеров и обедов, но затем он думал о рабочих, жалостно цеплявшихся за надежду на лучшую жизнь, и его сердце разрывалось пополам. Только одно могло оправдать положение, занятое отцом: это — победа рабочих в их борьбе; они должны победить, должны победить! Бэнни испытывал теперь то же, что чувствовал иногда, когда сидел и наблюдал за футбольной игрой и кричал до хрипоты, стараясь ободрить свою партию. У него было страстное желание прыгнуть на арену и помочь в критическую минуту, но, увы, правила игры запрещали такое вмешательство.

На участке Росса произошли новые столкновения рабочих с охраной, и отец отправился туда, а вместе с ним и Бэнни, на конец недели. Теперь была весна, холмы

зазеленели, фруктовые деревья цвели. Как красиво, как чудесно красиво! Но человеческие существа были жалки и несчастны; жестоко страдали многие миллионы из них, и почему они не могут научиться быть счастливыми в этом мире? Весна цвела во всей стране, а повсюду шли приготовления к войне. Формировались огромные армии: готовились убивать людей другой страны. Это был путь к счастью. Все говорили это, а Бэнни в глубине тайного уголка своей души не переставал мечтать о таком мире, где люди не калечили бы и не убивали бы друг друга и не разрушали бы не только счастья других, но и своего собственного. Отец и Бэнни приехали в Парадиз, и странно было видеть там праздных людей, разгуливающих по улицам, и вооруженную охрану около всех нефтяных участков. Иногда какой-нибудь оратор произносил речь на свободном местечке, и толпа слушала его. Это было счастливое время для всех желающих поучать своих близких чему-нибудь: путешествующие евангелисты и распространители патентованных медицинских средств и социалистические ораторы — все находили себе слушателей.

У отца было свидание с комитетом рабочих. По их словам, положение стало невозможным: охрана намеренно вызывала столкновения с рабочими, стражники были почти всегда пьяны и сами не знали, что делали. Поэтому союз расставил еще несколько палаток и решил перевести сюда рабочих из казарм. Те рабочие, у которых есть семьи и которые живут в отдельных домиках, постараются остаться на прежних местах, если мистер Росс позволит. Для семейных не было места в палатках, а рабочие не решаются оставлять женщин и детей одних по соседству с охраной. Отец переговорил и с начальником охраны. Тот согласился, что, конечно, стражники пьют, да и как можно от них требовать, чтобы они остались в этой Богом забытой дыре без выпивки. Отец не мог не признать, что это правда; все люди были таковы, и если у вас есть собственность, которую нужно защищать в таких критических обстоятельствах, то вы должны брать то, что можете получить. Бэнни не был удовлетворен таким аргументом, но ведь Бэнни был "идеалист", а такие люди редко бывают удовлетворены в этом жестоком мире.

Бэнни отправился к Руфи и Мели — место, где можно получить самые последние известия. У девушек было очень много работы. Они пекли хлеб, но языки их не были заняты, и новости так и посыпались из ротика Мели. Дид Нельсон находится в больнице с простреленной челюстью, — это красивый парень, Бэнни помнил его, он работал у скважины номер одиннадцать, — он сбил с ног ударом кулака одного стражника за то, что тот позволил себе грязные сплетни о его сестре. Тогда два других стражника выстрелили в него. А Боб Мерфи попал в тюрьму: его арестовали в тот день, когда были привезены штрейкбрехеры на участок синдиката "Виктор". И так далее, имя за именем, все те, кого Бэнни знал. Глаза Мели были полны ужаса, но все же вы могли увидеть в них какое-то особое возбуждение; она была так молода, и никогда еще за всю жизнь не было у нее стольких волнующих событий. Если бы дьявол с когтями, рогами, вилами и с серным смрадом появился вдруг во время проповеди в храме "третьего откровения", Мели была бы в восторге от этого необыкновенного события, и такого же рода чувство испытывала она, видя появление этой новой толпы пьяных разбойников, вдруг выброшенных из подонков города в ее родную мирную и благочестивую деревню в ярком весеннем уборе.

Бэнни спросил о Поле и узнал, что он назначен в стачечный комитет и редактирует маленькую газету, издаваемую союзом. Ведь это чудесно, а как Бэнни смотрит на это? Они показали ему один оттиск, два листа, отпечатанные на mimeографе с обеих сторон, ради экономии. На первом листе в верхнем углу было изображение маленькой нефтяной вышки рядом с названием "Защитник труда". Газетка была наполнена известиями о стачке, затем шли увещевания рабочих, обращения к губернатору штата с протестом против бесчинств стражников и ответ шерифа, отказавшегося отобрать у стражников виски. Были в газетке и стихи: "Поднимайся, рабочий", написанные женой кровельщика, миссис Уинни Мартин. Поль только что возвратился из поездки по некоторым другим нефтяным участкам, где он убеждал рабочих присоединиться к стачке. На нефтяных промыслах "Центер" его пытались арестовать, но ему удалось ускользнуть и уйти дальней дорогой.

Америка вступила теперь в войну, и все были возбуждены этим. В школе распевали патриотические песни и организовывали военные отряды. По сравнению с этой войной нефтяная война была так ничтожна, что никто более не интересовался ею, но она близко касалась Бэнни и потому была для него очень большой войной. Эта война открыла ему многое; он видел лицом к лицу мужчин и женщин, которых он хорошо знал и которые рассказывали заведомо ложь о рабочих; он вспомнил теперь все рассказы, которые он читал в газетах, и возненавидел себя, потому что жил на деньги, получавшиеся таким путем. Его отец платил свою долю в федерацию нефтепромышленников и, таким образом, оплачивал жалованье этих негодяев-стражников, платил за их ружья и за амуницию и за бутылки виски, без которых они не хотели оставаться.

Что же все это значило? Что таилось за всем этим? Только одно: небольшая жадная группа предпринимателей не хотела платить своим рабочим плату, достаточную для жизни, и принуждала их работать двенадцать часов в день. Предприниматели прислали сюда людей, вооруженных револьверами и ружьями; с их помощью удалили рабочих с промыслов, единственного источника их жизни, и принуждали их голодом вернуться к работам на прежних условиях. Такова была история, весьма простая. И здесь, в маленькой кухне Руфи, вы видите весь этот процесс изнутри. Девушки принуждены были уменьшить цену на хлеб, который они продавали, потому что многие уже не могли покупать по прежней цене. Нефтяные рабочие никогда не могли сделать больших сбережений, потому что им приходилось перебираться с места на место и тратить деньги на перевоз своих семей или посылать им деньги. А теперь их сбережения уже были исчерпаны, а помощь из других нефтяных участков приходила скудно, и Поль, у которого были сбережения, предназначавшиеся им для учения, — ведь он хотел сделаться ученым, — отдал их на помощь голодающим семьям, а Руфь и Мели отдавали им все свое время, и даже старая миссис Аткинс помогала, когда могла.

Бэнни обратился к своему отцу со всеми этими тоскливыми вопросами. Что же будут делать рабочие, когда у них больше не будет хлеба для того, чтобы поддерживать свою жизнь? Отец ответил, что они должны будут вернуться на работу.

— И прекратить стачку, отец?

— Да, — сказал отец, — если им не удастся победить, они должны будут прекратить ее; таков закон стачек, как и всего другого. Они должны сдаться и выждать того времени, когда их союз будет сильнее.

— Но, отец, как они могут сделать его сильнее, если предприниматели бойкотируют рабочих, вступивших в союз? Ведь ты же знаешь, как удаляют из предприятий всех членов союза! Даже теперь, если они сдадутся, большинство компаний не захочет принять обратно деятельных членов союза!

И отец сказал, что он это знает, но что рабочие должны будут постараться перенести последствия поражения; другого способа нет. Конечно, он не может поддерживать стачку, оставляя свои нефтяные участки и дальше без эксплуатации. Рабочие должны понять, что он не сможет вынести конкуренции, и они не вправе ожидать этого от него. Они должны или прекратить работу на других участках, или же увидеть, что нефтяные скважины будут открыты и на участке Россов.

И у Бэнни снова что-то засосало внутри. Неужели и на его участке появятся штрейкбрехеры?

VIII

Действительно, было только одно место, где Бэнни чувствовал себя счастливым, — это бунгало. Он приехал сюда провести свой субботний вечер и помогал Руфи и Мели — единственный род помощи стачке, который ему был доступен. Часть вечера они говорили о страданиях тех, кого он знал, а другую часть веселились и шутили, как и все молодые люди. Но все время они непрерывно работали, как пекари, превращая муку, принадлежавшую союзу, в различного рода съестные вещи. Во время ужина явился Аткинс со своей тележкой. Это был уже второй его рейс. Они нагрузили тележку, и Мели отправилась вместе с ним по главным квартирам стачечников, а Бэнни остался вместе с Руфью и помог ей все вычистить и прибрать. Он старался объяснить ей поведение своего отца и почему он, Бэнни, не мог оказать настоящей помощи стачке.

В воскресенье он отправился на митинг и слышал вторую речь Поля, у которого всегда был хмурый вид; теперь, после нескольких недель плохого питания и плохого сна, он имел вид совсем мрачный и больной. В его голосе звучало страстное негодование. Он рассказывал о своей поездке по другим нефтяным участкам и о том, как везде наткнулся на обычную несправедливость: городские власти, как и власти округа и штата, были простыми пешками в руках предпринимателей и делали все, чтобы унижить рабочих и разрушить их организацию. В этом белом пламени страдания дух Поля закалился как сталь, и это передалось толпе рабочих, и они принесли новую клятву солидарности; Бэнни почувствовал, как поднимает дух человека воодушевление толпы, и пожалел, что он отдален от них, и отошел в сторону, подобно тому библейскому юноше, у которого было слишком большое богатство.

Поль увидел его в толпе и после митинга отыскал его.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказал он, когда они отошли в сторону. У него не было времени слишком распространяться, и он прямо подошел к делу. — Знаешь, я хотел бы, чтобы ты оставил мою сестру в покое.

— Оставил твою сестру в покое? — воскликнул Бэнни и, остановившись, с изумлением посмотрел на Поля. — Не понимаю, что это значит?

— Мели сказала мне, что ты бываешь там, у них, и что вчера ты провел с Руфью весь вечер.

— Но, Поль... почему же я не могу оставаться с ней?

— Мы должны сами заботиться о себе. Руфь не может ждать защиты от отца, и я хочу, чтобы ты понял меня. Я не потерплю, чтобы богатый молодой человек увивался около моей сестры.

— Но, Поль! — Голос Бэнни был полон страдания. — Поль, ты страшно заблуждаешься!

— Я не хочу, чтобы ты оставался в неведении относительно одной вещи. Если кто-нибудь поступит дурно с моей сестрой, я убью его. Это так же верно, как то, что мы стоим с тобой на земле.

— Но, Поль, я никогда ничего и не думал в таком роде, и, послушай, я должен сказать тебе, я очень влюблен — влюблен в одну девушку в школе. О, Поль, я страшно люблю ее, и я ни о ком не могу думать...

Яркая краска покрыла лицо Бэнни, когда он сделал это признание, и было невозможно не поверить его искренности. Голос Поля сделался добрее.

— Но, послушай, ведь ты теперь не ребенок больше, и Руфь тоже, — сказал Поль. — Я, конечно, верю тебе. Естественно, что ты влюбился в девушку твоего класса, но ведь с Руфью может случиться другое; она может заинтересоваться тобой, и поэтому ты должен держаться в стороне от нее.

Бэнни не знал, что сказать, — все это было для него неожиданно.

— Я хотел знать подробности о стачке, — объяснял он, — а поговорить с тобой мне не удавалось. Ты не можешь вообразить себе, как тяжело мне, но я не знаю, что мне делать. — Он спешил высказать все свои муки в немногих словах. Он разрывался надвое — между преданностью своему отцу и своими симпатиям и к рабочим. Он терзался, но что он мог сделать?

Когда Поль стал отвечать, его голос снова сделался суров.

— Твой отец помогает содержать этих негодяев на участке, я это знаю.

— Он платит свою долю в федерацию, ты, вероятно, об этом говоришь, но ведь это было одним из условий договора, когда он присоединился к федерации.

— Ни один договор не обязателен, если он требует нарушения закона. А разве ты не знаешь, что эти стражники раз сто в день нарушают всякие законы?

— Я знаю, Поль, но отец связан с другими предпринимателями, ты же понимаешь и не веришь этому, но он, действительно, испытывает серьезные финансовые затруднения, потому что его нефтяные скважины стоят закрытыми, а это он делает исключительно для своих рабочих.

— Я знаю это, и мы все это очень ценим. Но теперь он сказал, что он тоже сдается и начинает работать, как и все. Они применяли всякие меры к нам, они вели борьбу нечестными приемами, и твой отец это знает и все же идет вместе с ними.

Наступило молчание. Затем Поль с горечью продолжал:

— Я знаю, конечно, его деньгам грозит опасность, и он не хочет рисковать ими, и ты будешь делать то, что он тебе скажет.

— Но, Поль, я не могу противоречить отцу. Ты же не мог ожидать этого.

— Когда мой отец пытался подчинить меня своей воле и заставить меня думать так, как он хотел, я противился ему, ты знаешь это. И ты сам меня поддерживал и ободрял; тогда ты считал это справедливым!

— Но, Поль, если бы я стал в этом вопросе противоречить отцу, ведь я разбил бы его сердце.

— Но, может быть, и я разбил сердце моего отца, я не знаю, и ты не знаешь этого, и не в этом дело. Дело в том, что твой отец поступает несправедливо, и ты это знаешь. Он помогает этим разбойникам угнетать нас, отнимать у нас наши гражданские права и даже наши человеческие права, ты не можешь отрицать этого, и ты должен исполнить свой долг, который налагает на тебя правда.

Наступило молчание, во время которого Бэнни старался привыкнуть к страшной мысли пойти против отца так же, как Поль пошел против старого Аткинса. Это казалось таким справедливым в одном случае и совершенно невозможным — в другом.

Поль прервал молчание:

— Я знаю, почему это, сынок. Ты не можешь этого сделать. У тебя нет для этого силы. Ты слишком мягок. — Он подождал, пока эти жестокие слова вошли в сознание Бэнни. — Да, это верное слово, ты слишком слаб и мягок. Ты всегда получал все, что ты хотел, тебе всегда подносили все на серебряном подносе, и это сделало тебя бессильным. У тебя доброе сердце, и ты знаешь, что справедливо и что нет, но ты не способен к действию, ты слишком боишься причинить кому-нибудь боль.

И этим окончился их разговор. Полю нечего было больше сказать, а Бэнни нечего было ответить. У него к глазам подступили слезы, это тоже было слабостью, не правда ли? Он повернул голову в сторону, чтобы Поль не заметил слез.

— Ну хорошо, — сказал Поль. — У меня куча работы, и я должен бежать. Разумеется, все скоро кончится, и твой отец снова начнет получать деньги, и, я надеюсь, ты опять будешь счастлив, хотя, по правде сказать, я сомневаюсь в этом. Ну, прощай.

— Прощай, — сказал Бэнни тихо, а Поль повернулся на каблуках и быстро пошел вперед. Бэнни медленно зашагал: в душе его бушевала буря. Он был возмущен, что Поль не хотел понять его и был жесток к нему, но в то же время другой голос внутри его настойчиво повторял: "Он прав, ты бесхарактерен и слаб".

Вот эта черта Бэнни — вы понимаете — и приводила в такое неистовство его сестру Берти. Она негодовала, что он подчиняется Полю, позволяет ему бранить себя и кротко переносит это. Он совершенно забывал о собственном достоинстве, о том достоинстве, которое создавали ему отцовские миллионы.

Бэнни возвратился в школу, а нефтяные рабочие еще туже затянули свои пояса и положили, как говорится, зубы на полку.

Но в это время Америка уже вступила в войну, и конгресс принял ряд новых законопроектов — один о большом "займе свободы" для покрытия военных расходов, а другой о регистрации всех мужчин призывного возраста и о составлении огромной армии, а затем стали приходиться смутные слухи о перемирии с рабочими. Сперва вошли в сношения с железнодорожными рабочими: многие из них были в стачке, требуя увеличения платы, соответственно вздорожанию жизни, и улучшения условий труда. Железные дороги абсолютно необходимы при войне, и конгресс поэтому уполномочил правительство вмешаться в эти споры и выработать условия соглашения с союзами и наблюдать, чтобы решение для каждой стороны было справедливо.

Если такие шаги были сделаны по отношению к железнодорожным рабочим, то они, разумеется, должны были быть сделаны и по отношению к другим: нефтяные рабочие добились теперь тех прав, которые федерация предпринимателей так настойчиво хотела отнять у них. Рабочая печать была полна сообщениями о новом повороте в политике, и рабочие в Парадизе получили телеграммы из главной квартиры рабочего движения в Вашингтоне с приказанием стоять крепко и не уступать.

И произошло нечто, похожее на ту решительную сцену в известной мелодраме, которую вы, конечно, видели в Бовери²¹ в ваши школьные годы, когда героиня, привязанная к бревну на лесопилке, уже отнесена на то место, где постепенно спускающаяся пила машины должна распилить ее пополам, и когда вдруг к воротам бешеным карьером подъезжает герой, соскакивает с седла, выбивает ворота, поворачивает рычаг и останавливает машину в самый роковой момент. Или если вы хотите более высокого стиля, то это было похоже на древнегреческую трагедию, в которой, после того как судьбы всех действующих лиц оказались завязанными в безнадежный узел, вдруг является "бог из машины" и останавливает все и разрешает все неразрешимые сложности, и добродетель торжествует, а порок оказывается униженным. Вы верите этому, потому что это происходит в классической греческой трагедии. Но вам трудно поверить, чтобы стая торгашей Калифорнии и все силы их промышленной системы со всеми миллионами их банков, с их политической машиной, с их штрейкбрехерскими агентствами, их шпионами и стражниками, с их штабами милиции, вооруженной пулеметами, с их бронированными танками на заднем плане, — чтобы все это страшное могущество почувствовало вдруг, что его рука схвачена еще более сильной рукой и отведена от горла его жертвы. Другой бог спустился из машины, тощий старый бог янки, с белой козлиной бородой, в полосатом фраке в красную и белую полоску, усеянном сверху синими звездами. Это был собственной персоной дядя Сэм, он протянул свою могучую руку и заявил, что нефтяные рабочие были, несомненно, человеческими существами и американскими гражданами и их права, как человеческие, так и гражданские, должны быть защищены.

Из Вашингтона пришло известие, сообщавшее, что нефтяные рабочие должны получить увеличение заработной платы и восьмичасовой рабочий день.

Правительственный агент "примиритель" будет послан для наблюдения за исполнением этих условий, но рабочие должны немедленно стать на работу, так как великодушный джентльмен, с белой козлиной бородкой и в красно-бело-синем фраке должен иметь в своем распоряжении всю нефть, в которой он нуждается. Президент Соединенных Штатов произносил речи, чудесные, успокоительные речи о войне, которая положит конец всем войнам и принесет справедливость всему человечеству, и после нее во всех странах и по всей земле установят народную власть чрез народ и для народа. Все сердца были потрясены.

А какая радость была на площадке перед зданием школы в Парадизе, когда получилось известие, что вооруженные разбойники, изображавшие "охрану", опять исчезают в грязных дальних кварталах города, откуда они вынырнули в эти смутные дни, и что работы на промыслах немедленно возобновляются.

Отец получил это известие рано утром, и Бэнни танцевал по всему дому и поднял такой шум, точно это была игра в футбол. Отец был рад, что можно было начать снова разработку скважин, он не в состоянии был бы продержаться еще хоть неделю, а Бэнни сказал, что он уйдет из школы после полудня и что они немедленно должны поехать в Парадиз, чтобы увидеть все это торжество, снова заключить дружбу со всеми и пустить в ход машины. Первое, что они должны сделать, — это разрушить изгородь из колючей проволоки, которая отделяет капитал от труда.

В Новом мире не будет больше колючей проволоки, и не будет больше злых чувств, и розы будут цвести на решетках перед домами рабочих, а книга с речами президента будет лежать на столе в читальне, и у всех нефтяных рабочих найдется свободное время, чтобы прочесть ее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава восьмая

I

Эвника Хойт была дочерью Томми Хойта, главы фирмы "Хойт и Брэнерд", чьи рекламы о наилучшем обеспечении ценных бумаг красовались на страницах всех больших газет Бич-Сити. Самого Томми вы всегда могли встретить на всех состязаниях, бегах и скачках — и почти всегда в обществе все одной и той же, сильно накрашенной особы. Иногда эта особа была под довольно густой вуалью, и тогда ваш такт подсказывал вам проходить мимо, делая вид, что вы Томми не замечаете.

Что касается м-с Томми Хойт — то она пользовалась репутацией одной из самых представительных и изящных хозяек дома, увлекалась искусством, и в ее гостиной всегда можно было встретить некоего молодого человека с задумчивым,

поэтическим выражением лица. Прислуга в доме отдавала себе ясный отчет в создавшемся положении вещей, и так же хорошо разбиралась во всем этом и Эвника.

Эвника была темноволосым, стройным, подвижным, нетерпеливым юным созданием, полным капризов и задора. Она слушала некоторые лекции в одном классе с Бэнни, подсмеивалась над его серьезностью и любила приставать с разными, ошеломляющими его вопросами. Он никогда не знал, думает ли она действительно то, что говорит, или только шутит, и не смел ее об этом спросить из боязни, что тогда она начнет дразнить его еще больше. А так как она почти всегда была окружена поклонниками, следовавшими за нею по пятам, то ему не стоило особого труда ее избегать.

В одну из суббот Бэнни взял первый приз на школьном двухсотдвадцатитысячном состязании в беге, и это сделало его героем дня. Мальчики и девочки не давали ему проходу, напереерыв его поздравляли, и когда он наконец оделся и вышел на улицу, чтобы сесть в свой автомобиль, его позвала Эвника, уже сидевшая в своей с иголки новенькой моторной каретке.

— Едем вместе! — сказала она. — Садись ко мне. Скорей!

— Но у меня здесь своя машина, — ответил Бэнни.

— О, какое невежливое существо! — воскликнула она. — Немедленно же извольте исполнить то, что вам говорят, сэр! Слышите?!

Разумеется, Бэнни послушался и не стал протестовать, когда она прибавила:

— Он, кажется, боится, что у него украдут его старую грошовую машину!

"Старая грошовая машина" была очень ценным и самым новым экземпляром этого рода, приобретенным для сына м-ром Россом. Но разве стал бы он объяснять это Эвнике?

— Бэнни, — сказала она, — сегодня у отца с матерью приемный день. Целая куча народа. Тоска ужаснейшая!

— Ну, так что же ты думаешь делать? — участливо спросил Бэнни.

— Уехать куда-нибудь подальше покататься. А потом поужинать где-нибудь, где никого нет. Вдвоем. Ты и я.

Они отправились и, проехав около часа, стали подыматься на вершину одного из прибрежных холмов, где был небольшой ресторан. С его террасы открывался очаровательный вид на залив и скалистый извилистый берег. В Италии о таком виде кричали бы на всех перекрестках. Заняв маленький столик, они велели подать себе ужин и сначала весело болтали о школьных событиях, а потом Эвника рассказала Бэнни о своей жизни дома и о том, что кто-то написал ее матери письмо, в котором говорилось, что ее отец тратит кучу денег на какую-то женщину, и м-с Хойт страшно возмущало, что мужчины позволяют себе делать вещи, за которые им приходится потом платить. И для чего это им, собственно, нужно, — спрашивается?

Солнце спустилось за океан. Вдоль берега зажглись огни. Полный месяц поднялся над холмом.

— Нравлюсь я тебе хоть немножко, Бэнни? — спросила неожиданно Эвника и на утвердительный ответ юноши прибавила: — Так почему же в таком случае ты мне этого никогда не показывал?

— Потому, — ответил Бэнни, — что я до сих пор совершенно не знал, что ты из себя, в сущности, представляешь. Ты меня всегда только дразнила.

— Да, я знаю, Бэнни. Я скверное, отвратительное существо! Но дело в том, что я вела себя с тобой так для того, чтобы придать себе храбрости. Я тебя боялась, потому что ты такой серьезный, а я такая пустая трещотка, ничего, в сущности, не знаю... А так как мне не хотелось, чтобы ты об этом догадался, то я и старалась из себя что-то корчить!

Они оба рассмеялись, и после такого объяснения Бэнни почувствовал себя гораздо естественнее и проще и начал находить удовольствие в поездке.

Пожинав, они отправились дальше. Дорога шла теперь через полосу песков, прибрежных дюн и подымалась все выше и выше над спокойно дремавшими водами океана.

— О, как здесь красиво! — воскликнула Эвника, и, когда они доехали до более твердого грунта, она остановила автомобиль, вышла из него и, замкнув коробку скоростей, сказала своему спутнику: — Пойдем поближе к воде, Бэнни. Только прежде достань из заднего отделения ковер.

Бэнни достал ковер. Они разложили его на самом берегу, уселись и стали слушать мерный прибой океанских волн. Эвника закурила папиросу и принялась журить Бэнни за то, что он был, по ее словам, слишком большим скромником и не находил, по-видимому, никакого удовольствия в ее обществе.

В это время по дюнам проходил какой-то человек. Он оглянулся на них, и Эвника спросила Бэнни, есть ли у него с собой револьвер? Он ответил, что нет, и она сказала, что молодые люди должны всегда иметь при себе револьвер, когда отправляются на прогулку с любимыми ими девушками.

Бэнни совершенно не предполагал, чтобы это была такая именно прогулка, но, разумеется, не сказал этого Эвнике.

Он молча слушал, как его спутница рассказывала ему о бандитах, которые имели обыкновение нападать на влюбленные парочки, причем некоторые из них обращались с девушками страшно грубо. А что сделал бы Бэнни, если бы сейчас появился один из таких типов?

Бэнни ответил, что не знает, но что он, разумеется, стал бы защищать свою спутницу насколько хватило бы его сил.

— Но я вовсе не хочу, чтобы тебя убили! — сказала Эвника. — Довольно с меня нашего домашнего скандала. Пойдем лучше куда-нибудь подальше, Бэнни.

Бэнни взял ковер, и они отправились через дюны еще ближе к берегу, еще дальше от дороги и человеческого жилья. Там, на одной из небольших котловин среди дюн, на ровном мягком песке они опять разостлали свой ковер. Здесь уже никто не мог их увидеть. Он и были спрятаны ото всех любопытных глаз. Один только круглый желтый месяц смотрел на них с высоты. Но он уже миллион миллионов раз видал такие сцены и никогда никому о них не проговаривался.

Они сидели теперь совсем близко, почти прижавшись друг к другу, и Эвника, положив свою голову на плечо Бэнни, тихо прошептала:

— Любишь ли ты меня немножко, Бэнни?

На утвердительный ответ юноши Эвника сказала, что она ему не верит и убеждена, что он считает ее отвратительным навязчивым созданием.

— Иначе почему бы тебе не поцеловать меня сейчас, Бэнни? — спросила она.

Он начал ее целовать, но его поцелуи ее не удовлетворяли.

— Ты делаешь это точно по принуждению, — сказала она и шепнула совсем тихо: — Бэнни, мне кажется, что до сих пор ты не любил еще ни одной девушки... Правда?

Он молча наклонил голову.

— Недаром я всегда считала тебя таким странным мальчиком, — сказала она. — Но почему? Я не понимаю.

Бэнни ответил, что он сам хорошенько не знает — почему. Говоря это он дрожал с головы до ног; ничего подобного с ним никогда еще не бывало. Он был во власти самых разнообразных противоречивых ощущений и не знал, какому из них должен отдаться.

— Дай же мне научить тебя, Бэнни, — прошептала девушка.

Он не нашел в себе сил сразу ответить, она крепко прильнула к нему, и их губы слились в одном долгом поцелуе. Голова у него закружилась. Он был как в тумане и, не отдавая себе ясного отчета в том, что говорил, слабым голосом прошептал, что боится, что может случиться что-то такое, что принесет ей много забот и горя. Но она успокоила его, говоря, что он не должен об этом думать, что она не была наивной, глупой девочкой, прекрасно все знала и приняла все предосторожности...

II

Так совершилось вступление Бэнни в жизнь взрослого человека, в жизнь мужчины. Прошли дни счастливой невинности, когда он считал себя наверху блаженства, если мог сидеть рядом с Розы Тэнтор и держать ее руки в своих. Теперь у него было такое ощущение, точно он шел по узкому скользкому краю глубокой черной пропасти, в которой удовольствие и страдание так тесно переплетались, что отделить их было невозможно. Бэнни не на шутку был перепуган и той бурей ощущений, какая бушевала в его душе, и тем состоянием, в каком находилась лежавшая в его объятиях девушка. Точно в каком-то исступлении она то прижималась к нему, то отталкивала его, рыдая и смеясь в одно и то же время, требуя, чтобы Бэнни разделял ее экстаз, послушный ее воле — воле той, которая повелевала всем этим таинственным и жутким ритуалом.

Когда Бэнни отдал себе наконец ясный отчет в том, что случилось, его охватило чувство ужаса и стыда. Но Эвника только еще теснее прижималась к нему, шепча:

— Не надо волноваться так, Бэнни. Не надо. Ты не виноват. Никто из нас не виноват. Разве мы не имеем права быть счастливыми? И я хочу, я требую, чтобы ты был счастлив. Понимаешь? Обещай мне, что ты будешь счастлив, обещай!

И Бэнни обещал.

— Какое блаженство лежать в твоих объятиях! Принадлежать тебе, Бэнни! О! Сколько счастья ждет нас впереди!

И Эвника на все лады повторяла эти слова, прижимаясь к Бэнни в тишине весенней ночи, залитой светом полного месяца, который в Калифорнии совершенно такой же, как и во всех других местах земного шара. А когда влажная свежесть калифорнийской ночи стала чересчур интенсивной, они, с трудом оторвавшись друг от друга, направились к своему экипажу и всю дорогу нежно целовались.

— О, Бэнни, я знаю, что была чересчур смела, чересчур нахальна! Но я так хочу, чтобы ты сказал, что ты меня прощаешь, что ты рад, что я это сделала.

И Бэнни счел своим долгом рассеять, как мог, ее тревогу.

Дорогой в Бич-Сити они только и говорили что об этом приключении. Бэнни очень мало задумывался над сексуальным вопросом и не составил себе никаких определенных взглядов, касающихся этой области; зато у Эвники была на этот счет своя определенная теория, которую она просто и откровенно изложила Бэнни.

Взрослые люди и старики поучают вас разным глупым правилам, а сами в то же время совершенно им не следуют и живут совсем не так, как этого требуют от вас. Так к чему же в таком случае слушать все эти их: "вы не должны", "вам нельзя" и прочее? В любви не может быть ничего дурного, если вы не будете позволять себе никаких непристойностей. И если вы уверены, что у вас не будет бэби, то для чего же беспокоить себя всеми этими разговорами и хлопотами о замужестве? Громадное большинство людей, пребывающих в браке, глубоко несчастны, и если молодое поколение сумеет найти себе путь к счастью, то это дело его, и оно никому не должно отдавать в этом отчета. И неужели Бэнни может находить, что это неправильно?

Но Бэнни этого не находил, и если он был раньше таким "недотрогой", то это только потому, что он не знал тогда, что представляла собой на самом деле Эвника.

Потом она сказала, что почему-то принято думать, что мужчины не любят, когда молодые девушки первые признаются им в любви, "ухаживают" за ними. "А потому, — прибавила она с присущим ей задором, — теперь очередь твоя, Бэнни, начать за мной ухаживать!"

Бэнни вполне разделял ее точку зрения и готов был ей это немедленно же доказать, если бы только она не правила в эту минуту автомобилем, который мчался со скоростью сорока пяти миль в час. И Бэнни предпочел скорее нанести маленькое оскорбление ее чувствам, чем быть причиной автомобильной катастрофы.

Продолжая разговор в том же духе, Бэнни поинтересовался узнать, многие ли из их товарок по классу смотрели на эти вещи так же, как Эвника, и был очень удивлен и слегка шокирован, когда его спутница, ответив утвердительно на его вопрос, назвала несколько лиц из наиболее серьезных учениц класса, внешнее поведение которых не оставляло ничего желать. Эвника подробно объяснила ему, как у них все обычно велось, и сказала, что они составляли как бы тайное общество, в котором хотя и отсутствовал какой-либо определенный ритуал, но был, тем не менее, свой собственный, определенный кодекс морали. Это было "Общество зулусов", названное так за исключительную смелость и дерзость его членов, которые во всех своих поступках считались исключительно только со своими желаниями и капризами. Они хранили тайны друг друга и помогали своим младшим товаркам разбираться во всех тех знаниях жизни, которые были так необходимы для их счастья. Старое поколение ревниво оберегало все эти знания, и молодежь сама должна была додумываться до того, как лучше обеспечить себя от нежелательных "бэби" и что делать в тех случаях, когда такое обеспечение не удавалось. Все это было предметом специальной науки — "науки любви", и сочинения, в которых обо всем этом трактовалось, можно было покупать в некоторых магазинах или

доставать в отцовской библиотеке, спрятанными в глубине полок, за другими книгами. И ученицы передавали их тихонько одна другой.

Это было новым этическим кодексом, который молодежь составляла себе сама, без какой бы то ни было помощи со стороны своих родителей. Но рассказывая об этом, Эвника совершенно не думала, чтобы это было так важно. Она говорила только о том, что она чувствовала, что ей нравилось и чего она боялась. Она хотела узнать на этот счет мнение Бэнни. Она спрашивала его, как он думает — можно ли любить одновременно двоих? Ее подруга — Клара Рейнгольд — утверждала, что нельзя, но Билли Розен говорил, что можно, и они постоянно об этом спорили. А ее другая подруга — Мэри Блэк — была очень счастлива, проводя все свободное время с двумя мальчиками, которые ее любили и условились не ревновать друг к другу.

Все это было новым миром для Бэнни, и он задавал Эвнике вопрос за вопросом, густо краснея от некоторых слишком уж "деловитых" ответов молодой девушки.

Домой Бэнни вернулся в третьем часу ночи и прошел к себе так тихо, что никто его не услышал. Но когда это повторилось и на другой день и на третий, — недаром же Бэнни обещал Эвнике начать за ней ухаживать, — то все члены семьи м-ра Росса поняли, что тут что-то есть, и все они по-своему реагировали на это событие. Тетка Эмма и бабушка страшно нервничали; у них были так сильны традиции старины, что они не смели даже самим себе признаться в том, что их так волновало. Обе они отправились за советом к м-ру Россу, но и ему говорили исключительно только о том, что такое превращение ночи вдень должно было вредно отразиться на здоровье Бэнни. И сам м-р Росс мало что мог предпринять в этом направлении. Когда его сын сказал ему, что катался с Эвникой Хойт, он спросил только, хорошая ли она девочка? На что Бэнни ответил, что она была казначеем на всех их школьных вечеринках, что ее отец — м-р Хойт, которого м-р Росс хорошо знал; что у нее был свой собственный автомобиль и что она предлагала даже сама заплатить за ужин. Поэтому не могло быть никакого сомнения в том, что она не принадлежала к числу "вампиров", бегающих за Бэннинными миллионами. Выслушав сына, м-р Росс сказал:

— Относись ко всему этому полегче, сынок. Не старайся изжить всю свою жизнь в какие-нибудь две недели.

Интересно было отношение ко всему происходившему сестры Бэнни — Берти. По-видимому, между ней и членами "Общества зулусов" существовало какое-то тайное сношение.

— Я рада, что ты наконец проявляешь интерес не к одной только нефти и забастовкам, — сказала она брату.

Но за этой простой фразой скрывался целый океан женской догадливости. Слова сестры дали мыслям Бэнни новое направление, и он спросил себя, не проводит ли и Берти поздние вечерние часы подобно тому, как проводили их он и Эвника? Что, если и Берти не возвращалась со всех танцевальных вечеров прямо домой, а искала уединенных прогулок вдали от автомобильной дороги? Думать, что его сестра проделывала то же, что проделывала Эвника, было неприятно Бэнни, и, возвращаясь в этот вечер домой, он в первый раз обратил внимание на то, какое количество пустых автомобилей, с замкнутыми коробками скоростей, стояло по краям дороги, ожидая возвращения своих хозяев.

Все это происходило в последний период забастовки нефтяных рабочих, — период, совпадавший со вступлением Америки в Великую войну, и увлечение Бэнни Эвникой смешивалось с его увлечением патриотизмом. В сущности, в этом увлечении было много общего, что вполне понятно: молодежь готовилась покинуть свою родину, чтобы идти сражаться, рисковать своей жизнью, и это, естественно, расшатывало всякую сексуальную устойчивость. Вы могли никогда уже не вернуться обратно на родину, и это обстоятельство меняло вашу обычную точку зрения на многие вещи. Сердца молодых девушек смягчались при мысли о скорой разлуке, а молодые воины торопились пользоваться моментами наслаждения, пока еще не было поздно.

Бэнни был чересчур молод для первого призыва, но в его школе был класс военных наук, и это окружало его ореолом воинственности. Ученикам выдавали старые ружья городской милиции, и они маршировали на том поле, которое было им отведено для атлетических упражнений. "Левой, правой! Левой, правой! Марш!" Мальчики наступали друг другу на ноги, но маршировали с сосредоточенным, угрюмым выражением своих юных лиц. Скоро им должны были дать и форму, и с таким же нетерпением ждали форму и девочки, ходившие на курсы сестер милосердия. Мальчики и девочки встречались на школьных собраниях и с жаром распевали патриотические песни.

Да, начиналась война. Целые флотилии судов с провиантом и снаряжением отплывали от американских берегов на помощь Англии и Франции, а вслед за ними отправлялись команды инженеров и рабочих готовить пути сообщения для американской армии. Президент произносил речи — блестящие, яркие, красноречивые. В этих речах он говорил, что существовала на свете раса злых людей — гуннов, поставивших себе целью уничтожить всю цивилизацию, и вот теперь могуществом демократической Америки все эти коварные замыслы будут раскрыты и парализованы... А когда это будет сделано — наступит конец всем бедам, всем волнениям мира. Вот почему обязанностью каждого истинного патриота было принять участие в этой страшной, но зато и последней войне, войне за прекращение всех войн, — войне за торжество демократии!

Речи президента дружным хором подхватывались всеми государственными деятелями, всеми должностными лицами. Газеты отзывались на них миллионами оттисков, выходивших каждый час, и целые отряды специальных агитаторов командировались на все фабрики, заводы и театры, для того чтобы побуждать американский народ принимать участие в этом "походе".

Семья м-ра Росса, подобно вообще семьям американских граждан, читала газеты, слушала речи и обсуждала и те и другие, причем у каждого была на этот счет своя особая точка зрения. Бэнни, юный идеалист, жадно проглатывал все слова пропаганды; это как раз было именно то, во что ему хотелось верить, что составляло его умственную пищу. И он спорил со своим хладнокровным, медленно мыслящим, сомневающимся во всем отцом.

— Да, разумеется, мы выйдем победителями из этой войны, — говорил м-р Росс, — как вышли бы победителями из всякой войны, в которой приняли бы участие. Но что касается будущего, то еще будет время подумать обо всем тогда, когда это будущее уже настанет.

В данное же время м-р Росс был занят, во-первых, тем, чтобы поскорее ликвидировать забастовку нефтяных рабочих, а во-вторых — тем, чтобы энергичнее сбывать нефть на рынке, где цены на нее все возрастали. Правительство нуждалось во все большем и большем количестве скважин, а как же можно было производить требуемые для этих новых скважин работы, если бы цены на нефть были недостаточно высоки? Правительство это понимало и платило щедро, и этой областью исчерпывался весь патриотизм м-ра Росса. С него довольно было следить за безукоризненной работой своих нефтяных фонтанов, фонтаны же красноречия он предоставлял патриотическим деятелям страны.

Тетка Эмма считала, что со стороны ее зятя было нехорошо говорить таким образом мальчику, и она читала ему за это строгие нотации. Сама же она посещала женский клуб и слушала речи патриотки-ораторши, говорившей о бельгийских детях с обрубленными ручонками и о складах оружия, уничтоженных германскими шпионами, и возвращалась домой, вся охваченная воинственным пылом.

Берти превзошла ее в этом отношении, так как тот молодой человек, с которым она уезжала с танцевальных вечеров, был деятельным членом многих обществ обороны и ему известны были имена всех германских агентов Южной Калифорнии и все те подлые планы, которые они себе наметили. И Берти была преисполнена мрачных опасений и даже чувства тяжелой ответственности.

Никогда нельзя было сказать заранее, каким образом возбуждение, связанное с мыслью о предстоящей войне, отразится на том или другом человеке. Так вы, конечно, никогда не могли бы представить себе, чтобы в душе достойной всякого уважения пожилой леди, которой было далеко уже за семьдесят и которая спокойно проживала в ранчо, погруженная в свои занятия живописью, могла внезапно вспыхнуть горячая симпатия к гуннам. А между тем такие именно чувства волновали душу старой м-с Росс, бабушки Бэнни, заявлявшей, что она не видит в войне никакого смысла, что германцы ничем не хуже всех других народов, заинтересованных в этом деле, что все нации были залиты кровью и что все рассказы о германских жестокостях и их шпионах выдумывались только для того, чтобы возбуждать в сердцах американцев чувства несправедливой злобы и ненависти. Что же касается лично ее, бабушки Бэнни, то она никого не намеревалась ненавидеть, как бы ни пылали злобой тетя Эмма и Берти, и в доказательство того, как мало она считалась с мнением других, она написала картину, изображавшую нескольких германцев в старых национальных костюмах, с большими расписными кружками пива в руках. Она просила повесить эту картину в столовой, и тетка Эмма и Берти страшно волновались, стараясь убедить м-ра Росса этого не делать.

Все это входило в курс образования Бэнни. Он слушал и поучался. От своего спокойного, уравновешенного отца он учился снисходительно улыбаться на все слабости, свойственные человеческой природе, и стараться приобретать все большее и большее количество долларов. Заниматься разговорами и произносить зажигательные речи — хорошо, но в конце концов решают дело, выигрывают войну

не речами, но пулями и ядрами. А для того чтобы доставлять эти последние на поля сражения, необходимо обладать хорошо налаженным транспортом. Та нефть, которую м-р Росс добывал из недр земли, толкала на фронт грузовики с военными запасами для армии, двигала и громадными судами с военным грузом и легкими истребителями, которые их охраняли во время их пути; она смазывала все части машин на заводах, и с каждым днем в ней нуждались все больше и больше. Как только забастовка нефтяных рабочих была ликвидирована, м-р Росс принялся заключать контракты с правительством на бурение в Парадизе целой дюжины новых скважин, и единственное, что его заботило, — это то, что он не мог заключить еще втрое больше контрактов и пробуравить втрое большее количество скважин. Но те типы, которые контролировали банки, позволяли ему иметь столько денег, сколько ему хотелось, только при условии, что они тоже будут участвовать в получаемой им прибыли. Это была своего рода тоже война, для которой не нужно было никуда уезжать и которая не требовала никаких зажигательных речей президента.

Все это м-р Росс объяснил Бэнни с целью обуздать излишний идеализм в душе своего будущего наследника, будущего делового человека.

IV

Волна событий докатилась и до Парадиза. Там в это время все рабочие были опять на своих местах, получали по лишнему доллару в день, и эту прибавку им обещали еще увеличить. А в такое горячее время хорошие рабочие, искусные в деле бурения, ценились на вес золота. Полились и там военные агитаторы, и к их речам все жадно прислушивались. Нефтяные рабочие были большими патриотами и все, как один человек, готовы были записаться в набор. Но они не могли бросить то дело, к которому были приставлены, так как ничего не могло быть в данный момент важнее нефти, и их служба родине заключалась в том, чтобы следить за правильным притоком этой последней, оберегать ее от пожаров, не допускать, чтобы в скважины попадали какие-нибудь посторонние предметы, вообще зорко охранять их от всех тех проявлений вандализма, на какие только были способны германские агенты.

Поль был по-прежнему главным надсмотрщиком над плотничьими работами, требующимися для сооружений и построек м-ра Росса. Но в первый же призыв он вытянул жребий, и хотя м-р Росс и предлагал ему устроить так, чтобы его оставили в Парадизе (а устроить это было ему не трудно, так как председателем комиссии был м-р Коффи — тот самый, который когда-то взял у м-ра Росса деньги за быстрое исправление тех дорог, по которым подвозили материалы для его новых вышек), но Поль наотрез отказался, говоря, что в Парадизе было немало семейных людей, понимающих в постройках не меньше его, — он же обязательно решил отправиться на фронт.

Поль опять дружил с Бэнни, и они вели бесконечные беседы и споры. В вопросе о войне Поль несколько расходился со взглядами своего приятеля. Он не сомневался, конечно, в том, что, раз вступив в войну, Америка победит, но он не считал, что это вступление было так необходимо, и Бэнни принужден был повторять ему все те

аргументы, которые он слышал от своих школьных ораторов. И все эти рассуждения и споры очень оживляли атмосферу ранчо Раскома. Что касается Руфи, то, как это ни странно, ее отношение к войне было точь-в-точь таким же, как и старой м-с Росс, которую она ни разу в жизни не видела. Она заявляла, что все войны одинаково возмутительны и что ей нет и не будет до них никакого дела. Говорить так ее заставлял, конечно, главным образом страх, что Поль будет призван и убит. Вот почему, когда Поль прочел в первом списке призываемых свое имя, Руфь пришла в совершеннейшее неистовство, и ничто не в силах было ее успокоить. Уцепившись за брата, она кричала, что не позволит ему идти на фронт, что умрет с горя, если он уйдет. Когда же она убедилась, что решение его непоколебимо, — она вернулась к своей работе, бледная как полотно и безмолвная.

Поль отправился на учебу в лагерь, и с этого дня бледность и безмолвие сделались господствующими чертами во внешности и в характере Руфи.

Вечером она отправилась домой к отцу, так как это была суббота и ей нужно было идти со всеми на другой день в церковь и сидеть там и кусать себе губы, слушая проповедь Эли. Эли был проповедником по образцу ветхозаветных пророков, призывал на врагов Божий гнев, требовал, чтобы все они до одного были стерты с лица земли — все без исключения, даже самые крошечные младенцы, которые были, по его словам, "отродьями дьявола". Как проповедник, Эли сам убивать их не собирался. Лично его война не касалась, так же точно, как не касалась она и его сестры, Мели. Мели разрешила задачу очень просто: вышла замуж за молодого рабочего-плотника и просила м-ра Росса сделать его подрядчиком, чтобы он мог все время оставаться дома. Мели, веселая и легкомысленная болтушка, говорила Бэнни, что Руфь должна была бы последовать ее примеру и тоже найти себе мужа, вместо того чтобы убиваться о Поле. Кто знает — может быть, придет день, когда Бэнни тоже захочет быть освобожденным от призыва, и тогда они оба одновременно могли бы разрешить эту задачу.

V

Это лето было лихорадочным летом в жизни Бэнни. С одной стороны — война, с другой — его увлечение Эвникой. Он проводил большую часть времени в Бич-Сити, объясняя это своими подготовительными военными занятиями; на самом же деле, помимо военных занятий, его удерживали там и настоятельные требования Эвники. Первым облачком на ясном небе их счастья были именно его частые поездки в Парадиз, куда Эвнике не совсем было удобно его сопровождать. Чтобы подразнить его, она повторяла слова, сказанные про него как-то Берти: "маленький нефтяной гном", и прибавляла: "Не понимаю, на что тебе столько денег? А уж если действительно они тебе нужны, то я в любое время могу взять для тебя у папы". Как раз в это время Томми Хойт сделал очень выгодную аферу, скупив за несколько дней до объявления войны старые корпуса судов, стоявших в гавани. Говорили, что это дало ему несколько миллионов чистого барыша. Об этом много писали в газетах — и, разумеется, в очень сочувственном тоне: удачи подобного рода как нельзя более отвечают той мечте о славе, которую создает себе обычно большинство людей.

Но как мог Бэнни объяснить Эвнике, что для него важны были не самые деньги, что его заставляла принимать участие в этом деле та острая нужда в нефти, которую испытывала страна? Такая точка зрения, без сомнения, показалась бы Эвнике чересчур серьезной для восемнадцатилетнего мальчика. Поэтому он объяснил свои поездки в Парадиз нездоровьем м-ра Росса и его желанием почаще видеть сына. Но это вызвало новый взрыв недовольства со стороны Эвники. Кого же Бэнни любит больше — отца или ее, свою возлюбленную? Однажды в порыве нетерпения она схватила его за плечи и энергично тряхнула, говоря, что если он откажется сопровождать ее на танцевальный вечер и опять уедет в свою пустыню, то она этого ему никогда не простит и найдет себе другого друга.

Ее жажда удовольствия не знала границ, ей всегда всего было мало. "Еще один танец! Еще один!" — умоляла она. А потом ей нужен был еще один бокал вина, а после — еще один поцелуй. Когда же Бэнни отказывался пить столько, сколько она требовала, она обижалась. Неужели же обещания, которые он давал своему отцу, он ставил выше ее просьб? И как могла она показываться с ним в обществе своих друзей, если он желал играть роль страшного скелета на веселом пиршестве?

Молодая девушка недолго довольствовалась их уединенными прогулками на берегу моря при свете месяца, молчаливом свидетеле их тайны. Она любила свет залитых электричеством зал, ей нравилась возможность безудержно тратить отцовское богатство, которое досталось так легко. И она отправлялась с Бэнни в Анфель-Сити, в один из самых модных дорогих отелей, где в громадных столовых, убранных с чисто дворцовой роскошью, гремели джаз-оркестры и толпы кутил всяких возрастов придирались к каждому случаю, чтобы организовать шумные пиршества. Все залы были декорированы флагами союзных наций, всюду мелькали мундиры военных. И все это олицетворяло для Эвники войну. Ужинать в залитой огнями комнате под звуки оркестра, вставать, когда ей играет "Усыпанное звездами знамя", а потом танцевать, танцевать всю ночь под звуки "целуй меня, мой миленький, целуй!". Она была необыкновенно агрессивной маленькой танцоркой и так крепко прижималась во время танцев к своему кавалеру, что казалось, что оба были вылеплены из одного куска. Бэнни считал, что вести себя так в публике было не очень-то пристойно, но это было вполне в духе времени, и никто из присутствовавших не обращал на них никакого внимания, особенно после ужина, когда выпитое вино давало себя чувствовать.

Нелегко было оторвать Эвнику от этого так нравившегося ей возбуждения. Она ни за что не соглашалась покидать танцевальную залу, даже когда чувствовала себя до последней степени усталой. Бэнни приходилось ее насильно уводить, почти уносить ее из отеля, и, едва очутившись в автомобиле, она засыпала на его плече, и он сам делал невероятные усилия, чтобы тоже не заснуть. Один из членов их кружка на всю жизнь остался с перебитой переносицей, потому что, задремав, со страшной силой ткнулся носом в рулевое колесо, а другой просидел десять дней в тюрьме за то, что когда был остановлен полицейским за беспорядочную езду, этот последний почувствовал в его дыхании запах ликера. И с тех пор было принято за правило, чтобы все те, кто правил автомобилями, пили исключительно один только джин, — и это не потому, чтобы джином нельзя было допиться допьяна, но потому, что этот напиток не оставлял после себя во рту никакого запаха.

Настало время, когда Эвника решила, что возвращаться домой в Бич-Сити после таких вечеров, делать ночью всю эту длинную дорогу — было чересчур глупо. Она нашла в Энджел-Сити отель, где никто не препятствовал вам зарегистрироваться как м-р и м-с Смит из Сан-Франциско и никто не задавал вам никаких вопросов. Вы платили за номер заранее, а рано утром каждый возвращался к себе домой, и все оставалось шито-крыто. Своим домашним вы говорили, что провели ночь у своей подруги, и никто не проверял ваших показаний, боясь узнать то, чего знать не хотелось.

Все это сильно изменило обычное течение жизни Бэнни и не замедлило наложить отпечаток и на его внешность. Щеки его побледнели, усталое выражение появилось в лице, и м-р Росс не мог этого не заметить, а заметив, не мог не сказать: "Ты дуришь, сынок. Этим поздним возвращениям должен быть положен конец!" После этого Бэнни пробовал несколько раз отказываться от танцевальных вечеров, но каждый раз Эвника при первом его слове бросалась ему на шею и, рыдая, прижималась к нему так крепко и страстно, что у него пресекалось дыхание и он весь был полон ею: сладкими, одуряющими духами, которые она всегда употребляла, прикосновением ее шелковистых, плотно облегающих тканей, ее жгучими быстрыми, непрерывными поцелуями... И в то время, как он заставлял себя убеждать ее и настаивать на своем решении — голова у него шла кругом...

Порой ко всем другим его ощущениям примешивалось еще острое чувство неловкости, замешательства. Это бывало всякий раз, когда подобные сцены происходили в гостиной Хойт и нередко в присутствии одного или обоих хозяев дома. Но что они могли поделать? Они вырастили это молодое своевольное существо, избаловали его, предоставив в его распоряжение с полдюжины слуг, исполнявших каждое желание, каждый каприз своей госпожи. Ей никогда ни в чем не было отказа. И вот теперь ей нужен был ее любовник, и м-с Хойт ничего другого не находила сказать, как только: "Не будьте же таким жестокосердным, Бэнни!" Казалось, что она искренно обвиняла Бэнни за его неуступчивость, приводившую Эвнику в это, несвойственное ей, недовольное настроение духа, принимавшее подчас такие резкие формы.

Что же касается самого Томми, то всякий раз, когда ему приходилось случайно войти в комнату во время такого "неприятного разговора", на его розовом моложавом лице появлялось испуганное выражение, и он поспешно поворачивался и направлялся к дверям. С него было достаточно своих забот этого же рода. Вполне достаточно! Встретившись однажды, вскоре после одной из подобных сцен, с Бэнни, он высказал ему свою точку зрения на этот предмет следующей много говорящей фразой: "Нормальная женщина — это то чудо, которого не существует на свете!"

VI

Как раз перед началом школьных занятий Бэнни взял наконец себя в руки и отправился в Парадиз провести недельку с отцом, и случилось так, что в это время приехал туда и Поль, которому дали трехдневный отпуск. По-видимому, ему уже не грозила отправка на фронт: его новое начальство приставило его к его прежней

работе — постройке барачков, с той только разницей, что теперь вместо десяти долларов в день он получал тридцать долларов в месяц. Вот что значит для рабочего быть патриотом! Какой контраст с тремя миллионами Томми Хойта и со ста двадцатью тысячами долларов в неделю, получаемыми м-ром Россом с его нефтяных договоров!

Поль казался возмужалым и поздоровевшим в своем новом мундире цвета хаки. Руфь сияла от счастья, узнав, что брата не пошлют в эту бойню, где он, наверное, был бы убит. Мели тоже сияла, потому что вскоре должна была сделаться матерью. Сэди была весела и довольна, потому что за ней ухаживал молодой хозяин соседнего ранчо, и м-р Росс тоже чувствовал себя очень счастливым, потому что успех разработки его нового нефтяного участка превзошел все его ожидания.

Да, все были счастливы, за исключением одного только Бэнни, который ни о чем другом не мог думать, как только о безумном гневе Эвники и о том, что он рисковал ее потерять. Она предупреждала его, что не желает оставаться одна, что, если он уедет в Парадиз, она сумеет его наказать. И он знал, что это не были только пустые слова: как до него у нее уже были любовники, так будут, конечно, и после него...

Бэнни совершал длинные прогулки, стараясь ходьбой и усталостью заглушить мучившую его лихорадку. Но ничто не помогало. Возвращаясь домой поздно вечером, он бросался в постель, надеясь заснуть, но сон бежал от него: он опять думал об Эвнике. Ее образ снова стоял перед ним, дразнил его воображение, и он опять всем своим существом стремился к ней. Раз или два он пробовал было рассказать обо всем этом Полю. Поль был в его глазах тем богом, той моральной силой, в которой он мог найти себе поддержку, но всякий раз его охватывало жгучее чувство стыда, и он не находил в себе достаточно мужества побороть в себе это чувство. И вместо того, чтобы исповедаться во всем своему другу, он простился с отцом и, сославшись на какие-то, якобы необходимые дела, уехал из Парадиза на три дня раньше, чем предполагал. И всю дорогу в его ушах звучали слова, которые Поль когда-то сказал ему: "Ты мягок, Бэнни! Ты слишком мягок!"

VII

Бэнни приехал в Бич-Сити поздно вечером. Шел дождь — первый дождь в этом сезоне, и Эвника была дома. И она не осуществила своей ужасной угрозы — не взяла себе другого любовника. Нет, она была занята интересным опытом, о котором прочла в одной из книг своей матери. Это был опыт мысленной телепатии. Надо было сесть, закрыть глаза и сосредоточить все свои помыслы на том, чтобы данное лицо исполнило ваше желание — сделало то-то и то-то. И Эвника была углублена в это занятие, когда на веранде послышались шаги Бэнни. Радостно вскрикнув, она стремительно бросилась к нему навстречу, повисла у него на шее и, осыпая его поцелуями, рассказала ему об успехе своего опыта в области экспериментальной психологии.

— О, Бэнни, — восклицала она, — я знала, я была убеждена, что ты не будешь долго меня мучить! Я знала, что ты придешь ко мне, и именно сегодня, когда я

совсем одна. Мама уехала собирать деньги на сербских сирот. О, Бэнни, иди же скорей сюда, в мою комнату!

Бэнни попробовал было протестовать, но на его протесты она отвечала только поцелуями.

— Глупый мальчик! — говорила она. — Не думаешь ли ты, что мы можем отправиться сейчас куда-нибудь на лоно природы? В такой дождь! Или, может быть, ты намерен пригласить меня в какой-нибудь отель? Здесь, в этом городе, где нас все знают?

— Но твоя мать, Эвника...

— Мать ровно ничему не мешает, — сказала Эвника. — У нее тоже есть любовник, и ей известно, что я это знаю. Если я ничего ей о нас с тобой до сих пор не говорила, то у нее было достаточно времени самой об этом догадаться. Поэтому идем сейчас ко мне.

— А каким же образом я от тебя уйду, дорогая?

— Ты уйдешь тогда, когда я тебе это позволю, и, по всем вероятностям, это будет утром. А до тех пор ты будешь пользоваться моим гостеприимством, и тебе будет оказан должный почет.

— Эвника, я никогда еще в жизни не слыхал ни чем подобном!

— Бэнни, ты говоришь точь-в-точь как твоя бабушка!

— Но как же прислуга?

— Ерунда! — сказала Эвника. — Тебе предоставляется право бежать из твоего дома, если ты желаешь заслужить одобрение своих слуг, но здесь мы этого делать не будем, и тем более сегодня.

Чтобы не подвергать Бэнни невольному неприятному смущению, она оставила его утром у себя в комнате, а сама пошла сообщить новость своей матери. Но о том, как все произошло, — испытала ли м-с Хойт известную душевную агонию, — Бэнни никогда не узнал, так как патронесса сербских сирот завтракала в постели, читая в утренней газете отчет о своей светской филантропии.

После этого случая лед был сломан. "Важен только первый шаг", — говорят французы. Сомневаюсь, однако, чтобы нашелся хотя бы один родитель во всей старомодной Франции, который был бы вынужден сделать до такой степени громадный шаг!

Дождливый сезон продолжался, о поездках за город нечего было и думать, и потому Бэнни по первому требованию являлся к Эвнике, оставался у нее до утра, и все происходило спокойно и мирно, согласно передовым современным взглядам. Но была, однако, маленькая подробность, о которой они ничего не упоминали до тех пор, пока Бэнни не начал однажды об этом разговора.

— Эвника, — сказал он, — почему нам не пойти в мэрию и не пожениться, чтобы все это упростить?

Горячность протеста Эвники удивила молодого м-ра Росса.

— О, Бэнни, мы переживаем сейчас такое счастливое время! Зачем ты хочешь его портить?

— Но почему же это может его испортить? — не понимаю.

— Потому что все те, кто замужем, несчастны. Я это прекрасно знаю, потому что наблюдала за своими. Мама и папа дали бы миллион долларов... Ну, может быть, не

миллион — я немного преувеличиваю, но во всяком случае двести тысяч долларов наверное бы уж дали, если бы могли вернуть себе свободу без того, чтобы иметь дело со всей этой бесконечной судебной процедурой и с этими отвратительными газетами, которые будут писать всякую гадость, помещать их портреты и все такое...

— Но нам не пришлось бы к этому прибегать, моя дорогая.

— А как ты можешь знать, что не пришлось бы? Если мы поженимся, ты будешь думать, что имеешь на меня какие-то, права, и перестанешь делать то, что я тебе буду говорить, и сделаешь меня несчастной... Пожалуйста, пожалуйста, Бэнни, будем жить так, как нам самим нравится, а не так, как это нравится другим. Всю мою жизнь меня хотели заставить сделать то, чего я не желала, и я со всеми воевала. Даже с тобой, Бэнни, медвежонок мой милый!

На поверхности того общества, в котором вращался Бэнни, этого модного, более чем обеспеченного, купающегося в золоте общества все дышало представительностью и порядочностью, в полном соответствии с требованиями общественных законов и церкви. Но все это было только на поверхности. Стоило же вам опуститься немного вглубь — и всюду, как в верхних, так и в нижних слоях, вы наталкивались на тот факт, что люди, не найдя того счастья, какого искали, приходили к необходимости тайных соглашений. Мужья и жены предоставляли друг другу свободу, обменивались своими партнерами и вводили в свои семьи друзей, которые в действительности были заместителями мужей или жен. Приятели, секретари, гувернантки, кузены и кузины исполняли эти же роли, и в тех случаях, когда во всем этом разбирались, они получали возможность оказывать известное давление на родителей. Происходил в некотором роде неформальный домашний шантаж, благодаря которому дети получали то автомобили, то меха, то жемчужные ожерелья, а главное — что они ценили выше всего — право поступать так, как им самим заблагорассудится.

VIII

В начале того года, когда Америка готовилась вступить в Великую войну, русский народ свергнул своего царя и учредил республику. Большинство американцев отнеслось к этому очень сочувственно, так как всем было гораздо, конечно, приятнее находиться в союзе с республикой, чем с абсолютной монархией. Но вот произошло потрясающее событие. В России была новая революция, и на этот раз ее сделали не почтенные профессора и не деловые люди, но дикие фанатики, именуемые "большевиками", которые начали с того, что конфисковали всю частную собственность и смели, сокрушили весь старый порядок вещей.

Сразу стало ясно, какими бедствиями это грозило всем союзным державам. Россия отпадает от них, и все германские силы, действующие на Востоке, почувствовав себя свободными, ринутся на слабый, пришедший в полнейшее истощение Западный фронт. В русских войсках уже начиналась дезорганизация, солдаты покидали свои посты и бежали в города и деревни, и одновременно с этим лидеры нового правительства вели широкую, всесветную пропаганду, направляя ее в ряды союзных войск.

Кто, собственно, были эти лидеры? По сведениям американских газет, целая группа лиц, скрывавшаяся в Швейцарии, была по приказу германского правительства перевезена в запечатанном вагоне через германскую территорию и Россию, для того чтобы там произвести самый грандиозный переполох, на какой только она была способна. Таким образом, судя по газетам, оказалось, что Ленин и его окружающие были тайными агентами гуннов, и когда начали свои нападения на то, что они называли "союзным империализмом", то это был голос кайзера, изъясняющегося по-русски. Когда же большевики опубликовали секретный договор с союзниками, добытый из царских архивов, то американские газеты поспешили заявить, что эти документы были не чем иным, как явной подделкой.

М-р Росс, как всякий добродетельный американец, верил газетам своей страны, Он считал, что эта "большевистская резолюция" — самое страшное событие изо всех, какие только происходили на свете в течение всей его долгой жизни, и бледнел всякий раз, когда говорил об этом с Бэнни. Америка не могла собрать войска для Франции раньше весны, а тем временем в распоряжении германцев оставалась целая миллионная армия, которую они могли передвинуть на Западный фронт — небольшое расстояние в несколько сотен миль. Они не замедлят наброситься на Париж, захватят, может быть, даже всю Францию, и на долю американцев выпадет колоссальный труд извлекать их оттуда. Все бремя войны ляжет теперь на плечи американского народа, и пройдут, может быть, десятки лет, прежде чем все это кончится. Возможно, что не только м-ру Россу, но и Бэнни не дождаться окончания этой чудовищной бойни.

М-р Росс читал Бэнни выдержки из газет, сообщавшие подробности о всех тех ужасах, которые творились в России: целые миллионы убитых — все сплошь представители образованного, культурного класса. Подробно обо всех тех пытках и насилиях, которые там производились, газеты не решались даже печатать. Коммунистические теории применялись на практике ко всем русским женщинам: все они были национализированы, сделавшись общественной собственностью в силу официального, правительственного декрета, и все комиссары продавали их "оптом и в розницу". Ленин собирался убить Троцкого, а Троцкий намеревался заключить Ленина в тюрьму. Общественный "колодець" весь снизу и доверху представлял собой одну кипящую массу, не было пределов человеческой жестокости.

Бэнни мог убедиться теперь в несостоятельности того "идеализма", о котором он мечтал в своем полном неведении жизни, когда говорил о том, чтобы удовлетворить все требования бастовавших нефтяных рабочих, вплоть до передачи промышленности в руки пролетариата. Теперь он видел осуществление такого плана на практике. Ну и как же это ему нравилось?

Бэнни принужден был признаться, что это ему не очень нравилось. Он чувствовал себя донельзя подавленным.

И как раз в это самое время ему предстояла задача выяснить свою долю участия в этом мировом кризисе. Он кончал в этом году Высшую школу в Бич-Сити. Пора было решать, что он думал предпринять дальше. Между отцом и сыном происходили серьезные, полные сознания важности момента беседы. М-р Росс полагал, что тяжелая ответственность, которую налагало на него его дело, давала ему право

искать себе поддержки в своем единственном сыне, и был уверен, что м-р Кэрин не сочтет за малодушие его просьбу освободить Бэнни от военной службы для того, чтобы он мог помогать ему в нефтяном деле. Но Бэнни продолжал настаивать на своем желании отправиться на фронт. Он говорил даже, что думает немедленно бросить школу и записаться добровольцем, как это сделали уже многие из его товарищей. В конце концов они остановились на компромиссе: подождать с решением вопроса до того дня, когда Бэнни окончит школу, и тогда поступить так, как того будут требовать обстоятельства. А пока что от Бэнни требовалось (это было его долгом как по отношению к родине, так и по отношению к самому себе) больше времени посвящать занятиям и меньше — развлечениям. Каждый юноша, если только он действительно понимал всю серьезность данного мирового кризиса, должен был посвятить себя всецело какой-нибудь работе, а не растрачивать зря своих сил. Эти слова отца заставили Бэнни покраснеть и опустить глаза. Он сказал, что вполне с этим согласен и что скоро докажет это на деле.

IX

Бэнни отправился к Эвнике в самом серьезном настроении духа и объяснил ей, каким тяжелым бременем ложилась на их плечи задача спасения цивилизации. Эвника вполне с ним согласилась. Она сказала, что у нее только что был серьезный разговор с матерью, которая объяснила ей, что теперь скоро будет недостаток как в съестных продуктах, так и во всякого рода материалах, — результат войны и необходимости оказывать помощь союзникам, — и что члены женского клуба уже выяснили свои обязанности по отношению к стране. Обязанности же эти заключались в том, чтобы они покупали для себя одни только самые дорогие продукты, картофель же, капусту и сало предоставили в распоряжение бедных.

М-с Хойт отдала все свои носильные вещи Армии спасения и истратила целое состояние на приобретение самых дорогих и модных туалетов, какие только она могла здесь найти. Разумеется, Эвника изъявила полную готовность следовать ее примеру и с этого дня покупать все только самое дорогое, но ее немного смущало, что у ее тети Алисы была на этот вопрос как раз противоположная точка зрения: она накупила себе уйму всевозможных дешевых вещей, для того чтобы дать этим пример женщинам рабочего класса. И Эвника не знала, кто был более прав, и просила Бэнни ей это выяснять.

Но серьезное, деловое настроение было совершенно несвойственно Эвнике, и оно продолжалось у нее очень недолго. Два дня спустя она приняла уже приглашение на бал в пользу бельгийских сирот и на слова Бэнни, что ему нужно работать, заявила, что если он с ней не поедет, то она пригласит Билли Чальмерса, красивого мальчика, победителя на футбольном состязании. Бэнни ответил, что это вполне ее дело, что она может ехать с кем хочет. В результате такого разговора они не виделись целых полторы недели, но, в конце концов, Бэнни не выдержал. Это было как раз в одну из суббот, а м-р Росс говорил, что изредка, раз в неделю, можно всегда позволить себе развлечься, что в этом он ничего не видит предосудительного. Поэтому Бэнни позвонил Эвнике по телефону, и они помирились. Оба проливали

горячие слезы и страстно сжимали друг друга в объятиях, и Эвника заявила, что она никого, кроме своего Бэнни, по-настоящему не любила и не понимала, как мог он быть так жесток, чтобы отказать ей тогда в таком удовольствии...

Настало Рождество, и хитрый и настойчивый м-р Росс придумал для Бэнни целый ряд искушений: колоссальную индейку, которую должна была зажарить Руфь, и две новых нефтяных скважины, не говоря уже о перепелах, голоса которых начинали уже раздаваться в часы солнечного заката на излюбленных ими местах, по ту сторону холма. Бэнни обещал и твердо решил поехать на праздники в Парадиз. Он сказал об этом Эвнике, и никогда еще до тех пор она не приходила в такое дикое исступление, как в этот раз. Схватив Бэнни за волосы, она потащила его через всю гостиную матери, причем м-с Хойт находилась тут же и безмолвно смотрела на происходившее. Эвника кричала, что Бэнни негодяй, что она немедленно позвонит Билли Чальмерсу и они в этот же день уедут куда-нибудь далеко и вернуться только по окончании рождественских праздников, а может быть, и того позднее...

Но Бэнни все-таки уехал в Парадиз. Он наблюдал за новыми скважинами, рассматривал чертежи новых обсадных труб, ходил с отцом на охоту за перепелками, а ночи опять проводил без сна и чувствовал себя глубоко несчастным. Он лежал в постели с открытыми глазами, и ему казалось, что он превращается постепенно в старика и что утром, подойдя к зеркалу, он, наверное, увидит себя совершенно седым. Он потерял за эти ночи больше сил, чем если бы он исполнял требования Эвники и возил ее на вечера. И какой был во всем этом смысл? В школе ему преподавали биологию и английских поэтов девятнадцатого столетия, но разве это могло помочь выгнать германцев из Франции? Эвника была такой хрупкой, такой очаровательной, а что, кроме горя, ждало ее впереди? Она так не похожа была на всех других девочек, ее так трудно было понять, и никто из заместителей Бэнни не смог бы никогда относиться к ней так хорошо, как относился он... Да, мир старался оторвать их друг от друга, тот самый мир, слепой и глупый, который убивал теперь столько народу. Его бабушка была, по-видимому, права: весь свет представлял собой какой-то сплошной хаос жестокости, и что бы вы ни делали, какая бы сторона ни победила, — изменить создавшегося положения вещей было невозможно.

Наступало утро, и воздух оглашался шумом и скрежетом новой колоссальной машины м-ра Росса. Да. У отца Бэнни было по крайней мере нечто, на что он мог положиться, в чем он был уверен. И как он все понимал! Он, казалось, знал все, что переживал Бэнни, хотя никто не сказал ему об этом ни слова, был полон заботливого участия к сыну и придумывал всякие предлоги для того, чтобы они могли быть все время вместе. Может быть, и ему пришлось когда-нибудь пережить то же, что переживал теперь Бэнни? Было бы так хорошо поговорить с ним обо всем совсем-совсем откровенно, но очень уж это его смущало... Потом Бэнни подумал о своей "мамочке", которую он не видел уже более года. Она переселилась в Нью-Йорк, и Бэнни подозревал, что его отец увеличил посылаемые ей субсидии, с тем чтобы она оттуда не уезжала. Бэнни было очень жалко, что он не мог поговорить с ней об Эвнике, не мог спросить ее мнения по поводу этой практиковавшейся смене любовников.

В конце концов ему удалось взять себя в руки настолько, что, вернувшись в Бич-Сити, он не поехал к Эвнике, а завидев ее издали на улице, — несмотря на то что

сердце начинало биться в его груди как безумное, — тотчас же сворачивал с дороги и шел не останавливаясь несколько миль, до полного изнеможения.

Среди членов "Общества зулусов" ходила молва, что на этот раз они поссорились с Эвникой не на шутку, и несколько юных леди не замедлили этим воспользоваться, чтобы повести правильную атаку на нефтяного принца. Но Бэнни совершенно их не замечал. Сердце в нем умерло. Он говорил себе, что никогда уже, никогда теперь он не посмотрит ни на какую другую девушку.

Что же касается Эвники — ее неизменно сопровождал на всех ее прогулках победитель на футбольном состязании, но, по-видимому, ей все же удавалось не давать повода тем сплетням, которых так опасался для нее Бэнни.

Глава девятая

ПОБЕДА

I

В феврале заканчивался первый курс лекций в той школе, где учился Бэнни, и он сдал экзамены с умеренным успехом. Вслед за тем было несколько дней отдыха, и м-р Росс надумал один восхитительный план. Дело в том, что он не мог не испытывать некоторой неловкости всякий раз, когда думал о том, что семья Аткинсов жила на том самом нефтяном участке, который давал ему миллионы долларов и который он купил у них всего за какие-то тридцать семь тысяч долларов. Ему очень хотелось что-нибудь для них сделать, и в то же время он боялся сделать больше, чем сколько это было нужно, чтобы их этим не "испортить", не навести на мысль, что он им, в сущности, еще очень много должен. Чтобы чем-нибудь все это компенсировать, он решился устроить грандиозную экскурсию, в которой должны были принять участие все члены семьи. В свой большой лимузин он решил взять Бэнни, Руфь, Мели и Сэди и нанять еще другой автомобиль для м-ра Аткинса и его жены, и все они должны были отправиться в тот военный поселок, где работал Поль, — навестить его и в то же время посмотреть на процесс образования новой армии. Они остановятся в какой-нибудь ближайшей к поселку гостинице и проведут там несколько дней, катаясь по окрестностям и осматривая все достопримечательности, включая сюда и те митинги "возрождения", которые Эли устраивал в особой громадной палатке по соседству с лагерем.

Девочки пришли, разумеется, в дикий восторг. Это была их первая длинная поездка в автомобиле за всю их жизнь. Бэнни поговорил с Руфью, которая поговорила со своей матерью, а та в свою очередь — со своим мужем, и общими силами им удалось заручиться его обещанием сделать все возможное, чтобы уговорить святого духа не посылать им в эти дни никаких откровений и не вдохновлять их ни на "прыганье", ни на разговоры на разных языках. Дело в том, что святой дух незадолго перед тем заявил через Эли — пророка третьего откровения, что вся эта "вдохновляющая гимнастика" сделала уже свое дело и могла быть теперь

сокращена. Причина этому высказана не была, но ходили слухи, что все те благонамеренные лица, которые действовали за спиной Эли, помогая ему в его евангельской кампании, не одобряли "прыганья" и не считали архангельских речей на разных языках годными для ушей простых смертных. Один из учеников Эли был очень известным судьей, а другой — владельцем целой серии бакалейных лавок. Их жены взяли пророка в свои руки, исправили его грамматику, выучили его, где надо покупать приличные костюмы, как держать в руках вилку и ножик — и содействовали таким образом его успехам в свете.

Приехав в военный поселок, м-р Росс со своими спутницами и спутниками чувствовали себя так, точно они попали на войну. На громадной площадке виднелись целые груды холста, свернутых листов железа, рельсов, и вся эта площадь кишмя кишела энергичными юными существами в мундирах цвета хаки, трудящихся, как муравьи, но все же не настолько занятых своим делом, чтобы не заметить появления в толпе трех миловидных молодых женщин. Заручившись требуемым пропуском, можно было в известные часы пройти к тому месту, где происходило самое ученье, а в свободное время Поль уходил с построек, и, в то время как старые Аткинсы с дочерьми отправлялись слушать Эли, он сидел с м-ром Россом и Бэнни на веранде гостиницы и рассуждал с ними о мировых событиях.

Русские тогда только что заключили мир с Германией, совершенно отказавшись от дальнейшего участия в войне и отдав громадные территории неприятелю. М-р Росс обсуждал этот совершившийся факт и, настаивая на своем прежнем мнении, называл большевиков предателями. Поль ему возражал, и Бэнни мог убедиться в том, что даже здесь, среди своей такой интенсивной работы его друг находил время читать и обдумывать прочитанное.

— Бэнни, — сказал Поль, — помнишь ты нашу нефтяную забастовку и все то, что писалось по поводу ее в газетах? Предположи теперь, что ты никогда не был в Парадизе, не знал никого из бастовавших рабочих и все сведения черпал из газет Энджел-Сити. Представляешь, какое у тебя создается бы тогда впечатление? Так вот то самое, по-моему, нужно сказать и о России. Там происходит теперь величайшая в истории забастовка, и, по-видимому, "забастовщики" победили и взяли в свои руки все "нефтяные скважины". Настанет день, когда мы подробно узнаем, что они сейчас там делают, но узнаем, конечно, не из газетных рассказов — этих басен, сочиняемых союзными дипломатами и сосланными великими князьями.

Эти слова взволновали м-ра Росса, который читал эти газетные сообщения ежедневно в течение нескольких месяцев и верил каждой их фразе, и он спросил Поля, неужели же он отрицает факт избиения в России всех представителей богатых классов? На это Поль ответил, что он считает, что подобные единичные случаи безусловно, конечно, были: он читал историю Французской революции и знает, что это такое. В данном же случае надо не забывать еще и того, как относились к русскому народу их правящие классы и какой образ правления у них был до сих пор.

"Об их революции надо судить на основании их собственных стандартов, а не на основании наших", — сказал Поль и прибавил с улыбкой, что это большая ошибка со стороны американских дельцов, стоящих во главе крупных предприятий, отождествлять себя с русскими "хозяевами" заводов и фабрик, которые при

малейшем протесте со стороны своих рабочих призывали себе на помощь казаков, вооруженных нагайками.

Это немного успокоило м-ра Росса, но он продолжал настаивать на том, что все большевики были германскими агентами, и снова повторил рассказ о поезде, который доставил Ленина (м-р Росс произносил "Линайн") из Швейцарии через Германию в Россию. Поль спросил его, из каких источников он получил эти сведения? Германцы, по его мнению, так же боялись русских, как и американцы. Эти большевики сражались с правящими классами обеих сторон, и для германцев тот мир, который они заключили, по-видимому, опаснее открытой войны: революционная пропаганда могла проникнуть в их войска даже там, на Западном фронте.

Но для м-ра Росса все это было чересчур сложно. Он заявил, что если бы русские действительно хотели прийти на помощь делу мира и справедливости, они не изменили бы союзникам вплоть до того момента, когда у кайзера были бы отняты все бразды правления.

Потом Поль спросил, читал ли м-р Росс секретный договор союзников. И отец Бэнни принужден был признаться, что он никогда о нем ничего не слышал. Тогда Поль объяснил, как Советы, не получив ответа от союзников на свой запрос о целях войны, которую они вели, открыли всему миру тайны тех соглашений, которые союзники заключили с русским царем по вопросу о разделе тех земель, которые они имели в виду отобрать у германцев, австрийцев и турок. Поль сказал, что текст этих тайных соглашений был изъят из американской прессы.

— И если мы с завязанными глазами примем участие в этой войне, — прибавил он, — и окажем этим содействие Великобритании, Франции, Италии и Японии в скорейшем достижении их империалистических целей, — то наш народ окажется введенным в обман, и настанет день, когда он сам в этом убедится.

На это м-р Росс, не задумываясь, ответил, что Поль может не беспокоиться, что, несомненно, все эти тайные договоры не что иное, как плод большевистского мошенничества. Разве не опубликовало американское правительство целую серию документов, которые ему удалось достать в России, свидетельствующих о том, что все большевики — германские агенты? И это уже ни в коем случае не фальшивые, но действительные документы, и Поль когда-нибудь в этом убедится, и ему станет стыдно, что он мог сомневаться в лояльности союзников. И как только он мог предполагать, что президент Вильсон позволит кому-нибудь себя одурачить?

Бэнни молча слушал разговор отца с Полем. Разобраться во всем этом было не легко, но все же ему казалось, что прав был м-р Росс. Что мог делать каждый честный американец в такое время, какое они теперь переживали, как не довериться вполне своему правительству? Бэнни немного шокировало, что человек, который носил военный мундир, мог говорить о своем начальстве так, как говорил Поль, высказывая на его счет те или другие сомнения, и он решил, что как только он останется со своим другом наедине, — он расскажет ему обо всем, что говорили агитаторы в школе, и постарается заразить его более горячим патриотизмом. Но Поль на его слова только засмеялся и похлопал его по спине, говоря, что их лагерь полон пропаганды всякого рода.

Однажды вечером все отправились слушать Эли в громадную палатку, заставленную сотнями деревянных скамеек. На них восседали и солдаты и хозяева окрестных ранчо со своими женами и детьми. В глубине был сделан деревянный помост, на котором стоял Эли в белом одеянии с золотой звездой на груди. Своей внешностью он напоминал какого-то персидского мага. Тут же помещался оркестр трубачей, и их инструменты так блестели, что глазам было больно. А когда они заиграли "Гимн славе" и вся аудитория запела этот гимн дружным хором, то казалось, что палатка не выдержит и разлетится на части.

Эли проповедовал против гуннов. Он говорил, как святой дух открыл ему, что неприятель будет побежден — и не далее как через несколько месяцев, и обещал спасенье всем тем, кто будет стоять за это святое дело и кто окажется достойным получить благодать от него — Эли...

В самом центре помоста помещался большой чан с водой, к которому вели несколько ступенек, и желающие получить "благодать" сидели рядом на помосте, одетые в белые длинные рубашки. Когда настало время совершать эту церемонию, Эли сам первый поднялся по ступенькам и погрузился в чан с водой, а потом стал хватать по очереди всех желающих получить от него "благодать" за шиворот, энергично тащил их в воду и окунал их в нее с головой. Этим путем они очищались от всех своих телесных грехов, а в тех случаях, когда схватывали какую-нибудь болезнь, снова возвращались к пророку "третьего откровения", который и врачевал их недуги.

На следующий день вся семья отправилась обратно в Парадиз. И сколько они везли с собой тем для разговоров! Хватило не только на всю дорогу, но не переговорить было всего и в несколько недель.

Что же касается Бэнни, то он думал дорогой о том, как он тоже будет жить в лагерях летом, после окончания школы, но только не в этих, а в офицерских лагерях, куда благодаря своему влиянию его хотел устроить м-р Росс.

В последних числах марта началось наступление германцев на Западный фронт — наступление, которого все так боялись. Началось одно из тех страшных сражений, к которым мир стал уже постепенно привыкать. Это сражение велось на многих сотнях миль Западного Фронта и продолжалось без перерыва и днем и ночью в течение нескольких недель. Оно происходило в Пикардийской провинции и известно под именем сражения при Пикардии. Волна германцев прорвалась сквозь британские линии, отогнала их назад на тридцать-сорок миль, захватив в плен стотысячное войско, и все заставляло думать, что всем самым мрачным предсказаниям м-ра Росса суждено было осуществиться в самом ближайшем будущем.

Но никто — ни союзники, ни германцы — не знал того, что в маленькой безвестной деревушке, затерявшейся среди плодовых садов Калифорнии, могущественный пророк напрягал все свои силы, чтобы помочь делу. Случилось так, что Эли Аткинс прочел в какой-то газете, в известиях, получаемых с фронта, что единственное, что могло бы спасти британскую армию, — это сильный дождь. А

прочитав это, он собрал всех преданных ему последователей его ученья, и всю ночь они простояли на коленях, воздевая руки к небесам и моля их Творца послать дождь и бурю в Пикардии. И Творец услышал их моления — и небеса разверзлись над той страной, и дождь полил потоками. Ноги гуннов и колеса их повозок вязли в липкой грязи, и целые отряды тонули при переправах через разбушевавшиеся, переполненные дождем потоки. Но в той полосе, где сражались британцы, дождя не выпало ни единой капли, дороги оставались гладкими и твердыми, подкрепления прибывали вовремя, и британские войска были спасены. И когда волна этих известий докатилась до деревушки, затерянной среди плодовых садов Калифорнии, ликующие хоры верующих, потрясая воздух, стряхивали со сливовых деревьев их нежные цветы.

III

Но среди всех этих бурь и волнений Бэнни, в силу своей молодости, продолжал жить своей собственной личной жизнью. Возвращаясь домой из Парадиза, он встретил как-то Нину Гудрих, одну из своих школьных товарок, ехавшую в своем автомобиле и одетую в купальный костюм. Подумать только, от каких пустячных случайностей зависит иногда судьба человека! Увидав Бэнни, она замедлила ход своей машины и позвала его:

— Едем купаться, Бэнни! Садись ко мне!

Он вскочил в экипаж, и через две минуты они домчались до берега, а еще через две он достал себе купальный костюм, оделся, и они вперегонку бросились по песчаному берегу к морю.

Нина Гудрих была одной из тех пышных Юнон, которые тысячами зреют каждый год в лучах калифорнийского солнца. Все ее члены были крепки, стройны и сильны; ее бедра были созданы для того чтобы носить дюжину детей, а грудь — чтобы всех их выкармливать. Волосы ее были густы и длинны, кожа не нуждалась ни в каких косметиках и была покрыта бронзовым загаром от пребывания целыми часами во время прибой на солнце, под защитой тонкой ткани купального костюма, оставлявшего открытой большую часть всех прелестей молодой девушки. Да, всякий, кто брал в жены девушку из Южной Калифорнии, никогда уже не мог сказать, что он не видел того, что брал.

Нина и Бэнни поплавали вдоль берега, не смущаясь тем, что вода была еще очень холодная, потом, взявшись за руки, добежали до кабинок, и Нина сказала:

— Поедем куда-нибудь ужинать, Бэнни! Мне скучно дома.

Бэнни согласился, и когда оделся, она довезла его до подъезда своего дома. А пока она бегала переодеваться, он сидел и повторял свой урок английской поэзии девятнадцатого века. Поэт, произведения которого он в данный момент изучал, воспевая явления природы, говорил:

Солнце землю, лаская, лобзает,
Океан обнимает луна,
Но весь смысл этих ласк пропадает,
Если ты не целуешь меня.

Нина не заставила себя долго ждать, и они отправились в один из ближайших ресторанов, в котором калифорнийская рыба, салаты и фрукты всех сортов подавались в таком изобилии, что это привело в смущение девятнадцатилетнюю Юнону, стремившуюся "похудеть". Придвинув свой столик к окну и энергично работая челюстями, молодые люди любовались на залитый огнем закат океан. Но вскоре его яркий пурпур побледнел, и туман поднялся над водой. Тогда они вышли из ресторана, сели в автомобиль, и Нина, не говоря ни слова, взяла ту дорогу, которая вела из города к скалистому берегу. Одна ее рука лежала в руке ее спутника, и Бэнни, роясь в своих воспоминаниях, вспомнил, что Эвника рассказывала ему как-то про Нину и про ее роман с Барнеем Ли, который год назад был зачислен в армию и теперь сражался во Франции. Остановив автомобиль в нескольких саженях от берега, они достали из него плед и расположились на мягком песке почти у самых волн мерно шумевшего прибоя.

— Нравлюсь ли я тебе хоть немножко, Бэнни? — прошептала Нина, крепко прижимаясь к своему спутнику, и на его утвердительный ответ проговорила еще тише: — Так почему же ты меня не ласкаешь? — и в ту же минуту ее губы прильнули к его в горячем поцелуе, который обжег его как огнем.

Было ясно, что девятнадцатилетняя Юнона была вполне в его власти, готовая исполнить все его желания, и знакомое ему ощущение головокружения охватило его с прежней силой. Несмотря на все старания, он все еще не мог изгнать из своего сердца образа Эвники — это его невыразимо терзало. И вот теперь являлась возможность изгнать этот образ из своей памяти, являлась возможность забыться. Но он все еще колебался — ведь он дал себе слово не поддаваться соблазну, не затевать снова подобного рода истории. И он прекрасно знал, что он не любил Нину Гудрих настоящей любовью, о которой говорили английские поэты. Да, она была для него совсем, совсем чужой. Он продолжал колебаться и с каждой минутой становился все холодней.

— Что с тобой, Бэнни? — прошептала молодая девушка.

Голова его все еще слегка кружилась, но теперь он знал, что ему делать.

— Нина, — сказал он, — мне кажется, что это будет некрасиво.

— Некрасиво?

— Да, по отношению к Барнею.

Лежавшая в объятиях Бэнни молодая девушка сделала нетерпеливое движение.

— Дорогой мой, да ведь Барней уехал!

— Знаю. Но он вернется.

— Может быть. Но это еще так не скоро, и я уверена, что он давно уже нашел себе кого-нибудь во Франции и совершенно забыл обо мне.

— Возможно. Но нельзя быть в этом уверенным! И мне кажется, что это будет не совсем справедливо, если, в то самое время как он рискует своей жизнью для своей родины, кто-нибудь воспользуется его отсутствием для того, чтобы похитить ту, которую он здесь любил.

Нина ничего не ответила, и Бэнни принялся рассказывать ей обо всем, что происходило на фронте, о том, как туда скоро отправят американские войска и как он сам надеется туда уехать тотчас по окончании своего ученья. Он говорил о Поле, о его взглядах на то, что творится в России, и о том, как его отец, м-р Росс, относится к

Полю. Молодая Юнона все это слушала, лежа в его объятиях, и к ее чувству к нему примешивалось все больше и больше дружеской нежности. Когда же ночная свежесть и туман окончательно охладили ее горячую юную кровь, она встала и направилась к своему автомобилю. Дорогой девятнадцатилетняя Юнона крепко обняла своими сильными руками своего спутника и звонко его поцеловала, говоря:

— Ты очень, очень странный, Бэнни! И все-таки ты мне ужасно нравишься!

IV

Германцы предприняли новое гигантское наступление на британцев, и на этот раз местом действия была Фландрия. Они произвели громадные опустошения в британских линиях, и если бы не совершенно исключительная по напряжению работа всех тех, кто находился непосредственно за этими линиями, — всех этих крестьян и шоферов, сражавшихся чем попало, всяким оружием, которое только им удавалось достать, — то нет сомнения, что германцы захватили бы в свои руки всю железнодорожную сеть Фландрии. Прошел месяц, и опять новое наступление германцев, теперь уже на юге, против французов. Знаменитое сражение при Эне и Уазе. Казалось, что Париж был уже окончательно приговорен, и американский народ задерживал дыхание, читая в газетах известия с фронта.

Во время этого сражения, происходившего на протяжении двухсот миль, на фронте произошел знаменательный случай: командующий французской армией ввел в ряды сражавшихся только что прибывшие тогда из Америки войска. Это были еще совсем мальчишки, прошедшие только краткосрочный курс военной науки, и французы, конечно, не рассчитывали, чтобы они могли держаться. А между тем, вместо того чтобы отступать подобно остальным армиям, они сами перешли в наступление и продвинулись на протяжении трех миль по фронту — более чем на две мили вперед! А несколько дней позже произошло сражение при "Бэлловском лесе", и Америка дрогнула в порыве всеобщего безмерного ликования. И это было не ликованием удовлетворенной национальной гордости — это было нечто большее: люди чувствовали, что это была победа свободных государств. Когда вы читали списки убитых и раненых, вы встречали самые различные имена: Горовиц и Шнирович, Замерджан и Саманьего, Константинополус, Топлицки и Конл-Линч, — но все они сражались с одинаковым энтузиазмом. Это была победа золотого потока красноречия, лившегося из Белого дома.

На фоне всех этих волнующих событий решалась судьба Бэнни. Пришло время его серьезному разговору с отцом — самому серьезному из всех, которые они когда-либо вели. Никогда еще Бэнни не видел отца до такой степени взволнованным.

— Хорошенько подумай, сынок. Неужели же ты так-таки окончательно отказываешься оставаться дома, оставаться со мной, отказываешься помогать мне в моей работе? — спросил м-р Росс сына.

— Папочка, — ответил Бэнни, — я никогда в жизни не прошу себе, если останусь здесь и не поеду в действующую армию.

Тогда м-р Росс подробно объяснил ему, что означало для него такое решение Бэнни: в его годы он уже не в состоянии нести всю эту тяготу один. Нефтяных

скважин все прибывало, и каждая новая несла с собой и массу новых забот. Им необходимо открыть грандиозный перегоночный завод, для этого необходимо устроить целую серию станций для его оборудования. Рассчитывать на постоянную поддержку правительства было, конечно, невозможно, участок Парадиз был Бэннин, но если он от него отказывается, то м-ру Россу придется войти в компанию с каким-нибудь крупным дельцом. В том случае, если Бэнни уедет в действующую армию, на его помощь рассчитывать уже не придется, так как м-р Росс убежден, что война затянется на очень, очень долго. Немногие из тех, кто туда уезжает, возвращаются домой...

При этих словах голос м-ра Росса дрогнул. Еще немножко — обоим пришлось бы вынуть из карманов носовые платки, что, конечно, обоих бы очень стеснило. Но они поборолы в себе эту слабость.

— Я должен ехать, папочка! Должен во что бы то ни стало! — повторил Бэнни.

И м-р Росс дал свое согласие, и недели две спустя Бэнни получил все документы, которые должен был предъявить в учебный лагерь.

Тетя Эмма проливала над ним слезы, а старая мать м-ра Росса сказала, что считает это преступлением и что с этого момента она теряет всякий интерес к жизни. Берти делала приготовления для прощального вечера в честь отъезда брата, а м-р Росс заявил, что он уже начал переговоры с Верноном Роскэ, самым крупным нефтяным деятелем всего побережья, председателем обществ "Flora Mex" и "Mid-Central Pete", который неоднократно проектировал основать крупное предприятие и уже заранее назвал его фирмой "Консолидированного Росса".

V

Они поехали в Парадиз. Бэнни хотелось взглянуть на все еще раз перед своим отъездом в лагерь. Там узнали, что Поль должен скоро получить отпуск и приехать домой, перед тем как отправиться в длинное путешествие через Тихий океан. Услышав это, м-р Росс заметил, что эта война похожа на пожар на каком-нибудь складе: никогда нельзя было знать заранее, куда кинется огонь и что будет им погублено. Такую шутку война сыграла и с Полем, получившим неожиданно приказ отправиться вместе со своей плотничьей артелью через Тихий океан. И куда! В Сибирь, во Владивосток.

Объяснялось это тем, что когда большевики стали править Россией, то в их руках оказалась целая армия военнопленных, в числе которых было сто тысяч чехословаков. Это было совсем еще новое слово, которое вы тщетно стали бы искать в энциклопедических словарях. Потом вам объяснили бы, что это были богемцы. Но "богемцы" — Bohemians — немецкое слово, и его переделали в "Czecho-Slovaks" — чехо-словаков — слово, которое долго никто не знал ни как произносить, ни как писать. Этот народ возмутился против германцев, и большевики решили всех своих пленных чехо-словаков отправить во Владивосток, где союзники могли взять их под свое покровительство и в случае надобности переслать на фронт. Но по дороге в Сибирь чехо-словаки вступили в открытую борьбу с большевиками и с

отпущенными на свободу германскими военнопленными и захватили в свои руки большую часть железнодорожного пути.

И вот теперь во всю эту путаницу вмешались союзники. Газеты объяснили это дело так:

Большевистское движение было движением кучки фанатиков, захвативших власть в свои руки с помощью вооруженных наемных китайцев, монголов, казаков и бежавших из тюрем каторжников. Власть такого правительства не могла продолжаться долго — какие-нибудь недели или самое большее месяцы, и было необходимо оказывать всеми способами поддержку всем тем "ядрам", вокруг которых сгруппировались все порядочные русские люди. И вот такую поддержку и решили оказать союзники. Американские и японские войска должны были помогать чехо-словакам в Сибири, а американские и британские войска — организовать русских беженцев в Архангельске, на далеком Севере. Туда-то и отправляли Поля для постройки барачных и хижин вдоль знаменитого Великого сибирского железнодорожного пути, и другу Бэнни предстояло самому воочию проверить все те события, о которых он спорил с м-ром Россом. Тем временем Бэнни будет в учебном лагере, и когда занятия там закончатся, его пошлют на фронт — и, может быть, туда же, где будет и он, Поль. На этот раз он не стал бы противиться, если бы м-р Росс решил оказать в этом деле свое влияние. Бэнни, без сомнения, будет работать очень энергично, быстро двигаться по службе, и ничего нет невозможного в том, что Поль с артелью своих плотников окажется под его командой.

А пока что и Полю и всем его родным и друзьям приходилось переживать тяжелое время из-за Руфи, которая была безутешна. Она не осушала глаз и за завтраками и обедами выскакивала из-за стола и выбегала из комнаты, чтобы не рыдать громко при всех. А когда Полю настало время уезжать и он стал со всеми прощаться, Руфь, казалось, совсем потеряла рассудок и так судорожно охватила шею Поля руками, что ему пришлось силой разжимать ее пальцы. Не легко было уезжать при этих условиях, оставляя сестру лежащей в глубоком обмороке! Старый м-р Аткинс не отходил от нее и поручил Сэди исполнять за нее все работы по хозяйству и заботиться о м-ре Россе. Да, война давала себя чувствовать!

VI

Бэнни вернулся в Бич-Сити, где его ждало другое, подобного же рода испытание. Но старая м-с Росс не плакала и не падала в обморок: она заперлась в своей мастерской и в общих комнатах не показывалась. Даже обедала и завтракала у себя. Когда настал день отъезда, Бэнни постучал к ней в дверь, и она впустила его в свою лабораторию красок, масла и высокого искусства. Старая м-с Росс была спокойна, но выражение ее лица было страшно, и красные веки свидетельствовали о пролитых слезах.

— Дитя, — сказала она (для нее он все еще оставался маленьким мальчиком, для нее он никогда не мог сделаться взрослым), — дитя, ты являешься жертвой тех преступлений, которые совершили старики. Сейчас это тебе ничего еще не говорит,

но запомни эти слова, и придет день — много лет спустя после моей смерти, — когда ты их поймешь.

Он обнял ее, поцеловал и молча вышел из комнаты. Слезы текли по его лицу, и у него было такое ощущение, точно он сам совершал тяжелое преступление. И ощущение это еще обострилось, когда неделю спустя он получил телеграмму с известием, что старая м-с Росе была найдена в своей постели мертвой. Взяв трехдневный отпуск, он поехал домой и после похорон вторично простился со всеми домашними.

Учебный лагерь находился на юге под палящими лучами жгучего солнца и кишмя кишел юношами, приезжавшими туда со всех концов государства, большею частью окончившими высшие учебные заведения и университеты, и среди них было очень немного таких, кто обладал бы уже известной долей военной опытности. Тут были дети крупных виноделов, владельцев плодовых садов, скотоводов, лесопромышленников и деловых людей всевозможных профессий. Бэнни интересно было познакомиться с ними со всеми поближе и узнать, что они все думали о жизни, о любви, о войне. Он с жаром, до боли в спине, занимался военным учением, а потом проходил те или другие предметы, так же, как он это делал в школе. Но здесь он жил в палатке, проводил все время на воздухе, ел с жадностью все, что ни подавалось, и мужал с каждым днем.

Время от времени он отпраивался с кем-нибудь из товарищей знакомиться с ближайшими к лагерю окрестностями, но не пускался ни в какие любовные авантюры, на которые уходили все свободные часы обучавшейся в лагере молодежи. Здесь не было никаких преград самым вольным разговорам. Начальство было убеждено, что раз вы отлучились куда-нибудь из лагеря, то это значит, что вы отпраивались на поиски за женщиной, и когда вы возвращались, оно считало своим долгом дать вам те или другие советы и направить вас в находившееся при лагере лечебное заведение, где вы встречались с другими молодыми людьми и проводили время в веселой болтовне и острили по поводу вашего внелагерного времяпровождения... Бэнни достаточно уже знал жизнь, для того чтобы не сомневаться в том, что жившие в окрестностях женщины успели в достаточной мере развратиться, и он оставался вполне равнодушен к их многообещающим взглядам и затянутым в шелковые чулки толстым икрам.

Он хотел избрать своей специальностью артиллерийские науки, но его приставили к военному транспорту в силу того, что он хорошо знал нефтяное дело. Это его нисколько не удивило, и ему не пришло в голову спросить себя, не было ли это причиной влияния, которым пользовался его отец в деловых сферах общественной жизни. Что же касается м-ра Росса, то он твердо решил, что Бэнни ни в каком случае не переедет через океан, даже в том случае, если бы эта война продолжалась еще десятки и больше лет. Он будет находиться в рядах тех, на ком лежит обязанность наблюдать за запасами газа и нефти для армии и следить за доброкачеством этих продуктов, а также и за своевременной их погрузкой на суда. Кто знает — быть может, ему придется быть среди тех, на обязанности которых лежит заключение нефтяных договоров, и он сможет тогда замолвить словечко в пользу новой фирмы "Консолидированного Росса".

Новый план м-ра Росса продолжал тем временем развиваться, и Бэнни получал от отца длинные, подробные письма, которые по прочтении должен был ему возвращать, чтобы не оставлять их валяться в палатке. В газетах тоже начинали появляться об этом вести — сначала в форме простых слухов, но потом более подробные отчеты, имевшие целью подготовить публику к назревавшему новому грандиозному предприятию. В конце лета Бэнни получил отпуск и поехал домой за самыми последними новостями.

Его "дом" был теперь уже не в Бич-Сити. М-р Росс оставался там, пока Бэнни учился в школе, но как только он поступил в лагерь, отец перекочевал в Энджел-Сити, в один из роскошнейших палаццо, находившихся в самой модной части города.

М-р Росс нанял его по контракту через одного из своих агентов за пятнадцать тысяч долларов в год. Фасад палаццо был весь изукрашен массивной лепной работой, а вокруг всего дома шла широкая веранда, на которой красовались кусты великолепных папоротников, посаженных в гигантские раковины. Его громадные окна были из толстых цельных стекол и никогда не открывались. Внутри вся мебель была дубовая, такой тяжести, что двигать ее не было никакой возможности. Но м-ру Россу двигать ее не приходилось: он садился на первый попавшийся стул, где бы тот ни стоял, и ему было хорошо и удобно только в своей "берлоге". Там у него было его собственное кожаное кресло, на столе стояло несколько ящичков сигар, а на стене висел громадный план нефтяного участка Парадиза. Единственно, о чем еще заботился м-р Росс, — это о том, чтобы все большие произведения кисти его матери были повешены в столовой, включая сюда же и ее последнюю картину, на которой были изображены германцы с кружками пива в руках. Все же остальные ее картины, меньших размеров, а также и краски, палитра и мольберт были тщательно упакованы в ящики и снесены в подвальный этаж. Хозяйничала теперь в доме тетя Эмма, а в роли главного критика состояла Берти.

На конторке м-ра Росса лежала груда, в целый фут вышиной, разных бумаг и проектов, касающихся его нового предприятия. М-р Росс брал их поочередно один за другим и объяснял сыну все подробности.

"Консолидированный Росс" представлял собой семидесятимиллионную корпорацию, и на долю отца Бэнни приходилось десять миллионов привилегированными государственными бумагами и десять миллионов обыкновенными обязательствами. На долю м-ра Роскэ приходилась такая же сумма, а разные банкиры должны были получить пять миллионов за их финансирование этого предприятия. Остальная часть капитала в количестве двадцати пяти миллионов будет предложена желающим для финансирования оборудования одного из самых грандиозных нефтеперегонных заводов Калифорнии, а также новых нефтяных складов, обсадных труб и целой сети служебных станций на всем пространстве Южной Калифорнии. Но при этом держатели акций не должны были иметь права голоса. Это была удивительная новая система, и м-р Росс объяснил ее сыну во всех подробностях. Публика будет получать то, что ей полагается, но она не будет входить в дела компании.

— Мы не допустим олухов вмешиваться в наши распоряжения, — сказал м-р Росс.

Дальнейший разговор с отцом многое выяснил Бэнни. Он понял теперь, что связывало так тесно его отца и м-ра Роскэ. Вся эта "удивительная система", придуманная компаньоном отца, представляла собой целую серию необыкновенно сложных и тонких комбинаций, целый хитроумный план действий, который надо было разрабатывать вдвоем. Часть этого плана должна была быть приведена в исполнение тотчас же, частью значительно позднее, после того как публика уже вложит в предприятие свои деньги.

Когда Бэнни — этот "маленький идеалист" — во всем разобрался и понял, для чего все это делалось, он начал возражать отцу, чувствуя в то же время, что своими возражениями он делает ему очень больно.

М-р Росс сказал, что такого рода ведение дела было свойственно каждому крупному предприятию. Ведь вопрос шел не о каком-нибудь пустячном начинании. Публика получит свою долю прибыли и даже больше — эти акции дойдут до двухсот в первый же год, в этом нет никакого сомнения. Но дело все в том, что всю самую главную, трудную работу проделали м-р Росс и его сын, как в Парадизе, так и в "Лобос-Ривере" и "Проспект-Хилле", и теперь правительство желало, чтобы они пробурили еще целую сотню новых скважин и помогли бы выйти из войны победителями. А как они смогут все это сделать, если они отдадут деньги в руки всех тех, кто будет тратить их на все эти джаз-банды и разные веселые пирушки? Стоит только взглянуть на то, что творится в Нью-Йорке, на все это бешеное швырянье денег... Что же касается м-ра Росса, то он деньги бережет и тратит их разумно, тратит на процветание той самой промышленности, которой они и принадлежат. Вот поэтому он был искренно убежден, что он был именно тем, кому по справедливости принадлежала эта прибыль. Он и м-р Роскэ были теми лицами, которые побили все другие крупные компании и сами вышли невредимыми из всех этих бурь и битв. И вот сейчас они выполняли необыкновенно сложную комбинацию, против которой были бессильны все происки их врагов и которая должна была навсегда укрепить их могущество.

VIII

Тем временем германцы начали против французов новое наступление, самое грандиозное из всех, бывших до тех пор. Это было второе сражение при Марне, и они называли его "штурмом за мир", потому что намеревались взять Париж и этим кончить войну. Но теперь значительные территории были уже заняты американскими войсками. Во Франции таких войск насчитывался целый миллион, и ежемесячно прибывало по триста тысяч, причем одновременно подвозилось и все необходимое для этих войск продовольствие. Американские войска были свежие войска, тогда как все другие выбились уже из сил, и там, где стояли эти американские войска, отступление союзных войск прекращалось, и великое германское наступление парализовалось.

И вот две недели спустя произошло событие, которое наэлектризовало весь мир: союзники стали продвигаться вперед. Производя то там, то сям атаки, они захватывали все большую и большую территорию и выбивали неприятеля из тех траншей, которые сооружались годами и считались неприступными. Вся могущественная Гинденбургская линия начинала постепенно приходить в расстройство, а за ней и Зигфридская и Гундинская — весь ряд их "мифологических" конструкций. Для американского народа это было равносильно первому солнечному лучу, прорезывающемуся сквозь тучи. "Янки" уже очистили от неприятеля мыс св. Михаила. Они теперь брали пленных десятками тысяч, и — что было не менее важно — вместе с пленными еще огромное количество пулеметов и тяжелых орудий. Каждый день приходило известие, что наступление союзников продолжается, и юные офицеры, находившиеся в лагере вместе с Бэнни, начинали уже бояться, что война кончится раньше, чем они попадут на фронт.

И за все это время — ни одного слова от Поля. Бэнни получал отчаянные письма от Руфи: что могло с ним случиться — как он думает? Она пишет ему каждую неделю по тому адресу, который он ей оставил, и он, если бы был жив, он, наверное, ответил бы!

Бэнни успокаивал ее, говоря, что письмо почтой шло во Владивосток и обратно целых шесть недель, а насколько дольше по железной дороге — трудно было сказать. А кроме того, существовал специальный военный цензор. И мало ли что могло случиться в военное время... Если бы Поль был ранен или убит, то его начальство, без сомнения, уведомило бы его родных. Недаром говорит пословица, что отсутствие вестей означает хорошие вести. Там, где сейчас Поль, не было никаких боев, — это видно из газетных вырезок, которые посылал ей Бэнни. В них помещались все это время только самые краткие отчеты о военных действиях, и самая эта краткость сообщений свидетельствовала о том, что там не происходит никаких мало-мальски серьезных сражений. Если бы было хоть одно настоящее сражение и потери в людях, то обо всем этом обязательно сообщили бы газеты.

В июле 1918 года американские и японские войска высадились во Владивостоке, не встретив никакого сопротивления. Они распространились вдоль всего Великого сибирского железнодорожного пути в качестве якобы охранников этого последнего, на самом же деле занимали один за другим все его участки вплоть до Байкальского озера, где встретились с чехо-словаками. С их помощью союзники могли держать под своим контролем всю местность, лежащую за Волгой, и большевики принуждены были оставаться внутри страны. Время от времени газеты сообщали, что такой-то генерал или адмирал образовал твердое, постоянное русское правительство, разумеется, с помощью денег и запасов вооружений, присылаемых союзниками. Так, в западной части Великого сибирского пути действовал казацкий атаман, а на восточной его части — китайский мандарин или монгольский хан, или какое-то другое дикое существо. И таким образом, все большие и большие территории освобождались из-под злой власти большевизма. И вот где-то среди этих пестрых, волнующих событий Поль Аткинс строил военные бараки и хижины, и скоро должен был настать тот день, когда он вернется домой с целым запасом изумительных рассказов.

Все это Бэнни писал Руфи, прося ее стараться быть бодрой и верить в благосклонность к ней старого дяди Сэма.

IX

В военном поселке, где жил Бэнни, ночи становились все холодней и холодней, а из Европы продолжали приходить волнующие вести, заполнявшие все первые страницы газет, выходивших семью и восемью изданиями в день. Продвижение вперед союзников превращалось в поход, о котором столько было разговору, — в поход на Берлин, а за ним должны были начаться и походы на Вену, Софию и Константинополь, потому что повсюду германские союзные силы слабели, бежали, сдавались. Президент Вильсон выпустил свои "четырнадцать пунктов", которые лежали в основании условия германского соглашения. Газеты были полны известиями о переговорах: лидеры германцев предлагали перемирие. Прошло два-три дня самого напряженного ожидания, и наконец получился ответ: перемирия не будет, вопрос мог быть только о сдаче. Начинался поход на Берлин.

И вот настал великий день — пришло ошеломляющее известие: неприятель капитулировал! неприятель сдался! В сущности, это была фальшивая тревога — американская печать, по своему обыкновению, забежала вперед событий. Каждая газета стремится побить все другие, поэтому все заготовлено заранее: речи, которые никто еще не произносил, отчет о церемонии, которой в действительности еще не было. Чересчур нервный репортер слишком рано нажал курок, выстрел грянул, и известие свело с ума весь американский народ. Никогда еще мир не был свидетелем такого зрелища. Все инструменты, способные производить какой-либо шум, были пущены в ход. Мужчины, женщины и дети безумствовали на всех площадях и улицах — кружились, танцевали, пели, кричали. Кричали до тех пор, пока совсем не выбились из сил. Стреляли в воздух из ружей и пистолетов. Мальчишки, продавцы газет, влезали друг другу на плечи и визжали и выли от восторга, а пожилые почтенные джентльмены, председатели банков и контор, танцевали канкан со своими машинистками и телефонистками. Когда два дня позже пришли настоящие вести — началось новое ликование, но такого порыва безудержного, безумного восторга, как в первый раз, больше уже не было.

После этого жизнь в лагере потеряла уже всякий смысл, и молодежь стремилась домой — одни продолжать свое образование, другие — снова браться за прерванную работу, и все торопились брать отпуск, который на этот раз давали, конечно, без всяких затруднений. Одним из первых получил отпуск и Бэнни и отправился домой наблюдать за всеми фазами развития "Консолидированного Росса", который начал свою деятельность при стоимости сто восемь долларов каждый пай; все они были распроданы в течение первых же двух дней и теперь котировались на рынке уже по сто сорок семь и три четверти долларов. Они превращали капитал в "non par value". Это была вторая гениальная выдумка Вернона Роскэ.

Этот Вернон Роскэ был положительно каким-то волшебником в финансовом мире, необыкновенным и остроумным человеком. М-ру Россу редко приходилось встречать таких людей в своем нефтяном деле.

Время, которое м-р Росс взвалил себе на плечи, было колоссально, так как теперь вся эта громадная машина м-ра Роскэ была уже на полном ходу и требовала нефти. На долю м-ра Росса выпало заботиться о развитии на практике нового предприятия, а этот вид "игры" он особенно любил. Он был членом совета директоров нового общества и его вице-председателем, с жалованьем в сто тысяч долларов в год. На его обязанности лежали эксплуатация и бурение. Ему предстояло разъезжать по всем участкам, выбирать места для бурения и следить за тем, чтобы каждая скважина была правильно оборудована, прежде чем передавать их в ведение специальных надсмотрщиков за этими операциями.

М-р Росс желал, чтобы Бэнни начал заниматься нефтяным делом под его руководством. Он положил бы ему тысяч шесть в год жалованья. У них были бы общие интересы в жизни, и они разъезжали бы по всей Южной Калифорнии, нюхали бы нефть и следили бы за ее разработкой совершенно так же, как это делали в Парадизе. Бэнни, по-видимому, заинтересовало предложение отца, но он сказал, что ему нужно его хорошенько обдумать и привыкнуть к мысли, что ему не предстоит ехать ни в Сибирь, ни во Францию.

— Разумеется, — сказал м-р Росс, — ни в коем случае не следует принимать никакого решения, предварительно его хорошенько не обдумав.

Но несмотря на эти слова отца, Бэнни чувствовал, что м-р Росс немного огорчен, что его сын и наследник не сразу согласился на его предложение.

X

В тот же день отец с сыном отправились в Парадиз посмотреть, что там делалось, и прежде всего они увидели Руфь, которая ждала их в домике ранчо Раскома и приготовила все для их завтрака. Бэнни был поражен ее видом — она точно постарела на десять лет с того дня, когда он видел ее в последний раз: бледное, без кровинки лицо; жалкая, деланная улыбка. Она совершенно уже не заботилась о своей внешности. Волосы ее были гладко зачесаны и свернуты на макушке в тугий узел; ее юбка доходила до самой щиколотки, будучи на целых поларшина длиннее, чем того требовала мода. По словам Мели, Руфь превращалась в типичную старую деву — и все это потому, что она сама себя расстраивала, думая все время только о Поле и воображая разные ужасы.

— О, я убеждена, что он умер, — заявила Руфь. — Подумайте только: прошло уже пять месяцев, целых пять месяцев со дня его отъезда! Если бы он был жив, сколько писем он успел бы написать за это время!

В этом действительно было что-то странное, и м-р Росс, подумав с минуту, сказал:

— Да!.. Мы ждали, сколько было можно, а теперь пора действовать.

— О, м-р Росс! что вы хотите этим сказать? — воскликнула Руфь дрожащим от волнения голосом.

— То, что наша армия, которая действует в Сибири, пропасть никуда не могла, и я думаю, что всегда можно будет найти способ войти с ней в сношение.

— О! — произнесла Руфь слабым голосом, и даже губы ее побелели. — Я, право, не знаю, смогу ли я на это решиться... решиться узнать... Если я услышу, что он умер... если я наверное это узнаю...

— Послушай, дитя, — сказал м-р Росс, — несчастья, которые мы себе придумываем, всегда хуже тех реальных несчастий, которые приносит нам жизнь. Мне нужно получить сведение о моем надсмотрщике за плотниками, и я его получу.

Сказав это, м-р Росс подошел к телефону, позвонил и попросил соединить с м-ром Джеком Коффи из Сан-Элидо, хозяином фуражного склада.

— Алло, Джек!.. Да, мы теперь все сейчас здесь. А как старик?.. Дело в том, что мне сейчас нужен этот ваш... я забыл его имя... одним словом — этот член конгресса от вашего округа. Я никогда еще не обращался к нему с просьбой, хотя и имел на это право в силу всего, что я для него сделал для того, чтобы прошла его кандидатура. Но вот сейчас он мне нужен. Телеграфируй ему и скажи, чтобы он похлопотал в Военном департаменте и навел справки о том, где находится в данное время некий Поль Аткинс и как его здоровье. У тебя есть карандаш, Джек?.. Запиши.

И, обернувшись к Руфи, он сделал ей знак и продолжал говорить под ее диктовку:

— Сорок седьмой Калифорнийский полк, американская экспедиционная армия, действующая в России. Написал? Так. Я прошу Военный департамент сделать по кабелю справку и этим же путем сообщить ответ. Пошли по телеграфу члену конгресса двадцать пять долларов — приблизительно то, что будет стоить справка. Если меньше — сдачу возвращать не надо. Сегодня вышлю тебе почтой чек. Необходимость такой справки можешь объяснить, если окажется нужным, болезнью кого-нибудь из семьи. Скажи, что получить немедленный ответ — вопрос жизни и смерти... Буду очень тебе благодарен, Джек. И если тебе будет нужен газолин для твоего автомобиля — всегда к твоим услугам... У нас сейчас строится новая рафинерия... А как тебе нравится последний дивиденд компании?.. Ха-ха-ха!.. Ну, до скорого!

В течение целых двух дней Руфь со страхом и надеждой смотрела на телефон и задерживала дыхание всякий раз, когда раздавался звонок. И вот наконец позвонили из Сан-Элидо, и к телефону подошел Бэнни. Держа трубку у уха, он повернулся к Руфи и быстро проговорил:

— Телеграмма от члена конгресса Лизера. Военный департамент извещает, что Поль в Иркутске и совершенно здоров...

Он не кончил.

Руфь громко вскрикнула, — она стояла в это время у обеденного стола, — пошатнулась, хотела за него ухватиться, но не смогла... Бэнни, бросив телефонную трубку, успел схватить ее и осторожно опустить на пол. Она лежала неподвижно на полу мертвенно-бледная, холодная, без чувств. Бэнни принялся прыскать на нее водой, и когда она пришла в себя, то начала громко плакать, всхлипывать, как маленький ребенок.

Вспомнив, что он не успел повесить трубку, Бэнни бросился опять к телефону (их еще не разъединили), извинился перед м-ром Коффи и поблагодарил его, причем старался не позволять своему голосу дрожать. Но это ему плохо удавалось. Дело в

том, что как он, так и его отец гораздо больше беспокоились о Поле, чем это доказывали.

Когда Руфь совсем успокоилась и могла сидеть и улыбаться, м-р Росс спросил:

— Иркутск? Где это такое?

— На озере Байкал, — быстро ответила молодая девушка. — В центре Сибири.

— Здорово! — сказал м-р Росс. — Это называется хорошо знать географию!

Тогда Руфь достала с полки старый атлас Поля и нашла карту Сибири. Оказалось, что она знала ее наизусть вплоть до названий всех станций Великого сибирского железнодорожного пути: Омск, Томск, Тобольск... М-ра Росса забавляли эти названия, и он заставил ее повторять их несколько раз подряд. Так же хорошо знала она и физическую географию страны: какие народы ее населяли, ее флору и фауну; все ее главные предметы промышленности — меха, строевой лес, пшеницу, молочные продукты.

Беда была только в том, что все эти ее сведения были очень давнишние: атласу было уже двадцать с лишком лет. Поэтому Руфь решила в тот же день отправиться в Розевилль, взять там в библиотеке новый атлас и посмотреть еще какие-нибудь книжки по этому вопросу. Бэнни взялся ее туда отвезти, и они нашли требуемый атлас с фотографическим снимком Иркутска, на котором была изображена городская площадь, а на ней несколько зданий, похожих на церкви или мечети, с круглыми башнями и с остроконечными крышами. На земле лежал снег, и стояло несколько саней, запряженных лошадьми, вокруг шеи которых была надета какая-то странная, высокая, круглая дуга.

— Там всегда страшно холодно, — говорила Руфь, — а Поль совершенно не привык к холоду.

Но Бэнни рассмеялся и сказал ей, чтобы она об этом не беспокоилась, так как Полю давно уже выдали, наверное, все необходимые теплые вещи. Ни в какую еще войну о солдатах не заботились так, как в эту. В этом отношении все было идеально оборудовано, и до тех пор, пока железнодорожный путь будет оставаться открытым, никто ни в чем не будет нуждаться.

Но всего этого для Руфи было еще недостаточно. Ей надо было, чтобы Поль вернулся домой. Неужели же даже теперь, когда война была кончена, его еще будут держать в Сибири?

На это Бэнни сказал, что ей следовало бы вооружиться терпением, так как перемирие представляет собой нечто другое, чем мир: начнутся долгие переговоры, а до их окончания армия не могла быть распущена. Вот когда мир будет уже окончательно заключен, Поля можно будет ждать домой. Так как нельзя же было думать, чтобы американские войска продолжали занимать Великий сибирский железнодорожный путь тогда, когда воевать никто уже больше не собирался. Говоря это, Бэнни рассмеялся: ему самому показалось смешным то, что он говорил. И Руфи тоже стало смешно. Так еще невинны были эти дети калифорнийских лесов, так несведущи были они во всех хитросплетениях мировой дипломатии.

Бэнни провел в Парадизе целую неделю, охотясь с отцом за перепелками и обдумывая серьезные вопросы. В один прекрасный день он сказал отцу:

— Папочка, я боюсь, что ты во мне разочаруешься, но факт тот, что я хочу поступить в университет.

— В университет? Помилуй, сынок, зачем это тебе вдруг понадобилось?

Испуганное, недоумевающее выражение появилось на лице м-ра Росса. Но он был старым лицемером и прекрасно знал, что, собственно, заставляло Бэнни так говорить. Да и он сам много раз об этом думал.

— Потому что я чувствую, что то образование, которое я получил, очень еще недостаточно, папа.

— Чему же тебе хотелось бы еще научиться?

— Это трудно сказать, пока не начнешь изучать те или другие предметы. Обо всем, вообще, я знаю слишком еще мало.

М-р Росс смотрел на сына с жалким, растерянным видом, и в нем теперь не было уж ничего деланного.

— Это значит, что нефтяное дело тебя совсем не интересует? Да, сынок?

— Не совсем так, папочка. Я, наоборот, думаю, что, поучившись еще немного, я непременно примусь потом за это дело.

Но м-р Росс смотрел на этот вопрос иначе.

— Нет, сынок, — сказал он, — если ты поступишь в университет, то сделаешься таким образованным, что не захочешь и думать обо всех нас, нефтяных промышленниках. Поэтому, если ты желаешь впоследствии заняться нефтяным делом, тебе надо изучать теперь не науки, а нефть.

— Дело в том, папочка, что я, правда, слишком еще молод, чтобы теперь уж решать, кем я хочу быть. И ведь в том случае, если бы мне захотелось быть кем-нибудь другим, а не нефтяным промышленником, то ведь денег у нас для этого достаточно.

— Вопрос не в деньгах, сынок, вопрос в работе. Ты ведь знаешь, как я себя в последнее время чувствую. И мне хотелось бы иметь тебя возле себя.

— Но ведь я никуда не собираюсь уезжать, — поспешил сказать Бэнни. — Здесь поблизости столько университетов, а жить я могу дома. Я совершенно не намерен порывать свою связь с Парадизом, папочка, но я, правда, не хотел бы уходить с головой в это дело, пока у меня есть возможность еще чему-нибудь научиться.

Против этого м-р Росс не нашелся ничего сказать. Чувство уважения к наукам и то невольное почтение, какое он испытывал к культурным людям, боролись в нем со страхом, что Бэнни может почерпнуть в образовании тот дух "идеализма", который сделает его неспособным удовлетворить требованиям, предъявляемым к его, м-ра Росса, наследнику и блюстителю двадцати миллионов долларов "Консолидированного Росса".

Глава десятая

УНИВЕРСИТЕТ

Тихоокеанский университет был основан одним калифорнийским землевладельцем и вначале носил характер воскресной школы методистов. Все его профессора выбирались из среды последних, и масса часов было занято религиозными лекциями. Впоследствии эта школа преобразовалась в громаднейшее учреждение благодаря деньгам одного нефтяного короля, который подкупил в своей жизни по меньшей мере с полдюжины правительств Мексики и Соединенных Штатов и, испытывая к концу жизни некоторые угрызения совести, неуверенный, как это будет принято "там", решил пожертвовать громадные суммы профессиональным спасателям человеческих душ. Но не зная, кто именно мог лучше содействовать его спасению, он все эти деньги разделил поровну между протестантами и католиками, а они тратили их на интриги друг против друга.

Если бы м-р Росс знал, что его сын будет получать высшее образование на средства, вложенные Петом О'Рейли, ему показалось бы это весьма забавным и в то же время это его очень успокоило бы. Но так как он этого не знал, то он решил съездить в этот университет, для того чтобы познакомиться хотя бы только с внешним обликом того учреждения, которое должно было принять под свою сень его единственного сына. Тихоокеанский университет был выстроен далеко за чертой города, но, постепенно окраины Энджел-Сити все расширялись и все ближе и ближе подходили к занимаемому им участку. Солидность всех построек произвела на м-ра Росса большое впечатление, которое еще больше усилилось, когда он узнал, что в их стенах получили образование свыше пяти тысяч молодежи — мужчин и женщин. Всякий раз, когда м-р Росс видел большое количество народа, занятого одним и тем же делом, он говорил себе, что это дело должно было быть вполне разумное и безопасное. А что его особенно успокоило — так это его знакомство с председателем, д-ром Алонзо Коопером, в обязанности которого входило вести переговоры с родителями обучавшихся в университете юношей.

Д-р Коопер умел быть в одно и то же время и полным достоинства и в высшей степени почтительным и любезным. М-р Росс с проницательностью, свойственной всем крупным дельцам, тотчас же уяснил себе весь ход мыслей доктора. "Если этот представитель "Консолидированного Росса" будетдоволен получаемым его сыном образованием, то он может в один прекрасный день пожертвовать университету известную сумму денег на постройку специального здания для практического изучения химии вообще и, в частности, нефти, а если нет, то во всяком случае согласится оплачивать кафедру по изысканиям в области нефтяной геологии". И мысли такого рода были, по мнению м-ра Росса, как нельзя более подходящими для педагога и человека духовного звания: весь человеческий род был занят стараньем приобретать побольше денег, и путь, по которому следовал для достижения этой цели д-р Коопер, был достоин всякого уважения.

Оба — и м-р Росс и Бэнни — относились к университету со всей свойственной им серьезностью, и ни один из них не сомневался, что деньги, нажитые субсидированием политических партий и подкупом судебных и разных других должностных лиц, — что такие деньги могли создать сразу по приказанию того, кто

их нажил, нечто выдающееся в области высшей культуры. Бэнни с увлечением предался науке, с азартом изучая английскую и испанскую литературу, социологию и новейшую историю, не пропуская ни одной лекции, наполняя свои тетрадки заметками, а свою голову — цифрами и всяческими историческими данными. Прошло немало времени, прежде чем он отдал себе отчет в том, что английские лекции непомерно скучны и тому молодому человеку, который их читал, надоели до слез; что преподаватель испанского языка, — именовавший себя испанцем, говорил с определенным французским акцентом и тайно покровительствовал поставщикам запрещенных напитков, для того чтобы вознаградить себя, как он говорил, за свое пребывание в этой стране варваров. Так же точно он не сразу понял, что социология представляла собой тщательно выполненную структуру классификаций, — искусственную, придуманную учеными джентльменами, проводящими время в поисках за какими-нибудь предметами обучения, и что новейшая история преподавалась по книжкам, подвергнутым цензуре целой тысячи строгих глаз для того, чтобы не оскорбить чувств м-ра Пета О'Рейли и как-нибудь не намекнуть студентам на те силы, которые двигают современный мир.

II

С такой же серьезностью Бэнни отнесся к общественной жизни этого колоссального учреждения. Тихоокеанский университет представлял собой ту далекую цель, к которой стремились все ученики высших учебных заведений. Но только немногим суждено было ее достигнуть, и он был в числе этих немногих. Старший брат закадычного друга его сестры принадлежал к группе тех лиц, которые стояли во главе этого учреждения, и достаточно было одного его слова, чтобы Бэнни был принят. По примеру всех западных университетов в Тихоокеанском университете обучалась молодежь обоего пола, и Бэнни очутился в атмосфере, пропитанной всем обаянием юных женщин. Изящные фигурки, обтянутые тонкими чулочками икры, стройные белые и бронзовые руки, легкие пестрые ткани, напоминающие своей окраской бразильских бабочек, целый калейдоскоп веселых улыбок и блестящих глаз и этот нежный аромат духов, точно приносимый на крыльях зефира с благоухающих кустов сирени и жасмина и с бесконечных калифорнийских плантаций апельсиновых и лимонных деревьев... Все это, конечно, не должно было пройти даром для молодого идеалиста, который провел вдобавок целое лето в учебном лагере, в кругу одних только мужчин.

Далеко не все представительницы женского населения университета следили за газетными отчетами деятельности фирмы "Консолидированного Росса", но тем не менее некоторым удалось все-таки кое-что узнать о наследнике "нефтяного поля" в Парадизе, и на него немедленно был расставлен целый ряд хитросплетенных сетей. Приглашения на танцевальные вечера, пикники, катанья в автомобилях чередовались одно за другим. И вот внезапно разнеслась странная молва: среди университетской молодежи находился удивительный феномен — юный миллионер, не желавший завязывать никаких романов. Все чары слушательниц Тихоокеанского университета оказывались бессильными, и это только еще подливало масла в огонь:

все старались превзойти друг друга в искусстве прельстить юного миллионера, и держались бесконечные пари, которую из молодых девушек Бэнни Росс поцелует первой. Были наведены специальные справки в школе Бич-Сити, и оттуда пришло известие, что сердце молодого "нефтяного принца" было разбито, и это окружило его ореолом романтичности и очень содействовало его обаянию.

В делах такого рода обычно руководствуются особыми соображениями, и Бэнни отдал предпочтение той, которая ни одного момента не старалась его поймать. Генриэтта Аслейч была из богатой семьи, причем это богатство переходило к ней из рода в род в течение многих поколений, а потому на деньги и на тех, кто их домогался, она могла смотреть свысока. И это не могло не произвести сильного впечатления на Бэнни, который знал, что его богатство очень недавнего происхождения. Его натуре была глубоко чужда агрессивная самоуверенность его сестры, он искал чего-то более ценного, что было в нем самом, и временно он нашел это "что-то" в семье Аслейчев с их безукоризненными манерами, превосходно дисциплинированными слугами и старинным домом, полным обломков многовековой культуры.

Генриэтта была высокая, стройная девушка, с красивым, мягким голосом, спокойная и сдержанная. Незадолго перед тем умерла ее мать, и она целый год носила траур, что, конечно, возбуждало немалое удивление среди университетской публики. Она принадлежала к епископальной церкви, по воскресеньям с маленькой книжкой молитв и псалмов в руках отправлялась в церковь и брала туда с собой и Бэнни. От нее он узнал, что ветхозаветную мифологию иудеев нельзя понимать буквально, но надо доискиваться ее символического значения, и в этом помогает один из служителей церкви — седоволосый старый джентльмен, говоривший проповедь с английским акцентом.

Генриэтта была для Бэнни убежищем от бушевавших в нем желаний и страстей. Он прибегал к ней как к какой-нибудь святой, как к мадонне, ожившей и действующей в стенах Тихоокеанского университета. Она была неизмеримо выше окружавшей ее толпы нарядных товарок, не употребляла ни румян, ни пудры, и ничто не препятствовало вульгарной капелке испарины появляться на ее правильном, точно выточенном носике. Вы могли мечтать о том, чтобы целовать ее пунцовые без тени губной помады губы, но этим мечтам суждено было навсегда оставаться только мечтами. В течение всех первых шести месяцев знакомства она называла вас "м-ром Россом", а потом — Арнольдом, считая, что это звучит более красиво. Пока вы продолжали вести с ней знакомство и искренно ценить ее, вы могли быть уверенным, что вы будете одним из наиболее сильных по знаниям в своей группе и — говоря словами ее маленькой черной, с золотым бордюром книжки — будете "почитать и слушаться как все гражданские власти, так и всех ваших преподавателей, духовных руководителей и наставников".

III

На рождественские каникулы Бэнни уехал в Парадиз, и как раз в это время там получились первые вести от Поля. Открытка со штемпелем Американской

экспедиционной армии, но без обозначения места отправления. Простое почтовое открытое письмо, а не одна из тех открыток с видами, изображающими "сцены из жизни Иркутска", "сани, запряженные верблюдами", или что-нибудь в этом роде.

"Дорогая Руфь! — писал Поль. — Пишу только несколько слов, чтобы сказать, что я здоров и что все хорошо. Я получил твои три письма. Пожалуйста, пиши чаще. У нас много работы, и я интересно провожу время. Мой привет всем домашним, Бэнни и м-ру Россу. Любящий тебя Поль".

Руфь получила эту драгоценную весть за несколько дней до приезда Бэнни, и нечего говорить о том, сколько раз она читала и перечитывала эти слова, изучала каждую букву, каждый знак препинания. Бэнни не удовлетворила записка Поля — он нашел ее очень холодной, но не сказал, конечно, этого Руфи. Когда же он спросил об этом мнение отца, то м-р Росс сказал, что, без сомнения, все письма солдат проходят очень строгую цензуру и что Поль написал так кратко для того, чтобы быть уверенным, что его открытка дойдет.

— Но для чего же нужна такая строгая цензура? — спросил Бэнни.

М-р Росс ответил, что в такие времена приходится прибегать ко всему, чтобы только оберечь армию от пропаганды.

Когда Бэнни пришел к отцу говорить с ним о записке Поля, он застал его за чтением газеты, в которой были помещены самые последние сведения обо всем, что творилось на свете. Германская и австрийская империи с треском рушились, и это было большим торжеством для демократии. Но теперь друзьям демократии предстояло новое трудное дело — нужно было обуздать дикого зверя, именуемого большевизмом. Прежде всего они решили подействовать на него измором, для чего устроили блокаду на всех фронтах. Всюду же, где добропорядочные, почтенные представители русской интеллигенции и русской армии образовывали временные правительства, союзники спешили им на помощь, поддерживая их деньгами и вооружением. Генерал Деникин завладел югом России; на западе образовалась целая группа новых правительств; на севере — в Архангельске — антибольшевистская группа действовала под покровительством англичан и американцев. Что касается Сибири, то там еще в дни Керенского образовалось социалистическое правительство. Но все эти социалисты оказались пустыми говорунами, их правительство было свергнуто, и их заменил настоящий военный человек, адмирал Колчак, командовавший раньше царским флотом. За спиной этого адмирала стояли союзники, желавшие сделать его правителем Сибири, и американские войска были отправлены туда с целью охранять железнодорожный путь и держать его открытым для продвижения колчаковских войск. Разумеется, большевики и симпатизирующие им местные жители раздували этот факт, как только могли, и распространяли всевозможные слухи.

— Вот почему нам приходилось все письма подвергать строгой цензуре, — прибавил м-р Росс.

Бэнни не задавал более по этому поводу никаких вопросов. За те семь месяцев, которые он провел в лагере, он успел усвоить себе военную точку зрения. Он остро воспринимал всю опасность большевистской пропаганды и говорил себе, что если ему когда-нибудь придется иметь дело с теми, кто такой пропагандой занимается, то он на них немедленно донесет. Невинность его в этом отношении была так глубока

и до того мало он был знаком с тактикой неприятеля, что совершенно не отдавал себе отчета в том, что как раз в это самое время он впитывал в себя яд этой пропаганды. И где? — в одном из классов своего университета, самого консервативного изо всех.

Нельзя в этом винить, конечно, переутомленного работой председателем университета д-ра Коопера. Не он, но пользующийся его полным доверием декан университета пригласил, по рекомендациям высших властей, молодого преподавателя, который заведовал перед тем отделом оказания помощи в Салониках и был сыном одного из известных пасторов-методистов. Это был Даниэль Вебстер-Ирвинг, и кому могло прийти в голову, чтобы человек с такой фамилией мог страдать от каких бы то ни было политических переворотов?

Молодой преподаватель действовал в высшей степени тонко. Он не говорил ничего такого, что могло бы быть потом поставлено ему в вину, но сеял в своих слушателях семена сомнения, задавая им вопросы, советовал им "думать хорошенько самим". Во всяком университете всегда можно найти среди студентов несколько "больных голов", один из товарищей Бэнни был отъявленным рационалистом, у другого была русская фамилия. Все, что надо было делать в данном случае преподавателю, — это позволить этим юношам задавать те или другие вопросы, и в результате вся группа окажется очень скоро деморализованной тем, что японское правительство, полное забот об образовании своих подданных, называло "опасными мыслями".

Президент Вильсон отправился в Европу с целью водворить там то царство справедливости, которое он обещал. Его путешествие по Англии и Франции было одним сплошным триумфом, и все американские газеты были полны описаниями тех чудес, которые он собирался совершить. Но в классе м-ра Ирвинга Бэнни впервые услышал намек на то, что президент случайно не упомянул о самом важном изо всех "четырнадцати пунктов" — о требовании "свободы морей"... Могло ли это означать, что это было платой за поддержку Британией его программы?.. А еще поразительнее — это то, что Бэнни узнал за этими уроками, что те тайные договоры, которые союзники заключили между собой по окончании войны, красовались теперь на столе, за которым вырабатывались мирные условия, и служили там предметом яростных споров и несогласий. Бэнни никогда не мог забыть того, что говорилось по поводу этих договоров м-ром Россом и Полем и как его отец уверял, что все эти договоры не что иное, как дело рук большевиков, их мошеннических махинаций. И вот теперь оказывалось, что никто из союзников не сомневался в их подлинности и все были заняты тем, чтобы их закрепить, не считаясь с обещаниями, данными президентом Вильсоном Германи.

Бэнни не замедлил сообщить отцу об этой изумительной новости. По-видимому, Поль не ошибался, и скверные большевики говорили правду. Какого он обо всем этом мнения?

Но м-р Росс совершенно не знал, что об этом думать. Он был, видимо, очень расстроен и ответил, что сейчас он ничего определенного сказать не может, что надо вооружиться терпением, подождать, чтобы все это выяснилось. Но чем дольше все ждали, тем дела становились все хуже и хуже. Было очевидно, что наш президент сделал именно то, чего, по убеждению м-ра Росса, он никогда не мог сделать: дал

себя обмануть. Подобно тому как вода просачивается под плотиной — дух скептицизма проникал в атмосферу Тихоокеанского университета, в атмосферу того класса, в котором происходили лекции по новейшей истории.

М-р Ирвинг отнюдь не занимался обсуждением мирной конференции. Казалось, что он следит только за тем, чтобы студенты хорошо запоминали названия всех сражений и имена всех главных лиц командного состава франко-прусской войны. Но одна тема так ведь легко может переходить в другую, и было так трудно держать все эти "больные головы" в спокойном состоянии...

То же самое происходило и в других аудиториях в других частях Соединенных Штатов. Студенты заражали друг друга "опасными мыслями", которые не замедлили проникнуть и в конгресс, а оттуда попали, разумеется, и в газеты. Точно какой-то страшный шторм разразился внезапно над страной. Миллионы идеалистов, подобных Бэнни, оказались стоящими лицом к лицу с тем жестоким фактом, что их кукла, с которой они так возились, была набита опилками.

IV

Да, это было время тяжелых испытаний. Вспомнить только обо всех золотых обещаниях, которые нам были сделаны, обо всех блестящих надеждах, которые мы так лелеяли! Сколько крови было пролито нашими юными воинами! Там, на полях Франции мы потеряли триста тысяч человек убитыми и ранеными. И все это для того, чтобы союзные государственные деятели — мрачные, злые старые люди, восседавшие за столами мирной конференции, росчерком пера возвращали мир на то самое место, на котором он находился до войны. Они навсегда увековечивали все старые ненависти, все старые несправедливости и прибавляли к ним еще тысячи новых. Они отрывали германцев от их собственных земель и отдавали их французам, австрийцев отдавали итальянцам, русских — полякам, и так дальше, принуждая миллионы людей жить под властью тех правительств, которых они боялись и презирали, и этим самым направляя всех верным путем к возмущениям, которые должны были бросить Европу в новую страшную бойню.

Люди не могли сразу отдать себе отчет во всех этих вещах, они воспринимали их постепенно, по мере того как выяснялись все подробности мирных переговоров. Каждая страна вела свою собственную пропаганду, заботясь только о своих эгоистических интересах, и президент Вильсон оказался в самом центре всей этой сумятицы. Его толкали, на него кричали, и он оказался совершенно бессилён выполнить хотя бы часть того, что обещал. И когда обо всем этом узналось в Америке, то по всей стране прокатилась волна такого негодования, о каком до тех пор не имели еще понятия.

А вскоре затем вернулся домой и сам президент и заявил, что он одержал блестящую победу. Во имя "самоопределения народов" он отдавал германские прирейнские земли Франции, германскую Африку — Великобритании, германскую Тироль — Италии, китайские провинции — Японии, а Соединенным Штатам предоставляли полномочия в Армении. Равным образом он устроил неразрывный

союз Франции с Великобританией — что заставляло нас оставаться с этим клеймом "самоопределения" на неопределенное время.

Когда вся эта программа была всеми в достаточной мере выяснена, веселый цинизм сделался господствующей нотой в настроении интеллигентной молодежи Америки. Светские молодые матроны обманывали своих мужей во имя целомудрия, а университетская молодежь носила в своих карманах запасы виски во имя верности запрещения продажи спиртных напитков!

Для Бэнни все это было особенно тяжело, потому что ему приходилось бывать время от времени в Парадизе, видеть Руфь и стараться объяснить насколько возможно мягче, что для народов Сибири это "самоопределение" означало, что ее брату предстояло оставаться там еще и в мирное время. Для разъяснения такого странного положения вещей Бэнни напрягал все старания — и интриговал и хитрил так усердно, что можно было подумать, что он работал в дипломатическом корпусе и что этого требовала его служба.

В течение целого месяца, если не больше, он был занят этими расследованиями, а тем временем германцы были призваны в Версаль и вынуждены были подписать условие, по которому они обязывались уплатить за принесенные ими убытки в совершенно неслыханном размере.

И вот однажды пришло письмо, которое лишило Бэнни возможности продолжать дальнейшие дипломатические разговоры. С виду это было невинное письмо, написанное грубой, неумелой рукой на нескольких клочках простой бумаги. На конверте был штампель — Ситтль, и на адресе: "М-ру Бэнни Росс, Парадиз, Калифорния".

Письмо гласило:

"Дорогой м-р Бэнни, вы меня не знаете, я солдат, бывший ковбой из долины Солинае, и служу там же, где Поль Аткинс. И он сказал мне вам написать, потому что сам он ничего не может писать из-за цензуры. Сейчас я не на действительной службе, так как у меня была азиатская дизентерия и в течение трех месяцев кровотечение в кишках, и вы должны хорошенько вымыть руки, когда прочтете это письмо, потому что этой болезнью очень легко заразиться... Я нахожусь в изоляторном отделении и пошлю это письмо контрабандой, и вы, ради бога, никому о нем не проговоритесь, так как если это узнают, то мне попадет. Поль говорит, что ваш отец для меня и моих товарищей может что-нибудь устроить, когда узнает, в каком аду мы все здесь живем. М-р Бэнни, скажите, что мы тут, собственно, делаем и для чего должны еще здесь оставаться? Зимой здесь морозы в сорок градусов и чуть не каждый день страшные бури, а нам приходится простаивать подолгу на часах. Летом же здесь москиты величиной с больших мух и так кусают, что кровь льется точно от пореза. В нас здесь то и дело стреляют японцы, а считается, что они наши союзники. Они, очевидно, хотят захватить в свои лапы всю эту страну. Считается, что их всего здесь семь тысяч, а на самом деле их не семь, а семьдесят. И для чего мы их сюда пустили? Никому из нас не дозволено иметь при себе оружие, а японцы получили штыки. У нас же нет ничего, кроме собственных кулаков. В тех местностях, которые нам велено было охранять, устроились японцы, и я видел, как они ставят там пулеметы. И если нам придется вступить с ними здесь, в Сибири, в войну, то, разумеется, очень много наших будет побито. Нам тоже приказано помогать русским

беженцам и офицерам, но только я слышал, как наш полковник говорил, что им дают деньги для того, чтобы они образовали себе правительство, а они тратят их на кутежи, разные свои затеи и игорные дома. А как они расправляются с рабочими — с мужчинами и с женщинами! Если бы я вам все это рассказал, вы заболели бы от моих рассказов, м-р Бэнни. Начиная с генерала Грэвса, вся наша армия вконец измучилась от той работы, которая выпала здесь на нашу долю, и несколько человек почти совсем потеряли рассудок. В нашем полку было около двадцати таких случаев, и некоторых пришлось отправить домой в смиренных рубашках. Но дома у нас ничего об этом не знают. В нашем полку большинство солдат за все эти полтора года не получили с родины ни единой строчки. Для чего, скажите, нас продолжают здесь держать, раз война уже кончилась? Если вы знаете, я хотел бы, чтобы вы это мне объяснили. Поль говорит, чтобы вы не рассказывали об этом ничего его сестре, так как ему самому не так уж плохо. Его посылают то туда, то сюда, и он всегда занят, да оно и понятно, раз у него на руках целая плотничья работа. Но у многих нет совсем никакого дела, и я видел, как некоторым давали несколько шпал и требовали, чтобы они перенесли их на какую-нибудь сотню ярдов, а потом тотчас же приказывали принести их обратно на прежнее место. Все это только для того, чтобы дать им какую-нибудь работу. Пришлите мне, пожалуйста, пакетик папирос, — это будет знаком, что вы получили это письмо. А если вы пришлете два пакетика, то я пойму, что вы хотите, чтобы я вам еще написал. С уважением, ваш Джефф Корбитт".

V

Бэнни показал письмо своему отцу, и оно его, конечно, очень расстроило. Но что он мог поделать? Ему нужно было бурить на этой неделе целых три новых скважины, и помимо этого у него были неотложные дела с м-ром Роскэ, касавшиеся все увеличивающегося спроса на нефть. Получалось такое впечатление, точно весь мир сговорился сделать одновременно запасы газа. Быть может, это было нужно для скорейшей ликвидации войны, а быть может, все делали заготовки к новой. Как бы то ни было, цены страшно взлетели, и никогда еще в Южной Калифорнии не занимались так энергично выкачиванием нефти из земных недр. Все станции с газом наотрез отказывались продавать этот продукт кому бы то ни было, за исключением только своих постоянных клиентов, и то только по пяти галлонов за раз, не больше. Многие из таких станций были уже совершенно пусты, и автомобили по нескольку дней стояли в бездействии. Отец Бэнни и м-р Роскэ загребали невероятное количество денег, причем они получали теперь уже "настоящие деньги, а не какие-то иностранные обязательства", — как заявлял с громким смехом м-р Росс.

Бэнни отправил Джеффу Корбитту целых двенадцать коробок папирос и все время думал о Поле. Свержение большевизма принимало в его глазах уже несколько иной характер теперь, когда это было связано с пребыванием Поля в течение неопределенного времени в Сибири. Равным образом и самая большевистская пропаганда после письма бывшего ковбоя из долины Солине представлялась ему совсем уже иной. Бэнни чувствовал, что ему надо во что бы то ни стало что-нибудь

предпринять, и он ничего лучшего не нашел, как сесть за стол и написать длинное письмо м-ру Лизерсу, члену конгресса. В нем он подробно рассказал обо всем, что слышал по поводу условий жизни в Сибири, и просил м-ра Лизерса, во-первых, проверить при содействии военного департамента слухи о существовании такой строгой военной цензуры в мирное время, а во-вторых — возбудить вопрос в конгрессе о тех причинах, которые заставляли все еще держать американские войска в Сибири.

Это письмо м-р Лизерс должен был получить через пять дней, а спустя семь дней после того, как Бэнни опустил его в ящик, хорошо одетый, приветливого вида незнакомец явился в дом Росса в Энджел-Сити и заявил, что он — владелец нефтяной концессии в Сибири и очень желал бы заинтересовать этой концессией м-ра Росса. Но м-р Росс был в это время в Парадизе, а потому этого незнакомого джентльмена принял Бэнни. Он разговорился с ним и, найдя его очень отзывчивым и сочувствующим его убеждениям и интересам, рассказал ему о Поле и показал письмо Джеффа Корбитта. Они вместе обсуждали положение вещей, создавшееся в Сибири, и симпатичный джентльмен сказал Бэнни, что раз не было никакого объявления войны России, то мы не имеем ни малейшего права действовать против русских. Бэнни ответил, что и он того же мнения, и незнакомый джентльмен, любезно простившись с ним, ушел — и больше никто уже никогда не упоминал об этой концессии. А две недели спустя Бэнни получил второе письмо от бывшего ковбоя, полное горьких упреков за то, что он, Бэнни, его выдал, так как он, Джефф, никому — кроме, как ему — ничего не писал, а между тем его начальство об этом узнало и посадило его в тюрьму, как он и предупреждал об этом Бэнни. И вот теперь он посылал контрабандой второе письмо только для того, чтобы сказать ему, что он посылает его к черту и желает, чтобы Бэнни остался там навсегда.

Это было новой ступенью в деле образования юного идеалиста.

Бэнни чувствовал непреодолимую потребность рассказать кому-нибудь об этом эпизоде. На следующий же день, когда он ехал из университета домой в своем новеньком небольшом спортивном автомобиле, он увидел молодого преподавателя, м-ра Ирвинга, который шел по улице, слегка прихрамывая. Замедлив ход своей машины, Бэнни с ним поравнялся.

— Не сядете ли вы ко мне, м-р Ирвинг, и не позволите ли мне вас довести? — спросил он.

— Да, если только нам с вами по одной дороге, — ответил тот.

— Мне безразлично, куда именно ехать, — сказал Бэнни. — Дело в том, что я очень ждал случая с вами поговорить, мне это очень, очень важно.

Молодой преподаватель сказал адрес и спросил Бэнни, о чем именно он хотел с ним говорить.

— Мне хотелось узнать ваше мнение: почему мы все еще продолжаем держать наши армии в Сибири. Для чего мы это делаем? — спросил Бэнни.

М-р Даниэль Вебстер-Ирвинг был молодой человек довольно странной внешности. Голова его, посаженная на очень длинную шею, забавно высовывалась из его воротника и своими быстрыми движениями напоминала перепелку, когда та сидит на дереве и внимательно следит за вами и вашим ружьем. У него были каштановые щетинистые усы и серые глаза, которые он пристально устремлял на

вас всякий раз, когда вы говорили в классе какую-нибудь глупость. Теперь он так же пристально устремил их на Бэнни и спросил:

— А почему, скажите, вас это интересует?

— Там в армии служит мой большой друг, вот уже скоро год, и известия, которые я недавно получил, очень меня тревожат. Я совсем не понимаю, что, собственно, там творится.

— Скажите, вы сейчас спрашиваете меня как студент или как друг? — спросил м-р Ирвинг.

— Разумеется, я был бы очень рад говорить с вами в качестве вашего друга, — отвечал Бэнни, которого немного удивил вопрос преподавателя. — Но какую, в сущности, это сделало бы в данном случае разницу?

— Ту разницу, — сказал м-р Ирвинг, — что в первом случае я мог бы потерять свое место в университете.

Бэнни вспыхнул, чувствуя себя очень смущенным.

— Я ничего подобного не представлял себе, м-р Ирвинг.

— Я буду говорить с вами совершенно прямо, Росс. Я истратил все те деньги, которые получил, работая в Европе в американских благотворительных организациях, и вернулся домой совершенно разбитым и физически и нравственно. Сейчас я воспитываю свою младшую сестру, получаю жалованье в тысячу триста долларов в год. На следующий год мне обещали эту сумму увеличить до двух тысяч долларов, и контракт должен быть заключен в конце этого месяца. Если же будет донесено, что я защищаю большевизм и в этом духе говорю со студентами, то со мной не заключат контракта ни здесь и ни в каком другом учреждении.

— О, м-р Ирвинг! Но ведь не можете же вы думать, что я на вас донесу?

— Вам лично доносить и не понадобится. Достаточно будет, если вы скажете вашему отцу или вашим друзьям, что я думаю о причинах, заставляющих держать наши войска в Сибири, и они сочтут своим нравственным долгом немедленно довести это до сведения моего начальства.

— Но неужели же это настолько уж плохо? — спросил Бэнни.

— Это настолько плохо, — сказал м-р Ирвинг, — что я не представляю себе, как могло бы быть еще хуже. Я отвечу на ваш вопрос, но только при одном условии: что вы дадите свое согласие на то, чтобы я говорил вам как своему другу и что вы никому не передадите нашего разговора.

И тот факт, что Бэнни согласился на это условие, указывает вам на то, как уже глубоко запутался он в сетях большевизма.

VI

Вот что сообщил м-р Ирвинг своему новому другу.

Наши войска продолжали оставаться в Сибири, потому что американские банкиры и крупные дельцы дали займы царскому правительству перед началом войны громадные суммы денег. Большевистское же правительство отказалось от уплаты этих долгов, и вот в силу этого наши банкиры и деловые люди решили это большевистское правительство свергнуть. Вопрос тут шел главным образом не о

данной денежной сумме, но о принципе: если правительство той или другой страны будет отказываться от обязательств, взятых на себя предшествующим правительством, то что же будет с интернациональными займами? Кредитующие нации, т. е. Америка, Британия и Франция, утверждают, что государственный долг представляет собой обязательство, накладываемое не на правительство данной страны, но на самую страну, на ее природные богатства. Общая сумма интернациональных займов составляла цифру в двести миллиардов долларов, и кредитующие нации решили установить с этих пор на примере, на Советской России, — тот принцип, что с правительством, отказывающимся признавать долги предшествовавшего ему правительства, будут прерваны всякие сношения.

Для Бэнни это было новостью, и он задал своему собеседнику целый ряд вопросов. М-р Ирвинг сказал, что в Вашингтоне проживал один русский, который был во время войны русским послом в Америке, и в его полномочия входило распоряжаться теми денежными суммами, которые наше правительство давало России займы и которые шли на приобретение орудий и снарядов для русской армии. Во время большевистской революции этот посол получил что-то около ста миллионов долларов, и наше правительство разрешило ему употребить их на организацию широкой пропаганды против правительства советского. Пропаганда заключала в себе целую систему шпионажа, выработанную с той тщательностью, какая только практиковалась при русском царе. Газетные работники, правительственные чиновники и судебные власти — все входило в круг лиц, оплачиваемых русским послом, а также и газеты. Помимо того, в числе официальных лиц американского правительства были люди, женатые на русских, принадлежавших к старым дворянским фамилиям; и так как эти русские потеряли во время революции все, что имели, то с их стороны было вполне естественно ненавидеть этот новый режим. Один из наших крупных деятелей, занимавший очень важный пост, был членом одного из тех банков, которые выдавали России ссуды, и в силу этого тоже потерял теперь свое состояние. Вообще было очень много лиц, чьи деньги были замешаны в те или другие банковские операции, связанные с Россией, и постепенно на протяжении всей обширной республики Америка оказалась враждебно настроенной против Советской России, и дело дошло до того, что преподаватель американского университета не мог говорить об этих вещах со своими студентами даже вне класса занятий, не рискуя быть отставленным от должности.

М-р Даниэль Вебстер-Ирвинг отрицал свою какую бы то ни было симпатию к большевикам, так же точно, как отрицал намерение проповедовать кому бы то ни было большевистские доктрины, и Бэнни в невинности своей души принимал такое заявление за чистую монету, совершенно не зная того, что все большевистские пропагандисты всегда так говорили вплоть до самого того момента, когда умы их жертв оказывались в достаточной степени проясненными.

М-р Ирвинг выражал ту мысль, что то, что происходило в России, могло быть названо великим социальным опытом. Сможет ли преуспевать рабочее правительство, а так же точно и промышленность, переданная в руки демократии? Не относится ли все это только к области фантазии?

— Нам надо было бы откомандировать в Россию незаинтересованных в этом деле лиц, опытных в вопросах такого рода, для того чтобы следить за всем тем, что там совершается, и обо всем этом нас извещать. А вместо этого мы помогали Франции и Британии, заставляя русских умирать с голоду, и принуждали их тратить всю последнюю энергию на оказывание сопротивления как нашим армиям, так и тем, которые мы субсидировали. Мы делали все возможное для того, чтобы этот опыт не удался, а потому неуспех этого последнего ничего ровно не доказал бы.

Бэнни — эта новая юная жертва пропаганды — сказал м-ру Ирвингу, что он начинал теперь совсем иначе смотреть на все это дело. Да, русские, безусловно, имели полное право решать свои собственные задачи тем способом, какой им больше нравился, и, безусловно, мы должны были знать обо всем, что там у них делалось, — знать всю правду. Ему, Бэнни, так бы этого хотелось!

На это м-р Ирвинг дал ему название двух еженедельных газет, именно тех, которые только что перед тем были исключены как из библиотеки Тихоокеанского университета, так и из всех вообще библиотек высших учебных заведений Энджел-Сити, как относящиеся по своему содержанию к "опасным идеям".

Вы, конечно, представляете себе, к чему эта мера не замедлила привести? Когда вы говорите какому-нибудь развитому юноше, что он должен читать те или другие статьи, то он тотчас же испытывает прилив сильнейшего любопытства узнать, что именно в них напечатано. Вот почему, вернувшись домой, Бэнни немедленно послал свое письменное заявление в редакцию о желании подписываться на эти газеты, причем сделал это совершенно открыто, от своего собственного имени. Таким образом новое лицо появлялось в реестре тех, которые фигурировали как в департаменте тайной полиции, так и во многих других подобных организациях, включая сюда и крупных частных агентов и бюро совещаний бывшего посла не существующего уже больше российского правительства.

Бэнни, мысли которого все время были сосредоточены на том, как бы помочь Полю, написал письмо в редакцию "Stude", органа Тихоокеанского университета, письмо, в котором он излагал свои взгляды на создавшееся в Сибири положение вещей, не ссылаясь, разумеется, на м-ра Ирвинга и не упоминая имен ни Поля, ни Джеффа Корбитта. Письмо это было ему возвращено студентом, редактором газеты, с припиской, в которой выражался протест по поводу того, что человек, занимавший среди студентов университета такое выдающееся положение, мог брать сторону врагов своей родины. Слухи об этом инциденте не замедлили распространиться среди студентов всех курсов и приняли грандиозные размеры, и Бэнни осаждали в университете друзья и знакомые, желавшие узнать все подробности письма. По прочтении же этого последнего они заводили с Бэнни бесконечные разговоры и споры.

Один из студентов старшего курса объявил, что он с Бэнни вполне согласен: русские имели полное право управлять своей страной так, как им этого хотелось. Имя этого студента было Билли-Джордж. Он был сыном очень богатого фабриканта железных труб. Нечего говорить, что Бэнни был очень рад встретить человека, который ему сочувствовал. Он дал ему прочесть и свое письмо в "Stude" и письмо Джеффа Корбитта и поделился с ним всеми своими мыслями и тревогами. В результате реестр имен, хранящихся в департаменте тайной полиции, как в Энджел-

Сити, так и в Нью-Йорке и в Вашингтоне, еще увеличился, а так как многим лицам, помимо нас, было разрешено эти реестры просматривать, то с нашей стороны не будет непатриотичным поступком, если мы бросим на них сейчас беглый взгляд и посмотрим на то, что стояло под именем нашего юного идеалиста.

"Росс, Джемс-Арнольд-младший, или иначе — Бэнни: 679. Аллея Мендочино, Энжель-сити, Калифорния; также Парадиз, Сан-Элидо, Калифорния. Лет 20, рост средний, волосы каштановые, черты правильные, фотографический снимок приложен. Сын Д. Арнольда Росса, председателя нефтяной К° "Консолидированный Росс" в Калифорнии в компании с Верноном Роскэ. Состояние отца оценено в 25 000 000 долларов. Молодой Росс кончил в 1918 г. высшую школу в Бич-Сити. Школьный аттестат: хорошие успехи; ярко выраженная чувствительность к женскому полу: приложено свидетельство агента 11497. Активно сочувствовал забастовке рабочих Парадиза 1916/17 гг.; близкий друг Поля Аткинса, лидера забастовщиков по реестру 1272-17. Подозревается в близких отношениях с Руфью Аткинс, сестрой Поля. 1917–1918 гг. — в Артурском учебном лагере. Свидетельство удовлетворительное. Писал члену конгресса Лизерсу, Калифорнийский округ, 49. Получил письмо от Джеффа Корбитта — реестр 9678К.30 (письмо приложено; приложено и донесение агента 23672). С 1923 г. студент Тихоокеанского университета, член братства "Карра Gamma Tau", ученик Даниэля-Вашингтона Ирвинга, № по реестру 327618. Сантиментален. Сочувствует большевизму. Подписчик "Народ" и "Новая республика"".

VII

Помимо утренних и вечерних газет и рассказов своего идеалиста-сына, у старшего м-ра Росса был еще один источник, из которого он черпал сведения обо всем, что творилось на свете, а именно — его товарищи в нефтяной игре, заинтересованные всем этим не меньше его самого. Они вели с ним долгие беседы и подробно обсуждали все, что им приходилось по этому поводу слышать или читать. В свою очередь они тоже были очень недовольны дипломатией президента Вильсона, и не потому, что он не сумел обезопасить мир для демократии, но потому, что он не обезопасил его для тех, кто стоял во главе нефтяной промышленности. На территориях, отобранных у неприятеля, находились участки, содержащие в себе неслыханные по богатству нефтяные пласты, а между тем мы во имя какого-то идиотского идеализма позволили Франции и Италии захватить себе эти сокровища, а сами получили только право не допускать турок в Армению!

Что касается м-ра Росса, то его личные интересы не были затронуты. Дело касалось "Эксцельсиор-Пет" и "Виктор" и остальных членов "Великой пятерки", которые стремились к получению заграничных концессий; и если бы они их добились, то цена на нефть в Америке упала бы, и м-р Росс мог потерять порядочный куш денег. Но это нимало не отразилось на его патриотическом настроении: раз страна нуждалась в нефти, то необходимо было ее добывать. Как видите, м-р Росс тоже был идеалистом в своем роде, и его раздражало, что этот вид идеализма так мало понимал и ценил его сын.

В этом, по его глубокому убеждению, был виноват университет. Что бы ни говорил Бэнни — ясно, что именно образование смущало его ум и не давало ему заниматься практическими делами. Бэнни отдавал себе отчет в том, что его умный, хитрый отец старался выведать у него, кто имел на него в университете влияние, убежденный, что чье-то влияние — и именно влияние более взрослого человека — тут безусловно было. Бэнни понимал, что рано или поздно имя Даниэля Вебстер-Ирвинга, или иначе — Даниэля-Вашингтона Ирвинга, должно было слететь с его губ, и ему пришла в голову остроумная мысль устроить встречу отца со своим другом преподавателем, прекрасно зная, что м-р Росс никогда не донес бы на того, кто бывал у него в доме.

— Папа, мне хочется показать одному из наших преподавателей наш нефтяной участок, — сказал он раз отцу.

М-р Росс очень обрадовался такой идее: это должно было внести известную долю культурности в сферу его деятельности и одновременно вводило его в общение с духовной жизнью сына. М-ра Росса всегда преследовал страх, что образование Бэнни могло заставить его когда-нибудь устыдиться своего необразованного старика отца. Он знал, что на свете существуют ненормальные типы, которые смотрят сверху вниз даже на двадцать пять миллионов долларов, или во всяком случае делают вид, что они именно так на них смотрят.

М-р Ирвинг должен был читать лекции в летней школе, но перед тем у него было десять дней свободных, и Бэнни предложил ему свезти его в автомобиле в Парадиз, чтобы он там немного отдохнул. Молодой преподаватель был приятно удивлен таким предложением, и в одно ясное солнечное июньское утро, — такая погода в Южной Калифорнии представляет собой явление до той степени обычное, что на него никто уже не обращает внимания, — они отправились. Дорогой они говорили о событиях в России и в Сибири, об успехах генерала Деникина и адмирала Колчака, и об отчаянных усилиях организовать Красную армию, и о надеждах правящих германских классов вернуть себе всеобщее уважение, оказывая помощь союзникам в деле борьбы этих последних с русской революцией. Бэнни и м-р Ирвинг решили, что в предстоящем свидании преподавателя с м-ром Россом — м-ру Россу будет предоставлено право выбирать темы для разговоров, а м-р Ирвинг будет выражать только такие мнения, которые не могли бы покоробить слуха старого нефтепромышленника.

VIII

Они приехали в Парадиз, и преподаватель был помещен в красивом новом домике в испанском стиле, который м-р Росс выстроил там для себя и своих детей. Домик был окружен уютным двором с фонтаном посередине, с красивыми финиковыми пальмами и банановыми деревьями. По стенам его ползли, причудливо извиваясь, ветви виноградных лоз. Расторопный слуга-японец исполнял обязанности лакея и повара, молодой малый ухаживал за цветочными клумбами и мыл посуду, а Руфи был поручен высший надзор за всем хозяйством.

Для гостей в доме было шесть уютных комнат, и когда на участок приезжали директора, геологи и инженеры, работавшие в компании "Консолидированного Росса", — все они пользовались широким гостеприимством и жили одной дружной семьей. Усевшись после сытного ужина за стол, покрытый зеленым сукном, они играли по вечерам в покер; потом, сняв свои пиджаки и распустив подтяжки, требовали себе новой порции виски, содовой воды и сигар и до самого рассвета не вставали со своих мест, наполняя комнату голубоватыми облаками табачного дыма. М-р Росс бывал очень доволен, когда его сын предпочитал оставаться в своей комнате и читать, вместо того чтобы слушать все те истории, которые рассказывали друг другу эти, распустившие свои подтяжки и языки, нефтепромышленники.

Но на этот раз никакой карточной игры, разумеется, не было: в честь "профессора", как м-р Росс называл все время своего гостя, велись одни только серьезные разговоры. Старший Росс был очень горд, принимая у себя "профессора". Он повел показывать ему все новые скважины, как те, в которых была уже нефть, так и те, в которых производились еще буровые работы.

Оттуда они пошли осматривать новый нефтеперегонный завод, представлявший собой нечто совершенно исключительное в этой области — "последнее слово инженерного искусства", как писалось об этом в газетах. В целом это было действительно художественное произведение, состоящее из целого ряда построек, сделанных из блестящего, свежеекрашенного металла, окруженных зеленью. Нефтяные скважины и фонтаны полны копоты и жира и, конечно, не могут быть иными, но нефтеперегонный завод — это дело другое. В нем нефть движется по подземным обсадным трубам, а потому ничто не мешало соорудить его согласно тем требованиям, которые предъявлял к ней изысканный вкус юного идеалиста. Новый завод м-ра Росса весь был окружен красивой оградой из стальной проволоки, покрытой вьющимися розами, и на громадной площади ярко-изумрудного газона разбиты были дороги и дорожки, усыпанные гравием. Своей величиной завод походил на хороших размеров деревню; большинство домов были бетонными, самой разнообразной величины, форм и цветов: больших и маленьких, высоких и приземистых, круглых, овальных, квадратных, красных и черных, внутри окрашенных в самые разнообразные цвета.

Главное здание представляло собой целую батарею так называемых перегонных кубов, соединенных между собой серией труб. В первом перегонном кубе неочищенная нефть нагревалась до известной температуры и выделяла один из своих продуктов. Этот процесс назывался процессом первой перегонки. Остаток нефти направляли в следующий перегонный куб, где ее нагревали еще сильнее и получали из нее новый продукт. Так нефть переходила из одного перегонного куба в другой, и этот процесс известен под названием "последовательного дистиллирования".

Продукт, получаемый в каждом перегонном кубе, направляется из этого куба в специальный конденсатор. Таким путем у вас получается газолин различных сортов, керосин, бензин, чистая нефть, целая дюжина разных смазочных продуктов, тяжелый черный вар и громадные массы мягкого белого парафина.

Вы сможете судить, какое это давало обширное поле для новых исследований и методов. У м-ра Росса был химик, о котором он никогда не уставал говорить, и

действительно, это было в своем роде чудо. М-р Росс платил ему шесть тысяч долларов в год, и за это все его открытия становились полной его собственностью. Нет сомнения в том, что этот химик сохранил компании не более, не менее как несколько миллионов долларов. Необходимо было познакомить "профессора" с этим волшебником, и они отправились в его лабораторию, находившуюся на вершине небольшого пригорка, далеко от всех остальных построек, для того чтобы ничто уже не препятствовало ему взрывать себя столько раз, сколько ему это вздумалось бы. М-р Эннис был бледный сутуловатый человек, смотревший на мир сквозь громадные круглые очки. Весь интерес его жизни сосредоточивался на разного рода химических соединениях. М-р Росс с гордостью представил ему профессора Ирвинга, и химик показал им целый ряд пробирок и реторт и рассказал, выяснением каких сложных комбинаций он был занят в данную минуту.

Выслушав всю эту премудрость, они отправились обратно к домику и, поужинав жареными цыплятами со свежим зеленым салатом и медовыми дынями, завели оживленную беседу.

М-р Ирвинг вел себя безукоризненно. Они беседовали далеко за полночь, и молодой преподаватель подробно отвечал на все вопросы, предлагаемые ему м-ром Россом по поводу тех или иных мировых событий, рассказывал ему обо всем, чему он научился во время своей работы в Салониках, и о французской дипломатии.

Некоторые из родных молодого преподавателя занимали очень видные посты, и, благодаря этому, он был хорошо осведомлен о всех событиях нашей внутренней политики; они вполне соответствовали тому, что знал м-р Росс.

— Да, все это так ужасно складывается, — говорил отец Бэнни. — Бог мой! Вот теперь мы поручаем японцам самим устраивать свои дела на Сахалине, где нефти больше, чем во всех других местах земного шара. Британцы не замедлят, конечно, приняться за исправление обсадных труб в Баку. Французы вместе с британцами проникают в Персию и в Сирию. А что же делает в это самое время дядя Сэм? Какой, скажите, был смысл прогонять большевиков для того, чтобы на их место водворять англичан и датчан? Роскэ правильно говорит, что для нашей страны нужно, чтобы президент был человек дела, человеком практики, а не профессором университета.

Сказав это, м-р Росс замолчал, испугавшись, что он позволил себе такую некорректность. Но м-р Ирвинг рассмеялся, говоря:

— Не беспокойтесь, м-р Росс, я не заслужил еще такой высокой чести — не имею звания профессора и не рассчитываю, что когда-нибудь смогу его получить.

После этого м-р Росс продолжал цитировать слова м-ра Роскэ. Нефтепромышленники получили хороший урок и знали, что им надо было теперь делать: тесно сплотиться и сказать свое слово на предстоящих выборах. Им необходимо, чтобы президент был деловым человеком, и таким он и будет.

Бэнни и преподаватель большевизма обменялись при этих словах многозначительным взглядом, но м-р Росс ничего не заметил. Позже, когда он остался наедине с Бэнни, он сказал:

— Сынок, это очень блестящий молодой человек! Приятно говорить с тем, кто так хорошо все понимает.

Вы можете судить по этому, как успешно велась большевистская пропаганда.

Бэнни провел лето, как говорится, в свое удовольствие. Он прочел несколько книг, в которых рассматривалось международное положение, изучил несколько конфиденциальных отчетов заграничных агентов Вернона Роскэ и следил за бурением новых скважин на участке "Росс-младший". В один прекрасный день Берти, его сестра, телефонировала ему, настаивая на том, что ему необходимо начать бывать в "порядочном" обществе, где он может познакомиться с подходящими для него молодыми девушками, и прося его отправиться вместе с ней на неделю в ультрамодный курорт — Woodbridge Killeys, лежащий высоко в горах, в отель, где собиралось одно только самое избранное общество. Нарядная публика каталась на лодках, купалась по несколько раз в день, переодевалась и вела такую же сложную жизнь, как и в городе, окутанную теми же сетями светских условностей. За обедом все очень много пили, вечером танцевали до рассвета под музыку негритянского джаз-оркестра, вставали очень поздно и, получив за завтраком ряд новых приглашений, начинали новый день, ничем почти не отличавшийся от предыдущего.

Здесь Бэнни познакомился с Элдоном Бердиком, одним из поклонников его сестры, который в течение последних двух лет пользовался ее благосклонностью. Каковы были, в сущности, их отношения — этого Бэнни хорошенько не знал. Старший м-р Росс попробовал было раз пошутить по поводу близкой свадьбы, но Берти сразу охладила его порыв, заявив, что она сама может заботиться о своей судьбе и совершенно не желает вмешивать в это дело своего отца. Но теперь между нею и ее поклонником происходили нередко ссоры, и Бэнни совершенно невольно подслушал раз их разговор и видел слезы на глазах сестры. Берти была сердита на Элдона за то, что он только на субботы и воскресенья приезжал в Woodbridge Killeys, а его возмущало то, что она, ему в наказание, танцевала чересчур часто и много с другим. Но ни тот ни другой не делали Бэнни никаких признаний, а сам он тоже не старался их добиваться.

Элдон Бердик был младшим сыном в семье одного из старых калифорнийских землевладельцев. Их владения лежали непосредственно за чертой города, и каждые десять лет они продавали известный участок земли, но так как цены на оставшуюся землю с каждым годом страшно возрастали, то семья все только богатела и богатела, несмотря на то, что целых сорок человек разного возраста — и молодых и стариков — не знали предела своим фантазиям и тратили сумасшедшие деньги. Элдон был красивым смелым спортсменом с маленькими черными усиками, какие полагается носить в британской армии. Он держался очень прямо, по-военному, и Бэнни нашел, что склад его ума тоже военный. Берти, очевидно, рассказала ему что-нибудь по поводу "опасных идей" своего брата, так как Элдон, вскоре после того, как они познакомились, пригласил Бэнни отправиться вместе кататься верхом и дорогой вел разговоры на такие темы, которые могли выяснить ему точку зрения Бэнни на те или другие: интересовавшие его вопросы.

Сам Элдон был "патриот-любитель" в прямом смысле этого слова, которым у нас так любят злоупотреблять. Он оставил своих великолепных пони скучать все лето

без всякого дела только для того, чтобы ничто не мешало ему принимать энергичное участие в защите общества от пропаганды.

Элдону не понадобилось вести особенно длинной беседы для того, чтобы отдать себе ясный отчет, какая гибель угрожала Бэнни. Юный идеалист выучил уже наизусть все большевистские формулы: что русский народ имел полное право управлять своей страной по своему желанию, что наши войска не должны были принимать никаких агрессивных мер против русских, раз конгресс не объявлял России войны, и что американский народ имел право высказывать свои убеждения по этому вопросу, не подвергаясь за это никаким наказаниям и заключениям в тюрьмы.

Элдон сказал, что все это не что иное, как простой камуфляж, та условная формула, которую преступные заговорщики пользовались как щитом законности: "свобода слова", "гражданские права" и все такое. В действительности же советские дикари порвали со всеми этими принципами, и наш долг — бороться против них их же оружием.

Бэнни вежливо слушал своего спутника, объяснявшего ему все тонкости большевистского заговора. Неспроста старались эти изменники помочь Германии одержать победу: они организовали теперь сложную машину пропаганды для того, чтобы свергнуть цивилизованные правительства во всех странах мира. Они подстрекали к восстанию против белых негров, индусов, китайцев и магометан. У них были в Америке секретные организации, сотни и тысячи людей являются последователями их теории. Они печатали и субсидировали около восьмисот газет и журналов и во всех проповедовали классовую ненависть. И как мог порядочный человек мириться со всей этой гнусностью?

Это, в самом деле, было страшно, и отвечать было не легко. Тем не менее Бэнни попробовал.

У нас не было никаких прав ни на Россию, ни на Сибирь, и если бы мы оставили большевиков в покое, то они бы нас не тронули. Всякий раз, когда мы не позволяли людям выражать свои мысли, мы этим только доказывали, что мы не в состоянии были на них отвечать. Когда мы разгоняли митинги и сажали в тюрьмы сотни людей только за то, что они эти митинги посещали, то мы этим только защищали те самые идеи, которые старались подавить, вызывая в широких массах симпатии к жертвам нашего гонения.

— Взгляните на этих русских евреев, — говорил Бэнни, — юношей и девушек, которые были арестованы в Нью-Йорке. Они ничего другого не сделали, как только распространяли листки с воззванием к американскому народу, а в этих воззваниях требовали только одного — чтобы Америка не объявляла войны России. А между тем, их всех, числом в двадцать человек, посадили в тюрьму, где некоторые из них умерли, а остальных приговорили к двадцатилетнему заключению...

Когда Элдон Бердик услышал, что Бэнни защищает таких "гадов", какими были в его глазах эти люди, — он сначала побагровел от негодования, а потом позеленел и стал говорить с Бэнни совсем уже другим, холодным тоном. Скоро Бэнни заметил, что и все другие знакомые стали с ним очень холодны, а вечером к нему пришла Берти со сверкающими гневом глазами и объявила, что он погубил ее общественную карьеру.

И Бэнни покинул общество сестры и ее знакомых и отправился к Генриэтте Аслеич в их загородный дом, находившийся на берегу лазурной лагуны, по которой бесшумно скользили красивые лодки с белыми парусами и где, среди желтых и белых прибрежных скал, пестрели испанские бунгало, покрытые разноцветной штукатуркой. Здесь, катаясь в маленькой шлюпке по тихо струящимся водам, Бэнни попробовал оправдать свои взгляды, защитить свою точку зрения, но и тут не имел никакого успеха.

Генриэтта испытывала непреодолимое отвращение к большевикам, и Бэнни подозревал причину: она слышала о "национализации женщин". Ему очень хотелось сказать ей, что он очень сомневается в справедливости этих рассказов, но если бы он счел возможным заговорить о таких вещах с Генриэттой, то она не была бы в его глазах идеалом женской чистоты.

Все это заставило Бэнни сесть в автомобиль, поехать в Бич-Сити и пригласить м-ра Ирвинга завтракать, так как ему необходимо было поговорить с кем-нибудь о том, что его так волновало. Но м-р Ирвинг только подлил масла в огонь, показав ему статью из одной социальной газеты, написанной английским журналистом, только что вернувшимся из России. В статье говорилось о тех отчаянных усилиях, какие приходилось делать коммунистам для того, чтобы удержать за собой свои позиции. Партия выставила на фронт пятьдесят процентов всего своего состава, идти же на фронт означало почти наверняка погибнуть, так как даже самая легкая рана могла оказаться смертельной в силу полного отсутствия каких бы ни было антисептических средств в стране, в которой было более ста миллионов жителей. Русские рабочие сражались на двадцати пяти фронтах против наступавших на них со всех сторон врагов. В одной Финляндии контрреволюционный генерал Маннергейм уничтожил около ста тысяч человек, заподозренных в сочувствии большевизму, причем все это было сделано с помощью американских ружей и пулеметов и многие части его войска были облачены в американские мундиры. Во всех же тех случаях, когда войска Маннергейма начинали теснить большевики, американский Красный Крест спешил сжигать все свои запасы и медикаменты, нередко на целые миллионы долларов, из страха, что они могут пойти на спасение раненых большевистских солдат или большевистских жен... И вот когда вы вдруг узнавали, что подобные вещи творились на свете, вам уже совсем не улыбалось скользить в красивой лодочке по лазурным водам лагуны!

Бэнни вернулся в Парадиз и начал снова работать, думать и ждать. Вскоре пришла от Поля вторая открытка, такая же холодная, написанная в таком же сухом, деловом тоне, как и первая. Поль был здоров и очень занят. Он получил еще письмо от Руфи и надеялся, что как его семья, так и семья м-ра Росса здоровы и все у них благополучно. Теперь Бэнни был достаточно уже хорошо осведомлен о создавшемся положении вещей, чтобы понять, почему Поль писал только такие открытки, и ясно представлял себе всю ту горечь, которую должен был испытывать его друг, посылая домой вести такого именно характера.

Бэнни решил тоже послать Полю несколько слов и, взяв простое почтовое открытое письмо, написал, что все они были здоровы и очень заняты, добывая массу нефти, которая должна была помочь завершить победу над врагами Америки. "Я теперь подолгу размышляю о разных вещах", — написал он было в конце, но потом решил, что это могло не понравиться цензору, так как в армии, очевидно, размышлять не полагалось, а потому бросил эту открытку и написал другую, в которой говорил, что все очень счастливы, что все превосходно, и только прибавил, что "он во всем согласен с Томом Акстоном". Бэнни полагал, что цензор вряд ли мог знать в Сибири о том, как Том Акстон организовал во время забастовки нефтяных рабочих в Парадизе.

В течение всего этого времени Бэнни находился во власти двух различных, противоречивших одно другому настроений: в лагере, где он чувствовал себя будущим офицером, он был охвачен патриотическим пылом, а вот теперь, всего через какие-нибудь семь месяцев, он испытывал горячее желание помогать врагам своей родины. Да, он положительно рад, когда прочел в газетах о том, что в Архангельске американские войска потерпели неудачу. Вспомнив то чувство восторга, которое охватывало его в лагере, когда он при звуках "Зари" выбегал из своей палатки и смотрел на военное знамя, колыхавшееся в золотистом утреннем воздухе, — он сказал себе, что если бы в те дни он мог представить себя таким, каким он был сейчас, то он назвал бы себя изменником...

XI

На свете было очень немного людей, считавших, что Россия в состоянии будет противостоять наступавшим на нее со всех сторон врагам. Но каким-то образом это им все же удавалось. Был, между прочим, один странный факт, обращавший на себя внимание всех тех, кто читал телеграфные сообщения, приходившие с различных антибольшевистских фронтов. По этим сообщениям, войска союзников одерживали крупные победы, брали Пермь, Уфу и разные другие города и захватывали многие тысячи пленных. Затем спустя какой-нибудь месяц или два они одерживали новую победу, и снова начинали ликовать все патриоты и ликовали до тех пор, пока случайно не взглядывали на карту военных действий: найдя те пункты, о которых говорилось в сообщениях, они, к своему большому удивлению, видели, что второй пункт лежал на несколько десятков и даже сотен миль дальше по направлению к тылу союзников, чем первый.

Впоследствии Бэнни понял, что это означало: местные крестьяне имели обыкновение оставаться совершенно спокойными все время, пока союзные войска двигались вперед, давали им пройти известное расстояние, а затем бросались им в тыл и заставляли их отступать и гнали обратно. Так сильна была большевистская пропаганда, действовавшая и в Архангельске, и вдоль всего западного фронта от Балтийского моря вплоть до Черного, и во всех частях Сибири. В результате ни одна власть долго не могла держаться. Адмирал Колчак прошел всю Сибирь, генерал Деникин — Украину — он был всего в ста двадцати пяти милях от Москвы, и тем не менее все это кончилось ничем.

И вот постепенно, по мере того, как лето сменялось осенью, а осень — зимой, стали распространяться еще более невероятные слухи: армии великих держав тоже начинали подавать признаки заражения ядом большевистской пропаганды. Это была вторая зима после заключения перемирия, и солдаты думали, что война вполне закончена, и спрашивали, почему же они не уходили домой. Скоро самые мрачные пророчества Элдона Бердика стали сбываться. Матросы французского флота в Черном море подняли бунт, побросали в воду своих офицеров и захватили в свои руки несколько военных судов. Одновременно германские войска отказались помогать союзникам в их борьбе с большевизмом, а британские солдаты в Фолькстоне не пожелали вступать на те суда, которые должны были везти их в Архангельск.

Но наиболее потрясающим событием этого рода был бунт в американской армии, первый бунт за всю историю военного знамени "Старой славы". Мичиганские дровосеки и дети фермеров, находившиеся на судах, плававших в водах арктического пояса, под командой британских офицеров, которые заставляли их стрелять в полумертвых от голода и ободранных русских рабочих, сражавшихся при пятидесяти градусах мороза, отказались повиноваться начальству, сложили оружие. Этот факт "замолчали" в газетах, но о нем знали и в высших военных кругах, и в дипломатическом корпусе, а равным образом и в тех правительственных учреждениях, где патриоты обоего пола строили планы, как лучше устроить мир.

В октябре союзники сделали последнее воинственное усилие. Они послали царского генерала Юденича брать Петроград, снабдив его всем, что ему для этого требовалось, и поручив его командованию армию, состоявшую из солдат самых разнообразных национальностей. Юденич был уже в нескольких милях от Петрограда, Советы принуждены были перенести свою столицу в Москву, и несмотря на все это — полуголодные, в лохмотьях коммунисты отбросили неприятеля, обратили его в бегство, и большевистская пропаганда продолжала делать свое дело и зажигала костры революции в Венгрии и Баварии.

Дома происходило в это время тоже немало знаменательного. Несмотря на все ссылки и заключения в тюрьмы, наше правительство оказывалось бессильным заставлять молчать своих граждан и не позволять печатно и устно заявлять о том, что мы не имели никакого основания затевать войну с дружественным народом. И недовольство правительством, продолжавшим держать американские войска за границей после того, как война была уже окончена, все росло и росло. "Радикальные" газеты и журналы продолжали покупаться нарасхват, и в городах, особенно больших, не было никакой возможности не допускать массовых митингов.

Но рассчитывать на то, чтобы можно было всеми этими протестами добиться успеха, было трудно в силу тех особых условий, в которых находилось тогда правительство: президент предпринял поездку по главным городам с целью убедить народ в том, что все должны были быть очень довольны всеми пунктами мирного договора. Он заехал также и в Энджел-Сити, и Бэнни с отцом пошли его слушать. Он говорил в громадном зале, где собралось до десяти тысяч человек. Их всех выучили, когда нужно вставать, когда нужно садиться, выучили радостно и громко ликовать при первом поданном знаке, и все прошло с желаемой торжественностью, точь-в-точь как это бывает в присутствии королевских особ. Но в

голосе великого человека звучало несвойственное ему напряжение, лицо покрывал нездоровый румянец, и все его доводы были до крайности шатки и слабы. А несколько дней позже пришло известие, что он опасно заболел, и его поспешно отвезли в Вашингтон, где с ним сделался апоплексический удар. И там он лежал беспомощным, полубесчувственным инвалидом, а страной управлял странный триумвират: частный секретарь — католик, военный доктор и одна из самых нарядных представительниц вашингтонского общества.

Но где-то в кабинете президента сохранился, очевидно, еще некоторый "след разума", который помог новым деятелям отдать отчет в опасности, создавшейся как за границей, так и дома, и Бэнни во время рождественских праздников (он проводил каникулы в Парадизе, охотясь за перепелками и наблюдая за развитием "Консолидированного Росса"), развернув только что привезенную из города газету, прочел на первой странице телеграмму из Вашингтона, гласящую, что военные власти нашли ненужным продолжать охрану Великого сибирского железнодорожного пути, и американской армии был отдан приказ о ее возвращении домой. С радостным криком: "Поль возвращается! Поль возвращается!" — Бэнни вскочил со стула и бросился навстречу входившей в комнату Руфи.

Глава одиннадцатая

НЕПОКОРНЫЙ

I

В Тихоокеанском университете каждый класс придерживался строго определенных правил, и при нормальном течении событий человек с Бэнниным богатством, внешностью и манерами должен был бы пользоваться обществом членов братства и представителей обеспеченного нетрудящегося класса. Как бы ни удивлял товарищей своим красноречием какой-нибудь юноша негр и как бы талантливо ни защищал те или другие взгляды — он никогда не получал приглашений ни на обеды, ни на вечера, так же, как никогда не занимал никакого видного положения ни в одной из студенческих организаций. То же самое можно было сказать и про всех молодых представителей торгового или ремесленного классов. Всеми подобного рода почестями пользовались только рослые, представительные англосаксы, с правильными чертами лица, гладко зачесанными волосами и модными необыкновенно искусно заглаженными брюками, которые они считали неприличным надевать более двух дней кряду.

Но Бэнни Росс упрямо продолжал "дурить", увлекаясь "опасными мыслями", и этим приводил в негодование и отдалял от себя всех своих прежних приятелей. Но в одиночестве он не оставался: всегда и всюду существуют типы, старающиеся пролезть туда, где их не спрашивают, и готовые присвоить себе любую точку зрения, когда они знают, что это может помочь им войти в дружбу с представителями избранного общества, и в силу этого Бэнни очень скоро оказался в приятельских

отношениях с несколькими очень странными личностями. Среди них был Питер Нагель, отец которого занимал должность председателя одного "рационалистического общества". Питер Нагель был, казалось, одержим только одним желанием в жизни — иметь возможность громко заявить в один прекрасный день в классе, что причиной всех человеческих страданий является суеверие и что человечество не в состоянии будет прогрессировать до тех пор, пока оно не перестанет верить в бога. Можете судить, каким это делало его популярным в университете, в котором требовалось от профессоров всех факультетов быть набожными методистами! У Питера и внешность была очень типичная: широкая квадратная голова, большой рот, полный зубов, и целая копна желтых волос, которым он предоставлял спускаться в беспорядке за уши и теряться за воротником пиджака. Свой завтрак он носил не иначе как перевязанным толстым ремнем.

Затем — Григорий Николаев. Этот оказывался, когда вы его узнавали ближе, вполне толковым малым, но беда в том, что узнать его было не легко, потому что он говорил с очень своеобразным, странным акцентом и в критические моменты разговора часто забывал то или другое английское слово. У него были черные как смоль волосы, черные глаза под нависшими бровями, на лбу суровая складка. Студенты называли его "большевиком". Его отец принадлежал к одной из тех революционных партий, которых большевики подвергали теперь преследованию и заключали в тюрьмы. Но как можно это было объяснить студенческой корпорации, которая путалась во всех этих понятиях: социалисты и коммунисты, синдикалисты и анархисты, революционеры и социал-демократы, прогрессисты, пацифисты, прагматисты, альтруисты, вегетарианцы, вивисекционисты и прочие.

Далее, там была Рашель Менциес, принадлежавшая к народу, избранному Творцом, но не пользующемуся особой симпатией вышеназванной корпорации. Рашель Менциес можно было назвать довольно красивой, но красота эта была своеобразная, свойственная ее нации. Она была довольно маленького роста (женщины не замедлили бы назвать ее "коротышкой") и не имела никаких претензий на изящество и моду: являлась в университет в черных бумажных чулках, в простой короткой блузке и немодной юбке. Ходили слухи, что ее отец работал в магазине готового платья и что ее брат заглаживал студенческие брюки и этим зарабатывал на свое образование.

И юный хозяин участка "Росс-младший", наследник м-ра Росса-старшего, показывался теперь в публике в обществе этих своих новых товарищей и даже пытался их знакомить со своими прежними друзьями. Но это ему не очень-то удавалось и ему часто попадало и от тех и от других.

— Послушай, — заявлял ему Дональд Бернс, — пожалуйста, не знакомь меня больше ни с одним из твоих чудовищ.

А Рашель Менциес говорила:

— Пожалуйста, не знакомьте меня ни с одной из этих ваших модных картинок.

Бэнни протестовал. Ему казалось, что все студенты должны были знать друг друга, на что Рашель заявляла, что она чересчур высокого о себе мнения.

— Очевидно, никто никогда в жизни не заставлял страдать ваше самолюбие, м-р Росс, но мы, евреи, с ранних лет заучиваем наизусть это правило: "не идти туда, где нас не желают".

— Но, мисс Менциес, если вы верите в справедливость ваших взглядов, то вы должны учить этим взглядам и других, — сказал Бэнни.

— Спасибо, — отвечала она, — я верю в справедливость своих взглядов, но не настолько, чтобы поучать им Дональда Бернса.

— Но как вы можете так говорить? — протестовал Бэнни. — Ведь вот учите же вы меня, а я не принадлежу к рабочему классу.

Бэнни знал, что молодая девушка была членом социалистической партии и что в ней говорила настолько же "классовая" сознательность, насколько и еврейская.

Рашель продолжала возражать, утверждая, что Бэнни был один из миллиона людей, способных верить в то, что шло вразрез с его экономическими интересами. Но сам Бэнни был о себе очень скромного мнения и всегда искал кого-нибудь, на кого он мог бы опереться, кому он мог бы вполне доверять. Он нашел все это отчасти в Генриэтте Аслеич, которая превосходно знала, что хорошо и что дурно, отчасти — в Рашели Менциес, которая всегда умела отличить истину от лжи и заявляла об этом с той энергией и искренностью, которые, точно яркие вспышки молнии, прорезали сумерки тихоокеанской культуры.

Единственно, что его беспокоило, — это то противоречие, которое существовало между этими двумя авторитетами. Получалось такое впечатление, точно то, что было справедливо, было нехорошо, а то, что было хорошо — было несправедливо. И это оттого, что Генриэтта считала Рашель невозможной особой и в ее присутствии была холодна как лед; а Рашель, когда хотела сказать что-нибудь обидное, говорила Бэнни, что он принадлежал всецело Генриэтте и что творец создал его для того, чтобы водить ее в церковь.

II

Среди всех этих недоразумений Бэнни находил поддержку в Билли-Джордже, широкоплечем англосаксонце, который был старше его по классу. Билли уверял его, что он был прав, и советовал что-нибудь предпринять для того, чтобы они могли объяснить свою точку зрения остальным студентам. Почему не организовать, например, какую-нибудь маленькую группу или общество, целью которого было бы изучение новой России? Бэнни должен был обратиться за советом к м-ру Ирвингу и, может быть, попросить и его к ним присоединиться, так как было бы гораздо лучше, если бы они могли опираться на одного из учителей. И Бэнни отправился к м-ру Ирвингу, который сказал, что не может давать им в этом деле никаких указаний, так как это значило бы рисковать своим положением — наверняка потерять свое место. Студенты должны были руководствоваться своими собственными мнениями. Единственно, что он посоветовал, — это ни в коем случае не называть нового общества "Русским клубом" или "Русским обществом", но взять какое-нибудь безобидное название вроде: "Либеральный клуб" или "Общество социальных задач".

Бэнни передал этот совет другим товарищам, когда они по окончании лекций устроили в одной из классных комнат митинг. Билли-Джордж сказал, что это не очень-то "красиво" со стороны м-ра Ирвинга ограничиться только таким пустячным советом, на что Рашель Менциес, вспыхнув, заявила, что он не имеет

права делать подобного рода намеков, что все великолепно знали те тяжелые условия, в которых находился их молодой преподаватель, и что он имел полное право стараться оградить себя от очень серьезных последствий. И зачем м-р Джордж желает находить вину в других людях, когда он сам ровно ничего еще не сделал в области общественных задач?

Присутствовавшие на митинге спросили, что, собственно, он мог бы сделать, и молодая девушка, не задумываясь, ответила, что для этого существуют различные способы. Почему бы, например, не начать издавать какую-нибудь студенческую газету — маленький листок в четыре странички, который выходил бы раз в неделю или, может быть, даже раз в месяц? Стоило бы это очень недорого, а толк из этого вышел бы очень большой, в этом не могло быть ни малейшего сомнения. Все помнили, наверное, как много было желающих познакомиться с письмом, которое м-р Росс получил из Сибири. Если бы они напечатали его в своей газете, то это произвело бы громадное впечатление. М-ру Джорджу можно было бы предложить быть редактором, а она, Рашель, участвовала бы в расходах. Это последнее предложение было сделано не без иронии, беря во внимание то количество железных труб, которые отец Билли-Джорджа поставлял на рынок Энджел-Сити. Но тем не менее это предложение было подвергнуто самому серьезному обсуждению, причем Билли заявил, что он не считал возможным брать на себя такую ответственность: его отец не замедлил бы взять его из университета, чтобы заставить его работать в какой-нибудь мастерской.

Машинально все взгляды устремились на Бэнни. А что он думал? Бэнни чувствовал, что его щеки вспыхнули ярким румянцем. Ему хотелось бы объяснить свою точку зрения на этот вопрос, но объяснить это как можно спокойнее, толковее. Газета наделает столько шума! Рашель Менциес, по-видимому, относилась к такому шуму вполне безразлично, но Генриэтта пришла бы в ужас при одной этой мысли. А потом — его отец. Он навсегда проклял бы дело образования своего сына, если бы узнал о том, что он участвует в издательстве такой газеты. В силу всех этих соображений Бэнни принужден был ответить на предложенный ему товарищами вопрос отрицательно. Рашель Менциес заявила, что все прекрасно, все имеют право сообразоваться со своими личными условиями и возможностями, но что, в конце концов, теперь всем должно было быть ясно, что никто из них не должен был упрекать м-ра Ирвинга в отсутствии гражданского мужества.

III

Несколько дней спустя Бэнни прочел в газетах о том, что "Бенминггон" прибыл в Сан-Франциско с двухтысячной армией, возвращавшейся из Сибири. В числе прибывших был и тот отряд, в котором находился Поль. Бэнни тотчас же сообщил по телефону Руфи об этой новости, прося ее, как только она узнает что-нибудь о Поле более точно, немедленно его известить. И два дня спустя Руфь телефонировала ему, что Поль прибыл в Парадиз. Это было в пятницу. Лекции кончались раньше, и Бэнни прямо из университета помчался туда. Его отец был в это время на работах в "Лобос-Ривере" и не мог присутствовать при первой встрече с Полем.

Прошло почти уже двадцать месяцев со дня отъезда Поля, и Бэнни горел нетерпением его увидеть, а увидав — пришел в ужас: так он был худ и желт. Его куртка цвета хаки висела на нем, как на вешалке.

— Ты был болен? — было первым вопросом Бэнни.

— Да, — ответил Поль. — Но сейчас я совершенно здоров.

— Поль, скажи, что случилось?

— Что же тут можно сказать? Ясно, что эта была не какая-нибудь увеселительная поездка.

Сказав это, он замолчал, полагая, что эти слова могут удовлетворить его друга и его сестру после почти двухлетней разлуки.

Они сидели в старом ранчо Раскома. Время близилось к ужину, и Руфь приготовила несколько очень вкусных и сытных блюд, но Поль ел очень мало, боясь, как он говорил, сразу довериться хорошей пище. Сидя за столом, он рассказывал о Маниле, где у них была остановка, о буре, которая застала их в Тихом океане, и ни слова о Сибири.

Но так этого нельзя было, конечно, оставить. После ужина они усадили Поля в удобное кресло, и Бэнни сказал:

— Послушай, Поль, я все это время старался понять, что, собственно, происходит в России. Я у всех узнавал, со всеми спорил и в конце концов решил, что только от тебя смогу узнать всю правду. Поэтому расскажи нам теперь, пожалуйста, обо всем, что с тобою случилось.

Поль сидел в кресле, прислонив голову к его спинке. Лицо его и всегда было мрачно, — длинный нос, опущенные углы большого рта, — но теперь, когда он так похудел, лицо это производило впечатление какой-то зловещей маски, "маски печали".

— Обо всем, что со мной случилось? — медленно переспросил он, точно стараясь что-то припомнить.

И, помолчав с минуту, он с видимым усилием произнес:

— Сейчас я скажу вам, что со мной случилось: меня жестоко обманули.

— Обманули?! — в один голос воскликнули Бэнни и Руфь.

— Да, именно обманули. Я думал, что я отправлялся в армию для того, чтобы помочь низвергнуть кайзера, но меня обманули банкиры Уолл-Стрита и заставили работать в качестве штрейкбрехера, в качестве скэба!

Оба — и Руфь и Бэнни — сидели молча и, затаив дыхание, смотрели на Поля, ожидая, что он еще скажет.

— Ты помнишь забастовку наших нефтяных рабочих, Бэнни? Помнишь тех вооруженных людей, которых прислала сюда федерация, снабдив их ружьями, теплыми вещами, непромокаемыми плащами и фуражками? Так вот то самое, что делали они, делал и я в течение всех этих двадцати месяцев: старался прекратить забастовку в угоду Уолл-Стрита, с той разницей, что здесь, в Парадизе, все эти вооруженные люди получали по десять долларов в день и в любой момент, если бы они этого захотели, могли бросить свое дело, — я же получал тридцать долларов в месяц, и если бы попробовал бросить это дело, то был бы немедленно расстрелян. И в этом было преимущество банкиров.

Снова наступило молчание. Поль закрыл глаза и долго не открывал их, рассказывая о тех образах, которые один за другим вставали в его сознании.

— Прежде всего союзники заняли Владивосток. Этот город был в руках забастовщиков, у которых было очень хорошее правительство и во всем безукоризненный порядок. Они не оказали особенного сопротивления. Они были чересчур удивлены нашим поведением. Мы убили несколько человек местной стражи, попробовавших было защищать одно из зданий, и забастовщики устроили им торжественные похороны. Во время похорон процессия остановилась перед домом американского консула, и на знаменах, которые развевались над красным гробом, мы прочли надписи: "Зачем вы это сделали?" Это было четвертого июля — день, в который мы праздновали нашу революцию. Почему же мы не хотели допускать, чтобы и у них была тоже своя революция? Разумеется, мы ничего не могли на это ответить. Никто из нас не знал, зачем мы это сделали. Только впоследствии, очень постепенно мы начали это понимать.

Поль замолчал и молчал так долго, что Бэнни испугался, что он уже ничего больше не скажет.

— Ну, Поль, что же дальше? — с волнением спросил он.

— Дальше... вот слушайте. Как раз за чертой города вдоль железнодорожной линии находилось большое поле (я думаю, что оно занимало десять или двадцать акров), которое было завалено разного рода военным материалом: ружья, снаряды, железнодорожные локомотивы, грузовики, все предметы, которые помогают выиграть войну. Некоторые из них были в ящиках, другие лежали без всякой крышки и оставались так во всякую погоду. Тут было добра на сотню миллионов. Все это было свезено с кораблей и предназначалось в центр России. Но началась революция, и все осталось лежать здесь, как лежало, и мы были присланы для того, чтобы все это охранять. Сначала мы думали, что это принадлежит правительству. Но потом мало-помалу узнали, в чем тут, собственно, дело. Британское правительство купило все это для царского правительства и взяло с него за это обязательства. Но позже, когда мы уже вступили в войну, английская фирма "Морган и К°" все эти обязательства от британского правительства взяла себе, и таким образом получилось, что все эти колоссальные запасы являлись теперь собственностью Моргана, и мы свергли правительство Владивостока для того, чтобы охранять добро банкиров!..

Опять наступило молчание. Его прервал Бэнни.

— Поль, ты убежден, что все это именно так и было? — спросил он с волнением.

Поль рассмеялся невеселым смехом.

— Убежден ли? — переспросил он. — Слушай, что я тебе скажу. Они прислали туда военную экспедицию, двести восемьдесят человек, для того чтобы обслуживать железнодорожную линию, — людей разных профессий: служащих, телеграфистов, машинистов, инженеров. Все они были в военных мундирах, я самый маленький по должности человек имел чин лейтенанта. Мы думали, конечно, что они, как и мы, составляли часть армии. Но оказалось, что они работали за плату, и, клянусь богом, им платила не армия: они получали чеки из банка Уолл-Стрита! Я своими собственными глазами видел не одну дюжину таких чеков. Оказывается, что это

была частная экспедиция, которая должна была оборудовать железную дорогу для банкиров.

— Но для чего это нужно?

— Я уже говорил, для чего: чтобы прекратить забастовку. Самую грандиозную забастовку во всей истории — забастовку русских рабочих против землевладельцев и банкиров. И вот мы должны были этих рабочих губить и спасать землевладельцев и банкиров. То там, то тут находились группы русских беженцев, прежних офицеров царской армии, великих князей и их любовниц, землевладельцев и их семей. Они собирались вместе и образовывали правительство, а на нас лежала обязанность доставлять им необходимые запасы оружия, и они печатали бумажные деньги и нанимали на них разных авантюристов, а потом ловили крестьян и брали их в набор и составляли из всего этого войско, а мы перевозили его по железной дороге, для того чтобы дать им возможность свергнуть новое советское правительство и убить еще несколько сотен и тысяч рабочих. В этом и состояла вся моя работа за последние полтора года. И ты спрашиваешь, почему у меня такой больной вид!..

— Поль, неужели же и ты должен был убивать людей? — спросила Руфь, и в голосе ее прозвучал неопиcуемый ужас.

— Нет. Я лично не убил ни одного человека. Я работал в качестве плотника, и единственно, с кем я сражался — были японцы, которые считались нашими союзниками. Дело в том, что японцы явились за тем, чтобы захватить себе эту страну, и им одинаково было неприятно, кто бы там ни побеждал, белые или красные. Первой их заботой было подделать деньги белого правительства. Они наделали себе целые миллиарды и на эти фальшивые деньги принялись приобретать все, что только могли: дома, лавки, недвижимое имущество. Им очень не нравилось наше пребывание там и тот факт, что мы помогали белым. Они старались, как могли, нам мешать, и бывали случаи, когда, выведенные из терпения, мы расставляли наши войска в боевом порядке и грозили им открыть по ним стрельбу, если они не уберутся к себе. Они втихомолку постоянно стреляли в наших людей. Три раза они стреляли в темноте и в меня. Одна из их пуль пробила мне шляпу, другая — куртку.

Руфь сидела, судорожно стиснув руки, с мертвенно-бледным лицом. Она, кажется, видела, как эти пули разрывали платье Поля... И разумеется, это не было способом вылечить ее от ее отвращения к войне.

— Очень многие из наших людей, в конце концов, возненавидели японцев, — сказал Поль. — Но я не могу сказать этого про себя. Я научился смотреть на все с более философской точки зрения, — единственное, чему я там научился. И я понял, что правящие классы Японии захватили себе полконтинента, бедный же класс — все эти солдаты существовали на крохотное жалованье, еще более нищенское, чем мое. И они совершенно не знали, для чего, собственно, их там держали. Они так же, как и я, были обмануты. Некоторые из них бывали раньше в Америке, и я разговаривал с ними, и мы на очень многое смотрели совершенно одинаково. То же я могу сказать и про чехо-словаков, и про германцев, и про все нации, с какими мне приходилось сталкиваться. И я скажу тебе, Бэнни: если бы солдаты враждующих между собой стран могли бы столкнуться заранее, то не было бы никакой войны. Но это называется изменой, и тот, кто это попробовал бы, тотчас же был расстрелян.

Поль проговорил с Бэнни весь вечер пятницы и почти всю субботу и воскресенье, и Поль подробно объяснил своему другу весь ход и смысл русской революции. Понять ее было совершенно не трудно, говорил Поль, а в том случае, если бы для Бэнни оставалось еще что-нибудь невыясненным, то ему нужно было только вспомнить, как было дело с забастовкой нефтяных рабочих Парадиза.

— Только спроси себя, как то-то и то-то было в Парадизе, и ты будешь знать, как все происходит и в России, и в Сибири, и в Вашингтоне, и в Нью-Йорке. Федерация нефтяных деятелей, которая воевала против нашей забастовки, состояла из совершенно такого же сорта людей, какими были и те, которые посылали нашу армию в Сибирь... Я читал вчера в газетах, каким образом один синдикат нефтепромышленников Энджел-Сити получил концессии на Сахалине, и запомнил одно имя — Вернон Роскэ. Это, кажется, один из очень больших дельцов, не правда ли?

Поль говорил это совершенно серьезно, а Бэнни и Руфь обменялись многозначительной улыбкой. Поль уехал отсюда так давно, что потерял всякую связь с нефтяным делом.

— И забастовщики тоже в большинстве случаев те же самые, — продолжал Поль. — Помнишь ты маленького русского еврейчика Менделя, который действовал во время нашей забастовки? Который еще так хорошо играл на балалайке и пел нам Русские песни? Говорить речи мы ему тогда не позволяли, потому что он был "красный". Так вот, можешь себе представить, что я встретил его в Маниле. Он был на пароходе, отправлявшемся в Россию, и залез под лестницу, чтобы его не нашли. Но его все-таки нашли и, узнав, что он большевик, выбросили на берег и взяли все, что только у него было, даже его балалайку. Я дал ему займы пять долларов, а шесть месяцев спустя опять встретился с ним в Иркутске. И опять у него была балалайка. Оказывается, ее нашел где-то какой-то английский солдат, но не знал, как с нею обращаться. На заявление же Менделя, что эта балалайка его, ему сказали, что если он сумеет сыграть на ней что-нибудь, то ее ему отдадут. И он начал на ней играть и петь и спел нам несколько приволжских песен, а потом "Интернационал", но, разумеется, никто не знал, что он поет. Спустя несколько дней вышел приказ его арестовать, но я помог ему бежать. А еще через несколько месяцев мы случайно натолкнулись на него неподалеку от Омска. Оказывается, он был советским комиссаром, и солдаты Колчака поймали его и закопали живым в землю. Оставили наружи только верхнюю часть головы до рта, так что носом он мог дышать... Когда мы его нашли, глаза были уже наполовину изъедены муравьями...

Поль рассказал об этом, когда остался наедине с Бэнни, и его юный друг сидел молча, затаив дыхание, замерев от ужаса.

— Да, — сказал Поль, — насмотрелись мы достаточно на все эти ужасы. Разумеется, мы за них были тоже отчасти ответственны. Я мог бы рассказать тебе еще худшие вещи... Мне пришлось помогать хоронить сотни трупов людей, убитых не на поле сражения, не в пылу битвы, но расстрелянных вполне сознательно. Я видел, как один белый офицер застрелил нескольких женщин подряд, одну за

другой... стрелял им прямо в голову и теми именно пулями, которые доставляли нам железнодорожники... Я хочу сказать — железнодорожники, находящиеся в услужении у наших банкиров. Многие из моих товарищей сошли с ума от этих ужасов. Из двух тысяч человек, из которых состояла наша часть, не более десяти процентов вернулись вполне здоровыми. Когда я сказал об этом нашему доктору, он вполне со мной согласился.

V

Все это было до такой степени ново, так не похоже на то, что Бэнни приходилось до сих пор постоянно слышать, что ему стоило немалого труда во всем этом разобраться.

— Так ты, правда, думаешь, Поль, что большевики совсем не такие плохие, как о них говорят? — спросил он своего друга.

— Опять скажу тебе то же самое, Бэнни: когда тебе будет что-нибудь неясно — вспомни Парадиз. Большевики — это рабочие во время забастовки. Многие из них приехали из Америки, обучались здесь. Мне приходилось со многими из них разговаривать, и среди них встречаются самые разнообразные типы. Все они люди современных понятий и идей, старающиеся вылечить русских от их невежества и суеверий. Они верят в образование. Я никогда не встречал, кто бы более энергично занимался этим делом. Где бы они ни были, что бы ни делали — они всегда поучают, читают лекции, печатают листки. Знаешь ли, мне приходилось видеть газеты, напечатанные на старых обрывках серой бумаги, в какую мясники заворачивают свою провизию. Я довольно хорошо выучился русскому языку и читал эти газеты. В них было точь-в-точь то же, что печатали наши забастовщики в Парадизе, с той разницей, конечно, что они пошли гораздо дальше нашего в своей борьбе против всех своих работодателей. Они лучше поняли положение вещей, чем мы.

Последние слова Поля испугали его молодого друга.

— О, Поль, так неужели же ты до такой степени сочувствуешь большевикам?

Поль засмеялся невеселым смехом.

— Я советовал бы тебе побывать на "Фриско", Бэнни, и поговорить с командой этого транспорта. Они там все — большевики. И офицеры тоже. Я думаю, потому-то они и привезли нас сюда. В Архангельске был ведь настоящий бунт. Или, может быть, ты этого не знаешь?

— Я что-то слышал...

— Сейчас я тебе все расскажу подробно, Бэнни, так как я там был в это время и все знаю. Большевики — единственная партия в этой стране, которая во что-то верит и члены которой солидарны. И они будут ею управлять, помня мое слово. И японцы уйдут оттуда, как ушли все мы. Нельзя побить тот народ, в котором все до последнего человека, — как мужчины, так и женщины готовы умереть за ту идею, которую они защищают.

— Так, значит, неправда то, что нам говорили о национализации женщин? — спросил робко Бэнни.

— Боже! — воскликнул Поль. — И ты, и все вы могли это думать?!

— Но как же мы могли знать, что правда и что неправда?

Поль рассмеялся.

— Знаешь, по этому поводу я смогу сказать тебе, что я действительно видел женщин, национализированных большевиками: это были школьные учительницы. На их обязанности лежало учить солдат грамоте и брать с каждого солдата клятву, что когда он выучится, он обучит десять человек своих неграмотных товарищей. Я видел целую дюжину таких женщин на Великом сибирском пути. Они ехали в вагоне, в котором перевозят скот, причем ни у одной из них не было ни одеяла, ни подушек. Под голову они клали простые деревянные чурки. Среди них было несколько случаев азиатской холеры, и они ехали так десять — двенадцать дней, в качестве военнопленных, понимаешь? А в Иркутске их ждал расстрел без суда... А с другой стороны, Бэнни, я должен сказать, что я провел в Сибири восемнадцать месяцев и не видел ни одного чудовищного или жестокого поступка, совершенного большевиками. Я не говорю, что таких поступков они вообще никогда не совершали. Я говорю только, что ни я, ни те, кто был со мной в отряде, этого не видели. Мне кажется, что теперь это уже вполне установленный факт, подтверждающий на всем громадном пространстве от Владивостока и Архангельска вплоть до Одессы: всюду, где "красные" совершали те или другие жестокости, расстрелы, — "белые" совершали их в десять, в сто раз в большем количестве. Но дело в том, что о жестокостях "белых" в наших газетах ничего не упоминается, и это потому, что эти газеты чересчур бывают заняты рассказами о том, как Ленин убил Троцкого и как Троцкий засадил Ленина в тюрьму.

VI

Встреча с Полем была самым волнующим событием в жизни Бэнни. Она вызвала переоценку всех его ценностей. Поступки, которые он считал злыми, приобрели вдруг героический характер, а многое из того, что он уважал, сделалось в его глазах бесконечно скучным. Глядя на современный промышленный мир со всеми его несправедливостями, Бэнни раньше был похож на человека, затерявшегося в дремучем лесу. А теперь его точно подняли из этого леса на воздушном шаре и показали с высоты дорогу из чащи. Все стало так просто и понятно: рабочим нужно было взять в свои руки все отрасли промышленности и пользоваться ими для себя, а не для своих хозяев. И таким способом весь запутанный узел общественных несправедливостей мог быть перерублен одним ударом.

Бэнни слышал и раньше о таком выходе из создавшегося тяжелого положения, но он казался ему фантастическим и бессмысленным. И вот теперь приехал Поль и рассказал ему, что это было уже фактически сделано. Стомиллионный народ, занимавший одну шестую часть поверхности земного шара, взял в свои руки всю промышленность и сам ею распоряжался и, безусловно, достиг бы успеха, если бы только организованная жадность всего мира сошла с его пути и оставила его в покое.

Бэнни сел с Полем в автомобиль, и они отправились на нефтяной участок осматривать новый нефтеперегонный завод, этот удивительный предмет искусства.

Спускались сумерки, и белый дым, вылетающий из труб, поднимаясь ввысь, принимал на фоне вечернего неба фиолетовый оттенок. На заводе начинали зажигаться электрические огни — белые, желтые, красные.

Бэнни, как всегда, когда бывал на этом участке, чувствовал себя немного смущенным. Его право на эти громадные богатства было ему не вполне ясно, и ему всегда казалось, что настанет день, когда Поль отдаст себе, наконец, отчет в том, что его семью "провели". Но на этот раз такое смущение было очень непродолжительно; Бэнни вдруг ясно почувствовал, что все его прежние сомнения отошли куда-то далеко-далеко, что все теперь уже было по-иному. Поль никогда уже больше не будет считать себя и своих несправедливо обиженными. Участок Парадиза принадлежал рабочим Парадиза. Великолепный новый нефтеперегонный завод представлял собой вполне созревший плод, который висел на дереве и ждал того момента, когда он будет сорван. "Единственно, что оставалось делать, — это найти кого-нибудь, кто указал бы рабочим на этот плод, — думал Бэнни. — Если бы Поль не был таким усталым и слабым, он мог бы сделать это сейчас же, и рабочие уже с завтрашнего утра могли бы вести все это дело по своему усмотрению, для себя... Они были бы хозяевами! Вся власть Советам!.."

VII

Бэнни вернулся в университет, чувствуя, что он "заряжен" этими новыми мыслями. Он то нервно дрожал от радостного возбуждения, то испытывал невольный страх, отдавая себе ясный отчет в том, куда привели его все эти мысли. Инстинкт подсказывал ему, что его идея об экспроприации рабочими всей промышленности Южной Калифорнии не встретит сочувствия среди его товарищей по курсу. Поэтому он ограничился только тем, что сообщил им те новости, которые он узнал о России, о том, что русская революция не представляла собой слепых вспышек жестокости, но была началом нового социального строя.

Питер Нагель выслушал эту новость с широко раскрытым от удивления ртом. Григорий Николаев сказал:

— Да, оно конечно... но только зачем они засадили в тюрьму моего двоюродного брата?

Рашель Менциес заявила, что они заключили в тюрьмы более тысячи социалистов. А Билли-Джордж предложил устроить собрание и пригласить Поля прийти и все им рассказать.

Новость быстро разнеслась по университету, и горячая фантазия товарищей Бэнни украсила ее всеми подробностями, о которых он умолчал: Бэнни знаком с одним ярым большевиком, и этот знакомый сделал из него такого же ярого большевика. "Красный миллионер" — его теперь иначе не звали. Студенты и студентки окружали его тесной толпой и заводили с ним горячие споры, нередко принимавшие очень острый характер. Спорившие, наговорив друг другу много резкостей, расходились; но так как все это, по существу, было очень интересно, то они скоро опять приходили, и прения возобновлялись. Бэнни очутился в самом центре советской пропаганды, так как всякий раз, когда его противники своими

аргументами прижимали его к стене, ему ничего другого не оставалось делать, как идти к Полю за новыми фактами и, возвратившись, поражать ими своих противников. Что касается ближайших его товарищей, то они проводили с ним долгие вечера, стараясь убедить его в неосновательности его нападков на то, что со своей точки зрения они считали хорошим.

Условия домашней жизни и хорошее питание не замедлили оказать самое благотворное влияние на Поля, и спустя две недели он мог уже приехать в Энджел-Сити, чтоб встретиться там с одним из своих новых приятелей. Он познакомил с ним также и Бэнни, и это было новым событием в жизни юного идеалиста.

Гарри Сигер был лет на десять старше Поля и состоял во главе одного маленького промышленного колледжа. Но в последний год войны он передал свое дело одному из своих компаньонов, а сам зачислился в армию, и его отправили в Сибирь, в тот отряд охранников железнодорожного пути, который был оборудован на средства банкиров. Он изъездил этот путь вдоль и поперек, всего насмотрелся, разузнал все то, что можно было узнать, и теперь рассказывал подробно о создавшемся там положении вещей, невзирая на протесты своего начальства — военного и гражданского, на протесты членов торговых и промышленных ассоциаций и всех тех, кто мог оказывать какое-нибудь давление на человека, стоявшего во главе промышленного колледжа Энджел-Сити.

М-р Росс в это время был по уши погружен в наблюдение за буровыми работами новых скважин, но Бэнни так настаивал на том, что ему необходимо познакомиться с Гарри Сигером, что он согласился на то, чтобы сын пригласил его вместе с Полем к ним завтракать. М-р Росс наслушался таких новостей, от которых у него совсем пропал аппетит, и он сидел за столом, не дотрагиваясь ни до одного из поданных блюд. Он пришел в ужас от того, что он слышал, но нельзя было, конечно, ожидать, чтобы под этим впечатлением его ум стал работать в том же направлении, как и ум Бэнни. М-р Росс не в состоянии был, конечно, распутать всю путаницу, царившую в мире, да у него и не было ни малейшего желания этим заниматься. Его только испугали известия, что японцы были в Сибири и что наша дипломатия была совершенно, по-видимому, не осведомлена о местонахождении нефти; больше же всего его пугало то, что его сын подпал под влияние всех этих диких, опасных идей.

Так же вот и этот малый, Сигер, — детина шести футов ростом, красивый, как викинг, с густой шапкой поседевших раньше времени волос — результат его напряженной работы. Разумеется, вы не могли отрицать тех фактов, которые он сообщал, не могли заподозрить его во лжи, но — бог мой! — чего ради надо было ему стараться перевернуть вверх дном все установившиеся убеждения и сеять волнения в стране, нападая на правительство? И это за то только, что во время страшной суматохи, царившей во время войны, оно сделало ошибку и не знало потом, как из нее выйти!

Но Бэнни все же удалось убедить отца пойти вместе с ним на митинг социалистов, на котором должен говорить Гарри Сигер. Митинг происходил в большом холле, в котором собралось более двух тысяч человек, и м-р Росс никогда еще в жизни не видел такого количества "опасных" людей: мужчины с иностранными физиономиями, мрачные, с умными, проницательными глазами, с волосами, падавшими длинными прядями на шею; женщины — с короткими

волосами и большими очками на носу; рабочие — угрюмые и сосредоточенные, с крупными, резкими чертами лиц.

О, страшные, страшные люди! И этот Сигер, взвинчивающий всю эту публику до иступления, рассказывавший им о "поезде мертвецов", который он видел на Великой сибирской железной дороге, — более двух тысяч мужчин и женщин, запертых в вагонах, в которых перевозят скот. Это были пленные "белых". Белогвардейцы не знали, что с пленными делать, и, заперев их в пустые вагоны, возили по дороге то в одну сторону, то в другую и держали их по нескольку недель на запасных путях до тех пор, пока несчастные не погибали от голода, холода и болезней. А американские войска стояли тут же и кормили этих убийц и снабжали их деньгами и оружием! И все эти гнусности еще продолжают. Как раз сейчас польские войска двигались по русской территории; они одеты в американские мундиры и убивают американскими снарядами русских рабочих. Что имеет сказать американский народ по этому поводу?

То, что американский народ имел сказать по этому поводу, выразилось таким взрывом оглушительных криков, что у старшего Росса мороз пробежал по спине. Он смотрел на это море человеческих голов, поднятых рук, сжатых кулаков, грозно размахиваемых в воздухе, и прекрасно знал, что все это означало, — никто не мог его провести. Когда вся эта толпа, как один человек, восторженно и громко кричала при каждом упоминании имени Ленина — он знал, что все эти радостные крики относились не к тому, что русский Ленин сделал для России, но к тому, что сделает для Америки какой-то другой, — американский Ленин, "Руки прочь от России!" — этот крик был только отзвуком, эти слова означали: "Руки на "Консолидированного Росса!""

В это самое время м-р Росс взглянул на своего сына. Было ясно, что Бэнни совершенно не разделял страхов своего отца. Он был точь-в-точь таким же, как и вся эта толпа и как вся эта чернь, — возбужденным до последней степени. Он громко кричал: "Руки прочь от России!" — очевидно, или не понимая того, что намеревалась сделать вся эта толпа с "Консолидированным Россом", или, что еще хуже, относясь к этому совершенно безразлично.

VIII

Небольшая группа "красных" студентов Тихоокеанского университета тоже присутствовала на этом митинге, и на следующий день только об этом и было разговору. Но из ближайших товарищей Бэнни идти на митинг никто не захотел, что не мешало им, однако, критиковать теперь речи всех тех, кого они не слышали. Их слова заставляли Бэнни кипеть негодованием. Все эти глупости о национализации женщин, о десятках миллионов жертв большевизма! Как можно было допускать, чтобы в стенах университета произносилась такая ложь? И не предпринималось никаких средств, чтобы с этим бороться.

Бэнни поделился своим негодованием с Питером Нагелем, и тот пошел домой посоветоваться со своим отцом, а вернувшись — объявил, что он охотно готов

работать в качестве издателя студенческой газеты — для того, чтобы этим путем выяснить истину.

В тот же вечер устроили митинг, на который собрались все университетские заговорщики, и очень быстро были собраны по подписке требуемые для начала дела деньги — тридцать долларов. Потом большинством голосов решено было издавать еженедельную газету в четыре страницы под заглавием "Расследователь". Далее, так как все находили, что о том, что происходило в России и о ее задачах лучше всех был осведомлен Гарри Сигер, то Рашель Менциес поручено было написать в виде фельетона интервью с этим последним. Другому юному мятежнику было предложено собрать все факты и слухи, касающиеся секретных выдач из студенческого фонда наемным атлетам, содействующим славе Тихоокеанского университета. Что касается Бэнни, то ему, как более других осведомленному в области общественных вопросов, поручено было написать передовую статью на тему, касающуюся университетского снобизма, упомянув о том факте, что один из студентов — индус, юноша исключительных способностей и знаний, получил при баллотировке черный шар; исключительно только вследствие своего индусского происхождения.

Питер Нагель оседлал своего любимого конька и просил поместить его поэму, в которой он осмеивал бога. Это предложение вызвало шумные протесты, в которых указывалось на неуместность и некультурность затрагивать те или другие религиозные темы. Но Питер продолжал настаивать на своем. Издатель он или нет? Если да, то он имел право это напечатать, будучи вполне солидарен с теми, кто считал религию "опиумом для народа". Питера поддерживал Билли-Джордж, настаивавший на том, что новая газета должна затрагивать все решительно современные темы. В конце концов "Расследователь" был написан, проредактирован, сдан в набор и напечатан. Из типографий принесли листки, совсем еще влажные и мягкие, напоминавшие собой саранчу, только что вылезшую из своих кукол. Но на следующее утро они будут совсем уже сухи. А до тех пор: "Тсс! Никому ни слова!"

Но каким же способом раздавать все эти листки? Мнения по этому вопросу расходились. Бэнни со своими взглядами и размахом большого барина предлагал раздавать их даром. Но Рашель, со слов своего отца, который, помимо своего портновского дела, состоял еще литературным агентом социалистической партии Энджел-Сити, — заявила, что газету обязательно нужно продавать. Иначе публика будет к ней относиться без всякого уважения. "Все то, за что заплачено наличными деньгами, будет обязательно прочтено", — сказал папа Менциес со свойственной ему еврейской пронизательностью, а его дочь прибавила с чисто социалистической горячностью:

— Если мы искренне верим в свое дело, то, конечно, не остановимся перед тем, что, может быть, дадим этим повод немножко над нами посмеяться.

Это было в своем роде призывом к мученичеству, и, после некоторых колебаний, все они дали свое согласие.

Таким образом, на следующий день около восьми с половиной часов утра площадь перед университетским зданием представляла собой зрелище, подобного которому никто из студентов Тихоокеанского университета еще ни разу не видел с

самых первых дней существования воскресной школы методистов: владелец нефтяного поля "Росс-младший", единственный сын и наследник м-ра Росса старшего, взобравшись на скамейку и держа в руках целый ворох газет, весело кричал:

— "Расследователь"! Первый выпуск "Расследователя"! Пять центов номер!

Покупала ли публика новую газету? О! Нарасхват. Бэнни так окружили, что он не успевал давать сдачу. И с каждой минутой публика все прибывала, и скоро образовалась целая толпа. И, толпа эта все росла. Со всех сторон к ней бежали мужчины, женщины. Что случилось? Несчастье? Драка? Те, кто купил уже газету, выбирались из толпы и сами становились центром любопытных, которые задавали им массу вопросов и старались заглянуть в приобретенные ими листки.

Все это продолжалось в течение десяти-пятнадцати минут, пока в дверях главного здания университета не появилась представительная и важная, с золотыми очками на носу, фигура Реджинальдо Сквирджа, декана университета. Спокойный и величественный, он направился к толпе и спокойным, величественным тоном приказал газетчику-миллионеру следовать за собой. Дойдя с ним до своего кабинета, он велел ему там подождать, а сам опять вышел на улицу и скоро вернулся с Питером Нагелем. Потом опять вышел, и на этот раз его добычей был Григорий Николаев. За ним один за другим вернулись его помощники, ведя с собой остальных преступников.

Сколько было продано всего экземпляров — никто хорошенько не знал. Нераспроданные экземпляры были сложены в углу кабинета декана, и если кто их потом и подсчитал, то о результате этого подсчета никому не было сказано. Во всяком случае, распроданных экземпляров было вполне достаточно для того, чтобы взбаламутить всех жителей. "Читали вы новую газету?" — "Есть у вас хоть один экземпляр?" — "Дайте мне прочесть!" Весь день только это и слышалось. Цена отдельного номера возросла до одного доллара, а поздно вечером некоторым удавалось их продавать по два и даже по три доллара.

Один из номеров попал в издательство "Вечерний шум", одну из наиболее распространенных газет Энджел-Сити, выходящую пятью изданиями в день. И вот во втором издании, вышедшем около двенадцати часов дня, на первой странице было напечатано большими буквами:

"ГНЕЗДО "КРАСНЫХ" В УНИВЕРСИТЕТЕ! БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА В ТИХООКЕАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ!"

Под таким заглавием была напечатана статья, заключавшая целых два газетных столбца и передававшая содержание "Расследователя". В ней сообщалось об из ряда вон выходящем факте найма атлетов для университета, передавался полностью весь текст сатирической поэмы, осмеивающей божество, и — увы! — только очень кратко намекалось на то, что Гарри Сигер рассказывал о Сибири. Несколько часов спустя вышли соперники: "Вечерний шум", "Вечерний болтун", "Вечерний ревун" с массой новых подробностей, из которых одни были почерпнуты из телефонных разговоров, другие "состряпаны" в издательских конторах.

"Вечерний болтун" объявлял:

"КРАСНЫЙ ЗАГОВОР В ТИХООКЕАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ОТКРЫТ".

Дальше шло подробное описание всех действий полиции, занятой разыскиванием тех русских агентов, которые воспользовались Тихоокеанским университетом для распространения своей пропаганды печатным путем. Что касается "Вечернего ревуна", который занимался всеми подробностями, касавшимися главных действующих лиц, то он поместил портрет лидера заговорщиков с надписью:

"КРАСНЫЙ МИЛЛИОНЕР В ТИХООКЕАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, СЫН НЕФТЯНОГО МАГНАТА, СТОИТ ЗА СОВЕТЫ!"

Этим издатель совсем побил своих соперников. Получить портрет ему удалось очень ловким маневром. Он послал спешно одного из своих агентов в дом Росса к тете Эмме с известием, что Бэнни только что получил первую награду в науках и что требовалась его фотографическая карточка. И бедная леди была так взволнована этим радостным известием, что послала три раза своего человека на тот угол, где стоял обыкновенно газетчик, чтобы посмотреть, не вышел ли номер, сообщающий о полученной Бэнни награде.

IX

При обычном течении событий волнение, вызванное появлением на свет новой университетской газеты, улеглось бы через какие-нибудь полтора суток, не больше. На следующее утро газета сообщила бы о том, что университетские власти газету закрыли, а еще через день на всех их первых листках красовались бы объявления о новых изумительных событиях жизни Энджел-Сити: о "разводе той или другой звезды кино", о "бегстве жены известного магната с преподавателем ее сына" и многое в этом роде. Но судьбе угодно было помучить "красных" студентов Тихоокеанского университета.

На следующий день, после того как они удостоились получить громкую "известность", грузовик, полный разного рода взрывчатым материалом, двигавшийся по Уолл-Стриту, в силу обычной в таких случаях небрежности водителя, столкнулся с каким-то другим грузовиком, и произошел страшнейший взрыв.

Это случилось как раз против здания банкирской конторы Моргана и К°, и двенадцать человек из проходившей по улице публики было убито. Немедленно после взрыва банкиры призвали знаменитого американского сыщика и поручили ему расследовать этот таинственный случай. Знаменитый сыщик оказался настолько талантливым, что тотчас же сообразил, что если этот взрыв окажется делом простой случайности, то он не получит почти ничего; если же можно будет доказать, что это проделка большевиков, то его ждут несколько сотен тысяч долларов. А в силу этого, после трехминутного обследования дела он заявил, что это, без сомнения, дело рук большевиков.

И рассыпались по всему свету толпы шпионов и агентов сыскной полиции, преисполненные самой горячей жадной деятельностью, знавшие, что если им удастся или найти, или выдумать какой-нибудь ключ к разгадке тайны, то состояние их обеспечено. Волна этой погони за разгадкой таинственного события перекатилась

из Америки в другие страны, и два-три года спустя газеты все еще сообщали о тех или других новых попытках, предпринимаемых в этой области. Несчастные заключенные, томившиеся в польских и румынских тюрьмах, продолжали подвергаться всякого рода пыткам, в то время как жадные до всякого рода волнующих известий читатели газет ждали с лихорадочным нетерпением обещанных им разоблачений.

Что касается газет Энджел-Сити "Вечерний шум", "Вечерний ревун" и "Вечерний болтун", то положение их было такое: если они сумеют найти связь между большевистским заговором Тихоокеанского университета и взрывом бомбы на Уолл-Стрите, то их ждет сумма в несколько сотен долларов, которую им даст продажа добавочных выпусков. Если же они сделать этого не сумеют, то эта сумма достанется какому-нибудь более ловкому сопернику. В силу этого газета "Вечерний ревун", вспомнив о результате часового размышления о том, что в "Расследователе" упоминалось имя Гарри Сигера, и убедившись при помощи агентов американской охранной лиги, что на последнем митинге этот Сигер яростно напал на фирму "Морган и К°" и предсказывал ей в недалеком будущем разные ужасы, — выпустила новый, третий "вечерний" выпуск, появившийся на улицах Энджел-Сити около часу дня.

"О БОМБЕ ЗНАЛИ ЗАРАНЕЕ "КРАСНЫЕ" ТИХООКЕАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ПОЛИЦИЯ РАЗЫСКИВАЕТ СОВЕТСКИХ АГЕНТОВ ЗДЕСЬ".

— Вот что значит уметь пользоваться случаем, — сказал с улыбкой тот сотрудник "Вечернего ревуна", который доставлял газете главнейшие сенсационные новости. Он хорошо знал свое дело, и к концу дня в контору издательства уже входил почтенный ветеран войны и подтверждал, что несколько дней тому назад он слышал, как Гарри Сигер, с которым он встретился на одном из митингов, произнес следующую фразу: "Запомните мои слова и внимательно следите за газетами. Через три дня, самое большое, вы прочтете, что фирма Моргана здорово поплатилась за преступления, совершенные ею во время войны".

К этому ветеран прибавил, что он не сомневается в верности этого пророчества Сигера, потому что он тогда же слышал, как Сигер, разговаривая с кем-то по поводу вторжения поляков в Россию — вторжения, которое достигло тогда своего апогея, сказал: "Запомните мои слова и следите за газетами: через три дня вы прочтете, что польские войска отошли от занимаемых ими позиций". Так именно и случилось.

Непосредственно перед этим событием дверной замок в кабинете Сигера в промышленном колледже был взломан инструментами детективов и патриотов, а в ночь того дня, когда взорвалась бомба, они проникли туда с топорами, и Гарри Сигер, придя туда утром, нашел все ящики своего стола, а также и ящики многих студентов разгруженными на полу, а все бумаги — порванными и растоптанными тяжелыми, подкованными гвоздями, сапогами патриотов. Они нагроулили целую повозку всеми этими порванными рукописями и предстали обличителями тех "ужасов", которым Сигер обучал своих студентов. Подумать только, что, вместо того чтобы заставить их писать: "Быстрая рыжая лиса перепрыгнула через ленивую собаку", или что-нибудь в этом роде, он диктовал им слова, от которых мороз пробежал по коже каждого истинного патриота: "Все люди созданы свободными и равноправными", или еще того хуже: "Дайте мне свободу или лишите меня жизни".

Только очень немногие студенты Тихоокеанского университета серьезно думали, что их "красные" товарищи были ответственны за взрыв бомб на Уолл-Стрите. Но они знали, что эти их "неразумные" товарищи были дурно направлены теми мрачными типами, которые, весьма возможно, принимали участие в заговоре. Равным образом они знали, что "красные" предали университет весьма некрасивой огласке. В результате к "красным" все приставали с расспросами и донельзя им надоедали. Потом их поодиночке вводили в кабинет декана и подвергали перекрестному допросу, который вели не один только председатель м-р Коопер и декан Сквирдж, но и разного рода джентльмены, — представители учебного округа, судебного ведомства, тайной полиции, патриотических издательств союза общественной охраны и информационного бюро бывшего посла давно уже не существующего русского правительства.

Когда обо всем этом узнал Бэнни Росс, то произошел новый казус. Будучи сыном богатого человека, Бэнни привык пользоваться своими правами и на первый вопрос, предложенный ему одним из лиц, находившихся в кабинете декана, спросил:

— Скажите, кто вы и какое имеете отношение к данному делу?

— Послушайте, Росс, — сказал декан Сквирдж, — если дурные люди угрожают благоденствию нашей страны, то не можете же вы желать оказывать этим людям покровительство?

— Зависит от того, что вы подразумеваете под словом "дурные", — возразил Бэнни, — если вы назовете дурными тех, кто старается говорить правду, то я сочту своим долгом всеми своими силами им помогать.

— Все, что нам нужно знать, это чтобы вы сказали все, что вам известно о некоем Поле Аткинсе.

Дело обстояло, очевидно, так; одно из двух, или Бэнни должен подчиниться перекрестному допросу детективов, или все они будут подозревать, что он скрывает какие-то тайны, касающиеся Поля. Поэтому он сказал:

— Поль Аткинс — мой лучший друг. Я знаю его уже восемь лет. Это самый честный, прямой человек из всех, каких я когда-либо встречал. Он недавно вернулся домой совсем больным, прослужив полтора года в Сибири. Он мог бы обратиться к правительству с просьбой о выдаче ему пайка, но он слишком горд для того, чтобы это сделать. Он рассказывал мне только о том что видел своими глазами, и я верю каждому его слову и буду говорить об этом всем и каждому, как в стенах университета, так и в городе, и никто не может мне этого запретить.

Этим дело кончилось, и на этот раз Бэнни не понес никакого серьезного наказания. Они решили проучить менее богатых заговорщиков и в первую голову — Питера Нагеля, считавшегося главным виновником, так как его имя как редактора красовалось на первой странице газеты. Питеру предложили отказаться от всех его издевательств над богом, но он поклялся богом, что этого не сделает.

В результате в "Вечернем ревуне" появилась статья под заглавием:

"КРАСНЫЙ СТУДЕНТ ИСКЛЮЧЕН ИЗ УНИВЕРСИТЕТА".

Питер простился с товарищами и просил их не беспокоиться о его судьбе. Он будет заниматься ремеслом и когда-нибудь сумеет отомстить обществу. А когда он накопит достаточно денег, то будет издавать свою собственную газету и писать там все, что ему вздумается.

Потом настала очередь Рашель Менциес. Бэнни предупредил ее относительно агентов тайной полиции, и она обещала быть при них совершенно спокойной. Но агенты все же сумели вывести ее из себя и довести до нервного расстройства. Какое участие принимал ее отец в этом заговоре? Они имели доказательства, что ее отец, папа Менциес, родился в Польше, и при новых законах этого было совершенно достаточно, чтобы, не считаясь совершенно ни с вашими убеждениями, ни с вашей деятельностью, схватить вас, посадить на пароход и отправить на родину, оставив вашу семью умирать с голоду, если она не сумеет сама себя пропитать. Вам не предоставлялось права обращаться к суду, и ждать помощи вам было неоткуда... А затем Рашель была поставлена в известность, что всякий, кто возвращается в Польшу в наши дни с "красным билетом", не подлежит уже никакому суду: его просто ставят к стенке и расстреливают.

Все эти речи довели, разумеется, бедную девушку до слез. Она рыдала, уверяя всех этих чужих людей, что ее отец был социалистом, а не коммунистом, но что это значило для таких патриотов? В отчаянии Рашель телефонировала Бэнни, и он вскочил в свой автомобиль и помчался к председателю Алонзо Кооперу в его частную резиденцию, что было, между прочим, против установленного в университете этикета. Не дав времени м-ру Кооперу высказать свой взгляд на дело, он поставил ему свои собственные условия. Он готов отказаться от публичной пропаганды, пока он будет оставаться в стенах университета. Но если университетские власти допустят высылку м-ра Менциеса на родину в наказание за то, что его дочь написала отчет о лекции, то тогда он, Бэнни Росс, будет действовать иначе и употребит отцовские деньги на то, чтобы, перед тем как оставить университет, дать этому делу самую широкую огласку.

М-р Коопер покраснел до самых корней своих седых волос, выслушивая заявление о весьма откровенном шантаже.

— Молодой человек, — сказал он, — вы совершенно упускаете из виду тот факт, что университетские власти ничего не могут сделать против тех или других решений правительства.

— Д-р Коопер, — отвечал Бэнни, — я многому научился у своего отца и прекрасно знаю, что если вы скажете этим идиотам, что желаете, чтобы они это дело прекратили, они его прекратят. И я хочу еще вам сказать, что хотя я никогда еще не встречался с м-ром Менциесом, но знаю хорошо его дочь, и она часто передавала нам о его взглядах и убеждениях, и все они сводились к одному: к вере в демократию и народное образование. И все советы, которые он нам присылал с дочерью, касались этой именно области. Он принадлежит к правому крылу социалистической партии и не сочувствует большевистскому движению. Я вам все это говорю для того, чтобы вы знали того человека, которого собираются выслать из Америки.

Оказалось, что д-р Коопер действительно знал папу Менциес очень мало и очень был доволен, что Бэнни сообщил ему все эти подробности. Как это ни комично, но дело в том, что помимо того чувства, которое он должен был официально

испытывать, старый джентльмен испытывал еще нелегальное любопытство к тем странным новым идеям, которые покорили этого юного миллионера. И Бэнни принялся рассказывать ему о Поле Аткинсе и о Гарри Сигере, о том, что они собой представляют, что видели в Сибири и что думали по этому поводу и они и сам он, Бэнни. Доктор задавал наивные, детские вопросы, усиленно стараясь все понять, и Бэнни прочел ему целую лекцию о большевизме и социализме, продолжавшуюся без малого два часа. В конце концов, молодой миллионер был отпущен домой, причем доктор дружески похлопал его по спине и обещал ему, что до тех пор, пока он, Коопер, будет оставаться во главе университета, папа Менциес может быть совершенно спокойным: его никуда не вышлют. При этом старый джентльмен считал все же нужным предупредить Бэнни, что если такой зрелый ум, как его, мог иметь дело с опасными новыми идеями, будучи достаточно хорошо для этого "вооруженным", то незрелые умы студентов ни в коем случае не должны их касаться.

XI

Свидание и разговор Бэнни с Генриэттой Аслеич оказались в действительности менее болезненными, чем этого ожидал юный Росс. Может быть — потому, что она скрыла свое огорчение под маской достоинства.

— Мне все это грустно, Арнольд, но я начинаю бояться, что в вашей натуре есть нечто, что удовлетворяет такого рода гласность.

Бэнни старался вооружиться смирением и безропотно перенести этот выговор, но не мог этого сделать: что-то было в нем, что протестовало против образа мыслей Генриэтты. А когда у вас является протест против образа мыслей данной молодой особы, то все ваши романтические фантазии, связанные с ее образом, бледнеют.

Дома его ждал ряд новых неприятностей. И прежде всего тетя Эмма. Бедная тетя Эмма! Она была в отчаянии, плакала и чувствовала себя совершенно сбитой с толку: Бэнни не получил награды! Тетя Эмма была почему-то глубоко убеждена, что в университете раздавались награды и что Бэнни обязательно получил бы одну из них, если бы не стоял за "красных". Эта ужасная опасность большевизма! И где же? Не дальше как у них же в доме! Тетя Эмма наслушалась самых страшных историй от тех лекторов, которые читали в женском клубе, и она никогда-никогда не думала, чтоб эти посланники сатаны могли соблазнять ее дорогого, ее ненаглядного племянника...

— Берегись, тетечка! — прервал ее Бэнни со смехом. — Кто знает, может быть, теперь будет твоя очередь.

А потом Берти. О, Берти была в диком неистовстве. Она получила приглашение на вечер к Асертон-Стюартам, с которыми ей так хотелось сойтись. Но разве она теперь поедет? Разве она может показаться в светском обществе? Всякий раз, как ей удавалось достигнуть желаемого успеха в обществе, являлся Бэнни и все портил какой-нибудь выходкой. А теперь произошло нечто совсем уж отвратительное, доказывавшее всю низменность его вкусов.

И наконец сам м-р Росс. Но он был точно каменный, не сказал ни единого слова, не задал ни единого вопроса, и когда Бэнни принялся было ему объяснять, как все произошло, он остановил его со словами: "Ладно, сынок, объяснять нечего. Я знаю, как все это было". И это было совершенной правдой, — он знал Поля и Гарри Сигера, а мысли его сына были ему понятны и близки. Кроме того, он знал трагедию жизни и то, что каждому поколению свойственно делать те или другие ошибки.

В университете шум, произведенный всей этой историей, затих очень быстро. Прошло несколько дней, и товарищи Бэнни уже весело над ним подтрунивали. Все это было не более как шутка. Но вскоре выяснилось, что эта "шутка" имела серьезное последствие: м-р Даниэль Вебстер-Ирвинг получил письмо от председателя Коопера, любезно уведомлявшего его заранее о том, что его контракт с Южным тихоокеанским университетом на следующий год возобновлен не будет. Преподаватель с грустной улыбкой показал это письмо Бэнни. Юный идеалист пришел в страшное негодование и решил немедленно ехать к почетному доктору и вторично постараться подействовать на него угрозой легкого "шантажа". Но м-р Ирвинг не позволил ему этого делать: все равно всегда можно было найти тысячу способов сделать жизнь учителя несчастной. Он возобновит свои связи с агентствами, доставляющими места, напишет целую массу писем и переключит с этого "пастбища" на какое-нибудь другое.

— Если я предприму все эти меры, то, несомненно, что-нибудь да получу. У них очень хорошо все организовано, и мое исключение отсюда, может быть, еще окажет мне пользу.

— Но каким образом они до вас добрались? Как вы думаете, м-р Ирвинг?

— В конце концов это должно было случиться, — ответил преподаватель, — у них чересчур много шпионов.

— Но мы были ведь так осторожны! Мы ни разу не произнесли вашего имени ни при ком, как только в самом близком своем кружке.

— Очевидно, среди этого вашего "близкого" кружка тоже был шпион.

— Как? Из числа студентов?!

— Разумеется.

Сказав это и прочтя на лице Бэнни выражение полнейшего недоумения, м-р Ирвинг с улыбкой поискал что-то в своем ящике и достал маленькую сложенную бумажку: это была вырезка из газеты.

— Мне ее передал недавно один мой знакомый, — сказал он, протягивая бумажку Бэнни.

Это был недельный бюллетень из газеты "Американская лига", органа пропагандной организации деловых людей Энджел-Сити. В нем говорилось о работе их агентов в разного рода учреждениях, в университете и высших школах, агентов, работавших там в качестве студентов для того, чтобы наблюдать за преподавателями и студентами и доносить о каждом намеке на "красную опасность". Лига хвасталась тем, что у нее был капитал в сто шестьдесят тысяч долларов в год.

Еще новое столкновение с тяжелой действительностью, новый удар, обрушившийся на голову юного идеалиста. Бэнни сидел молча, перебирая в голове членов их маленького студенческого кружка. "Кто мог это сделать? Кто?" — мысленно спрашивал он себя.

— Разумеется, только кто-нибудь из очень "красных", — сказал м-р Ирвинг, угадав его мысли, — Дело обычно происходит так: доверенный агент горит нетерпением что-нибудь выведать и донести, и в тех случаях, когда материал накапливается туго, сам начинает торопить события. Вот почему шпионы почти всегда становятся провокаторами. Отличительная их черта — это то, что они очень много говорят и ничего не делают. Допустить, чтобы на них указывали потом как на лидеров, они, конечно, не могут.

— Боже мой! — воскликнул Бэнни. — Да ведь он как раз обещал нам продавать газеты, а когда настало время, то его нигде не могли найти.

— Кто этот "он"?

— Билли-Джордж. Мы никогда не были для него в достаточной степени "красны". Это он подбил Питера Нагеля напечатать свою дурацкую поэму. Сам же вышел совсем сухим из воды. О его участии в скандале ни разу даже и не упоминалось.

М-р Ирвинг улыбнулся:

— Да, м-р Росс, теперь вы познакомились с белым террором на практике. Это поможет вам разобраться в мировой истории. К счастью, вы богаты, а потому для вас это кончилось шуткой. Но не забудьте того, что если бы вы были каким-нибудь бедным русским евреем, вы бы сидели сейчас в тюрьме, приговоренным к уплате десяти тысяч долларов и к заключению на десять или даже на двадцать лет. А если бы вы жили в Польше, Финляндии или Румынии, то вы и вся ваша кучка были бы расстреляны и закопаны в каком-нибудь рве уже с неделю назад.

Глава двенадцатая

"СИРЕНА"

I

Снова настала весна. Бэнни кончал второй курс в Тихоокеанском университете. Но нежного пушка на персике уже не было: то обаяние, которым пользовался университет в глазах Бэнни в первое время, давно уже испарилось. Он знал теперь, что большинство лекций были очень скучны и что приходилось заучивать массу фактов, в сущности маловажных и неинтересных, в которых не было никаких новых, оригинальных идей. Единственно, что за это время он приобрел, — это сведения о многих интересных книгах. Но прочесть их он прекрасно мог и дома. И Бэнни спрашивал себя — стоило ли ему оставаться в университете еще и на следующий год?

В Парадизе дело обстояло, в общем, лучше. Поль снова принялся за свою работу в качестве старшего плотника компании. Силы его почти совершенно восстановились, и он хорошо зарабатывал. Руфь снова была счастлива. У нее было несколько ухаживателей, но она ни на кого не обращала внимания, занятая исключительно своим удивительным братом. Поль опять прилежно занимался

научными вопросами, но теперь это не была биология. Все его деньги уходили на те журналы, брошюры и книги, в которых разбирался рабочий вопрос, говорилось о борьбе рабочего класса. Из вернувшихся с фронта солдат, живших в окрестностях Парадиза, многие были совершенно такого же мнения о войне, как и Поль, и два раза в неделю они все собирались у него, прочитывали вслух какую-нибудь статью и сообща ее обсуждали.

Постепенно домик в ранчо Раскома превратился в "большевистское гнездо", как прозвали его газеты Энджел-Сити. Не все рабочие были солидарны с Полем по вопросу о тех или других тактических приемах, но все безусловно сходились на том, про между капиталом и трудом ничего не было общего, что борьба между ними была неизбежна. И они не делали из своих взглядов никакой тайны, — иногда перекидывались словечком во, время самой работы, иногда говорили об этом в кругу товарищей в часы завтраков, обедов, и эхо таких разговоров разносилось далеко по округе. М-р Росс обо всем этом, конечно, знал, но ничего против этого не предпринимал, — его рабочие всегда пользовались полной свободой говорить, что им вздумается, а сам он полагался всецело на судьбу. В сущности, он вряд ли и мог бы что-нибудь сделать, так как все в округе знали, что молодой владелец Парадиза, его сын и наследник, был одним из наиболее "красных" среди тех, кто имел обыкновение собираться у Поля.

Уже с самого начала войны Союз нефтяных рабочих был организацией, признанной властями, и, согласно постановлению правительства, с ним считались. Но теперь рука дяди Сэма начала слабеть; идеалист-президент лежал больной в Вашингтоне, и в Энджел-Сити начинали раздаваться голоса, желающие возврата к "доброму старому времени".

Срок контракта работы заканчивался в последние месяцы того года, на этом вертелись все разговоры рабочих как среди "красных" в домике Поля, так и среди всех остальных, и над головою Бэнни нависла туча новой забастовки.

В душе м-ра Росса не остывало страстное желание, чтобы его сын серьезно заинтересовался делами компании и ее все развивающейся деятельностью. И Бэнни, постоянно чувствуя эту непрестанную заботу отца, заставлял себя внимательно просматривать все месячные отчеты, расходы и доходы, ходил на буровые работы и вел долгие беседы с управляющим. Всего несколько лет тому назад каждая новая нефтяная скважина была для него самой интересной вещью на свете; но теперь обстоятельства так изменили его внутренний мир, что новые скважины его совершенно не радовали. Все они были теперь в его глазах абсолютно одинаковыми. N 142 дала шестьсот тысяч долларов, а N 143 — всего четыреста пятьдесят тысяч долларов. Но какую это делает разницу, если все, что вам предстоит сделать с этими сто пятьюдесятью тысячами лишних долларов, — это только пробурить новую скважину?!

Ответ м-ра Росса был вполне определен: "Мир нуждается в нефти". Но когда вы смотрели на этот мир, то вы видели только, что колоссальные массы народов стремились перебраться с одного места на другое, и всюду им было нисколько не лучше, чем дома. Так для чего ж это все? Но этого, разумеется, Бэнни не мог сказать своему отцу, все это не входило в область его разума.

И Бэнни учился таить в себе все подобные мысли — и все эти теории классовой борьбы, о которых он узнавал от Поля, и слухи о забастовках, о которых он читал в газетах нефтяных рабочих. А с отцом он отправлялся удить рыбу, и они делали вид, что, им так же хорошо, как и раньше, — в этом уединении, среди красот окружавшей их природы. В действительности же м-р Росс стал чересчур тяжел на подъем, и чересчур болели его суставы, для того чтобы он мог испытывать особенное удовольствие, карабкаясь с одного берегового утеса на другой.

II

Пасхальные каникулы Бэнни проводил в Парадизе, и как раз в это время на участок приехал и Вернон Роскэ. Он заезжал туда и раньше, но Бэнни был все это время в Энджел-Сити и видел его только раз мельком, в городской конторе, среди деловой суматохи и толпы. У него осталось только общее впечатление чего-то колоссального: громадного лица, громового голоса. Отец Бэнни говорил, что сердце у Вернона тоже было очень обширно, но в этом его сыну не было еще случая убедиться. М-р Роскэ похлопал только его ласково по спине и назвал его "Джим-младший". И вот теперь он приезжал в Парадиз. Но еще раньше его туда примчался горячий ветер пустыни, изредка посещавший эти места. Как правило, летняя жара вполне терпима в Парадизе, вечера и ночи там всегда прохладные. Но два или три раза в год на всю эту местность налетает жгучий ветер и превращает окружающий вас воздух в раскаленную атмосферу пустыни. Получается такое впечатление, точно чья-то пылающая рука схватила вас за горло и душит. "Сто пятнадцать градусов в тени, а тени нигде нет", — обыкновенно говорят в таких случаях нефтяные рабочие, которым приходится проводить целый день на солнце. Самое худшее — то, что этот жгучий ветер дует не переставая и днем и ночью, и воздух в домах так накаляется, что в течение нескольких дней вам кажется, что вы живете в горячей печке.

"Нефтяной магнат", как называли газеты Вернона Роскэ, выехал из Энджел-Сити после обеда и прибыл в Парадиз около двенадцати часов ночи. Отец с сыном сидели в ожидании его на веранде. Он их издали увидел, и его могучий голос заглушил шум машины.

— Алло, Джим! Алло, Джим младший! Черт возьми, что это вы мне устроили?! Клянусь богом, Росс, я никогда еще не испытывал такой убийственной жары. Неужели же и завтра будет такое же пекло? Я уж думаю, не повернуть ли мне лыжи и не бежать ли отсюда прочь?

Он вышел из автомобиля и направился к веранде. Его красное лицо было так же кругло, как месяц, который освещал его большую, почти совсем лысую голову. Он снял свой пиджак и крахмальную рубашку и был в одной нижней, розовато-красной шелковой сорочке. Ни о какой благодетельной испарине не было, конечно, и речи: в этой атмосфере раскаленной пустыни вы испытывали только сухой жар, и как бы долго ни стояли под направленной на вас струей воды — через две минуты ветер совершенно высушивал и ваше платье и вас самих.

— Алло, Верн! — приветствовал м-р Росс гостя.

А Бэнни спросил:

— Как вы поживаете, м-р Роскэ? — и поспешил взять и сжать руку магната, чтобы тот не успел схватить его пальцы и расплющить их своей мощной лапой.

В былые времена м-р Роскэ был живодером в Оклахоме и обладал такой физической силой, что про него рассказывали, как, поймав однажды конокрада, он согнул его так, что сломал ему спину. И до сих пор, несмотря на валы жира, которые на нем выросли, он все еще был силен, как бык.

— Чувствую себя совсем как в аду, — ответил он на вопрос Бэнни и, обращаясь к его отцу, спросил: — Джим, как ты думаешь, уезжать мне обратно или оставаться?

— Необходимо остаться, — сказал м-р Росс. — Я не стану начинать разработку нового участка, прежде чем ты его не осмотришь. В крайнем случае мы посадим тебя на лед.

— А что мое пиво? Внеси его сюда, Кино! — обратился он к стоявшему в дверях и ухмылявшемуся японцу. — Принеси мне его сюда полное ведро. Или лучше — не ведро, а бочонок. Полный бочонок. У меня там несколько таких бочонков в автомобиле. А слышали, какую штуку выкинул Пет О'Рейли? Перевез через границу в своем автомобиле целую громадную корзину с бутылками виски. Он рассказывал мне, что она обошлась ему в сто долларов четверть. Боже мой, Джим, и как только ты можешь выносить такую жару?! Что ты делаешь?

— Пью лимонад вместо пива, — ответил м-р Росс.

Его сын настоял на такой замене одного напитка другим, и м-р Росс этим очень гордился.

— Ну, это не для меня, — сказал Роскэ. — О, черт побери, я забыл приказать достать свою резиновую ванну. Тут ведь нет женщин, Джим?

Говоря это, м-р Роскэ сбросил свои ботинки и брюки и сел под струю электрического веера.

— От этой проклятой штуки несет, кажется, только еще большим жаром, — заявил он через минуту и, посмотрев на Бэнни, сказал: — Так вот он, наш юный большевик! Но где же красное знамя? Я его что-то не вижу.

Бэнни, который через два месяца должен был достигнуть совершеннолетия (внушительный возраст!), очень не любил шуточек этого рода, но Роскэ был его гостем, и ему ничего другого не оставалось, как улыбнуться.

— Между прочим, дитя, ты написал очень хорошую передовую статью. И она оказалась весьма полезной в некоторых моих деловых переговорах. Заходи как-нибудь в мою контору, и я познакомлю тебя с одним переряженным советским комиссаром. Дело в том, что они стараются продать мне концессию на Урале. "Черт бы вас побрал, да разве есть на свете такое место?" — спросил я этого комиссара. Но оказалось, такое место действительно есть, и мы стали вести переговоры. Они все хотели подействовать на меня словами о всяких там их братских чувствах, а я им сказал, что я все это знаю и что младший член нашей фирмы в курсе всех их дел. "Взгляните вот на это", — сказал я и показал им студенческую газету. И с этих пор мы с ним "товарищи"!

Спустя несколько минут "товарищ" Роскэ в ярко-зеленой пижаме отправился спать во двор, где ему поставили кровать около самого фонтана. В пять часов утра его разбудили, и он с м-ром Россом, геологом и инженером отправился осматривать участки и вернулся домой, едва только солнце начало слепить ему глаза, вернулся запыхавшийся, еще более вчерашнего негодующий на жару. Вместо завтрака он потребовал себе пива и принялся охать и стонать по поводу того, что с ним будет, когда весь запас этого пива кончится?!

М-р Росс и Бэнни убедили его не трогаться в путь раньше вечера, и они втроем отправились говорить о делах в одну из жилых комнат, тщательно заперев все двери и окна.

Но солнце жгло и крышу и стены, и каждые десять минут магнат вскакивал с места, смотрел на термометр и раздражался потоком самых красноречивых слов из репертуара живодеков и мясников. Вскоре он дошел до полного иступления и объявил, что не может быть, чтобы не нашлось какого-нибудь способа охладить дом. Черт побери, пусть притащат пожарную кишку и зальют всю комнату! Но на это Бэнни, который интересовался физикой, сказал, что это только переменяло бы климат пустыни на климат побережья Конго. Тогда м-р Роскэ посоветовал полить из пожарной кишки внешние стены дома и крыши. Бэнни позвал садовника, и через несколько минут струи воды из нескольких опрыскивателей забарабанили точно потоки ливня по двери и окнам их комнаты.

Но и этого оказалось мало, и м-р Росс телефонировал заведующему металлической мастерской и спросил его, сможет ли он немедленно сделать чертеж холодильника больших размеров, а на его утвердительный ответ велел бросить всякую другую работу и соорудить такой холодильник, пообещав рабочим по лишнему доллару в том случае, если они сумеют сделать его в один час. Скоро явилось четверо рабочих с платформой и большим металлическим ящиком с двойными стенками, вышиной во всю комнату. Утвердив на платформе вентилятор, они принесли приблизительно полтонны колотого льда и два мешка соли, и через несколько минут термометр показывал в тех местах, которые находились в районе ветра, дувшего из вентилятора, — нуль градусов.

Нефтяной магнат придвинул свое кресло вплотную к металлической стенке холодильника, и не прошло и пяти минут, как он задышал с видимым удовольствием, а спустя еще полчаса произнес такое звучное и громкое "Кершоо!" — что присутствующие разразились гомерическим хохотом.

После этого он задремал, — выпитое пиво давало себя знать, — и дремал все время, пока м-р Росс ходил на буровые работы. Когда отец Бэнни вернулся, сели завтракать. После завтрака Вернон Роскэ еще с часок подремал, а проснувшись — объявил, что чувствует себя превосходно, и принялся без умолку болтать. И эта болтовня открыла Бэнни много новых сторон той жизни, в которой он вращался.

— Джим, — сказал магнат, обращаясь к миру Россу, — мне нужно взять из твоих денег двести тысяч долларов.

— Да? — спросил м-р Росс любезным тоном. — Для каких именно целей?

— Тебе все это вернется с очень большой прибылью. Мы открываем маленький фонд — я, Пет О'Рейли и Фред Орпан. Но мы никому, кроме тебя, не можем об этом заикаться.

— Но что такое, Верн?

— То, что мы готовимся к съезду республиканской партии, и клянусь — мы уже не пропустим больше в президенты никакого длиннолицего профессора. Нам нужна круглолицая физиономия вроде нас с тобой, Джим. Сейчас я специально для того еду в Чикаго.

— Ты имеешь кого-нибудь в виду?

— Я веду переговоры с одним типом из Огайо — Барнеем Брокуэном, он ведет дела этой партии. Он советует нам остановить выбор на сенаторе Гардинге. Это — высокого роста малый, очень представительный, хороший оратор и человек, которому можно верить (он был губернатором) и который умеет слушать то, что ему говорят. Брокуэн думает, что они сойдутся на двух-трех миллионах. А одновременно наладит дела и с секретарем внутренних дел.

— Понимаю, — сказал м-р Росс, которому не нужно было никаких дальнейших объяснений.

— Я там наметил один участок. Обхаживал его все эти последние десять лет и могу сказать, что это не участок, а своего рода чудо! "Экцельсиор-Пет" пробурил на нем две пробных скважины, но они их закрыли и дело замяли. Об этом упоминалось только в одном правительственном отчете, но печатать его не разрешили, и он остался в единственном экземпляре, которого достать нигде нельзя. А я все-таки его получил — для меня украли одну копию! Оказывается, там около сорока тысяч акров сплошных пластов нефти.

— Но как ты сможешь взять все это от "Экцельсиора"?

— Правительство взяло себе весь этот участок, предполагая сделать его собственностью морского ведомства. Но какой от него будет прок морскому ведомству, если все эти богатства не будут правильно разрабатываться? Эти идиоты думают, что вы можете бурить скважины и ставить обсадные трубы в то самое время, когда конгресс голосует объявление войны. Нет! Пустите нас туда, и мы добудем нефть в таком количестве, что продадим ее морскому ведомству столько, сколько только ему понадобится.

Это была как раз российская точка зрения, и потому спорить ни о чем не пришлось. М-р Росс только рассмеялся и сказал:

— Тебе нужно как можно лучше себя обеспечить, Вернон, заручиться покровительством еще и генерал-прокурора.

— Я уже об этом подумал, — сказал тот. — Но дело в том, что Барней Брокуэ сам будет генерал-прокурором. Это входит в его условие с Гардингом.

В эту минуту м-р Роскэ вспомнил о Бэнни, сидевшем с книгой в руках у окна и делавшем вид, что читает, и сказал:

— Я надеюсь, что наш юный большевик, конечно, поймет, что все это не предмет беседы с товарищами и с кем бы то ни было вообще.

— Бэнни был всегда в курсе моих дел, — поспешил сказать м-р Росс. — С тех самых пор, когда он был ростом с кузнечика. Ну значит, так, Берн. Я пришлю тебе чек, как только все будет готово.

Солнце садилось, и м-ру Роскэ настало время уезжать. Но прежде он успел еще плотно пообедать. За обедом, когда подали мороженое и кофе, он бросил на стол свою салфетку, с довольным видом потянулся на стуле, удобнее примостился к его спинке, достал сигару и, устремив свои хитрые глаза на Бэнни, сидевшего за столом против него, сказал:

— Джим младший, хочешь, я сейчас скажу, что я о тебе думаю?

— Пожалуйста, скажите, — почтительным тоном ответил Джим младший.

— Ты очень милый мальчуган, но чересчур серьезный, черт возьми! Вы оба — и ты и твой отец — недостаточно легко относитесь к жизни. И тебе непременно нужно немного развлечься... У тебя есть какая-нибудь девочка, мальчуган?

— В данный момент нет, — ответил Бэнни, слегка краснея.

— Я так и думал. А как раз это-то тебе и необходимо. Необходимо иметь хорошую девочку, которая развлекала бы тебя и заботилась о тебе. Не подумай, конечно, что я имею в виду каких-нибудь "джаз-беби" — нет, тебе нужна такая, у которой было бы немножко разума в голове, вроде моей Аннабели. Ты знаешь Аннабель Эмс?

— Я никогда с ней не встречался, но, разумеется, видел ее много раз.

— Видел ее в "Мадам Титси", надеюсь? Вот это картина, черт побери! Единственная из всех, которая вернула мне часть тех денег, которые я на нее затратил. Так вот, эта девочка заботится обо мне, как о сыне. Если бы она была здесь, я уж, конечно, не выпил бы всего этого пива, можешь быть уверен. Непременно приходи как-нибудь ко мне, и Аннабель найдет для тебя девочку. У нас их так много... И не какую-нибудь кляксу, а с огоньком, такую, с какой будет весело. Она любит устраивать такого рода дела и никогда не бывает так счастлива, как когда ей удастся найти подходящую парочку, посадить в клетку двух влюбленных пичужек... И отчего бы тебе сейчас со мной не поехать?

— Мне нужно быть послезавтра в университете, — сказал Бэнни.

— Но во всяком случае ты непременно приезжай. И отца с собой тащи. Ему тоже нужно будет найти девочку... Я много раз ему об этом говорил. У тебя нет еще девочки, Джим? А? Черт побери! Он, кажется, покраснел?! Ни дать ни взять, старая дева в штанах! А ведь я бы мог порассказать мальчугану кое-что о тебе, как ты думаешь, Джим? А? Старый шалун!

С этими словами "великий человек" встал со стула, хлопнул м-ра Росса по спине и залился смехом.

Выходки, подобные этой, установили за Верноном Роскэ репутацию человека "с обширным сердцем". Но он, по-видимому, действительно почувствовал симпатию к Бэнни и был озабочен мыслью доставить ему какие-нибудь развлечения в жизни.

— Поскорей приезжай ко мне, мальчуган, — сказал он опять, когда уж сидел в свой великолепный лимузин. — Ты увидишь, что можно сделать из деревенской природы. И уговори своего отца. Приезжайте вместе.

Бэнни обещал непременно приехать, и автомобиль с мягким шумом покатился по дороге, залитой лунным светом. Громкий смех м-ра Роскэ прозвучал еще раз и замер в воздухе.

— До скорого, мальчуган!

Бэнни вернулся в дом и, войдя в кабинет отца, запер за собою дверь.

— Папа, ты серьезно думаешь поступить с этими деньгами так, как советует м-р Роскэ?

— Конечно, сынок, очень серьезно. А почему бы нет?

М-р Росс был, казалось, очень удивлен вопросом сына. Подобного рода вопросы его всегда очень удивляли, но вы никогда не могли бы с уверенностью сказать, было ли это удивление деланным или искренним. Это — потому, что старик был хитер, как дьявол, и иногда хитрил даже с теми, кого глубоко и искренно любил.

— Папа, вы собираетесь с м-ром Роскэ купить президентство Соединенных Штатов? Да?

— Если ты непременно хочешь называть это такими словами...

— Но ведь это так и есть на самом деле, папа!

— Если желаешь, то можно сказать и так. Но можно сказать и иначе: что мы желаем оградить себя от соперников, которые хотят вырвать из наших рук наше дело, наш заработок. Если мы не будем вмешиваться в политику, то, проснувшись на другой день после выборов, мы узнаем, что мы — конченные люди, Сейчас на Востоке кучка людей собрала два миллиона, чтобы провести в кандидаты генерала Леонарда Вуда... Что ты на это скажешь?

Бэнни понял, что это был вопрос из области риторики, и потому ничего на него не ответил.

— Но ведь это такая гнусная игра, папа!

— Я знаю. Но вести игру иначе нельзя. Без сомнения, я могу покончить теперь же со всеми этими делами. У меня останется достаточно на жизнь. Но мне совсем не нравится, чтобы меня другие отстраняли от моего дела.

— Но разве нам мало своего собственного дела, папочка?

Этот вопрос Бэнни задавал отцу уже не в первый раз.

— Нет, сынок, об этом говорить не приходится. Все вместе они сильнее нас. Они нам дохнуть не дадут. Они устроят нам блокаду в наших рафинериях, на рынках, в банках. Я тебе раньше не говорил об этом, потому что все это тебя только бы расстраивало, но теперь я скажу, что в нашем деловом мире для отдельных "маленьких людей" больше места нет. Ты думаешь, что я большой человек, потому что у меня двадцать миллионов, а я думаю, что Верн — большой человек, потому что у него пятьдесят миллионов. Но тут есть "Экцельсиор-Пет", соединяющий в себе тридцать или сорок компаний, работающих как один человек, и это составляет миллиард долларов против наших двадцати. А потом "Виктор" — триста или четыреста миллионов, и все банки, а за ними и все страховые компании. И можем ли мы, отдельные личности, им противостоять? Как ты думаешь? "Великая пятерка" никогда не даст нам вести никакого дела.

— И власти не могут в это вмешаться?

— Тут тысяча разных тонких, сложных махинаций, сынок. И о многих ты уже сам знаешь. Каким способом мы доставляем вовремя на места все наши обсадные трубы? А все остальное? Вспомни, как обстояло дело с участком Парадиз. Разве я мог бы

добиться такой быстрой и удачной его разработки, если бы не заплатил Джеку Коффи? Разве я и Верн достигли бы того, чего мы достигли, если бы мы не провели в обществе этого Коффи несколько часов и с ним как следует не столковались? И вот теперь происходит, в сущности, совершенно то же самое, с той только разницей, что мы, сделавшись более крупными нефтепромышленниками, ведем игру в национальном масштабе — вот и все. Если Верну, мне, Пету О'Рейли и Фреду Орпану удастся получить тот участок, о котором говорил сегодня Верн, то вместо "Великой пятерки" в нефтяной "игре" будет принимать уже участие "Великая шестерка" или "Великая семерка". Вот и вся разница. И ты можешь быть уверен, сынок, что то, что делаем сейчас мы, — делали до нас все нефтепромышленники с самого того дня, как нефть стала входить в употребление, — ровно пятьдесят лет тому назад.

Они перешли теперь на знакомую почву, которую Бэнни знал наизусть во всех ее подробностях.

— Это очень хорошо — сидеть в своем кабинете и представлять себе, каким должен был бы быть мир, но это ровно ни к чему не ведет, сынок. Необходимо, чтобы была нефть. И мы — все те, которые знают, как лучше ее извлекать из недр земли, мы только одни и можем ее получать в требуемом количестве. Ты слушаешь то, что говорят все эти социалисты и большевики, но — бог мой! — представь себе только, что правительство начнет покупать нефтяные земли само и будет их разрабатывать. Что из этого получится? Получится столько убытков, что все богатства Америки не в силах будут их возместить. Я нахожусь в самом центре этих дел, и мне очень удобно за всем наблюдать. И я великолепно знаю, что с каким бы предприятием вы ни обратились к правительству — это равносильно тому, как если бы вы решили закопать это предприятие на десять тысяч миль в землю. Ты говоришь о законах? Но существуют также и экономические законы, с которыми правительство не считается. И вот всякий раз, когда правительство делает какие-нибудь глупости, приходится отыскивать разные пути, чтобы эти глупости обходить, и деловых людей за это нельзя упрекать больше, чем каких бы то ни было вообще людей. Наш век — век нефти, и если вы попытаете затормозить, прекратить производство нефти, то это будет равносильно тому, как если бы вы попробовали запрудить Ниагарский водопад.

Этот разговор отца с сыном был критическим моментом в их жизни. Много лет спустя, всякий раз, когда Бэнни вспоминал о нем, он упрекал себя. О, отчего, зачем он не положил тогда всему конец? Он сломил бы волю отца, если бы был достаточно энергичен и настойчив. Если бы он сказал: "Папа, я никогда на это не соглашусь, и если ты серьезно решил поступать так, как советует м-р Роскэ, то я отказываюсь от наследства и с этого дня не трону ни копейки из твоих денег. Я сумею найти себе заработок, а ты, если хочешь, можешь оставить все свои деньги Берти". Да, если бы он это сказал, м-р Росс отказался бы от этого плана. Это сделало бы ему смертельно больно, но он не принял бы участия в подкупе президентства, в назначении сенатора Гардинга.

Так почему же Бэнни этого не сделал? Это не было трусостью с его стороны, — он не знал еще жизни настолько хорошо, чтобы это могло его испугать. И хотя он никогда еще не заработал ни единого доллара, он был вполне искренно убежден, что смог бы найти себе дело, найти заработок, который дал бы ему тот комфорт, к

которому он так уже привык. Объяснялось все это тем, что Бэнни никогда не мог делать людям больно. Это было выше его сил. И эту черту его характера и имел в виду Поля, когда называл его чересчур "мягким". Он слишком легко становился на точку зрения других людей. Ему было вполне понятно и ясно, почему его отец и м-р Роскэ желали подкупить съезд республиканской партии. И точно так же, когда спустя какой-нибудь час он очутился в домике ранчо Раскома в обществе Поля, Бёди Стонера, Джека Дюггана и остальных членов большевистского кружка, — он так же ясно понимал, почему им так хотелось, чтобы нефтяные рабочие организовались, получили возможно лучшее образование и забрали себе нефтяные скважины его отца и м-ра Роскэ.

VI

Бэнни вернулся в университет, и в то время как он заканчивал свой курс, республиканская партия устраивала в Чикаго свой съезд и тысячи делегатов и столько же газетных корреспондентов и специальных репортеров держали весь мир в курсе этого важного исторического момента. Участники съезда слушали речи курили невероятное количество табаку и выпивали невероятное количество вин, доставляемых поставщиками запрещенных напитков. И в это же самое время в одной из комнат Блэкстонского отеля полдюжины крупных дельцов, контролирующих голосование, обсуждали свои дела. Во всех тех миллионах слов, которые телеграф приносил съезду, имени Вернона ни разу не упоминалось. Но члены его свиты находились в отеле, и в силу этого он мог делать те именно предложения, какие требовались, и платить своими чеками тем именно людям, какие были нужны для того, чтобы в конце концов, после целого ряда острых переживаний и волнений, поддержка генерала Леонарда Вуда начала неожиданно колебаться и в результате нового голосования Варрен-Гамалиел Гардинг из Огайо сделался носителем знамени республиканской партии.

Занятия в университете закончились. Григорий Николаев отправился в Сан-Франциско, где устроился на одном из тех судов, которые занимались ловлей лососей у берегов Аляски, а Рашель Менциес с братом и еще тремя студентами-евреями наняли старый "форд" и отправились на сбор плодов, переезжая с места на место, ночуя на открытом воздухе и собирая абрикосы, персики, сливы и виноград для торговцев фруктами. Бэнни был одним из всей группы "красных", которому не предстояло работать ни одного дня в течение всего лета и который один из всех не знал, что с собою делать.

В прежние времена всякий раз, когда он и его отец занимались бурением новой скважины, Бэнни деятельно помогал рабочим. Тогда он был еще мальчуганом, и рабочие его любили.

Но теперь он был уже совершеннолетним юношей, и самая работа производилась в таком большом масштабе и так все было строго налажено, что приспособить себя к чему-нибудь ему было уже невозможно. Бэнни не мог даже ухаживать, как прежде, за цветами, не нарушая этим прав садовника и не вторгаясь в сферу его деятельности.

Это был мир, в котором одни люди все время работали, а другие все время развлекались. Работать все время было скучно и тяжело, и никто не стал бы этого делать, если бы его не заставляла нужда. Развлекаться все время тоже было скучно, и те, кто это делал, никогда не говорили ничего такого, что Бэнни было бы интересно слушать. Они говорили о своих развлечениях с такою же важностью, как если бы это было какое-нибудь серьезное дело. Состязания в теннис, состязания в гольф, в поло — все это представляло собой разные сложные пути для достижения одной только цели; поймать в поле маленький мячик. Вполне понятно и естественно побегать за мячиком, когда вы чувствуете потребность в моционе и отдыхе от занятий, но смотреть на это как на главное занятие вашей жизни, отдавать ему все ваше время и все ваши помыслы, относиться к нему с благоговением, читать и писать по этому вопросу целые книжки и вести бесконечные беседы и споры, — этого Бэнни никогда не мог понять. Он смотрел на всех этих великовозрастных мужчин и женщин в их строго обдуманых, приготовленных для этой цели спортивных костюмах, как на каких-то маньяков, как на людей, занимающихся самогипнозом и поставивших себе целью убедить себя в том, что та жизнь, которую они ведут, доставляет им удовольствие.

VII

Вскоре на горизонте Бэнни снова появилась Берти и снова попробовала втянуть брата в тот мир развлечений, которому он принадлежал по праву своего богатства. Отношения свои с Элдоном Бёрдиком Берти окончательно порвала, Он был "глуп как пробка", объявила она брату, и вдобавок всегда желал, чтобы все делали по-его. Теперь у Берти было нечто другое в виду, и это нечто — весьма, очевидно, трудно достижимое и неверное, раз она нашла возможность посвятить в это дело его, Бэнни. Дело касалось теперь Чарли, единственного сына незадолго перед тем умершего Августа Нормана — основателя общества "Западная сталь". "Немножко дикий по натуре, — сказала Берти, — но такой обаятельный и богатый, как Крез!" Из родных у него никого не было, кроме матери, довольно глупой особы, старающейся казаться молодой и интересной, одевавшейся как какая-нибудь ingenue и перенесшей недавно какую-то сложную лицевую операцию, которая должна была навсегда застраховать ее от морщин.

Норманам принадлежала самая великолепная яхта на всем побережье, и они очень просили Берти познакомить с ними брата. И почему ему не поехать и ей не помочь, что ему, с его внешностью и положением, было совсем нетрудно.

Бэнни подумал, что его сестре приходилось действительно трудно, если она нашла нужным прибегнуть к помощи его светских достоинств, весьма сомнительных, с его точки зрения. И он решил поехать, и всю дорогу Берти читала ему проповеди, прося ни единым словом не заикаться о своих большевистских идеях и в том случае, если они упомянули бы о происшествии в Тихоокеанском университете, отнестись к этому легко, обратив все дело в шутку. Бэнни успел уже убедиться, что такой взгляд свойствен большинству людей, а Чарли Норман очень облегчал ему задачу, так как он был одним из тех блестящих светских юношей,

которые всегда находят сказать что-нибудь смешное по поводу всего, о чем бы только ни говорилось.

Яхту "Сирена" можно было назвать роскошным плавающим дворцом. Ослепительная белая краска, сверкающая золотом латунь, красное дерево, тяжелые шелка, картины. Вся обстановка была последним словом искусства и моды. Матросы были, как на картинке, чисты и гладки. Негритята, сновавшие с подносами, уставленными стаканами и бокалами, в своих новых живописных костюмах, казалось, были прямо взяты со сцены какого-нибудь водевиля. Гостей перевозили в моторной лодке до берега, где их ждали автомобили, и их везли на состязание в гольф; а оттуда — в местный клуб завтракать, где они часа два танцевали; а потом мчались на пляж купаться; а оттуда — туда, где играли в теннис; и наконец — обратно на "Сирену", одеваться к обеду. Обед был сервирован со всей той изысканной роскошью, которой отличаются обеды послов великих держав. Палуба была освещена разноцветными электрическими лампочками, играл великолепный оркестр, моторные лодки то и дело подвозили к яхте гостей, и начавшиеся вскоре после обеда танцы продолжались вплоть до самого рассвета. Волны мягко ударялись о яхту, и в ослепительном свете береговых огней меркло сияние звезд.

Публика на яхте без умолку болтала, но если вы не были постоянным членом этого кружка, то вам было бы трудно следить за разговором. Это был своего рода жаргон. У них были свои собственные "словечки", и чем меньше понимала их остальная публика, тем это им казалось забавнее. Они с серьезным, деловым видом толковали о том, как кто ловил и бросал на поле маленький мячик, высчитывали, кто сколько сделал удачных ударов, и обсуждали способности тех или других участников игры. Останется ли и на будущий год чемпионом тот, кто был победителем в этом? Как отличились американские чемпионы в Англии? Кто победит на предстоящем состязании в поло и получит кубок? Целая серия великолепных серебряных и позолоченных призов с выгравированными надписями содействовала тому самогипнозу, который заставлял вас думать, что ловля в поле маленького мячика — в высшей степени важное занятие.

VIII

Сидя на палубе этой сказочно прекрасной яхты, Бэнни читал последний номер газеты. В нем сообщалось о голоде в приволжских губерниях. На громадном пространстве хлеб совсем не уродился, и население медленно умирало голодной смертью. Питались травой, корнями растений, даже трупами мертвых младенцев... Эмигрировали целыми толпами, и по дорогам всюду валялись трупы. "Все это было последним ярким доказательством полнейшей несостоятельности коммунизма", — говорилось в передовой статье.

Но Бэнни незадолго перед этим разговаривал с Гарри Сигером, и его точка зрения на этот предмет была совершенно иная. Виной голода в России была засуха, а не коммунизм. Такого рода голодные года бывали там хронически, и это никогда не считалось доказательством несостоятельности царизма. На этот же раз условия были особенно скверны вследствие полной порчи железных дорог. При этом все те,

кто сваливал всю вину на коммунистов, упускали из виду тот факт, что эти железнодорожные пути были испорчены еще до революции и что под властью Советов им приходилось выдерживать напряжение трехлетней гражданской войны и неприятельские наступления на целом ряде фронтов. И газеты, которые подстрекали эти наступления и аплодировали затратам сотен миллионов американских денег на их осуществление, — бранили теперь большевиков за то, что они "не были готовы".

Вы легко поймете, что юноша, занятый такими мыслями, не очень-то подходил к характеру публики, веселившейся на яхте. Бэнни старался казаться оживленным, но это ему не всегда удавалось. Вскоре после обеда к нему подошла мать Чарли.

— Бэнни, — сказала она (вся эта публика называла вас Бэнни, Берти, Бэби и Бьюти, стоило вам только сыграть одну партию в теннис или выпить один бокал вина), — Бэнни, вы учитесь в университете, не правда ли? И я уверена, что вы занимаетесь очень серьезно?

— Не очень-то серьезно, к сожалению.

— Мне хотелось бы, чтобы вы научили меня, что делать, чтобы приохотить заниматься Чарли. Он ничего другого не делает, как только увлекается спортом и по очереди влюбляется в девочек.

Бэнни хотел было сказать: "Попробуйте сократить суммы, которые вы ему даете на его личные расходы", — но не сказал, вовремя сообразив, что это было бы одной из тех "ужасных вещей", за которые ему всегда доставалось от Берти. Поэтому он ограничился тем, что сказал, что это очень "трудная задача", и сказал это таким тоном, точно его устами говорил какой-нибудь политик или дипломат.

— Современная молодежь для меня загадка, — заметила мать Чарли. — Желает с утра до вечера заниматься всеми видами спорта и тащит непременно повсюду и вас с собой. А часто это бывает мне совсем уж не под силу.

Бэнни стало ее жалко. А он-то думал, что она все это устраивает ради своего собственного удовольствия!

М-с Норман была очень пухлая, но пропорционально сложенная женщина со светло-голубыми глазами и развевающимися от ветра пышными белокурыми волосами. Во всей ее внешности было что-то расплывчатое, водянистое, и одета она была в свободное легкое зеленовато-голубое платье цвета морской волны.

— Я посвятила всю свою жизнь моему мальчику, — сказала она, — а он совершенно этого не заслуживает. Чем больше вы делаете добра людям, тем меньше они вас ценят, считая, что вы обязаны это им делать.

После минутного молчания она прибавила:

— Я решила, что сегодня после завтрака я забастую. Никуда отсюда не двинусь. Не составите ли вы мне компанию?

Бэнни отвечал утвердительно, и когда вся публика стала собираться на состязание в гольф, Чарли объявил достаточно громко, чтобы все могли слышать:

— Мамуська с нами не едет. Она ведет атаку на Бэнни.

Эти слова заставили всех весело рассмеяться, и все поспешили к лесенке, радуясь в душе, что они освободились от одной из "старух", навязывающих всегда свое общество и старающихся делать вид, что они так же юны, как и вся остальная компания.

М-с Норман и Бэнни сидели на палубе "Сирены" в низких парусиновых креслах под полосатым парусиновым тентом, ели фрукты и болтали о пустяках. Потом м-с Норман стала расспрашивать Бэнни о его жизни и домашних, и Бэнни, слышавший кое-что о тактике "мамусек", догадывался, что ей хотелось узнать побольше о Берти с точки зрения ее пригодности в невестки, а потому старался говорить о сестре одни только хорошие вещи. Думая, что его собеседнице будет, может быть, интересен разговор на практические темы, он рассказал ей об участке Росса, как его открыл его отец и сколько они пробурили там скважин.

— Все деньги, деньги, деньги! — проговорила м-с Норман. — У всех у нас их слишком много, и мы все-таки не сумели купить себе на них счастье.

Потом она заявила Бэнни, что она теософка и что скоро должен прийти великий "Мах", и всем надо "выучиться жить в другой, астральной плоскости...". Что касается Бэнни, то она заметила, что накануне вечером, когда он стоял на фоне чего-то темного, вокруг него ясно виднелось золотистое сияние. Ему этого еще никто не говорил? Очевидно, у него была весьма тонкая духовная организация и он был предназначен для более высоких целей.

Сказав это, она стала расспрашивать его о его взглядах на жизнь. По-видимому, она ничего не слышала о происшествии в университете, и он только слегка намекнул ей на свои убеждения, заметив, что с общественным строем творилось что-то не ладное, так как чересчур уж неравномерно были распределены богатства. М-с Норман слушала его, полулежа на кресле, обложенная шелковыми подушками.

— О, все это — вопросы чисто материального характера! А я думаю, что мы и без того чересчур ревностно служим материальным интересам жизни... Наше счастье лежит в уменье стать выше житейского.

Это был очень сложный вопрос, и Бэнни долго и внимательно слушал м-с Норман, которая подробно рассказала ему о своей собственной жизни. Она была очень несчастна. Вышла замуж совсем молоденькой, совсем девочкой, которая не понимала, что она делает. Но она всегда слушалась своих родителей — и послушалась и на этот раз. Муж ее был очень плохим человеком: у него всегда были любовницы, а с ней, с женой, он был очень груб. Она посвятила всю свою жизнь сыну, а он обманул ее надежды. Очевидно, чем больше вы даете людям, тем больше они от вас требуют. Чарли всегда был в кого-нибудь влюблен, но это не была настоящая любовь. О настоящей любви он ничего не знал. Он был для этого чересчур большим эгоистом. А как смотрит на любовь Бэнни?

Это был тоже крайне сложный вопрос, и Бэнни ответил, что он совершенно не знает, что сказать. Он видел только, что большинство людей устраивали свою жизнь очень неудачно, и решил не торопиться устраивать свою, чтобы сначала как можно основательнее изучить этот вопрос. Бэнни замолчал, а м-с Норман продолжала развивать свою теорию.

— Мечта о любви, о настоящей искренней любви никогда не умирает в душе женщины. Жизнь делает иногда женщин циничными, заставляет их говорить, что

они не верят в любовь, но это только слова. В глубине души они глубоко страдают, надеются и ждут, потому что для них любовь — самое важное в жизни.

И м-с Норман очень была рада видеть, что среди всей этой шумной, беспечной молодежи есть один, который не ценит себя так дешево.

В эту минуту "беспечная, шумная молодежь" возвратилась на "Сирену" и положила конец этим интимным излияниям. "Мамуська" Чарли отправилась вниз и спустя час или полтора появилась в столовой — роскошно убранной комнате, стены которой украшала живопись, изображавшая пастушек и нимф в стиле Ватто. Но теперь это уже была не прежняя м-с Норман. Теперь это была блестящая леди, безукоризненно изящная и красивая, в отливающем серебром голубом атласном платье, с обнаженными белоснежными плечами и шеей. Перемена была поразительна, и Бэнни, наблюдавший однажды за тетей Эммой во время процесса такого превращения, мог бы легко во всем этом разобраться, если бы только ум его не был так занят в это время другими вещами.

За обедом м-с Норман посадила молодого нефтепромышленника около себя, а когда начались танцы, спросила его — не хочет ли он сделать с ней несколько туров, так как все эти ужасные молодые люди вели себя с нею очень непочтительно, и она с ними танцевать не любила. Разумеется, Бэнни ее пригласил и остался ею очень доволен: она танцевала хорошо, и от нее пахло такими нежными духами. Несмотря на то, что его наблюдение за процессом туалета тети Эммы должно было бы на многое открыть ему глаза, тем не менее Бэнни всегда казалось, что, женщинам по самой их природе свойственно так благоухать. Шея и грудь "стальной вдовы" были почти совсем обнажены, спина же не "почти", а совсем, вплоть до самого того места, на котором лежала во время танцев рука Бэнни.

Чарли его дразнил, а остальная компания гоготала. Но на следующий день Бэнни мог убедиться в том, что для всей молодежи совершенно достаточно каких-нибудь десяти — двенадцати часов, чтобы вполне освоиться со всеми забавами и тотчас же затем начать скучать. Он продолжал проводить все время с м-с Норман — катался с ней, танцевал, играл в гольф, в то время как Чарли проделывал все это с Берти, и из этих четырех действующих лиц трое были вполне довольны своей судьбой.

X

Однажды вечером Бэнни рано ушел в свою каюту. В этот день с почты привезли журналы, которые очень заинтересовали молодого нефтепромышленника, и он решил уйти от танцев и заняться чтением. Удобно устроившись на своей великолепной золоченой кровати с розовыми шелковыми, украшенными ручными вышивками подушками, он зажег стоявшую на столике у изголовья тяжелую, накладного золота, лампу и углубился в чтение заинтересовавшей его статьи, она не замедлила перенести его далеко за пределы побережья Тихого океана, туда, в холодную Россию, в те голодные места, где по дорогам валялись трупы несчастных, а оттуда — в Венгрию, где низвергали социальную революцию простым путем избиения поголовно всех, кто в нее верил, употребляя для этого снаряды, сделанные

в Америке и купленные на деньги, данные Америкой займы. Бэнни так углубился в чтение всех этих ужасов, что совершенно не слышал, как его дверь тихонько открылась, как кто-то вошел к нему в каюту и так же неслышно повернул ключ в замке. Прошло несколько мгновений, и до него донесся нежный, сладкий аромат. Он бросил читать и оглянулся. Около его постели стояло видение в пурпурном кимоно, вышитом золотистыми цветами. С робким выражением в лице видение умоляющим жестом сложило руки и прошептало чуть слышным голосом:

— Бэнни, можно мне с вами немножко поболтать?

Разумеется, Бэнни сказал, что можно, и видение опустилось на колени на мягкий ковер около кровати, тихонько коснулось рукой его руки и дрожащим от волнения голосом прошептало:

— Бэнни, я так одинока и так несчастна! Я не знаю, понимаете ли вы, что значит для женщины быть такой одинокой, но вы — первый человек за долгое-долгое время, к которому я чувствую доверие. Я знаю, что я не должна была бы так приходить сюда, но мне так много нужно вам сказать... И почему мужчине и женщине нельзя быть друг с другом вполне откровенными?

Бэнни этого не знал, и она решила быть с ним вполне откровенной. Сущность же этой откровенности заключалась в том, что она сказала ему, что мечта о любви снова закралась в ее душу, — в душу той, которую жизнь совсем сбила с толку. Он не должен думать о ней как о пустой, легкомысленной особе, — она всегда была честной женщиной... Слезы навернулись у нее на глазах, когда она произносила эти слова. Да, он не должен был, он не имел права ее презирать! Но ей так хотелось быть счастливой, и на свете было так мало людей, которых можно было любить...

— Бэнни, — сказала она, — скажите мне, вы сейчас не влюблены ни в какую другую женщину? Нет?

С его стороны было бы, может быть, добрее сказать ей, что он любил, что он не был свободен, но дело в том, что подобного рода случая в его жизни ни разу еще не было, он не был к нему подготовлен и потому сказал то, что было на самом деле, — сказал правду. И все ее лицо осветилось сияющей улыбкой. Она радостно засмеялась сквозь слезы и дрогнувшим от волнения голосом прошептала:

— Я не должна была плакать. Слезы делают женщину такой некрасивой!.. Бэнни, позвольте мне потушить лампу...

С этими словами она потянула за тоненькую золотую цепочку и в ту же минуту перестала быть некрасивой и вся превратилась в одно благоухание.

— Бэнни, — еще тише прошептала она, — скажите, полюбите ли вы меня хоть немножко?

В конце концов ему все-таки пришлось сказать то, что он должен был сказать.

— М-с Норман... — начал было он.

Но она прервала его:

— Не м-с Норман — Тельма!

— Тельма... — пробормотал он и запнулся. — Я... я совсем не думал...

— Знаю, Бэнни, знаю... Я старше вас... Но взгляните на всех этих людей, которые меня окружают: до чего все они пусты! Я так, так искренно полюбила вас и сделаю для вас все-все на свете!

Бэнни знал, что ему нужно было только протянуть объятия, — что она этого ждала. Эвника Хойт научила его, как надо любить женщин. От него зависело довести ее сейчас до экстаза, и с этой минуты она навсегда была бы его рабой. Она отдала бы ему все, что имела. Все свои богатства. Он мог бы обращаться с ней потом как ему вздумается, мог бы содержать на ее деньги любовниц, — она все равно продолжала бы оставаться его рабой. Он был уже достаточно опытен для того, чтобы разбираться в том, что происходило у него сейчас перед глазами. Нашлось бы немало людей, которые, не разделяя точку зрения Бэнни на роскошь и власть, не задумываясь постарались бы воспользоваться таким случаем и обратили бы свою "неотразимость" в орудие своих хищнических инстинктов. Сколько лет употребил старый Август Норман на то, чтобы создать сначала свой сталелитейный завод, а затем этот плавающий дворец и другой, еще более великолепный и в десять раз более колоссальный — на океанском побережье! И вот теперь все эти сокровища оказывались, как по волшебству, воплощенными в одном женском образе, одетом... Нет! это выражение не совсем точно: красного кимоно давно уже не было. Оно, соскользнув, упало на ковер, и ничего не оставалось, кроме тонкой, как паутина, сорочки, нежного запаха духов, страстных объятий и жадных губ, осыпающих Бэнни горячими, влажными поцелуями.

— Бэнни, — прошептал замирающий голос, — мы поженимся, если ты этого захочешь... Я все, все отдам тебе.

Но если от Эвники Хойт Бэнни узнал, что когда вы в настроении любить, то такие поцелуи могут вас соблазнить, то теперь от м-с... нет, от Тельмы он узнал, что когда вы не в таком настроении — они могут вас только оттолкнуть.

— Вы знаете, Тельма, — проговорил он, — что мне ничего не нужно...

— Знаю, знаю! И знаю тоже, что я самое отвратительное, вульгарное существо в мире. Но я веду себя так только для того, чтобы ты понял, что я тебя люблю и что ты не должен думать обо мне дурно...

Ее последние слова помогли ему выйти из затруднительного положения. Он сказал ей, что никогда, никогда не будет думать о ней дурно, но что он не любил ее и смотрел на нее только как на друга. И по мере того как он ей это говорил, ее объятия разжимались, и, опустившись на ковер у кровати, она принялась горько всхлипывать, говоря, что уверена, что он теперь всегда будет ее презирать, что никогда не захочет ее больше видеть. И она казалась в этот момент такой слабой, такой приниженной, что ему стало ее жалко, и он ласково положил ей на плечо свою руку. Но тотчас же понял, что не надо было этого делать, так как она порывисто схватила его руку и стала покрывать ее поцелуями... Чувство жалости в его груди все росло, и это испугало его. Он вспомнил, что много лет тому назад, в восемнадцатом столетии, один из английских поэтов заявил, что он сделал великое открытие, убедился в том, что чувство жалости может вызвать в человеческом сердце чувство любви.

Но Бэнни давно уже решил, что он поцелует теперь только ту женщину, которую будет искренно любить, и его рассудок определенно говорил ему, что он не любил и не мог полюбить настоящей любовью мать Чарли Нормана. Это была бы только простая интрига, которая ни одному из них не дала бы мало-мальски продолжительного счастья. Поэтому он снова повторил ей, что ей лучше уйти, и на

этот раз она покорно и медленно подняла с полу свое красное кимоно и поднялась сама.

— Бэнни, — сказала она, — у людей такое грязное воображение. Если они об этом узнают, они сочинят такие ужасы...

— Не надо об этом думать, — прервал он ее, — я никогда никому не скажу.

Опять дверь бесшумно открылась и так же бесшумно закрылась. Бэнни зажег электричество и повернул ключ в замке. И никогда уже впоследствии, принимая приглашения знакомых и отправляясь гостить в их имения и виллы, он не забывал прибегать к этой мере предосторожности. В течение нескольких минут он ходил взад и вперед по комнате, думая об этом волнующем происшествии. Он говорил себе со свойственной ему скромностью, что все это произошло не в силу его какой-то исключительной неотразимости, но потому только, что в этой новой, языческой цивилизации женщин так поражало проявление целомудрия, что они смотрели на таких людей как на каких-то сверхчеловеков.

На следующее утро лицо м-с Норман впервые за все эти годы покрылось естественным румянцем. Это было в тот момент, когда она встретила на палубе с юным Адонисом. Но скоро она справилась со своим смущением, и они совершенно просто болтали о разных вещах и беседовали о теософии. Бэнни называл ее Тельмой, и Чарли больше не трунил над ним. Но дорогой домой Берти приставала к брату с вопросами, желая знать, предлагала ли ему м-с Норман свою любовь и до чего у них дошло дело. А когда Бэнни покраснел, она стала смеяться над братом, а потом обиделась на него за его категорический отказ отвечать на ее вопросы.

— Не воображай только, что она выйдет за тебя замуж, — сказала она, когда раздражение ее прошло и она снова заговорила с братом. — Она очень любит говорить о "перевоплощениях", но в своем теперешнем воплощении она питает искреннее чувство исключительно только к акциям общества "Западная сталь"!

XI

Вскоре после этого разговора акции общества "Западная сталь" очень упали на рынке, и Берти была этим озабочена, так как она принимала теперь все дела этого общества очень близко к сердцу. Она спросила об этом своего отца, и он ответил, что это было своего рода "манипуляцией". Но вслед за этим упали акции и многих других обществ, включая сюда и акции "Консолидированного Росса", и м-р Росс сказал, что это дело нескольких безумцев, которые на этом играют, искусственно взвинчивая бумаги, которые потом, разумеется, сильно падают. Но положение вещей не только не улучшалось, но, наоборот, все ухудшалось, и каждый день получались сведения о тяжелом положении многих компаний и даже банков. В воздухе чувствовалась паника. У м-ра Росса с Верноном происходили частые совещания, после они прекращали все свои работы и увольняли не одну сотню рабочих. М-р Росс говорил, что денег в банках было очень много, но что только самые крупные дельцы ими пользовались. Вернон кипел бешеной злобой на Марка Эйзенберга — банкира, который, как он говорил, желал его гибели. Все это было дело рук "Великой пятерки", принявшей за свои старые проделки. Было очевидно,

что они решили посадить "Консолидированного Росса" в яму и затем купить его за пять или десять миллионов.

Бэнни говорил по этому поводу с м-ром Ирвингом, который и объяснил ему, что это была так называемая "резервная федеральная система" — изобретение крупных банкиров Уолл-стрита. На самом деле эта система проводилась особым комитетом, состоявшим из банкиров, имевших власть создавать во времена кризисов неограниченное количество бумажных денег. Эти деньги поступали в крупные банки и давались ими займы крупным промышленным фирмам, обеспечения которых они держали у себя и должны были их охранять. Поэтому всякий раз, когда наступала паника, крупные дельцы спасались, а маленькие люди оказывались прижатыми к стене.

Во всех таких случаях главными страдающими лицами являлись фермеры-крестьяне. Они не были организованы, у них не было никого, кто бы брал их сторону, им приходилось свозить свои урожаи на рынок, а цены все падали, и миллионы крестьян должны были оказаться банкротами до конца года. Цены же на фабричные продукты не падали так быстро, и это потому, что крупные тресты, имевшие за своей спиной банки Уолл-Стрита, могли "выжидать".

Бэнни передал это объяснение своему отцу, а тот в свою очередь передал это м-ру Россэ, который сказал, что он с этим вполне согласен, что это совершенно правильно, черт побери!

Деньги становились настолько дороги, что Бerti не могла получить даже нового автомобиля, несмотря на то, что свой старый она порядочно поистрепала. М-р Росс говорил за обедом об экономии, и дело дошло до того, что тетя Эмма кормила их мясным фаршем, сделанным из вчерашнего жаркого... Повсюду сокращения, повсюду огорченные, унылые лица, в газетах намеки на неизбежные банкротства; они, конечно, тщательно старались это скрывать, но это читалось между строк.

И вот в один из этих дней произошел курьезный случай. Большой лимузин, которым правил шофер, остановился вечером перед домом Росса, и из него вышел высокий статный человек с желтыми волосами и строгими чертами лица, одетый в белоснежный фланелевый костюм.

Эли Аткинс!

Он пожал всем окружающим руки — у него были теперь манеры настоящего архиепископа — и потом попросил м-ра Росса уделить ему несколько минут для серьезного разговора. М-р Росс принял его в своей "берлоге", и он через полчаса вышел оттуда с довольной улыбкой на лице, сел в автомобиль и уехал. М-р Росс сначала ничего никому не говорил об этом визите, но, оставшись наедине с Бэнни, разразился гомерическим хохотом и объявил, что Эли Аткинс сделался теперь тоже землевладельцем. Он нашел где-то на одной из городских окраин кусок земли, по размерам как раз подходящий для того, чтобы построить на нем золотой храм, который повелел ему построить ангел Божий, и ему удалось приобрести этот участок, платя за него по частям. Но по каким-то необъяснимым причинам ангел не оградил Эли от той паники, которая всех теперь охватила, и сейчас он запутался в делах, как всякий обыкновенный смертный, и ему надо было уплатить сто долларов недоимки. Суммы, собранные им от своих клиентов, оказались недостаточными, и

ангел дал ему понять, что Эли должен прибегнуть к какому-нибудь другому способу приобретения денег.

— Но что же ему надо было от тебя, папочка?

— Дело в том, что ангел открыл ему, что я смогу взять на себя этот участок. Но я ответил ему, что ангел забыл открыть мне, откуда я могу достать нужные для этого деньги... В конце концов я дал ему пятьсот долларов. Они помогут ему выйти из беды.

— Боже мой, папа, это теперь?! Когда мы так экономим?!

— Ничего не поделаешь! Эли напомнил мне, что это он благословил первую скважину на участке Парадиз и что благодаря этому там оказалось так много нефти. И если бы я отказал ему, то это вышло бы с моей стороны нечто вроде богохульства.

— Но, папа, ведь ты же не веришь в то, что он обладает какой-то особой силой?

— Не верю. Но этот малый пользуется теперь громадной популярностью, и он может еще оказаться нам очень нужным. Если когда-нибудь выборы будут производиться здесь или в Парадизе, то мы с избытком вернем себе эти деньги, так как он и его последователи будут, конечно, действовать в наших интересах.

XII

Бэнни пошел к себе заниматься и там, на свободе, все хорошенько обдумав и вооружившись необходимым для успеха дела спокойствием, снова вернулся к отцу.

— Послушай, папа, если ты ради шутки дал пятьсот долларов Эли Аткиксу, то другие пятьсот долларов должен дать мне на одно очень серьезное дело.

М-р Росс был неприятно удивлен. Очевидно, ему не надо было говорить Бэнни об этих деньгах.

— В чем дело, сынок?

— Я заходил к м-ру Ирвингу, папа, и ему очень сейчас трудно; нигде не может найти себе никакой работы. Дело в том, что всюду, куда он ни обращается, ему приходится говорить, что он в течение этих двух лет был преподавателем в Тихоокеанском Университете. А когда там наводят о нем справки, то ему в работе отказывают. Он убежден, что в университете кто-нибудь говорит, что он "красный".

— Очень возможно, — сказал м-р Росс. — Но ведь ты-то в этом не виноват.

— Нет, именно виноват, папа. Я один был с ним в близких отношениях и вызывал его на откровенные разговоры. Я думал, что все это останется между нами, но, очевидно, кто-то за нами следил и шпионил.

— Ну и что же? Он желает занять у тебя теперь денег?

— Нет. Я даже предлагал ему маленькую сумму, но он отказался. Но я знаю, что они ему очень нужны, и я говорил об этом с Гарри Сигером и Питером Нагелем. Они знают здесь несколько семейств рабочих и думают, что здесь можно было бы открыть рабочий колледж. Мы все считаем, что м-р Ирвинг — идеальный человек для ведения такого рода дела.

— Рабочий колледж? — переспросил м-р Росс. — Это для меня что-то новое.

— Колледж, в котором получали бы образование молодые рабочие.

— Но почему им не ходить в обыкновенные учебные заведения, в которых принимают решительно всех?

— Потому что в них не обучают ничему, что касается самых существенных для рабочих вопросов. И все факты передают в искаженном виде.

М-р Росс обдумывал слова сына.

— Ты хочешь сказать, сынок, что это такая школа, в которой кучка вас, "красных", будет обучать рабочих социализму и подобного рода вещам?

— Это не совсем так, папа. Мы не имеем в виду проповедовать те или другие доктрины. Мы хотим учить людей самостоятельно мыслить, во всем самим разбираться. Это всегда было заветной идеей м-ра Ирвинга. Он хочет, чтобы рабочие сами за себя думали.

Но все эти слова были бессильны скрыть от м-ра Росса самую суть дела.

— Они все, конечно, сделаются "красными", прежде чем выйдут из этого колледжа, — сказал он. — Я, конечно, ничего не имею против того, чтобы дать сейчас эти деньги м-ру Ирвингу, но только ты имей в виду, сынок, что это будет не очень-то добро с твоей стороны по отношению ко мне, если я буду тратить всю свою жизнь на добывание денег, а ты будешь тратить их на то, чтобы внушать рабочей молодежи, что я не имею на эти деньги никакого права.

Бэнни весело рассмеялся, и это было лучшее, что он мог в данном случае сделать. Но впоследствии он много-много раз думал об этих словах и все яснее и яснее отдавал себе отчет в том, насколько проницателен был его отец и как верно читал он в будущем.

Глава тринадцатая

"МОНАСТЫРЬ"

I

Бэнни читал и размышлял, стараясь разбираться в трудных вопросах, касавшихся отношений капитала к труду. Ему было ясно, что существующая система не могла продолжаться вечно, — богатства страны не могли постоянно выбрасываться на арену для того, чтобы из-за них дрались и чтобы они доставались наиболее жадным. И всякий раз, когда вы спрашивали себя — кто же мог бы изменить эту систему, ваш разум подсказывал вам только один ответ: это могли бы сделать только рабочие, вся та громадная масса рабочих, которая не обладала психологией "игроков" и которая на практике обучалась той истине, что богатство получается в результате тяжелого труда. В силу самой природы вещей рабочие могли одержать верх только при условии тесного единения друг с другом, а потому им необходимо было развивать солидарность, братство и кооперацию.

Таковы были основные убеждения "радикалов", и Бэнни с радостью ухватился за эту доктрину, дававшую возможность вырваться из тенет коммерции и войны. Нужно было организовать труд для того, чтобы он завладел промышленностью и

перестроил ее на новых основаниях. Формула сама по себе была очень несложна и заслуживала полного доверия. Но — увы! Бэнни должен был сознаться, что применение ее на практике принесет массу осложнений. Строители нового общества не могли столковаться как относительно планов структуры этого общества, так и того, каким путем устранить со своей дороги старую систему. Они раскололись на бесконечное число партий и тратили большие дозы своей энергии на несогласия и споры. Бэнни думал, что по крайней мере здесь, в Южной Калифорнии, они могли бы от этого воздержаться, так как здесь и без того у рабочего движения было достаточно всякого рода врагов: все эти федерации работодателей, штрейкбрехеры, шпионаж, система преследований всякого рода и интенсивные старания всех этих политиков обратить закон против рабочих, — всего этого было вполне достаточно. Но, очевидно, молодые радикалы смотрели на это иначе и постоянно враждовали друг с другом.

Теперь все они волновались по поводу русской революции — события, которое потрясло рабочее движение во всем мире. В первый раз за всю историю рабочие захватили в свои руки власть над страной. Но как они использовали этот случай? Капиталистическая пресса рисовала все, что происходило в России, в самых, конечно, мрачных красках. По ее мнению, это был один сплошной кошмар. И однако ж, Советы продолжали существовать, и каждый новый день в их существовании был новым поражением газетной кампании. Рабочие не только *могли* стоять во главе правительства. Рабочие уже *стояли* во главе правительства. В этом не оставалось уже никаких сомнений.

В силу этого в каждой стране рабочее движение разбилось на две главные партии; члены одной считали, что рабочие их страны должны были последовать примеру русских рабочих — организовать и сейчас же начать все для этого делать; члены другой партии считали, что в их стране этого делать было нельзя, и все подобные попытки считали безумием. Такое разногласие проявлялось во всех решительно партиях, во всех мыслящих центрах. Социалисты подразделялись на тех, кто желал следовать России, и на тех, которые этого не желали, То же самое происходило и в партии анархистов и во всех остальных: одни желали предоставить Советам право действовать самостоятельно, оставив их в покое; другие желали помогать капиталистам их низвергнуть.

Для Бэнни эта борьба воплощалась в семье Менциесов. Папа Менциес был прежним, заграничным социал-демократом, активным работником в союзе портных. Из всех его детей две дочери разделяли убеждения их матери, набожной еврейки, верной традициям старины, проводившей дома все праздничные ни в слезах и молитвах о спасении душ домашних, которых Америка оторвала от веры их отцов и заставляла по субботам работать. Рашель и старший мальчик, Яков, были, как и отец, социалистами, а два младших — Джо и Икей — считались "представителями левого крыла" и требовали диктатуры пролетариата.

II

В один прекрасный день Бэнни получил от Рашели письмо.

"Дорогой м-р Росс, — писала она (она всегда называла его так, представляя этим исключение из всего класса, считая, что ее достоинство требовало именно такой формы обращения с человеком, стоявшим настолько выше ее на общественной лестнице). — Дорогой м-р Росс мы вернулись домой, собрав все сливы, которые только росли в Калифорнии, и на следующей неделе отправляемся на сбор винограда. Вы как-то говорили, что хотели бы побывать на митинге местных социалистов. Завтра вечером будет очень большой митинг в помещении союза портных, и мой отец и брат будут рады, если вы приедете их послушать".

В ответ на это письмо Бэнни послал телеграмму, в которой приглашал старого социалиста и его четырех детей перед митингом отобедать с ним в каком-нибудь ресторане. При этом он сделал маленькую бестактность, выбрав очень дорогой ресторан. Он хотел доставить этим удовольствие и совершенно не подумал о том, что они будут чувствовать себя очень не по себе в великолепном зале ресторана среди нарядной публики. Да, безусловно, легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богачу стать на точку зрения неимущих!

Бэнни нашел в Рашели большую перемену. Это была уже не прежняя неряшливо одетая, усталая от тяжелой работы девушка, которую он знал в университете. Она принадлежала к тем женщинам восточного типа, которые могут заниматься сбором плодов в течение многих недель под палящим солнцем без всякого вреда для своей наружности, совершенно не заботясь о том, как это повлияет на цвет их кожи. Лучи солнечного заката горели на ее щеках, солнце сияло в ее глазах, искрилось в каждом ее слове, и в первый раз Бэнни нашел, что у Рашели Менциес была очень интересная внешность. Она подробно рассказала ему о всех приключениях во время этого сбора плодов, и Бэнни пришел от них в восторг. Те, кто видит сны наяву, наверное не раз завидовали Бэнни и желали быть на его месте, быть сыном и наследником знаменитого нефтепромышленника, владельца нескольких миллионов долларов, имеющего в своем распоряжении роскошные автомобили и виллу и пользующегося любовью "стальных вдов" и иных "сирен". Бэннина же идея о сказочном благополучии воплощалась в поездке с веселой компанией в старом тряском "форде", нуждающемся в постоянной починке; в ночевках в маленькой палатке, которую мог опрокинуть каждый сильный порыв ветра, и в сборе плодов вдоль мексиканского и ямайского побережья — работе, дававшей от десяти до двенадцати долларов в неделю!

Папа Менциес был еще сильный, бодрый человек с шапкой желтых вьющихся волос. Только спина его была очень сутуловата оттого, что ему приходилось целыми днями гнуться над работой. Он говорил горячо, но некоторых букв английского языка произносить не мог, и это придавало его речи несколько комический характер. Его старшего сына, Якова, социалиста, узкоплечего бледного студента, Бэнни встречал раньше и нашел, что пребывание на свежем воздухе принесло ему большую пользу. Два его брата, юные "представители левого крыла партии", были очень болтливыми малыми, выражавшими свои мнения в резкой, неприятной форме. Они очень не понравились Бэнни, который не понял того, что, встретившись в первый раз в жизни с молодым представителем денежной знати, они неудачно старались защищать "неприкосновенность своего рабочего класса". Никто не должен был сказать, что они чего-то испугались. Вообще надо сказать, что они со

всеми своими домашними тоже говорили всегда в повышенном тоне, и это отчасти, может быть, в силу различия в их политических убеждениях.

После обеда все отправились на митинг. Просторное помещение было полно народу. Большую часть публики составлял и рабочие, причем все казались очень взволнованными. Бэнни внимательно слушал доклады и речи и старался не позволить себе сразу разочароваться в радикальном движении. Все здесь до последней степени были несдержанны и шумны, а он так этого не любил. Он не мог, разумеется, ждать, чтобы у рабочих были безукоризненные манеры и чтобы они выражались на правильном английском языке, но для чего было нужно так кричать и, ахать в воздухе кулаками? И разве они не могли обсуждать те или другие взгляды без того, чтобы не называть друг друга "подлыми тварями", "рыжими вонючками" и тому подобными милыми словечками? Но дело в том, что Бэнни попал на митинг социалистической партии в один из критических моментов ее истории, и естественно, что никто из присутствующих не следил ни за своими словами, ни за манерами.

Взобрался на возвышение и папа Менциес и принялся яростно нападать на своих младших сыновей, заявляя, что они — глупые сороки, если воображают, что смогут зажечь массовую революцию в Америке.

— Почему удалась революция в России? — кричал он. — Да потому, что вся страна была совершенно разорена войной. Но здесь, в Америке, пройдет еще по меньшей мере десять лет, прежде чем капиталистический класс дойдет до подобного разорения. А тем временем что вы, дурачье, делаете? Вы отдаете социалистическую партию в руки полиции! У нее здесь свои шпионы, и эти шпионы не кто другой, как все вы, глупые представители левого крыла партии!

Слова эти показались Бэнни вполне обоснованными. Деловые люди Энджел-Сити очень желали, чтобы радикальное движение перешло все границы, для того чтобы иметь повод его задушить. А когда они чего-нибудь желали — то все средства для того, чтобы этого достичь, были для них хороши. Но говорить об этом юным представителям крайнего направления было равносильно маханию красным плащом перед стадом быков.

— Что?! — закричал Икей Менциес на отца. — Ты говоришь о полиции? А что делают сейчас твои любимые социал-демократы в Германии? Они сами исполняют обязанности полиции и расстреливают рабочих коммунистов в угоду капиталистическому классу.

— Да! И то же самое они будут делать в Калифорнии! — закричал его брат, — Все вы, социал-демократы, не что иное, как ручка приспешников капиталистического класса!

Потом поднялся вопрос, сможет ли расшатанная капиталистическая система продержаться еще лет десять или около этого, если правое крыло партии будет следовать политике оказыванья им поддержки.

— Вы все готовы сделаться их агентами, — кричал Джо Менциес, — раз вы хотите подкупить рабочих прибавкой им жалованья — двести центов в час!

В конце концов "красные" на этом митинге раскололись на три различные коммунистические группы, и Джой и Икей Менциес покинули собрание, окончательно рассорившись с отцом. И, возвращаясь домой, Бэнни был опять в

полном недоумении: жизнь казалась ему такой сложной, а счастье таким недостижимым.

III

В одну из суббот позвонили по телефону, и Вернон Роскэ попросил кого-нибудь из Россов. К телефону подошел Бэнни.

— Алло! — раздался веселый голос. — Как поживает маленький "большевик"? Послушай, Джим младший, когда же ты к нам?.. Что?.. Как-нибудь? Но отчего же не сегодня? Аннабель отдыхает после своей "Тоски и Страстей" и будет рада тебя повидать. Ви Трэси тоже здесь и Гарвей Маннинг — вся воскресная компания... Ну, разумеется, и я тоже буду дома. Приезжай тотчас же. Твой отец объяснит тебе, как ехать.

Бэнни пошел сказать м-ру Россу, что он принял приглашение, и отец счел нужным предварительно познакомить его с "домашней обстановкой" м-ра Роскэ, которая была довольно оригинальна. Аннабель Эмс — артистка кино — была с общепринятой точки зрения любовницей Вернона Роскэ. Но на самом деле это было не совсем так, так как она была безгранично ему предана, и все их друзья об этом знали, и все у них было совершенно так же, как если бы они были женаты. Но кроме Аннабели, была еще и м-с Роскэ. Она жила с детьми (у нее было четверо сыновей) в городе, бывала в обществе, вела светский образ жизни и хотела втянуть в него и мужа, но м-р Роскэ наотрез отказался. Он не был создан для такой жизни. М-с Роскэ приезжала иногда в "Монастырь" — так называлось имение Вернона, но, конечно, тогда, когда Аннабели там не было.

М-р Росс заметил по этому поводу, что, вероятно, у них была выработана особая система для того, чтобы им "друг на друга не наталкиваться". У Аннабели Эмс был в городе тоже свой дом, а "Монастырь" был местом отдыха, куда по субботам и воскресеньям приезжали их друзья.

Вы ехали туда позади горной цепи, тянувшейся по всему побережью. Ехали по той удивительной дороге, которая казалась, не дорогой, но волшебной лентой из серого бетона, протянутой чьей-то гигантской рукой. Машина издавала мягкий шум. Почва была волниста. Длинные постепенные подъемы и спуски. Дорога шла все поднимаясь, и с некоторых ее пунктов в образовавшиеся в горной цепи расщелины виднелись то цветущая долина, то часть побережья с хижинами рыбаков, лодками и сушившимися на солнце сетями. Потом дорога стала подниматься еще выше, горы и холмы встречались еще чаще, а вы все мчитесь вперед и вперед — мчитесь с той скоростью, которая вам по душе, — вам идет уже двадцать второй год, и ваш папочка прекрасно знает, что вы не будете сообразоваться со скоростью, установленной местными законами.

В одном месте от широкой ленты серого бетона отделилась другая, более узкая, тянувшаяся к океану, и, проехав по ней несколько миль, вы въезжали в массивные железные ворота, над которыми виднелась надпись: "Частное владение. Взять направо!" Бэнни послушался и стал подниматься вновь на холм. Добравшись до его вершины, он увидел перед собой картину, совершенно исключительную по красоте:

большое пространство в две или три мили было покрыто пышною зеленью всевозможных тонов; с трех сторон оно было окружено горами и открыто с четвертой, со стороны океана. И посередине этого зеленого букета возвышались серые каменные башни "Монастыря".

По дороге, которая шла извиваясь среди старой рощи дубов, вы въезжали в ворота такой ширины, что в них свободно могли бы проехать одновременно по крайней мере шесть автомобилей, подобных вашему. Вам навстречу выбежал представительный ливрейный лакей и, позвав шофера, поручал ему отвести ваш автомобиль в гараж, а сам провожал вас в дом, который был больше похож на старинный собор, чем на дом. Вы невольно поднимали глаза на стрельчатые своды над вашей головой и спотыкались о разложенные на полу шкуры зубров, гну и других подобных им зверей. Как коварна и язвительно должна была быть фантазия архитектора, воздвигавшего все это подобие готических сводов и башен здесь, в самом центре нового языческого царства, и назвавшего этот плод своего творчества "Монастырем"! Несомненно, этот монастырь должен был быть пререформаторского стиля для того, чтобы находиться в полном соответствии с образом жизни монаха-хозяина...

В боковой части "собора" спустился в это время лифт. Из него вышло и двигалось навстречу Бэнни миниатюрное видение в шелковой кисее лимонного цвета, в лимонного цвета чулках и в громадной, тоже лимонного цвета, соломенной шляпе, похожей на те, которые надевали пастушки, когда позировали перед писавшими их художниками. Этот костюм своим изяществом и ценой вполне подходил для какого-нибудь костюмированного бала.

Не понадобилось никаких представлений, так как Бэнни был одним из тех молодых людей, составлявших девяносто процентов всего цивилизованного мира и, может быть, семьдесят — населения Мадагаскара, Парагвая, Новой Земли, Тибета и Новой Гвинеи, которые могли бы с точностью сказать вам количество ресниц глаз Аннабели или нарисовать диаграмму ямочек на ее теле и то направление, по которому текла слеза на ее щеке. Бэнни видел ее и в роли "дикой" дочери питсбургского "стального короля", и в роли любовницы французского короля, элегантною смертью искупающей свои элегантные грехи, и в роли босоногой девочки, жительницы гор, и во многих, многих еще... Все это были безмолвные героини кино. И вот теперь эта безмолвная героиня кино в первый раз в его присутствии заговорила:

— Это м-р Росс — не правда ли? — У нее был тонкий, слегка вибрирующий дискант. — Папа мне очень много говорил о вас. ("Папа" — был м-р Роскэ.) Я так рада, что вы приехали, и, пожалуйста, будьте здесь как дома! Делайте все, что вам вздумается, потому что наш дом — "дом свободы"!

Бэнни эта фраза была знакома, только он не мог сразу вспомнить, была ли она из "Стальных сердец", или же из "Девушки из барского дома".

— А вот и Харв, — сказала хозяйка "Монастыря". — Харв, это Бэнни Росс. Харвей Маннинг. М-р Росс в "Монастыре" в первый раз, а потому нужно, чтобы все были с ним очень милы, чтобы ему захотелось опять к нам приехать. Он учится в университете, массу читает и знает все на свете, и мы, наверное, покажемся ему очень пустыми и "глупыми".

Харвей Маннинг приблизился медленной, усталой походкой. Говорил он также очень медленно, страшно растягивая слова. Спешить было вообще не в его характере. Он принадлежал к одной из самых старинных фамилий во всей округе, был очень некрасив, лицо его покрывала целая сеть мелких морщин, и Бэнни совершенно не мог бы сказать, молод он или стар.

— Добрый день, Росс, — сказал он. — Рад встретиться с вами. Между прочим, один из моих дядей очень старается засадить вас в тюрьму и ассигновал на это сто тысяч долларов.

— Неужели? — спросил Бэнни, слегка смутившись.

— Факт. Он имеет какое-то отношение к этой университетской истории и говорит, что "розовые" еще хуже, чем "красные". Я вас очень искренно жалел.

— Пустяки! — сказал Бэнни, поняв, что это было одной из милых "шуток", которые скрашивают жизнь всех праздных людей, как молодых, так и старых. — Мой отец истратит двести тысяч долларов и вытащит меня оттуда.

— Нужно будет об этом сообразить. Я думаю, Верн тоже примет в этом участие. Не правда ли, Аннабель?

— Ни один из моих гостей никогда еще не сидел в тюрьме, — отвечала "звезда". — Если кто попадает в беду, то тотчас же телефонирует об этом папе, а он в свою очередь — начальнику полиции, и тот его немедленно выпускает на свободу.

Она говорила это совершенно серьезно, без тени улыбки, и Харвей Маннинг заметил:

— Как видите, Росс, у Аннабель очень деловой ум.

IV

Да, в этом скоро убедился и сам Бэнни: блестящее светило сцены обладало в высшей степени деловым умом. Вся та поэзия и романтизм, которыми любила наделять ее публика, были продуктом фантазии самой публики и отнюдь не была присуща "звезде". Неотъемлемой же ее собственностью являлась миловидная юная фигурка и подвижное лицо; все остальное сделали щедро оплачиваемые директора кино. На создаваемые ею картины она смотрела с чисто практической, деловой точки зрения, и в разговоре о них у нее всегда на первом месте стояли вопросы о стоимости той или другой постановки, о разнице оплаты в Америке и за границей, и говорила она об этом совершенно так же, как если бы дело шло о какой-нибудь нефтяной скважине. Вот почему она так хорошо сталкивалась с таким деловитым человеком, как Вернон Роскэ. Золотистые подснежники, росшие по берегам рек, были для него только подснежниками, а для нее — красивыми пятнами на темном фоне ее камина или на заднем плане ее картин.

Но в натуре Аннабели была все же известная доля суровой честности, как в этом убедился Бэнни. Аннабель желала быть главным образом актрисой, а не любовницей. "Черт побери, — заявлял Верн своим друзьям, — мне стоило восемь миллионов долларов, чтобы сделать королеву кино из этой малютки". И "тридцатилетняя малютка" мечтала о том, что в один прекрасный день ей удастся создать такую блестящую роль, которая даст ей возможность заработать все эти

восемь миллионов и отомстить за свою честь. А тем временем она выплачивала ему проценты своими заботами — заботами, которые всех трогали и заставляли относиться к ней с тем почтением, которое удовлетворило бы самые строгие буржуазные приличия. Если нефтяной магнат думал когда-нибудь, что, прижав к своей груди эту звезду кино, он будет вести с ней бесшабашную веселую жизнь, то он горько ошибся, так как он был наиболее опекаемым из всех тех мужчин, о которых принято говорить, что их жены возятся с ними, "как курица с яйцами".

— Ну, папа, теперь тебе достаточно пить! — говорила нередко Аннабель м-ру Роскэ за обедом или ужином. — Поставь свой стакан на стол. Довольно!

— Боже мой, бэби, да ведь я еще и не начинал!

— В таком случае сегодня ты перестанешь прежде, чем начнешь. Вот и все! Не забудь, что говорил доктор Вилькинс по поводу твоей печени.

— К черту печень! — яростно вскрикивал Верн. Но его ярость была бессильна поколебать невозмутимое спокойствие Аннабель.

— А ты забыл, папа, что ты сам просил меня заставлять тебя слушаться, — продолжала она по-прежнему спокойно. — Ведь не хочешь же ты, чтобы я тебя при всех пристыдила?

— Пристыдить меня? Хотел бы я видеть, кто сможет это сделать!

— Но, папа, ты ведь знаешь, что тебе будет стыдно, если я напому сейчас то, что ты мне сказал в последний раз, когда ты так напился...

Верн замирал со стаканом в руке, стараясь припомнить, а все присутствующие разражались громким смехом.

— О, пожалуйста, скажите нам, скажите!

— Что же, папа, сказать?

Разумеется, это было только угрозой на словах. Аннабель не терпела ничего мало-мальски рискованного и вульгарного. Но угроза действовала, и Верн отодвигал от себя стакан.

— Сдаюсь, — говорил он. — Уберите это.

Все принимались громко аплодировать, и подобные случаи обычно приводили всех в отличное настроение духа.

Как это ни странно, но Аннабель была очень набожной католичкой. Как именно она объясняла создавшееся положение вещей своим духовным отцам — этого Бэнни не знал, но она щедро помогала бедным и заботилась о процветании нескольких католических детских приютов и тому подобных учреждений. И в то же время ее маленькая головка была полна разных суеверий, точь-в-точь как голова какой-нибудь негритянской мамми... Она никогда бы не согласилась назначить в пятницу первое представление новой картины — ни за какие миллионы долларов! Всякий раз, когда вам случалось просыпать соль, она не только советовала вам поскорее бросить несколько крупинок через плечо, но делала это за вас сама, если вы не сразу следовали ее совету. Однажды за завтраком она посадила одну из своих юных подруг за отдельный стол потому, что иначе за большим столом оказалось бы тринадцать человек и эта девушка, будучи моложе всех присутствовавших, сделалась бы, несомненно, жертвой какого-нибудь несчастья.

Она была, безусловно, очень добра и искренна. Любила, чтобы у нее собирались друзья, и всякий раз, когда она просила опять приехать поскорее, она думала, что

говорила, и вы могли быть уверены, что после вашего ухода она не станет говорить о вас дурно. И она совершенно не испытывала так свойственной артистам зависти. В ее присутствии всегда могли хвалить другую звезду сцены. В этом тоже Бэнни не замедлил убедиться. Что же касается его лично, то Аннабель чувствовала к нему большое уважение как к человеку, который массу читал и занимался разными общественными вопросами. Тот факт, что имя Бэнни стояло на первой странице газеты в числе "опасных красных", окружало его не меньшей долей романтизма, чем та, которой была окружена в глазах публики сама Аннабель в качестве светила сцены и хозяйки "Монастыря".

V

— Харв, — сказала Аннабель, — тебе пора пойти показать м-ру Россу сад и парк, иначе вы опоздаете к обеду.

И Бэнни отправился обозревать все диковинки "Монастыря" для того, чтобы воочию убедиться, что можно сделать из имения, и, в случае чего, попросить отца подарить ему что-нибудь в этом роде. Но Харвей Маннинг представлял собой весьма несовершенного чичероне. Для того чтобы уметь что-нибудь показывать, нужно, чтобы вам самим нравилось то, что вы показываете. Что же касается Харва, то он перевидал в своей жизни чересчур много подобных мест и относился к ним со снисходительным покровительством.

Усадьба "Монастырь" заключала в себе почти столько же разных зданий, сколько было котлов на перегонном заводе в Парадизе, с той только разницей, что здесь все котлы были готической архитектуры, с башнями и башенками всевозможных величин, с остроконечными крышами и узорчатыми окнами. Если здесь не было ни часовен, ни могил аббатов, зато здесь было нечто подобное греческим гимназиям с громадным бассейном из зеленого мрамора для плавания, с густолиственными аллеями вековых деревьев, с площадкой для тенниса, для гольфа, большой площадью, отведенной для состязания в поло, — со всем тем, одним словом, что вы можете требовать от самого тщательно оборудованного спортивного клуба. В конюшне стояли всегда готовые оседланные лошади, но пользовались ими в большинстве случаев только грумы. Что же касается книг, красовавшихся в роскошной библиотеке, то их читали, и то изредка, одни только директора кино.

Был там и зверинец, в котором вы могли любоваться на представителей местной фауны, доставляемых хозяевам "Монастыря" их многочисленными наемными людьми и родственниками этих последних. Часть парка была огорожена, и там вы могли видеть и ланей, и горных коз, и медведей, и диких кошек, и горных львов. Было там тоже особое сооружение, покрытое провололочной сеткой, с большим сухим, без листьев, деревом посередине, служившим пристанищем для орлов. Но если орел, живущий в природных условиях, свободно парящий в голубой лазури, является волнующей темой для поэтов, то орел, сидящий в клетке, представляет собой в высшей степени печальное зрелище.

— Похож на ваших "красных" друзей в заключении, — заметил Харвей Маннинг, когда они проходили мимо.

Но даже самого пресыщенного всеми благами жизни человека может иногда что-то интересовать, и в этом убедился Бэнни, когда его спутник, взглянув на часы, с оживлением объявил, что им пора возвращаться домой. Объяснялось его оживление тем, что до этого часа дня он сидел обыкновенно на "водяной диете", и когда этот час приближался, то он приходил в такое возбужденное состояние. Поэтому они направились домой и были встречены мальчиком-китайцем с подносом в руках. Он, очевидно, имел обыкновение поджидать возвращение Харвея Маннинга с прогулки. В этот раз, для того чтобы вознаградить себя за потерянное время, Харвей выпил сразу две порции, потом с облегчением вздохнул, и Бэнни в первый раз увидел, что он мог быть до известной степени оживленным и не так мучительно медленно тянуть слова.

Когда Бэнни вошел в столовую, там все уже были в сборе, причем одни были в вечерних платьях, другие — в тех костюмах, в которых играли в гольф, третьи — в простых пиджаках, как, например, сам хозяин. Недаром же это был "дом свободы"! Вернон Роскэ разговаривал с Фредом Орпаном о политике, о том, как здорово достанется от них демократической партии.

Собственно, говорил один Роскэ. Собеседник же его был странным, молчаливым существом, высоким и тонким, с длинной, как у лошади, — тощей физиономией. Его серо-зеленые глаза производили очень странное впечатление — они казались совершенно пустыми. Вам, может быть, могло бы показаться, после того как в течение целого часа он не проронил ни одного слова, что и голова его тоже была пуста. Но это было бы несправедливым заключением, так как Фред Орпан стоял во главе целой серии нефтяных предприятий, и м-р Росс говорил про него, что он тонок и остер, как самая тонкая острая сталь.

Потом там была Бэсси Барри, так как хороший тон требовал, чтобы ее приглашали всюду, где бывал Орпан. Он помог ее выступлению в нескольких картинах, и она "выплачивала" теперь то, что он на нее затратил. Но эти отношения далеко не были похожи на отношения Роскэ и Аннабели, и это потому, что Бэсси была влюблена в своего директора, а он — в нее.

Все это объяснил Бэнни Харвей Маннинг, который успел пропустить еще несколько порций и говорил теперь совсем уж развязно. Он прибавил, что эти двое мужчин — Орпан и директор кино — чувствуют друг к другу острую неприязнь, и Бэнни понял, почему хозяйка посадила их на двух противоположных концах стола.

Столовая находилась в отдельном здании, тоже имевшем характер собора, но меньших размеров. Бэнни очутился за столом справа от очаровательной Аннабели, превратившейся из пастушки в герцогиню в белом сверкающем атласе. Слева от нее сидел Перри Дюшан, ее директор. Справа же от Бэнни было пустое место. Одна из дам запоздала, и Бэнни был еще чересчур молод и чересчур мало бывал в обществе для того, чтобы знать, что такого рода запаздывание устраивается важными особами нарочно, с целью придать себе еще более важности. Это была его первая встреча с знаменитой артисткой, и как мог он знать, что она любила играть иногда и вне сцены?

Помните вы в колоссальной картине "Император Этрурии" ту скифскую девочку-рабыню, которую взяли у диких скифов в забаву избалованному сибариту, и ту сцену, когда жирные евнухи хотят тащить ее во дворец? Помните, с каким великолепным порывом безумной ярости она вцепляется в них, царапает и кусает? От ее одежды в результате борьбы остаются одни только клочья, и вы видите глянцевирую кожу на ее гибком, нервном теле. Сколько именно вы ее видите, зависит, конечно, от законов цензуры данной страны. Эта сцена создала славу Виоле Трэсси (произносите Виола, с ударением на первом слоге). После она проявила свои удивительные "боевые" способности в "Девственнице Иамп" и во многих захватывающих сценах была на волосок от того, чтобы потерять свою невинность... Позже она перешла на роли другого характера и была главной приманкой в "Невесте Тутана Камена", обольстительным созданием, с глубокими, полными тайн, черными глазами и с непроницаемой улыбкой египетских сфинксов.

И вот теперь она была здесь, в "Монастыре", и входила в сводчатую столовую, переменяя свой египетский костюм на очень открытое черное бархатное платье, только что выписанное из Парижа, с ниткой черного жемчуга на шее. Лакей отодвинул ее стул, но она только положила на его спинку руку, а сама продолжала стоять.

— Мисс Трэсси. М-р Росс, — сказала хозяйка.

Но она все не садилась и стояла, улыбаясь Бэнни, а он улыбался ей. Получилась такая красивая картина, что Томми Палей, ее директор, который обучил ее этой позе и теперь наблюдал за ней с противоположного конца стола, громко закричал:

— Камеру!

Все рассмеялись, и громче и веселее всех — сама Ви, обнаружив при этом два ряда белых жемчужин, более безукоризненных по форме, чем те черные, которые у нее были надеты на шее, и ценившихся для звезды кино в несколько раз дороже, чем те.

Если Аннабель Эмс шествовала по свету, не произнося никогда ни о ком ни одного дурного слова, то это было совсем не в стиле Ви Трэсси. Язык Ви делал так же больно, как и ее кулачки.

За обедом разговор зашел о картине "Старое дубовое ведро", постановка которой обошлась в миллион долларов. Ее сюжет вызывал слезы из глаз самых закоренелых грешников, и Долли Дин, изображавшая невинную деревенскую девушку, соблазненную богатым торговцем, была, по словам Аннабель, "совершенно очаровательна в своей наивной простоте".

— О, конечно, — прервала ее Ви, — как же иначе! Ведь для того, чтобы достигнуть этой очаровательной наивной простоты, она была одновременно любовницей и автора, и директора, и его двух помощников — и все они вчетвером обучали ее тому, как невинная девственница должна вечером читать свои молитвы!

Говоря это, Ви Трэсси несколько раз лукаво взглядывала на нефтяного принца своими сверкающими черными глазами. Когда лакей поставил перед нею немного супа в позолоченной глубокой тарелке, она воскликнула:

— О боже, возьмите его прочь, в нем масса крахмала! Аннабель, ты, кажется, хочешь сделать меня совершенно негодной для моей профессии! — И, обернувшись к Бэнни, прибавила — Они говорят, что мы имеем право съесть одну перепелку в

месяц. Но что вы скажете, м-р Росс, когда узнаете, что в течение вот уже семи лет я ежедневно съедаю только по два куска баранины и по три ломтика ананаса. И больше ничего.

— Может быть, этого требует какой-нибудь египетский или скифский ритуал?

— Просто-напросто этого требует наш доктор, следящий за тем, чтобы артистки не полнели. Обо всех нас, кумирах публики, принято думать, что мы проводим все наше время в играх и роскошестве, на самом же деле у нас одна мечта — заработать достаточно денег для того, чтобы купить такое количество недвижимой собственности, какое позволило бы нам удалиться от всей этой толпы и есть самые простые и сытные блюда, когда и сколько нам этого захочется.

— И неужели вы никогда ничего не съели потихоньку? — сочувственным тоном спросил Бэнни.

— Ну конечно, нет! Мы не могли бы ничего скрыть, если бы даже и захотели: это сейчас же узнали бы все. Наша профессия лгать не позволяет. Спросите Томми Палей, что бы произошло, если бы, они увидели на мне хотя бы самый маленький слой жира в тот момент, когда толстые евнухи срывают с меня платье... Меня немедленно перевели бы на комические роли, и я принуждена была бы зарабатывать свой хлеб, катаясь в бочке по сцене.

VI

Разговор за этим обедом был, как две капли воды, похож на большинство званных обедов в Америке, производивших такое впечатление, точно вы все время скользили по самому краю глубокого рва.

— М-р Росс, — сказала Аннабель, — я вижу, что вы совсем не пьете вина. Можете быть совершенно спокойны — все наши вина довоенного времени.

И разговор тотчас зашел о запрещении продажи спиртных напитков.

Этот закон был опубликован уже два года перед тем, но обеспеченные праздные классы только теперь уяснили в достаточной полноте все нанесенное им этим законом оскорбление. Дело шло не о высоких ценах, так как все эти представители обеспеченного класса сами искали случаев тратить деньги, — вся беда была в том, что теперь никто с уверенностью не мог сказать, что ему удастся достать. Приходилось обращаться к содействию специальных поставщиков запрещенных напитков, и, слушая все эти разговоры, Бэнни убедился в одном очень курьезном факте, а именно в том, что люди, во всем другом проявлявшие большую долю недоверия и циничности, считавшие своим долгом никому и ничему не верить, тут верили всем самым невероятным историям, рассказываемым этими поставщиками запрещенных напитков о том, как тот или другой бочонок вина был привезен контрабандой из Мексики или выкраден из собственных погребов какого-нибудь герцога, посетившего Канаду.

Разговор зашел о последних подробностях трагического происшествия с Коски, одним из королей мира кино. У него был редкий погреб вин в его великолепной усадьбе, который он тщательно оберегал, обложил кирпичной стеной и приставил к дверям специального сторожа. И вот однажды, в отсутствие Коски, явились воры,

схватили и связали сторожа, заткнули ему рот, а сами проникли в дом, проломив пол в комнате, находившейся как раз над винным погребом, на веревке вытащили все находящиеся там бочонки и бутылки, нагрузили ими несколько тележек и увезли. Коски поднял целую бурю. Обвинил местные власти в том, что они были заодно с ворами, и достал какого-то знаменитого детектива, поклявшись, что добьется своего и притянет к делу всю полицию. Эта мера помогла, и большинство бочонков и бутылок были ему возвращены, но содержимое в них было уже другое. Их все, очевидно, успели опорожнить и наполнить какой-то смесью. И вот, после этого, все тайные поставщики вин, с которыми вы имели дело, обязательно заявляли вам, что вино, которое они вам достали, "самое настоящее вино из погребов Коски", и по меньшей мере миллион галлонов этого самого "настоящего" вина "из погребов Коски" было выпито за это время не только в Калифорнии, но и в других штатах!

Исчерпав эту тему, перешли к другой. Начались разговоры о закулисных интригах, о том, кто с кем жил, кто кому грозил скандалом, кто стрелялся, кто отравился.

VII

После обеда все перешли в смежный "собор", больших размеров, где свет электрических ламп был менее ярк и где в одном конце помещался громадный белый экран, а в другом, противоположном — прожектор. Посредине стояли мягкие кресла, приготовленные для гостей, которым полагалось присутствовать и давать свое мнение о первых двух катушках новой картины, ставившейся для Аннабели. Своими профессиональными советами гости платили хозяевам за их гостеприимство. "В муках страстей" представляла собой шаблонную, малосодержательную картину, с бесконечными переодеваниями и наивными переживаниями молодой героини, которая, желая отомстить своему мужу за его измену, убегает с его товарищем.

— Бог мой, — сказала Ви Трэсси вполголоса Бэнни. — Вот уже сколько лет Аннабель играет в подобного рода пустых салонных вещичках. Большинство из них может удовлетворить вкус разве только двенадцатилетних младенцев! Вы, может быть, подумаете, что я шучу, но это факт, что Перри Дюшан зовет школьных детей и рассказывает им сценарий, и все, что им в нем не понравится, он выбрасывает.

Потом, обращаясь к Аннабели, она сказала:

— Эта картина вполне отвечает всем условиям, моя дорогая. Я уверена, что она будет делать всегда полные сборы... Для Аннабели это главное, — тихо заметила она нефтяному принцу. — Она никогда не спрашивает вашего мнения по поводу того, насколько та или другая картина художественна. Вот почему вы можете всегда быть с нею вполне искренни. Но среди тех, кого интересует художественная сторона дела, я нажила себе немало врагов, так как я не желаю лгать и хвалить вещи, которые мне не нравятся.

В продолжение всего вечера между креслами присутствующих бесшумно, точно привидение, двигалась молчаливая фигура, одетая в белый парусиновый пиджак, такие же брюки и в красные, на мягких войлочных подошвах туфли. Это был

молодой китаец с подносом в руках, на котором красовались маленькие стаканчики с разноцветными — розовыми, желтыми, красными и зелеными — ликерами. Он переходил от одного гостя к другому, и они ставили на поднос пустые стаканчики и брали себе другие, полные. И все это происходило в полнейшем молчании.

Не пили только очень немногие — из них Аннабель и Ви Трэсси. "Привидению", по-видимому, было приказано не приближаться к Вернону Роскэ; когда же сам Вернон высказывал намерение к нему приблизиться, то тотчас же слышал многозначительное: "Вернон, опять?" — и он покорно возвращался на свое место. Но остальные все пили, и языки их развязывались, и сердца начинали биться усиленней. Даже Фред Орпан — и тот начал проявлять признаки жизни и, взяв пример с Вернона Роскэ, который всех всюду вышучивал, тоже начал над всеми подтрунивать, причем первый, кому от него попало, был сам Роскэ. Широко раскрыв рот на своем длинном лошадином лице, бывший хозяин ранчо в Техасе спросил высоким фальцетом, похожим на голос чревовещателя:

— А известно ли здесь кому-нибудь, как этот старый шалун начал свою карьеру?

Никто этого, очевидно, не знал, все молчали, и Орпан задал другой вопрос:

— А видел ли кто-нибудь его плавающим? Я убежден, что никто никогда. Всякий раз, когда дело идет о купанье где-нибудь на лоне природы, он говорит, что вода для него чересчур холодна, а когда дело касается купанья в том или другом закрытом помещении, то он протестует, говоря, что там слишком грязно или что-нибудь в этом роде. Причина же этому та, что у него не хватает одной пятки, и он не хочет, чтобы об этом знали. А не хватает пятки вот почему: когда он разрабатывал свою первую скважину, то ему понадобилось денег больше, чем он рассчитывал, а достать было не у кого. Тогда он пошел в общество страхования от несчастных случаев, застраховал себя, а потом отправился на охоту за кроликами и прострелил себе пятку и на выданную ему из общества сумму мог докончить свои буровые работы. Что, не правду я говорю, старина, а?

Присутствующие весело рассмеялись и стали требовать ответа. Вернон Роскэ смеялся громче всех, но заставить его ответить на интересовавший всех вопрос никому не удалось.

VIII

В "соборе" стоял большой орган современного типа, который играл при помощи особого механизма, приводимого в движение электричеством. Для этого нужно было только нажать кнопку электрического провода. В этот вечер он заиграл последние новости джаз-оркестра, и присутствующие устроили танцы. Ви подошла к Бэнни.

— Доктор разрешает мне только одну маленькую рюмку в течение целого вечера, — сказала она, — и мне нужен трезвый партнер. Давайте танцевать. Хотите?

Бэнни был этому очень рад, и время прошло незаметно. Он танцевал также и с симпатичною хозяйкою дома, с белокурой Бэсси Барри, а в антрактах между танцами болтал с Ви Трэсси. Привидение в образе китайца продолжало бесшумно скользить среди танцующих, и глубины человеческих душ продолжали обнажаться все больше и больше.

Неподалеку от Бэнни стоял Томми Палей, старший директор кино, с более обыкновенного разгоряченным лицом, но вполне еще твердый на ногах.

— Послушайте, Росс, — обратился он к Бэнни, — мне нужно, чтобы вы мне кое-что объяснили.

— Что именно, м-р Палей?

— Мне хотелось бы вообще знать обо всем.

— Обо всем?!

— Да. Главное — о жизни. Для чего, собственно, мы здесь живем и куда денемся потом, когда кончим свое земное существование?

— Я бы непременно вам это сказал, если бы только знал, — ответил Бэнни.

— Но ведь вы же учитесь в университете, молодой человек! Сам я никогда ничему не учился — был простым газетчиком, только и всего. Но я думал, что тот, кто читает кучу книг и ходит на лекции в университет...

— До сих пор мы этого во всяком случае не проходили, — сказал Бэнни. — Может быть, это войдет в курс двух последних лет.

— Так, пожалуйста, если они там вам это скажут, не забудьте передать мне. И объясните тоже, если можете, что представляет собой вся эта наша канитель с женским полом? И с ними жить нельзя, и без них невозможно. Что это, в сущности, за чертовщина?

— Все это действительно в высшей степени сложно, — согласился Бэнни улыбаясь.

— Это черт знает что такое! — с горячностью воскликнул тот. — Я с радостью отдал бы свое десятилетнее жалованье тому, кто научил бы меня забыть всю эту музыку.

— Понимаю, — сказал Бэнни. — Но только кем же, скажите, вы стали бы тогда управлять?

Старший директор взглянул на него с недоумевающим видом, а потом разразился громким хохотом.

— А ведь это правда! Истинная правда! Ха-ха-ха!.. Это здорово!

И все продолжая смеяться, он отошел от Бэнни и направился к стоявшей неподалеку группе мужчин, желая, очевидно, поделиться с ними тем, что его так рассмешило.

IX

Когда Бэнни на следующее утро сошел вниз, — это было воскресенье, — весь "Монастырь" был в его распоряжении. Нигде не видно было ни единой души. Позавтракав и просмотрев привезенные с ближайшей станции газеты, он вышел в сад и направился сначала к своим вчерашним знакомцам, "красным" орлам, а оттуда по узенькой дорожке, тянувшейся через ближайший холм, к берегу океана. Пройдя около двух-трех миль, он очутился перед длинной полосой отлогого берега. Тут кончался, собственно, парк. Он был весь окружен высокой оградой, и прямо против Бэнни виднелась запертая на ключ калитка. Около калитки на деревянной доске висело несколько одинаковых ключей, и была сделана надпись, гласившая, что

желающий идти к самому берегу должен был взять один из этих ключей с собой, для того чтобы он мог потом вернуться через эту же калитку. Послушный наставлению, взяв ключ и заперев за собой калитку, Бэнни продолжал свою прогулку по направлению к океану. Скоро он дошел до величественного здания в германском стиле, напоминавшего собою прирейнские замки. Оно стояло на вершине одного из холмов, и от него спускалась к воде целая серия террас и садов. Среди красиво извивающихся дорожек виднелись водопады и фонтаны с высеченными из камней лягушками, аистами, черепахами и тритонами, страдавшими, очевидно, от жары, так как фонтаны не были пущены и в бассейнах не было ни капли воды. Хозяева замка, очевидно, отсутствовали, так как все ставни окон были закрыты. Там и сям среди зелени садов белели какие-то предметы, по форме напоминавшие гигантские головы сахара. Это были завернутые в простыни статуи. Одни из них стояли на пьедесталах, другие — на каменной ограде. И над каждой из них качался электрический фонарь.

Все это производило такое странное впечатление, что Бэнни не поленился взобраться на ограду, спуститься в сад и приподнять одну из покрывавших статуй простынь. Он увидел перед собой обнаженную полную германскую женщину, по всем вероятностям — Лорелею, с кубком в руке и с большим узлом туго закрученных мраморных волос на затылке. Как вы помните, она имела обыкновение расчесывать свои волосы золотым гребнем и пела при этом песню, — "das hat eine wundersame gewaltige Melodei", — и Бэнни оказался тем самым юным рыбаком, которого охватывала всегда такая печаль при звуках этой песни. Он приподнял еще с полдюжины простынь, окутывавших статуи, и сосчитал все остальные, и в результате подсчета оказалось, что в саду находилось тридцать две толстых мраморных леди с туго закрученными пучками волос на затылке! Какое курьезное зрелище должны были представлять все эти статуи по ночам, когда зажигалось электричество и одни только тюлени смотрели на них из воды! Да! Как ни пристально смотрел Бэнни вдаль, он не видел на море ни единого паруса, но совсем около берега, на торчавших из воды обломках скал сидели несколько тюленей и внимательно смотрели на него, точно ожидая того момента, когда он снимет покрывала со всех этих статуй, и снова вернуться веселые дни давно минувших времен, когда закон запрещения продажи спиртных напитков еще не разорил Америки.

Бэнни вернулся на ту дорожку, которая привела его к саду, и скоро дошел до самой воды. Солнце стояло уже высоко, и волны ударялись о берег с заманчивым плеском. Почти вдоль всего побережья высывались из воды обломки скал, а на них сидели и грелись на солнце тюлени. Внимательно оглядев берег и убедившись, что нигде не видно было ни единой человеческой души Бэнни разделся и вошел в воду. Теперь все внимание тюленей сосредоточилось на нем, и при каждом его шаге который-нибудь из них придвигался ближе к краю того обломка скалы, на котором он сидел. Одни из этих тюленей были палевые, другие — темно-коричневые, и все, как большие, так и маленькие, были страшно жирные. Всякий раз, когда Бэнни подплывал к ним на близкое расстояние, они бесшумно соскальзывали в воду и вежливо давали ему дорогу. Когда же он сам взбирался на один из утесов, то они высывались из воды свои головы и не спускали с него своих кротких, добрых глаз.

Со своими щетинистыми усами они были поразительно похожи на человеческие существа, на детей, наблюдающих за неожиданно появившимся среди них незнакомцем, не понимающим их языка. "Что это за человек? Друг он наш или враг?" — спрашивают они себя, внимательно глядя на него своими добрыми глазами.

Калифорнийские воды всегда холодны, а калифорнийское солнце всегда горячо. Поэтому Бэнни, побыв немного в воде, подплыл к одному из утесов и ждал, пока вся компания гревшихся на нем тюленей предупредительно сползала в воду и уступала ему свое место. Тюлени спешили исполнять все его желания и довольствовались теми местами, какие он им предоставлял. Бело-зеленые волны перекатывались через его голову. Глубоко внизу цвел целый сад с удивительными растениями, с пестрыми анемонами и разными другими причудливыми цветами, причем стебли иных были так крепки, что их нельзя было разорвать руками. Высоко над ним плыли белые облака, бросая на воду быстро скользившие тени, а далеко-далеко на горизонте виднелась полоска серого дыма.

Мир был так красив и разнообразен, и жить в этом мире было так интересно! А что должны были чувствовать тюлени? Что они думали об этом нахальном существе, которое так распорядилось местами их отдыха? И интересовал ли их действительно этот рейнский замок и эти статуи, или же они их вовсе не видели, а видели одних только рыб, которые служили им пищей? И почему могли они так определенно знать, что они не должны были есть человека? Не очень-то было бы приятно, если бы один из них оказался "красным" и возмутился бы против существовавшего порядка вещей!

Таким-то образом Бэнни, будучи двадцатидвухлетним юношей, интересовался ощущениями тюленей совершенно так же, как когда-то маленьким мальчиком во время своей поездки с отцом на Гваделупскую высоту интересовался ощущениями земляной белки и сорокопуга. За эти годы он успел окончить высшую школу Бич-Сити и пройти полкурса Тихоокеанского университета, и ни одно из этих заведений не дало ему ответа на то, что его так интересовало!

X

Юный философ почувствовал, что он уже достаточно долго оставался в воде, и решил плыть обратно. Но в эту минуту он увидел, что кто-то верхом на лошади ехал вдоль берега и приближался к тому месту, где он купался. Всадник был без шляпы и издали казался мужчиной, но в наши дни по внешнему облику судить об этом очень трудно, а поэтому Бэнни выжидал, плавая неподалеку от берега. Внезапно он узнал во всаднике Ви Трэсси. Она его тоже увидела и, помахав ему приветливо рукой, придержала лошадь.

— Доброе утро, м-р Росс!

— Доброе утро, — ответил он. — Что это — может быть, тоже входит в число докторских предписаний?

— Именно, и в предписание входит также и купанье.

Сказав это, она засмеялась ему в лицо, точно угадывая его затруднительное положение.

— Почему вы не приглашаете меня в воду, м-р Росс? Мы могли бы устроить состязание в плавании.

— Это смутило бы тюленей, — сказал Бэнни. Он проплыл еще небольшое расстояние и встал на ноги. Вода доходила ему до плеч.

— Выходите скорей! — сказала она. — Идите сюда. Изумительное утро! Нужно им пользоваться.

— Дело в том, мисс Трэсси, что я не рассчитывал встретить кого-нибудь так рано, и потому я здесь сейчас таким, каким меня создал всевышний.

— "О вы, сыны человеческие!" — проговорила она нараспев. — "Когда же, наконец, перестанете вы стыдиться того, что составляет мою славу?.." Я участвовала раз в картине "Царь Соломон", из ветхозаветной жизни, — продолжала она. — У нас было три живых верблюда, и я изображала Суламифь, девушку, которая обожала царя и пожертвовала ради него своей жизнью. И он говорил мне: "Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Зима уже прошла, дождь миновал, цветы показались на лугах, запели птицы, и голос горлицы зазвучал в лесу. Смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают сладкое благоухание. Встань, возлюбленная моя, выйди! Голубица моя в ущелье скалы, под покровом утеса..."

Бэнни был теперь на таком расстоянии от берега, что мог видеть, каким весельем и лукавством сверкали черные глаза Ви.

— Молодая женщина, — сказал он, — предупреждаю вас, что вот уже час, как я в воде, и начинаю замерзать. Я давно уже собирался выходить.

Она продолжала:

— "Шея твоя, как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных..."

Он сделал еще несколько шагов. Теперь вода была ему по пояс.

— Я выхожу, — сказал он.

— "Кто это выходит там из воды? Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других. Голова его — чистое золото, кудри его — волнисты и черны, как..."

— Предупреждаю вас в последний раз, — перебил он ее. — Раз, два, три! — И, видя, что она не выражает никакого протеста, он вышел из воды.

— "Голени его — мраморные столбы, поставленные на зеленых подножьях, вид его подобен Ливану, — великолепен, как кедры..."

Он стоял теперь прямо перед нею. Волны тихо плескались у его ног.

— "Прекрасна ты, моя любовь! Очаровательна, как Фирца, красива, как Иерусалим, грозна, как полки со знаменами. Отведи очи твои от меня, потому что они волнуют меня!"

— Если это из Библии, то очевидно, это так и есть, — сказал Бэнни.

— Мне жалко, что мне никогда не приходилось иметь дело с картинами из греческой жизни, — сказала Ви. — Я, наверное, нашла бы там цитаты, более подходящие для данного случая. Я читала где-то, что греки на своих ристалищах состязались совершенно голыми, и это их нимало не смущало. Правда?

— Так по крайней мере говорится в книге.

— В таком случае будемте сегодня греками! Хорошо? Я слышала, что вы получили приз за состязание в беге. Хотите, чтобы согреться, устроим сейчас состязание, кто кого перегонит — вы или моя лошадь?

— Согласен, если это доставит вам удовольствие.

— В таком случае — начнем сейчас. Готово!

Сказав это, Ви, к удивлению Бэнни, выхватила из кармана своего жакета маленький револьвер и выстрелила в воздух. Как на настоящем состязании!

Он побежал с быстротой двадцати миль в час и услышал позади себя лошадиный топот. Ему опять было очень тепло, и состязание доставляло ему удовольствие. Синее небо, белые легкие облака, зеленые волны, искрившийся золотом прибрежный песок. Ви была права, говоря, что это изумительное утро.

Скоро они очутились в той части берега, где на песке виднелись следы колес и где качались на волнах лодки рыбаков. Сидевшие в одной из них люди перестали грести и не сводили глаз с этого удивительного зрелища: совершенно голого юноши, бежавшего взапуски с молодой женщиной верхом на лошади. Смуглые итальянские и португальские физиономии рыбаков расплылись в широкую, слегка насмешливую улыбку, обнажившую белые зубы. Они знали "Монастырь" и его хозяев, и понимали, что это была одна из причуд праздных богачей.

Но вскоре состязавшиеся достигли того места, где к берегу подходила большая экипажная дорога. На ней виднелись несколько автомобилей с замкнутыми коробками скоростей, с накинутой на них парусиной, которая защищала их от чересчур, горячего солнца. Неподалеку виднелись палатки и двигались люди, и Бэнни видел, что это были местные хозяева ранчо, приехавшие сюда со всеми семьями, чтобы отдохнуть от жары и провести воскресенье на морском берегу. Эти уж не отнеслись бы, снисходительно к причудам праздных богачей, и, по всем вероятностям, они ничего не знали об обычаях греков. Все они были вполне трезвыми людьми, аккуратно посещавшими церковь и очень строго осуждавшими все, что выходило из рамок общепринятых приличий.

Но ведь это Ви придумала такое состязание, и ее дело было решать, что делать дальше. Если она хотела быть язычницей, то должна брать на себя все последствия. А потому он продолжал все бежать и бежать. Теперь люди были совсем уже близко. Бэнни видел, как женщины поспешно вскакивали со своих мест и уходили в палатки; мужчины же смотрели на Бэнни с угрожающим выражением лица. Что они сделают? Схватят этого непристойного нарушителя их спокойствия и, завернув его в простыню, доставят в полицию? Быстро работавшая фантазия Бэнни уже видела на первой странице вечернего выпуска энджел-ситского "Вечернего ревуна" заманчивое заглавие: "Состязание "звезды" с голым "красным" нефтяным принцем!"

Но как раз в эту минуту он услышал позади себя голос:

— Сдаюсь! Еду обратно!

А потому он повернул. Лошадь тоже повернула, и они отправились в обратный путь, заливаясь веселым смехом среди окружавшей их сверкающей природы.

Греки никогда не носили ни рубашек, ни панталон, и в процессе облачения себя во все эти одежды не было ничего мало-мальски романтического или эстетичного. Поэтому Ви Трэсси продолжала не останавливаясь ехать шагом вдоль берега, в то время как Бэнни одевался. Когда же он снова к ней подошел, она была уже не гречанкой, но молодой английской леди, полной собственного достоинства, и было бы дурным тоном упоминать о ее рискованной выходке.

Она шла пешком и вела лошадь за уздцы. Бэнни шел с ней рядом.

— Обратили вы внимание на этот кошмар? — спросила она, когда они проходили мимо всех тридцати двух Лорелей, завернутых в простыни. — Это была одна из фантазий старого Ханка Татчерс. Вы, наверное, слышали о "счастливом Ханке", "калифорнийском виноградном короле"?

— Так это его усадьба! — воскликнул Бэнни.

— Он всегда был помешан на всякого рода оргиях, и у него была целая дюжина гаремов. Его жена, ему в наказание, отказалась дать развод, а когда он умер, позакрывала все эти статуи героинь его снов, сделав из этого своего рода публичное покаяние!

— Но никто, кроме тюленей, к сожалению, этого не видит, — сказал Бэнни.

— Да, но ведь все газеты были этим полны, всей этой историей Татчерсов. Время от времени они и до сих пор присылают сюда своих репортеров, причем однажды один из репортеров явился сюда в надетой под костюм тонкой стальной кирасе, которая защитила его от укусов злых телохранителей м-с Татчерс.

— Неужели же она науськивала на людей своих собак?

— Ну, конечно. И это для того, чтобы никто не осмеливался приподнимать эти простыни и смотреть на статуи.

— А я-то хорош! Только что это проделал по крайней мере с десятком этих особ.

— Вам повезло! Можно вас поздравить. Что касается меня, то я стала брать с собой револьвер именно на случай встречи с этими четвероногими сторожами, отличающимися необыкновенной свирепостью. Они прибегают иногда на берег и наводят на всех панику.

— Но отчего же она не обнесет свои владения какой-нибудь более серьезной оградой?

— Она постоянно спорит со всеми властями графства, считая, что этот участок тоже принадлежит ей, и нередко загораживает весь берег. И тогда власти присылают ночью своих людей, и это ограждение уничтожается. Они сражаются так все эти последние десять лет. Правительство желает проложить здесь большую дорогу, что на несколько миль сократило бы путь на станцию, но она этого не желает и затрачивает громадные суммы на свою борьбу с властями. Она живет в этом замке точно какая-нибудь средневековая принцесса, которую окружают со всех сторон враги. Ставни всегда закрыты, и она тихонько слоняется из комнаты в комнату с ружьем в руках, разыскивая воров и шпионов. Поговорите о ней с Харвом — он ее хорошо знает.

— Она ненормальна, должно быть?

— Это реакция после ее жизни с мужем. Он был развратник и мот, а она стала теперь форменной скрягой. О нем рассказывали, между прочим, что он имел обыкновение платить всем своим людям наличными деньгами, и когда разъезжал

по своим владениям, то всегда возил с собой несколько холстяных мешков, в каждом из которых было по тысяче долларов золотом. Однажды он уронил один из таких мешков и не заметил этого, а когда один из его рабочих нашел и принес ему мешок, то он презрительно на него посмотрел, достал из кармана полдоллара и дал ему со словами: "Вот тебе как раз то, что стоит веревка. Поди купи себе и повесься".

Обогнув замок, они опять вышли на берег.

— А вот на том холме живет сестра старого Ханка, — сказала Ви. — Он оставил часть своего состояния тоже и ей, и теперь эти две женщины постоянно спорят о границах своих владений и о правах своих на воду. Тэсси Татчерс — старая развратница. Она нанимает себе служащих и делает из них себе любовников и пишет им письма. А когда они прибегают потом к шантажу, отказывает им от должности и посылает их к дьяволу. Тогда они начинают против нее дело о неуплате жалованья и продают ее письма в издательства тех или других газет. И газеты их печатают. Но Тэсси все это нипочем. Она знает, что ничто не может подорвать ее социального положения, — для этого она чересчур богата. Кроме того — она старая пьяница и умеет предавать забвению свои неприятности.

— Какое отвращение! — воскликнул Бэнни. — Что делает с людьми богатство!

— С женщинами в особенности, — сказала Ви. — Такие колоссальные состояния не для их нервов. Когда я встречаю пожилых женщин и старух, я спрашиваю себя — на месте какой из них я хотела бы быть в конце своей жизни? И тотчас же в ужасе восклицаю: "О боже мой!" — и вскакиваю в свой автомобиль и мчусь со скоростью пятидесяти миль в час, убегая и от своих собственных забот, и от всех этих людей, которые надоедают мне рассказами о своих огорчениях и бедах.

— Вы, должно быть, мчались так в тот именно день, когда судья приговорил вас на неделю к тюремному заключению? — спросил Бэнни смеясь.

— Нет, — ответила она. — Это была просто утка. Блестящая мысль нашего рекламиста, и ничего больше.

Глава четырнадцатая

"ЗВЕЗДА"

I

Бэнни вернулся в Энджел-Сити, где не замедлил убедиться в том, что если он желал следовать программе Ви Трэсси — стараться не принимать участия в чужих заботах и неприятностях, то он делал колоссальную ошибку, заинтересовавшись рабочим колледжем. Он пошел к м-ру Ирвингу и застал его по уши погруженным во все хлопоты, связанные с рабочим движением. В течение всего лета он интервьюировал как лидеров, так и сочувствующих рабочей партии, стараясь заинтересовать их программой будущего колледжа. Он хотел непременно как можно скорее его открыть. Хотя бы только всего с тремя преподавателями и с пятьюдесятью учениками, но все это теперь оказывалось более чем сомнительным,

трудности были совершенно непреодолимые. В рабочем движении была целая группа прогрессивных здравомыслящих людей, порядочное количество буржуазии и небольшая кучка крайних радикалов, которые предпочитали лучше не иметь совсем хлеба, чем иметь каких-нибудь полбулки в день. Старые лидеры отказались бы совершенно от колледжа, если бы в него вошли "красные", а с другой стороны, если бы "красные" не были приняты, то они подняли бы крик, и все искренние неподдельные либералы стали бы говорить: "Какой смысл было заводить новый колледж, если он ничем не отличается от старых?"

У рабочего движения были свои традиции. Оно ставило своей главной заботой добиться для рабочих меньших часов работы и лучшей оплаты труда, и всех старых должностных лиц рабочего союза пугало все мало-мальски новое, потому что они видели в этом новом нечто такое, что могло вернуть их к тяжелому труду. А они уже привыкли вести переговоры с работодателями, курить их сигары, и в громадном большинстве случаев все они тратили значительно больше денег, чем сколько давало им их жалованье. В Энджел-Сити рабочие союзы имели свою еженедельную газету, которую субсидировали крупные промышленники, — и что это было, в сущности, как не почтенная форма взятки? Всякий раз, когда вы приносили какие-нибудь новости "боевого" характера издателю этой газеты, он произносил страшное слово "большевизм" и бросал вашу заметку в корзину ненужных бумаг.

То же самое можно было сказать и о рабочем движении в его национальном аспекте. Американская рабочая федерация содержала в Вашингтоне специальное бюро, назначение которого было бороться с радикалами, и деятельность этого бюро ничем не отличалась от деятельности любого патриотического общества. Все его функции сводились к тому, чтобы собирать со всех концов света новости, дискредитирующие Россию, и питать ими американскую рабочую прессу. И, конечно, если какой-нибудь рабочий бывал настолько смел, что требовал, чтобы была выслушана и другая сторона, то он подвергался враждебному отношению к нему всей этой "машины", и найти работы он нигде уже больше не мог. Вполне естественно поэтому, что средний лидер рабочих, как бы ни был он честен и искренен, чувствовал, как волосы становятся у него дыбом всякий раз, когда такая дубина начинала свистать в воздухе над его головой.

II

Бэнни отправился в Парадиз, и там его ждали рассказы о новых заботах и огорчениях. Приготовляясь к надвигавшейся забастовке, которая назревала на почве требований увеличения жалованья, нефтепромышленники решили "выполоть" все сорные травы, удалить всех тех, кто сеял недовольство среди рабочих, другими словами — всех активных членов союза. И вот теперь в первый раз фирма "Консолидированного Росса" последовала политике всех остальных: Бэну Рилей, одному из тех рабочих, которые бывали в домике ранчо Раскома, было объявлено, что в нем больше не нуждались. Управляющий сказал ему, что они набрали слишком много народу, но это была чистейшая ложь, потому что после того, как он это ему сказал, он нанял еще целых шесть человек. Нет, его уволили потому,

что он был социалистом, говорил на митингах в Парадизе, раздавал рабочим социалистические газеты, в которых указывалось на громадные потери нефти в нефтяной промышленности и на всемирную борьбу за нефть — борьбу, которая приведет к новой страшной войне.

О случае с Бэном Рилей Бэнни услышал от Руфи. Она говорила очень серьезным тоном, со скорбным выражением в своих добрых глазах.

— Это очень нехорошо, Бэнни, потому что ему совершенно некуда идти. А здесь у него дом и жена, и две маленькие девочки.

Бэнни было так неприятно это слышать. Ведь его отец обещал ему, что такого рода вещи больше не будут повторяться.

— Как вы думаете? Можно будет что-нибудь для него сделать? — с волнением спрашивала Руфь.

— Дело в том, Руфь, что Рилей работал при насосе, а работа этого рода находится в ведении отдела операционных работ, а не того, которым заведует отец, и он не станет вмешиваться в распоряжения главного управляющего операционным отделом.

— В таком случае надо его попросить, чтобы он взял Бэна в свой отдел.

— Я попрошу его, Руфь, но я знаю, что он скажет. Он скажет, что если он будет давать работу тем людям, от которых другие отделы хотят освободиться, то он возбудит этим неприязненное чувство. А отец так заботится о том, чтобы никакой неприязненной атмосферы в предприятии не было.

— Я это знаю, — сказала Руфь. — Но ведь надо же также считаться и с чувствами Рилея и других рабочих.

Руфь проговорила это с той настойчивостью и с той силой, какая проявляется иногда у самых мягких натур. Она никогда не задумывалась над абстрактными вопросами. Не была знакома ни с какими теориями классовой борьбы. Но всякий раз, когда дело шло о каком-нибудь бесчеловечном поступке, о горе других людей, она вся проникалась к ним сочувствием и становилась такой же настойчивой и решительной, каким был Поль. Все эти люди, которые приходили в их дом и беседовали и спорили с ее братом, были ее друзьями, и если кто-нибудь из них лишался заработка, то необходимо было сделать все возможное, чтобы работу ему достать.

И опять Бэнни очутился в прежних мучительных условиях человека, который может только наблюдать за происходящей борьбой, не будучи в силах ни прекратить ее, ни даже смягчить. Бэну Рилею удалось поступить на место в одном из соседних ранчо, где ему приходилось работать по двенадцать часов в сутки, но это не мешало ему приходить по вечерам к своим прежним товарищам и раздавать им социалистическую литературу, и, разумеется, то горькое негодующее чувство, которое он испытывал раньше, теперь еще только обострилось, и это чувство разделяли все его товарищи.

Том Акстон был опять в Парадизе, и в свободное от своей организационной работы время вел с Полем и Бэнни долгие беседы. Здесь, в союзе нефтяных рабочих совершенно так же, как и в рабочем колледже, приходилось решать задачу: что делать с "красными"? Невозможно было, конечно, образовать большую сплоченную группу рабочих без того, чтобы в этой группе не было социалистов и коммунистов, а

между тем они очень затрудняли все дело. Поль был совершенно согласен с Акстоном, считавшим, что самое главное и важное, что требовалось для нефтяной промышленности, — это спасти союз. И на этом рабочие должны были сосредоточить все свои силы, стараясь избегать всякого рода несогласия и разделений. На это социалисты и коммунисты отвечали "хорошо", они "помогут", но надо помнить, что, по мере того как борьба будет развиваться, "хозяева" будут обращаться за помощью к полиции и в суд, и нефтяные рабочие, подобно всем другим, убедятся, что они не могут оставаться вне политики и что им необходимо наложить узду на капиталистическое правление. И в этом сходились и социалисты и коммунисты. Но вопрос был в том, каким образом это обуздание должно было произойти на практике? А едва поднимался этот вопрос, как между двумя партиями — социалистической и коммунистической — начинался разлад, точь-в-точь как это было в семье Менциеса.

"Рабочие промышленные мира", как они сами себя называли, составляли определенную группу людей, недовольных той расшатанностью и той недальновидностью, которые царили в старых союзах. Они образовали свою собственную организацию — "Единый великий союз", в который должны были войти впоследствии все рабочие. Члены этой новой организации были ненавистны всем регулярным лидерам рабочей партии, а газеты выставляли их в образе преступников и злодеев, но когда Бэнни встретился случайно с одним из них, то нашел, что идеалы этого "преступника" — молодого малого — были совершенно в духе христианских мучеников. А между тем они подвергались, на основании калифорнийского акта "криминального синдикализма", ярому преследованию, и при первом их появлении в том или другом рабочем лагере или в той или другой промышленной организации полицейские имели право их схватить, и достаточно было иметь при себе "красную" карточку, для того чтобы быть приговоренным к четырнадцатилетнему тюремному заключению. И тем не менее они проникали в Парадиз. Несколько человек перекочевывали с одного холма на другой, заманивали рабочих к себе на митинги, и по вечерам вы могли видеть вдали огни их костров и слышать отдаленные звуки песен, которые они распевали из своих маленьких "красных книжечек песен". Бэнни находил в этом много романтического и таинственного, тогда как на его отца, на м-ра Роскэ и на всех заведующих фирмой "Консолидированного Росса" эти звуки наводили такой же страх, как если бы это рычали свирепые тигры джунглей.

III

Но от всех подобных волнений и огорчений у Бэнни было теперь новое убежище — "Монастырь". Там ни у кого не было забот, а если даже и были бы, то никто не стал бы взваливать их ему на плечи. "Смотрите на "Монастырь" как на свой клуб, — говорила Аннабель. — Приезжайте когда хотите и оставайтесь столько, сколько вам вздумается. Наши лошади ждут, чтобы их проезжали, а наши книги — чтобы их читали. А помимо их в вашем распоряжении целый океан — сообразуйтесь только с приливами!" И Бэнни часто спасался теперь в этом гостеприимном доме. Иногда он

заставал там Ви Трэсси, а когда ее не было, она каким-то таинственным, неведомым образом через несколько часов оказывалась уже там.

Ви была несколькими годами старше Бэнни, но в своем знании света она была старше его на целую сотню лет. Это ей не мешало быть очень приятным партнером во всех летних развлечениях. В ее "служебные обязанности" входило быть всегда юной душой и телом — она этим зарабатывала себе пропитание, а потому веселиться и забавляться было ее естественным времяпровождением. Ей приходилось все время себя тренировать, как какому-нибудь атлету или кулачному бойцу перед состязанием. Кто мог знать, какого рода прихоть взбредет в голову автору того или другого романа или директору кино, недовольному обычным характером современных мелодрам? В один прекрасный день она может очутиться привязанной к дикой лошади, или к быстроходной лодке, или ей будет приказано карабкаться по внешним уступам какой-нибудь колокольни... В давно минувшие времена как в варварских, так и в цивилизованных странах на женщин налагались, в силу весьма странных причин, разного рода аскетические требования. Но ни одна из этих причин не могла, конечно, сравниться по своей дикости с той, которая требовала от артистки кино подобной тренировки: все это делалось для того только, чтобы она как можно реальнее могла изобразить перед глазами миллионов зрителей борьбу безумно перепуганной девочки, вырывающейся из рук грубых насильников!

Но как бы то ни было, для юного идеалиста, искавшего себе убежище от тех забот, которые взваливали ему на плечи его друзья, Ви была прекрасным товарищем. Они брали себе из конюшен Аннабели необъезженных лошадей и скакали на них без седел на берег океана и заставляли их бросаться в воду, к великому смущению тюленей; устраивали состязания в беге, в плаванье, и плеск волн был бессилен заглушить громкий смех Ви. А потом они усаживались где-нибудь на прибрежном песке, и она рассказывала ему разные истории из закулисной жизни кино, и шум прибоя был, без сомнения, не так страшен и дик, как эти рассказы.

Когда Бэнни оставался один, его преследовал образ Ви в ее узком, плотно облегавшем ее купальном костюме, вся ее изящная фигурка, очень тоненькая, ловкая, грациозная, подвижная. Было очевидно, что он ей нравился, и Бэнни, возвращаясь из области снов к действительности, отдавал себе отчет в том, что он был в нее безумно влюблен. Он не мог заставить себя заниматься, он все время думал только о ней, и все его мысли резюмировались в одном вопросе: "Почему нет?" И на этот вопрос дружным эхом отвечали голоса и его отца, и м-ра Роскэ, и Аннабели, и ее друзей: "Да! Почему нет?!" Единственно, кто ответил бы на этот вопрос иначе, была Генриэтта Аслейч, но образ Генриэтты — увы! — совсем побледнел в его воспоминаниях: Бэнни никогда уже не ездил больше кататься по голубой лагуне и не читал молитв из маленькой черной с золотым обрезом книжки.

Бэнни часто звонил Ви по телефону — или в ее студию, или в ее бунгало, и она всегда была готова принять участие в какой-нибудь "шалости". Они ездили в ресторан, в котором имели обыкновение обедать артисты, а потом отправлялись в один из тех театров, где на сцене изображались эти самые люди, и Ви рассказывала ему истории из их частной жизни — истории более странные, чем те, которые для

них сочиняли. Очень скоро театральный мир в своих сплетнях начал соединять в одно имена Ви и Бэнни. "Ви Трэсси поймала миллионера, нефтяного принца с миллионами, миллионами долларов!" И это не было лишено известной доли романтизма: этот миллионер сочувствовал большевизму, был одним из "красных"!.. Взгляды и интонации голосов, которые долетали теперь до Бэнни, являлись новым ответным эхом на преследовавший его постоянно вопрос: "Почему нет?.."

IV

Сидя на берегу, наполовину зарывшись в песок и не сводя глаз с лазурной поверхности теперь спокойных вод, Ви рассказывала ему эпизоды из своей собственной жизни.

— Я не цыпленок, только что вылупившийся из яйца, Бэнни. Не воображайте того, чего нет. Я поступила на сцену, чтобы устроить свою жизнь, и я заплатила ту цену, которую за это спрашивали. Как всякая другая девушка. На свете не существует бескорыстных антрепренеров и директоров кино.

— Но разве они не могут удовольствоваться приобретением хорошей актрисы?

— Ничто не мешает ей быть хорошей актрисой днем и хорошей любовницей ночью. И они желают получить и ту и другую.

— Это звучит так жутко, — сказал Бэнни.

— Дело в том, что в этой игре идет такое невероятное соревнование, что вы себе и представить не можете. Если вы хотите выбиться на дорогу — вы не можете этого избежать. Ни с чем другим не считаются. Все другое ровно ничего не значит. Все дело только в этом одном. И так было и со мной. Я стучалась в двери всех студий — мне было тогда пятнадцать лет, и я страдала и голодала. Но только тогда, когда я провела ночь с одним из этих дьяволов, двери студии для меня раскрылись.

Она замолчала и не сводила глаз с спокойно катившихся волн, и Бэнни в первый раз увидел в ее лице мрачное, скорбное выражение.

— При этом вот что еще нужно не забывать, — прибавила она, — что когда бедная девушка встречает богатого человека, который дарит ей красивые платья, катает ее в великолепном автомобиле и устраивает ее в уютном бунгало, то он становится в ее глазах каким-то сказочным существом. Моралистам вольно насмеяться, сколько они желают, но факт тот, что когда я встретила такого человека и он предложил дать мне впервые настоящую роль в картине, то он показался мне каким-то сверхчеловеком, богом, и я считала, что это будет только благородно с моей стороны, если я сделаю для него все, что он пожелает... И мне пришлось прожить с ним несколько месяцев, прежде чем я убедилась в полнейшем его тупоумии.

Наступило молчание.

— Мне кажется, — сказала Ви, — что вы спрашиваете себя: для чего, в сущности, я вам все это говорю? Сейчас у меня вполне обеспеченное, независимое положение, и я с успехом могла бы разыгрывать из себя светскую даму, предав забвению свое некрасивое прошлое. И если бы я вам сказала, что я — невинная, чистая девушка, то как вы могли бы узнать всю эту мою историю? Но я сказала себе: "Бог мой! Деньги

тем, главным образом, для меня и важны, что они могут избавить меня от необходимости лгать".

— Я знаю еще одного человека, который говорил то же самое, — сказал Бэнни, — и его слова произвели на меня сильнейшее впечатление. До тех пор мне никогда не приходилось сталкиваться с подобного рода людьми.

— На тех, кто не лжет, обыкновенно смотрят как на каких-то дикарей, — сказала Ви. — Что касается меня, то в этом отношении у меня ужасная репутация в мире кино... Вам что-нибудь обо мне уже говорили?

— Только очень немного, — ответил Бэнни.

Она пристально взглянула на него.

— Что именно? Наверное, вам все рассказали о Робби Уардене — да?

— Вряд ли все, — ответил он улыбаясь. — Я слышал только, что у вас с ним был роман и что вы до сих пор очень о нем грустите.

— Я два раза была одурочена мужчиной. Робби был вторым и последним. Больше, поверьте, этого уже не случится. Робби дал денег на самую лучшую из моих картин. Он был красив, как бог, и предлагал на мне жениться. И одно время я серьезно об этом думала. Но оказалось, что у него одновременно были романы еще с тремя женщинами, и одна из них его застрелила. Так кончился этот роман моих юных лет... Нет, я не грущу о нем! Я рада, что это кончилось. Он принес бы мне одни только заботы и горе. Но если я отношусь к любви немного цинично, если моя манера выражаться недостаточно изысканна, то вы теперь, может быть, поймете, почему это так?

Сказав это, Ви стряхнула песок со своих голых ног и встала.

— Смотрите, вот как я лечусь от толщины!

Она оперлась руками о песок в том месте, где он был еще сыр и крепок, и встала на них, как это делают акробаты. И в этой позе, с закинутыми вверх тонкими белыми ногами, она на руках сделала те несколько шагов, которые отделяли ее от воды, и с веселым смехом бросилась в волны.

— Скорей сюда! — закричала она Бэнни. — Вода сегодня удивительная!

V

Бэнни, думая об этом разговоре, учился смирению. Ви приходилось страстно бороться за свой успех, тогда как ему все доставалось без всякой борьбы. Если бы ему вздумалось избрать себе карьеру артиста кино, его отец не замедлил бы предпринять все необходимые для этого шаги, и перед ним широко распахнулись бы двери всех студий. И так было бы со всякой другой карьерой. А потому он не имел никакого права осуждать кого бы то ни было.

В то время как он слушал Ви Тресси, в его воспоминании вставал образ Эвники Хойт... Нет, люди положительно не умели разбираться в сексуальных вопросах. Сколько было во всем неясного! Разумеется, Ви не могла думать о том, чтобы выйти за него замуж теперь же: браки бывали нередки среди артистов кино, но, по-видимому, они считали долгом прежде убедиться, что могут быть друг с другом

счастливы. И это давало Бэнни известную уверенность в том, что Ви не будет шокирована, узнав, что все его мысли заняты ею одною.

В этот вечер они были в "Монастыре" и после обеда, в то время как все в зале танцевали, вышли на террасу. Было тихо. Светила луна — та самая, которая светила и Бэнни с Эвникой, и Бэнни с Ниной Гудрих. Из залы доносились звуки музыки, из сада — аромат цветов, и Бэнни спрашивал себя: "Что же, что же мне делать?" Так это не могло дольше оставаться — это было ему ясно. Нервы его были взвинчены до последней степени. И в то же время язык его точно прилип к гортани. До сих пор девушки всегда первые объяснялись ему в любви. И это было, конечно, нелепо. Но в чем же дело? Почему он не мог заставить себя произнести ни единого слова?

Слабым, еле слышным голосом он проговорил:

— Давайте танцевать сейчас здесь, на террасе!

И они встали и начали танцевать. А когда кончили, то очутились опять на прежних местах, и ничего, решительно ничего не произошло, и Бэнни чувствовал себя все так же мучительно. Нет, так невозможно!.. С храбростью отчаяния он опять обнял рукой ее тонкий стан и прижал к себе, но на этот раз обнял совсем не так, как это полагается для танцев. Танцевать в этом положении, когда вас так крепко прижимают к себе, было бы совершенно невыносимо. И когда Бэнни отдал себе в этом отчет — он испугался. Такого рода поступок не делал ему чести — ему, студенту университета и представителю светской группы университетской молодежи. И Ви, конечно, его осудит. Не поймет, рассердится, прогонит прочь... Бэнни замирал от ужаса...

Но нет, она не рассердилась и, по-видимому, она его поняла. Старая поговорка гласит, что пальцы существовали на свете раньше вилок, и так же будет правильно, если мы скажем, что объятия существовали раньше слов. В ответ на свое объятие Бэнни почувствовал, что его обняли тонкие руки Ви, обняли со всей той силой, на какую они были только способны. О, значит, все хорошо!

— Ви, — прошептал он, — Ви!.. Так это правда? Вы меня любите? Да?..

Вместо ответа ее губы прильнули к его, и они стояли так, крепко прижавшись друг к другу, в то время как круглый месяц лил на них свой свет, а из залы доносились веселые звуки музыки.

— Ви, я так боялся...

Она засмеялась.

— Глупый мальчик!

Но внезапно она от него отстранилась.

— Бэнни, мне нужно с вами поговорить. Нужно сказать одну очень важную вещь... Сядемте сейчас и поговорим. Нет, не здесь — в том конце террасы. Я хочу, чтобы мы поговорили с вами совершенно спокойно.

Голос ее звучал нервно и нерешительно. Он молча отвел ее на другой конец террасы.

— В чем дело, Ви?

— Я хотела бы, чтобы мы с вами действовали совершенно сознательно, не очертя голову, Бэнни. Я до сих пор не могла себе представить, чтобы кто-нибудь был счастлив в любви, и я давно уже дала клятву перед богом, что я никогда никого любить больше не буду.

— Вам придется найти себе нового бога, если вы боитесь того, перед кем вы произнесли эту клятву, — улыбаясь, сказал Бэнни, к которому, наконец, вернулся дар речи.

— Нет, я хочу только сказать, что мы должны пообещать друг другу быть счастливыми. А как только мы почувствуем, что не можем уже больше быть счастливы — мы разойдемся. И сделаем это совсем тихо, без скандала. Обещаем друг другу не поступать очертя голову, обещаем не ревновать и не мучить друг друга.

— Мне никого никогда не надо будет, кроме вас, и вам, конечно, ревновать не придется, — решительно заявил Бэнни.

— Вы ничего, ничего не знаете! Никто никогда не знает. В эти дела вмешивается всегда сам черт. О, вы не знаете, чему мне приходилось быть свидетельницей, Бэнни. Вы совсем еще младенец в этом отношении.

— Вы сделаете из меня взрослого, Ви.

— Как вы можете знать, что я сделаю? Что вы вообще обо мне знаете? Я вам нравлюсь, вы хотите, чтобы я вам принадлежала, но вы совершенно не знаете, что я, в сущности, собой представляю. Я могла бы рассказать вам про себя кучу небылиц, и вы всем бы им поверили. И та женщина, с которой вас судьба столкнет после меня, наговорит вам еще столько же небылиц, и вы и ей поверите. Потому что — как вы сможете доискаться правды?

— Вы мне скажете, Ви!

Сказав это, он упал перед ней на колени и покрыл поцелуями ее руку, чувствуя потребность утешить ее, ободрить. Но она оттолкнула его.

— Нет, не надо этого делать. Я хочу, чтобы вы подумали о том, что я вам сказала. Я хочу, чтобы мы обсудили все хладнокровно, потому что, понимаете, Бэнни, мужчина и женщина должны ничего не скрывать друг от друга. Должны говорить всегда правду, даже если эту правду и больно бывает иногда слышать. Так я говорю, Бэнни?

Бэнни молча наклонил голову, и Ви продолжала:

— Как только он или она почувствуют, что не любят больше так, как любили раньше, они должны это сказать. Лучше уйти, чем оставаться и лгать. Согласны вы на эти условия, Бэнни? Обещаетесь их исполнять?

— Обещаю, Ви.

— А еще я хочу, чтобы вы знали, что мне совсем не нужно ваших денег.

— У меня нет своих денег, Ви, я ничего еще не зарабатываю. Все мои деньги — отцовские. Это первая тяжелая правда.

— Да. Ну, во всяком случае мне их не надо. У меня свое дело, у вас — свое. Мы будем жить каждый у себя и встречаться, когда нам этого захочется, когда это будет нужно для нашего счастья.

— Все это чересчур удобно и просто для мужчины, Ви.

— Это игра, и в ней, как и во всякой другой, есть свои правила. Если мы не будем их исполнять, то это будет с нашей стороны равносильно плутовству.

Бэнни отвечал, что как он вообще никогда не плутовал ни в какой игре, так не будет плутовать и в этой. Его слова и их тон совершенно разогнали все страхи Ви. Они опять сжимали друг друга в объятиях и осыпали друг друга страстными поцелуями.

— А теперь пусти меня, Бэнни! — шепнула она. — Я боюсь, что сюда кто-нибудь придет. Я сейчас пойду в залу и приму участие в танцах. Потом скажу, что устала, и уйду наверх. И ты придешь ко мне, в мою комнату.

VI

Как это случилось? Может быть, их видел кто-нибудь случайно на террасе? Или Ви проговорила Аннабелю? А может быть, слишком уже ярки были те лучи счастья, которые лились из глаз юной четы? Как бы то ни было, но на следующий день, их тайна перестала, очевидно, быть тайной, и в "Монастыре" царил праздничная атмосфера. Никто, конечно, не заходил так далеко, чтобы осыпать молодую чету рисом или бросать ей вслед старый башмак, или привязывать белые ленты к экипажу, в котором они ехали. Но лица присутствующих сияли дружескими улыбками, и в веселых, добродушных подтруниваниях и шутках не было недостатка.

Аннабель была в полном восторге. Это был ее план. В тот самый день, когда она услышала от Верна о молодом нефтяном принце, она решила немедленно познакомить его со своей подругой и сделать со своей стороны все возможное, чтобы помочь им влюбиться друг в друга. И теперь, когда это случилось, она сияла. Что же касается Верна, то вы, конечно, представляете себе, что когда он начинал отпускать разные шуточки на эту тему, то ни у кого не оставалось уже никакого сомнения в том, что произошло.

Как это ни странно, Бэнни, вернувшись домой, нашел и своего отца в таком же праздничном настроении духа. Точно атмосфера "Монастыря" проникла и к нему. Неужели Верн, этот старый плут, успел уже телефонировать новость своему приятелю? Как бы то ни было, м-р Росс сиял от удовольствия, и Бэнни ясно читал его мысли.

М-р Росс видел как-то Ви Трэсси на сцене, и она ему очень понравилась. И это ведь была не заурядная актриса, но звезда кино! Было чем похвастаться. Это как раз самая подходящая карьера для молодого нефтяного принца, вполне соответствующая всем аристократическим традициям. По крайней мере, у него будет теперь в голове не одно только его глупое увлечение большевизмом.

Бэнни был уверен, что именно так думал его отец.

Потом м-р Росс принялся делать "тонкие" намеки на случившееся, и его ловкость можно было сравнить в этом отношении с ловкостью взрослого носорога. Встречался ли Бэнни это последнее время в "Монастыре" с Ви Трэсси? Не правда ли, это была совсем редкая девушка по живости, энергии и необычайной трудоспособности? Верн говорил ему, что она получает до четырех тысяч долларов в неделю. И при этом ее голова работала лучше, чем головы многих деловых мужчин. Когда начала свою деятельность фирма "Консолидированного Росса", она пришла к Верну и спросила его совета и, услышав от него, что это дело верное, принесла ему не более и не менее как чек на целых пятьдесят тысяч долларов, прося купить на все эти деньги акций по их номинальной цене. И теперь они увеличились втрое, и Ви говорит, что Верн спас ее от участия в целых шести новых картинах... Да, удивительная девушка!

Так тонко намекал на это событие старый носорог.

Не замедлила узнать об этом и Берти. Ей сказал Чарли Норман (один из ее приятелей, который был в близких отношениях с сестрой Аннабели). В Берти тотчас же заговорило желание познакомиться с Ви Трэсси, и она потребовала, чтобы Бэнни пригласил их обеих завтракать. Ви попробовала протестовать, говоря, что сестры всегда относятся дурно к предметам любви своих братьев и что она отравит им все настроение. Но Бэнни смеялся, говоря, что у него всегда найдется сколько угодно противоядия. И знакомство состоялось, и все обошлось очень хорошо. Ви была полна скромности и желанья понравиться, а Берти изображала светскую даму, полную снисходительности и любезности. И это так и полагалось, так как Ви была только актрисой, тогда как Берти вращалась в "настоящем обществе" и ее имя красовалось на тех заповедных газетных столбцах, на которые никогда не удаивались попадать имена артисток кино. После завтрака Берти сказала брату, что Ви была "очень славной" и что она надеется, что Ви научит его немного своему здравому смыслу. Это была высшая похвала, которую только можно было надеяться получить от сестры.

Все складывалось для них как нельзя лучше. Сон Бэнни больше уже не тревожили волнующие, несбыточные мечты, — его мечты сбылись, грезы сделались действительностью, и эта действительность принадлежала ему. Когда Ви и он бывали в "Монастыре", им отводились смежные комнаты; а когда Бэнни приезжал к Ви в ее бунгало, пожилая особа, заведовавшая хозяйством, незаметно исчезала. Что касается персонала кино, то им нечего было уже говорить, так как они все уже давно сказали.

Бэнни часто звонил Ви по телефону, и в тех случаях, когда это была суббота или какой-нибудь праздник, они сговаривались и отправлялись куда-нибудь вместе; когда же это был один из дней среди недели, то Ви обыкновенно говорила:

— Нет, Бэнни, сегодня не могу. Тебе надо сидеть дома и заниматься.

Он отвечал:

— Пустяки, Ви, я сейчас значительно впереди своего класса.

— Но, Бэнни, если из-за меня ты будешь менее серьезно заниматься, то твой отец мне этого никогда не простит.

— Папа влюблен в тебя, кажется, еще больше, чем я, — смеясь отвечал Бэнни. — Он считает тебя самой блестящей звездой всего театрального зодиака.

— Тем более не надо портить такого отношения, Бэнни. Если твоя совесть будет тебя в чем-нибудь упрекать, то ты невольно поставишь мне это в вину.

— Тише, тише, Ви! Ты, кажется, собираешься муштровать меня еще хуже, чем Аннабель своего Роскэ!

— На это я могу только сказать, что я сочла бы себя счастливой, если бы смогла сохранить любовь моего нефтяного принца столько лет, сколько продолжается любовь Роскэ к Аннабели.

Рашель Менциес переживала тяжелое время: рабочие мастерских готового платья устроили забастовку. Без каких бы то ни было приготовлений, движимые острой необходимостью действовать, сотни рабочих, доведенных до пределов терпения всякими притеснениями, бросили неоконченную работу, покинули мастерские, и это движение распространилось на весь Энджел-Сити. Рабочие собирались толпами в конторах союзов, расписывались там и обсуждали сообща те меры, которые необходимо было принять. Шли приготовления к правильной открытой борьбе. Но папа Менциес, — один из наиболее культурных среди забастовщиков, человек сильной воли и безусловно дальновидный, — папа Менциес сидел дома со своей фанатичкой-женой, которая ни на шаг от него не отходила и плакала и рыдала, говоря, что если только он выйдет из дома и примет участие в забастовке, то его схватит полиция, посадит на пароход и отошлет в Польшу, где его обязательно расстреляют.

Для Рашели эта забастовка имела очень грустные последствия, так как лишила ее возможности продолжать посещать университет. Бэнни — этот элегантный праздный молодой джентльмен, никогда не знавший, что значит нуждаться в деньгах, — не мог этого понять, и ему пришлось объяснять все с самого начала: как семья Менциес делала сбережения для того, чтобы дать дочери образование, и как теперь, вследствие этой забастовки, которая лишала папу Менциес заработка, все эти планы должны были рухнуть. Когда Бэнни все это узнал, он, естественно, захотел немедленно сказать об этом отцу. Для чего же было иметь богатого отца, если вам нельзя было выручать из беды своих друзей? Но Рашель ответила категорическим отказом: они всегда были вполне независимыми людьми, и она думать не хотела ни о какой помощи. Просто она пропустит один год в университете. Только и всего.

— Но в таком случае мы будем в разных классах и не будем видеться! — воскликнул Бэнни, в эту минуту отдавая себе ясный отчет в том, как остро он нуждался в каком-нибудь "анти-токсине", который помог бы ему переносить скуку Тихоокеанского университета.

— Очень мило с вашей стороны так говорить, м-р Росс, — сказала она спокойным голосом. — Но вы, может быть, будете бывать на наших социалистических митингах?

— Но поймите же, Рашель, я ведь могу достать эти деньги без малейших хлопот, и вы можете не смотреть на это, как на подарок, можете вернуть их, когда вам захочется. Ведь вам все-таки будет легче получить заработок, если вы окончите университет.

С этим Рашель была совершенно согласна. Она имела в виду достигнуть известного положения в качестве работницы социалистической партии и поступила в университет, потому что там были специальные курсы, которые могли помочь ей этого положения достигнуть. Бэнни продолжал настаивать, убеждая Рашель взять деньги и выплачивать м-ру Россу по десять-двенадцать долларов в месяц, когда уже будет свой собственный заработок. Но она была непреклонна, и убедить ее ему так и не удалось.

Но для Бэнни так была очевидна необходимость помочь, что, простившись с ней, он, не говоря ей об этом ни слова, сел в автомобиль и поехал на квартиру ее

родителей. Адрес был записан у него в книжке, и ему и в голову не приходило, что ей или ее семье, может быть, будет неприятно, что он увидит, как они живут, — в отдаленном грязном закоулке, в крошечном домике, состоявшем из трех жалких конурок. Лучшего помещения папа Менциес не мог себе позволить, так как все его сбережения уходили на поддержку социалистов. Бэнни застал его в первой комнате, заставленной мебелью и заваленной книгами и портновскими инструментами, с неубранными на столе остатками обеда, состоявшего из хлеба и селедки. Перед ним лежали первые оттиски той статьи, которую он готовил для газеты забастовавших рабочих, а его жена, толстая старая еврейка, металась по комнате, стараясь навести в комнате хоть какой-нибудь порядок и скрыть все это убожество от глаз такого элегантного посетителя.

Но самого старика это нимало не смущало. На царивший в комнате беспорядок он не обращал ни малейшего внимания, всецело поглощенный делами забастовки. Он тотчас же принялся рассказывать о ней Бэнни и прочел ему статью, свидетельствующую о тяжелом положении рабочих мастерских готового платья. Потом Бэнни завел разговор о Рашели и о ее образовании, советуя папе Менциесу убедить дочь не бросать своей карьеры. М-с Менциес все это слушала. Ее большие черные глаза были широко раскрыты, она старалась понять то, о чем говорил ее муж с Бэнни. Внезапно она их перебила и заговорила быстро-быстро на еврейском языке, из которого Бэнни не понимал ни слова. Дело в том, что мама Менциес совершенно не доверяла этому красивому юному гою и приписывала его посещению самые дурные намерения. Он, очевидно, хотел натолкнуть их дочь на грех и, быть может, этого уже добился, так как мог сказать, какой образ жизни она вела там, среди всех этих атеистов и социалистов, заразившись их идеями и участь в заведении, которым руководила кучка христиан?..

Папа Менциес строго приказал ей замолчать, но она и не думала его слушаться и продолжала извергать целые потоки негодующих речей. Под их аккомпанемент папа Менциес выразил Бэнни благодарность за его доброту и объяснил, что Рашель больше всего мучило то тяжелое положение, в каком очутились ее родные благодаря этой забастовке, и если бы Бэнни мог оказать какую-нибудь поддержку семье, то тогда Рашель смогла бы сама о себе позаботиться. На этом они расстались, пожав друг другу руки, и Бэнни, вернувшись домой, доложил отцу, что он взял на себя ответственность оказывать поддержку целой полдюжине евреев, работающих в мастерских готового платья.

VIII

Бэнни вернулся в Тихоокеанский университет, и дни потянулись за днями, не принося ему никаких новых тревог и забот. Занятия в университете представляли собой приятное и спокойное времяпровождение, почтенное, не требующее никакого напряжения нервов. Юноша его наружности, обладающий громадными средствами, знающий, как производить наилучшее впечатление на профессоров — мог, почти не затрудняя себя работой, быть одним из первых учеников в классе и иметь достаточно свободного времени для того, чтобы читать большевистскую

пропаганду, наблюдать за ходом забастовок и сопровождать звезду кино на вечера и обеды.

Он мог бы, безусловно, найти время и на то, чтобы бывать у нее и в ее студии и присутствовать во время ее работы над новой картиной, но она ему не позволяла, объясняя это тем, что она чересчур была еще в него влюблена и в его присутствии никогда не могла бы сосредоточиться как должно на своей работе. Была еще и другая причина: она говорила, что эта ее картина отвратительна и, наверное, не понравится Бэнни. Она не могла отказаться от нее, потому что это был ее заработок и ей не приходилось считаться со своими личными вкусами. К тому же содержание этой картины было до такой степени неинтересно, она была так далека от жизни, что такой серьезный человек, как Бэнни, наверное, нашел бы ее очень глупой, годной разве только для детей. А она так любила в нем эту его серьезность! Он — один из всех тех, кого она знала, который говорил с нею о том, что было действительно значительного и важного в жизни, и ей хотелось, чтобы он продолжал оставаться таким всегда и не тратил времени на ее глупые картины.

Бэнни все это показалось немного странным — очень уж она горячо протестовала. Но долго задумываться над этим ему не пришлось; газетные сплетни, касавшиеся мира кино, не замедлили раскрыть ему тайну: Ви Трэсси должна была вскоре выступить в картине из русской жизни. Она изображала в ней красавицу княжну старого режима, застигнутую бурей революции и попавшую в руки большевиков. В конце концов ее спасает один красивый юноша-американец, агент американской тайной полиции.

Ви работала над этой картиной в течение целых шести месяцев, и как раз когда половина всей работы была уже сделана, она познакомилась с Бэнни, разделявшим убеждения большевиков, и он сделался ее любовником. Естественно, что она боялась пустить его в свою студию.

Бедный Бэнни! Он так старался скакать одновременно на двух лошадях, а они все отдалялись и отдалялись друг от друга, и каждая тянула его в свою сторону!

Забастовка рабочих мастерских готовых платьев все разрасталась. Их примеру последовали сначала трамвайные служащие, потом плотники. Городской совет выпустил ряд особых постановлений, среди которых была масса таких, которые давали повод преступать закон, а это в свою очередь вызывало энергичные меры пресечения таких незаконных деяний.

Рашель Менциес рассказывала в университете Бэнни и остальным членам "красного кружка" о многочисленных случаях превышения власти полицией, случаях, происходивших в районе забастовки и которых она сама была свидетельницей.

Потом настал день, когда Рашель в университет не явилась, а на следующее утро Бэнни получил от нее записку, в которой она сообщала, что старший ее брат Яков, член правого крыла социалистической партии, получил такой удар по голове дубинкой полицейского, что был принесен домой в бессознательном состоянии. И Бэнни успел уже так далеко уйти от благоразумного правила не принимать близко к сердцу чужих забот, что, прочитав записку Рашель, счел долгом тотчас же отправиться к Менциесу. Яков лежал в постели, бледный как полотно, с головой, повязанной, как индийским тюрбаном, полотенцами и бинтами. Мама Менциес с

распухшим от слез лицом рыдала и причитала на своем непонятном для Бэнни языке, а самого Хаима, папы Менциес, нигде не было видно: ему удалось вырваться из-под надзора жены, и он был теперь в стане забастовщиков, свято исполняя свой долг.

На следующий день дорогой в университет Бэнни прочел на первой странице "Вечернего ревуна" следующую сенсационную новость: "Набег полиции на центр красных".

Он купил газету и прочел, что в это самое утро отряд полиции проник в помещение союза рабочих мастерских готового платья и вывез оттуда целый воз документов, доказывающих, что волнения, имевшие место в городской промышленности, были финансированы революционерами Москвы. Все стоявшие во главе союза были арестованы, и среди них находился Хаим Менциес — "социалист-агитатор", как он сам себя называл.

IX

Опять новая забота для Бэнни! Так как сам он не знал, как взяться за дело, а его отец был в это время в Парадизе, то он решил отправиться к адвокату м-ра Росса, м-ру Долливеру, молодому еще человеку, с умными и хитрыми глазами и мягкой речью. Он не чувствовал к "красным" никакой симпатии, но, как все адвокаты, был готов мужественно перенести все те заботы и хлопоты, которые его богатые клиенты желали взвалить ему на плечи. Он немедленно отправился в полицию и удостоверился в том, что сознавшийся в своей агитаторской деятельности Хаим Менциес находился в тюрьме и на другой день должна была решиться его участь. Будет, разумеется, предоставлено право взять его на поруки, но для этого Бэнни должен был приготовить порядочную сумму денег. Бэнни сказал, что ему хотелось бы повидать заключенного, и м-р Долливер, который был знаком с начальником полиции, взялся это устроить.

Он написал записку, и Бэнни направился к мрачному, грязному, старому зданию, построенному для обслуживания города еще тогда, когда в этом городе было всего пятьдесят тысяч жителей, и продолжавшему обслуживать его и теперь, когда его население дошло уже до миллиона. Начальник полиции оказался здоровенным джентльменом в штатском платье. От него сильно пахло виски. Он предложил Бэнни сесть, позвал двух детективов и с видимым усилием принялся задавать ряд вопросов, которые должны были выяснить все, что Бэнни знал о Хаиме Менциесе, о взглядах и идеях этого последнего, а попутно выведать взгляды и идеи и самого Бэнни. Но Бэнни достаточно уже присмотрелся ко всему, что творилось на этом свете, а потому ограничился только изложением, сделанным в очень осторожных выражениях, той разницы, какая существовала между правым и левым крылом социалистического движения. Чувствуя, что он не позволит себе проговориться, сказать что-нибудь лишнее, и зная, что он сын миллионера и что посадить его в тюрьму невозможно, — начальник полиции прекратил разговор и велел одному из детективов проводить его к заключенному.

Это дало возможность Бэнни познакомиться с городской тюрьмой, старым зданием, которое буквально треснуло по всем швам. С полдюжины специальных, следовавших одна за другой комиссий признали его "опасным для жизни", но это не мешало ему продолжать гордо стоять на своем месте, распространяя вокруг себя жестокое зловоние. Вглядевшись пристальнее, вы увидели бы червей, ползавших по его стенам. Заключенные содержались в особого рода помещениях, представлявших собой железные клетки, в каждой из которых содержалось от тридцати до сорока человек. В эти клетки не проникало ни одного луча дневного света, а искусственные лучи были так слабы, что читать при таком освещении было совершенно невыносимо, Город, так курьезно именовавшийся "Ангелом" (энджел — ангел), прилагал, казалось, все старания, чтобы культивировать в своих жертвах самые разнообразные пороки, и с этой целью лишал их возможности заниматься чтением, не разрешал ни прогулок, ни каких бы то ни было развлечений на воздухе, а взамен всего этого разрешал заключенным иметь при себе карты, кости и папиросы, и тюремные сторожа поставляли виски и кокаин всем, кто только в состоянии был их оплачивать.

В одной из таких клеток сидел папа Менциес. Сидел на полу, потому что скамеек не было. Он был в прекрасном настроении, так как ему удалось собрать вокруг себя всех заключенных в этой клетке "преступников", и он посвящал их во все перипетии борьбы рабочих мастерских готового платья и в то, каким образом все рабочие мира должны были организовать для того, чтобы уничтожить капиталистическую систему правления. Когда в дверях показался Бэнни, старик вскочил и, схватив его руку, крепко пожал ее.

— М-р Менциес, — быстро и вполголоса проговорил Бэнни, — имейте в виду, что господин, который привел меня сюда, — детектив.

Папа Менциес улыбнулся.

— Мне нечего скрывать, — сказал он. — Вот уже двадцать лет, как я член социалистической партии, и сейчас я объяснял всем этим малым сущность социализма и могу объяснить это и тому джентльмену, с которым вы пришли, если только он захочет меня послушать. Я помогал рабочим сплотиться, чтобы добиться лучших условий жизни, и в тот день, когда меня отсюда выпустят, я опять буду продолжать делать то же самое!

Вот как обстояло дело с папой Менциес.

Вечером Бэнни телефоновал отцу и сообщил ему все эти новости. Он привык подписывать за отца чеки на разные суммы, стараясь никогда не злоупотреблять этим правом, но на этот раз дело касалось целых пятнадцати тысяч долларов, так как было ясно, что сумма, которую назначат за разрешение взять из тюрьмы старого Менциеса, будет очень высока.

— Риску в этом случае никакого быть не может, — говорил Бэнни отцу — так как папа Менциес представлял собой олицетворение честности и никуда бы, конечно, не убежал.

Лицо м-ра Росса, стоявшего у телефона, искажилось недовольной гримасой. Но что он мог сделать? Его сын, которого он так обожал, весь кипел негодованием и уверял, что он прекрасно знал, что не было ни малейшего основания думать, чтобы старый рабочий был тайным агентом советского правительства, поселившимся в

Энджел-Сити с целью разрушить американские устои. Как мог Бэнни быть так хорошо обо всем этом осведомленным — м-р Росс не знал, но он никогда не слышал в его голосе такого возбуждения, и ему ничего не оставалось больше делать, как дать свое согласие. Он поставил только условием, чтобы эти деньги отвез на следующий день в суд кто-нибудь из помощников м-ра Долливера, для того чтобы имя Бэнни не появлялось снова на столбцах газет.

X

Все было сделано, как того желал м-р Росс. Помощник адвоката повез деньги в суд, но он скоро вернулся с известием, что Хаима Менциеса в числе вызванных в заседание суда заключенных не оказалось. Его дело было передано в ведение федеральных властей, и это потому, что было выяснено, что он был родом из русской Польши. Было предложено, не считаясь с его документами, выслать его на родину. А тем временем Хаим был переведен в тюрьму графства, такую же грязную и вонючую, как и городская. Но сделать для него что-нибудь не представлялось уже никакой возможности, потому что в тех случаях, когда дело касалось высылки виновных на родину, судебные власти отказывали в каком-либо своем содействии, относя все подобные случаи к административной области.

Вот когда настали настоящие хлопоты для Бэнни! В семье Менциесов царил паника. Рашель, без кровинки в лице, молча шагала из угла в угол по комнате, а мама Менциес рыдала, причитала и рвала на себе платье. Не было никакой возможности ничего передать бедному Хаиму — никакой записочки: он был "incommunicado". Кто знает, может быть, в это самое время его уже сажали на поезд, который должен был везти его на Запад. Из этого положения никакого выхода уже не было: прямо с поезда его должны были перевести на пароход, который отвезет его в Данциг, а оттуда — в Польшу, в "белый террор".

Бэнни настаивал, что необходимо было что-нибудь предпринять, и м-р Долливер пригласил двух других, еще более дорогих адвокатов, на счет, конечно, м-ра Росса, и все они советовались, рассуждали, писали записки и ездили в суд. Но все это вполне безрезультатно. Тем временем в ответ на нервные звонки Бэнни м-р Росс сел в автомобиль и, не считаясь ни с какими законами скорости, примчался в Энджел-Сити. У подъезда дома его ждали Бэнни и Рашель. Они поднялись с ним в его "берлогу" и рассказали ему все подробности дела и объяснили ему разницу между идеями правого и левого крыла социалистической партии. Во время этих объяснений Рашель не выдержала и, упав на диван, громко разрыдалась.

М-р Росс, так же, как и Бэнни, не выносивший женских слез, подошел к ней и, дружески похлопывая ее по плечу, сказал:

— Тише, тише, дитя, не надо плакать. Я достану его, если даже мне придется для этого посылать нарочного в Нью-Йорк.

С этими словами м-р Росс вышел из комнаты и опять сел в автомобиль и уехал. Это было около полудня, а за несколько минут до трех часов перед домом, в котором жила семья Менциес, остановилось такси — и кто, вы бы думали, из него вышел? Сам Хаим! Грязный, небритый, но спокойный и улыбающийся, готовый продолжать свою

работу в защиту своих товарищей, рабочих в мастерских готового платья. Он не имел ни малейшего представления о том, как все это произошло. Сторожа тюрьмы, выпуская его на свободу, ничего ему не сообщили, а он со своей стороны не нашел нужным задавать им какие бы то ни было вопросы. И ни он, ни его дочь так ничего и не узнали, так как то, что сказал м-р Росс Бэнни, носило чисто конфиденциальный характер.

— Что я сделал? Пригласил к себе Бэна Скута, одного из старых наших друзей.

— Бэна Скута? — Бэнни ни разу в течение всех последних лет не вспомнил об их "нефтяном комиссионере".

— Да. Бэн теперь работает в этой области, и он для меня это сделал.

— Что же ты ему сказал, папочка?

— Говорить много не пришлось. Я дал ему пятьсот долларов и сказал: "Бэн, походи к тому человеку, который посадил эту старую обезьяну в тюрьму, и вели ему его выпустить, а потом вернись ко мне, и я дам тебе еще пятьсот долларов".

— Ну?! — воскликнул Бэнни.

М-р Росс закурил сигару и, глядя на облачка голубого дыма, проговорил:

— Теперь ты видишь, сынок, почему нам, нефтепромышленникам, нельзя не принимать участия в политике.

XI

Помимо того, что этот инцидент завершил политическое образование Бэнни, он был важен еще в том отношении, что благодаря ему Ви Трэсси начала принимать большое участие в жизни нефтяного принца. Вечером того же дня м-р Росс позвонил по телефону звезде кино и, когда та подошла к аппарату, сказал:

— Слушайте, Ви, вы чересчур много времени уделяете вашей работе.

— Что вы хотите этим сказать, м-р Росс?

— Меня зовут "папочка", — ответил м-р Росс. — А хочу я сказать следующее: вы недостаточно заботитесь о моем сыне. Он опять попал в разные неприятные передрыги с этими большевиками — и все только потому, что вы недостаточно часто с ним видите.

— Но, м-р папочка, ведь это потому, что я старалась не отвлекать его от его занятий. Я думала, что вы будете недовольны, если он перестанет относиться к ним так серьезно, как раньше.

— Пустяки! Забудьте о них думать, об этих его занятиях... Это сущий вздор! Ничего хорошего он от них не видит, да не так уж он ими и интересуется. Он увлекается разными митингами, всем и этими социалистами, и было бы гораздо лучше, если бы он бывал больше с вами.

— О папочка!.. — Голос Ви слегка дрогнул. — Вы ничем не могли доставить мне большего удовольствия. Я безумно влюблена в вашего мальчика.

— И прекрасно. Возьмите его, стало быть, под свое крылышко и держите там. И если вам удастся отвлечь его от этих "красных", то будьте уверены, что я не забуду вас в своем завещании.

После этого разговора Бэнни мог назначать свидания Ви во всякие часы дня и ночи. Причины она ему не объясняла, — ее идея о том, чтобы ничего не скрывать друг от друга и говорить всегда одну только правду, не шла так далеко. Она предпочитала, чтобы он объяснял это своей неотразимостью, что льстило его эгоизму мужчины. Иногда, притворяясь недовольной частыми посещениями Бэнни, она говорила:

— О, Бэнни, твой отец скажет, что я не даю тебе учиться, что я не женщина, а вампир.

Но Бэнни в ответ только смеялся и говорил:

— Дурочка! Он прекрасно знает, что если ты откажешь мне в свиданье, то я пойду на какой-нибудь митинг социалистов.

Они были счастливы, счастливы безгранично. О, этот восторг юных душ, эти горячие объятия, этот страстный трепет каждого нерва!

Любовь поглощала их всецело, сообщала всему, что их окружало, особое, ни с чем не сравнимое очарование.

Все — каждый звук их голоса, каждый жест, взгляд, платья, которые они носили, экипажи, в которых они катались, комнаты, в которых они жили, — все это было полно в их глазах исключительной, чарующей прелести. Когда они не виделись, они беспрестанно звонили друг другу, и телефонные барышни уставали соединять их номера. Бэнни в совершенстве выучился править автомобилем одной рукой, дружил со всеми профессорами и искусно исчезал с их лекций. Совесть его больше не тревожила: он исполнил свой долг по отношению к социалистическому движению, так как лепта, внесенная м-ром Россом, представляла собой нечто безусловно очень существенное. К тому же забастовка кончилась, рабочим удалось добиться некоторых льгот, их лидеры были выпущены на свободу, и об обещанных разоблачениях, касающихся их контакта с Москвой, в газетах больше уже не упоминалось. А потому и в обществе все о них скоро забыли.

Но Ви все еще продолжала не пускать Бэнни в свою студию. Она пустит его, когда будет работать над своей новой картиной, но эту она ему не покажет, так как знает, что она не понравится ни ему, ни его большевикам. Но все остальное ее время принадлежало ему — каждый момент ее жизни. Пожилая экономка, получив свой пятидолларовый билет, была глуха, нема и слепа. Спальня Ви была во втором этаже, и из ее окон был великолепный вид на все четыре стороны. Она была вся белая, отделанная с изысканным изяществом. Здесь они принадлежали друг другу, и слезы экстаза наворачивались на глаза Ви.

— О Бэнни, Бэнни! Я клялась, что никогда больше не позволю себе увлечься, а вот теперь... Я так люблю тебя, и я так счастлива! Никогда не мечтала я о таком счастье, никогда! И я умру, Бэнни, если ты меня разлюбишь!..

Он не давал ей кончить и поцелуями рассеивал ее страхи. Недаром учит старая поговорка: "поступки говорят громче слов".

Да, небо их счастья было так ясно! И, однако ж, вглядываясь пристальнее, можно было заметить маленькое облачко, совсем крохотное, величиной с ладонь. Бэнни совсем его не замечал, а Ви видела только моментами и тотчас спешила отвернуться и устремляла взгляд в другую сторону. О, без сомнения, это облачко исчезнет и цветы их счастья не завянут никогда.

Новая картина была готова. Опять пробил час славы Ви. На всех плакатах, на всех афишах красовались ее портреты.

"Великий Шмольский создал новую картину с Ви Трэсси в главной роли! "Депутат дьявола". Картина стоимостью в миллион долларов. Сюжет из истории русской революции!"

Так гласили афиши. Ви была изображена на них в тот момент, когда она, в изорванном во время борьбы платье, бросается в объятия своего спасителя, молодого американца, агента сыскной полиции.

Все газеты были полны подробнейшими сведениями обо всем, что касалось картины: об авторах сценария, о директоре, об артистах, декораторах, костюмерах и музыкантах, но больше всего говорилось, разумеется, о самой "звезде". Не оставили в покое, конечно, и Бэнни: репортеры осаждали его во все часы дня, всячески стараясь выпытать у него, как должен был чувствовать себя самый близкий-близкий друг звезды кино? Сегодня газеты сообщали, что они решили пожениться, завтра — что они это отдумали. Когда же они ничего не говорили, то репортеры сами от себя сообщали о том, что они должны были бы сказать. Если Бэнни решительно отказывался позировать перед фотографом и отворачивался на улице от направляемых на него аппаратов, то они помещали заметку, гласящую: "Нефтяной принц очень застенчив!"

"Депутат дьявола" должен был идти в первый раз в театре м-ра Глубри, в том театре, который обошелся ему в миллион долларов.

Каждая премьера кино составляет событие в общественной жизни Южной Калифорнии. Огни прожекторов, ракет, целые гирлянды электрических фонарей освещали путь "звездам", когда они в своих многотысячных, блестящих лимузинах подъезжали к подъезду миллионного театра, сопровождаемые любопытными взглядами волнующейся, замирающей от восторга толпы.

Никогда еще в истории человечества не было зрелища, по блеску и роскоши подобного этому! Для того чтобы создать всю эту диковинную обстановку, охотники гибли во льдах арктического пояса в поисках за теми горностаями и соболями, меха которых красовались теперь на плечах всех этих королев; водолазы становились жертвами акул, доставая со дна тропических морей жемчуга для их ожерелий; рудокопы задыхались в глубине шахт, выкапывая все те бриллианты, которые сверкали на их обнаженных телах; вышивальщицы слепили свои глаза, выводя узоры на тонких, как паутина, чулках; химики становились жертвами взрывов, изобретая всевозможные косметики... И все это было сконцентрировано в одном кратком, сверкающем шествии. Немудрено, что все это кружило головы всем действующим лицам картины; немудрено, что толпа волновалась и стремительно бросалась вслед экипажам; немудрено, что слабые женщины не выдерживали и громко рыдали и падали в обморок.

Внутри, в самом зале театра, высоко над головами зрителей помещался мегафон и громогласно докладывал обо всем, что происходило за стенами зрительного зала с того момента, как великие мира сего появились у подъезда театра:

— Мистер Абрам Шмольский выходит из автомобиля, с ним м-с Шмольская. На м-с Шмольской голубое шелковое манто, отделанное мехом шиншиллы, — последняя новость Парижа, шедевр великого Вуазэна. На голове м-с Шмольской ее знаменитая бриллиантовая тиара. Сейчас они входят в театр. Остановились. Разговаривают с м-ром и м-с Глубри.

И так все, одно за другим, вплоть до того самого важного момента, когда ровно в половине девятого, за одну минуту до начала картины, мегафон провозгласил:

— Мисс Виола Трэсси выходит из своего экипажа. Мисс Трэсси сопровождает ее друг, м-р Дж. Арнольд Росс младший, владелец нефтяного поля в Парадизе, в Южной Калифорнии. На мисс Трэсси манто из горносталя, исключительного по красоте. На ногах белые атласные, вышитые жемчугом туфли, на шее жемчужное ожерелье, на голове жемчужная повязка — подарок м-ра Арнольда Росса старшего. Сейчас мисс Трэсси и м-р Росс младший здороваются с м-ром и м-с Глубри.

И так далее и так далее, вплоть до того момента, когда мисс Трэсси и м-р Росс уселись на свои места, и действие началось.

XIII

И Бэнни увидел картину из русской жизни.

Его возлюбленная была только что повенчана с одним из великих князей. Ее поцелуи и объятия, которыми она дарила своего мужа, все ее движения, жесты, позы были так хорошо знакомы Бэнни! Ее муж был великолепный, представительный мужчина в военном, сверкающем звездами мундире. Он был преисполнен гордости и благородства, а молодая великая княгиня была воплощением мягкости и человеколюбия. И как милы были те крестьяне, которым она благодетельствовала! Они были так вежливы, так очаровательно танцевали, так веселились, осыпая цветами экипаж великого князя и великой княгини. В общем, это был прекрасный, полный идиллии мир.

Но в этом мире было одно темное пятно — и это пятно олицетворяла собой шайка негодяев с искривленными лицами дегенератов. Одни — с растрепанными, всклокоченными волосами и большими очками на носу, другие — с щетинистыми черными усами и засунутыми за сапоги ножами. Они устраивали сборища, на которых обсуждали наилучшие способы соблазнить этих очаровательных крестьян, и готовили бомбы, чтобы взорвать всех этих гордых благородных великих князей. Они производили всякого рода бесчинства и безобразия, и лидером их был омерзительного вида человек с лицом крысы и руками гориллы, вполне оправдывающий название картины — "Депутат дьявола".

Но тут появился на сцену молодой агент американской тайной полиции, изящный, гладко выбритый, энергичный и быстрый американец. На его обязанности лежало передавать поручения из американского посольства в американский флот, а позднее — охранять казну посольства от большевиков. Вы, конечно, знаете, что в это время происходило в России? Как шайка негодяев подняла восстание, свергла правительство и поубивала всех великих князей, подвергнув их ужасным пыткам. Главной же целью всех деяний "Депутата дьявола" являлась

молодая красавица княгиня, которую он яростно преследовал, гоняясь по всему дворцу, в то время как молодой агент американской тайной полиции всячески содействовал ее спасению. В конце концов молодому американцу удалось выскочить с ней в окно, сесть на лошадь и ускакать от преследований их страшного врага.

Долго мчались они по полям и долинам и почти уже домчались до Ленинграда, но внезапно опять попали в западню, расставленную им хитрым врагом, и "Депутат дьявола" своими грязными руками начал уже рвать в клочья изящные одежды прелестной княгини, как это было обещано на афише. Но в самый критический момент появился ее герой со своим автоматическим револьвером и заставил негодяя и его сообщников отступить, а Ви в это время делала знаки за его спиной одному из друзей героя, который держал в руках бомбу, намереваясь бросить ее в негодяев. Вы представляете себе более справедливое и более поэтическое возмездие?! Ви и ее спасителю удалось удрать, на этот раз уже не на лошади, а в автомобиле, и по широким, выложенным бетоном дорогам они доехали до реки Невы, где на берегу, в кустах была спрятана моторная лодка. Но в этот момент их опять настигла погоня, и они вторично попали в руки негодяев, и грязные руки "Депутата дьявола" еще больше порвали легкие одежды Ви...

Но успокойтесь! В самую критическую минуту на Неве появилась целая американская флотилия, и американское знамя заколыхалось в воздухе под восторженный гул сидевших в театральном зале зрителей. Немедленно была спущена моторная лодка, "Депутат дьявола" бросился в воду, держа в руках бомбу своего приготовления, а Виола Трэсси и ее герой, агент тайной полиции, стояли, крепко обнявшись, в позе, которая была так знакома и Бэнни и всем сидевшим в зале зрителям.

Все время, пока на сцене развивалась эта история, Бэнни сидел рядом с героиней и держал в своей руке ее руку. Раз она нагнулась к нему и тихонько прошептала:

— Ну, разве же это так плохо?

— Картина отвечает вполне современным стандартам, — ответил он. — Она будет делать большие сборы.

Это было точь-в-точь то, что Ви сказала как-то Аннабель Эмс, и Бэнни почувствовал, что она крепче сжала его руку: с его стороны было очень умно и добро так ответить.

XIV

Экран был погружен в полнейший мрак. Восторженные аплодисменты начинали затихать. В зрительном зале снова зажглись огни, и публика устремилась теперь туда, где стояли герои вечера: Ви Трэсси, м-р Шмольский, Томми Палей и все те действующие лица, имена которых красовались на всех афишах. Все они пожимали друг другу руки и весело болтали, в то время как публика занимала все проходы и выходы, не будучи в силах оторвать глаз от лицезрения знаменитостей. В день всесветной премьеры зал обычно очень долго не пустеет. В сенях и у подъезда

была тоже толпа, и многие стояли на ногах уже более двух часов в ожидании того момента, когда им удастся взглянуть на свою любимицу.

Ви и Бэнни выходили из театра одними из последних. У подъезда толпа была так еще велика, что они с трудом пробирались к своему экипажу, принужденные поминутно останавливаться и отвечать на приветствия знакомых. Среди этих последних Бэнни неожиданно увидел Рашель Менциес. Ее-то он совсем уж не думал увидеть здесь в этот вечер. Взгляды их встретились, и молодой человек тотчас же сказал себе, что он должен к ней подойти; Рашель, дочь рабочего, имевшая такой жалкий вид в своем старом, поношенном пальто и вылинявшей старомодной шляпе, не должна была думать, что то нарядное общество, которым он был окружен, могло заставить его отнестись к ней в этот вечер не так почтительно, не так дружески, как обыкновенно. И он тотчас же направился к ней.

— Добрый вечер, мисс Менциес! Я не знал, что вы любительница кино.

— Нет, я совсем их не люблю, — ответила она. — Мне хотелось только посмотреть, что они сделали с русской революцией.

— Ну, в этом отношении интересного для нас с вами было немного, — сказал он улыбаясь.

— Очень немного, — согласилась она.

Ему очень захотелось с ней поговорить, но не в этой толпе.

— Могу я помочь вам отсюда выбраться? — спросил он и оглянулся, соображая, в каком направлении им лучше двигаться.

Но в этот самый момент около него очутилась Ви. Теснимая со всех сторон поклонниками и поклонницами, осыпаемая дождем приветствий и восторженных похвал, Ви думала только об одном — о нем, о своем Бэнни. Ей надо было все время быть там же, где был он, — она чувствовала себя хорошо только тогда, когда он был рядом с нею. Очутившись опять с Ви, Бэнни решил прежде всего познакомить ее с Рашель Менциес. Он боялся, что Рашель может заподозрить его в нежелании познакомить ее, жалко одетую дочь рабочего, с этой блестящей особой в горностае и жемчугах.

— Я познакомлю вас сейчас с мисс Виолой Тресси, — сказал он ей. — Ви, это мисс Рашель Менциес, моя товарка по университету.

С своей стороны Ви сочла своим долгом быть как можно любезнее с товаркой Бэнни и с самой приветливой улыбкой протянула ей руку.

— Добрый вечер, мисс Менциес.

Но Рашель продолжала стоять неподвижно и прямо и не взяла протянутой ей руки.

— Добрый вечер, мисс Тресси, — сказала она, и голос, произносивший эти слова, показался Бэнни каким-то совсем чужим, до странности беззвучным. Но, разумеется, это не могло удивить Ви, которая видела Рашель в первый раз. Что же касается того, что она не пожала протянутой ей руки, то это можно было легко объяснить ее застенчивостью и неумением держать себя в обществе таких блестящих звезд. Было очевидно, что Ви все так именно себе и объяснила, так как она спросила все с той же приветливой улыбкой:

— А как вам понравилась картина, мисс Менциес?

Этот вопрос был так же опасен, как те бомбы, которые изготовлял "Депутат дьявола". Бэнни это прекрасно понимал и, чтобы спасти положение, хотел сказать шутливым тоном: "Мисс Менциес социалистка, так же, как и я", но он не успел — Рашель уже отвечала:

— Я считаю эту картину самой зловредной из всех, которые до сих пор видела на экране.

Такой ответ, произнесенный со страстной горячностью, ни в коем случае нельзя уже было объяснить застенчивостью или чем-нибудь в этом роде. Виола Трэсси была поражена.

— О! В самом деле, мисс?

— Да. И я считаю, что все те, кто содействует успеху этой картины, берут на себя ответственность за всю ту кровь, которая будет потом пролита.

— Дело в том, Ви, что... — попробовал было вмешаться Бэнни, но она его остановила:

— Минуту! — и, обращаясь к Рашель: — Я желаю знать, что вы хотите этим сказать, мисс?

— Я хочу сказать, что эта картина — своего рода пропаганда. Ее цель — вовлечь нас в войну с Россией. И артистка, которая соглашается быть орудием такой цели, в лице своем позорит всех женщин.

Безумный гнев исказил черты Ви.

— Гадина! — вне себя от бешенства закричала она и, подняв руку, ударила Рашель по лицу.

На минуту Бэнни застыл от ужаса. Багровое пятно выступило на щеке Рашели, ее глаза были полны слез. Порывистым движением Бэнни бросился между двумя женщинами и схватил Ви за руку в тот момент, когда она собиралась нанести второй удар.

— Ви! Нет! Нет!..

Появление толстого полицейского помогло окончательно ликвидировать дело. Протиснувшись между Ви и Рашелью, он закрыл своей толстой фигурой эту последнюю, и она исчезла в толпе. Во время всей этой сцены какой-то незнакомый Бэнни молодой человек все время суетился около них, приставая к ним вопросами:

— Что случилось? Что такое? В чем дело, мисс Трэсси? Что тут такое произошло, скажите? — обращался он к полицейскому.

— Скорей, скорей, — шепнул Бэнни на ухо Ви, — репортер! — И, схватив ее под руку, он растолкал толпу, и они бегом бросились к экипажу.

XV

Несколько минут они ехали молча. Бэнни правил. Наконец Ви прошептала:

— Кто эта женщина?

— Она еврейка. Вся ее семья работает в мастерской готового платья. Отец ее был недавно арестован. Помнишь, я тебе рассказывал?

— О! Это его дочь?

— Да. Понимаешь теперь: ты задела ее классовую сознательность.

Ви стиснула зубы.

— О, отвратительное создание!

— Но ты не должна забывать, что ты сама спросила ее мнение о картине.

— Да, но эта наглость! Возмутительно!

— Но, дорогая... Ведь ты же позволяешь себе говорить то, что думаешь. Отчего же этого права ты не хочешь предоставить также и ей?

— Бэнни, ты, кажется, намерен ее защищать? — И, не дав ему времени ответить, она закричала дрожащим от бешенства голосом: — Я ненавижу этих людей, ненавижу! Они подлые, низкие, завистливые твари! Они думают только о том, как бы отнять у других людей то, что те приобрели такой дорогой ценой!..

Наступило долгое молчание. Бэнни продолжал править.

— Куда мы едем? — спросила наконец Ви.

— К Шмольским, разумеется. Ведь они ждут нас ужинать.

— Нет, я никого не могу сейчас видеть. Никого! Едем ко мне. Домой!

Он послушался.

Приехав домой в свое бунгало, Ви побежала наверх в свою комнату. Он последовал за ней. На полу у дверей валялось горностаевое манто Ви, а сама она в своем затканном жемчугом и золотом наряде лежала на кровати и, уткнувшись лицом в подушки, судорожно рыдала.

— Это нас погубит, погубит! — восклицала она, всхлипывая.

Услышав шаги Бэнни, она порывистым движением приподнялась и, сев на постели, протянула к нему руки. Все лицо ее было в слезах.

— О Бэнни, Бэнни! Так нельзя! Мы не должны губить свою любовь! Мы не должны ссориться, как другие! Бэнни, я больше не думаю обо всех этих людях. Они могут говорить мне все, что угодно. Я никогда, никогда больше не обращу на это внимания! Я извинюсь перед этой девушкой. Я сделаю все, что ты мне скажешь! Но только пожалуйста, пожалуйста, не позволяй остывать нашему чувству! Будем любить друг друга, как раньше. Пожалуйста, пожалуйста, Бэнни!..

Это было в первый раз, что Ви позволяла себе проявить такую слабость, и это произвело сильное впечатление на Бэнни.

Он взял ее в объятия — и страстно прижал к себе, совершенно не заботясь о целостности ее великолепного, зашитого жемчугом платья. Их любовь вспыхнула с прежней силой, и в ее пламени растаяли все их огорчения. Они поклялись, что ничто уже никогда, никогда не отдалит их друг от друга.

Долго спустя, лежа в объятиях Бэнни, Ви прошептала:

— Бэнни, эта девушка в тебя влюблена!

— О, какие глупости, Ви!

— Почему глупости?

— Потому что она ничем никогда этого не проявила. Абсолютно ничем.

— Ты, может быть, просто не замечал...

— Но, дорогая...

— Нет никакого сомнения в том, что она в тебя влюблена. Да и как могла бы она в тебя не влюбиться, скажи?

Протестовать и стараться что-то доказывать было бесполезно. Очевидно, всем женщинам свойственно всегда воображать, что все другие женщины непременно

влюблены в того, кого они любят. Когда он рассказал Ви о Генриэтте Аслейч, она тотчас же решила, что она тоже была в него безнадежно влюблена и что только ее родовая гордость не позволила ей сделать все возможное для того, чтобы удержать его около себя.

Точно так же, когда она узнала о Руфи, она ни единой минуты не сомневалась в том, что бедняжка была безумно им увлечена и оттого оставалась так равнодушна ко всем, кто за ней ухаживал. Объяснять это ее обожанием Поля, как объясняла она сама, было бессмысленно, так как никогда сестры не относятся с таким благоговением к братьям. Это было чистейшим вздором! Бэнни вспомнил, что Берти и Эвника Хойт говорили ему то же самое, и это было главной причиной, почему Эвника всегда так протестовала против его поездок в Парадиз. И Бэнни сказал себе, что лучше никогда не рассказывать одной женщине ничего про другую, а особенно не надо никогда их друг с другом знакомить.

XVI

На следующий день Бэнни встретился в университете с Рашель Менциес. Она была очень бледна, и ее большие темные глаза смотрели сосредоточенно и мрачно.

— М-р Росс, — быстро проговорила она, — я хочу вам сказать, что мне очень стыдно, что я позволила вчера сказать себе то, что я сказала...

— Вам нечего стыдиться, — сказал он. — Вы сказали правду.

— Я знаю. Но я не имела права говорить так вашему другу, и это после всего того, что вы для меня сделали. Но это потому, что я была чересчур возмущена картиной.

— Понимаю, — сказал Бэнни. — Мисс Трэсси поручила мне сказать вам, что искренно огорчена своим поступком.

— Я знаю. Вы, конечно, сумели все это ей объяснить. Я лично не обратила на это особого внимания: евреи и рабочие к побоям привыкли. И так будет продолжаться до тех пор, пока не кончится классовая борьба. Ее главная вина не в этом, а в том, что она создала успех этой картины, которая отравит умы миллионам людей. И получить прощение за это ей будет трудно.

— Я сам не могу сказать ничего хорошего про эту картину, — сказал Бэнни. — Но думаю, что вам надо быть немножко снисходительнее в этом отношении к мисс Трэсси. Ведь она знает о России гораздо меньше, чем мы с вами.

— Вы хотите сказать, что она ничего не знает о тех жестокостях, которые творились в старой России, когда нередко слово "царизм" в переводе означало "террор"?

— Да, но дело в том...

— И неужели же она не знала, что большинство тех людей, которые в картине изображены как преступники и негодяи, на самом деле томились в царских тюрьмах за свои убеждения и веру, за то, что...

— Это она могла не знать, мисс Менциес. Трудно представить себе, до чего может доходить полнейшая неосведомленность всех тех, кто читает одни только американские газеты и журналы.

— М-р Росс, вы ведь знаете, что я не большевичка, но наш долг защищать русских рабочих от мировой реакции. А эта картина представляет собой творение белого террора, и те, которые ее ставили, прекрасно знали, что они делали, так же точно, как они прекрасно знали, что делали, когда проламывали голову моему брату и собирались выслать моего отца.

— Да, — сказал Бэнни, — но вы должны понимать, что актриса не пишет сценарий и ее редко спрашивают о том, какую роль она желает исполнять.

— О, м-р Росс, — возразила Рашель с снисходительной улыбкой. — Это она вам говорит, а вы всегда рады видеть в людях одно только хорошее. А знаете, что я вам скажу? Боюсь только, что вы не захотите после этого со мной говорить: что женщина, которая исполняет главную роль в такой пьесе, ничем не отличается от проститутки, и тот факт, что она получает за это громадные деньги, делает ее только еще более достойной презрения.

— О, мисс Менциес!

— Я знаю, что это звучит очень жестоко. Но я никогда не поверю, чтобы эта женщина не понимала, в какой картине она участвует. Ей платят деньгами, драгоценными вещами и мехами, ее фотографические карточки красуются на всех афишах, и она вполне довольна такой платой. Я ничего абсолютно не знаю о ее частной жизни, м-р Росс, но я бьюсь об заклад, что если бы вы хорошенько все разузнали, то убедились бы, что она продавала как свое тело, так и свою душу с самого первого дня своей артистической карьеры.

После этого разговора Бэнни тверже чем когда-либо решил, что ему нужно отложить свой план познакомиться Ви Трэсси с Рашелью Менциес и постараться заставить их понять друг друга.

Глава пятнадцатая

КАНИКУЛЫ

I

В течение всего лета м-р Росс и м-р Роскэ были заняты трудной задачей дать мыслям своих соотечественников известное желаемое направление. Приближались президентские выборы. Нефтепромышленникам, которые были в достаточной мере предприимчивы для того, чтобы найти желаемого им кандидата, предстояло теперь убедить избирателей в том, что это был государственный деятель великого ума и великой души. Помимо этого им предстояло уплатить же и часть расходов, и, судя по тем разговорам, которые Бэнни пришлось слышать в Парадизе и в "Монастыре", это составляло сумму в пятьдесят миллионов долларов. К м-ру Россу и м-ру Роскэ приезжали с визитами и Джек Коффи и крупные представители различных отделов государственной машины, и все они рассказывали страшные истории, указывавшие на опасность создавшегося положения вещей.

Было необходимо убедить американский народ в том, что деятельность демократического правительства в течение всех последних восьми лет была не только бесплодна, но даже вредна, и в этом убедить народ было очень нетрудно. Но помимо этого требовалось убедить его еще и в том, что правительство с сенатором Гардингом во главе обещало быть во всех отношениях гораздо лучше. И вот эта задача была уже значительно сложнее. Вполне естественно, что председатели комитетов предвыборной кампании старались представить эту задачу еще более трудной, чем она была самом деле, и чем больше денег проходило через их руки, тем быстрее росла общая сумма. Бэнни, к своему большому удовольствию, слышал не раз, как его отец сердился и волновался, сожалея, что не последовал совету сына и не предоставил судьбу своей страны в полное ведение того миллионного фабриканта, который дал миллионы на поддержку кандидатуры генерала Вуда.

Сенатор штата Огайо был широкоплечим, представительным человеком с важной осанкой. Сам он никуда не выезжал из своих владений, но принимал депутации у себя и читал им внушительные речи, написанные тем секретарем, которого выбрал Вернон Роскэ. Обыкновенно эти речи уже накануне раздавались американской прессе для того, чтобы они могли быть одновременно напечатаны в пятидесяти миллионах газет и журналов. Это была колоссальная машина пропаганды, и те, которые ею управляли, не могли не потерять на время свой сон и покой. Но величественного вида кандидат оставался в стороне от всех этих забот и волнений. Он был все так же свеж, спокоен и бесстрастен и оставался таким в течение всей своей карьеры. И это потому, что те деловые люди, которые ухаживали за ним и платили ему, никогда не забывали говорить, что и когда ему надо было делать.

Бэнни с высоты своего Олимпа снисходительно, как боги, смотрел на все эти заботы и волнения жалких смертных. Его отец и м-р Роскэ предоставили ему возможность быть вполне в курсе того, что происходило, уверенные, что здоровый смысл в конце концов одержит верх и что он разделит их точку зрения. Их философия точно какая-нибудь стальная броня защищала их от всех колебаний и сомнений: дела страны должны были вести люди, обладающих деньгами, умом и опытностью; и если народные массы не были достаточно развиты для того, чтобы самим разобраться в том, что им было нужно, то необходимо было прийти им на помощь. Нужно было выдумать особый "лозунг", и он должен был вбиваться в их головы путем бесчисленных, миллионных повторений. Это было особое искусство, и опытные люди знали, как это делать. Вам же надо было только им платить — и ничего больше. Но, черт побери, размеры этой платы могли довести вас до кровавого пота!

В один прекрасный день эта колоссальная кампания закончилась, и в результате оказалось, что шестнадцати миллионам ста сорока тысячам пятистам восьмидесяти пяти американцам вполне успешно вбили в голову то, что вбивали с таким усердием: сенатор Гардинг получил голосов на семь миллионов больше, чем кандидат демократической партии! Такого громадного большинства не бывало за всю историю Америки. Улицы кишмя кишели громко кричавшей толпой, все рестораны и клубы были полны публикой всякого рода, и все поголовно были пьяны. Да, даже Вернон Роскэ напился пьян, так как Аннабель сама столько выпила,

что не могла уже за ним наблюдать. Ви Трэсси забыла о всех предписаниях своего доктора, м-р Росс изменил своей, долго практиковавшейся трезвости, и даже Бэнни выпил так много, что можно было опасаться за его идеализм. Человек — стадное животное, и ему очень трудно не делать того, что делают все, кого он знает.

II

Настало Рождество, и голоса перепелов снова стали доноситься из-за холмов, окружающих Парадиз. На самом нефтяном участке их было мало, зато много во всех ближайших к нему рощах и лугах. Стоило вам выйти из полосы нефтяных работ и перестать ощущать в своем носу запах нефти, и вы были опять в природе. Над вами опять синело ясное небо с его золотыми закатами, и с каждым дыханьем ваша кровь освобождалась от алкогольного яда, а ваша душа — от неприятных воспоминаний. Вы бродили по лесистым холмам, вбирали в свои легкие этот волшебный воздух и не могли представить себе, чтобы люди не научились, в конце концов, быть вполне довольными и счастливыми.

Приезд Бэнни с отцом в Парадиз совпал в этот раз с одним из ряда вон выходящих событий, имевших место в жизни обитателей этого местечка: Эли Аткинс, "великий пророк", как он себя величал, внес все требуемые суммы за тот участок земли в Энджел-Сити, который он приобрел для постройки на нем скинии, и решил почтить это событие поездкой в Парадиз, туда, где протекало все его детство и где в маленькой скромной церкви он прославлял "третье откровение". В этот свой приезд он хотел познакомить своих последователей с "библией Марафона".

Эли прочел как-то в газетах слово "Марафон", и оно ему очень понравилось. Он абсолютно не понимал его смысла, но ему казалось, что оно звучало очень романтично, а он чувствовал всегда особую симпатию ко всем непонятым, странным словам. Вскоре последователям первой апостольской церкви в Парадизе было объявлено, что "библией Марафона" называлась особая система чтения Библии, состоящая в чтении Библии с начала до конца, без единой остановки. В маленькой церкви Парадиза собирались все верующие и по очереди, один за другим, читали Библию и продолжали это непрерывно и днем и ночью. В этом заключалась великая магическая сила, и сердца верующих трепетали от восторга, и желающих присутствовать при таком чтении набиралось все больше и больше. Газеты Энджел-Сити не замедляли этим заинтересоваться и командировали в Парадиз своих репортеров. Эли без устали проповедовал толпе, которая не могла вместиться в маленькой церкви (он вынужден был проповедовать на лугу), и после одной из своих проповедей объявил, что ему опять было откровение и ангел сказал ему, что, когда чтение Библии завершится, он, Эли, получит новую сумму денег и ему хватит ее на то, чтобы воздвигнуть в Энджел-Сити обещанную ангелом скинию. Естественно, что после таких слов ничто не могло оторвать верующих от чтения "Марафона", и это чтение благополучно завершилось через четверо суток пять часов семнадцать минут и сорок две и три четверти секунды.

Когда об этом узнала окружавшая церковь толпа, слышались ликующие возгласы, и Бэнни видел, каким восторгом засияли все эти лица, освещенные

электрическим светом прожекторов. У Эли было теперь достаточно денег для того, чтобы прибегать к такого рода эффектам. Оркестр его музыкантов помещался на особом помосте, увешанном электрическими фонарями, в свете которых ослепительно сверкали металлические инструменты. Окончив проповедь, пророк делал знак рукой, и музыканты оглашали воздух звуками старинной церковной мелодии, а толпа подхватывала ее дружным хором, и души верующих преисполнялись восторгом, и радостные слезы текли по их лицам.

Среди присутствовавших было немало жен нефтяных рабочих. Они молились и плакали вместе с другими, а потом уговаривали своих мужей тоже прийти послушать пророка. В Парадизе в часы досуга мужчинам совершенно некуда было деваться: там не было ничего, кроме жалкого, третьестепенного маленького кино, а тут было это яркое освещение, ослепительный блеск музыкальных инструментов, красивые мелодии, восторженные хоры присутствующих — и за все это не надо было платить ни копейки, да вдобавок вам еще обещали награду на небесах. Вполне естественно поэтому, что многие рабочие сопровождали своих жен, когда те отправлялись слушать "пророка". Поль и маленькая кучка его "красных" были убеждены, что "хозяева", все те, кто стоял во главе компании, наняли Эли для того, чтобы он мог явиться сюда в ту критическую минуту, когда борьба за спасение союза была неминуема. Во всякое другое время такая мысль показалась бы Бэнни до крайности преувеличенной, но теперь он промолчал, вспомнив о тех пятистах долларах, которые его отец дал Эли. И одновременно с этим ему пришла на память одна фраза, сказанная Верноном Роскэ в "Монастыре": "Пусть себе находят утешенье на небесах, лишь бы позволяли мне иметь здесь, на земле, свою нефть". — "Тише, Вернон, — остановила его тогда Аннабель, — что за ужасы ты говоришь!"

Друзья Поля тоже попробовали было подбодрить своих товарищей пеньем, но их голоса звучали так слабо сравнительно с духовым оркестром Эли и громкими хорами верующих. Ведь стоявшие во главе нефти компании их, разумеется, не субсидировали. Вместо этого они прислали к ним шерифа с двумя десятками вооруженных людей, и они окружили место сборища "красных" и, захватив одиннадцать человек, посадили их в грузовик и отвезли в тюрьму графства. Все они находились теперь там, и Бэнни услышал трагический рассказ об Эдди Пиатт — одном из друзей Поля, отправившемся в Сан-Элидо, чтобы узнать о размере суммы, которую требовалось внести десятого, чтобы взять заключенных на поруки, а его там схватили и тоже засадили в тюрьму, обвинив в участии в нелегальной организации. Ни в какой такой организации он не участвовал, но как мог он это доказать?

Руфь, которая рассказала об этом Бэнни, спросила его, не сможет ли его отец выручить Эдди, внося за него требуемую сумму? Помнил ли он, Бэнни, этого малого? — спрашивала Руфь. Такой темноволосый юноша, очень спокойный и в то же время очень решительный...

Да, Бэнни его помнил.

Так вот, он сидел теперь в тюрьме вместе с несколькими другими рабочими мастерских готового платья. Еда, которую они получали в этом ужасном месте, была полна червей, и им не давалось ни простынь, ни одеял. Тюремное начальство собиралось отправить их всех по железной дороге в Сан-Квентин, а Поль виделся

недавно с одним политическим, который только что оттуда вернулся и рассказывал такие ужасные-ужасные вещи!.. Слезы показались на глазах Руфи, когда она стала передавать то, что слышала от брата — как всех "преступников" заставляли работать на джутовой мельнице, и очески джута попадали им в горло и в легкие и вызывали страшный кашель, и кончалось все это смертью. Когда же они были не в силах исполнять эту работу, то их били и сажали в ямы... И до чего мучительно думать, что все это ждет тех, кого вы так давно знали и к кому относились так дружески!

Бэнни знал и шерифа графства Сан-Элидо и генерала-прокурора. Его отец мог бы, конечно, к ним обратиться. Но разве стал бы м-р Росс мешать их усилиям ограждать нефтяные компании от "красной" опасности? Разве стал бы он действовать против желания всех остальных директоров и высших должностных лиц "Консолидированного Росса"? Разумеется, нет. Единственно, что Бэнни мог сделать, — это дать Руфи двести долларов, для того чтобы она купила заключенным еду. Сделав это, он отправился в университет, но в его душе была теперь тоже "яма", его совесть все время толкала его в нее и, несмотря на все его протесты, в конце концов его туда втолкнула. И с каким страшным шумом захлопнулась за ним тяжелая железная дверь! Да, даже тогда, когда Бэнни очутился в белоснежной комнате и его крепко сжали страстные объятия его возлюбленной, даже и тогда в его ушах все продолжал раздаваться стук этой тяжело захлопывающейся двери, и он видел себя в камере тюрьмы в обществе заключенных, этих несчастных жертв классовой борьбы.

III

Среди тех организаций, которые во время войны поддерживали спокойствие в нефтяной промышленности, важное место занимало так называемое Нефтяное бюро, которое разбирало все жалобы рабочих и делало соответствующие постановления. Но теперь, когда война отошла уже в область воспоминаний, нефтепромышленники не желали больше оставаться под чьим-то контролем. Каждому американцу должно было быть предоставлено право самому вести свои дела. И разве могло быть какое-нибудь сомнение в том, что то жалованье, которое получали рабочие во время войны, было непомерно высоко и было необходимо его урегулировать? Несколько нефтепромышленников уже отказались повиноваться постановлениям этого Нефтяного бюро; эти вопросы передавались на разбирательство в суд, а тем временем рабочие протестовали и грозили, и всем было ясно, что кризис был уже не за горами.

В прежние времена Дж. Арнольд Росс был одним из сравнительно "маленьких людей", и роль Бэнни сводилась к тому, чтобы спокойно наблюдать за ходом совершающихся на его глазах событий. Но теперь отец его был одним из "олимпийцев" и сам принимал участие в ходе событий. И вот настал день, когда Исполнительный комитет Федерации нефтяных промышленников, одним из членов которого был Вернон Роскэ, единогласно решил больше не считаться с федеральным Нефтяным бюро и, совершенно игнорируя союзы нефтяных рабочих,

установить новые ставки для рабочих нефтяной промышленности. Копия этого нового проекта находилась в руках м-ра Росса, и в среднем жалование каждого рабочего было уменьшено на десять процентов против того, которое они получали во время войны.

Это должно было вызвать ожесточенную борьбу, и Бэнни, как только об этом узнал, решил, не говоря ни слова отцу, отправиться переговорить с м-ром Роскэ. Но так как это был разговор чисто делового характера, то он отправился в его контору и просил секретаря проводить его в кабинет нефтепромышленника.

"Великий человек" сидел за своей конторкой из красного дерева, на которой в этот момент ничего не лежало — ни бумаг, ни книг. Получалась такое впечатление, точно нефтепромышленник ничего другого не собирался делать, как только весело болтать со своим юным посетителем. Но едва Бэнни сказал: "М-р Роскэ, я пришел к вам сюда, в вашу контору, потому что мне нужно поговорить с вами о новых ставках нефтяных рабочих", — едва он произнес эти слова, как всякое подобие улыбки сбежало с лица м-ра Роскэ. Казалось, что его полное лицо вдруг осунулось, похудело, и если вы до этой минуты смотрели на него как на олицетворение жизнерадостности и веселья, то теперь вы видели перед собой совсем другого человека, строгого карателя малейшего нарушения той американской системы, успеху которой он содействовал.

Бэнни принялся рассказывать о настроении рабочих и о назревающих волнениях, но м-р Роскэ перебил его:

— Послушай, что я тебе сейчас скажу, Джим-младший, и не трать зря своего красноречия. Я знаю дословно все, что говорят рабочие, и все, чему их учит кучка большевиков. Я получаю каждую неделю подробный отчет. Я все знаю: и о твоём друге Поле Аткинсе, и об Эдди Пиатте, и о Джеке Деггане, и о всех других. Я знаю все то, что ты сам знаешь, и плюс еще многое другое, что тебе еще неизвестно.

Слова Роскэ так поразили Бэнни, что в первую минуту он не нашелся что сказать и молчал. И это было именно то, чего хотел его собеседник.

— Джим-младший, — продолжал он, — ты очень даровитый мальчик, и я уверен, что ты сумеешь стряхнуть с себя всю эту бессмыслицу. Я же со своей стороны хочу помочь тебе стряхнуть ее как можно скорее, так как это избавит тебя от многих страданий. И тебя и, главное, твоего отца, а он — соль земли. Я начал жить на свете на тридцать или сорок лет раньше, чем ты, и я имел время научиться многому, чего ты теперь еще не знаешь. Но когда-нибудь и ты это узнаешь. Твой отец и все мы, крупные нефтепромышленники, ведем это дело потому, что мы знаем, как надо его вести, и это так на самом деле и есть, это не пустые слова. Но несколько человек решили сбить нас с наших позиций, а для этого они считают нужным говорить рабочим зажигательные речи и доводить их до белого каления. И то, чего они хотят сейчас добиться, не ограничивается одной только прибавкой жалованья.

— Может быть, м-р Роскэ, но сейчас вопрос идет ведь не об этом...

— Извини, именно об этом. Ответь мне, пожалуйста, совершенно прямо: имеют ли в виду все эти твои приятели отстранить меня и твоего отца отдела и забрать в свои руки нашу нефтяную промышленность или нет?

— Ну, это... Если они об этом и думают, то только лишь как о конечной цели...

— Да. Именно. Но, насколько я знаю, — а я вполне в курсе дела, — они считают, что именно теперь-то и настало время добиваться этой "конечной" цели. А потому-то я и говорю: если они, сукины дети, надеются разрешить вопрос о жалованье так, как им этого хочется, а сами в то же время будут продолжать придумывать способы, как бы лучше меня обобрать, то они глубоко ошибутся, думая, что им удастся добиться своего. И если они очутятся на работах на джутовой мельнице Сан-Квентино, то могут быть уверены, что вносить за них деньги и извлекать их оттуда я не стану.

Говоря это, Вернон Роскэ глядел прямо в глаза Бэнни.

— Джим-младший, — продолжал он, — я прекрасно знаю все те идеалистические фразы, которыми "красные" стараются на тебя воздействовать. Все это очень красивые фразы, и цель их — благочеловечества. Но все они знают, что на самом деле это не что иное, как приманка, на которую они стараются тебя поймать, и если бы ты слышал, как они за твоей спиной над тобой же смеются, то понял бы, в чем тут, в сущности, дело. И я очень советовал бы тебе постараться выйти потихоньку из засады, пока еще не началась стрельба.

— Но разве вы думаете, что будет стрельба, м-р Роскэ?

— Твои друзья, большевики, кажется, этого желают. Мы добились того, что нам было нужно, а они желают все это у нас отнять.

— М-р Роскэ, во время войны, когда мы нуждались в нефтяных рабочих, мы им обещали...

— Прости, дитя, это не так. Мы, нефтепромышленники, не давали никаких обещаний. Плаксивый профессор с лошадиной физиономией пообещал за нас. Но сейчас мы со всем этим покончили. В президенты мы теперь получили настоящего делового человека, и страной будут теперь править по-настоящему. Должен тебе сказать, что мне чертовски надоело покупать всех этих лидеров рабочей партии, и я рад возможности вести дела более дешевым способом.

Бэнни был поражен.

— Неужели это правда, м-р Роскэ? Правда, что вы могли купить лидеров рабочей партии?

Верн перегнулся через конторку и своим толстым пальцем погрозил Бэнни.

— Дитя, — сказал он, — узнай раз навсегда, что должностных лиц всякого сорта можно купить так же точно, как и политических деятелей и вообще всех тех, кого кучка олухов избирает на все наиболее ответственные должности. Я знаю, что ты сейчас думаешь: "Этот Роскэ, бывший живодер, человек без идеалов, приобрел себе целый бочонок золота и вообразил, что с его помощью он может сделать все, что ему вздумается". На самом же деле это не совсем так, мой мальчик. Дело тут не в самих деньгах, а в том, что у меня достаточно мозгов, чтобы эти деньги добывать и употреблять с толком. Деньги не представляют собой никакой силы, пока они не употреблены на то или другое дело, и если я могу купить себе власть, то это только потому, что люди знают, что эту власть я использую как должно. Иначе они мне ее и не продали бы. Тебе это ясно теперь?

— Да. Но как именно вы думаете использовать эту власть, м-р Роскэ?

— Я буду искать нефть и извлекать ее из недр на поверхность, а потом очищать и продавать тому, кому она понадобится. До тех пор, пока мир будет нуждаться в

нефти, мое дело будет заключаться в добывании этой нефти. А когда найдут возможность обходиться без нее, я придумаю себе какое-нибудь другое дело. И я не препятствую никому принимать участие в этом деле: пусть делают, как я — добывают нефть, потеют, работают и ведут игру...

— Но, м-р Роскэ, это не может считаться практическим советом, так как не каждый же может быть нефтяным промышленником.

— Да, дитя, можно побиться об заклад, что не каждый. Только те, у кого есть мозги. Остальные должны работать. И в том случае, когда они работают на меня, они получают хорошее жалованье, и каждую субботу им аккуратно его выдают. И как бы мне это ни было трудно, денег им я никогда не задержу, ни на один час. Но когда какой-нибудь тип, обладающий способностью без умолку болтать всякий вздор, становится между мной и моими рабочими и начинает учить меня, как надо с ними обращаться, то я говорю, что место такому человеку на джутовой мельнице.

IV

В этом свиданье на Бэнни самое сильное впечатление произвели те слова, которые м-р Роскэ произнес, когда с ним прощался.

— Ты разве не видишь, дитя, что твой отец болен? Сомневаюсь, чтобы его здоровья хватило еще на многие годы. И я боюсь, что когда ты в один прекрасный день отдашь себе ясный отчет в том, как ты заставляешь его страдать, то будет уже поздно... У старика была всегда только одна мысль в голове: как бы сделать тебе жизнь насколько только возможно более легкой. Ты, может быть, скажешь, что он мог не беспокоиться, что ты его об этом не просил. Но как бы то ни было, он жил только этим, только для этого. И вот теперь ты сокращаешь его дни. Да, именно так. Ты должен иметь мужество взглянуть действительности прямо в глаза. Все, что он делал, оказывается, с твоей точки зрения, никуда не годным, и единственно, кого ты считаешь достойными уважения и кому приписываешь высокие идеалы, которым желаешь следовать, — это бойкие на язык бездельники, которые ненавидят твоего отца за то, что он делает хорошо то, что они делать не умеют и не сумеют никогда. И ты думаешь, что старик этого не понимает и что это все не гложет его сердца? Может быть, тебе еще ни разу не приходило это в голову? В таком случае послушайся моего совета и открой глаза, пока еще не поздно. Если ты желаешь тратить деньги твоего отца, то, ради Христа, подожди это делать, пока он жив. Когда деньги будут твоими, тогда дело другое...

Естественно, что после этих слов Бэнни, выйдя из конторы, совершенно уже не думал о волнениях среди нефтяных рабочих. Неужели правда, что здоровье его отца было так плохо? И разве нельзя было как-нибудь так устроить, чтобы ему не приходилось работать через силу? Неужели же было необходимо, чтобы он присутствовал при разработке каждой новой скважины — будь то в Парадизе, Лобос-Ривере или в Бич-Сити? И что будет с отцом, когда предполагаемая борьба осуществится на деле?

В начале весны состоялось собрание лидеров союза нефтяных рабочих, и на нем было решено заявить Нефтяному бюро, что создавшееся отношение

нефтепромышленников к правительственным властям было недопустимо. Одно из двух: или бюро должно поддерживать свой авторитет, или рабочие возьмут все дело в свои руки. Но бюро ничем на это заявление не реагировало, а когда стоявшие во главе союза писали письма в нефтепромышленные комитеты, то письма эти не удостоивались никакого ответа. Забастовка была неизбежна, и чем дольше она откладывалась, тем хуже было для рабочих.

Все это происходило в начале весны, а через несколько дней наступили в университете пасхальные каникулы, и как раз в это время к Бэнни приехала Ви Трэсси и предложила ему отправиться с ней в Нью-Йорк, где ставили ее новую картину, не касавшуюся на этот раз ни России, ни забастовок, ничего такого, одним словом, что могло болезненно затронуть чувствительность "нефтяного принца".

— Почему бы тебе не поехать со мною, Бэнни? Будет весело. Отлично проведем время.

Бэнни никогда еще не был в Нью-Йорке, и предложение Ви показалось ему очень заманчивым. Каникулы в университете продолжались две недели, но он всегда мог продлить этот срок и нагнать пропущенное. Поэтому он обещал Ви подумать об этом плане. На другой день он поехал в "Монастырь", и Аннабель встретила его там словами:

— Бэнни, отчего бы вам не поехать с Ви и не захватить с собой и вашего отца? Ему, наверное, было бы очень полезно переменить на время обстановку.

Аннабель говорила это с таким невинным видом, что Бэнни не мог не улыбнуться.

— Очевидно, вы с Ви и Верном решили прибегнуть к этому способу для того, чтобы удалить нас отсюда на время забастовки? — сказал он.

— Ваши друзья вас искренно любят и хотят, чтобы вы были счастливы, — ответила Аннабель и прибавила: — Сегодня за обедом вы будете кушать у нас на жаркое молоденького барашка, но ведь вы не считаете нужным идти на бойню и присутствовать при том, как его там убивают?

— Вам надо было бы читать лекции по социальной философии, Аннабель, — сказал Бэнни, и она засмеялась и сказала, что университет посещают только для того, чтобы учиться называть длинными именами самые обыкновенные вещи.

Очевидно, план был всесторонне обдуман, так как, когда Бэнни вернулся домой, отец спросил его:

— Что, тебе Верн ничего не поручал передать мне по поводу того, о чем мы с ним вчера беседовали?

— Нет, ничего. А в чем дело, папочка?

— В Нью-Йорке сейчас назначен съезд нефтепромышленников, и надо, чтобы кто-нибудь из нас в это время там был, Верн ехать не может и спрашивал меня, не поеду ли я. Не знаю только, как обстоит дело с твоими университетскими каникулами? Сможешь ли ты устроить себе маленький отпуск?

В душе Бэнни происходила борьба. Смог ли бы он помочь делу, если бы остался? Во время первой забастовки вся его роль заключалась в том, что он старался содействовать тому, чтобы рабочие не выходили из своих домов, но теперь все это дело забрал в свои руки Верн, и он, Бэнни, будет совершенно бессилен что-нибудь предпринять. То, что говорила ему Аннабель, как нельзя лучше рисовало то

положение, в каком находился союз нефтяных рабочих. Процесс усмирения недовольных мог продолжаться недели, даже месяцы, но в конце концов все будет, конечно, так, как этого желал Верн, и он, Бэнни, оставаясь в Парадизе, будет только зря волновать и мучить своего отца.

Берти тоже принимала участие в заговоре. У нее были серьезные основания желать, чтобы Бэнни поехал в Нью-Йорк: они собирались на один из модных курортов, а оттуда на яхту Тельмы Норман, и ей очень не улыбалось, чтобы ее брат принимал участие в забастовке и, чего доброго, попал бы опять в газеты. И неужели он не хочет хоть раз подумать об отце и дать ему немного отдохнуть?

Этот последний довод был в достаточной степени серьезен, и Бэнни, который устал от всех этих разговоров, кончил тем, что дал свое согласие.

V

В Нью-Йорке их ждала на вокзале толпа, а другая еще большая толпа ждала у отеля, в котором им были оставлены комнаты. Ви засыпали цветами, репортеры не давали им проходу, умоляя назначить час для их интервьюирования.

Все, одним словом, было точь-в-точь как на всех "премьерах".

Более всех радовался поездке сам м-р Росс. Путешествие было для него одним сплошным удовольствием. Сознание, что он мог, проснувшись утром, сказать себе, что в этот день ему не надо ни о чем заботиться, что его работа временно передана в другие руки, что он может позволить себе отдохнуть, — приводило его в самое сияющее настроение. Он настоял на том, чтобы все счета оплачивались им, а так как с ним был его секретарь, то все устраивалось, как по волшебству: отделения в вагонах железных дорог, комнаты в отелях, автомобили, цветы, фрукты, конфеты, билеты в театры и концерты. Стоило только что-нибудь пожелать, как это тотчас же являлось. Что можно было бы еще прибавить для человеческого благополучия? Разве только то, что Ви очень иногда хотелось съесть какое-нибудь простое сытное блюдо и все утро пролежать в постели, вместо того чтобы заботиться все время о том, чтобы ни на йоту не пополнеть, а для этого делать по утрам всякого рода гимнастику.

Первое представление новой картины прошло в Нью-Йорке с таким же успехом, как "Депутат дьявола" в Энджел-Сити, и сопровождалось такими же шумными, восторженными овациями. На следующий день Бэнни сидел с Ви за утренним завтраком и читал ей вслух газетные отчеты о ее вчерашнем триумфе с подробным перечислением, кто был в театре и что на ком было надето. Оба весело смеялись, в то время как лакеи бесшумно подавали на стол. Потом Бэнни повернул страницу газеты и прочел телеграмму из Энджел-Сити, гласившую о том, что началась забастовка нефтяных рабочих, в которой приняли участие десять тысяч человек. Нефтепромышленники заявили, что они не желают больше признавать Нефтяного бюро, и опубликовали новые ставки. Как сообщали газеты, ожидалось большие волнения в силу того, что агитаторская деятельность радикалов все последнее время была очень интенсивна.

Бэнни устроил себе каникулы и должен был весело проводить время и всегда иметь довольный вид. Это последнее условие было необходимо для того, чтобы не нарушалось хорошее настроение его спутников. Поэтому он с довольной улыбкой сопровождал отца и Ви в театр, оттуда, усадив м-ра Росса в наемный автомобиль, ехал с Ви куда-нибудь ужинать вместе с другими артистами экрана, и они только поздно ночью возвращались к себе в отель.

По утрам Ви отправлялась с Бэнни в специальный гимнастический зал, где они вместе проделывали целый ряд акробатических номеров, и Ви говорила, что если когда-нибудь м-р Росс будет вынужден бросить свое дело, а она подурнеет и должна будет оставить сцену, то они с Бэнни смогут заработать несколько сотен долларов в неделю своими акробатическими кунст-штуками. После полудня Ви отправлялась или с визитами, или в магазины и в этом случае требовала, чтобы Бэнни ее непременно сопровождал, так как у него был такой "замечательный вкус", и ведь если она заказывала себе туалеты, то это единственно только для того, чтобы понравиться ему, Бэнни...

Своего Бэнни Ви продолжала любить по-прежнему. Она его обожала и была вполне счастлива только в его присутствии. Ей хотелось показывать его всему свету, включая сюда же и мир газет. Что касается Бэнни, то они уже достаточно долго были вместе для того, чтобы он мог вполне хорошо ее изучить и отдать себе отчет во всех плюсах и минусах этого союза. Ее так ярко выраженная чувственность его не пугала, так как он сам был молод и пылок, и то искусство любви, которое ему преподала Эвника Хойт, сочетаясь с тем, которому Ви обучили ее многочисленные любовники, кружило им головы, и не было сил противиться охватывавшим их порывам. Но духовно они совсем не подходили друг другу. Ви готова была слушать все, о чем бы он ни говорил, но о том, насколько мало интересовало ее все мало-мальски серьезное, можно было судить по тому, как она ловко старалась переводить такой разговор на другие темы. У нее была своя собственная жизнь — жизнь стремительная, полная возбуждений, жизнь напоказ. Она могла глумиться над миром кино, но тем не менее этот мир был ее миром, и аплодисменты и поклонение были именно тем, чем она жила. Она всегда "была на сцене", всегда играла роль — роль профессиональной любимицы публики, всегда блестящей, юной, красивой, веселой. Задумчивость и сосредоточенность в том кругу, к которому принадлежала Ви, считались чем-то чуть ли не предосудительным.

— Что с тобой, Бэнни? О чем ты думаешь? Уверена, что тебя опять беспокоит эта забастовка.

Сидеть спокойно на одном месте и читать было для Ви совершенно незнакомым занятием. Газеты и журналы иногда красовались на ее столе, и кто-нибудь из ее друзей брал их изредка в руки и проглядывал, но поминутно отрывался для того, чтобы взглянуть на какую-нибудь новую принадлежность ее туалета или принять участие в театральных сплетнях. Углубляться в чтение настолько, чтобы не желать, чтобы вас прерывали, — это было как будто даже немного невежливо. Не правда ли? Что же касается того, чтобы провести весь вечер за книгой, — о такой вещи Ви

положительно никогда не слыхала. Она не выражала этого словами, но Бэнни понимал, что с ее точки зрения книга представляла собой нечто очень дешевое, — каждый мог ее себе приобрести и засесть на целый вечер в угол. Но очень немногие могли иметь ложу в театре и сидеть в ней и чувствовать, что вы представляете собой зрелище почти такое же важное, как сама кинематографическая картина или пьеса.

Один из тех молодых людей, которые учились в трудовом колледже Дана Ирвинга, жил в Нью-Йорке. Бэнни как-то раз с ним встретился, и они долго проговорили о положении рабочего движения во всех государствах. Бэнни очень хотелось бы видаться с ним почаще и вместе ходить на митинги — в этом громадном городе столько было интересного, и он был, между прочим, также и центром радикального движения. Но Ви об этом узнала и тотчас же принялась его "спасать", совершенно так же, как если бы он захотел начать курить опиум или пить горькую. Она давала за него обещания своим знакомым, возила его на обеды и вечера и придумывала всякие способы, чтобы не давать ему уходить из дома по вечерам одному. Бэнни понимал, что она все это проделывает для "спасения его души" и, по всем вероятностям, по просьбе его отца, но, как бы то ни было, это его угнетало.

У него нашелся в Нью-Йорке еще один знакомый дом, по поводу посещения которого Ви не выражала никаких протестов — дом его матери. Несколько времени перед тем она вторично вышла замуж. Ее муж был очень богат, у нее был собственный дом, так по крайней мере она писала. Бэнни отправился ее навестить и должен был сделать над собой невероятное усилие, чтобы не выдать своего изумления при ее виде. Она была живым примером того, во что превращается женщина, не желающая сдерживать своих appetитов, которые непреодолимо влекут ее на все тяжелые, жирные кушанья. Его мать наполняла всем этим себя до такой степени, что сделалась похожа на шар из масла, такой мягкий, что казалось, что вот-вот он растопится. В честь Бэнни она была необыкновенно нарядно одета и имела вид настоящей королевы. Ее муж был богатым ювелиром, и, по-видимому, его жена заменяла ему один из его безопасных ящиков для хранения его драгоценностей. Она настояла на том, чтобы Бэнни взял от нее в подарок бриллиантовое кольцо, а когда он рассказал ей о забастовке рабочих, — дала ему еще и второе, для того чтобы его продать, а деньги вложить в фонд вспомоществования забастовщикам.

— Нефтепромышленники — жестокие люди, — сказала мать Бэнни. Она это знала!

VII

М-р Росс был теперь занят тем делом, для которого он отчасти и приехал в Нью-Йорк, но, вопреки своему обыкновению, он так мало о нем говорил, что Бэнни это показалось странным, и он решил выведать у отца эту тайну. В конце концов ему это удалось, и он узнал, что дело касалось договоров на те нефтяные участки, принадлежащие морскому ведомству, о которых так хлопотал Вернон Роскэ. Назначение президента Гардинга состоялось. Барней Брокуэн был сделан генерал-прокурором, а государственным секретарем — тот человек, которого выбрал Вернон

Роскэ. Это был некий сенатор Крисби, старая партийная кляча, работавшая для Роскэ и О'Рейли, когда они были заняты свержением одного мексиканского правительства и заменой его другим. Они грозили мексиканцам американской интервенцией, и этот Крисби — тогда сенатор в Техасе — требовал войны и почти ее добился.

Теперь он обязался предоставить нефтепромышленникам целую серию ценных договоров почти за ничто, но для этого ему нужны были деньги, много денег, так как было несколько человек, требовавших себе за участие в этом деле большие суммы. В этом заключалась трудность ведения каких бы то ни было дел с политическими деятелями: вы покупали их перед выборами, а после выборов их снова приходилось покупать. С ними никогда нельзя было столкнуться окончательно, раз навсегда, как с деловыми людьми.

М-р Росс, отправляясь в Нью-Йорк, имел в виду спросить совета у одного адвоката, которого Вернон считал самым талантливым в стране. Он хотел с ним поговорить по поводу организации небольшой корпорации, на обязанности которой лежало бы легальным путем устраивать те или другие "сделки" с должностными правительственными лицами.

Разумеется, м-р Росс сказал об этом Бэнни в более мягких выражениях, но на самом деле это было именно так. На вопрос Бэнни, кто же, в сущности, мог бы все это сделать, м-р Росс ответил, что хороший адвокат может сделать решительно все. Нужно было организовать "Кандидатскую корпорацию", которой не приходилось бы повиноваться законам Соединенных Штатов. Вся трудность заключалась в том, что никто не мог с уверенностью определить ценность договоров. Что же касается Пета О'Рейли и Фреда Орпана, то они старались сделать все возможное для того, чтобы м-ру Роскэ пришлось вложить в это дело как можно более крупные денежные суммы. Верн был вне себя от бешенства, посылал всех их к черту и просил м-ра Росса остаться в Нью-Йорке подольше и всеми силами постараться противодействовать коварным планам их общих врагов. Но дальнейшее пребывание м-ра Росса в Нью-Йорке было связано с тем, сможет ли Бэнни не возвращаться к сроку в университет и, подготовившись дома с каким-нибудь преподавателем, сдать экзамены отдельно, позже?

Бэнни ответил, что вопрос об университете его нимало не беспокоил, но что его очень беспокоило то, что его отец связал себя с этой "Канадской корпорацией". Для чего это было нужно? М-р Росс продолжал настаивать на том, что опасаться тут было совершенно нечего, что это дело вел лучший адвокат Нью-Йорка.

— Но уверен ли ты, что Верн не намеренно сваливает все это на тебя и сваливает именно то, что он сам считает не совсем безопасным?

М-р Росс с негодованием отверг такое предположение. Он заявил, что Верн был его самым верным компаньоном и что он всегда отличался "прямолинейностью во всех делах".

— Но, папочка, ты сам говорил, что тем, кто ведет нефтяную игру, в большинстве случаев не до "прямолинейности". И почему ему самому не вести все эти свои подкупы? Почему он сам не приезжает в Нью-Йорк?

— Да ведь ты же знаешь, что он возится с забастовкой. Он снял с меня эту обузу... и ты должен был бы быть ему за это благодарен.

Сказав это, м-р Росс наивно прибавил, что Верн не хотел, чтобы он оставался в это время во главе дела, считая его слишком "мягким". Это выражение было хорошо знакомо Бэнни.

Интересы Ви и м-ра Росса опять столкнулись. Ви тоже желала продлить каникулы. И они решили сначала поехать в Канаду, чтобы закончить там дела м-ра Росса, а потом найти какое-нибудь красивое местечко, где они могли бы как следует отдохнуть и где она с Бэнни могла бы бродить по лесам и плавать в каком-нибудь красивом озере, вместо того чтобы заниматься гимнастикой, которая так надоела. В результате всех этих соображений м-р Росс телефоновал председателю университета Алонзо Кооперу, сообщая ему, что серьезные дела заставляют его сына продлить свое пребывание на Востоке, и спрашивая, не разрешат ли ему держать экзамены отдельно по возвращении? М-р Коопер немедленно ответил, что университетские власти с величайшим удовольствием идут навстречу желаниям м-ра Росса.

И вот как раз в тот день, когда вопрос о поездке в Канаду был окончательно решен, Бэнни подали телеграмму. Она была от Руфи. С сильно бьющимся сердцем он стал ее читать.

Поль, Эдди Пиатт, Бёд Стоннер, Джек Дегган и четверо их товарищей были арестованы, обвинены по подозрению в "криминальном синдикализме" и заключены в тюрьму графства Сан-Элидо, причем сумма взноса за Поля равнялась десяти тысячам долларов, а за остальных требовалось внести по семь тысяч пятьсот долларов.

"Они ровно ничего не сделали, — писала Руфь, — и все это прекрасно знают. Просто их решили продержать в тюрьме вплоть до окончания забастовки. Но здоровье Поля не выдержит, разумеется, всех тяжелых условий тюремного заключения. Умоляю вас, во имя нашей старинной дружбы, достать необходимые для их выкупа деньги".

VIII

В первую минуту Бэнни заподозрил было отца в том, что он знал об этом аресте и что этим объяснялись его старания продлить пребывание сына в Нью-Йорке и в Канаде. Но потом он сказал себе, что все это было давно уже задумано м-ром Роскэ, входило в план его действий, цель которых — разрушить "гнездо большевизма" в домике ранчо Раскома, и что оттого-то он так и настаивал на путешествии Бэнни и его отца.

М-ра Росса не было в это время дома, и потому Бэнни показал телеграмму Ви. Прочтя ее, она спросила его, что он намерен делать, и Бэнни ответил, что, конечно, его отец внесет требуемую сумму, если не за всех, то за Поля во всяком случае.

— Но, Бэнни, ты ведь знаешь, что он не сможет этого сделать. Он не захочет идти против Верна, раз это касается забастовки.

— Ему во всяком случае придется это сделать, Ви. Я счел бы себя подлецом, если бы допустил, чтобы такой человек, как Поль, задыхался в этой вонючей яме.

— Но если м-р Росс все-таки, в конце концов, не согласится, Бэнни? Что тогда?

— В таком случае я сам туда поеду немедленно.

— Но что, собственно, ты сможешь сделать?

— Я буду всюду искать человека, у которого нашлось бы достаточно здравого смысла и известное количество наличных денег.

— Ну, такое сочетание тебе не очень-то легко будет найти, мой дорогой. Я это знаю, потому что я сама пробовала. И это так страшно огорчит твоего отца, не говоря уже о том, что совершенно испортит нам наши каникулы. А как раз сегодня я услышала об одном прелестном уголке, который Шмольский купил для себя в Онтарио, но где он сам не живет, потому что всегда в разъездах. И какое упоительное время мы провели бы там, Бэнни!

Говоря это, она обвила руками шею Бэнни, но он совершенно не сознавал ее присутствия: мысль, что Поль в тюрьме, поглотила его всецело. Поль в тюрьме, а он, Бэнни, сидит в Нью-Йорке и делает вид, что наслаждается каникулами. И он еще имел претензию думать, что понимает социальные задачи, что у него есть идеалы и что во всяком случае он умеет разбираться в том, что справедливо и хорошо!

Освободившись от объятий Ви, он принялся шагать взад и вперед по комнате, браня на чем свет стоит и себя самого — упрекая себя в ренегатстве, и тех грязных негодяев, которые стоят во главе правительства графства Сан-Элидо и крадут те деньги, которые отпускаются на то, чтобы тюрьма содержалась в чистоте и заключенные были всегда сыты. Возбужденный вид Бэнни поразил Ви. Это был совсем новый Бэнни, которого она совершенно не знала и который был так не похож на ее мягкого, ласкового, нежного мальчика.

— Послушай, дорогой мой, остановись на минуту и поговорим обо всем спокойно. Ты ведь знаешь, я не очень-то разбираюсь во всех этих вещах.

— В чем, собственно?

— Как можешь ты быть уверен, что Поль не совершил никакого противозаконного поступка?!

— Потому что я его знаю, знаю все его взгляды, мысли. Я говорил с ним столько раз об этой забастовке. Он объяснил все от А до Z. И как ее надо вести, и насколько важно, чтобы рабочие образовали одну тесно сплоченную единицу, которой все было бы подчинено. В этом состоит вся его деятельность, и оттого-то Верн и заключил его в тюрьму.

— Ты уверен, что это сделал Верн?

— Разумеется. Он и остальные члены комитета. Что представляют собой все эти должностные лица Сан-Элидо, как не жалких мальчишек на побегушках у нефтепромышленников! До Верна дела графства вел отец, и я своими собственными глазами видел, как он давал деньги властям графства. И не один раз!

— Так что ты думаешь, что у них не может быть никаких доказательств, что Поль потворствовал насилию?

— Зависит от того, что подразумевать в данном случае под словом "доказательство". Верн говорил мне, что у него есть шпионы, которым приказано следить за "красными", и что эти шпионы могли выдумать, заявив, что они видели это своими глазами, ни я, ни сам Верн, я думаю, никогда не узнают. Ты обратила внимание на обвинение: "по подозрению в криминальном синдикализме". Под "криминальным синдикализмом" подразумевается поддержка системы свержения

правительства, изменение общественного строя насильственным путем. Но в данном случае все эти люди арестованы не за это, а лишь только по подозрению в этом. Другими словами, если вы сочувствуете той или иной идее, которая может показаться какому-нибудь идиоту или негодяю опасной, то вас преспокойно засаживают в тюрьму и держат там вплоть до судебного разбирательства этого дела. А так как суды все переполнены, то вы преллагополучно можете просидеть в тюрьме целый год, если не больше.

— О, Бэнни, этого они, конечно, не сделают!

— До сих пор, однако же, делают. Я знаю не один такой пример. И они назначают нарочно такую высокую цену за поручительство. Откуда рабочим достать такие деньги? И они думают проделать то же самое теперь с Полем Аткинсом, самым лучшим из всех моих друзей, самым прямым и честным малым, какого я когда-либо знал. Он служил на военной службе; он был в Сибири и вернулся оттуда совсем больным, а до тех пор был идеально здоровым мальчиком, сильным, бодрым, без единого порока. И вот награда за его службу родине! Клянусь богом, пускай бы они попробовали заставить меня сражаться за такую родину!

Бэнни вызывающе поднял голову и опять принялся было шагать по комнате. Но Ви остановила его, обняла и, прижавшись к нему, прошептала:

— Послушай, дорогой мой, я знаю несколько лиц, у которых есть деньги, и, может быть, смогу тебе помочь. Предоставь все это дело мне, и через несколько часов я все выясню. Ничего не говори отцу. К чему его напрасно беспокоить? Если мне удастся все это устроить самой, то он сможет сказать Верну, что он ничего об этой истории не знал, и это будет гораздо лучше.

Ви уехала, а через два часа вернулась, и Бэнни немедленно телеграфировал Руфи, что хотя ни он и ни его отец ничего не могли сделать, но что нашелся один человек, который принял в этой истории большое участие, и деньги, необходимые для того, чтобы взять Поля на поруки, высланы на их контору в Энжел-сити.

— Но как тебе удалось это так скоро устроить? — спросил Бэнни.

— Чем меньше ты будешь об этом знать, тем лучше, — ответила Ви, а на замечание Бэнни, что это все доставило ей, наверное, немало хлопот, сказала; — Да, хлопот было много, и тебе придется платить мне за них своею нежностью и ласками. Если хочешь, можешь тотчас же начать выплачивать мне свой долг!

С этими словами она бросилась в его объятия, и он стал страстно ее целовать. В их сердцах играла в эту минуту такая музыка! Целый оркестр!

IX

Итак, Поль был опять на свободе, и Бэнни, казалось, мог бы чувствовать себя до известной степени удовлетворенным. Конечно, остальные семь человек еще оставались в тюрьме, и Бэнни знал их всех, но чтобы взять на поруки и их, надо было уплатить целых пятьдесят две тысячи долларов, а это, конечно, было бы чересчур неблагоприятно и практически невыполнимо. В силу всего этого Бэнни не протестовал против поездки с отцом и Ви в то удивительное местечко, которое она отыскала на берегу прелестного озера с длинным индейским названием. Там они

купались, катались на лодке, ловили рыбу, бродили по тенистым благоухающим лесам и рощам. Местные индейцы познакомили их с окрестностями, и все это носило крайне интересный, романтический характер. А в то же время в их спальни была проведена холодная и горячая вода, и в самом доме их окружал весь комфорт Бродвея и других модных улиц Нью-Йорка.

Тут они имели наконец возможность вполне насладиться обществом друг друга. Здесь не было никаких светских развлечений, никаких светских обязанностей, никто не приходил к ним в гости, ни для кого не надо было делать никаких туалетов. С утра до вечера и с вечера до утра они были неразлучны, и Бэнни не замедлил прийти к тому заключению, что вполне счастливы они были только тогда, когда занимались теми или другими физическими развлечениями: греблей, рыбной ловлей, съемкой видов, разведением костров, причем они высекали огонь тем способом, каким их обучали индейцы. Им нужно было все время забавляться, иначе между ними тотчас образовывалась громадная пропасть. Всякий раз, когда Бэнни брался за какую-нибудь книгу, Ви не знала, что ей делать.

Раз в день на озере появлялся маленький пароходик, привозивший запасы провизии и почту, журналы, газеты и деловые бумаги из Энджел-Сити, а раз в неделю — бюллетень забастовки нефтяных рабочих, на который Бэнни имел неосторожность подписаться. К чему было бежать за три тысячи миль от забот и волнений, если все эти заботы и волнения присылались ему по почте? Читая описание всех этих сцен, которые ему были так знакомы, — митингов, сбора денег в помощь бастовавшим рабочим, физических и нравственных страданий заключенных в тюрьмы, борьбы, арестов, грубости шерифа и других должностных лиц, искажения фактов газетами, — читая все это, Бэнни чувствовал себя снова перенесенным в Парадиз, и весь день после такого чтения он был сам не свой. Ви, разумеется, это замечала и начинала упрашивать его перестать читать эту газету. К чему? Разве он не исполнял своего долга? Разве не вернул забастовщикам их лидера? И разве он не обещал платить ей, его любимой "Ви-Ви", за ее помощь в этом деле своей горячей нежностью в течение всего лета?

Бэнни вел упорную борьбу с самим собой. Он говорил себе, что согласился уехать из Парадиза для того, чтобы помочь этим своему отцу, и это было, конечно, гораздо более уважительной причиной, чем ехать по капризу своей любовницы. Но могла ли и эта причина считаться достаточно серьезной? Имел ли отец право требовать от него так много? Имел ли вообще право один человек стараться заменить собою все остальное человечество? Если долг молодых — приносить себя всегда в жертву старикам, то каким же путем будет прогрессировать мир? — спрашивал себя Бэнни.

И по мере того как время шло, борьба на нефтяном поле делалась все напряженнее, а агония рабочих все очевиднее, — Бэнни презирал себя все больше и больше и пришел наконец к совершенно уже определенному заключению: его бегство было форменной подлостью!

Он постарался объяснить свою точку зрения Ви, но это было все равно как если бы он захотел объяснить это стене. Для нее это было делом не рассудка, но инстинкта. Она верила в свои деньги. Ради них она голодала, ради них продавала свое тело и свою душу, и расстаться с ними она никогда не согласилась бы. Вся

сущность радикального движения, о котором ей говорил Бэнни, заключалась, по ее мнению, в том, что последователи этого движения хотели у нее ее деньги отнять. При этом Бэнни открыл в ней очень странную, неприятную черту: она могла тратить деньги без счета на шелка, меха и драгоценности, на автомобили и вечера, но все это были, так сказать, "профессиональные траты", игравшие отчасти роль рекламы. Что же касается всех тех трат, в которых не было ничего показного, то они всегда были для нее крайне тяжелы, и она всячески старалась их избегать. Однажды Бэнни случайно пришлось услышать ее препирательства с прачкой по поводу слишком большого, по ее мнению, счета за глажение белья и всех тех обворожительных воздушных пеньюаров, в которых она покоряла его сердце!

Нет, ему никогда не удалось бы сделать из нее "радикалку" — из нее, этой избалованной любимицы публики. Он должен был сказать себе это заранее. Она всегда готова была слушать все, чтобы он ни говорил, потому что она его любила, любила каждый звук его голоса. Да, она готова была слушать все, что он ей говорил и о рабочем движении, старалась делать вид, что она вполне с ним согласна. Но в то же время в душе она относилась к нему так, как если бы он болел корью и она ждала, чтобы он выздоровел, или же так, точно он был пьян и она старалась поскорее "поставить его снова на рельсы". Она извинилась перед Рашелью и извлекла Поля из тюрьмы — и все это исключительно только для того, чтобы доставить удовольствие ему, Бэнни, в действительности же она ненавидела и Рашель и Поля. И еще интенсивнее ненавидела она Руфь, считая ее интриганкой, дрянью, разыгрывавшей роль наивной, непосредственной деревенской девушки для того, чтобы покорить сердце ее нефтяного принца. На свете совсем не было наивных, простеньких женщин, в этом Ви была глубоко убеждена.

И Руфь никак не могла перестать делать им неприятности! Как раз в один из тех дней, когда они чувствовали себя вполне счастливыми, Бэнни получил от нее вторую телеграмму: ее брат опять был в тюрьме, на этот раз уже по приговору суда. Бэнни счел нужным тотчас же броситься на первую же телеграфную станцию и телеграфировать м-ру Долливеру, адвокату, прося его расследовать дело и ему написать. Ответ пришел в тот же день. Ничего в данном случае нельзя было сделать: Поль и другие лидеры забастовавших рабочих не исполнили предписаний властей, запрещавших им делать то-то и то-то, и теперь не было уже никакого вопроса о том, чтобы их можно было взять на поруки или кассировать решение суда, с ними поступили на этот раз на основании закона, и Полю предстояло просидеть три месяца в тюрьме.

Бэнни негодовал и протестовал против такого постановления суда, и Ви боялась с ним говорить, так как для нее было совершенно ясно, что кто-нибудь должен же был обуздывать забастовщиков. Естественно, что после такого известия настроение Бэнни омрачилось. Он все время думал о своем друге, томившемся в тюрьме. Он послал Руфи пятьсот долларов, чтобы улучшить питание заключенных, но Руфь написала ему, что они от этих денег отказались и она внесла их в кассу помощи забастовщикам. "Ужасно было видеть детей, которым приходилось питаться впроголодь, — писала Руфь, — и возмутителен тот факт, что люди, в руках которых была власть, пользовались ею для того, чтобы морить с голоду слабых женщин и детей..."

Бэнни должен был начать серьезно готовиться к предстоящим экзаменам, и это была нелегкая задача, потому что, что же стала бы делать в это время Ви? Но судьба вывела их всех из затруднения: м-р Росс телеграфировал в Гарвардский университет, и оттуда прислали молодого преподавателя, который должен был подготовить к экзаменам нефтяного принца. И преподаватель спас положение.

Это был совсем еще молодой человек, высокого роста, с удивительно красивыми голубыми глазами, с мягкими, слегка волнистыми золотистыми усами, с волнистыми, белокуро-золотистыми волосами. Он носил золотые очки, говорил спокойным мягким голосом, и от всей его внешности веяло такой культурностью! Чувствовалось, что это был один из тех выдающихся умов, которые могли вложить в вас в течение одной недели целые запасы всевозможных знаний. Он был представителем одной из старинных фамилий Филадельфии, учился в самых центрах культуры, вращался среди светской молодежи, и можно было думать, что на бывшего погонщика мулов и его сына он будет смотреть сверху вниз, не говоря уже ничего про актрису кино, которая не прочла за всю свою жизнь ни единой книжки. Но на деле оказалось, что м-р Апплетон Лауренс был совершенно потрясен всем тем, что он нашел в этом укромном уголке Онтарио. Ничего в жизни не видел он более романтического и интересного. Что же касается Ви, то он не мог оторвать от нее глаз, и каждый раз, когда она к нему подходила, точно какой-то вихрь налетал на его преподавательское настроение и сметал его до основания. Разумеется, Ви не замедлила тотчас же пустить в дело свои сверкающие черные глаза, применяя к своей новой "жертве" все те приемы, которым ее обучал Томми Палей, и Бэнни в роли зрителя мог наблюдать теперь за ними с объективной точки зрения. Каждое утро Ви терпеливо ждала, чтобы м-р Лауренс и Бэнни кончали заниматься науками, после чего она отправлялась с преподавателем в лес, а Бэнни оставался сидеть над своими книгами. Но он не был углублен в чтение. Его мысли часто отрывались от отвлеченных вопросов и тоже устремлялись в лес, и он спрашивал себя, что мог он ждать от той, у которой перебивалось уже столько любовников?

Но Ви недолго оставляла его в неизвестности.

— Мой дорогой мальчик, — сказала она, — ты не будешь, надеюсь, беспокоиться по поводу моего Аппи, нет? Не правда ли?

(Тот вихрь, который сметал все преподавательское настроение с души молодого ученого, давно уже смел и всю его важность, и он был теперь уже не м-ром Апплетоном Лауренсом, но просто "Аппи".)

— Я не буду беспокоиться, если ты мне сама все расскажешь, — ответил Бэнни.

— Вот это называется быть милым-милым мальчиком! Бэнни, дорогой мой, ты пойми: я ведь актриса, и мне это необходимо для моего заработка. Я должна знать о любви все, решительно все, и узнавать это я могу только на практике. Понимаешь?

— Понимаю, дорогая...

— Многие из тех, с кем мне приходилось играть, такие чурбаны! Они могут вас довести до белого каленья. Точно не люди, а разряженные чучела. И поэтому мне приходится их учить, и мне необходимо знать, как ведут себя в тех или других

случаях настоящие джентльмены... Я хочу сказать, все эти чопорные представители светского общества... И если бы ты видел Аппи, Бэнни! Он падает на колени, на глазах его слезы, и он декламирует стихи! Он знает наизусть все, что написали о любви все поэты мира. Я никогда не видала никого в этом роде. Можно подумать, что перед вами актер шекспировских времен. И это такой подходящий случай для того, чтобы мне развить свой вкус.

— Да, дорогая. Но не жестоко ли все это по отношению к нему?

— О, пустяки! Это не доставит ему никаких особых страданий. Он прекрасно со всем этим справится и воспроизведет все свои мучения в сонетах. Он уже, кажется, начал. И кто знает, может быть, это создаст ему славу, сделает его знаменитостью! Так что ты не беспокойся о нем, милый. Ни о нем, ни обо мне. Во всем мире для меня существует один только мой ненаглядный Бэнни, а все остальное ничего более, как игра.

И, обняв его, она прибавила:

— Я знаю, что такое ревность, милый, и я ни за что на свете не причиню тебе такого горя. Но если тебе все-таки это не нравится, то ты можешь сегодня же попросить Аппи уложить свои вещи и уехать. Я ни крошки за это на тебя не рассержусь. Ни на одну минуту!

Бэнни рассмеялся.

— Я не могу его отправить, Ви: мне надо учиться.

Ви рассказала обо всем этом также и м-ру Россу, чтобы избавить его от напрасных беспокойств, и когда тот услышал о коленопреклонениях и слезах, то едва не умер от смеха. Таким образом Бэнни использует все богатства ума молодого преподавателя, а Ви — все сокровища его сердца, и когда в нем ничего больше не останется, его, как выжатый лимон, отправят обратно на родину. М-р Росс считал это вполне правильным. Недаром в своем Парадизе держал он химика, которому платил шесть тысяч долларов в год, а зарабатывал на нем миллионы.

XI

Скоро случилось еще одно событие, которое окончательно спасло Ви от перспективы соскучиться в их уединении: Шмольский прислал ей сюжет новой картины, в которой она должна была осенью выступить. И неожиданно все узнали, что любимица публики умела читать. В течение целого часа она просидела, уткнувшись в тетрадку, а потом стремительно вскочила, готовая немедленно приняться за репетицию, и все ураганы, имевшие обыкновение бушевать в провинции Онтарио, были игрушкой в сравнении с тем, который подняла теперь Ви. Прочь все преграды! Очистить дорогу для "Принцессы Пачули"!

"Принцесса Пачули" была очень популярная музыкальная комедия, которую переделали теперь для кино. "Пачули" — название одного из небольших балканских королевств, по своему характеру очень напоминавшее старую Вену, Вену штраусовских вальсов. Молодой американский инженер является туда, чтобы строить железную дорогу, его принимают за заговорщика, и ему удается освободить прелестную принцессу из рук шайки революционеров (не большевиков на этот

раз!) — группы военных аристократов, устроивших заговор в балканском королевстве, и сердце Бэнни могло биться совершенно спокойно. Разумеется, герой спасает принцессу, женится на ней, а потом получает и самое королевство: банкиры, финансирующие железную дорогу, покупают его для молодой четы.

Роль принцессы предназначалась, разумеется, Ви, и было необыкновенно интересно смотреть, как она принялась за работу. Бэнни в первый раз уяснил себе, что своим успехом она обязана была не только деньгам и своему обаянию прелестной женщины. Она вцепилась в свою роль, как какая-нибудь тигрица, вся вошла в нее, и остальной мир перестал для нее существовать. Отдельные личности были ей нужны только постольку, поскольку они могли помогать ей в ее работе. "Теперь, м-р Росс, — вы ведь король, — идите сюда!.. Нет, нет, ради бога, медленнее! Короли не ходят так быстро! А я сейчас упаду к вашим ногам и буду умолять спасти его жизнь... О, сжальтесь, сир, сжальтесь... и "опять", и "опять и опять", и "опять и опять".

Одна из особенностей игры для экрана — то, что там совершенно безразлично, что именно вы говорите. А потому эти бессмысленные "и опять и опять" служили Ви и для выражения печали, и для страстных любовных порывов, которые она изливала то на то Бэнни, то на Аппи, и для криков безумного ужаса, когда один из действующих лиц заносил над ее головой топор. Когда же кто-нибудь из ее помощников ошибался и делал не то, что от него требовалось, то взрыв негодующих слов чередовался с выражениями нежности и любви: "Радость моя! Не так! Сюда!.. Правее!.. Осел! Идиот!.. Я обожаю тебя, мое сокровище!.. О, до чего ты нелеп!.." Или потом: "Держи же меня крепче!.. Ничего не понимает! Нельзя же думать о вежливости и изящных манерах, когда вы собираетесь меня убивать!"

Если бы у Бэнни явилась необходимость изучать на практике буйные эмоции, если бы ему нужно было выучиться кричать, стонать, рвать на себе волосы, то он выбрал бы для всех этих упражнений уголок леса, где бы его никто не мог слышать, кроме птиц и зверей. Но Ви была совершенно равнодушна к присутствию человеческих существ. Такому равнодушию ее научили подмости, где постоянно толклись и фотографы, и декораторы, и плотники, работающие для дальнейших серий, и где всегда был кто-нибудь из ваших знакомых, кому удалось тайно проникнуть в это святилище, несмотря на строгое запрещение начальства. И вам приходилось упражняться при них при всех.

Когда Ви в первый раз репетировала в лесу ту сцену, где на нее замахиваются топором и она отчаянно кричит, — индейцы прибежали в страшном переполохе, а она только слегка улыбнулась и продолжала играть. И они долго стояли неподвижно и смотрели на нее с разинутыми от изумления ртами. Часто, когда она плавала со своими двумя возлюбленными в голубых водах озера, она внезапно кидалась к берегу и требовала немедленно репетировать какую-нибудь сцену, и она умела быть принцессой в купальном костюме, с ковром из душистой хвои под голыми ногами.

М-р Апплетон Лауренс ни разу еще в жизни не встречался ни с какой принцессой, но он много читал о них в исторических книгах и в поэзии, а потому считался в глазах Ви авторитетом и должен был критиковать ее походку, жесты, позы и то, как она реагировала на любовь молодого красивого американца инженера.

— Вообразите на минуту, что вы влюблены в меня, Аппи, — говорила Ви, и таким образом его чувства, все его ощущения увековечивались в искусстве, и он мог изливать перед ней всю свою душу и делать это в присутствии Бэнни, его отца и секретаря этого последнего. — У вас это выходит гораздо лучше, чем у Бэнни, — объявляла она. — Я думаю, что это оттого, что он ко мне слишком привык. Это почти так же плохо, как если бы мы были женаты.

Дни шли за днями, и постепенно Ви стала чувствовать себя совершенно "как дома" в своей новой роли. Она больше уже не задавала никаких вопросов, не останавливалась во время игры, не задумывалась над тем, что и как нужно сделать, но все это чувствовала и исполняла с изумительной правдивостью. Теперь она горела нетерпением поскорее начать настоящие репетиции и услышать Томми Паллея, властно произносящего: "Камеру!" Бэнни тоже был в достаточной мере нагружен ответами на всевозможные экзаменационные вопросы и ждал того дня, когда сможет все это выгрузить перед профессорами. М-р Росс ездил в Торонто и подписал последнюю бумагу для своей "Канадской корпорации". Он ежедневно получал телеграммы от Верна. Забастовщики, продержавшись около четырех месяцев, получили в конце концов заслуженный урок, и Федеральное нефтяное бюро написало им воззвание, советуя возвращаться к своим работам и обещая, что никто из принадлежащих к союзу не будет подвергаться за забастовку никаким притеснениям.

В один прекрасный день пароход привез телеграмму Бэнни от Аннабели: "За обедом будет молодой барашек. Приезжайте!" — что означало, что забастовка была ликвидирована. Все принялись за сборы к отъезду, и м-р Апплетон Лауренс отправился обратно в свой прекрасный Гарвард с глубокой раной в сердце и со связкой бессмертных сонетов в чемодане.

Глава шестнадцатая

УДАЧА

I

Бэнни сдал все экзамены и был теперь на последнем курсе Тихоокеанского университета. С самого первого дня его водворения в Энджел-Сити на его плечи обрушилась целая груда забот. Решительно у всех его друзей были какие-нибудь беды или напасти. Рашель и Яков Менциес по возвращении из обычной летней поездки в качестве сборщиков плодов по мексиканскому побережью нашли своих двух младших братьев в тюрьме. Полиция сделала набег на митинг коммунистов и арестовала всех ораторов, всех организаторов и всех тех, у кого в петличках были красные значки. Газеты объяснили этот набег намерением полиции выслать из города всех агентов московского правительства. Рассортировав арестованных, они на одних (на меньшинство) наложили штраф, большинство же заключили в тюрьму, в том числе и братьев Менциес, по подозрению в "криминальном синдикализме".

— Конечно, глупые мальчики сами себе все это устроили, — говорила Рашель. — Но все же это возмутительное насилие — арестовывать людей за их убеждения, и мучительно думать, что близкие вам по плоти и крови существа заперты в эти ужасные клетки!

Бэнни спросил о сумме, назначенной за поручительство, и узнал, что полагается по две тысячи долларов за каждого. Он сказал Рашели, что ему трудно будет убедить отца дать такую сумму. Сам же лично он был бессилен помочь. Рашель отвечала, что она все это прекрасно понимает и что никто не мог предполагать, чтобы его отец взял на поруки все радикальное движение. Но все эти ее слова не в силах были вернуть Бэнни его душевного спокойствия.

Потом он узнал, что колледж Гарри Сигера кончал свое существование. Бойкот погубил его, и Гарри старался продать то, что у него оставалось, и купить себе небольшой участок с ореховой рощей. "Бойкотировать орехи будет труднее, — говорил он, — там уж нельзя отличить "красных" от "белых"!"

У Дана Ирвинга с его трудовым колледжем дело тоже не ладилось. Оргия арестов перепугала всех старых лидеров рабочей партии. Занятия в колледже продолжались, но он был кругом в долгу, и стоявший во главе его уже ни копейки не получал жалованья в течение нескольких месяцев. Бэнни подписал чек на двести долларов и, простившись с Ирвингом, спрашивал себя дорогой, до какого предела он имел право тратить деньги отца на улучшение благосостояния его врагов?

От Дана Ирвинга он узнал, что Поль был выпущен из тюрьмы и жил вместе с Руфью в Энджел-Сити. С нефтяными рабочими поступили очень подло, рассказывал Дан. Нефтепромышленники обещали Нефтяному бюро, что рабочие, принадлежащие к рабочему союзу, не будут подвергаться никаким притеснениям и всем будет дана работа, а между тем они удержали у себя всех штрейкбрехеров и из бастовавших рабочих приняли только самое незначительное число — столько, сколько им было необходимо для пополнения состава штрейкбрехеров. В результате все активные члены союза остались без дела и тщетно искали себе заработка.

II

Узнав адрес Поля и Руфи, Бэнни немедленно к ним отправился. Он нашел их в маленьком домике, в той части города, которую заселяют мексиканцы и китайцы. Старая привратница указала ему на дверь, во втором этаже, но сколько он ни стучал, ему никто не открыл. Он приехал вторично и застал одну Руфь. Комната, в которой помещались брат с сестрой, была совсем крохотная, разделенная занавеской на две половины; в одной спала Руфь, в другой — Поль. У самых дверей стояла маленькая газовая печурка. Руфь была сконфужена, принимая Бэнни в такой жалкой обстановке, и поспешила сказать, что она устроилась так временно, пока Поль не найдет себе заработка. Что же касается ее, Руфи, то она сейчас работала в одном складе, а как только Поль найдет себе какое-нибудь дело, она поступит на курсы опытных сестер милосердия. Вид у Руфи был усталый и бледный, но бодрая улыбка не сходила с ее губ. Она всем была довольна и ничего не боялась, раз ее Поль был с нею.

Бэнни жаждал узнать все новости и засыпал Руфь вопросами. И прежде всего он хотел подробно узнать, за что Поль был арестован.

В первый раз дело было так. Явился в их домик в ранчо Раскома шериф с целой ватагой грубых, отвратительных личностей, которые перерыли все в комнате и взяли все бумаги и книги Поля, — они до сих пор еще у них. То же самое они проделали и в домах остальных шести человек, которые имели обыкновение приходить к Полю. Им надо было найти доказательство их "красноты". Но в чем заключалось это доказательство — осталось тайной шерифа или местного прокурора. У них было в Парадизе несколько шпионов; про одного малого определенно знали, что он шпион, а два другие исчезли, с тем, очевидно, чтобы появиться в качестве "свидетелей", когда будет разбираться дело. Все шесть приятелей Поля сидели еще в тюрьме, в этих ужасных "клетках", таких темных и грязных, где нельзя было ни читать, ни заниматься чем бы то ни было. Дело было назначено на февраль, и, по-видимому, все эти месяцы им придется просидеть в этом ужасном заключении. Поль же был на свободе благодаря десяти тысячам долларов, присланных Бэнни. Руфь не находила слов, чтобы выразить ему свою признательность.

Бэнни прервал поток ее благодарностей и просил рассказать о втором аресте. Тогда Руфь рассказала, как судья Делан напечатал постановление, запрещающее какими бы то ни было способами содействовать продолжению забастовки, ну а Поль, разумеется, этого постановления не исполнил, и судья отправил его в тюрьму. Для Поля это трехмесячное заключение было крайне тяжело. Физически он чувствовал себя очень неважно, а нравственно был очень удручен и озлоблен. В Парадиз он решил больше уже не возвращаться. Там ведь было теперь все по-другому. Говоря это, Руфь грустно улыбнулась.

— Они срубили все те прелестные деревья, которые мы там посадили, Бэнни. Им надо было очистить место для "клеток"!

Бэнни вынул свою чековую книжку. Ему хотелось успокоить хоть немножко свою совесть, сделав что-нибудь приятное своим друзьям. Но Руфь сказала, что она знает наверное, что Поль не возьмет ни копейки. Они сейчас не нуждались, и, наверное, смогут наладить свою жизнь. Поль — отличный плотник и рано или поздно найдет, конечно, такого хозяина, который не посмотрит на то, что он сидел в тюрьме. Бэнни настаивал на своем, но так и не мог заставить Руфь взять от него деньги. Она сказала, что если он оставит чек, то Поль все равно пришлет его ему обратно.

Бэнни не стал дожидаться возвращения Поля и, сославшись на неотложные дела, простился с Руфью. Его нервы не выдержали бы более долгого пребывания в обществе сестры его друга в ожидании прихода Поля. Он представлял себе его вид — усталый, измученный от всех этих тщетных поисков заработка, подавленный тяжелыми воспоминаниями той несправедливости, жертвой которой он был в течение стольких месяцев. Разумеется, Бэнни мог найти себе извинение: Поль ничего не знал о том, что он провел все лето в веселых забавах с любимицей публики, звездой кино, и Поль, конечно, поверил бы, если бы он сказал, что его отъезд был вызван нездоровьем отца. Но все это не могло изменить того факта, что вся та роскошь, в которой жил Бэнни, была приобретена на деньги, добытые

нефтяными рабочими Парадиза, и что для того, чтобы добиться еще более интенсивного притока этих денег, для того, чтобы эксплуатация рабочего труда велась еще энергичнее, — Поля посадили в тюрьму, а его товарищам предстоит пробыть там еще около года. И пока все оставалось так, Бэнни ничего не мог сделать лучшего, как только избегать встречи с Полем.

III

Деньги! Деньги! Деньги! Никогда еще не сыпались они на м-ра Росса и на Верна в таком изобилии. Никогда еще цены на нефть не были так высоки и приток этой нефти в Парадизе не был так непрерывен, так интенсивен! Миллионы следовали за миллионами, а они изыскивали все средства, чтобы увеличить эти миллионы еще в десять и больше раз. Это была игра — изумительная, увлекательная, неотразимая! Все принимали в ней участие. Отчего же Бэнни не мог ею заинтересоваться? Отчего он ничего другого не мог делать, как только разыскивать такие факты, которые свидетельствовали об отрицательной стороне как самой этой игры, так и тех, кто ее вел?

Точно сама судьба поддерживала в Бэнни такое настроение. Стоило ему сделать несколько мучительных усилий для того, чтобы начать смотреть на вещи с точки зрения своего отца и его друзей, как тотчас же случалось что-нибудь такое, что толкало его на прежнюю дорогу... Взять хотя бы вот его университетские дела. Он поступил в университет, в это почтенное, всеми уважаемое учебное заведение, желая развить себя умственно и духовно и сделать из себя настоящего джентльмена. Он подчинил свой молодой, жадный до знания ум влиянию самых ортодоксальных и уравновешенных педагогов, которые, разумеется, должны были знать, как сделать его хорошим, честным и счастливым, как научить его мудрости, достоинству и чести. Все это преподавалось всем студентам этого колоссального учреждения, которое выросло из воскресной школы методистов и в котором на преподавание закона божьего отводилось больше часов, чем для какой-нибудь другой науки.

Университет был создан на средства Пета О'Рейли, нефтяного короля. Его сын получил ученую степень, и оба они, "старый Пет" и "молодой Пет" — были богами этого учреждения. Факультеты преклонялись перед ними, и во всех тех университетских известиях, которые печатались в газетах, вы всегда могли прочесть имена обоих Петов О'Рейли — отца и сына. Сын был самым активным из всех студентов, всеобщим кумиром. На всех банкетах его чествовали и превозносили до небес. Он был патроном всех игрищ и состязаний и щедрым другом всех атлетов, а вы, конечно, знаете, если имеете хоть малейшее представление о современных американских университетах, что именно на эту сторону своего развития — на атлетику — студенты обращают особое внимание, что это единственное, чем они занимаются без принуждения и во что вкладывают всю свою душу.

Сначала вам казалось, что все было именно так, как должно было быть. Вы знали, что Тихоокеанский университет представлял собой блестящий колледж, в котором происходили великолепные состязания и одерживались громкие победы, слава о которых разносилась далеко по стране. Атлетика создавала славу вашей alma

mater, вы ею гордились, и это чувство объединяло всех студентов, было "духом колледжа". Бэнни, взявший приз на состязании в беге, был в свое время тоже одним из объектов шумных оваций, участвуя в этой игре, он чувствовал себя превосходно и очень ею увлекался.

Но вот теперь он был на старшем курсе, и его интересовала внутренняя сторона того, что происходило перед его глазами, — самая сущность дела, то самое, что интересовало его и в нефтяной "игре", и в забастовках, и в политических кампаниях. И он старался во всем этом разобраться — и что же, в конце концов, он нашел? А то, что вся та слава, которая создала университет: его атлетика, в действительности ему не принадлежала. Она была украдена, и вором был "молодой Пет" О'Рейли. Сын нефтяного короля основал специальный капитал, дающий пятьдесят тысяч долларов на то, чтобы превратить состязания университетских атлетов в сплошное мошенничество. Эти пятьдесят тысяч долларов находились в распоряжении тайного комитета, членами которого состояли и настоящие и бывшие студенты, и на эти деньги нанимались профессиональные атлеты. Вымышленные имена этих атлетов вносились в студенческие списки, и вся эта молодежь, горластые парни — грузовщики, ломовики, дровосеки и тому подобные типы, не умевшие правильно сказать двух фраз по-английски, побивали в рукопашном бою своих соперников и содействовали громкой славе университета. И набожные методисты, стоявшие во главе учреждения, принимали в этом активное участие, допуская молодых парней к фиктивным экзаменам, прекрасно зная, что каждый профессор, который вздумал бы протестовать против такого положения вещей, был бы вынужден немедленно искать себе место в другом каком-нибудь университете. "Молодой Пет" достаточно ясно выявлял свое отношение к наукам, платя какому-нибудь здоровенному возчику, победителю на футбольном состязании, втрое больше того, что получал самый знающий профессор.

И, разумеется, все эти атлеты, которые нанимались для того, чтобы выигрывать, чтобы побеждать, абсолютно не считались ни с какими правилами "игры". В результате получилась какая-то непристойная "неразбериха", полная фальши, подкупных обвинений и контробвинений, настоящая атмосфера уголовного процесса. В этой атмосфере действовали "приспешники" всех тайных профессий — люди "дна", продавцы запрещенного виски, шулера и проститутки. Для всех этих наемных гладиаторов ученье являлось совершенно лишним занятием, и таким же сделалось оно постепенно и для большинства студентов. Главной их целью было выиграть игру, победить противника в состязании и получить за это полагающуюся награду. Вот какой результат дало решение нефтяного короля "сфабриковать" культуру тем самым способом, каким он сфабриковал все свои нефтяные предприятия!

IV

Бэнни отправился к тому молодому адвокату, которому союз нефтяных рабочих поручил защиту восьми политических заключенных. Самый союз на практике перестал уже существовать, и молодой юрист недоумевал, спрашивая себя, кто же

заплатит ему за его хлопоты. Визит Бэнни его очень успокоил, так как он был уверен, что молодой нефтяной принц не откажется пожертвовать некоторую сумму денег в защиту своих друзей. Или, может быть, он был командирован в качестве разведчика противной стороны.

Молодой м-р Гарингтон принялся тотчас же развязно излагать свое мнение об этом деле. То, как правительство поступило с этими восемью рабочими, не имело прецедентов во всей истории всех наших законов, и если бы это могло повториться, то это значило бы, что американскому правосудию настал конец. Предполагается, что каждый заключенный знает сущность наводимого на него обвинения, то есть того злодеяния, которое он совершил. Но во всех этих случаях "криминального синдикализма" представители обвинения ссылаются на нарушение закона лишь в общих, крайне неопределенных выражениях. И больше ничего. Какую же защиту вы можете готовить в таком случае? Каких свидетелей вы можете вызывать, если вам не известно ни время, ни место "преступления", ни что именно сделал, написал или сказал обвиняемый? Вы являетесь в суд с завязанными глазами, связанным по рукам и ногам. И настолько судьи были терроризированы всеми этими крупными промышленниками, что ни один из них не отдал приказа местному прокурору произвести более подробное расследование этих обвинений... Так говорил адвокат, и Бэнни, придя в полное отчаяние, решился предпринять некрасивый поступок по отношению к Вернону Роскэ: отправиться к Аннабели Эмс. Аннабель была добра и мягкосердечна, и он сумеет ее растрогать, и, может быть, этим путем ему удастся подействовать и на толстокожего нефтяного магната.

И он поехал и сказал ей все, что знал об этих несчастных юных заключенных, о том, во что они верили, что делали и как страдали в темной, зловонной тюрьме. Аннабель слушала его, и слезы навернулись у нее на глаза, и она сказала, что "это ужасно, ужасно", что она не представляет себе, чтобы люди могли быть до такой степени жестоки. Но что могла она сделать? Тогда Бэнни сказал ей, что так как забастовка была давно ликвидирована, то Верну надо было теперь все это дело прекратить. Если же он будет говорить, что в данном случае он бессилён, что теперь это уже дело суда, то это неправда, так как местный прокурор имел всегда право ходатайствовать о прекращении дела, и если бы Верн сказал ему слово — он, безусловно, это сделал бы.

Вскоре Бэнни узнал, что его план подействовать на толстокожего нефтяного магната до известной степени удался. Верн был в его отсутствие у его отца, и м-р Росс никогда еще не видел его в таком состоянии. Он кричал, ругался, неистовствовал. Как смел Бэнни явиться в его дом и стараться нарушить мир в его семье? Если Росс до такой степени распустил своего сына, то он, Верн, сумеет его подтянуть... Так кричал Верн.

Бэнни поинтересовался узнать, что подразумевал магнат под этими словами? Не собирался ли он его побить или засадить в тюрьму вместе с теми, кто там уже сидел?

Бэнни решил твердо держаться намеченного плана — он имел полное право говорить с Аннабель, она была взрослой женщиной, и Верн никаким способом не мог ему этого запретить. Он сожалел, что всем этим огорчал отца, но вынужден был сказать, что в том случае, если дело это не будет прекращено и будет разбираться в суде, то он, Бэнни Росс, выступит в качестве свидетеля всех восьми обвиняемых, и

его показания будут первостепенной важности. Он проводил в домике ранчо Раскома все вечера, слушал все их разговоры о забастовке, знал их отношение к ней — и он может засвидетельствовать, что все они, как один человек, стояли за солидарность, за сплоченность рабочих, как за единственный верный путь к победе, а на все акты насилия смотрели как на западню, в которую нефтепромышленники будут стараться их заманить. И если не будет возможности добыть необходимых для защиты денег другим путем, то он продаст автомобиль, который подарил ему отец.

— Надеюсь, Верн не скажет, что он имеет право не позволять мне ходить в университет пешком!

Бедный м-р Росс! Он не мог выдержать долго такого тона в устах своего ненаглядного сына и признался ему, что он и Верн уже обсуждали вопрос о возможности компромисса с бунтарями. Может быть, они дадут согласие уехать из этой местности или во всяком случае бросить работать в нефтяной промышленности? Но на это Бэнни ответил, что если Верн имеет намерение сделать им такое предложение, то пусть делает его сам. Бэнни отлично знал, что ответит на это Поль. Поль имел право стараться организовать нефтяных рабочих, и он никогда от этого права не откажется. И все остальные — Бэнни был в этом уверен — ответят в один голос, что они лучше останутся в тюрьме до конца своих дней, чем согласятся на такой компромисс.

Проговорив это очень торжественным тоном, молодой идеалист, который постепенно и болезненно превращался в умудренного жизненным опытом человека, прибавил, что, в сущности, ни один из этих восьми человек ничем не мог бы беспокоить в дальнейшем м-ра Роскэ. Его система выдачи "волчьего" паспорта была достаточным ручательством в том, что им не удастся найти работы ни в каком нефтяном предприятии; всякая же организация, которую им удалось бы создать, представляла бы собой, разумеется, нечто в высшей степени жалкое. С другой стороны, Верн должен был отдать себе отчет в том, что если он будет продолжать настаивать на своем, желая довести это дело до суда, то этот судебный процесс очень затянется и получит такую огласку, которая многим нефтепромышленникам будет не по нутру. Конечно, свидетельские показания будут стараться поставить в очень тесные рамки, но он, Бэнни, со своей стороны сделает все возможное, чтобы предать их самой широкой гласности и познакомить публику со всеми фактами. А что, если защитник обвиняемых найдет нужным привлечь к делу самого м-ра Верна Роскэ и спросит его, что он знает по поводу организации шпионажа среди рабочих Парадиза?

— О, Бэнни, — воскликнул м-р Росс, — ты не позволишь себе прибегнуть к такой гнусности!

— Разумеется, я сам этого не сделаю, — отвечал Бэнни. — Я сказал только, что к этому может прибегнуть защитник. Скажи, разве ты сам этого не сделал бы, если бы был на его месте?

М-ру Россу было очень не по себе, и он сказал, чтобы Бэнни ничего пока не предпринимал, что он все обдумает и опять поговорит с Верном.

В результате всех этих переговоров м-р Росс обратился к Ви.

Не могла ли бы она снова повлиять на Бэнни в том смысле, чтобы удерживать его от его дальнейшей дружбы с этими ужасными "красными". Ни о чем другом он теперь абсолютно не думал. Ви сказала, что она постарается, и сдержала свое обещание. Но это только придало их отношениям известную долю натянутости, так как Бэнни начал теперь ясно понимать, что именно ему было нужно, и не желал, чтобы его от этого удерживали.

Ви энергично работала над "Принцессой Пачули". По содержанию это была очень слабая вещь, и Ви это сознавала, но все ее мысли были сосредоточены на том, чтобы сделать изображаемый ею образ как можно более живым и реальным. Если бы вы спросили ее, для чего это было нужно, то она ответила бы, что этого требовала ее профессия, что в переводе означало, что она получала за это четыре тысячи долларов в неделю с перспективой получать по пять тысяч долларов в неделю, "если будет сделано хорошо". Но для чего, в сущности, ей были нужны эти пять тысяч долларов в неделю? Для того, чтобы купить себе на них еще больше аплодисментов и поклонений и этим путем добиться еще большего количества долларов в неделю? Это был какой-то заколдованный круг. Точь-в-точь то же, что было и со скважинами м-ра Росса. У "красных" была песня: "Мы идем на работу. Работа даст нам денег. На них мы купим себе пищу. Пища даст нам силы. Силы для работы. Работа даст нам денег. На них мы купим себе пищу. Пища даст нам силы, силы для работы. Работа даст нам денег..." И так далее. До бесконечности. Пока у вас хватало духу.

Ви желала постоянно говорить о своей картине, о новых задачах, которые она себе поставила, о всех участвовавших в картине артистах, об их соперничестве, ревности, тщеславии, об их симпатиях и ненависти. Бэнни, который ее любил, делал вид, — для того, чтобы ее не обидеть, — что все это его интересует, но, в сущности, все это было до такой степени "все то же самое", избитое, скучное. Никто не проявлял ничего мало-мальски оригинального, все следовали только моде, а мода эта так быстро менялась. Сегодня публика требовала картин исключительно только из военной жизни и не смотрела ни на какие другие; завтра ей нужны будут одни только светские сюжеты; еще через день — опять одни только военные. Друзья Ви постоянно меняли своих поставщиков запрещенных вин, но пили все ту же отвратительную смесь. И так же часто все они меняли своих любовниц и любовников. Сегодня такой-то спал с одной женщиной, завтра — с другой, и чем больше их менялось, тем более все это оставалось все тем же самым.

Бэнни и Ви любили друг друга по-прежнему страстно. По крайней мере они это себе говорили. На самом же деле в их чувстве происходил незаметный, но непрерывный "химический процесс". Дело в том, что мужчина и женщина не могут удовлетворяться одними только чувственными утехами. Мужчины и женщины, кроме тела, обладают еще и духом, и эти духовные стороны требуют известной гармонии идей. И как они могут продолжать любить друг друга с прежней страстностью, чувствуя себя в то же время духовно далекими? Мужчины и женщины представляют собой "характеры", из этих характеров вытекают поступки — и что бывает, когда характеры ведут к несходным поступкам? Что произойдет, если мужчина будет всегда стремиться читать, а женщина — танцевать?

Ви, проводя время со своим обожаемым Аппи, так заботливо, так тщательно старалась оберегать Бэнни от ревности. А вот теперь Бэнни убеждался в том, что настала его очередь заботиться о том, чтобы не возбуждать чувства ревности у Ви. У Ви было два врага среди женщин, и Бэнни упорно продолжал оставаться с ними в близких отношениях. Одна из них, приверженка социализма, была подругой Бэнни по курсу, и естественно, что он не мог не встречаться с ней в университете. Но вопрос был в том, назначал ли он ей свидания на митингах социалистов? Ви готова была поверить, что он не был влюблен в такую неинтересную вульгарную маленькую евреечку, но что будет, если Ви захочет ехать в театр в тот вечер, когда будет назначена какая-нибудь лекция социалистов? А потом — эта Руфь Аткинс. Разумеется, Бэнни вряд ли влюбился бы в некультурную деревенскую девушку, без всякого образования, но, как бы то ни было, она старательно расставляла ему ловушки, а Ви достаточно хорошо знала людей, чтобы не сомневаться в том, что женщина в конце концов всегда добьется того, чего она хочет, если она будет добиваться упорно.

VI

М-ру Россу и Верну предстояло иметь целый ряд совещаний с Петом О'Рейли — совещаний, касавшихся новых договоров, которые они намеревались заключить, и м-р Росс получил приглашение провести несколько дней в роскошном загородном доме нефтепромышленника. Приглашен был также и Бэнни, и отец сказал, что ехать ему необходимо. М-р Росс не переставал в душе лелеять надежду, что в этом "большом свете", который всегда так импонирующе действовал на него самого, кто-нибудь произведет впечатление и на его разборчивого сына, и, сказав Бэнни о необходимости принять приглашение, он прибавил с улыбкой:

— Не забудь, что у О'Рейли — дочь невеста.

Бэнни встречал "молодого Пета" в университете. Так же, как и он, Бэнни, "молодой Пет" должен был вести впоследствии дело своего отца, и кто знает — может, им придется когда-нибудь вместе отстаивать интересы нефтяной промышленности, подобно тому как это делали теперь их отцы. "Молодой Пет" был вполне бесцветной личностью, представляя в этом отношении полную противоположность своему отцу, старому ирландцу, который начал свою карьеру простым каменщиком и любил рассказывать о той тяжелой борьбе за существование, какую ему пришлось вести вплоть до очень зрелого возраста. А теперь никто не мог подсчитать его миллионов. Но он продолжал оставаться простым, добродушным и нетребовательным, и самым большим его удовольствием было бы попеть на солнце в одной рубашке, как это он делал в дни своей молодости. Но теперь это ему строго воспрещалось.

Главой семьи была м-с Пет, которая была преисполнена сознания важности того положения, какое она занимала в калифорнийском обществе. Это была массивная, решительного вида особа. Всякий раз, когда она отправлялась за покупками в какой-нибудь магазин, она торжественно заявляла заведующему: "Я — м-с Петер О'Рейли.

Прошу меня не задерживать". Заведующий немедленно делал знак приказчикам, и они со всех ног кидались исполнять приказания знатной леди.

М-с Пет сама руководила работами архитекторов, возводивших в ее громадном парке роскошный дом — настоящий королевский дворец. Весь парк, по ее желанию, был окружен массивной бронзовой оградой, и на всех бронзовых калитках были крупными буквами выгравированы имена владельцев. Она приобрела яхту одного из низложенных монархов Европы и, велев уничтожить всю прежнюю обстановку, расставила повсюду ореховую мебель, обитую ярким голубым атласом, и на всех самых видных местах велела прибить дощечки из желтой меди с именами владельцев яхты.

Приезд м-ра Росса с сыном давал м-с Пет случай проявить свою "светскость". Она подала им руку, подняв ее при этом очень высоко, и сделала несколько замечаний по поводу рано наступившей холодной погоды и по поводу снега, выпавшего на горах. Потом познакомила их с Патрицией и наблюдала за тем, как ее дочь принимает позы, преподанные ей ее учителем, причем Бэнни едва удержался, чтобы по привычке не воскликнуть: "Камеру!" Мисс Патриция О'Рейли была такая же высокая, как ее мать, и выказывала большую склонность к толщине. В предупреждение такой неприятности она принимала разные лекарства, которые придавали ей бледный и аристократический вид. Она изучала каждое движение и каждую позу так старательно, что производила впечатление большой французской куклы, и Бэнни с интересом за ней наблюдал, в то время как ее мать смотрела на них с сияющей улыбкой на лице, мечтая о союзе между этими представителями двух великих династий. Она уже видела перед собой торжественный обряд бракосочетания, пятидесятитысячную толпу, окружавшую церковь, и все первые страницы газет, украшенные снимками пышной церемонии и портретами новобрачных.

Были там и другие гости, и в числе их д-р Алонзо Коопер. Трудно было бы представить себе человека более изысканно любезного. Это было олицетворение приветливости. Он был в восхищении от того, что Бэнни успешно сдал все экзамены, в восторге, что ему удалось исполнить просьбу м-ра Росса, и еще в большем восторге от того, что м-р Росс был доволен успехами своего сына. Оставшись наедине с Россами, он позволил себе сделать несколько шутливых замечаний по поводу "красной кори" Бэнни и пришел в большое волнение, узнав, что больной все еще не поправился. Потом он воспользовался случаем, чтобы спросить молодого человека — правда ли, что "красные" пользовались в Энджел-Сити все большим и большим влиянием? Д-р Коопер говорил обо всех этих шокирующих его доктринах с таким видом, с каким маленькие мальчики говорят о книжках, которые им запрещают читать.

Бэнни не присутствовал при беседе "старого Пета" и своего отца, но на обратном пути м-р Росс рассказал ему обо всем подробно.

Им приходилось переживать сейчас дьявольски трудное время. Купить правительство оказывалось не такто просто, как они думали раньше. Все решительно желали получить свою долю "заработка". Дело дошло до того, что даже простые мальчишки-рассыльные, приносившие вам из правительственных учреждений письма, касавшиеся этого вопроса, желали получить от вас десять

долларов. Бэнни воспользовался этим случаем для того, чтобы снова попробовать убедить отца бросить это дело: неужели им все еще было мало тех денег, которые они теперь имели? Но отец ответил, что теперь они зашли уж так далеко, что это было невозможно. Лично ему это стоило уже шестьсот тысяч долларов золотом, и это делало ему больно. Нет, нет, они должны довести все это до конца, и только когда они получают на руки договоры — только тогда они успокоятся...

В данное же время трудности были двух родов: резервные земли морского ведомства находились под контролем Морского департамента, и было необходимо прежде всего передать их в ведение государственного секретаря Крисби. При этом возникал вопрос — может ли это быть сделано путем исполнительного декрета, или же это должно было быть представлено на утверждение конгрессу? Все должностные лица страшно затягивали это дело, и все это только для того, чтобы выманить у вас больше денег. На днях "старый Пет" командировал своего сына в Вашингтон в качестве главного казначея. Вторая трудность состояла в том, что одна маленькая нефтяная компания захватила в свои руки Сеннисайдский участок — тот самый, который облюбовали себе Верн и м-р Росс, и начала там буровые работы, пользуясь старым договором. Эту компанию, несомненно, надо было оттуда удалить, но делать это следовало очень осторожно и тихо. Верн хотел, чтобы отец Бэнни туда отправился и позондировал почву. Может быть, он съездит туда с Бэнни? Сеннисайд представлял собой совершенное чудо по качеству заключавшихся в нем нефтяных пластов, он в этом отношении превосходил во много раз Парадиз. И вот когда они доберутся до него и сделаются его хозяевами, вот тогда м-р Росс сможет наконец позволить себе как следует отдохнуть...

VII

Бэнни потребовали к телефону. Звонили из междугородной станции. Говорила сестра милосердия из одного из соседних городов. Оказалось, что его сестра, Берти, лежала в больнице и просила брата к ней приехать. Опасного ничего ровно не было, поэтому она ничего своим не писала, а теперь просила брата приехать с ней повидаться, но при условии, чтобы он никому из домашних ни слова об этом не говорил.

Разумеется, Бэнни тотчас же вскочил в свой автомобиль и помчался. Последнее время Берти гостила у Норманов, и больница, в которой она лежала, была не очень далеко от их имения.

Когда Бэнни приехал туда, больничная прислуга сказала ему, что Берти была сделана операция аппендицита и что теперь все было хорошо. Его провели к ней в комнату. Она лежала очень бледная, на белоснежной кровати, в белом кружевном капоте. Бэнни в первую минуту она показалась совсем не похожей на прежнюю Берти, так изменило ее отсутствие красок на ее всегда оживленном, а теперь таком усталом лице. Она трогательно обрадовалась брату.

— Вот тебе на, Берти! Как это могло случиться?

— Совсем неожиданно. Было очень скверно вначале. Но теперь все хорошо. Все были так добры ко мне.

Берти замолчала, видимо, ожидая, чтобы сиделка оставила их одних. Когда та ушла и закрыла за собой дверь, она подняла на брата свои усталые глаза и сказала:

— Мы это называем аппендицитом, потому что это так условлено, и ты так и скажешь отцу и тете Эмме. Но тебе я скажу правду — я была в таком положении...

— Боже мой! — в ужасе воскликнул Бэнни.

— Совершенно нечего так выходить из себя — ты ведь не цыпленок, только что вылупившийся из яйца.

— Но кто же он?

— Ну пожалуйста, без мелодрамы! Ты прекрасно знаешь, что это всегда может случиться.

— Да, но все-таки кто это, Берти?

— Пожалуйста, выслушай, что я тебе сейчас скажу... Я хочу, чтобы ты сразу уяснил себе самую суть: он не виноват. Я сделала это нарочно.

Бэнни не нашелся сразу что ответить.

— Расскажи мне все, Берти, — сказал он.

— Скажу для того, чтобы ты знал, как себя вести. Мне не нужно никаких заступников. Я прекрасно знала, что я делала, и я не соглашусь теперь выйти за него замуж, ни за какие его миллионы, потому что он глупый желтый щенок, и я могу его только презирать...

— Это Чарли Норман? Да?

Она утвердительно кивнула головой и, увидав, что Бэнни судорожно сжал свои кулаки, сказала:

— Тебе не придется совершать никаких геройских поступков. Не может быть никакого вопроса о принудительной женитьбе, раз я этого не желаю.

— Но расскажи же мне, Берти, все толком.

— Ну вот, слушай. Одно время мы были безумно влюблены друг в друга, и я думала, что он на мне женится. Но потом я увидела, что он не хотел бросить ради меня других своих любовниц, и я подумала, что, может быть, если у меня будет ребенок, то тогда он на мне женится. И я попробовала...

— Господи боже мой, Берти!

— Пожалуйста, не нервничай. Тысячи женщин это делают — это одна из наших хитростей. Но Чарли — форменная дрянь. Когда я ему сказала, он отнесся к этому так возмутительно, что я послала его к черту. Потом я узнала имя доктора, который делает подобного рода операции, и отцу придется уплатить тысячу долларов на покрытие всех расходов. Только и всего.

— Берти, — прошептал он, — для чего, зачем ты это делала? Понять не могу...

— Не беспокойся. Больше, конечно, я этого уж никогда не сделаю. Это один из житейских опытов, но повторять его я не намерена.

— Но для чего, для чего тебе нужно было прибегать к такому опыту? Чтобы поймать богатого жениха? Заставить богатого мальчика на себе жениться? Но разве отец дает тебе мало денег.

— Да, тебе хорошо так рассуждать, Бэнни. Тебе ничего другого не нужно, как сидеть в углу и читать книжки. Но я — не ты. Я хочу жить. Отец дает мне карманные деньги на тряпки, но это не то, что мне нужно. Мне нужно сделать карьеру. И ты, пожалуйста, не смотри так на меня и не читай мне нотаций, потому что я сейчас

слаба, как какой-нибудь котенок. Я не могу выносить сейчас никаких упреков... понимаешь? Да... ну, так вот... Мне нужно, чтобы у меня был свой дом, но не какой-нибудь маленький бунгало. Я хочу, чтобы у меня был дом, в котором я могла бы принимать гостей, много гостей, понимаешь? Чтобы я могла проявить свой талант как хозяйка дома... Ну вот. А теперь я больше не могу говорить... Я так устала... И я хочу, чтобы сейчас кто-нибудь хоть минутку был со мной ласков и не читал мне нотации... Пожалей меня... если только ты на это способен...

Слезы навернулись у нее на глазах, и Бэнни поспешил ее успокоить.

— Хорошо, хорошо, глупенькая девочка! Я больше не буду читать тебе нотаций. Я теперь понял. Но в первую минуту я, естественно, был поражен...

— Совершенно нечему было поражаться. Доктор говорил мне, что таких случаев в Соединенных Штатах бывает в год — миллион. Я как-то рассчитала: это значит по случаю через каждые тридцать секунд! Да, жизнь — ужасная путаница! Поговорим о чем-нибудь другом.

Время было как нельзя более подходящее для откровенных излияний. Берти хотелось узнать все про брата и Ви. Не собирается он на ней жениться? Нет? Бэнни ответил, что не знает, захочет ли она? Берти рассмеялась: разумеется, захочет. Она с самого начала умно повела игру. Но на это Бэнни рассказал ей, как часто он сердил ее, и когда Берти узнала причину, она прочла ему целую проповедь. И опять она сделалась прежней Берти, верящей в деньги и в то, что на эти деньги покупается. И она говорила о Ви только с этой точки зрения. Разумеется, для него было бы спокойнее и лучше, если бы он женился на какой-нибудь леди, а не на актрисе, но, как бы там ни было, у Ви много здравого смысла, и он мог бы попасться в лапы гораздо худшей женщины. И было бы чересчур нелепо портить свое счастье ради каких-то глупых большевистских идей! И он никогда этого, конечно, не сделает...

Потом она хотела, чтобы он рассказал ей о делах отца, о Вашингтоне. Правда, что отец затеял настоящую борьбу с вашингтонской администрацией? Бэнни отвечал утвердительно, и Берти сообщила ему свой план.

— Я о многом-многом думала, лежа здесь это время, и знаешь, что я решила? Вернуться снова к Элдону Бердику. Он, конечно, порядочный дуралей, но вы по крайней мере всегда знаете, где его найти, а это уже большая добродетель с моей теперешней точки зрения.

— Но как же? Ты ему об этом скажешь? — с недоумением спросил Бэнни.

— Конечно, нет! Зачем? Он тоже, наверное, делал немало ошибок в своей жизни, а разве он о них объявляет? Он знает про мои отношения с Чарли, но я думаю, что он все еще меня любит. И мне кажется, что я могла бы сделать ему карьеру. Попрошу отца и Верна нажать на некоторые пружины и достать для него какой-нибудь хороший дипломатический пост. Мне кажется, что мне очень понравилось бы жить в Париже. Там можно встретить всех самых важных и нужных для нас людей. Эддон говорил мне, что мы теперь возьмем на себя заботу об Европе, и я уверена, что он как раз такой человек, какой им будет нужен. Что ты на это скажешь?

— Если ты действительно этого хочешь, то я думаю, что это тебе удастся. Но не очень-то обрадуется Эддон такому шуруину.

— Ну, ты, конечно, будешь паинькой-мальчиком, — сказала Берти беззаботным тоном. — У тебя скоро все это пройдет, я уверена. Это было только пустяшное недомогание — ничего больше.

VIII

Морской департамент удалил ту маленькую компанию, которая начала было буровые работы на Сеннисайдском участке, принадлежащем морскому ведомству, для чего командировал туда нескольких матросов. Это в свою очередь не замедлило возбудить очень нежелательные для Верна и м-ра Росса любопытство и толки. И Верн поспешил отправить туда специального человека для того, чтобы уладить вопрос с газетными корреспондентами, а "молодой Пет" опять был на своем наблюдательном посту в Вашингтоне и улаживал дела там. В результате в газетах начали появляться статьи, в которых говорилось о том, что у Морского департамента была масса хлопот в связи с тем, что некая нефтяная компания, владевшая участками, смежными с резервными землями морского ведомства, бурила на этом участке нефтяные скважины и таким путем выкачивала нефть и из земли, принадлежащей морскому ведомству. Это, разумеется, могло принести громадные убытки правительству, и власти считают необходимым перевести эти резервы земли в ведение Департамента внутренних дел, который и будет отдавать их разрабатывать, заключая договоры на выгодных для правительства условиях.

Бэнни не надо было спрашивать у отца объяснения такой пропаганды, он был в курсе дела и только недоумевал, каким образом могли допускаться вещи подобного рода? Неужели же никто не мог сообразить, что морское ведомство имело массу возможностей своей собственной властью уладить это дело, не прибегая для этого к министерству внутренних дел? Но нет! Стоявшие во главе правительства заботились не о морском ведомстве, но о Верне и м-ре Россе. Когда эти нефтепромышленники покупали республиканское собрание, они одновременно купили и всю административную машину, включая сюда и прессу. Этим объяснялось, почему эта последняя, получив еще новую "смазку" в Вашингтоне, так энергично заботилась о том, чтобы как можно лучше сохранить драгоценную нефть морского ведомства, передав ее с этой целью в ведение министерства внутренних дел.

В один прекрасный день к телефону позвали Бэнни. Дан Ирвинг просил его отправиться куда-нибудь вместе позавтракать.

— Ну, мой рабочий колледж приказал долго жить. Кончено! — было его первыми словами. Потом он объяснил, что было бы бесполезной тратой времени стараться поддерживать существование такой антрепризы, до тех пор пока у власти находились теперешние лидеры рабочей партии. Они не желали, чтобы рабочая молодежь получала образование, так как, разумеется, в этом случае им было бы труднее их контролировать. Неделю назад был совершен на его колледж набег, и было увезено почти все, что там еще оставалось, за исключением только долгов. Дан решил уплатить за казенные вещи своими сбережениями и окончательно ликвидировать это предприятие.

— Что же вы будете теперь делать? — спросил Бэнни, и Дан ответил, что он поместил публикации в одном маленьком издательстве объявлений в Чикаго, которое существовало на средства кучки радикалов, и получил уже несколько предложений и между прочим одно из Вашингтона, которое ему очень улыбалось. Ему предлагали за пятнадцать долларов в неделю работать в Вашингтоне в качестве корреспондента радикальной партии, содержащей это издательство.

— На эти деньги я вполне смогу существовать, и это, безусловно, очень интересное дело.

Бэнни пришел в восторг.

— Да, вот это действительно хорошо! Очень не мешало выкурить оттуда всех этих мошенников, очистить атмосферу.

— Именно. Между прочим, я по этому-то поводу главным образом и хотел с вами повидаться. Как раз на днях мне попались на глаза договоры на нефтяные участки, принадлежащие морскому ведомству. Они показались мне крайне подозрительными. Если только моя догадка правильна, то за всем этим скрываются Верн Роскэ и Пет О'Рейли, а все, к чему притрагиваются их руки, оказывается потом замаранным.

— Да, это, кажется, правда, — ответил Бэнни, стараясь не показать, что голос его плохо слушается.

— В Вашингтоне ходят разные слухи по поводу того, каким образом Крибси получил место государственного секретаря. По-видимому, все это было оговорено еще до того, как Гардинг был выбран президентом. Генерал Вуд говорил, что если бы он согласился на это условие, то пост президента был бы предложен ему, а не Гардингу. Но он отказался.

— Неужели?! — воскликнул Бэнни.

— Разумеется, это все только слухи, но я во всяком случае решил докопаться до истины. И вот когда я обо всем этом думал, я вспомнил, что Роскэ — компаньон вашего отца, и я сказал себе, что будет подло с моей стороны, если я... Ну, вы понимаете, что я хочу сказать, Бэнни? Ваш отец был так добр ко мне, и вы помогли колледжу деньгами.

— Я, конечно, понимаю, — сказал Бэнни, — но вам не надо об этом беспокоиться, Дан. Делайте свое дело и поступайте так, как сочтете нужным, как если бы мы вас совсем не знали.

— Это очень благородно с вашей стороны. Теперь вот что еще. Для того чтобы впоследствии не вышло бы какого-нибудь недоразумения, я хотел бы теперь же определенно выяснить, что от вас я никогда не слышал ни малейшего намека по этому поводу. У меня очень хорошая память, и я положительно заявляю, что вы никогда ни словом не намекали об этом в моем присутствии.

— Вы совершенно правы, Дан.

— Вы никогда не говорили со мной ни о каких делах вашего отца, за исключением забастовки. И равным образом вы никогда не говорили со мной ни о Роскэ, ни об О'Рейли.

— Конечно, никогда, Дан. Да и кому в голову придет об этом спрашивать?

— Будут спрашивать, Бэнни, безусловно. Ничто не убедит Роскэ и О'Рейли в том, что не вы мне об этом сказали. Я думаю, что и ваш отец тоже будет в этом уверен.

Потому-то я и хотел выяснить все это теперь с вами, чтобы быть уверенным, что вы-то лично знаете, что ничего бесчестного я не сделал.

Бэнни протянул ему руку и ничем не выдал своего волнения. Он заставил себя спокойно кончить завтрак, написал чек, который должен был покрыть часть долгов рабочего колледжа, и сердечно простился со своим другом. Потом он вскочил в свой автомобиль и только тут позволил себе быть таким, каким себя чувствовал — глубоко несчастным.

Он решил, что его долг — рассказать отцу о его разговоре. Это не могло бы повредить Дану Ирвингу, а его отца могло бы, по всем вероятностям, удержать в стороне от всей этой передряги. Но когда м-р Росс вернулся в этот вечер домой, Бэнни не успел сказать ему ни единого слова.

— Ну, сынок, — воскликнул м-р Росс, входя в комнату, — договоры в наших руках!

— Что ты говоришь, папочка?!

— Да! Они одобрены, и Верн помчался сегодня в Вашингтон. На следующей неделе они будут подписаны, и мы с тобой чем-нибудь это отпразднуем.

IX

Джой и Икей Менциес были теперь на свободе. Их товарищи, члены рабочей партии, сделали складчину и взяли их на поруки. Приближалось время судебного разбирательства дела. Власти поставили себе задачей представить эту организацию как коммунистическую, действующую под флагом законности, но руководимую директивами из Москвы. Цель ее — поддерживать идею насильственного свержения капиталистического строя и утверждения диктатуры пролетариата по образцу России. Что же касается обвиняемых, то они продолжали утверждать, что они были заняты организацией вполне легальной рабочей политической партии и что их отношение к насилию было исключительно только оборонительное. Они считали, что капиталисты никогда не отдадут свою власть добровольно, и о насилии думали только они, намереваясь свергнуть конституцию. Рабочие же организовались исключительно только с целью самозащиты.

Все это должно было выясниться на суде, а пока что двое братьев Менциесов были на свободе, и их партия устроила в честь их пирушку, о которой в газетах не замедлили прокричать как о "неслыханной оргии ликующих красных революционеров".

X

М-ра Росса не очень беспокоило известие, привезенное Бэнни, о том, что Дан Ирвинг напал в Вашингтоне на след Вернона Роскэ. Разумеется, будут ходить разные сплетни по поводу договоров; всегда найдутся типы, желающие возбудить волнение и недовольство, но каждый здравомыслящий человек, конечно, поймет, что это все вопрос политики. Это было самой крупной удачей м-ра Росса за всю его жизнь. И его

и Верна. Теперь они ее используют. Они немедленно начнут буровые работы и будут выкачивать нефть и ни на что другое не будут обращать внимания. В этой игре надо иметь толстую кожу, подобную коже носорога. И очень обидно, что Бэнни до сих пор не сумел еще ее нарастить. Обидно тоже, что такой хороший мальчик, как этот "профессор", не мог найти для себя ничего лучшего, как собирать для радикалов разные сплетни и подкапываться под Верна Роскэ.

Для разработки этого (самого большого) нефтяного поля во всей Америке организовалась целая грандиозная компания, м-р Росс был одним из пайщиков и занимал должность вице-председателя, с жалованьем в сто тысяч долларов в год за то, что он взял на себя высшее наблюдение за процессом разработки. Но он сказал Бэнни, что на этот раз не будет утомлять себя, как прежде: он успел за это время "натаскать" на это дело несколько молодых своих помощников, и на его обязанности будет только давать им те или иные указания. Это было совершенно из ряда вон выходящая удача, и надо было ее использовать самым тщательным образом, работая интенсивнее, чем когда-либо.

Верн прислал телеграмму. Договоры были подписаны. Бэнни устроил свои дела в университете, и у него оказалась целая неделя свободной. На такие льготы всегда мог рассчитывать серьезный студент старшего курса, особенно когда его отец мог при желании пожертвовать кругленькую сумму университету на учреждение кафедры по нефтяной химии. И они отправились в Сеннисайд.

Сеннисайд находился в отдаленной части Штатов и был известен своими обширными пастбищами, редким населением и отвратительными дорогами. Остановившись в простой деревенской гостинице, они изъездили всю местность частью в автомобиле и частью верхом. Туда же приехали и геологи м-ра Росса, и инженеры, и управляющие. Они все сообща обсуждали, где что надлежало устроить, в какой части начать буровые работы, где будут проведены дороги, где — обсадные трубы, где — нефтеперегонный завод, и даже распланировали целый город и наметили на плане главную улицу, кино, магазины. Заработали телеграфные проволоки, телефоны. На следующей неделе начинались работы, а к этому времени должны были быть готовы и забетонированы все дороги.

Глава семнадцатая

СКАНДАЛ

I

Всю эту осень и зиму перепела могли безбоязненно перекликаться за холмами Парадиза. Бэнни не ходил на охоту. Но случилось так, что его отцу понадобилось туда поехать, а так как шофер был в этот день в городе, а сам он чувствовал себя не совсем здоровым, то Бэнни предложил его отвезти.

Участок Росса-младшего в корне изменил свой характер. В новом домике Росса хозяйничала незнакомая Бэнни женщина, и маленькая хижина ранчо Раскома была

перенесена на другое место, а там, где был разбит цветник, окруженный изгородью из дикого винограда, теперь красовалась вышка. Все те рабочие, которых знал Бэнни, давно уже ушли, и никто не заводил больше никаких интересных бесед и споров. Парадиз превратился теперь в место, в котором производилась упорная, трудная работа по добыванию нефти, и на разговоры не хватало времени. Среди рабочих было несколько сотен человек, совершенно незнакомых Бэнни, и эти люди создали в Парадизе совершенно новую атмосферу. Они покровительствовали продавцам запрещенных напитков и всем тем притонам, где по ночам устраивались азартные игры и выпивка. Настоящие, коренные рабочие Парадиза относились к ним с презрением; они чувствовали, что в них отсутствовала привычка к труду и любовь к тому делу, на какое они были приставлены. Отсюда вытекала масса разного рода хлопот и неприятностей: они зачастую падали со скользких вышек, получали увечья во время постановки обсадных труб, и компании пришлось пристроить к существовавшей в Парадизе больнице несколько новых палат. Но, разумеется, все это было выгоднее, чем платить опытным рабочим по ставкам рабочего союза!

Бэнни сидел в своей прежней комнате рядом с кабинетом отца и читал, когда к нему постучались, и вошла жена Джека Деггана, одного из заключенных в тюрьме рабочих, и, заливаясь слезами, стала рассказывать ему о том, что переживает ее муж и его товарищи. Она умоляла его поехать их навестить, чтобы убедиться в справедливости ее слов, и он был так слаб, что согласился. Это было, конечно, большой неосторожностью с его стороны, со стороны молодого "нефтяного принца", который старался нарастить на себе как можно более толстую кожу для того, чтобы помогать в делах своему старому отцу и наслаждаться жизнью в обществе всесветной любимицы публики. Бэнни знал, что он поступает дурно, а потому ничего не сказал отцу, куда он собрался ехать в этот дождливый послеобеденный час.

В тюрьму его впустили без всяких затруднений. Начальство так привыкло к тюремной обстановке, что не представляло себе, какое впечатление эта обстановка может произвести на юного идеалиста. Эта старая тюрьма была, очевидно, построена архитектором, желавшим довести заключенных как можно скорее до сумасшествия. Все эти "клетки", в которых сидели преступники, не имели, подобно всем вообще тюремным камерам, дверей с замками, но представляли собой вращающиеся башни, и когда вам нужно было в такую башню ввести заключенного или, наоборот, вывести его из нее, то ее приводили во вращательное движение и вращали до тех пор, пока отверстие, сделанное в одном ряду железных прутьев, совпадало с отверстием в другом ряду. Самое же вращение производилось при помощи ручного ворота и сопровождалось страшнейшим визгом и скрипом заржавленного железа. Таких "клеток" было три; они были поставлены одна на другую, и вращение одной вызывало такой же отчаянный скрип и лязг в двух других. В течение сорокалетнего существования этой тюрьмы десятки людей сошли с ума, вынужденные слушать эти ужасные звуки во все часы дня и ночи.

Случалось ли вам когда-нибудь видеть близких вам людей, с которыми вы были дружны, которых вы любили, посаженными в железные клетки — в такие, в какие сажали диких зверей? Это было зрелище, от которого у Бэнни мучительно больно

защемило в груди и голова так закружилась, что он с трудом устоял на ногах. На него смотрели из-за железных решеток семь человек, почти таких же молодых, как и он сам. Смотрели на него с тем дружелюбным выражением, с каким смотрят на вас в зверинце добродушные лани, когда ждут, чтобы вы дали им кусочек сахара или хлеба. Да, все эти семь человек смотрели на Бэнни с такой приветливостью, их измученные печальные лица освещала такая светлая, благодарная улыбка. Благодарная? За что? За это посещение, за эти несколько минут, уделенных им этим богатым молодым человеком, не знавшим, куда девать свое время?

Все они были простыми рабочими и всю свою жизнь трудились, работая и в дождь и под палящими лучами солнца. Постоянное пребывание на воздухе сделало их крепкими, сильными, загорелыми, мускулистыми, и вот теперь все они были бледными, желтыми, без кровинки в лице, грязными, небритыми, с впалыми щеками и провалившимися глазами. Джек Дегган сильно кашлял, и у всех семерых был до крайности жалкий, больной вид. Если бы Бэнни мог сказать себе, что все эти люди сделали что-нибудь очень скверное, что это было наказанием за совершенное преступление, то он мог бы еще найти этому оправдание, даже если бы в глубине души он и спрашивал себя — какую, в сущности, пользу это все могло принести? Но они были здесь только потому, что осмелились позволить себе помечтать о лучших, более справедливых условиях жизни для своих товарищей и позволили себе поговорить об этом вслух, не обращая внимания на то, что такие разговоры могли привести в негодование их хозяев.

Бэнни послал им как-то несколько книг — им позволялось иметь книги, но такие, какие не показались бы чересчур радикальными полуграмотным сторожам. И вот теперь они спешили сказать ему, как обрадовала их его посылка, и просили еще книг.

А потом они стали спрашивать Бэнни, не знает ли он, когда будет разбираться в суде их дело? виделся ли он с Полем, что думал Поль и как обстоят дела союза? Им не давали газет, а потому они ничего не знали о том, что случилось на свете за все эти семь месяцев их тюремного заключения.

II

Из тюрьмы Бэнни вышел с чувством глубокого отчаяния в душе. Здоровье его отца было в этот день не очень важно, но Бэнни все-таки решил немедленно обо всем ему рассказать. Он испытывал непреодолимую потребность сбросить с себя хоть часть того бремени, которое на него налегло. Когда он в последний раз говорил с отцом об этом деле, отец сказал ему: "Надо немного подождать", говоря, что Вернон Роскэ сообразит, что можно будет тут сделать. Но больше ждать Бэнни теперь уже не мог. Его отец должен принудить Вернона действовать, иначе Бэнни примется за это дело сам.

Возвратившись в Энджел-Сити, Бэнни узнал, что радикалы образовали "Комитет обороны" и что в скором времени должен был состояться массовый митинг протеста, сбор с которого пойдет на расходы по предстоящему процессу. Поль должен был выступить в качестве главного оратора, рискуя этим снова

лишиться свободы. Узнав все эти новости, Бэнни предъявил отцу ультиматум: если в течение этого времени, митинг должен состояться через неделю, и Верн ничего не сделает, то он, Бэнни, запишется в число ораторов и скажет все, что ему было известно обо всей этой истории.

М-р Росс протестовал. Но это был один из тех редких случаев, когда его сын, к его большому удивлению, терял всю свою мягкость. Никогда еще Бэнни не заходил так далеко в своем возмущении.

— Может быть, ты, папа, считаешь, что я не имею права так поступать, пока я живу на твои деньги? Но в таком случае я немедленно уйду из университета и найду себе какой-нибудь заработок.

— Ничего подобного я не говорил и не думаю, сынок.

— Да, но ведь мне придется, показывая против Роскэ, упоминать и твое имя, и, может быть, для тебя будет удобнее, если ты скажешь, что я не живу на твои средства?

— Сынок, я ничего подобного говорить не собираюсь. Я только думаю, что тебе надо немножко считаться с моим положением.

— Я столько, столько об этом думал, папочка! Мне ужасно тяжело, но я не могу допустить, чтобы моя любовь к тебе, к одному человеку, заглушила во мне всякое чувство справедливости. Мы совершаем преступление, оставляя этих людей в тюрьме, и если Верн их оттуда не вытащит, я ему устрою большую неприятность.

Верн был в это время на обратном пути домой, возвращаясь из своей поездки в Нью-Йорк, и Бэнни требовал от него, чтобы он немедленно телефонирует местному прокурору о своем желании прекратить это дело. Одновременно он мог телефонировать также и судье, — Бэнни был уверен, что он не раз к этому прибегал. Если же он этого не сделает, то имя Бэнни будет красоваться в газетах в списке ораторов этого митинга. При этих условиях в памяти м-ра Росса воскрес тот ужасный митинг Гарри Сигера, на котором он присутствовал. Он увидел своего нежно любимого сына, обращающегося с речью к такой же страшно дикой толпе, потрясающей в воздухе кулаками и что-то злобно выкрикивающей.

Бэнни действовал в этот день необыкновенно энергично.

— Передай Верну, папа, что я поведу форменную осаду на Аннабель и заставлю ее идти на этот митинг. Я скажу ей, что он старается держать ее в золотой клетке, и я знаю, что это заставит ее пойти. И если она услышит во всех подробностях всю историю этих политических заключенных, то Верн пожалеет, что начал это дело!

М-р Росс не мог удержаться от улыбки. Бедный старик! В глубине своего сердца он гордился проявлением такой горячности, такого "нерва" в своем ненаглядном мальчике.

Передал ли м-р Росс Верну слова сына, касающиеся Аннабели, и что вообще он счел нужным сказать ему — неизвестно, но два дня спустя после возвращения Верна Роскэ из Вашингтона, откуда он привез драгоценные документы с большими красными печатями министерства внутренних дел, прокурор графства Сан-Элидо входил к верховному судье Паттену и заявлял о необходимости "nolle prosequi" для всех восьми заключенных, обвиняемых по подозрению в "криминальном синдикализме". В результате Ви Трэсси получила обратно свои десять тысяч долларов, а семерым нефтяным рабочим была возвращена свобода, и Бэнни отложил свое первое

выступление в роли той злосчастной птицы, о которой молва говорит, что она марает свое собственное гнездо.

III

Бэнни узнал об этой новости раньше, чем она попала в газеты, и поспешил сообщить ее Полю и Руфи. Поль имел теперь заработок, работая в качестве потника, и они взяли в аренду маленький домик на окраине рабочего квартала. Руфь ходила на курсы милосердия в одну из больших городских больниц. Поль привез из своего бывшего дома некоторые вещи и книги, и в рабочем квартале Энджел-Сити теперь было нечто, напоминавшее Парадиз.

Как просияло от счастья лицо Руфи, когда Бэнни сообщил ей радостную весть. Поль тоже был тронут.

— Это так хорошо с твоей стороны, Бэнни, — сказал он. — Воображаю, сколько хлопот все это тебе доставило! Я это очень, очень ценю. Только боюсь, ты будешь огорчен моей неблагодарностью, когда узнаешь, как я решил использовать свою свободу.

— Что такое, Поль?

— Я решил присоединиться к Коммунистической партии.

— О Поль! — На лице Бэнни выразился ужас. — Но почему?

— Потому что я верю в их тактику. Всегда верил, с самого того дня, когда побывал в Сибири. Я выжидал, потому что мне не хотелось вредить забастовщикам, а потом, когда я был арестован, я не имел возможности ничего предпринять без того, чтобы не скомпрометировать этим своих товарищей. Но теперь это уже никому, кроме как мне лично, повредить не сможет.

— Но, Поль, они тебя опять арестуют.

— Может быть. Но на этот раз они арестуют меня как коммуниста и будут судить как такового.

— Но они уж столько обвинили и сослали!

— Это единственный способ придать делу широкую огласку, сделать его популярным. Сейчас я — никому не известный рабочий, и никто не обращает внимание на то, что я говорю или думаю. Но раз меня будут судить как коммуниста, то я этим заставлю говорить и думать о наших идеях.

Бэнни украдкой взглянул на Руфь. Ее широко раскрытые, испуганные глаза были уставлены на брата, руки судорожно стиснуты. Она так же смотрела на него, когда он уезжал на войну.

— И ты уверен, что ты не мог бы найти для себя никакого более важного дела? — спросил Бэнни.

— Я рассчитывал, что сделаю невесть что, но все эти последние годы научили меня тому, что с рабочим не очень-то считаются в этом капиталистическом мире и что он должен знать свое место. Многие из нас попадают в тюрьму, очень многие умирают. Единственно, что ты можешь делать и что, безусловно, мы делаем, — это помогать будить рабов.

Наступило молчание.

— И ты вполне уверен, что мирным путем добиться ничего нельзя?

— Спрашивай об этом других, Бэнни, а не меня. Спрашивай наших врагов. Ты думаешь, что во время забастовки они действовали мирным путем? Если бы ты был здесь в то время, ты бы увидел.

— А на демократию ты уже больше не надеешься?

— Почему? Наоборот. Демократия — это цель, это — единственное, ради чего стоит работать. Но она не может существовать до тех пор, пока мы не разобьем тех оков, в которых нас держат представители крупной промышленности. А для этого необходима борьба, которую демократия вести не может. Посмотри на всех этих олухов, которых Эли забрал в свою скинию, и представь их себе сражающимися с Вернонами Роскэ.

Бэнни не мог не улыбнуться.

— Это как раз то самое, что говорит Верн.

— Ну да. Он человек-практик, и я его за это уважаю. Он знает, чего хочет достигнуть, ищет способы и достигает. Он не позволяет правительству поступать так, как оно считает нужным, и низвергает его путем подкупов. Между прочим, Бэнни, читал ты последнее письмо Дана Ирвинга?

— Газета у меня была, но я еще ее не смотрел.

— Ты там найдешь много интересного. Дан пишет, что всем сотрудникам вашингтонских газет известен тот факт, что Роскэ и О'Рейли, столкнувавшиеся с генерал-прокурором, купили президентство Гардинга с условием, что с ними будут заключены договоры на разработку нефти на земле, принадлежащей морскому ведомству. Они подкупали всех административных лиц направо и налево и также газетных сотрудников. Требуют, чтобы было произведено расследование этого дела, но, разумеется, кучка сильных мира сего этого не допустит.

Опять наступило молчание. Поль, наблюдавший за своим другом, увидел смущенное выражение в его глазах и прибавил:

— Не говори мне об этом, дружище. Я ничего не хочу знать такого, о чем я не мог бы свободно говорить с другими. Но и ты и я прекрасно понимаем, что капиталистическому правительству совершенно нечего делать с демократией.

Бэнни опять ничего не ответил, и Поль сказал:

— Я взял в пример Верна, как ты его называешь, потому что именно его я имел возможность наблюдать это время, и он воплощает для меня всю капиталистическую систему. И я спрашиваю себя, каким путем я смог бы, если бы захотел, отнять у него его власть? Я выискивал всякие способы, которые дали бы мне возможность сделать это легальным путем. Но судьи в его власти и считают правильным все, что бы он ни говорил. Они всегда имеют полную возможность опутать вас целой сетью разных хитросплетений. И в его руках пресса, и в его руках кино — все, что служит для того, чтобы внушать массам те или другие понятия и взгляды. И мы никогда не смогли бы собрать большинство голосов, так как Верн заполнил бы доверху все избирательные урны своими кандидатами. Даже если бы нам и удалось провести своих каких-нибудь кандидатов, то, разумеется, они оказались бы подкупленными Верном раньше, чем вступили бы в отправление своих административных обязанностей...

— Но, Поль, на что же ты в таком случае можешь рассчитывать?

— Я пойду к рабочим. Нефтяные рабочие Верна составляют основу его власти, они дают ему богатство. И у всех у них одно общее дело, одни общие интересы: они желают получить то богатство, которое Верн у них отнимает. Они, конечно, еще недостаточно ясно отдают себе в этом отчет: они читают газеты, подкупленные Верном, и ходят в кино, которое поучает их тому, чему желает их поучать Верн. Но теперь мы будем их учить, и когда они возьмут в свои руки все нефтяные фонтаны, как сможет Верн взять их себе обратно?

— Он пошлет войска, и они возьмут.

— Нет, он не пошлет войска, так как в наших руках будут железные дороги и все рабочие на телеграфных станциях. Они будут посылать наши телеграммы вместо его. Мы будем иметь своих людей в отраслях промышленности. И организовав их, научим их, как и что нужно делать. "Вся власть союзам".

Перед глазами Бэнни опять встали картины, привезенные его другом из Сибири. Поль продолжал свои объяснения в том слегка снисходительном тоне, который всегда действовал импонирующе на Бэнни и приводил в бешенство его сестру Берти.

— Тебе это кажется ужасным, потому что это означает борьбу, а ты не хочешь борьбы, да тебе она и не нужна. Вести борьбу могут только те люди, у кого закаленные души, те, кого притесняли, били, бросали в тюрьмы и морили голодом. Верн сам делает революцию, бросая нас в эти "клетки" и заставляя нас там гнить. Мы лежим в этих темных душных "клетках" и думаем тяжелые, мрачные думы. Большевики выносили все свои идеи в тюрьмах, и вот теперь такое же "образование" дается рабочим в Америке. И дело не в том только, что тюрьма закаляет и ожесточает наши души, а в том также, что благодаря этому мы приобретаем в глазах рабочих масс известный авторитет. Рабочие нас знают, и те из них, которые так поработаны и так слабы душой, что не в силах ничего сами для себя сделать, — полагаются на нас, зная, что мы не продадим их Вернону Роскэ. Вот почему я решил возвратиться обратно в Парадиз и учить их коммунизму, и в том случае, если Вернон меня опять арестует, московская программа попадет в историю судебных процессов графства Сан-Элидо.

IV

Газеты Энджел-Сити сообщали очень важную новость: помолвку мисс Альберти Росс, единственной дочери Дж. Арнольда Росса, с м-ром Элдоном Бердиком, потомком одной из самых старинных фамилий в городе, недавно выбранным в председатели Калифорнийской лиги обороны. А несколько дней позже в газетах появилось известие о назначении м-ра Бердика на должность секретаря американского посольства в Париже.

Бракосочетание носило характер события первостепенной важности. Никогда еще ни в одной церкви Энджел-Сити не бывало столько цветов, таких туалетов, такого великолепия. М-р Росс был величествен и красив, как какой-нибудь директор цирка, а тетя Эмма, которая считала, что этот брак — дело ее рук, прониклась тем настроением, которое свойственно всем матерям невест, и в продолжение всей

церемонии ее лицо сохраняло полугорделивое и полурастроганное выражение. "На м-с Эмме Росс, тетке невесты, был роскошный туалет из розового атласа, вышитого нежными серебристыми бусами и украшенного редкими орхидеями". Дальше в газетах подробно говорилось о старинном знатном роде Бердигов и миллионах Росса — и ни единым словом не упоминалось о том, что отец невесты начинал свою карьеру в качестве погонщика мулов, ни о том, что у него была мелочная лавочка в Квинценте в Калифорнии.

Когда торжество закончилось и молодые отправились в Париж, куда призывал их долг службы, оказалось, что тетя Эмма так успела войти во вкус исполнять роль посаженных матерей, что решила заняться судьбою Бэнни. Толчок этому дала новая картина кино "Принцесса Пачули". Эта премьера была событием в жизни Россов. Разве Бэнни с отцом не присутствовали при самом ее появлении на свет? Разве м-р Росс не исполнял роль короля? Он столько раз рассказывал об этом тете Эмме, что вполне естественным было с ее стороны пожелать быть на премьере. Она явилась в кино под руку с м-ром Россом, непосредственно вслед за самой "звездой" и ее ненаглядным Бэнни. Познакомившись с Ви Трэсси, она пришла от нее в полный восторг, и хотя за все пятьдесят лет своей жизни она никуда не уезжала из Калифорнии и не видала ни одного аристократа, но это не помешало ей утверждать, что своей внешностью и манерами Ви была природной аристократкой. И в первый же раз, когда она осталась с Бэнни наедине, она спросила его, почему он на ней не женится.

— Но, тетя Эмма, я не знаю, захочет ли она выйти за меня замуж.

— Да ты с ней когда-нибудь об этом говорил?

— Только изредка. Намеками.

— Советую тебе перестать говорить намеками и спросить ее об этом прямо. Она — очаровательная особа, и ты достаточно серьезен теперь для того, чтобы устроить свою собственную жизнь. Это будет в высшей степени интересная свадьба, и твой отец будет очень доволен. Я думаю, что в конце концов он сам сделает ей предложение, если ты будешь долго упрямяться.

Тетя Эмма с видимым удовольствием несколько раз повторила это предположение, желая дать понять представителю молодого поколения, что сдавать в архив их, представителей прежнего поколения, было еще рано.

Бэнни всегда был рад доставить кому-нибудь удовольствие и после разговора с теткой, обдумав хорошенько ее слова, решил поговорить как-нибудь с Ви. Но это ему не удалось, так как при первой же своей встрече они очень крупно поспорили. Ви только что вернулась от Аннабели и рассказала Бэнни, что ее приятельница была в отчаянии от того, что какой-то подлый журналист поместил в газете свои письма из Вашингтона, в которых он обвинял Верна в том, что он купил президентство Соединенных Штатов, называл договор на нефть Сеннисайдского участка самым крупным мошенничеством этого столетия и требовал, чтобы Верн был подвергнут преследованию. Кто-то из "приятелей" Аннабели прислал ей эту газету, отметив в ней красным карандашом "интересные" письма и написав на конверте: "Лично". Статья была написана в высшей степени оскорбительным тоном, и имя автора — Даниэль Вебстер-Ирвинг — показалось Ви знакомым. Где она о нем слышала? Разумеется, Бэнни тотчас же удовлетворил ее любопытство, так как иначе она

подумала бы, что он от нее скрывает. Дан Ирвинг был одним из его университетских преподавателей, и у него был свой трудовой колледж, который пришлось летом закрыть.

Ви пришла в страшный азарт. Так этот тип "выуживал" секреты от Бэнни! А на уверения Бэнни, что он никогда не упоминал об этом деле ни одному из своих товарищей радикалов, Ви воскликнула:

— Боже мой, боже мой! До чего ты наивен и доверчив, Бэнни! Тебя всякий может провести.

Она решила, что необходимо приложить все старания для того, чтобы скрыть от Аннабели и Вернона, что Бэнни был знаком с этим подлым журналистом и когда-то помогал ему даже деньгами. Если бы они это узнали, то от их дружбы не осталось бы и помину; они были убеждены, что их низко обманули, или же, в лучшем случае, что Бэнни был таким ветреным, беспечным юношей, что с ним нельзя было иметь никакого дела. Ви, очевидно, желала быть такой же честной, романтической и мелодраматичной, как героиня "Принцессы Пачули". Бэнни все это очень раздражало, и он сказал ей, что, по всем вероятностям, его отец уже сказал Верну об этом деле тогда же, когда узнал это от него, от Бэнни.

В силу всего этого молодой "нефтяной принц" не сделал в этот день предложения "природной аристократке", как называла ее тетя Эмма. Нет! Он ушел от нее и чувствовал себя очень несчастным. Он стремился к Ви всегда, когда они бывали врозь, а стоило им теперь остаться наедине, и оба тотчас начинали раздражаться, и почти все их разговоры кончались слезами. Для того чтобы избежать всех этих неприятностей, ему было необходимо перестать интересоваться радикальным движением, а между тем ум его оставался совершенно равнодушен ко всему, что не было связано с этим последним. Ему очень хотелось повидать Поля и поговорить с ним еще и всячески постараться отговорить его от его вступления в ряды коммунистов. Ему хотелось поехать к Полю и Руфи как-нибудь вместе с Рашелью, послушать все, что стал бы говорить Поль, когда Рашель изложила бы ему свои взгляды на безумные, с ее точки зрения, идеи представителей левого крыла социалистической партии. И ему очень хотелось отправиться на митинг молодежи Социалистической лиги, в должности секретаря которой состояла Рашель. Вот где можно было действительно чему-нибудь научиться — в обществе всех этих молодых людей, которые желали себя развивать и относились к отвлеченным идеям со всей той серьезностью, с какой большинство студентов университета относилось только к состязаниям в футбол и гольф.

V

Казалось, что изо всех людей, которых знал Бэнни, только одного можно было назвать вполне счастливым человеком, удачником в жизни. Это был Эли Аткинс, пророк "третьего откровения". Сбылось слово в слово обещание, данное последователям "библии Марафона": банкир Марк Ейзенберг, заведующий финансовыми делами Энджел-Сити, тщательно обсудив все важное значение политического влияния Эли, решил пожертвовать большую сумму денег на новую

скинию. И вот теперь новое здание было закончено и открыто. И открыто с таким торжеством, какого в истории этой части света никогда еще не было.

Южная Калифорния населена главным образом фермерами, перебравшимися сюда из западной части Америки для того, чтобы умереть среди цветов и солнечных лучей. Без сомнения, всем этим людям хотелось умереть счастливыми и заручившись уверенностью, что и "там" будут цветы и яркое солнце. Этим объясняется тот факт, что Энджел-Сити является гнездом всевозможных религиозных культов и доктрин, а о том, сколько их — вам трудно составить себе представление, пока вы сами всего этого не увидели. Взглянув на объявления, печатаемые в воскресных номерах газет, вы не могли бы удержаться, чтобы не рассмеяться или не заплакать — в зависимости от вашего темперамента. Всюду, где бы ни собрались трое во имя Христа, Будды, Зороастры, Правды, Света, Любви, Новой мысли, Спиритуализма, Психической науки — всюду тотчас же клалось начало новому откровению, обладающему тайными путями спасения.

Эли, по сравнению с большинством других основателей новых форм верований, обладал большими преимуществами. Он был настоящим пастырем настоящих стад, а эта профессия имела за собой многовековые традиции. И это носило символический характер: то, что когда-то Эли делал для овец своего отца, он теперь делал для "овец в человеческом образе" Энджел-Сити, собирал их в одно стадо и охранял их от злого волка — сатаны. Он входил на помост с пастушеским посохом в руках, в своих белых одеждах, со звездой, сверкающей в его желтых волосах, и громким голосом созывал своих последователей так же точно, как это делал на холмах Парадиза, когда пас стада отца.

Эли обладал драматическим чутьем и проявлял его в организации живых картин и разных зрелищ, которые приводили в восторг всех его последователей. Всякий раз, когда он рассказывал, как его искушал дьявол, на сцену являлся сам нечистый с хвостом, рогами и копытами. Эли высоко поднимал крест, и дьявол падал ниц и бился лбом о землю, а серебряные трубы звучали в воздухе, и все последователи пророка начинали громко петь "Осанну". А потом Эли призывал к себе детей, и целые сотни малышей в белых платьицах пели хвалебные гимны. Не был забыт также и громадный мраморный сосуд с водой, в котором верующие получали от Эли крещение. Вам ни на минуту не позволялось забывать, что у вас есть душа и что Эли заботился о ее спасении. И вы все время должны были чем-нибудь облегчать его задачу: вставать, наклонять известным образом голову, складывать руки; а если вы были новым членом скинии, то вам полагалось все время держать поднятой вашу правую руку.

Главное же преимущество Эли перед другими пророками заключалось в его сильных легких, которые он развил на холмах Парадиза. Никогда еще не было голоса, способного до такой степени наэлектризовать публику, и ничей голос не обладал способностью звучать столько времени без перерыва. Все воскресенья он ревел и гудел сплошь целый день, с утра до позднего вечера; ежедневно по вечерам, за исключением только субботы, шли долгие службы; каждый день утром и после полудня происходило чтение Библии, а потом начинались обряды крещения и бракосочетания. В новой скинии, постройка которой обошлась в полмиллиона долларов, было несметное количество разных — и больших, и маленьких отделений,

в которых совершались те или другие службы, и все они всегда были полным-полны народа. И как раз в это время наука подарила миру новое изобретение: человеческий голос мог быть усилен в сто миллионов раз, мог покрывать собой весь земной шар!

Население Америки пришло в полнейшее неистовство от радио, и каждый хотел непременно поставить у себя антенну. В Энджел-Сити первое публичное применение этого изобретения в широком масштабе имело место в специально выстроенном для этой цели трехмиллионном роскошном отеле, где собирались все богачи страны. Церемония открытия этого отеля была необыкновенно торжественна. Все газеты были полны описаний, как все происходило, но результат получился весьма плачевный: вся публика перепилась, и сам заведующий отелем, став перед микрофоном, принялся изливать в него потоки таких непристойных слов и фраз, каких ни одна из фермерских жен со времен Адама ни разу еще не слышала! В силу этого решено было новое изобретение освятить и очистить под наблюдением Эли. Приступили к сооружению новой радиостанции, превосходившей свою мощностью все другие, и скоро слова пророка стали слышны на пространстве четырех миллионов квадратных миль. Проповедовать такой аудитории было делом серьезным.

С этих пор проповеди Эли составили одну из характерных черт жизни Южной Калифорнии. Вы положительно никуда не могли бы от них уйти, даже если бы этого и захотели. М-р Росс, которому доктор предписал усиленный моцион, ежедневно за час до обеда совершал прогулку пешком, и голос Эли сопровождал его всю дорогу, и он слышал все его проповеди от слова до слова.

В эту раннюю весну окна всех маленьких домиков фермеров и крестьян, живших в окрестностях Энджел-Сити, оставались весь день открытыми, и все домашние работы совершались под аккомпанемент знакомого голоса. Что бы вы ни делали — стряпали ли, стирали ли детские пеленки, ваша душа непрестанно устремлялась ввысь на крыльях красноречия пророка. И м-р Росс во время своих прогулок не раз испытывал острое волнующее чувство: ведь это он дал начало "третьему откровению", выдумав всю эту шумиху в тот день, когда он старался удержать старого Абея Аткинса от его дурного обращения с дочерью — Руфью!

VI

Бэнни получил послание от Дана Ирвинга, в котором он рассказывал ему о своей новой службе. В те дни работать в Вашингтоне в качестве корреспондента радикальной прессы не представляло никакого труда: все рядовые газетные сотрудники были перегружены интересными сведениями, которыми им не разрешалось пользоваться ввиду нежелательного для правительства характера этого материала. Большинство корреспондентов кипело негодованием от всех тех новостей, которые они узнавали, и, встретив Дана, они не замедлили излить на него все это негодование. Так что в материале у него недостатка не было. Но, к сожалению, у издательства, в котором он работал, были весьма скудные средства, и только очень небольшое количество газет интересовалось представленными им сведениями.

Президент Гардинг привел с собой целую группу единомышленников — свою политическую "стражу". Газетные сотрудники называли их "шайкой из Огайо", и эта шайка грабила все, что только могла. Барней Брокуэн дал одному из своих приспешников место в департаменте тайной полиции, и это был так называемый "оценщик". Когда вам что-нибудь было нужно, вы обращались к нему, и он назначал вам цену. Правительство Вильсона "нагуляло себе жир", эксплуатируя владенья, захваченные у союзников неприятеля, а теперь начинало толстеть правительство Гардинга, возвращая все награбленное прежним владельцам. Пять процентов было установленной таксой, и если вам нужно было вернуть себе десятиmillionное владение, то полмиллиона вы выкладывали "оценщику". Хорошо осведомленные люди говорили Дану, что более чем триста миллионов было уже расхищено из сумм, назначенных для обеспечения ветеранов войны. Во главе этого бюро стоял один из членов "шайки из Огайо". И что самое возмутительное — это то, что сколько бы подобного рода фактов вы ни выкапывали, вы все равно не могли добиться ни в одном издательстве, чтобы они были напечатаны.

Бэнни отнес это письмо отцу, и, как всегда, м-р Росс увидел в нем совершенно обратное тому, что видел в нем его сын. Да, без сомнения, политические деятели все в корне прогнили, а потому-то вы и не должны были полагаться на правительство. Нужно отбирать от представителей администрации все дела и передавать их в руки представителей крупной промышленности, которые будут вести их без взяток. Если бы все эти нефтяные земли с самого начала были отданы м-ру Россу и Вернону, то ни о каких подкупках не было бы и речи. Кажется, это достаточно ясно? М-р Росс и Верн были патриотами, желавшими положить конец зловредной публичной гласности.

Верил ли отец Бэнни тому, что говорил? Его сын не мог бы на это ответить с полной определенностью! Много неправды говорил м-р Росс публике, говорил он неправду и своему сыну и себе самому. Если бы вы имели возможность сорвать с него всю ту ложь, которой он был окутан, то он, может быть, не вынес бы зрелища своей наготы. Среди его врагов — членов конгресса — был один старый сенатор по имени ла Фоллет, который особенно энергично требовал расследования дела по заключению с правительством нефтяных договоров. "Машина" Гардинга сдерживала его порывы, но она не могла запретить ему произносить речей, и он говорил в течение целых восьми часов сряду, и галереи были полны слушателями, а потом все эти свои речи он рассылал по почте за счет казны. М-р Росс ворчал и роптал и внезапно отдал себе отчет в том, что его собственный, нежно любимый сын был на стороне всех этих беспокойных элементов. Вместо того чтобы сочувствовать тонкой политике своего отца, Бэнни критиковал эту политику, и отцу от этой критики становилось стыдно.

И вот случилось нечто крайне неожиданное и неприятное. В одном из западных городов нашелся издатель газеты, заинтересовавшийся этим скандалом, возникшим на почве заключения с правительством нефтяных договоров. К нему явился как-то один из маленьких нефтепромышленников, у которого сохранялись какие-то старые права на Сеннисайдский участок, и издатель, заключив с ним условие, по которому они должны были разделить "барыш" пополам, обратился к Верну и предложил ему уплатить миллион долларов. Верн послал его к черту, а в результате на первой

странице этой газеты появилась статья, разоблачающая самый крупный случай в истории воровства общественных денег. И это появилось не на страницах какого-нибудь маленького неизвестного листка социалистической прессы, но в одной из наиболее распространенных газет страны, и копии этой статьи имелось в виду послать всем членам конгресса и всем газетным издательствам. Получалась нечто совсем из ряда вон выходящее! М-р Росс с Верноном и другими компаньонами организовывали спешные конференции и переживали целый ряд душевных агоний; в конце же концов им пришлось пойти на все уступки и заплатить старому пирату целый миллион долларов, после чего его газета немедленно потеряла всякий интерес к общественному благосостоянию.

Бэнни во времена своего отрочества читал рассказы капитана Майна Рида, и ему вспомнилась одна сцена: зимородок (птица-рыболов) держит во рту рыбу, готовый ее проглотить, и в этот момент быстрый орел стрелой падает с облака и выхватывает у него его добычу. Нечто подобное происходило теперь и в нефтяной игре.

VII

Бэнни без всякого удовольствия думал о поездке в "Монастырь". Но Ви требовала, чтобы он продолжал там бывать, и всячески его уговаривала и убеждала. Аннабель была так мила и добра, и ей будет так больно, если из-за этих политических несогласий они порвут свои дружеские отношения. Бэнни отвечал, что он знал Верна и представлял себе его настроение. Он должен был быть зол, как черт. И от него, разумеется, нельзя было ждать, чтобы он в таком случае был мало-мальски тактичен и внимателен со своими гостями. Но, в конце концов, Бэнни все-таки пришлось уступить.

Когда вы бывали в обществе и отказывались от вина, то это всегда вызывало разговоры о запрещении спиртных напитков. Так же точно всякий раз, когда вы не присоединяли своего голоса к хору негодующих голосов, осуждавших деяния старого вашингтонского сенатора, взбунтовавшегося против существовавшего порядка вещей, то вас тотчас же причисляли к разряду тех, кто сочувствует всем бросателям бомб. Маленькая кучка "красных" в конгрессе протестовала против законодательства, желательного для богатых, и за каждым обедом, за которым присутствовал Вернон Роскэ, речь неизменно заходила о них. Так было и в тот раз, когда за обедом присутствовал Бэнни. Когда знаменитый Шмольский спросил что-то по поводу деятельности "красных", Вернон ответил:

— Спроси Джима младшего — он их друг-приятель.

— Ни слова о политике, — прервала Аннабель. — Я не позволю, чтобы кто-нибудь надоедал моему Бэнни.

Поздно вечером Харвей Маннинг, совсем уже пьяный, сел к Бэнни на колени и, с внушительным видом грозя ему пальцем, спросил:

— Ты ведь не скажешь им обо мне, нет?

— Кому это им, Харв?

— Этим твоим "красным" друзьям... Ничего не говори, смотри! Мой нефтяной дядя сказал, что если я еще раз напьюсь, то он вычеркнет меня из числа своих наследников. Только "им" ты этого не говори.

Из этого Бэнни понял, что его близкие отношения с "врагами" служили темой разговоров всех обитателей "Монастыря".

VIII

Вернувшись в Энджел-Сити, Бэнни отправился вместе с Рашель Менциес на митинг Лиги южных социалистов. Раз в неделю в темном небольшом помещении двадцать пять-тридцать юных представителей рабочего класса читали вместе газеты и обсуждали политические и экономические проблемы и рабочее движение социалистической партии. Рашель пользовалась большим влиянием в этой организации и в силу того, что она получила университетское образование, и потому еще, что она приводила с собой "товарища Росса". Даже те из молодежи, в которых классовая сознательность была развита особенно сильно, не могли не испытывать известного возбуждения от присутствия на митинге молодого миллионера, который так горячо сочувствовал рабочим и помогал брать на поруки заключенных.

Все эти молодые социалисты, по примеру социалистов старых, делились на правое и левое крыло, члены которых постоянно спорили и враждовали друг с другом. Коммунисты тоже имели свою собственную Лигу молодых рабочих, и эти две соперничавшие друг с другом организации вели частые дебаты, во время которых молодые рабочие вскакивали в азарте на стулья и скамейки и готовы были растерзать друг друга. Все эти споры и ссоры продолжались потом еще и дома и на работе. "Москва" вела дебаты с "Амстердамом", "Третий интернационал" — со Вторым, "красные" — с "розовыми", как называли более "мягкую" группу социалистов. И совершенно подобного же рода борьба происходила теперь и в душе Бэнни. Поль Аткинс толкал его вперед, а Рашель Менциес тянула его назад, и положение его было особенно трудно потому, что он всегда соглашался с последним. Очень уж он легко переносился на точку зрения того, кто с ним говорил.

В теории ему казалось очень просто переделать капиталистический строй в социалистический мирным путем, действуя крайне осторожно, шаг за шагом. Но все это было только в теории. На практике же получалось совсем другое. С самого начала вы наталкивались на громадные затруднения, и среди них на первом месте стояло нежелание самих капиталистов превращаться в социалистов. Кроме того, как говорил Поль, сами капиталисты не давали рабочим действовать мирным путем, так как постоянно прибегали к насилию и совершенно не считались ни с законами, ни с конституцией всякий раз, когда находили это для себя более удобным.

Положение социалистов трогало Бэнни. Взять хотя бы вот Хаима Менциеса. Этот человек обладал большой дальновидностью, терпением и опытностью в своем деле. И как он был энергичен! Несмотря на свои годы, он не колеблясь взялся за организационное дело. Но ему никогда не удавалось это организационное дело довести до конца, так как до этого не допускали "хозяева". Они подсылали своих шпионов, подкупали власти, сеяли раздор, и к моменту начала забастовки их

полиция, которой помогали солдаты, захватывала всех лидеров, а рабочих снова толкали в рабство. И получалось очень курьезное положение: хозяева в своей слепоте оказывались союзниками коммунистов. Верн и другие крупные нефтепромышленники, его приятели, как бы говорили рабочим: "Нет, не слушайте социалистов: это шайка — старых дураков. Коммунисты объяснят вам, что мы собой представляем и как мы будем действовать".

Единственно, в чем Бэнни был всегда уверен, — это в том, что рабочие должны вести свою тактику энергично, но не прибегая к ожесточенной борьбе. Но сейчас он уже начинал сомневаться в том, чтобы это было возможно. Борьба между двумя партиями была неизбежна, потому что элементы этой борьбы, были заложены в самой природе вещей. Если вы верили в возможность мирного разрешения вопроса, то ваш образ действий должен был быть таким-то, а если не верили — то совершенно другим. Если вы думали, что можете подействовать на массы голосующих, то вам надо было быть крайне осторожным и политичным и избегать представителей крайних партий, так как их насильственные приемы оттолкнут избирателей. В этом случае вам надо будет стараться не допускать в свою организацию коммунистов, но это, разумеется, пробудит в них по отношению к вам горячую ненависть, и они будут называть вас "соглашателем" и приспешником капиталистического класса и настаивать на том, что вы на службе у "хозяев", которые платят вам за то, что вы удерживаете рабочих под ярмом. А потом социалисты со своей стороны начнут предъявлять обвинения в подкупе.

Хаим Менциес всегда утверждал, что некоторые коммунисты были тайными агентами, которым платили "хозяева" для того, чтобы с их помощью затормозить рабочее движение и отдать его в руки полиции. Бэнни знал из разговоров отца с его компаньонами, что все крупные промышленники создавали тайные агентства, вся задача которых заключалась именно в том, чтобы парализовать рабочее движение. И эти агентства достигали своей цели различными путями: они нанимали старых рабочих лидеров, и те или отговаривали рабочих от забастовки, или же торопили их устраивать преждевременные забастовки, которые были слишком слабы, чтобы победить. Помимо этого они посылали своих шпионов, действовавших под видом "красных" и старавшихся натолкнуть лидеров рабочих на какое-нибудь преступление. Как это ни кажется маловероятным, но правительственный департамент тайной полиции, находившийся под начальством Барнея Брокуэна, был по уши погружен в этого рода работу. Во время судебного процесса одной группы коммунистов федеральный судья, председательствовавший при разбирательстве этого дела, заметил, что, по-видимому, все правление Коммунистической партии находилось в руках правительства Соединенных Штатов!

IX

Но Бэнни все еще продолжал мечтать о том, что его друзья, в конце концов, почувствуют друг к другу симпатию и что между ними завяжется искренняя дружба. И, думая так, он уговорил Рашель поехать с ним к Полю и Руфи. Но, увы, его мечтам не суждено было осуществиться. Обе стороны вели себя в высшей степени

сдержанно и так тщательно избегали в разговоре касаться политики, что можно было подумать, что они были в "Монастыре". Бэнни же хотелось, чтобы они говорили именно о политике, так как это помогло бы ему разобраться в тех противоречиях, которые жили в его душе. Он надеялся, что одна из сторон сможет убедить в правоте своих взглядов другую и что это поможет ему разрешить свою собственную внутреннюю борьбу. И в то же время он совершенно не мог сказать, какой именно из сторон он желал одержать верх, чтобы доказать справедливость своих взглядов.

Бэнни осведомился у Поля о его работе и узнал, что он бросил свое плотничанье и что Коммунистическая партия платила ему маленькое жалованье для того, чтобы он мог посвящать все свое время организационному делу. Потом Поль сказал ему, что незадолго перед тем он познакомился с Джоем и Икеем Менциес, и Бэнни не замедлил высказать свою заветную мечту о том, как было бы хорошо, если бы социалисты и коммунисты могли работать сообща, вместо того чтобы своими вечными распрями и ссорами играть в руку своим общим врагам. Этим он навел разговор на интересовавшую его тему, и Рашель выразила желание послушать товарища Аткинса и понять его идеи. Как можно было рассчитывать на успех массового возмущения в Америке — в стране, где все оружие и все средства находились в руках правящего класса? В их распоряжении были еще и удушливые газы, которые в один миг могли смести тысячи непокорных. И в результате такого возмущения можно было ждать только одного — реакции, как это и было в Италии, где рабочие захватили было в свои руки заводы и фабрики, но удержать их не могли.

На это Поль ответил, что Италия не имеет собственного угля и в этом отношении находится в зависимости от Англии и Америки, которые и воспользовались, таким образом, возможностью задушить итальянских рабочих. Всем известен тот факт, что фашистская реакция в Италии была делом рук американских банкиров: Муссолини и его клика не смели пальцем двинуть до тех пор, пока им не сказали определенно, что необходимую им денежную поддержку они от Америки получат. Совершенно такую же роль мы играли и в Венгрии, и в Баварии, — на всем земном шаре американское золото всегда поддерживало реакцию. Поль видел это собственными глазами в Сибири. Со свойственной ему спокойной решительностью Поль прибавил, что только те, кто там был, могли себе это вполне уяснить. Он не имел ни малейшего намерения осуждать товарища Менциес за ее убеждения, — они были вполне естественны со стороны той, кто рос и развивался в мирных условиях, но он, Поль, был на войне и был свидетелем классовой борьбы на практике.

— Да, товарищ Аткинс, — сказала Рашель. — Но если вы попытаете начать борьбу и проиграете, то положение вещей только еще ухудшится.

— А если мы никогда не попробуем, то мы никогда и не добьемся успеха, — сказал Поль. — И даже если мы и проиграем, то классовая сознательность обострится в этой борьбе, и конец наступит скорее, чем если бы мы продолжали бездействовать. Мы должны сохранять в массах убеждение, что революция — это цель, и не позволять им идти ни на какие компромиссы. Так я по крайней мере смотрю на социалистическое движение. Оно не отдает себе достаточного отчета в

умственных и моральных силах, скрытых в рабочем классе, силах, которые могут быть вызваны к жизни правильным образом действий.

— Да, — сказала Рашель. — Но весь вопрос в том, что понимать под этими словами — "правильный образ действий"? Что касается меня, то я предпочитаю действовать мирным путем, а не путем насилия. Это мне кажется более нравственным.

Поль ответил, что применять к тигру мирный образ действий, может быть, тоже покажется кому-нибудь очень нравственным, он же считает такой прием совсем неподходящим. Определять тот или другой образ действий надо на основании того, что сделал капиталистический класс за последние девять лет. Они уничтожили тридцать миллионов человеческих жизней и триста миллиардов капитала — плод рабочих рук целого поколения. Поэтому Поль не может смотреть на вещи с мирной точки зрения, когда дело касается таких типов. Все эти люди — кровожадные маньяки. Задача заключается в том, чтобы отнять из их рук власть, и все средства, какими только можно было бы этого достигнуть, он считает нравственными, потому что ничто не может быть безнравственным капитализма.

Дорогой домой Рашель сказала Бэнни, что Поль был, конечно, выдающейся личностью и, наверное, очень опасным для капиталистического класса. Его сделала таким война, и виновникам этой войны предстояло свести с ним счеты. Потом Бэнни спросил о том впечатлении, какое на нее произвела Руфь, и Рашель ответила, что она ей кажется очень милой девушкой, но немного бесцветной. Согласен с этим товарищ Росс или нет?

Бэнни попытался объяснить ей, что Руфь была очень глубокой натурой, очень сильно чувствовала, но словами редко выражала эти чувства.

Потом Рашель сказала, что Руфи нужно было бы выучиться, думать тоже и о себе, а не об одном только брате, так как ее ждут большие страдания, если она будет следовать за Полем в его большевистской карьере. А на слова Бэнни, что ему очень хотелось бы, чтобы она помогла немного Руфи в деле ее самообразования, Рашель улыбнулась и ответила, что "товарищ Росс" был чересчур наивен, что, разумеется, Поль никогда бы не захотел, чтобы социалистка бывала у них в доме и парализовала бы его влияние на сестру. Да, очевидно, что бы Бэнни ни предпринимал в этом направлении, — женщины, с которыми он дружен, никогда не могли бы поладить друг с другом.

Когда позднее Бэнни увидел Поля, тот сказал ему о том впечатлении, какое на него произвела Рашель. Очень милая девушка, умная и с хорошими намерениями, но ей не придется, конечно, долго сохранять свою пролетарскую позицию. Социальную революцию в Америке не могли устраивать молодые леди, кончившие университет и участвующие в делах общественной благотворительности. То, что она делала для Лиги социалистической молодежи, было, по мнению Поля, совершенно непроизводительной тратой сил, так как все эти социалистические организации в борьбе с коммунизмом все только слабели и слабели. Капиталисты, наверное, были бы очень довольны видеть ее за такой работой.

Несколько дней спустя Бэнни узнал, что Рашель была в большом волнении, не зная, как разрешить представившуюся ей трудную задачу. Она поступила в университет и пробыла там четыре года, имея в виду составить себе карьеру в

качестве общественного работника. И вот теперь одна ее приятельница, значительно старше ее, советами которой она всегда руководилась, сказала ей, что ни о какой карьере она не могла думать, если она будет продолжать свою деятельность в Лиге социалистической молодежи. И без того не легко было молодой девушке-еврейке, да еще из рабочей семьи, пробить себе дорогу, социалистическая же деятельность совершенно уж отнимала у нее всякую надежду чего-нибудь добиться. Рашель должна была забыть об этом думать, во всяком случае до тех пор, пока она не найдет себе определенного заработка, который даст ей известное положение в обществе.

Все это очень осложняло дело. Рашели предстояло серьезно подумать, прежде чем решать вопрос, и в конце концов она решила его в том смысле, что бросить близкую ее сердцу социалистическую молодежь она не могла. Очень было легко сказать — "надо подождать", но с этого именно начинались все компромиссы, а стоило их только начать — и остановиться на этом пути было уже трудно. Все равно, пускай ее имя красуется в газетах как одной из желающих подорвать нравственные устои рабочей молодежи. И если после этого общество не пожелает дать ей никакого заработка, она найдет себе какое-нибудь дело при рабочем движении. Что мог ей посоветовать Бэнни? В душе он считал, что она была совершенно права, но облегчить ей ее задачу он был бессилён.

Простившись с Рашелью, Бэнни отправился за Ви Трэсси, чтобы ехать с ней на званый обед. Глаза его были полны грусти, а на душе было очень тоскливо, и скрыть эти ощущения он не сумел.

X

Лекции на последнем курсе университета заканчивались, и все серьезные студенты были заняты тем, какую кому выбрать карьеру. На вопрос отца, придумал ли он себе что-нибудь, Бэнни ответил утвердительно и прибавил, что ему неприятно говорить об этом отцу, потому что он боится его огорчить.

— В чем дело, сынок? — спросил м-р Росс, и на его круглом, с крупными чертами лице выразилось глубокое участие.

— В том, что мне хотелось бы на год уйти из дому и под чужим именем поступить рабочим в одно из крупных промышленных предприятий.

— Бог мой! — М-р Росс с испугом взглянул на смущенное лицо сына. — Что это значит?

— То, что мне хочется хорошенько понять рабочих, а это единственная возможность.

— Но разве ты не можешь спросить их о том, что тебя интересует?

— Нет, папочка. Они сами недостаточно еще хорошо во всем этом разбираются. И для того, чтобы узнать все, что меня интересует, необходимо с ними некоторое время пожить.

— Боже мой, сынок, позволь мне помочь тебе. Ведь я жил среди рабочих, и я знаю, что там такое: грязь, нищета, болезни... Я надеялся, что мне удастся тебя от этого спасти, сделать жизнь для тебя более легкой.

— Я знаю, папочка, но это была ошибка... Вернее, на свете все складывается не так, как думаешь. Дело в том, что когда молодому человеку все дается в жизни слишком легко, то он становится чересчур мягким и безвольным. Ты столько для меня сделал, и я очень тебе благодарен, но на время мне хотелось бы попробовать совершенно другой образ жизни.

— Ты думаешь, что тебе не удалось бы найти какого-нибудь подходящего для себя дела в нефтяной промышленности?

— Я не мог бы вести этого дела, папочка. Ты это знаешь. Это дело ведешь ты. Но если бы ты мне его и передал, то Верн и Федерация нефтепромышленников никогда не позволили бы мне делать то, что мне хотелось бы. Нет, папочка, с нефтяной промышленностью в корне что-то неладно, и я никогда не смогу вести эту игру так, как ведут ее другие. Вот почему я хочу уйти и попробовать пожить так, как мне хочется.

— И ты думаешь устроиться совсем один?

— Нет, тут есть еще человек, желающий попробовать то же, что и я. Это Григорий Николаев. Мы пойдем вместе.

— Это русский? Неужели ты не мог найти себе в товарищи какого-нибудь американца?

— Дело в том, папочка, что ни один американец совершенно этим не интересуется.

Наступило долгое молчание.

— И ты все это говоришь совершенно серьезно?

— Да, папочка. И я это обязательно сделаю.

— Ты знаешь, сынок, крупные промышленности — большинство из них во всяком случае — требуют очень, очень напряженного, тяжелого труда. И они небезопасны. Скольких людей они уже искалечили!

— Я все это знаю.

— Это страшно тяжело для отца, который любит своего единственного сына и который возлагал на него столько надежд... Ты ведь знаешь, я действительно всю свою жизнь думал о тебе и для тебя главным образом и работал.

— Знаю, папочка, и я вынес тяжелую длинную борьбу, прежде чем прийти к этому решению. Но я положительно не могу поступить иначе.

Опять наступило молчание.

— А о Ви ты подумал?

— Да.

— Ты ей сказал?

— Нет еще. Я все откладывал так же вот, как и с тобой. Я знаю, что она, конечно, будет против и что мне придется с ней порвать.

— Человек должен очень серьезно и долго подумать, прежде чем порвать со своим счастьем, сынок.

— Я думал обо всем так серьезно, как только мог, но я не в состоянии посвятить всю свою жизнь служению ее карьере. Я чувствую, что задохнусь во всей этой роскоши. У меня свои собственные убеждения, и я должен им следовать. Я хочу помогать рабочим, но прежде я должен их хорошенько узнать.

— Мне думается, сынок, что ты говоришь сейчас как один из них. Я имею в виду "красных", конечно.

— Может быть, папочка. Но "красным" это во всяком случае не кажется.

Опять молчание. Запас слов м-ра Росса был очень невелик.

— Я еще никогда в жизни не слышал ни о чем подобном, сынок!

— А между тем это одна из очень старых идей — ей по крайней мере две тысячи четыреста лет, — сказал Бэнни и рассказал отцу все, что знал о юном принце Сиддхарте там, в далекой Индии, известном на Западе под именем Будды. О том, как он роздал все свои деньги и имения и потом странствовал по свету с котомкой за плечами, как нищий, надеясь узнать ту правду, которая была совершенно неизвестна при дворе. — Дворец, который царь построил для своего сына, заключал в себе все богатства Индии, так как царь хотел видеть своего сына счастливым. Все мало-мальски тяжелое, все, что могло дать мыслям принца грустное направление, познакомить его с отрицательными сторонами жизни — с нищетой, несправедливостью, горем, — все это тщательно скрывалось от глаз Сиддхарта, и он не знал, что на свете существовало зло. Но подобно тому как посаженный на цепь слон стремится в свои дикие джунгли, молодой принц жаждал увидеть свет и решил уйти из дому. И он сказал об этом царю, своему отцу, и тот велел впрячь в украшенную драгоценными камнями повозку четырех лошадей и приказал, чтобы все дороги, по которым должны были везти принца, были убраны как на праздник...

Бэнни не кончил, увидав изумленное выражение на лице своего отца и, рассмеявшись, спросил:

— Так что же ты предпочитаешь, чтобы я сделался, папочка, буддистом или большевиком?

И, говоря правду, м-р Росс совершенно не знал, что ответить.

XI

В двадцатом столетии наука открыла новый мир — мир подсознания, и много в высшей степени странных, на первый взгляд, казалось бы, совершенно необъяснимых явлений совершается в этом мире. Но теория Фрейда, идущая вразрез с теологией методистов, еще не проникла в Тихоокеанский университет, и потому Бэнни не увидел никакой связи между тем разговором, который он имел с отцом, и той крайне свирепой формой инфлуэнцы, которой старик заболел. Это было очень скоро после того как он, Бэнни, окончил университет и, получив ученую степень, собирался привести свой план в исполнение — собирался уйти из дому с Григорием Николаевым. И все те труды и волнения, которых он так искал, он нашел у себя дома. Несколько дней его отец был между жизнью и смертью, и Бэнни испытывал те мучительные угрызения совести, которые ему предсказывал Вернон Роскэ. Старик поборол болезнь, но был очень слаб и жалок, и врач предупредил семью, что инфлуэнца оставит, по всей вероятности, его сердце в очень плохом состоянии и что за ним будет нужен самый тщательный уход. Главное же, нужно было оберегать его от всяких волнений. И уехать, оставить отца в таком состоянии Бэнни, разумеется, уже не мог. Больной все время, как маленький, держал его за руку, и Бэнни должен

был сидеть около него и читать ему вслух всю эту грустную и трогательную историю молодого принца Сиддхарта. Сказал ли м-р Росс что-нибудь о плане своего сына Ви, или, может быть, это был телепатический контакт двух подсознаний, — как бы то ни было, Ви часто приезжала к больному и проявляла столько доброты и участия, что "дикий слон" в душе Бэнни оказался связанным миллионом шелковых шнурков.

А когда больной настолько поправился, что мог сидеть на солнце на террасе, то его хитроумная голова не замедлила выработать один очень тонкий план.

— Сынок, — сказал он в один прекрасный день Бэнни, — я все это время думал о том, что ты мне сказал, и пришел к тому убеждению, что ты имеешь полное право желать поступать согласно твоим идеям. И я думаю, что мы, может быть, могли бы в конце концов прийти к одному компромиссу.

— К какому, папочка?

— А вот к какому. Что, если бы у тебя были свои собственные деньги, которые ты мог бы тратить по своему усмотрению? Разумеется, я не счел бы себя вправе помогать тебе делать что-нибудь противозаконное, но если то, чему ты хочешь учить, не будет заключать в себе никаких проповедей насилия, то, я думаю, это тебе можно будет устроить. Если у тебя будет примерно тысяча долларов в месяц, которые ты целиком можешь тратить на пропаганду? Это тебя не устроит?

Тысяча долларов в месяц! Превосходно! Бэнни совершенно не считался со стандартами своего собственного класса, по которым тысяча долларов в месяц недостаточна для того, чтобы иметь маленькую яхту, — он думал, сообразуясь со стандартами радикалов, для которых тысяча долларов в месяц означала трудовой колледж или еженедельную газету. Не было произнесено ни слова о том, чтобы Бэнни оставил свое намерение уйти из дома, но он понял, что это предложение было своего рода "взяткой", — отец хотел его купить. И он не смог устоять против соблазна и побежал к телефону сказать Рашель, что у него была для нее в виду очень интересная работа.

Он пригласил ее назавтра и дорогой все время строил планы. Рашель может остаться секретарем Лиги молодых социалистов; за ее работу в газете он будет платить ей такое же жалованье, какое она получала бы, если бы взяла то место, какое ей обещали. Молодые социалисты наймут большое помещение и будут издавать еженедельную газету, предназначенную для высших школ и колледжей Энджел-Сити. Бэнни был теперь уже свободен от обещания, данного доктору Кооперу, — не заниматься пропагандой в стенах Тихоокеанского университета. Теперь он был волен вести ее где и когда ему заблагорассудится, и, разумеется, за этим дело не станет. Студенты всех университетов смогут наконец кое-чему научиться и будут знать и о современных идеях, и о рабочем движении, и о социализме, — только о коммунизме не очень-то много, потому что м-р Росс счел бы это, конечно, пропагандой насилия, преследуемой законом.

Глава восемнадцатая

БЕГСТВО

Лето 1923 года было очень приятно для Бэнни. Быть одним из издателей маленькой газеты и иметь возможность говорить все то, что хочешь сказать, излагать все эти мысли печатно и еженедельно выпускать в свет все эти листки, не боясь, что декан Сквирдж выхватит их из ваших рук и что полиция или чересчур ревностные патриоты предпримут набег на ваше издательство! Рассылать по почте эту газету всем, кого вы знаете, и сознавать, что вы излечиваете их от их предрассудков! Бэнни поместил в число тех, кому должна была высылаться его газета "Юный студент", всех своих прежних товарищей по классу.

М-р Росс медленно оправлялся от пережитых волнений. Он каждую неделю аккуратно прочитывал маленькую газетку сына, но ни в какой цензуре она не нуждалась, так как Рашель, этот яркий член социалистической партии, не оставляла ни одного самого маленького местечка для представителей левого крыла, и когда эти последние начинали указывать Бэнни, что обе стороны имели одинаковое право голоса, и убеждали его принять и их в число своих сотрудников, то Рашель возражала, что никто не запрещал им в таком случае издавать свою собственную газету. И здесь, как и всегда и всюду, Бэнни опять слушался женщины. Это было, действительно, почти так же плохо, как если бы он был женат!

Газета оказывала ему большую поддержку и в том еще отношении, что Ви теперь гораздо реже с ним ссорилась. Она была так поражена его безумным планом уйти из дому и сделаться одной из жертв тяжелой индустрии, что страшно обрадовалась компромиссу и довольствовалась теперь тем, что отнимала у Бэнни только половину его времени, предоставляя другую в распоряжение Рашели и "Юного студента". Сама Ви интенсивно работала над новой картиной "Золотое ложе", героиня которой попадает в сети, расставленные одним из балканских принцев. Для этой роли они достали настоящего румынского принца с очаровательными манерами, и принц был рад выражать свою преданность Ви в те часы, которые Бэнни проводил со своей социалисткой-еврейкой.

От Берти получались длинные письма. Она была на седьмом небе от блаженства. Она оказалась в самом центре блестящего светского общества: завтракала с принцем таким-то, обедала с герцогиней такой-то... Почему бы ее отцу и Бэнни не приехать ее навестить? Бэнни мог бы сделать такую блестящую партию! Эта идея заставила м-ра Росса громко расхохотаться. Как раз подходящее время для его поездки в Париж!

Буровые работы на Сеннисайдском участке продолжались. Там действовало уже несколько фонтанов, и все они с избытком оправдывали возлагавшиеся на них надежды. Иногда м-р Росс сам отправлялся в контору этого участка, но в большинстве случаев в его "берлогу" являлись молодые блестящие помощники, и он давал им те или другие указания. На редкость деловые молодые люди, сосредоточившие все свои способности на добывании нефти из земных недр! Их не преследовали никакие грезы, никакие сомнения, ничего такого, что могло бы поколебать их уверенность в том, что добывание нефти из недр земли было самой важной целью человеческого существования. Они весь свой ум посвятили служению этому делу, считались лучшими работниками в своих департаментах, и их престиж

все увеличивался, а одновременно с ним — и их жалованье. И всякий раз по уходе их из "берлоги" на лице м-ра Росса мелькало грустное выражение. Почему его Бэнни не мог быть таким, как вот этот молодой Симмонс, или молодой Хейманн, или молодой Боллин?

II

Доктор разрешил м-ру Россу заниматься делами в течение не более двух часов в день, и потому Бэнни часто совершал с отцом небольшие прогулки по улицам Энджел-Сити. Они двигались медленными шагами, и м-р Росс всякий раз, когда слышал во время этих прогулок проповеди Эли, заливался веселым смехом. Он испытывал ехидную радость от успехов пророка "третьего откровения" — успехов, свидетельствовавших о тупоумии масс. Каждая такая прогулка все более и более убеждала вас в том, насколько вы были правы, стараясь отнять у этих людей земли морского ведомства. М-р Росс подписался на маленькую газетку, издававшуюся одним из противников Эли, полную разоблачений всех его плутовских приемов.

Духовные власти были очень недовольны тем успехом, которым пользовался пророк "третьего откровения", и его главный противник, Том Пуббер, вел против него энергичную кампанию, занимаясь тщательным расследованием всех тех случаев "чудесных исцелений", о которых он так громко заявлял. Последователи Эли не желали, между прочим, бросать своей привычки кататься по полу и кричать на разных языках, и для того, чтобы не лишиться их этого удовольствия, "пророк" устроил в своей новой скинии несколько специальных помещений с такими толстыми стенами и дверьми, что желающие принимать участие в подобного рода беснованиях могли все это проделать без риска быть услышанными остальными молящимися. И все это достопочтенный Пуббер самым добросовестным образом описывал в своей газете и посылал ее продавать к дверям новой скинии. Но этих бедных газетчиков последователи "пророка" жестоко избивали, и, как это ни странно, полиция почти никогда не арестовывала этих нарушителей общественного порядка, а если когда и арестовывала, то немедленно отпускала на все четыре стороны. Очевидно, могущественный "пророк" "третьего откровения" умел держать в страхе все власти Энджел-Сити.

К "пророку" предъявляли еще одно обвинение: его враги постоянно писали о его слабости к женскому полу, и обвинение это было особенно серьезно в силу того, что Эли всегда особенно яростно преследовал всякого рода разврат и прелюбодеяние, будучи совершенно солидарен в этом отношении с еврейским пророком первого откровения. М-ра Росса все это очень забавляло, а скоро случилось событие, доставившее ему особое удовольствие.

В один прекрасный день Бэнни повез его кататься по малоллюдному побережью, и они остановились позавтракать в небольшой дешевенькой гостинице. И с кем бы, вы думали, они столкнулись в дверях? С Эли Аткинсом, который выходил из отеля в сопровождении очень хорошенькой молодой женщины. Эли, не останавливаясь, обменялся с м-ром Россом и Бэнни приветствием, а отец Бэнни, постояв с минуту

неподвижно, глядя вслед удалявшейся парочке, вошел в отель и, обращаясь к сидевшему за конторкой заведующему, спросил небрежным тоном:

— Сейчас я встретил здесь одного знакомого, но совершенно забыл его имя. Будьте добры, скажите мне фамилию того джентльмена, который только что столкнулся со мной в дверях.

— М-р Т. Броунс из Санте-Инец.

— Он живет в этой гостинице?

— Да. Он завтра уезжает.

М-р Росс стал перелистывать книгу с именами приезжающих и прочел в ней: "Т.Броунс с женой. Санте-Инец", написанное тем крупным, некрасивым почерком "пророка", который м-р Росс знал так хорошо — немало "деловых" писем получал он от Эли за последнее время!

III

Президент Гардинг умер, и Дан Ирвинг сообщил Бэнни о всех тех сплетнях, которые ходили в Вашингтоне. Говорили, что старый джентльмен не желал лично возиться с деньгами нефтепромышленников, а потому Барней Брокуэн и его "оценщик" сделали все за него и, положив всю сумму в один из банков Уолл-Стрита, время от времени приносили президенту внушительные пачки кредитных билетов. Говорили, что его вдова нашла в одном из несгораемых ящиков много таких пачек на сумму в несколько сотен тысяч долларов и, решив, что ее муж хранил их там для какой-то другой женщины, пришла в такое неистовство, что нарочно стала кричать об этом направо и налево. И это очень оживило царившие в Вашингтоне сплетни.

Потом Ирвинг сообщал о новом президенте — маленьком человечке, слава которого была основана на легенде, что он будто бы прекратил забастовку бостонских полицейских. В действительности же он в это время сидел запершись в самой отдаленной комнате своего дома с большим синяком под глазом — дар одного из забастовщиков. Мечтой его жизни было, как он сам говорил, иметь свой магазин, и это, конечно, свидетельствовало об уровне его развития. А так как он абсолютно не обладал даром слова и не знал, что говорить, то газеты прозвали его "сильным, молчаливым человеком".

Бэнни поместил в газете только незначительную часть всех этих новостей, так как Рашель сплетен не любила. Зато они напечатали несколько фактов, открывающих глаза на закулисные интриги университета, на всех этих профессиональных атлетов, и Бэнни был несказанно рад возможности обличить противозаконные деяния всех тех студентов, которые всегда так яростно нападали на членов Лиги социалистической молодежи.

В декабре состоялось заседание нового конгресса, и положение вещей сразу остро изменилось. "Недовольные" оказались теперь в таком большинстве, что, действуя заодно с демократами, им удалось добиться назначения расследования дела о нефтяных договорах. Эта новость как громом поразила м-ра Росса и Верна. Их вашингтонские агенты проглядели возможность такого случая. Верн моментально вскочил в автомобиль и помчался в столицу посмотреть, что может сделать в

последнюю минуту туго набитый бумажник. Но, по-видимому, он сделал очень немного, так как специальная комиссия начала уже свои расследования и собирала свидетельские показания.

Событие произвело чересчур большую сенсацию, для того чтобы можно было его замять. Секретарь Крисби не был так дальновиден, чтобы положить нефтяные деньги в какой-нибудь несгораемый ящик; он поступил как дурак: внес сразу большую сумму денег за выкуп из залога своего тexasского ранчо и купил целую уйму всевозможных бросающихся в глаза вещей. Он дошел до того, что сказал даже своему управляющему, что получил шестьдесят восемь тысяч долларов от Вернона Роскэ, а управляющий не замедлил, конечно, разстрезвонить об этом по всему околотку. А когда сенаторы призвали этого не в меру болтливого управляющего в свидетели, то он ничего не нашел лучшего, как заявить, что все это сплошное недоразумение, что он говорил не о шестидесяти восьми тысячах долларов, но "о шести или восьми купленных Крисби коровах"! Такого рода ошибка была, разумеется, вполне естественна, не правда ли?!

Дальше было выяснено, что секретарь Крисби в один прекрасный день положил в банк сто тысяч долларов. Откуда взял он эти деньги?

Один из крупных газетных издателей в Вашингтоне письменно заявил, что он ссудил этой маленькой суммой своего дорогого друга, "так просто", не имея в виду никакой особенной цели, и после такого заявления уехал во Флориду, ссылаясь на свое плохое здоровье и прося его больше не беспокоить. Но комиссия этим не удовлетворилась, командировала во Флориду одного из своих членов и принудила знаменитого издателя явиться в Вашингтон, и там перед лицом нескольких десятков представителей газетных репортеров он сознался, что вся эта история была просто сказкой, сочиненной им для своего друга.

IV

М-р Росс получал ежедневно длинные телеграммы от Верна, которые тот посылал. Посылал, конечно, не прямо ему, но на имя жены одного из его юных блестящих помощников. Разумеется, характер всех этих телеграмм был не совсем такой, какой доктор рекомендовал бы своим больным для успокоения их нервов. Нет, они все время держали м-ра Росса в очень мучительном, напряженном состоянии. О, сколько, сколько раз он упрекал себя в том, что не послушался советов своего юного идеалиста и не остался в стороне от всей этой передряги! Но, разумеется, Бэнни теперь уже ничего ему не говорил. Он только читал все эти волнующие известия и ждал и спрашивал себя, когда же наконец поразит их громовая стрела...

В кино ставили новую картину с Аннабель в главной роли: "Сердце матери". Ожидалось грандиознейшее торжество, на котором должны были присутствовать и Бэнни с Ви и его отец с тетей Эммой. По крайней мере еще один вечер им предстояло провести шумно и весело. Но в самый день этой "премьеры" Бэнни, вернувшись домой из своей редакции, встретил в сенях свою тетку, бледную, дрожащую, взволнованную до последней степени.

— О, Бэнни, — воскликнула она, бросаясь ему навстречу, — я так ждала тебя! Случилось нечто ужасное! Они хотят арестовать твоего отца!

— Арестовать?!

— Да, да. За ним уже приехали... Там перед домом автомобиль. О, только бы они тебя не увидели и не остановили! Я так боюсь, Бэнни, так боюсь! Сделай все, все возможное, чтобы не дать им схватить и арестовать твоего отца!

Бэнни удалось в конце концов добиться от тети более толкового объяснения того, что случилось, и то, что он узнал, вполне объяснило ее волнение.

Молодой Боллинг, доверенный помощник его отца, был несколько минут перед тем у тети Эммы. Он принес Бэнни крайне срочную записку от его отца. Вот что прочел Бэнни. Он должен был немедленно сесть в свой автомобиль и сделать все возможное, чтобы удрать от преследования тех, кто, без сомнения, будет за ним гнаться, чтобы этим способом открыть местопребывание его отца. Как только ему удастся убежать от их погони, он должен оставить свою машину, купить закрытый двухместный автомобиль, не очень новый, так как им, может быть, придется ехать с большой скоростью, зарегистрировать его на какое-нибудь вымышленное имя, отправиться в ближайший городок — Сан-Паскуале, где на перекрестке двух улиц, Агем и Трон, его встретит отец. М-р Боллинг дал тете Эмме пятидесятилетний билет и ушел, надеясь, что те, кто ждал перед домом, последуют за ним.

Бэнни постарался успокоить как мог перепуганную тетку. Никто не намеревался арестовывать его отца. Хотели только забрать его в свидетели, как это сделали с обоими О'Рейли — отцом и сыном. Потом, сунув в чемодан несколько носильных вещей, Бэнни поспешил к своему автомобилю. Да, это была правда, перед домом стоял еще чей-то автомобиль и, как только Бэнни отъехал несколько шагов, двинулся за ним следом. Бэнни старался лавировать самым искусным образом, заезжая во все улицы и переулки, но автомобиль все время следовал за ним. Тогда Бэнни решил отправиться в самую торговую часть города, которая в этот час, от пяти до шести вечера, кишмя кишела народом и экипажами, рассчитывая, что в такой толпе ему легче будет скрыться от своих преследователей. Расчет его оказался верным, и в конце концов ему удалось уйти от погони. Тогда он поставил свой автомобиль в общественный гараж, купил новый двухместный закрытый на имя некоего Алекса Джонса и, отдав восемнадцать долларовых билетов, направился в ближайший городок Сан-Паскуале. Через полчаса он был уже там. Замедлив ход, он два раза проехал мимо того пункта, который назначил отец, и когда проезжал во второй раз, из одного отеля вышел м-р Росс. Бэнни остановил машину, отец сел в автомобиль, и они помчались вперед с быстротой ветра.

— Никто за тобой не гонится? — было первыми словами м-ра Росса.

— Кажется, нет... Но мы можем сейчас в этом убедиться.

Они сделали несколько туров по городу. М-р Росс все время смотрел в заднее окошечко.

— Никого, — сказал он наконец. — Все благополучно. Едем.

— Куда? — спросил Бэнни.

— В Канаду, — отвечал его отец, и Бэнни, который был ко всему приготовлен, поехал вдоль бульвара, который вел в северную часть Сан-Паскуале.

Бэнни правил, а м-р Росс рассказывал ему все новости. Верн удрал в Европу. По крайней мере пароход, на котором он взял себе место, отплыл в этот день, и надо было надеяться, что изловить до тех пор его не успеют. Он телеграфировал утром м-с Боллинг, прося ее передать м-ру Парадизу — это была условная фамилия м-ра Росса, — что ему необходимо немедленно ехать в Ванкувер, чтобы застать там своих друзей. Если он не выедет в этот же день, то будет уже поздно, — свидание не состоится. М-р Росс не нуждался ни в каких дальнейших объяснениях. Он уже накануне узнал, хотя и скрыл это неприятное известие от Бэнни, что сенаторы, производящие расследование дела с договорами, напали на след "Канадской корпорации" и намеревались привлечь к суду всех ее организаторов. Вероятно, об этом их намерении было уже напечатано в сегодняшних газетах и одновременно были даны подобающие инструкции и шерифу Энджел-Сити. М-р Росс и молодой Боллинг покинули контору со стремительностью, достойной быть воспроизведенной в кино. И вот сейчас Алекс и Поль Джонс мчатся ночью в Канаду со скоростью ветра. Крупный дождь барабанил по крыше и стеклам их экипажа, это уже не дождь, а форменный ливень, а они мчатся все вперед и вперед, не смея остановиться ни в одном отеле, боясь встретить в сенях шерифа Соединенных штатов, не смея даже проезжать через большие города, боясь, как бы всевидящее око разгневанного дяди Сэма не подглядело из какого-нибудь окна их приближение.

V

Доехав наконец до Ванкувера, — во время их пути ливень успел превратиться в страшный снежный ураган, — они немедленно простились со своими неудобными вымышленными именами и заняли комнаты в лучшем отеле. Разумеется, к ним тотчас же нахлынули газетные репортеры, и м-р Росс с присущим ему спокойным достоинством заявил, что это было полнейшим вздором принимать их за беглецов, скрывающихся от senatorской ревизии: они были американскими деловыми людьми, ехавшими в Британскую Колумбию для выяснения разного рода финансовых вопросов. Что же касается до этого скандала в Вашингтоне, то он был поднят недаленовидными политическими деятелями, ничего не понимавшими в серьезных делах, и договоры, о которых они так кричали, на самом деле были крайне выгодны для правительства. А "Канадская корпорация" представляла собой предприятие, в высшей степени выгодное для самой Канады. Собирались ли м-р Росс и его сын эксплуатировать нефть Британской Колумбии? На это м-р Росс ответил, что ничего определенного по этому поводу он сказать пока еще не мог.

Наконец отец с сыном остались вдвоем. Если физически они чувствовали себя теперь вполне хорошо, зато настроение их заставляло желать очень многого. Сидеть в этом городе, представлявшем собой для них пограничную черту, и сидеть без всякого дела неизвестно сколько времени. Все основания были думать, что м-ру Россу придется пробыть в ссылке довольно продолжительное время, так как сессия нового конгресса должна была продолжаться целых полгода, и все эти беспокойные сенаторы постараются затянуть дело с нефтяными договорами и дотянуть его до следующих президентских выборов. М-р Росс посылал телеграммы в свою контору и

по беспроволочному телеграфу запрашивал Верна на его пароходе. И неожиданно получился ответ от Верна: он умолял Росса немедленно ехать на свидание с ним в Лондон.

М-р Росс решил обязательно ехать. Но как же с Бэнни? В Калифорнии у него остались и его милая, и его газета. Может быть, поэтому ему лучше вернуться в Энджел-Сити? Но Бэнни сказал, что это все ерунда. Он и слышать не хотел о том, чтобы его отец переезжал целый материк и целый океан, да еще в такое время года, один. Они поедут вместе, а после того как они обсудят дела с Верном, они отправятся в Париж, повидают Берти и посмотрят на ее друзей из дипломатического мира. Тогда, если окажется в этом необходимость, Бэнни вернется домой, но об этом они успеют сообразить позже.

Старик был трогательно обрадован таким решением сына. Бэнни был для него теперь все. В тайнике своего сердца он должен был бы чувствовать себя униженным перед своим мальчиком, но он делал вид, что он пострадал исключительно только из-за беспринципности своих политических врагов. С Бэнни он мало об этом говорил, но с другими мог рассуждать об этом часами, и эта его болтливость, совершенно ему несвойственная, была самым грустным признаком того, как ослаб за последнее время его организм.

Бэнни писал длинные письма и Ви, объясняя ей положение дел и прося ее по-прежнему любить его и Рашель. Он перевел издательство газеты на ее имя и сделал требуемые распоряжения, чтобы ей ежемесячно выдавали по тысяче долларов. Отец его писал длинные письма своим деятельным молодым помощникам. Вот когда он благодарил судьбу за то, что они оказались такими дельными, толковыми людьми. Они должны были все время оставаться в контакте по кабелю с ним и с Верном. Бэнни устроил все для того, чтобы получать без задержки и еженедельные письма Дана Ирвинга и различные радикальные газеты, и таким образом отец с сыном везли всю свою полемику с собой в Европу.

Они провели четыре дня в поезде, который мчал их по снежным равнинам Канады. Дни были страшно холодные, но в вагоне было тепло и уютно, а в конце поезда был специальный вагон, весь из стекла, из которого было видно далеко во все стороны.

В Монреале, куда они приехали на четвертые сутки, их ждал совершенно сказочный по роскоши пароход с несколькими сотнями слуг, со всем тем комфортом, о котором только можно мечтать. Он привез их прежде всего в Квебек. Там их ждали газеты, и Бэнни с жадностью за них ухватился, и первое, что ему бросилось в глаза, было то, что федеральные агенты накрыли тайное заседание Коммунистической партии и арестовали всех ее делегатов. Это было в высшей степени сенсационным известием, и все газеты были полны разных подробностей. Были помещены и имена всех арестованных — и среди них имя Поля Аткинса.

VI

Все деньги, получаемые за разрабатываемую нефть всего мира, были бы бессильны сделать зимний переезд из Америки в Англию менее холодным и менее

бурным. М-р Росс оказался очень плохим моряком и в самом плачевном виде явился в тот лондонский отель, где его ждал Вернон Роскэ. Но его приятель быстро его подбодрил. Да, безусловно: при первых же звуках его громкого голоса, раздавшегося в холле отеля, м-р Росс сразу ожил.

— Черт возьми, старый шалун! Кажется, "красные" вытянули из тебя всю твою энергию?

Никто не мог вытянуть энергии из Верна — в этом нельзя было сомневаться. Он все еще продолжал чувствовать себя в самом центре Олимпа. Вся эта история с сенаторской ревизией — сущая чепуха, один из тех "сногшибательных" номеров, которые служат в цирках приманкой публики. Прошумит, и через несколько месяцев о нем все забудут.

— Да, — продолжал Верн, дружески хлопая Росса по спине, — нефть Сеннисайдского участка разработаем все-таки мы и все затраченные деньги вернем себе с лихвой!

Вернон Роскэ пошел еще дальше и сказал, что он ни минуты не сомневается в том, что им удастся отплатить "красным" сенаторам по заслугам и что м-р Росс должен только немного вооружиться терпением. Через несколько дней произойдут такие события, которые заставят говорить о себе не только американские, но и английские газеты!

Джим младший тоже получил порцию дружеских хлопков по спине. "Маленький большевик" должен показать своему старику разные диковинки Лондона и прежде всего то место, где пятьсот лет тому назад людям отрубали головы, — веселенькое зрелище, не правда ли? Когда старик хорошенько отдохнет, он, Верн, покажет ему несколько нефтяных предложений, да таких, от которых у него глаза полезут на лоб. Верн не терял времени зря. Он вложил пять миллионов в одно предприятие — в разработку громаднейшего нефтяного поля в Румынии, поля, которое было сожжено во время германского нашествия. И поле это таково, что заткнет за пояс Сеннисайд. Он, Верн, получит пятьдесят один процент и полный контроль и доставит из Америки все, что требуется для его оборудования, — весь материал. Покажет всем этим цыганам, как нужно вести такого рода дела! А сейчас он сражался с несколькими британскими нефтепромышленниками по поводу персидских нефтяных участков, и, кажется, ему удастся разбудить старого Джона Буля от его бесконечного, сладкого сна.

Создавалось очень странное, в сущности, положение, которое очень заинтересовало Бэнни: Вернон Роскэ бежал сюда от сенаторской ревизии и в то же время он, оказывается, руководил заграничной политикой правительства Соединенных Штатов, касающейся нефти; и подобно тому как там, на его родине, перед ним заискивали государственные секретари, — здесь, за границей, перед ним заискивали иностранные послы и посланники, точно это все были служащие в его конторе. Разумеется, были и другие крупные нефтепромышленники "Эксцельсиор-Пет" и Викнеф и все другие остальные члены "Великой пятерки" и их агенты, целые сотни этих агентов здесь, за границей. Но Верн был до такой степени деятелен и пользовался таким авторитетом в Вашингтоне, что все другие следовали за ним как за своим лидером. Президент Гардинг умер, но дух его был жив.

Разумеется, м-ра Росса совершенно не интересовало то место, где пятьсот лет тому назад людям отрубали головы. Попробовал было заинтересоваться этим Бэнни, но тоже не получил никакого удовольствия. Его интересовали гораздо больше те, кто подвергался опасности лишиться жизни за свои убеждения в настоящее время.

В Англии рабочее движение развивалось очень интенсивно. Образование рабочих было поставлено на весьма основательную, твердую почву. Оно находило поддержку в старых лидерах Рабочей партии, и протестовала только кучка молодых рабочих, возмущавшихся тем, что в программу этого образования не входили определенно революционные задачи. Бэнни поспешил познакомиться с этими "бунтарями", а побывав на необыкновенно интересном митинге в Альбертхолле, на котором присутствовали члены парламента и многие выдающиеся личности, по уши ушел в британскую политическую борьбу. Несколько газет поместили интервью с молодым "нефтяным принцем", увлекавшимся "радикализмом", как это называли американцы. И это вызвало отчаянное письмо Берти. Она ждала, что он придет к ней в Париж и познакомится с представителями лучшего общества, а вместо этого он продолжает за шесть тысяч миль от своей родины проделывать те же глупости! Неужели же он не мог заставить себя хоть минуту подумать о том, какое горе он причинял своим родным? Элдон не сегодня-завтра ждал повышения по службе, а тут его шурин желает портить все его дела! Берти, видимо, старалась сдерживать свое негодование и объясняла брату ту разницу, которая существовала между Европой и Калифорнией. Здесь общество гораздо серьезнее смотрело на красную опасность, и как бы могло начальство Элдона относиться к нему с доверием, зная, что члены его семьи сочувствуют московским убийцам?

Бэнни ответил сестре, что все это было действительно очень грустно, но делать было нечего: ей и ее мужу придется, вероятно, совершенно отказаться от него, так как он никогда не перестанет интересоваться рабочим и социалистическим движением тех стран, по которым он теперь путешествует. Написав это, Бэнни почувствовал, что с груди его сняли большую тяжесть, и с легким сердцем принялся писать статью для "Молодого студента", с подробным отчетом всего того, что он видел и слышал среди заграничных "красных".

В этот день он получил последний номер своей маленькой газетки и, внимательно прочтя его с начала до конца, остался им очень доволен. Рашель Менциес превращалась в настоящего, заправского издателя, работала гораздо лучше, чем он сам. Она выпустила несколько приложений, называвшихся "Правосудие и студент", в которых обсуждались задачи юного поколения, и видно было, что она вникала в самую суть вещей. А сколько было достоинства и убедительности в ее манере защищать свои взгляды! Она никогда не выходила из себя, не злилась, как это сплошь да рядом случалось с юными "красными". Это не могло не произвести сильного впечатления и на м-ра Росса старшего.

— Да, безусловно, очень умная девушка. По первому взгляду на нее этого никак нельзя было сказать. Но все эти еврейки вообще ведь очень живые и толковые люди.

Бэнни продолжал получать также письма и из Вашингтона от Дана Ирвинга, в которых тот сообщал последние известия о нефтяном скандале. И Бэнни не замедлил убедиться в том, как точно исполнялось пророчество Верна о скором крахе ревизии. Вся сила генерал-прокурора обрушилась теперь, главным образом, на недовольных "красных" сенаторов, и очень скоро, как и предсказывал Верн, все наиболее влиятельные газеты, набравшись здравого смысла, изъяли со своих страниц преступления нефтепромышленников, заменив их отчетами о преступлениях "красных".

VIII

Выздоровление м-ра Росса шло далеко не такими быстрыми шагами, как надеялись. По-видимому, лондонская сырость и мрак были ему вредны, а потому Бэнни повез его в Париж. Берти переложила гнев на милость, приехала на вокзал, и даже ее муж, рискуя своей дипломатической карьерой, встретил их в высшей степени радушно. В течение нескольких часов все весело и дружелюбно беседовали. Но вскоре брат с сестрой опять "сцепились": Берти убеждала Бэнни прекратить свои расследования социалистического движения хотя бы на то время, пока он в Париже, а он говорил, что как раз на днях был назначен в высшей степени интересный митинг, на который он непременно хотел отправиться. Тогда Берти заявила, что в таком случае говорить больше нечего. Но пусть он никогда уже больше не рассчитывает познакомиться с принцем таким-то или с герцогиней такой-то. И неведение Бэнни в этом отношении было таково, что он совершенно не отдавал себе отчета в том, чего он лишался!

В Париже тогда было холодно и сыро. М-р Росс сильно кашлял, никогда не выходил из дому и сидел в холле отеля с таким потеряннным, грустным видом, что жалко было на него смотреть. Бэнни возил его в закрытом автомобиле по городу и показывал все самые красивые общественные здания.

— Да, все это было, безусловно, очень красиво, прекрасный город, но немало времени потребовалось на то, чтобы создать всю эту его красоту. Дома у себя мы ничего такого хорошего не успели, конечно, еще сделать. Но посмотри, что будет через несколько десятков лет!

Несмотря на все эти похвалы м-ра Росса Парижу, чувствовалось, что ему не очень-то было в нем по душе. Ему не нравились все эти чужие, странные люди с их бесконечной болтовней. Мужчины похожи на попугаев, а женщины все поголовно безнравственны. В кушанья накладывают столько всяких приправ, что вы не понимаете, что вы, собственно, едите. И что за охота американцам приезжать сюда так часто?..

Так рассуждал м-р Росс.

Было решено уехать на Ривьеру и пробыть там до весны. Они наняли виллу на самом берегу Средиземного моря и нашли наконец безоблачное небо и солнце — жалкую копию с калифорнийского солнца!.. Берти приезжала их навещать, а тетя Эмма перебралась к ним из Энджел-Сити, чтобы вести их хозяйство. Это придало их жизни много уюта. Тетя Эмма и Берти прекрасно ладили между собой, и главным

образом потому, что старшая леди никогда не уставала восхищаться всем тем, что было так близко сердцу Берти. О, как все здесь очаровательно, изящно, красиво! Эти великолепные здания, картины, все эти модные костюмы!.. Да, тетю Эмму можно познакомить и с принцем таким-то и с герцогиней такой-то, — она никогда не испортит карьеры мужа своей племянницы!

Бэнни взял себе учителя и очень быстро разучился тому "французскому языку", который ему преподавали в университете. Разумеется, он достал себе учителя-социалиста, тощего, точно объединенного молью молодого человека, который, по-видимому, за много лет не съел ни одного мало-мальски сытного блюда, "поэта в душе", как про него говорили. Кроме него, у Бэнни бывали и социалисты, и несколько коммунистов, и анархистов, и синдикалистов. Все они были или с очень плохо завязанными галстуками, или же совсем без галстуков, волосы их лезли им в глаза, и на м-ра Росса и тетю Эмму они смотрели с таким видом, точно высматривали все те хорошие вещи, которые на них были надеты, с намерением их потом себе присвоить. Даже здесь, на этом "золотом" побережье, где богатые люди Европы веселились и играли в азартные игры, — даже здесь происходили митинги "радикалов", и все эти бедные малые, всегда полуголодные, возбуждали жалость в молодом американском миллионере, жившем в роскоши и имевшем чуткую совесть. Когда стало известно, что у него можно брать деньги взаймы, в желающих сделать маленький заем не было недостатка, причем большинство из них его, конечно, обманывали. Но как мог это знать молодой американский миллионер?

Тетю Эмму сопровождал из Энджел-Сити личный секретарь м-ра Росса. Он привез с собой целый чемодан деловых бумаг, отчетов и писем, и на время это очень заняло старика и привело его в самое хорошее настроение духа. Он читал и перечитывал все эти отчеты и письма, отвечал на них, писал длинные инструкции, посылал по кабелю телеграммы и сердился, когда ответы на них были недостаточно ясны.

Да, нелегкое дело — следить за разработкой нефти, находясь за шесть тысяч миль от нефтяного поля! Теперь как раз начинали бурить первые пробные скважины в северной части Сенисайда, и так важно было бы быть там и на месте познакомиться с качеством нефтяных пластов. А эти идиоты не нашли даже нужным прислать ему полного, подробного текста отчетов геологов!

Здоровье м-ра Росса было не настолько еще хорошо, чтобы он мог начать заниматься новыми грандиозными предприятиями Верна. Ему был предписан отдых, но отдых не приносил ему желаемой пользы. Ему было скучно. Кататься взад и вперед по побережью очень скоро надоело, принимать же участие во всех этих торжествах и болтать с праздными представителями модного общества, — о, этого м-р Росс абсолютно не выносил! Все эти люди вызывали в нем глубокое презрение. Калифорнийские богачи были по крайней мере крепкими, здоровыми малыми, а здесь они все были чахлыми, испорченными до мозга костей и казались ему такими страшными. Бывший погонщик мулов отправился было посмотреть на игорный дворец, о котором гремела такая громкая слава, но тотчас же ушел оттуда и, спускаясь по ступенькам из белого мрамора сплюнул.

— Тьфу! Какая мерзость!

М-р Росс во что бы то ни стало хотел найти американцев и, после долгих поисков, нашел наконец поселившегося здесь бывшего владельца нескольких магазинов в Бич-Сити, скучавшего по родине не меньше его. Они вдвоем просиживали по несколько часов сряду на эспланаде, рассказывая друг другу о своих делах и заботах. Вскоре к ним присоединились еще банкир из Южной Дакоты и землевладелец из Техаса. Их жены и дочери настаивали на этих бессмысленных путешествиях в Европу, и они привозили их сюда, а сами ворчали и скучали, не зная, что с собой делать. Но теперь их было по крайней мере четверо, и они подбадривали друг друга, и за разговорами время проходило скорее.

IX

Наступила жаркая погода, и они вернулись в Париж. М-ру Россу это больше улыбалось. Он гулял по бульварам и заходил в кафе, где всегда можно было встретить нескольких американцев. Однажды он встретил там даже одного земляка, торговца из Энджел-Сити.

В Париж приехали и их друзья Аннабель Эмс и Вернон Роскэ. Они были в Лондоне на "премьере" "Сердце матери" и теперь собирались в Румынию и Константинополь.

Аннабель привезла из дому много новостей, и одна из них заставила м-ра Росса смеяться до слез: на семью О'Рейли внезапно нашел прилив необыкновенной скромности, и они снимали все бронзовые модные украшения, которые говорили людям о их торжественном шествии по свету. Больше уже не красовались их имена, выгравированные на бронзовых досках и дощечках, ни на ограде сада, ни на яхте, ни на автомобилях. Теперь было не время хвастаться тем, что вы — жена нефтяного магната: того и гляди какой-нибудь фанатик запустит в вас бомбу!

Заседание конгресса было отсрочено на лето, и Верн возвращался домой, но он просил м-ра Росса остаться за границей еще некоторое время, потому что "Канадская корпорация" представляла собой наиболее уязвимый пункт всей деятельности нефтепромышленников, и необходимо было переждать некоторое время, пока вся эта история совсем затихнет.

Разумеется, м-р Росс сказал, что останется, и Бэнни остался с ним. На его счастье, как раз в это время в Париж приехал Шмольский, и Аннабель не замедлила ввести его в курс всех дел. И когда он узнал обо всем, что пришлось пережить м-ру Россу, и о том, как его сын не желал оставлять его одного, то он проникся к ним большой симпатией (евреи в большинстве случаев хорошие семьянины) и решил дать несколько представлений "Золотого ложа" в Европе, что давало возможность Ви провести несколько недель со своим ненаглядным Бэнни. Боясь, как бы Шмольский не забыл о своем намерении, Аннабель немедленно заставила его продиктовать каблограну, и Бэнни воочию убедился, что значит иметь влиятельных друзей.

Совесть Бэнни могла оставаться спокойной, так как дома его никто особенно не ждал. Газета продолжала издаваться очень аккуратно. Вышло уже пятьдесят четыре номера, и большая часть из них была напечатана под единоличным редакторством Рашели.

Полю тоже в ближайшее время ничто не грозило. Один из девятнадцати арестованных на коммунистическом собрании, которому был вынесен обвинительный приговор — апеллировал, и дело остальных было приостановлено вплоть до выяснения этого вопроса. А тем временем Поль и его товарищи были взяты на поруки. Эти новости сообщила Бэнни Руфь. Было, разумеется, мучительно чувствовать, что над вами висит угроза двадцатилетней каторги, но постепенно это ощущение теряло свою остроту. Сама Руфь очень увлеклась своей деятельностью сестры милосердия, что же касается Поля, то он отправился путешествовать. Куда именно — Руфь не была уполномочена говорить. Но капиталистическая пресса это знала и говорить не стеснялась.

Время от времени во французских газетах печатались сведения о России, разумеется, всегда в самом ненавистническом тоне. И вскоре после письма Руфи Бэнни прочел в одной из газет о том, что среди американских коммунистов возникли разногласия, касавшиеся чисто тактических их приемов, и для выяснения этого вопроса враждующие стороны решили обратиться к главарям Третьего интернационала. С этой целью несколько человек лидеров американской Коммунистической партии были командированы в Москву, и в том числе Поль Аткинс, обвиненный в том, что он принимал участие в нелегальном коммунистическом собрании.

X

Целый ряд интересных событий не давал изгнанникам времени скучать. И прежде всего событие, героиней которого была тетя Эмма. Она влюбилась, и чувство ее было взаимным. Да, в этой области никогда нельзя предвидеть, чем вас могут удивить близкие вам женщины и мужчины! Ее герой был почтенный пожилой коммерсант из Небраски, который все свои часы досуга посвящал коллекционированию камней. Нашел ли он сходство между ними и тетей Эммой — неизвестно, но, как бы то ни было, он "обхаживал" ее в течение нескольких месяцев и в один прекрасный день сделал ей предложение. Свадьба была очень тихая, присутствовали одни только близкие, и после свадьбы молодые отправились в свадебное путешествие в Небраску.

После отъезда тети Эммы м-р Росс чувствовал себя некоторое время очень одиноко, а потом совершенно неожиданно сам попал в авантюру, да в такую удивительную, что, сколько бы вы ни догадывались, вы все равно никогда бы не догадались: с ним заговорили "духи"!

Случилось так, что Бэнни очень поздно остался на одном митинге социалистов и коммунистов, никогда не обходившихся в Париже без горячих прений и ссор, и когда вернулся в отель, то не застал отца дома. Когда же на другой день утром он пришел к нему в комнату, то старик довольно нерешительным, смущенным тоном спросил его, что он думает о спиритизме? Бэнни и ответил, что он ровно ничего об этом не думает и никогда не думал. Тогда его отец рассказал ему об удивительном спиритическом сеансе, на котором он накануне присутствовал и который его

совершенно поразил. За этим сеансом он имел длинный разговор со своей покойной матерью, бабушкой Бэнни.

— Что? — с изумлением воскликнул Бэнни.

М-р Росс сказал, что удивляться было вполне естественно, что он сам весь был под впечатлением того, что вчера слышал. Его мать рассказала подробно о его детстве, описала то ранчо, в котором они жили; спросила о картинах, которые она писала, о том, что он сделал с ее последним произведением, на котором были изображены германцы с кружками пива в руках; очень интересовалась узнать, висит ли еще в столовой картина с фонтаном на первом плане и экипажем с сидящими в нем молодым джентльменом и леди. Говоря с ним, она все время называла его "маленьким Джимом", и это было до такой степени реально, что слезы все время навертывались у него на глазах.

Бэнни спросил, где же это все происходило, и отец рассказал ему, как было дело. Он познакомился с одной леди, жившей в их отеле, м-с Оливье из Бостона. Она была замужем за французом и овдовела год или два назад. М-р Росс несколько раз с нею разговаривал. Она рассказала ему, что она спиритка, хорошо знакома с одним известным медиумом, который часто дает сеансы в ее комнатах в этом отеле, и приглашала м-ра Росса на них присутствовать. И вчера он пошел и был свидетелем самых удивительных вещей. По воздуху носились разного рода предметы — музыкальные ящики, трубы; они светились фосфорическим светом, и из них раздавались голоса. Потом начали появляться духи. Последним появился дух его матери, которая назвала его "маленьким Джимом" и рассказала такие вещи, от которых у него захватило дыхание. Ну каким образом медиум мог узнать все эти подробности?

Вполне естественно, что так как м-р Росс сидел в отеле без всякого дела, то он пошел и на следующий сеанс и еще на следующий, скоро изучил подробно весь спиритический ритуал и относился к нему так же серьезно, как к обрядам какой-нибудь религии. И в этом не было ничего странного. Он обходился без религии все время, пока был здоров и занят делами; но теперь, когда он стал стар, слаб и болен, ему хотелось на что-нибудь "опереться". Он стыдился этого чувства, боялся, что его сын будет над ним смеяться. Но, в конце концов, разве знал Бэнни, почему душа человека не могла жить после его смерти? Нет, этого Бэнни, разумеется, не знал. Вскоре отец пригласил и его на один из сеансов. Неужели же это не было важнее социализма? Если бы действительно оказалось, что мы будем жить вечно, то было бы совсем нетрудно переносить всякие временные неудобства и беспокойства. Не стоило бы тогда так волноваться и по поводу таких вещей, как деньги...

И подумать только, что все это говорил Дж. Арнольд Росс!

Бэнни, старавшийся всегда исполнять то, о чем его просили, отправился на сеанс и был свидетелем всех этих изумительных явлений. Он знал, что фокусники, обладавшие особой ловкостью рук, производили тоже подобного рода вещи, но заикнуться об этом в обществе людей, которые во все это верили и находились в экзальтированном состоянии, было, конечно, невозможно. С него же лично было вполне довольно и одного сеанса, и на следующий день он опять пошел к социалистам. Но он не мог, да и не хотел удерживать от этих сеансов своего отца. Пусть он делается спиритом, если только это могло сделать его счастливым.

Но не так смотрела на это дело Берти. Узнав, что отец увлекался спиритизмом, она пришла в полнейшее неистовство. И чего смотрел Бэнни? Как мог он допустить, чтобы его отец попал в руки таких людей? Изю всех мошенничеств на свете — это, кажется, самое худшее! А эта ужасная женщина — м-с Оливье! Неужели не ясно, какую она преследует цель? Женить на себе их отца — вот чего она, разумеется, добивалась. Они — Берти и, Бэнни — всю свою жизнь помогали отцу если не наживать, то во всяком случае не тратить зря добываемые им деньги, а эта отвратительная авантюристка теперь на него набросилась, и Бэнни не желал отдать себе отчета в том, что происходило перед его глазами!

Никогда еще в жизни Бэнни не видел свою сестру в таком безумном гневе, как когда в ответ на все негодующие слова он сказал ей, что пусть бы спиритка-вдова получила часть денег отца, лишь бы только она помогла старику найти себе счастье.

XI

Вскоре произошло еще событие, послужившее темой новых оживленных разговоров и толков. Американские газеты в Париже сообщали сенсационную новость из Энджел-Сити: Эли Аткинс, самодельный пророк, по всем данным, погиб в волнах океана — утонул. В последний раз его видели плавающим вблизи того берега, где находился отель, в котором он взял себе комнату. С тех пор он бесследно исчез. Тело его искали и продолжают искать местные водолазы, но до сих пор все поиски были тщетны. Прочитав это известие, м-р Росс покачал головой и сказал:

— Как это странно! Почему же Бог не спас своего пророка, который своими молитвами спасал столько людей? И что будет теперь с этой скинией, на которую он хлопал столько денег?

Скоро получились газеты из Нью-Йорка, а потом и из Энджел-Сити с подробным описанием всей этой истории. Тело Эли нигде не могли найти. Прихожане скинии нанимали водолазов, которые лазали в воду и днем и ночью и при свете прожекторов обшаривали дно. А в это время тысячи верующих стояли на берегу, плача и рыдая, и воссылали богу горячие молитвы о спасении их обожаемого "пророка" в светло-зеленом купальном костюме. Но дни шли за днями. Прошла неделя, две недели, а поиски продолжали оставаться по-прежнему безрезультатными. В конце концов, это становилось уже странным, так как никогда еще до сих пор не было случая, чтобы потонувшее тело могло столько времени не быть прибитым к какому-нибудь берегу.

И вот, постепенно, начали появляться в газетах другие слухи; сначала это были только намеки: Эли, быть может, не утонул. Человека, очень похожего на Эли, видели то здесь, то там — и всегда в обществе молодой интересной женщины. По слухам, эта женщина была хранительницей священнических одеяний в скинии. Прочтя об этом в газетах, м-р Росс вспомнил, как он с Бэнни натолкнулся на "пророка" в дверях одного из прибрежных отелей.

— Бог мой! — воскликнул он. — Ну и хорошую же штуку выкинул этот малый! Удрал, очевидно, с этой женщиной, а эти олухи нанимают водолазов и заставляют искать его тело!

Да, это было действительно сенсационное известие. М-р Росс мог говорить о нем часами, забыл даже на время думать о духах. В сущности, в этом деле был и трагический элемент. Во время поисков два человека поплатились своей жизнью: один водолаз получил от долгого пребывания в воде воспаление легких, а другой, член скинии, принял какое-то пятно на воде за фигуру человека и уплыл за ним так далеко, что обессилел и утонул. И вот оказывается, что ключ всей этой истории находился у м-ра Росса в руках! Может быть, ему надо было послать каблограмму достоцитимому Пубберу?

С каждым днем получались все новые сведения. Последователям "пророка" неизвестные типы подбрасывали письма, в которых извещали их, что они его нашли и держат у себя и требуют за него выкуп — полмиллиона долларов. Все были в недоумении. Что это? Утка или действительный факт? А что же в таком случае все эти газетные сплетни о том, что его видели, — и не один, а много раз за это время, — катающимся в автомобиле вдвоем с некоей мисс Х., в которой газетные репортеры признавали хранительницу священнических одежд? Одной из весьма неприятных сторон этого скандала было то, что многие парочки, отправлявшиеся в автомобилях в любовные экспедиции, — обычное времяпровождение светской молодежи, — оказывались теперь в очень затруднительном положении. Газетные репортеры и члены полиции рыскали по всей стране в поисках Эли и мисс Х. — и горе каждому высокому белокурому молодому человеку, который приезжал в автомобиле в какой-нибудь отель вдвоем с молодой девушкой и регистрировался там, не представляя свидетельства о браке!

Но, наконец, дождались развязки. И эта развязка оказалась до такой степени сенсационной, что ее сообщили по кабелю, чем избавили м-ра Росса от излишних волнений.

Спустя ровно тридцать пять дней по исчезновении Эли несколько человек рыбаков, возвращавшихся с рыбной ловли в одну из гаваней, в нескольких сотнях миль от Энджел-Сити наткнулись на плившего к берегу человека в светло-зеленом купальном костюме и взяли его к себе в лодку. Человек этот был не кто иной, как "пророк". И вот что он им рассказал.

В то время как он купался, поднялась буря, и волны унесли его за много-много миль от берега. Тогда он обратился с молитвами к небесам, и небеса послали ему трех ангелов, которые и держали его на воде. Имя одного ангела было Стив, другой ангел был женщиной по имени Роза, третьего ангела, мексиканца, звали Филяйном. Все они по очереди держали его за помочи его светло-зеленого купального костюма, а когда он ослабевал и чувствовал, что ему делается дурно, один из ангелов улетал и приносил ему пищу. И они все время его поддерживали — и днем, когда он плыл, и ночью, когда он засыпал. И в продолжение всех этих тридцати пяти дней Эли все время только делал, что плыл или спал. Но на тридцать пятый день явился дьявол с большими огненными крыльями. Он отстранил ангелов и связал Эли руки так, что тот начал было тонуть. Но он опять вознес молитву к небесам, и ангелы направили его на плавающую в воде старую заржавленную жестяную банку от консервов и держали ее, пока он не разрезал о ее острые края связывавших его руки веревок. И сделав это, он опять был в состоянии плыть.

Итак, "пророк" был спасен и, судя по его виду, совершенно не пострадал от всего, что ему пришлось пережить. Едва только он ступил на берег и оделся в платье, которое ему дали рыбаки, как его обступили репортеры, жаждавшие услышать все подробности его чудесного спасения. Удовлетворив их любопытство, он отправился к себе в Энджел-Сити. Туда уже дошли вести о его спасении — и что это было за торжество! Народ осыпал его путь цветами. На станции собралась пятидесятитысячная толпа. Ни одна звезда кино не достаивалась такой встречи. А когда он дошел до своей скинии, то толпы его последователей опустились, как один человек, на колени, громко плача от радости и воссылая небесам благодарственные молитвы за то, что они вернули им их "пророка". Громадная скиния весь день была полна народу. Одни уходили, другие приходили — и так до самой поздней ночи, и двенадцать громкоговорителей подхватывали могучий голос "пророка" и разносили его по всей стране.

Разумеется, были тоже и скептики, в сердца которых вселился дьявол. Они отказывались верить словам "пророка" и продолжали говорить о синем автомобиле, которым управляла миловидная девушка, сидевшая рядом с закутанным в плед, с большими темными очками на носу, спутником. Но все эти рассказы были бессильны омрачить восторг толпы. Без конца повторял Эли свою историю и каждый раз все с большими и большими подробностями. Он старался передать своим голосом свист крыльев ангелов и повторял те слова, которые они ему говорили, когда он засыпал. В заключение же он всегда задавал вопрос: почему если пророк Иона три дня провел во чреве кита, а Сидрах, Миссах и Авденаго — в огненной печи, то он, Эли Аткинс, не мог продержаться тридцать пять дней на воде? И никто, разумеется, не мог ничего ему на это возразить.

Произошел еще маленький инцидент, еще больше упрочивший славу "третьего откровения". Эли, развернув свой зеленый купальный костюм, нашел в нем — что бы выдумали? Белоснежное перо! Он тотчас же узнал его. Вот оно — доказательство правдивости его рассказа! Когда об этом узнали присутствовавшие в скинии, хор ликующих возгласов потряс стены здания. Немедленно перо из крыла ангела было положено в стеклянную шкатулку и воздвигнуто на том месте, где Эли проповедовал.

Глава девятнадцатая

НАКАЗАНИЕ

I

На всех уликах Парижа красовались афиши:

"Новая картина знаменитого Шмольского с участием звезды американского кино — Ви Трэсси: "Золотое ложе"!"

Во всех газетах говорилось об этом событии — Шмольский умел вести дело широко. Сама "звезда" приезжала из Калифорнии в Париж, чтобы присутствовать на

первом представлении картины. Бэнни отправился за ней в Гавр, и радостна была их встреча после такой долгой разлуки. Все старые недоразумения были забыты. Наступил их второй медовый месяц.

Все происходило согласно расписанию, напечатанному в газетах, и "премьера" в Париже почти ничем не отличалась от "премьеры" в Калифорнии. Вся разница заключалась только в том, что парижская толпа была еще более экспансивна, еще более наэлектризована. Объяснялось это отчасти еще тем, что артист, изображавший героя, был не простым смертным, но настоящим румынским принцем, посетившим Южную Калифорнию и, по настоятельной просьбе Шмольского, согласившимся превратиться на один вечер в одну из звезд кино. Он тоже был теперь в Париже, заехав сюда на обратном пути своем на родину. Весь путь из Америки в Европу он проделал в обществе Ви, которая не замедлила познакомиться с Бэнни. Румынский принц был высокий, худощавый молодой человек, не очень красивый, но привыкший обращать на себя внимание толпы. Он со всеми был всегда очень любезен, но в этой любезности было что-то натянутое и неестественное. Его губы всегда насмешливо улыбались, и он ко всему старался относиться шутливо и сделался серьезен только тогда, когда услышал от Бэнни, что он симпатизирует "красным", этим подлым негодьям и убийцам. После этого он избегал бывать с "нефтяным принцем" и предпочитал общество его сестры.

Когда все торжества, связанные с премьерой "Золотое ложе", закончились, м-р Росс приобрел роскошный автомобиль грандиозных размеров, и они отправились в Берлин. Бэнни правил, рядом с ним сидела Ви, а м-р Росс с секретарем помещались на главных местах. С ними был также и настоящий шофер — на случай каких-нибудь непредвиденных остановок. Это путешествие было точной копией с их автомобильной поездки из Энджел-Сити в Нью-Йорк. Безукоризненные дороги, красивые ландшафты, смиренного вида крестьяне, снимавшие при встрече с ними шапки и смотревшие на них с выражением почтения в глазах, отельные слуги, бросавшиеся со всех ног к ним навстречу, — все это было им так знакомо. Вся Европа должна американцам деньги, и вот как она им за это платит!

Из Берлина они поехали в Вену. Теперь это был жалкий город, с трудом окупавший рекламы, но свое прежнее обаяние ему все еще до известной степени удалось сохранить, и с его прессой считались. И успех Ви если и был здесь менее шумным, зато более ценным. Теперь Ви начинало все это немного надоедать. Звезда кино "выжала" из жизни все, что могла. Ее турне по обоим континентам было уже закончено. Она больше не представляла собой интересной "новинки", и никаких новых эмоций в этом роде она ждать уже не могла. Впереди все было то же самое, ничего нового, ничего... И в первый раз она почувствовала себя усталой от жизни.

Один только м-р Росс обладал даром вечной юности духа. Он, как ребенок, радовался каждой новой "премьерой", точно он ни одной подобной раньше не видел. Он едва не поехал даже в Бухарест, где ее величество королева должна была в честь принца Мареску присутствовать на первом представлении. Но его удержала в Вене другая приманка — духи. Его друг м-с Оливье дала ему письмо к одному изумительному медиуму, и не побывать на его сеансах было, разумеется, невозможно.

Было только одно облачко на ясном горизонте их второго медового месяца, но его Бэнни глубоко затаил в своей душе. Как в Берлине, так и в Вене издавались газеты "красной" молодежи, и он считал своим долгом побывать в их издательствах и пригласить их издателей и редакторов с собой завтракать, чтобы потом послать Рашель материал для ее газеты. В Вене существовала одна газета на английском языке, преданная делу защиты политических преступников. Это была коммунистическая газета, но так ловко замаскированная, что Бэнни в этом не разобрался, и во всяком случае ему очень хотелось познакомиться с ее издателями. Он ведь все еще старался понять обе стороны и найти в них какие-нибудь точки соприкосновения даже здесь, в Европе, где социалисты и коммунисты в течение долгого времени были в открытой вражде.

В этом убогом издательстве, помещавшемся в рабочем квартале города, Бэнни натолкнулся на ужасное зрелище. Ему показали человеческое существо, которое сравнительно недавно было еще здоровым, бодрым юношей, а теперь это был форменный скелет, обтянутый зеленовато-желтой кожей. У него было только одно ухо; он не мог говорить, так как язык его был отрезан; зубов во рту не было, ногтей на пальцах тоже не было; а когда один из служащих в издательстве поднял его рубашку, то Бэнни увидел, что все его тело было в глубоких кровавых рубцах.

Это был бежавший из румынской тюрьмы заключенный, и все раны и язвы он получил в наказание за то, что отказался выдать своих товарищей представителям белого террора. В конторе издательства было много писем и фотографий, свидетельствовавших о подобных же фактах, так как все это проделывалось в Румынии с тысячами женщин и мужчин. Страна находилась в руках шайки негодяев, которые грабили все, что только могли, и продавали направо и налево все ее природные богатства. На самое большое из нефтяных полей Румынии был недавно заключен договор с одним из американских синдикатов. Может быть, "товарищ Росс" об этом слышал? "Товарищ Росс" ответил, что да, он слышал. Он только не прибавил, что его отец был одним из членов этого синдиката.

Этот несчастный — жертва белого террора — был родом из Бессарабии, русской провинции, отнятой у России на основании нового принципа самоопределения народов. Она была населена русскими крестьянами, и вполне естественная борьба этих людей за свою свободу была встречена румынским правительством избиением и страшными пытками не только самих восставших крестьян, но и каждого, кто только выражал им какое бы то ни было сочувствие. И это не было каким-нибудь sporadическим явлением — это происходило на всех русских окраинах, на всем протяжении от Балтийского до Черного моря. Все эти области, населенные русскими крестьянами, были взяты у красных и переданы белым. И вам ясно, что получилось? В областях, лежащих на запад от этой границы, у крестьян были земли и правительство; они были свободными людьми и создавали новую рабочую цивилизацию. По другую же сторону этой границы крестьяне продолжали быть рабами землевладельцев; у них отнимали все плоды их трудов и при малейшем их ропоте — били и убивали. Невозможно было, конечно, препятствовать крестьянам

переходить из одной области в другую, и контраст между этими двумя цивилизациями был так ярк, что это мог бы понять каждый ребенок. И в силу этого классовая борьба все не прекращалась, выливаясь в форму безобразнейшей гражданской войны, о которой ни словом не разрешалось заикаться за пределами страны.

Предоставленная самой себе, вся эта землевладельческая аристократия не просуществовала бы и одного года. Но за ней стоял мировой капитал. Она получала все свое оружие, которым производила свои убийства, или же деньги на покупку этого оружия — от Америки, от представителей крупной американской промышленности. Да, это Америка поддерживала весь этот белый террор с целью получить проценты с отданных ею займы сумм и иметь таким образом возможность явиться в эту страну и скупить все решительно: железные дороги, рудники, нефтяные поля, даже усадьбы и земли. Не возьмет ли на себя "товарищ Росс" объяснить американскому народу, на какое кровавое дело шли их американские деньги?

На совести Бэнни, когда он вышел из издательства, было тревожно. Скажет он все это или нет? И кому первому? Может быть — ей, своей Ви, любимице публики? Но что ей сказать? Что ее молодой принц Мареску, от которого она была в таком восхищении, был сыном одного из самых кровавых негодяев, правящих страной?

В течение всего обратного пути из Вены в Швейцарию, проезжая через эти полные величия снежные горы, Бэнни чувствовал себя далеко не таким счастливым, каким ему полагалось быть. Он часто подолгу сидел в глубокой задумчивости и на вопросы Ви отвечал очень уклончиво. Но как все женщины, когда дело касается любви, Ви умела быть очень хитрой и догадливой.

— Это не "красные" привели тебя в такое настроение? Те, у которых ты был? — спросила она.

— Да, дорогая, но не будем об этом говорить. Все равно для наших с тобой отношений это не составит никакой разницы. Давай говорить о чем-нибудь другом.

— Нет, это составит громадную, колоссальную разницу, — отвечала Ви, и голос ее прозвучал как какое-то мрачное злое предсказание.

III

В Париже м-ра Росса ждало несколько длинных писем от Верна. Правительство дало ход делу о возвращении Морскому ведомству его нефтяных участков, и на Сеннисайдском поле все работы были прекращены. Но особенно беспокоиться и волноваться им по этому поводу было нечего: их организация начнет работать на различных заграничных концессиях, а что касается денег, то того, что они будут получать теперь с участка в Парадизе, им не прожить, если они будут жить несколько столетий.

Как это ни странно, эти новости очень мало взволновали м-ра Росса. Его интересовали другие вещи: его друг м-с Оливье нашла нового медиума, еще более знаменитого, чем все остальные. Эта была простая крестьянка с желтыми зубами, страдавшая падучей. Из глубин мирового сознания она вызвала дух деда м-ра Росса,

который переехал когда-то весь материк в крытом возке и погиб в Могавской пустыне. А одновременно вызвала еще дух одного начальника индейцев, того самого, которого старый пионер убил во время своего путешествия по пустыне. Необыкновенно интересный сеанс! Такое сильное впечатление произвел на м-ра Росса рассказ его деда об этих первобытных войнах между красными и белыми.

Берти это приводило в полное неистовство. С отцом она много говорить об этом не решалась, так как он был все еще "хозяин" и мог предложить ей замолчать или уйти. Поэтому она набросилась на Бэнни, всячески укоряя его за то, что он ничего не предпринимал для того, чтобы спасти отца от этого вампира... Слушая эти слова, Бэнни не мог не рассмеяться, — так далека была м-с Оливье от типа женщины-вампира: толстая пожилая леди, добродушная и сентиментальная, с мягким, ласковым голосом. Было так забавно, как она ворковала духу свирепого предводителя индейцев: "Ну как, Красный Волк, будете вы милы сегодня с нами, да? Мы так, так рады опять вас услышать! Здесь сегодня правнук капитана Росса, и он тоже будет рад с вами поговорить и услышать от вас что-нибудь о том счастливом мире, откуда вы к нам приходите".

Бэнни ездил с Ви осматривать Париж — город, который выставлял напоказ всему миру моральный крах капиталистического империализма. В театрах этого "центра культуры" вы могли видеть на сценах группы совершенно голых женщин, тела которых были раскрашены во все цвета радуги, причем это раскрашивание имело такое вредное влияние на кожу и на самый организм, что было несколько случаев тяжелых отравлений, кончавшихся смертно. Во время пребывания Бэнни в Париже артисты всех родов искусства вломились как-то в амбицию за то, что администрация подземной железной дороги воспротивилась одной неприемлемой формы рекламы: для того чтобы выразить свой гнев на строгость цензуры, несколько сотен мужчин и женщин явились на рассвете, после ночной оргии, на перрон метрополитена совершенно голыми и требовали, чтобы их пустили в таком виде в вагоны... Все эти "творцы красоты" и "наставники будущего" имеют обыкновение раз в год устраивать бал, известный под именем бала "Четырех искусств", и Ви как приезжая артистка получила приглашение. И то, что происходило на этом балу, по своей непристойности совсем не поддается описанию!

Время, остававшееся у него от подобного рода развлечений, Бэнни употреблял на приведение в порядок собранного им материала, который должен был составить содержание передовой статьи следующего номера "Юного студента". В ней он, на основании достоверных фактов, выражал горячий протест против румынского белого террора. В один прекрасный день он, уходя из отеля, оставил уже почти совсем законченную рукопись на своем письменном столе, а когда вернулся — ее там не нашел. Рукопись исчезла, и все его опросы отельной прислуги ничего не выяснили. Два дня спустя к нему явилась Берти в одном из своих "буйных" настроений духа. Ей было известно содержание рукописи, и она была в ужасе от того, что брат был к ним так безжалостен и из-за своих глупых фантазий губил их карьеру.

— Эддон подослал ко мне своих сыщиков? — воскликнул Бэнни и уже готов был выйти из себя, но Берти поспешила заявить, что Эддон тут ни при чем, что это дело рук французской тайной полиции. Неужели же Бэнни мог думать, что французское

правительство зорко не следило за большевистской пропагандой? Неужели они позволят Бэнни устроить в их стране центр заговора, цель которого нарушить спокойствие Европы?

Бэнни спросил сестру — неужели они были так глупы, чтобы вообразить, что могут ему запретить написать домой о том, что он узнал в Вене? Он, конечно, напишет вторую статью и всегда найдет способ доставить ее в Америку, как бы усердно ни следили за ним все шпионы Парижа. Услыхав это, Берти не выдержала и расплакалась. Хуже всего было то, что он писал все это именно о Румынии. Она, Берти, только что нажала все пружины для того, чтобы Элдон получил важный дипломатический пост, действуя для этого при помощи двух соединенных влияний — Вернона в Вашингтоне и принца Мареску в Бухаресте, и Бэнни своей возмутительной статьей погубит весь его план... Больше того — Бэнни погубит и свое собственное счастье. Неужели же он был так слеп, что не видел, что Мареску был влюблен в Ви? И неужели же он намеревался ему ее отдать? Французское правительство, которое вооружало Румынию для войны с Россией, разумеется, не замедлит известить обо всем этом принца, и что будет, если он вернется в Париж и вызовет Бэнни на дуэль? Но такая перспектива заставила ее брата только рассмеяться.

— Мы будем с ним драться на ракетках, которыми играют в теннис, — сказал он.

IV

События дошли до высшей точки своего развития. Бэнни подали письмо с парижским штемпелем, но адрес был написан знакомым почерком, заставившим ускоренно забиться его сердце. Поспешно разорвав конверт, он прочел: "Дорогой друг, я приехал сюда на несколько дней. Может быть, придешь со мной повидаться? Твой старый друг Поль Аткинс".

Бэнни было теперь двадцать четыре года, но в эту минуту он снова почувствовал себя тем тринадцатилетним мальчиком, который, оставив своего отца одного во дворе м-с Гроарти, сам побежал по дороге с криком: "Поль! Поль! Где ты? Пожалуйста не оставляй меня!" Так же вот и теперь он оставил Ви, с которой уговорился ехать кататься, и, попросив сестру пригласить ее на это время к себе и сказав, что едет по неотложному делу своего отца, сел в автомобиль и помчался в тот скромный отель, где остановился Поль.

Поль еще больше похудел. Он был прямо страшен, но его строгое лицо сияло каким-то внутренним светом. Он снова жил в стране, которой правили рабочие, но на этот раз жил не в качестве раба, живущего на жалованье, не в качестве штрейкбрехера в военном мундире, а как свободный человек, один из хозяев будущего. А потому, сидя теперь в этой маленькой, жалкой комнате, Бэнни видел перед собой фанатика апостола. Поль со своими резкими чертами лица, со своими привычками к тяжелой работе членами — являлся олицетворением воинствующего рабочего класса.

Как и его фанатик брат, он рассказывал о виденных им чудесах, но чудеса, о которых он рассказывал, были не вымышленными. Прежде всего он рассказывал о

моральном чуде — о том, как стомиллионный народ провозгласил свое собственное владычество и падение всех тех, кто его эксплуатировал, — всех паразитов. Одновременно этот стомиллионный народ совершал также и физическое чудо: владея одной шестой частью всего земного шара, он строил новую цивилизацию — образец будущего. Народ этот был, конечно, беден, он взял страну совсем разоренной. Но что значит поесть впроголодь несколько лет — по сравнению с пережитыми им в течение многих столетий страданиями?

Поль подробно описал Бэнни Москву. Что его прежде всего там поразило, это движение молодежи. Молодое поколение обучалось здравому, ясному взгляду на вещи, сознательному отношению к явлениям природы, ко всем фактам физической жизни. Поль наблюдал представителей этого молодого поколения, всех этих молодых рабочих и во время их школьных уроков, и во время занятий атлетикой, и на улицах, когда они маршировали, пели, слушали речи; он сам пробовал с ними немножко говорить (он не забыл уроков, которые он брал в Сибири), и теперь его главным желанием было рассказать молодым американским рабочим об их товарищах, молодых рабочих России.

Потом Поль рассказал Бэнни о тех собраниях, которые он посещал, и между прочим — об интернациональных собраниях, на которых разрабатывались планы действий политических партий всех стран.

Но против этого Бэнни не мог, конечно, не протестовать. Неужели Поль серьезно думал, что была какая-нибудь возможность определить курс той или другой американской политической партии не в самой Америке, но где-нибудь за границей, в чужой стране?

Поль улыбнулся и ответил, что, разумеется, это трудно, — трудно русским лидерам рабочей партии уяснить себе всю степень отсталости в политическом отношении их американских товарищей. Но что же иначе могли вы сделать? Или хотеть организовать в мире порядок и спокойствие, или не хотеть. Если вы предоставите политической партии каждой страны самой определять свой курс, то вы вернетесь опять к тому, что было до войны, к людям, называвшим себя социалистами и державшим в своих руках власть во имя социализма, а на самом деле являвшимся патриотами, готовыми в любую минуту оказать поддержку эксплуататорам своей страны в их войне против эксплуататоров других стран.

Это именно было то, что грозило самому существованию человеческих рас, и предотвратить это было бы возможно, только поступая по программе Третьего интернационала, и, создав всемирное рабочее правительство, действовать согласно всем его правилам. Всемирное рабочее правительство находилось сейчас в Москве, потому что во всех других государствах его делегаты были бы или посажены в тюрьмы, или убиты, как это было в Женеве. Но через несколько лет Третий интернационал назначит свой конгресс в Берлине, а потом — в Париже и в Лондоне и в конце концов — в Нью-Йорке. Рабочие всех стран будут присылать своих представителей, и конгресс будет давать приказания, и народы перестанут убивать друг друга, страшные боины прекратятся...

Так говорил Поль, и Бэнни, как всегда, когда его слушал, был охвачен порывом горячего, юного энтузиазма.

Бэнни очень о многом хотелось расспросить своего друга, и он повел его обедать в сад одного из ресторанов. Там, сидя за отдельным маленьким столиком, они продолжали говорить обо всех интересовавших их вопросах. Поль рассказывал о школах и о тех новых программах образования, которые выработаны были в Америке, но могли быть применены на практике только в России. Говорил о нефтяной промышленности, носившей в Советской России характер государственного треста, который признавал рабочие союзы и предоставлял им право голоса во всех своих делах. Рабочие издавали свои газеты, имели свои клубы, драматические кружки, — это была совершенно новая культура, основанная на промышленности, а не на эксплуатации. Потом Бэнни спросил Поля о Руфи, о его аресте, о судебном разбирательстве его дела и о том, что он намеревался теперь делать... Сейчас он возвращался в Америку и свое организационное дело собирался начать в Калифорнии, так как знал эту страну особенно хорошо. Во время своего последнего пребывания в Парадизе он устраивал там тайные митинги, но в конце концов его там накрыли и выслали вон из этого местечка, где он провел всю свою жизнь. Но в этом не было ничего трагического: у партии было уже образовано плотное ядро, и нужная литература была уже роздана и прочитана.

Бэнни рассказал о том, что он узнал в Вене, и о том, как у него украли его статью о Румынии, на что Поль заметил, что в каждой столице Европы шпионов было больше, чем вшей. По всем вероятностям, здесь, в этом садике тоже обедает какой-нибудь шпион и прислушивается к тому, что они говорят. Его багаж раскрадывали уже много раз. Идиотское правительство старается заглушить рабочее движение и в то же время заготавливает все больше и больше оружия для будущей войны, которая приведет к большевизму так же неизбежно, как неизбежно после ночи наступает рассвет.

— Ты серьезно думаешь, что скоро будет опять война?

Поль рассмеялся.

— Спроси об этом твоего почтенного шурина, он лучше знает.

— Но он мне не скажет. Мы с ним почти не разговариваем.

Поль отвечал, что вооружение автоматически приводит к войнам; капиталисты, готовящие все это оружие, заботятся о том, чтобы оно употреблялось для того, конечно, чтобы иметь все новые и новые заказы. Бэнни сказал на это, что мысль о возможности новой войны была так ужасна, что он не мог об этом думать.

— А тот факт, что ты и другие об этом не думают, только облегчает капиталистам делать свои приготовления, — заметил на это Поль.

Помолчав немного, он сказал:

— Во время своего путешествия по Европе я несколько раз вспоминал о том вечере, когда мы с тобой познакомились. Ты помнишь, как это все было? — И на утвердительный ответ Бэнни Поль продолжал: — Я ведь не был в комнате моей тетки, где собрались все эти люди, явившиеся для того, чтобы заключить договор с твоим отцом. Но я слышал со двора все эти споры и всю эту брань. И вот теперь, путешествуя по Европе, я говорил себе: вот что представляет собой мировая

дипломатия — ссору и брань из-за нефтяного договора. Все нации полны ненависти друг к другу, и в то же время они дают друг другу обещания действовать заодно и строят сообща разные планы. А пройдет день — и они уже думают о том, как бы друг друга продать, и нет той лжи, которой они бы не говорили, и того преступления, какого они бы не сделали. Ты ведь помнишь это собрание у тетки?

О, как хорошо помнил его Бэнни! Мисс Снип — он не знал ее имени, но ее лицо, кирпично-красное от бешенства, стояло перед его глазами. "Никогда, слышите ли, никогда вы не заставите меня подписать эту бумагу! — кричала она. — Никогда! Ни за что на свете!" На что м-р Гленк кричал так же неистово: "А я вам говорю, что закон заставит вас подписать!" (Но закона не существовало в европейской дипломатии.) А м-с Гроарти, тетка Поля, злобно тарасила глаза на м-ра Гленка, судорожно сжимала руки с таким видом, точно она уже душила его за горло, и вопила: "А кто же, как не вы, ратовал за права маленьких участков? Кричали: "Поровну, поровну..." А теперь... Ах вы, змея! Подколотная змея!"

— Все эти люди, — сказал Поль, — были так ослеплены своей жадностью, что готовы были сами пожертвовать своей выгодой, лишь бы только насолить и напортить другим. И они так и сделали, — ты мне, кажется, говорил, что они не заключили договора с твоим отцом? И большинство поступает так же точно, как они. Не знаю, приходилось ли тебе слышать, — я читал это в правительственных статистических отчетах, — что на участке "Проспект-Хилл" на буровые работы ушло больше денег, чем сколько было получено с добытой нефти.

— Да это так и должно быть, — сказал Бэнни. — Я бывал там и знаю, что там столько наставлено вышек, что их платформы буквально касаются одна другой.

— Каждый стремится добыть нефти больше, чем его сосед, и на добывание ее тратит зачастую больше, чем сколько она ему дает. Разве это не точная картина капитализма? А самая война? Помнишь этих двух мужчин, стоявших друг против друга у окна с угрожающим видом, и как потом один из них угодил своим кулаком прямо в переносицу другого? А все присутствующие в комнате неистово кричали, стараясь не то прекратить драку, не то принять в ней участие...

— Разумеется, помню, — сказал Бэнни. — Помню даже их ругань. Один кричал: "Лгун, грязная старая вонючка!" А другой: "Дрянь! Завистливый щенок!"

— Так вот я и говорю: то была маленькая нефтяная война, а два года спустя началась другая, большая. И если тебе в ней что-нибудь все еще не ясно, то тебе надо только вспомнить все подробности того, что происходило тогда в доме моей тетки. Не забудь: они все дрались тогда за то, чтобы добиться возможности эксплуатировать нефтяных рабочих, разделить между собой те богатства, которые эти рабочие добывали из недр земли, и в своей безумной жадности они искалечили семьдесят три процента всех тех людей, которые работали на них на участке "Проспект-Хилл". Эта цифра тоже из правительственных статистических данных. И разве же это не точная картина мировой войны? Рабочие ведут сражения, а банкиры набивают свои карманы долларами.

Время шло, а им нужно было переговорить еще о многом. Бэнни рассказал Полю историю с Эли. Тот ничего еще о ней не слышал и нисколько не удивился случившемуся, так как Эли, по его словам, всегда бегал за женщинами.

— Это одна из причин, почему я так не выносил его проповедей, — сказал Поль. — Пусть бы его влюблялся в кого хочет, но в таком случае не запрещай и мне влюбляться в кого я хочу. Проповедует глупый идеал аскетизма, а сам тихонько исчезает и живет так, как ему нравится.

Бэнни воспользовался этим разговором, чтобы сказать Полю то, что ему давно уже хотелось, но что он все не решался.

— Поль, — сказал он, — мне нужно сказать тебе одну вещь. Вот уже три года, как я живу с одной артисткой кино...

— Знаю, — сказал Поль. — Мне Руфь говорила.

— Руфь?

— Да. Она прочла какие-то намеки об этом в газетах. — И, читая мысли своего друга, Поль прибавил: — Руфи пора знать, что мир таков, каков он есть, а не таков, каким она желала бы, чтобы он был.

— Ну так что же ты думаешь по поводу того, что я тебе сказал?

— Что я думаю? Думаю, что все дело в том, что ты чувствуешь к этой девушке. Если ты искренно ее любишь и она тебя, — то я думаю, что все ладно. Ведь вы счастливы?

— Мы были очень счастливы. Вначале. И теперь тоже — временами. Беда в том, что она ненавидит радикальное движение. Она, конечно, не вполне его поняла.

— Есть люди, которые ненавидят радикальное движение, потому что они его не понимают, другие же ненавидят именно потому, что они его понимают, — сказал Поль и, дав время Бэнни уяснить себе то, что он говорил, продолжал: — В данном случае я думаю, что тебе придется или переменить свои убеждения, или порвать с этой девушкой. В этом я глубоко убежден; ты не найдешь полного счастья в любви, если эта любовь не будет построена на духовной гармонии, на общности идей. Всякая другая любовь тебе очень скоро надоеет.

— А ты любил когда-нибудь, Поль?

— Два года назад мне очень нравилась одна девушка в Энджел-Сити, и я думаю, что она согласилась бы быть моей. Но я тогда как раз решил сделаться большевиком и знал, что она сочувствовать этому не будет. А в таком случае для чего было бы заводить всю эту историю? На всю эту душевную борьбу, на все эти переживания ушла бы масса времени, а оно было мне нужно для работы.

— Я часто думал о тебе и о всех этих вещах. Мне интересно было знать, как ты теперь на все это смотришь?

— Так вот я так и смотрю: найди себе женщину, которую, ты чувствуешь, что сможешь полюбить, и знаешь, что она будет помогать тебе в твоей работе, будет твоей поддержкой, как и ты — ее. И тогда люби и не спрашивай ни у кого позволения. Я думаю, что когда-нибудь я встречу такую женщину-товарища. Я часто об этом думаю, конечно, — ведь я не какая-нибудь деревяшка. Но мне нужно подождать, чтобы выяснилось мое дело в суде. Не очень-то я буду нужен какой-нибудь девушке, если мне придется провести двадцать лет в Ливенворсе или Атланте.

На следующий день Поль должен был говорить на митинге коммунистов. И Бэнни решил непременно туда пойти. Но что делать с Ви? Ей будет совершенно неинтересно, конечно, слушать рассказы Поля о России. Она уже все слышала от своего друга, принца Мареску. Бэнни вспомнил о спиритических сеансах и разными дипломатическими подходами внушил отцу мысль позвонить Ви и соблазнить ее исключительно интересным сеансом, который был назначен в этот вечер. Отец позвонил. Ви обещала непременно приехать, и Бэнни почувствовал себя свободным.

Но неожиданно днем Берти позвала его к телефону.

— Скажи, твой старый Поль, кажется, в Париже?

Бэнни был поражен. А он-то как берег эту тайну! Но потом он рассмеялся.

— Очевидно, твоя старая тайная полиция не теряла даром времени?

— Я позвонила тебе потому, что думала, что тебе будет интересно узнать, что твой Поль не будет сегодня говорить на митинге. Полиция его арестовала.

— Кто это тебе сказал?

— Только что известили об этом посольство. Он будет выслан. Фактически он уже выслан.

— Боже мой, Берти! Ты уверена?

— Разумеется, уверена. Неужели же ты мог думать, что они позволят ему восхвалять большевиков во Франции?

— Я хотел сказать — уверена ли ты, что его выслали?

Бэнни был хорошо осведомлен о том, как они обращались с "красными": вся Европа приняла милый обычай американской полиции бить арестантов резиновыми веревками, которые не оставляют на коже никаких знаков. И он вступил с сестрой по телефону в горячий спор. Бэнни требовал, чтобы она сказала, кто именно сообщил об этом Элдону, а Берти настаивала, чтобы Бэнни не проделывал больше своих безобразных выходов в Париже, так как в конце концов и его самого могли выслать и он погубил бы этим всю карьеру ее мужа.

В конце концов Бэнни повесил трубку и позвонил в контору издательства коммунистической газеты, спрашивая, не знают ли они об аресте товарища Пуулла Воткана, — там его знали под этим именем. Нет, они ничего об этом не знали. Постараются навести справки. Не теряя ни минуты, Бэнни вскочил в автомобиль и поспешил в управление префекта полиции, где был встречен гораздо менее любезно, чем там обыкновенно принято встречать молодых людей в безукоризненного покроя костюмах. Об американце Пууле Воткане они ничего не могли сообщить, но их очень интересовало узнать о другом американце, по имени Арнольд Р-р-оссе? Как долго он намерен злоупотреблять гостеприимством французского правительства, жертвуя деньги на дело врагов общественной безопасности?

Тем временем Берти, в полном отчаянии, решила позвонить Ви, умоляя ее сделать все возможное, чтобы вырвать Бэнни из тех ужасных тенет, в которых он запутался. Ви ответила, что она постарается. Постарается в последний раз. И, отойдя

от телефона, она велела своей горничной уложить свои вещи. А когда Бэнни вернулся домой, то нашел от нее следующую записку:

"Дорогой Бэнни! Только что узнала причину, по которой мне предстояло присутствовать сегодня на спиритическом сеансе, вместо того чтобы ехать с тобой в оперу. Настало время решить окончательно, кто тебе дороже — твои красные друзья или я. Я не хочу мешать тебе выяснять этот вопрос и переезжаю в другой отель. Будь добр письменно известить меня о своем решении. Не старайся меня увидеть, потому что, пока все это не будет окончательно выяснено, говорить с тобой я все равно не буду. Если нам предстоит порвать наши отношения, то я предпочитаю, чтобы это было сделано сразу, одним ударом. Я не могу больше переносить, чтобы мною пренебрегали ради этих преступников, и если ты совершенно не откажешься от их общества, то между нами все будет кончено, и ты меня больше никогда не увидишь. Подумай об этом серьезно, но не думай чересчур долго. Твоя Ви".

Но долго думать об этом Бэнни не понадобилось. Уже во время чтения этой записки внутренний голос говорил ему, что он этого ждал, что он знал, что это так будет. И как только миновал приступ острой, мучительной боли, сжавшей его сердце, он сел к столу и написал:

"Дорогая Ви! Мы были очень счастливы вместе, но я давно уже мучился сознанием того, что случится то, что случилось. Я не буду доказывать тебе правоту моих убеждений, не буду их защищать. Факт тот, что этих убеждений я изменить не могу так же точно, как ты не можешь изменить своих... Желаю тебе всякого счастья в жизни и надеюсь, что ты не сохранишь ко мне в душе горького чувства. Я, право, не могу поступить иначе. Если бы когда-нибудь я мог быть тебе чем-нибудь полезен, распорядись мной по своему усмотрению. Любящий тебя по-прежнему. Твой Бэнни".

VIII

Сидеть сложа руки и думать о своем горе Бэнни не мог: ему надо было торопиться к французским коммунистам и предложить заплатить что требовалось тому адвокату, которому будет поручено немедленно сделать все от него зависящее, чтобы узнать, что случилось с Полем. Но все эти шаги оказались, в сущности, лишними, так как на следующее утро об этой истории говорилось во всех газетах: американский агитатор-большевик был в сопровождении властей доставлен в Гавр и в тот же день на пароходе отправлен в Америку. Не принять к себе этого большевика американское правительство не могло, так как его появление на суде было обеспечено суммой в двадцать тысяч долларов. Но Бэнни так не доверял французским властям, что он для своего спокойствия послал запрос по беспроволочному телеграфу на пароход с оплаченным ответом и через несколько часов ответ этот был уже получен: "Еду в Парадиз".

А три дня спустя пришло известие от Ви, но не лично ему, Бэнни, оно было адресовано всему свету. Газеты Парижа, так же точно, как и газеты всех других столиц — Мадагаскара, Парагвая, Новой Земли, Тибета и Новой Гвинеи, объявляли о помолвке Виолы Трэсси, американской актрисы кино, с румынским принцем

Мареску. Бракосочетание было назначено в главном соборе Бухареста в присутствии самой королевы Марии.

Так закончилась одна из глав в жизни Бэнни. Дверь, которая вела из его комнат в комнаты Ви, была теперь закрыта, заперта на ключ и задвинута мебелью. Но не было ничего, чем можно было бы заслонить воспоминания в душе "нефтяного принца". Да, ничто не в состоянии было изгнать из его сердца образа этой стройной, нежной Ви, такой подвижной, такой жизнерадостной, ничто не могло заслонить воспоминаний о тех восторгах, которые она ему дарила. Его душа была теперь также изувечена, как тела жертв белого террора, и причина этих увечий была одна и та же.

Бэнни был окружен теперь самым заботливым, предупредительным отношением к нему всех тех дам и девиц, с которыми он встречался в парижском обществе. Все они старались всякими способами обратить на себя его внимание. Все они знали о его романе с Ви и о том, что сердце его разбито, и хитрые мамы внушали своим дочкам, что это был как раз самый подходящий момент, чтобы постараться поймать его в ловко расставленные сети. Бэнни постоянно приглашали на обеды, вечера, танцы, но он чаще всего бывал на митингах социалистов, а когда думал о молодых девушках, его фантазия уносила его туда, в Энджел-Сити. Руфь Аткинс была такая спокойная, добрая, нежная и вместе с тем такая мужественная. И она не оттолкнула своего брата за то, что тот сделался большевиком. А Рашель Менциес была так умна и энергична и так серьезно относилась к взятым на себя обязанностям. Она посылала ему четыре местные газеты с точностью календаря и сообщала ему всегда обо всем, что его только интересовало.

IX

В начале сентября м-р Росс, войдя к Бэнни в комнату, сообщил ему новость, которая заставила его, когда он ее произносил, багрово покраснеть.

— Ты знаешь, сынок, я очень подружился с Элизой. У нас оказались общие интересы, и мы убедились в том, что можем оказывать друг другу поддержку в жизни.

— Это весьма возможно, папочка!

— Ну вот... И факт тот, что... Ты понимаешь, что я хочу сказать?.. Я столько времени пользовался твоей поддержкой, но теперь я больше тебя мучить уже не буду... дам тебе полную свободу... Дело в том, что я сделал Элизе предложение, и она согласилась.

— Я уже несколько времени ждал, что это так будет, папочка, и я уверен, что ты будешь счастлив.

М-р Росс вздохнул с облегчением. Может быть, он боялся какой-нибудь сцены вроде тех, которые устраивала Берти? И он поспешил прибавить:

— Я хотел сказать тебе, что мы с Элизой вместе обсуждали этот вопрос... Она очень тепло к тебе относится и уважает тебя за твои заботы обо мне и хочет, чтобы ты знал, что она выходит за меня замуж не ради моих денег.

— Я этого совсем не думаю, папочка.

— Да, ты не Берти. Ты знаешь, как она на все смотрит. Она очень мелочна и жадна, — я думаю, что это у нее от матери. И я не хочу ничего ей об этом говорить. Это ее не касается. Мы устроим самую тихую свадьбу, и Берти узнает об этом из газет. Теперь вот что я намерен сделать. Элиза говорит, что так как она не помогала мне наживать мои деньги и не желает, чтобы мои дети ее возненавидели, то она не хочет, чтобы на ее долю приходилось бы очень много, и мы с ней решили, что я сделаю духовное завещание, оставлю ей миллион, а все остальное — тебе и Берти. Элиза будет совершенно этим удовлетворена — этого ей хватит для ее дела, для той работы в области спиритизма, которой она так интересуется. Ты ее понимаешь?

— Разумеется, папочка, ведь я тоже занимаюсь пропагандой.

— Да, я знаю, сынок, и чем больше я об этом думаю, тем больше прихожу к заключению, что ты имеешь полное право поступать согласно своим идеям. И если я не вполне сочувствую твоей газете, то во всяком случае знаю, что это вполне честная газета и говорит то, что ты думаешь. Поэтому я теперь же дам тебе на миллион долларов акций "Консолидированного Росса", и ты можешь употребить эти деньги как тебе вздумается. Я надеюсь, что ты не последуешь примеру Поля, не сделаешься большевиком и не попадешь в тюрьму.

— Было бы чересчур трудно попасть в тюрьму, имея миллион долларов, папочка!

Старик улыбнулся. Медиум и духи не совсем еще вылили из него прежнюю закваску, и он начал говорить о том, что, разумеется, у них не будет столько денег, сколько он думал раньше. Вся эта история с правительством обойдется очень недешево. Конечно, он и Верн могли бы это возместить новыми заграничными предприятиями, но все это было гадательно, и он думает предоставить все это одному Верну.

— А где же ты думаешь поселиться с м-с... Элизой, папочка?

— Дело в том, что мы решили устроить... как бы тебе сказать?... нечто вроде спиритического медового месяца. Прежде всего мы поедем в Вену к тому медиуму, о котором ты знаешь, а потом во Франкфурт — там тоже очень хороший медиум, знакомый Элизы. Дальнейшие наши планы будут находиться, разумеется, в зависимости также и от твоих. Может быть, ты вернешься в Калифорнию?

— Я думаю, что да, папочка. На время, по крайней мере, если я тебе не буду сейчас нужен.

М-р Росс сказал, что, конечно, его сын мог съездить в Калифорнию, что они с Элизой с помощью секретаря, который достаточно хорошо знает французский язык, могут обойтись и без него. А на то время, которое они проведут в Германии, они достанут себе переводчика. М-р Росс надеется, что климат Германии ему не повредит. Скверная инфлюэнца очень ослабила его сердце, и приходилось теперь с этим считаться.

Все приготовления были закончены, и в назначенный день Бэнни, его отец, секретарь и м-с Элиза Гунтингтон-Оливье в своих самых торжественных костюмах предстали перед мэром одного из маленьких городков в окрестностях Парижа и были повенчаны. Бэнни поцеловал свою мачеху в обе щеки, и то же сделал мэр, поцеловав в обе щеки м-ра Росса и Бэнни. А потом м-р Росс отвел сына в сторону и дал ему в руки конверт. Это был ордер на имя м-ра Вернона на получение трехсот

двадцати акций "Консолидированного Росса", что составило сумму немножко большую миллиона.

— А теперь, сынок, — сказал старик, — поступай с толком. Тут денег порядочно, и не бросай их зря. Не торопись их тратить, обдумывай заранее, что именно тебе нужно сделать, и не давай себя облапошивать всем этим "друзьям-приятелям". У них особый нюх на этот счет, и они не замедлят облегчить твой карман...

Все тот же милый старый папочка! Все сжимали друг друга в объятиях, у всех глаза были полны слез, даже у секретаря мэра и у клерков, которые никогда еще в жизни не получали такой богатой mzды за венчанье. Необыкновенный народ — эти американцы! Бэнни просил отца писать как можно чаще и подробнее все новости, а отец в свою очередь просил Бэнни писать как можно чаще и подробнее. Потом Бэнни сказал, что весной, если отец до тех пор не вернется в Америку, он опять приедет во Францию, а м-р Росс ответил, что Верн, конечно, гораздо раньше уладит все дела и что он еще зимой приедет в Энджел-Сити. Потом Бэнни опять поцеловал свою мачеху, опять заключил отца в свои объятия, опять пожал руку секретарю — обычный ритуал всех сладких и вместе с тем грустных расставаний! Вокруг них стояла обычная толпа уличных зевак-мальчишек, которых полицейские удерживали на почтительном расстоянии и которые молча глазели на этот большой богатый автомобиль и на этих больших богатых американцев. И много лет спустя Бэнни всегда с волнующим, радостным чувством вспоминал об этих минутах: он видел наконец своего старика отца вполне довольным, вполне счастливым. И опять приветствия, поцелуи, цветы, последние распоряжения, просьба писать. И вот наконец величественный экипаж мягко покотил по улице, устремляясь туда, где "молодых" ждал из ряда вон выходящий по интересу спиритический сеанс.

Бэнни вернулся в Париж и на вокзале написал в Америку два письма, извещавшие о его приезде: одно Руфи Аткинс, а другое — Рашель Менциес, ни одной не отдавая предпочтения. Потом он купил газету и прочел коротенькую телеграмму: "Грандиозный нефтяной пожар в Калифорнии". Молния ударила в один из складов на нефтяном поле компании "Консолидированного Росса" в Парадизе, и так как дул сильный ветер, то не было никакой возможности спасти ни один из складов. По всей вероятности, все поле окажется во власти огня.

В отеле Бэнни ждала каблограмма из Энджел-Сити: "Невозможно было еще определить размеры убытков, но все было застраховано, и беспокоиться нечего". Бэнни переслал телеграмму отцу с запросом, ждать ему дальнейших известий или нет, но м-р Росс ответил, что ждать не нужно, что все, что ему надо будет сказать сыну, он передаст по кабелю, и чем скорее Бэнни будет на месте, тем лучше. "Любовь и лучшие пожелания", — так заканчивалась телеграмма. Эти слова были последними, какие его отец сказал ему в этой жизни...

X

Громадный пароход, который повез Бэнни через океан, был точной копией парижских отелей. Это был настоящий плавающий отель, обставленный с чисто дворцовой роскошью. Туалеты дам за обеденным столом сверкали бриллиантами,

гремел оркестр, звучали веселые речи и смех, и очень скоро молодой "нефтяной принц" сделался предметом оживленных толков и сплетен. "Его отец — один из самых крупных нефтепромышленников в Калифорнии... Говорят, что ему принадлежат все нефтяные калифорнийские участки... Между прочим, один из них, судя по газетам, горит и очень сильно... Его отец был замешан в этот скандал... Росс — помните? Скрывается теперь за границей. Но сыну, разумеется, никто не препятствовал возвращаться на родину... Говорят — он был одним из любовников Виолы Трэсси, но она с ним порвала и вышла замуж за румынского принца... Пользуйся же случаем, постарайся поймать его, моя дорогая!"

И все наперерыв ухаживали за Бэнни. Все готовы были делать все, что он только захочет: танцевать до рассвета или бродить по палубе, окутанной ночным мраком, если ему это больше нравится. Все эти модные очаровательные создания интересовались всем тем, что интересовало его: книгами, которые он читал, журналами, которые он просматривал. Некоторые говорили, что очень увлекаются социализмом, и если мало что о нем знали, то так жаждали узнать все подробности... И все это продолжалось до утра того дня, когда полученное по беспроволочному телеграфу известие совершенно отдалило Бэнни от этого светского общества.

"Ваш отец серьезно заболел двухсторонним воспалением легких. Окружен лучшими докторами и уходом. Буду извещать ежедневно. Глубокое сочувствие и любовь. Элиза".

И Бэнни шагал взад и вперед по палубе один-одинехонек и испытывал все те угрызения совести, которые предсказывал ему Вернон Роскэ. О, разумеется, он должен был быть добрее, терпеливее с этим дорогим, милым стариком! Разумеется, он должен был приложить больше стараний к тому, чтобы лучше понять его и помочь. И вот теперь судьба увозила его от него все дальше и дальше, каждый день отдалял его на пятьсот или шестьсот миль, и в каждое мгновение могла отдалить его на такое расстояние, какое нельзя уже будет учесть... Отец это, должно быть, чувствовал. Бэнни перебирал в своей памяти все его слова, и ему казалось, что м-р Росс предвидел близость конца и давал ему все советы, какие он только мог.

Ничего в душе, кроме этих мучительных угрызений совести... Ничего! Но вот постепенно в памяти возник один давний-давний спор, который раздвоил мысли Бэнни. Разве имели право люди, устраивая свои дела, поступать так, как поступал его отец? Разве могла продолжать свое существование цивилизация, основанная на подкупах правительств? Нет! — отвечал ему его внутренний голос. Нет, не могла! Но в таком случае он должен был все-таки иначе вмешаться в это дело. Более любовно. Должен был всеми способами убедить отца порвать с этой системой. Но когда? В какой момент мог бы он это сделать? Отец подкупал правительство с того времени, как Бэнни себя помнил.

Когда он был совсем еще маленьким-маленьким. Все крупные промышленники всегда подкупали правительство, делая это до или после выборов. И в какой период своей жизни может мальчик сказать своему отцу: "Тот путь, по которому ты идешь, неправильный. Дай мне указать тебе настоящий"? Нет, Бэнни был бессилен что-нибудь сделать... Так же точно, как он ничего не мог сделать и во всей этой истории с Ви Трэсси. И опять было одно только острое ощущение тяжелого горя, мучительная боль одиночества. Все старое уходит... уходит одно за другим... И куда,

куда уходит? Это была тайна, от которой в такие минуты, как эта, кружилась голова. Вам казалось, что вы стоите на краю пропасти и смотрите туда, вниз, в самую бездну.

Совершенно невероятная, недопустимая мысль, чтобы его отец, который был таким реальным, таким живым, который в течение столького времени составлял как бы часть его самого, — мог вдруг исчезнуть, перестать существовать! И в первый раз за все время Бэнни спросил себя: может быть, Элиза была права? Может быть, духи существовали?

Вечером новое известие:

"Состояние без перемены. Шлем приветы и любовь".

Эти слова повторялись во всех телеграммах — и на следующий день, когда "состояние все было то же и назавтра ждали кризиса", и еще на следующий, когда больному стало хуже... И вот на третий день утром получилась трагическая весть.

"Дух вашего отца переселился из этого мира в другой. Но он всегда будет с вами. Он с такой любовью говорил о вас до самой последней минуты. Элиза".

Одновременно получилась телеграмма от Берти.

"Я была при кончине отца. Он простил меня. И ты меня тоже прости".

Когда Бэнни это прочел, он бросился на кровать, зарылся в подушки и плакал, как плачут маленькие дети... Да, он прощает ее, — ответил он Берти, — и да простит их всех тот, кто дал им жизнь.

Глава двадцатая ПОСВЯЩЕНИЕ

I

Бэнни был теперь совсем один в этом ревушем и грохочущем Нью-Йорке, среди всех этих семи миллионов незнакомых ему людей. Разумеется, нельзя было избежать репортеров: этот случай представлял "общечеловеческий интерес", — сама судьба вырывала из рук сенатских судебных следователей одного из нефтяных магнатов. В стране заканчивалась в это время предвыборная кампания, и каждый малейший намек, касавшийся нефтяного скандала, имел важное значение.

Бэнни получил несколько каблограмм и телеграмм с выражением сочувствия и соболезнования; от Верна и Аннабели; от Поля и Руфи; от Рашель, ее отца и братьев; и была одна и от принцессы Мареску, подписанная прежней интимной подписью "Ви-Ви".

Бэнни купил себе билет домой через Вашингтон и в вагоне углубился в чтение старых газет, до которых последнее время не касался. Они подробно, день за днем описывали, что произошло с мечтами его детских снов, с "этим большим-большим нефтяным полем". Целый океан огня бушевал на земле. Он превращал ночь в день, освещая все своим пламенем; и день — в ночь, наполняя весь воздух густыми облаками черного дыма. Сверкающие реки горячей нефти текли по долинам, и страшные вихри перекидывали огонь с одного холма на другой. Погибло двенадцать

колоссальных складов, погиб весь нефтяной перегонный завод, и около трехсот вышек были сметены и уничтожены в этом клокочущем и ревущем горниле. Это был самый страшный пожар во всей истории Канады. Убыток высчитывался в восемь или десять миллионов долларов.

В Вашингтоне у Бэнни было с кем поделиться своим горем.

Там был Дан Ирвинг. Они долго бродили по отдаленным улицам города, и приятель Бэнни говорил ему, что он сделал все возможное в создавшемся трудном положении. Дан уверял Бэнни, что он ни минуты не думал дурно о его отце. Он поставил себе в обязанность все узнать и узнал и теперь подтверждал это Бэнни: все крупные американские дельцы всегда подкупали правительства. Вначале это шокировало Дана, но он вскоре потом понял, что это была определенная система. Без подкупа правительства американская крупная промышленность существовать не могла. Этому можно было найти доказательства в инстинктивной реакции всего промышленного мира по отношению к нефтяному скандалу, в решении все это "замолчать" и обвинить и подвергнуть наказанию не самих преступников, но раскрывателей преступления.

И они начали говорить о политике, что было очень хорошо для Бэнни, так как отвлекало его от его тяжелых мыслей. Дан делал все что мог в этой президентской кампании, но его бессилие его удручало. Вся общественная капиталистическая машина интенсивно работала для приведения в исполнение новой задачи: представить американскому народу в наилучшем свете жалкого, маленького человека, пятистепенного провинциального политика, мечтавшего только о том, чтобы сделаться собственником магазина, и внезапно превратившегося в "великого молчаливого сильного политического деятеля" и народного героя. Единственно, что от него ждали, — это уменьшения подоходных налогов; во всем остальном он представлял собой полнейший нуль. Газетные сотрудники приходили в отчаяние от того, что им приходилось все время писать по этому поводу, но ни на какие другие темы не было спроса. И что мог проделать Дан с его издательством рабочей прессы, которое выпускало не более десяти малоизвестных газет, имевших в общем не больше сотни тысяч подписчиков, — издательством, в котором часто не хватало денег на уплату за помещение под контору.

— Я как раз об этом-то и хотел с вами поговорить, — сказал Бэнни. — Перед тем как я уехал из Франции, отец дал мне миллион долларов в акциях "Консолидированного Росса". Не знаю, что они будут стоить теперь, после пожара, но Верн говорит, что все решительно было застраховано. Самый капитал я еще трогать не буду, так как я не выработал еще никакого плана действий, но я хочу вложить тысячу долларов в месяц из получаемых мною доходов в ваше дело. Это вам поможет?

— Поможет? Бог мой, Бэнни, мы никогда еще не думали о такой сумме денег!

— Я только с одним условием вложу эти деньги, — продолжал Бэнни, — с условием, чтобы вы получали из них по двести долларов в месяц жалованья. Какой смысл влезать вам в долги ради финансирования радикального движения?

Дан засмеялся.

— Смысл тот, что если бы этого не делать, то никакого радикального движения уже давно не существовало бы. Вы первый "жирный ангел", спустившийся к нам с небес.

— Подождите, подождите, — сказал Бэнни, — неизвестно еще, какова-то будет моя комплекция. Я уверен, что мой друг Вернон Роскэ сделает все возможное для того, чтобы спустить с меня весь мой жир. Он великолепно знает, что все, что я получу, пойдет на такие предприятия, которые его не очень-то обрадуют.

— Кстати — о Верне, — сказал Дан. — Слыхали ли вы что-нибудь о заграничных концессиях Роскэ? Эта история заткнет за пояс историю с сеннисайдскими договорами, если только нам удастся добиться, чтобы сенат назначил ревизию.

II

В Чикаго Бэнни ждала масса писем. Он послал каблогранму секретарю отца, спрашивая, было ли среди бумаг его покойного отца его завещание. Секретарь ответил, что среди парижских бумаг никакого завещания не было, а Берти в свою очередь прислала каблогранму, в которой говорила, что она уверена что эта подлая женщина завещание уничтожила. Не было ли у Бэнни какого-нибудь документа за подписью отца или ее. Но у Бэнни не было ничего, кроме ордера отца на выдачу акций "Консолидированного Росса", и это, конечно, удовлетворить Берти не могло бы. Бэнни послал каблогранму Элизе в Париж, прося ее письменно подтвердить то условие, какое заключил с ней его отец, по которому она получает миллион долларов и отказывается от своей части наследства в пользу детей м-ра Росса. Ответ получился от фирмы американских адвокатов в Париже, уведомлявших его от имени их клиентки, м-с Элизы Гунтингтон-Оливье-Росс о том, что она не имела ни малейшего понятия об условии, о котором он упоминал в своей каблогранме, и что она требовала полностью полагающуюся ей по закону часть. Читая это, Бэнни мрачно улыбнулся: столкновение спиритизма с социализмом. А вскоре еще новое столкновение — на этот раз капитализма с социализмом. Бэнни отправился к компаньону своего отца в его контору, где они могли поговорить совершенно откровенно. И они так именно и "поговорили". Первое заявление Верна было для Бэнни совершенно неожиданным ударом: отец Бэнни ошибся, считая, что у него оставались те акции "Консолидированного Росса", ордер на которые принес Бэнни, а потому этот ордер не имел никакой уже цены. Все эти акции были проданы по распоряжению Росса уже порядочно давно. Очевидно, за время болезни память старика ослабла, а быть может, его увлечение спиритизмом заслонило все другие интересы, и он перестал отдавать себе отчет в своих денежных делах. Да, дела эти были в очень неважном состоянии. Во-первых, компания "Консолидированного Росса" фактически обанкротилась. Верн как раз только что получил уведомление из страхового общества, что они не могут удовлетворить всех его требований, так как у них были доказательства, что причина пожара — поджог. Они не говорили этого прямо, но предполагалось, что Верн и его агенты подожгли нефть в силу того, что у компании был переизбыток нефти, и они опасались понижения рыночных цен.

— Бог мой! — воскликнул Бэнни. — Что это за нелепость?

— Нет, — сказал Верн. — Все это дело рук Марка Эйзенберга, который заведует банковскими делами "Великой пятерки", и цель этого — выбить из конкуренции одного из независимых. Они будут тянуть нас с этим делом в суде бог знает сколько времени — целые годы. У "Консолидированного Росса" нет такого наличного капитала, чтобы разработать все это сожженное поле. Фонтаны "Лобоса" истощены, а участок "Проспект-Хилл" залит водой. Разумеется, твой отец получил бы свою долю прибыли с моих заграничных предприятий, но пройдет еще много времени, прежде чем можно будет реализовать какое-нибудь из них. Так что, по-видимому, ты в конце концов предпочтешь свой пай продать.

— Кто же будет вести все эти дела?

— Вот копия с завещания Джима. Можешь взять с собой и дома все сообразить. Исполнителями завещания назначены ты и Фред Орпан. И ты и Берти получаете поровну. Разумеется, все это теперь, с его женитьбой, будет уже по-другому. Может быть, конечно, он сделал другое завещание, но если нет, то жена получит половину всего состояния, а вы с Берти — другую половину. Я обещал твоему отцу, что исполню его волю, и считаю, что должен это сделать. Сейчас я объясню тебе главное. Поле Парадиза носит твое имя, и если ты хочешь оставить его за собой и вести это дело, то я не буду, конечно, стоять на твоей дороге. Ты можешь продать какие-нибудь другие твои владения и купить у меня мою часть Парадиза по рыночной цене и лично продолжать вести это дело. Хочешь ты сделаться нефтяником?

— Нет, — поспешил ответить Бэнни, — не хочу.

— В таком случае я куплю у тебя часть твоего отца. Компании грозит крах, и я не стану продолжать этого дела иначе как при условии полного над ним контроля. Работать с тобой вместе, Джим младший, я бы не мог. Твои идеалы чересчур для меня высоки. — Верн засмеялся, но смех его звучал не по-прежнему весело. — Если бы я не дал обещания твоему отцу помочь тебе, я взвалил бы весь Парадиз на твои плечи и посмотрел бы, что бы ты стал делать. Ты не соглашался с твоим отцом и восставал против того контроля, какой крупные промышленники считали нужным установить над властями. Так вот мне бы очень хотелось посмотреть, как бы ты повел свои дела, не прибегая к подкупам и не нажимая на те или другие политические пружины. Много ли у тебя осталось бы от тех восьми или десяти миллионов, которые в течение нескольких лет будут выплачивать страховые общества?

III

От всех этих неприятных и тяжелых задач Бэнни находил спасение в своей маленькой газете. Он приехал в воскресенье, и Рашель с несколькими юными представителями Социалистической лиги молодежи встретила его на вокзале. Их лица сияли, и они оглашали воздух такими громкими приветствиями, точно встречали какую-нибудь звезду кино. Все пожимали Бэнни руки, а он долго жал руку Рашель, и лицо его освещала светлая, радостная улыбка. Они были так довольны увидеть друг друга!

Маленькая контора издательства сделалась теперь его домом, его единственным домом, так как срок аренды того палаццо, который нанимал м-р Росс, давно кончился, и вся их обстановка еще до поездки тети Эммы в Европу была отвезена в мебельный склад. Контора издательства состояла всего только из одной комнаты, и все, что ее наполняло, все эти бумаги, оттиски, газеты — все это было так приятно для Бэнни. Теперь у них было уже шесть тысяч подписчиков, и с каждым днем это число все увеличивалось. Но у Рашели по-прежнему был всего только один платный помощник; юные представители Социалистической лиги молодежи приходили в издательство по вечерам и проводили там по несколько часов в субботу и воскресенья, с жаром исполняя все те работы, которые им поручала Рашель. За все время отсутствия Бэнни не было в издательстве ни одного обыска и ни одного ареста. Социалисты поддерживали кандидатуру ла Фоллетта, и это было причиной того, что их на время оставили в покое.

А затем — Руфь. Бэнни на следующий же день поехал к ней, в их маленький коттедж. Поль еще не вернулся домой. Он остановился в Чикаго, чтобы присутствовать на конференции партии, и Руфь ждала его со дня на день. Она взяла с брата слово, что он будет присылать ей ежедневно открытки, и всякий раз, когда такая открытка запаздывала, приходила днем позже, она тотчас же начинала волноваться, представляя себе разные ужасы.

Бэнни внимательно наблюдал за ней в то время, как она говорила — ее голос звучал бодро. Она была теперь ученой сестрой милосердия и имела свой собственный заработок и даже откладывала немного на случай какой-нибудь внезапной необходимости в деньгах. Но хотя она говорила бодро и оживленно, лицо ее было очень бледно, и в нем чувствовалось что-то напряженное, нервное. Взглянув на стол, на котором лежали коммунистические газеты и журналы, Бэнни не замедлил объяснить себе причину. Все эти газеты получал Поль, и Руфь, проводя теперь все вечера одна, их, конечно, читала, отыскивая каких-нибудь известий о брате и невольно впитывая в себя настроение всех этих ужасных картин, рисующих пребывание политических преступников в тюрьме и все те мучения, вплоть до расстрелов, которым их подвергали. И ей опять было так же страшно, как и тогда, когда Поль был на войне.

Руфь не обладала тем, что называется теоретическим умом. Она никогда не говорила ни о партийной тактике, ни о политическом развитии и тому подобных вещах. Натура ее была глубоко интенсивна, но тем острее и интенсивнее была ее классовая сознательность. Она пережила две забастовки, и то, что видела собственными глазами, заменило ей уроки экономики. Она знала, что рабочие крупной промышленности представляли собой наемных рабов, борющихся за свое существование. И эта борьба не была похожа на капиталистические войны: этой войны избежать было нельзя, так как она была делом рук самих хозяев.

И хотя все это и заставило ее твердо верить в правоту того дела, задачи которого взял на себя Поль, тем не менее она все время волновалась и нервничала.

К своему немалому удивлению, Бэнни узнал от Руфи, что она очень негодовала на Рашель и на "Юного студента". По ее словам, социалисты устроили целый ряд митингов в честь одного социал-революционера, лектора, сделавшего из факта заключения в российские тюрьмы его единомышленников, социал-революционеров,

предлог для своих яростных атак на советское правительство. Социал-революционеры были те самые люди, которые старались убить Ленина и которые, взяв деньги капиталистического правительства, употребили их на подстрекательство народных масс к гражданской войне внутри России. Как же могла газета, которую издавал Бэнни, оказывать таким людям поддержку?!

Вернувшись в издательство, Бэнни рассказал обо всем этом Рашели, и она объяснила, что тот лектор, о котором говорила Руфь, был социалистом, противником насильственной политики представителей левого крыла партии. На митинг, на котором он говорил, явились коммунисты и всячески старались сорвать его, и дело чуть не дошло до рукопашной. Слушая Рашель, Бэнни опять с огорчением убедился в этой постоянной непримиримой вражде партий, которая так тормозила рабочее движение и которую он наблюдал и в Париже, и в Берлине, и в Вене. Сам Бэнни был еще под впечатлением всего того, что слышал от Поля о России, но что касается Рашели, то она ни на йоту не отошла от своей прежней позиции. Да, она, конечно, всегда будет защищать право русского народа самому заботиться о своей судьбе, так же точно, как будет защищать их право быть услышанным в Америке, но в то же время ей нет никакого дела до Третьего интернационала, и она не допускала и речи о диктаторстве, за исключением разве только ее собственного диктаторства, которое заключалось в том, чтобы следить за тем, чтобы "Юный студент" не давал никогда ни малейшего повода полицейским властям или местному прокурору производить обыск в издательстве. Нет, они стоят и будут стоять за демократическое разрешение социальной задачи. И Бэнни, как всегда, предстояло быть управляемым женщиной.

Большая загадка — все женские натуры! Они кажутся такими мягкими, впечатлительными, податливыми, а на самом деле их податливость ничем не отличается от податливости резины или воды, стремящихся вернуться всегда на свое прежнее место, сохранить свою прежнюю форму. Переломить женский характер невозможно: они всегда поставят на своем.

IV

Берти приехала в Энджел-Сити на неделю позже брата и еще более убедила его в неизменяемости женской натуры. Она приехала, чтобы получить свою долю наследства, и принялась за это дело со всей стремительностью прирожденной "ищейки". Она знала одного адвоката, такого, какой именно ей был нужен — тоже типа "ищейки". И она тотчас же отправилась к нему, а Бэнни должен был явиться в его контору и с помощью Берти и стенографа вывернуть наизнанку всю свою память и сказать, в каких именно словах его отец говорил ему о своем соглашении с м-с Элизой Гунтингтон-Оливье, так как ни с Берти, ни с кем другим он не упоминал об этом ни слова. Разумеется, завещание он сделал, — в этом не могло быть ни малейшего сомнения, и ни одной минуты Берти не сомневалась также и в том, что эта возмутительная, подлая женщина его уничтожила.

Потом она пристала к брату с целым рядом других, не менее важных вопросов. Где хранил отец свои деньги и бумаги? Не было ли у него какого-нибудь секретного

ящика, куда он мог все это прятать? Не знал ли Бэнни кого-нибудь, с кем он был особенно близок и откровенен? Не сохранилась ли переписка отца с Верноном? Что Бэнни знал о молодых помощниках его отца, всех этих Боллингах, и Гейлингах, и Симмонсах, и других, и о банкирах, с которыми отец имел дела, и о их клерках?.. Целая гора всевозможных подробностей, и Бэнни обязан был присутствовать при всех бесконечных беседах Берти с ее адвокатом и чувствовал себя в роли такой же "ищейки", как и все они. Но он переносил это мужественно, говоря себе, что он исполняет этим свой долг по отношению к рабочему движению, которое так нуждалось в получении "жирного ангела", как шутя назвал его Дан Ирвинг.

Вскоре после своего приезда в Энджел-Сити Берти пришлось проглотить одну весьма горькую для нее пилюлю: ее адвокат определенно заявил ей, что не было никакой возможности отнять у м-с Элизы Росс ее права на половину состояния ее покойного мужа. Свидетельство Бэнни в данном случае не имело никакой силы, и до тех пор, пока не будет найдено другое завещание, им приходилось примириться с неизбежным и сообща со вдовой постараться вытянуть как можно больше от Вернона Роскэ. Адвокаты м-с Росс рекомендовали очень дорогих своих собратий в Энджел-Сити, и Берти, несмотря на все свое негодование, должна была затаить свой гнев и обсуждать это дело сообща с адвокатом м-с Элизы Росс.

Положение оказывалось настолько сложным и неприятным, что вполне естественно было прибегнуть к содействию самых дорогих адвокатов. После нескольких дней самого подробного расследования дел выяснился один колоссальной важности факт: около десяти миллионов долларов в акциях и разного рода государственных бумагах исчезли бесследно. Верн заявил, что эти бумаги были взяты м-ром Россом уже давно на неизвестные ему, Верну, цели. Берти, разумеется, с этим не соглашалась и называла Вернона Роскэ самым большим жуликом на свете. Имея доступ в несгораемый ящик ее отца, он преспокойно присвоил себе его содержимое. В своем бешенстве Берти накинулась на брата, настаивая, что виноват во всем именно он, что Верн знал, что Бэнни употребил бы эти миллионы на то, чтобы поколебать общественный строй, и здравый смысл требовал этих денег ему не давать.

Отрицать возможность такого факта Бэнни, конечно, не мог.

Вполне было естественно предположить, что Верн мог сказать себе, что он, Бэнни, представлял собой большую опасность для общества, что Берти была пустой светской транжиркой, а вдова Росса — полунормальным существом, в то время как он, Верн, был тем энергичным, способным человеком, который один только и мог употребить эти деньги с толком на то, на что они были нужны, — на добывание нефти из земных недр. Узнав о смерти своего компаньона, Верн спокойно переложил бумаги из его несгораемого ящика в свой, раньше чем правительственный чиновник, ведающий налогами наследства, явился составлять реестр. Верн не смотрел на свой поступок как на воровство, но лишь как на вполне правильный, разумный шаг. Это было совершенно равносильно решению взять от правительства резервные земли морского ведомства, которое само не сумело бы надлежащим образом их эксплуатировать.

Берти требовала привлечь к ответственности компаньона своего отца и начать против него дело, чтобы заставить его рассказать все как было. И Бэнни и адвокату

пришлось долго уговаривать ее отказаться от этого плана, который ровно ничем не помог бы делу. Даже и в том случае, если бы Верн и был привлечен к суду, из этого ровно ничего бы не вышло. Он был достаточно предусмотрителен, чтобы не давать никому никаких компрометирующих его письменных документов, а словесных историй мог придумать сколько и каких угодно. Мог сказать, что все эти деньги Росс отдал ему, так как был ему должен, — и кто мог это законным образом опровергнуть? Мог сказать, что его компаньон вложил эти миллионы в какое-нибудь предприятие, которое лопнуло. Он мог выдумать сотни самых различных историй.

— Так, значит, нам ничего другого не остается, как довольствоваться тем, что этот старый негодяй соблаговолит нам дать?! — кричала Берти. И адвокаты подтвердили, что таково было именно положение вещей. А так как, по условию, они получали за свои хлопоты процентное вознаграждение, то на этот раз заподозрить их в неискренности было нельзя.

Новый случай еще обострил отношения брата с сестрой. Среди вещей, принадлежавших отцу, Бэнни нашел в одной из конторских книг, которые старик обыкновенно держал в своей "берлоге", пять государственных билетов по десяти тысяч долларов каждый. Вероятно, эти деньги отец держал под рукой у себя для каких-нибудь непредвиденных целей, может быть, даже на случай подкупа тех представителей власти, которые явились бы его арестовать. И вот эти деньги были здесь, в руках Бэнни, и он по всей справедливости мог смотреть на них как на часть того миллиона, на получение которого отец послал с ним ордер Вернону Роскэ. Но гордость Бэнни не позволила ему так взглянуть на дело, он не хотел участвовать в расхищении отцовского достояния, а потому решил присоединить эти билеты к имуществу покойного.

Но он сделал большую ошибку, сказав об этом Берти. И какой она ему устроила скандал. Идиот! Дарить двадцать пять тысяч долларов Элизе и ее адвокатам! И это вместо того, чтобы, не говоря об этом ни слова, разделить эти деньги пополам с сестрой. Эти двадцать пять тысяч долларов приобрели в глазах Берти большее значение, чем все те миллионы, которые стащил Верн. Они были так им нужны, ей и Бэнни, эти деньги на текущие расходы теперь, когда они не могли еще получить тех, которые лежали в банках.

Берти бушевала и бранила брата на чем свет стоит, никогда не могла ему простить, и всякий раз, когда они оставались одни, называла его дураком. Ее злоба и раздражение довели ее до болезненного состояния. Полночи она просиживала на постели — считая, подсчитывая, вычисляя, и цифры прыгали у нее перед глазами, и она потом до утра не могла сомкнуть глаз. Мысль, что на ее долю придутся какие-нибудь жалкие два-три миллиона долларов вместо тех десяти-пятнадцати миллионов, о которых она мечтала, не давала ей покоя.

В голове Бэнни созрел один план, и он собрал всех своих друзей, чтобы посмотреть, как они будут на него реагировать. Среди них были: старый Хаим

Менциес, который так давно был в рабочем движении, что лучше, чем кто бы то ни было, мог видеть все его недочеты; его сын Яков, бледнолицый студент; Гарри Сигер, который занимался теперь тем, что разводил на приобретенном им участке орехи, не подвергавшиеся бойкоту; Питер Нагель, Григорий Николаев и Дан Ирвинг, которого Бэнни выписал на этот день из Вашингтона. Все эти шесть человек сидели с Бэнни и Рашель в отдельном кабинете ресторана и обсуждали вопрос о наилучшем использовании миллиона долларов, предназначавшегося на дело "общественного спасения".

Со свойственной ему скромностью Бэнни объяснил, что этот план он отнюдь не выдавал за какой-нибудь особенно удачный; он остановился на нем потому, что лично ему он был особенно по душе. Он не имел в виду участвовать в этом плане только деньгами и предоставлять другим приводить его в исполнение.

Он сам хотел работать. Ему надоело ничего другого не делать, как только наблюдать и разговаривать. Одно время он думал было издавать какой-нибудь большой журнал, но сам он с журнальным делом был очень плохо знаком и хорошо поставить его не смог бы. Единственно, что он знал хорошо, — это все, что связано было с молодежью. Он сам был в колледже и знал, каким должен был быть настоящий колледж.

— О чем мы главным образом сейчас должны заботиться, — сказал он, — это о том, чтобы дать юным умам правильное направление. Но беда в том, что в нашем распоряжении только несколько часов в неделю, и все, что представляет собой особую ценность в глазах молодежи — школы, кино, — все это в руках наших врагов. И вот мне хотелось бы собрать нескольких юношей и устроить так, чтобы все двадцать четыре часа в сутки они проводили вместе, и посмотреть, не удастся ли нам создать социалистическую дисциплину и личную жизнь, направленную на служение делу рабочего движения. Рашель одобряет этот план. Не знаю, что скажут по поводу его другие. Я думаю, что рабочее движение страдает оттого, что до сих пор мы не установили тех нравственных стандартов, в каких мы нуждаемся. Многие из членов партии еще недостаточно сильны. Женщины желают носить шелковые чулки и быть похожими на буржуазных, а все их идеи о свободе сводятся к тому, чтобы перенимать все дурное от мужчин. Если движение действительно что-нибудь значило бы для социалистов, то они не стали бы тратить денег на табак, наряды и всякую ерунду.

— Как бы мне не пришлось уйти из партии! — сказал, усмехаясь, старый Хаим Менциес, который только что закурил свою десятицентовую сигару.

То, что Бэнни желал устроить, воплощалось в идее рабочего колледжа, построенного на каком-нибудь подходящем для жилья участке земли, вне города. Но вместо того чтобы тратить свои миллионы на сталь и бетон, он предполагал начать дело с палаток и к работе над помещением привлечь и учеников и преподавателей. Ежедневно четыре часа должны были быть посвящены ручному труду и четыре — учебным занятиям. Все должны иметь одинаковые костюмы цвета хаки и не посещать светского общества. Бэнни предполагал побывать в университете и высших школах, поговорить с отдельными небольшими группами учащихся и постараться переманить некоторых учеников в свой будущий колледж. Рабочим союза будет тоже предложено выбрать из своей среды наиболее обещающих

молодых людей обоего пола. Вся эта его затея могла осуществиться быстро и стоить недорого, потому что, кроме строительного материала, все могло получаться на месте: у них будет своя ферма и специальная школа ремесел.

VI

Так что же они все по этому поводу думали?

Первый выразил свое мнение Хаим Менциес. Быть может, его чувства были оскорблены намеком на табак, — как бы то ни было, он сказал, что, с его точки зрения, этот будущий колледж ничем не отличался от так называемых колоний. Назвать его, конечно, можно было колледжем, но это дела не меняло. Колонии же были самыми худшими западными тормозами рабочего движения... Они приучают молодых людей жить обособленно от других рабочих, и вы можете быть вполне уверенными, что в вашем колледже они будут думать о чем угодно, только не о классовой борьбе.

— Это безусловно справедливо относительно колоний, — сказал Бэнни. — Но мы ведь не собираемся никуда удаляться, и своей главной целью мы именно поставили помогать рабочему движению.

— Люди, которые хотят помогать рабочему движению, должны все время находиться в этом движении, а если вы возьмете их оттуда, то они привыкнут к более легкой жизни и не будут уже годиться для настоящей борьбы. Это уже не настоящие рабочие.

— Но их жизнь вовсе не будет очень легкой, товарищ Хаим.

— Говорите еще! Нелегкой! Устроить колледж, в который пригласить разных молодых леди и джентльменов, и думает, что такая жизнь не покажется рабочим легкой!

— Да ведь эти молодые леди и джентльмены там-то именно и будут тренироваться для классовой борьбы. Дисциплина будет очень строгая. Я даже считал бы нужным, если бы никакая другая дисциплина не помогла, ввести в курс обязательное требование, чтобы каждый студент за время своего пребывания в колледже просидел в тюрьме в общем не менее тридцати дней.

— Ну, это я вам скажу — тоже здорово! — воскликнул Питер Нагель.

— Но в чем они могут так провиниться? — спросил Хаим саркастическим тоном. — Разве что покатают на автомобиле с недозволенной скоростью?

— Почему непременно только это? Они могут попасть в Энджел-Сити в какую-нибудь забастовку или пойти на какой-нибудь социалистический митинг на углу двух улиц, где их, конечно, не замедлит схватить полицейский. Я думаю, мне нечего учить именно вас, что нужно сделать для того, чтобы вас арестовали, товарищ Хаим.

— Да, но ведь можно попасть на такого судью, который засадит вас в тюрьму не на тридцать дней, а на целые шесть месяцев, а то и больше.

— Ну, это уже дело случая. Я только говорю, что ни один студент не будет считаться годным для борьбы, если он не побудет за время своего пребывания в колледже в тюрьме. Разумеется, на почве классовой борьбы.

— Ну а как же учителя? — спросил Григорий Николаев.

— Им полагается побыть в тюрьме раз в три года или даже, может быть, раз в пять лет.

— А сам основатель колледжа? Как часто полагается ему? — спросил с веселым смехом Питер Нагель.

Дан Ирвинг ответил за Бэнни, сказав, что он подождет того момента, когда останется совсем без денег.

Разговоры на эту тему продолжались. Бэнни стоял за то, что студенты сами должны были решать, какая доктрина им больше по душе. Дело учителя давать им разъяснения на предлагаемые вопросы. Каждый класс должен представлять собой открытый форум. Не должно быть никакого "сектантства", никаких предвзятых восхвалений одних доктрин и гонений на другие. Студентам должен быть предоставлен совершенно свободный выбор тех или других.

Но старый скептик Хаим не унимался.

— Я хотел бы знать, как вы думаете распорядиться с сексуальным вопросом? — спросил он.

Бэнни отвечал, что это был очень сложный вопрос и он его себе еще не окончательно выяснил.

— Думаю, что нам придется руководствоваться в этой области буржуазными стандартами, — сказал он.

— О боже! — воскликнул Питер Нагель. — Раз уже дело коснется буржуазии...

Яков Менциес, студент, сказал, что он только что читал об одной социалистической колонии, которая была устроена в Теннесси много лет тому назад и которая распалась именно благодаря неудачно разрешенному сексуальному вопросу.

— Это всегда так будет со всякой колонией при капиталистическом строе, — прервал сына старый Хаим. — Есть только один способ заставить мужчину жить всю жизнь с одной только женщиной, — это запереть их в дом и никогда не выпускать. Но раз вы позволите им иметь сношения с другими людьми, то мужчина тотчас же найдет, что ему необходима другая женщина, женщина, более для него подходящая. И так будет всегда!

VII

В результате всех этих разговоров выяснилось, что никто не был уверен в успехе такого предприятия, но вся молодежь с радостью готова была помогать кто чем мог, если Бэнни решит привести свой план в исполнение. Бэнни сказал, что он уже начал подыскивать подходящий участок земли милях в пятидесяти приблизительно от Энджел-Сити, в том месте, где было бы достаточно воды и были бы подходящие почвенные условия. Он решил пожертвовать три года развитию этого дела, и если окажется возможным установить желаемую дисциплину и нравственные стандарты, то тогда он поставит все это дело на серьезный лад и возьмет на себя все материальные издержки. Тогда им понадобятся и учителя, и организаторы, и разного рода заведующие, так что дело для всех найдется.

Одновременно с этой заботой Бэнни имел частые свидания с адвокатами, и все они прилагали все старания, чтобы спасти все, что только было возможно из состояния м-ра Росса. Задача исключительная по трудности в силу того, что они вели борьбу не с каким-нибудь простым смертным, но со всемогущим Верноном Роскэ. Берти приходила во все большее и большее неистовство и заявляла о своем намерении явиться в контору с револьвером в руках и застрелить нефтяного магната.

В разгаре всех этих волнений Бэнни получил письмо от Элизы Оливье-Росс. Она писала, что не допускала мысли, чтобы "эти ужасные деньги" могли испортить их отношения. "Память о дорогом Джиме была навеки оставшимся, связывающим их священным звеном". Потом она сообщала о том, как тотчас же по возвращении в Париж она отправилась к своему любимцу медиуму и как на третьем сеансе появился дух Джима, и с этого раза все его слова записывал стенограф, и она послала их сейчас Бэнни (вместе с письмом Бэнни получил довольно внушительного вида связку бумаг, перевязанную голубой лентой) и надеялась, что Бэнни, со своей стороны, тоже пойдет к какому-нибудь медиуму и потом сообщит ей обо всем, что ее дорогой, незабвенный Джим будет говорить на сеансе там, в своем милом Энджел-Сити.

Бэнни развернул стенографический отчет и принялся читать. Все первые строки были сплошь наполнены сентиментальными фразами о "счастливом берегу" и о блаженстве, которое он испытывает, слушая шелест ангельских крыльев и хоры ангельских голосов, и о том, что он просит передать своему дорожному Бэнни, что он "все, все понимает и все прощает". Все эти фразы носили на себе явный отпечаток творчества сентиментальной пожилой леди или ее приятеля, — хитрого плута медиума. Но была одна фраза, заставившая Бэнни вздрогнуть и усиленно забиться его сердце. "Я желал бы, чтобы дорогой мой Бэнни поверил, что с ним говорит действительно его отец, и я хочу напомнить ему об одном человеке, который устроил нам покупку земли в Парадизе. У него было спереди в верхней челюсти два золотых зуба, и маленький Бэнни насмешил меня, сказав, что воры, наверное, разроют его могилу". Бэнни был поражен. Какими таинственными путями, силой каких "заклинаний" медиум в Париже мог узнать о той шутке, которую много-много лет тому назад Бэнни, тогда тринадцатилетний мальчик, сказал отцу по поводу м-ра Хадгарта — того агента, который устроил им покупку нефтяных участков в Парадизе?

Было о чем подумать. Неужели действительно его отец не ушел из его жизни бесследно, навсегда, но куда-то исчез, и связь с ним могла не нарушаться?..

Бэнни долго бродил в это утро по отдаленным улицам города и думал, думал все об одном и том же, а до его слуха доносился голос Эли Аткинса, звучавший по радио и повторявший ветхозаветные пророчества.

Глава двадцать первая

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Бэнни проводил теперь почти все свое время в поисках за подходящим участком для своего будущего рабочего колледжа.

Это было несравненно более интересным занятием, чем отыскивание нефтяных участков. Вы тут могли считаться с окружающими видами, с лесами и холмами, со всем тем, что было близко вашему сердцу. И для того чтобы найти то, что вам было нужно, приходилось совершать долгие поездки в автомобиле. А так как Рашели предстояло быть одной из главных заведующих будущего колледжа, то было вполне естественно, что и она участвовала в этих поездках. И всю дорогу они болтали, и столько было интересных тем!

В один прекрасный день они осмотрели два места, оба были не годны, и они собирались уже возвращаться домой, когда услышали еще об одном участке, находившемся еще немного дальше от города.

— Если мы туда сейчас поедem, то придется чересчур поздно вернуться домой, — сказал Бэнни.

— В таком случае мы могли бы переночевать там в какой-нибудь гостинице, а утром закончить осмотр.

— А вы не боитесь сплетен? — смеясь спросил Бэнни.

Рашель ответила, что сплетен она совершенно не боится, и они отправились.

Участок находился неподалеку от маленького местечка, называемого Горой Надежды. Он лежал в долине, окруженной целым рядом невысоких кудрявых холмов, по склонам которых тянулись поля. Было начало ноября, только что перед тем прошли дожди; всюду зеленели всходы, и издали эти мягкие волнистые поверхности невысоких холмов производили впечатление мускулов каких-то распростертых гигантов, вместо кожи покрытых нежным, блестящим зеленым бархатом. Довольно большое пространство было занято огородами. Тут же находился артезианский колодец. В самом домике этого ранчо хозяев не было — очевидно, они отправились в город, и Бэнни с Рашелью, подробно обследовав всю маленькую усадьбу, взобрались на ближайший холм. Вершина его была покрыта рощею темных дубов и бледно-серых смоковниц; под ногами расстилался ковер из душистой, изумрудной, еще невысокой травы; солнце только что исчезло с залитого пылающим золотом неба, и перепела перекликались на холмах. Чувство тоски и одиночества закралось в сердце Бэнни. Голоса перепелов так живо воскресили в его памяти отца, любимые холмы Парадиза и все те мечты о счастье, которым не суждено было сбыться. Теперь была очередь Рашели мечтать и строить планы.

— О, Бэнни, это чересчур хорошо! Как раз то, что нам нужно! Колледж "Восходящей Надежды". Самое подходящее название.

Бэнни рассмеялся.

— Название нам не так важно. Важно качество самой почвы.

— А сколько, вы сказали, здесь акров?

— Всего шестьсот сорок и немного более ста акров под пашней. Это даже больше того, чем сколько мы сможем в первое время разработать.

— И за все это только шестьдесят восемь тысяч! Да это находка! — воскликнула Рашель, перенявшая для подобного рода оценок широкий взгляд Бэнни. Недаром же она ездила кататься с ним в его великолепном автомобиле и осматривала владения богатых собственников.

— Цена, конечно, невысокая, — согласился Бэнни. — Надо только еще убедиться в качестве воды и почвы.

— Пока не стемнело, мы могли бы еще взглянуть на состояние всходов, — сказала Рашель.

— Конечно, — сказал Бэнни, — а утром побеседуем с хозяином ранчо. Может быть, это не сам владелец, а арендатор, и в этом случае он, разумеется, не скроет от нас правды. — Недаром Бэнни в своем детстве постоянно сопровождал своего хитрого отца, когда тот ездил осматривать и покупать участки!

II

Сумерки окутали холм; на их крыльях слетели новые грезы и сны, и Бэнни сказал:

— Во всем этом меня беспокоит сейчас только одно... Я очень боюсь, что нам не избежать скандала.

— Что вы хотите сказать?

— Мы теперь с вами всюду бываем вместе, а сейчас всю ночь пробудем вне дома.

— О, какие глупости, Бэнни!

— Нет, серьезно, это меня беспокоит. Я только что говорил Питеру Нагелю, что мы будем сообразоваться с буржуазными стандартами, а поступаем как раз не так, как должно. Моя тетка Эмма, разумеется, посмотрит на это с буржуазной точки зрения и ваша мать тоже. И обе они это очень не одобряют... А потому... Нам лучше всего пойти сейчас к мэру и обвенчаться.

— О Бэнни! — Она взглянула на него широко раскрытыми от изумления глазами, но было чересчур темно, чтобы увидеть их блеск. — Вы смеетесь?

— Рашель, скажите, вы не согласились бы взять на себя такую обузу хотя бы для того, чтобы спасти доброе имя нашего будущего учреждения?

— Бэнни! Вы этого не думаете... Вы не можете об этом думать серьезно!

— Уверяю вас, что я не вижу другого выхода!

— Бэнни... Нет... Вы слышите: нет!

— Но почему?

— Потому что вы никогда не простили бы себе, что женились на еврейке.

— Великий Боже!

— Поймите то, что я хочу сказать. Я горжусь своей расой. Но ваши друзья... Как они к этому отнеслись бы?

— Мои друзья, Рашель? У меня нет друзей, кроме тех, кого вы знаете, кто в радикальном движении. И что было бы с этим самым движением без евреев?

— Но, Бэнни, что скажет ваша сестра?

— Моя сестра не принадлежит к числу моих друзей. И она не спрашивала моего совета, когда выходила замуж.

Рашель несколько минут продолжала стоять молча, нервно сжимая свои пальцы, потом сказала:

— Бэнни, нет, скажите... вы серьезно? Вы не говорите этого просто так, под влиянием минуты?

— Такое "влияние минуты" я испытываю не в первый раз. Я уже несколько дней как хотел вам это сказать.

— И вы... в этом не раскаетесь?

Он засмеялся.

— Это будет зависеть от того, что вы мне ответите.

— Перестаньте шутить! Мне страшно. Вы меня пугаете. Я не могу допустить, чтобы вы сделали такую ошибку. Ведь это так невероятно серьезно!

— Но зачем смотреть на это так трагично?

— Я не могу иначе. Вы не понимаете... Женщины чувствуют по-другому. Я не могу допустить, чтобы вы это сделали под влиянием великодушного порыва и потом почувствовали себя связанным и несчастным. Вам совсем не подходит жениться на дочери бедного портного.

— Боже мой, Рашель! Мой отец был погонщиком мулов.

— Да. Но вы — англосаксонец. Ваши предки были, наверное, важными людьми, и вам надо жениться на высокой, красивой, белокурой девушке, которая всю свою жизнь останется представительной и будет подходить к вашей обстановке. А еврейки после второго-третьего ребенка становятся толстыми, некрасивыми. Разве вы будете любить такую?

Бэнни весело рассмеялся.

— Я присутствовал при венчании нескольких высоких, красивых англосаксонок, Рашель, и никогда не завидовал их женихам.

— Бэнни, пожалуйста не шутите! Я стараюсь взглянуть фактам прямо в лицо.

— Дорогая моя, если вы требуете от меня серьезности, так вот: мне никогда не нравились высокие белокурые женщины. Те две, которые играли роль в моей жизни, обе были брюнетки, как вы. Очевидно, сама природа желает делать такие смешения. Я думаю, что вы знаете, конечно, о Ви Трэсси?

— Да.

— Ну вот, у Ви была достаточно интересная внешность, и она сохранил ее весьма долго, так как в этом одном вся ее забота. Но, как видите, для меня лично из этого не вышло ничего хорошего, так как она бросила меня и вышла замуж за румынского принца.

— Но почему она это сделала, Бэнни?

— Потому что я не захотел бросить радикального движения.

— О, как я ненавижу эту женщину!

В голосе Рашель послышались несвойственные ему мелодраматические ноты, и это возбудило в Бэнни любопытство.

— Вы ее ненавидели? Да?

— Я могла бы, мне кажется, ее задушить!

— Потому что она вас ударила?

— Нет. Потому что она так старалась заставить вас бросить движение, и я была уверена, что она этого достигнет. У нее было все, чего не было у меня...

Бэнни слушал эти слова и говорил себе: "Как это все курьезно! Ви была в этом уверена, тогда как я это искренно отрицал. О, эти женщины!"

Вслух он проговорил:

— Нет, это не верно. У нее далеко не было всего.

— Но что же есть во мне такого, Бэнни, что в ваших глазах имеет значение?

— Я сейчас вам скажу. Дело в том, что я так устал спорить! Вся моя жизнь с того дня, как я себя помню — один сплошной спор с теми, кто любил меня или думал, что вправе мною руководить. Вы не можете себе представить, какое спокойствие я испытываю вблизи вас! Точно меня посадили в необыкновенно удобное кресло с мягкими, мягкими подушками! Я колебался сначала, потому что я не очень-то был горд своим эпизодом с Ви Трэсси и сомневался, захотите ли вы получить в спутники человека с таким жизненным опытом... Потому что до Ви был еще один эпизод... когда я был в старшем классе... Я докладываю вам о всех своих грехах для того, чтобы "уравновесить" этим ваши слова о вашей будущей "толщине".

— Все это меня совершенно не беспокоит, Бэнни. Женщины всегда будут за вами бегать. Меня очень мучила ваша история с Ви, потому что я знала, что она страшная эгоистка, и боялась, что когда вы поймете, то будет уже поздно, что она успеет сделать вас глубоко несчастным... Во всяком случае, я этим объясняю себе свое к ней злобное чувство. Может быть, я просто ее безумно к вам ревновала.

— Рашель! Неужели? Вы хотите сказать, что вы меня любили? Да?

— Разве можно было вас не полюбить, Бэнни? Вопрос в том — любите ли вы меня?

— Ну разумеется! Люблю! Искренно!

— Но, Бэнни, — ее голос слегка дрогнул, — вы этого не показываете...

Рашель была права. Сколько времени он потерял даром! И, желая наверстать это потерянное время, он заключил ее в объятия, она прижалась головой к его плечу и так разрыдалась, точно ее сердце готово было разорваться.

— О, Бэнни, Бэнни! Так это правда? Правда?

Чтобы ее окончательно убедить, он стал ее целовать. Она была всегда такой серьезной, строгой, маленькой леди, так властно распоряжалась делами издательства, что он испытывал к ней всегда глубокое почтение, и она казалась ему непохожей на других женщин. И вот теперь он сделал открытие, что она была совершенно такой же, как все те женщины, которые его любили. Как только она убедилась в том, что слова Бэнни не были шуткой или бредом, что все это было, было на самом деле, — она дала волю своему чувству и крепко прижималась к нему, замирая от счастья, смеясь и плача в одно и то же время. Целуя ее, Бэнни думал о том, какой она была всегда честной, смелой, правдивой. Да, такая девушка заслуживала счастья! И вот когда к любви примешиваются такие ощущения, можно быть спокойным за будущее. И ее чувство было не менее пылким, чем чувства Эвники и Ви. Она так страстно к нему прижималась.

— О, Бэнни, я так люблю тебя! Так люблю! — шептала она, и ее объятия говорили больше ее слов.

— Дорогая Рашель, — проговорил он со счастливым смехом, — если это так, то идем сейчас же к священнику или к мэру.

— Глупый мальчик! — возразила она. — Мне надо только знать, что ты меня любишь и что ничто не препятствует мне тебя любить. Какое мне дело до священников и мэров?!

Он крепче сжал ее в объятиях, и уста их слились в одном долгом поцелуе. О, если и теперь она попробует высказать какие-нибудь сомнения, он сумеет ее убедить в своем чувстве. И какой лучший приют можно было найти для их любви, чем эта свежая, благоухающая роща, окутанная таинственным сумраком надвигающейся ночи? Да, они, конечно, купят это ранчо, какие бы недостатки в почве ни оказались. С этих пор эта роща делается для них волшебным заколдованным царством, и много лет спустя, когда ее своды будут оглашать детские голоса и смех, они будут приходить сюда и с невольным сладким трепетом в душе будут вспоминать о той ночи, когда темно-зеленые дубы и серые смоковницы пропели им венчальные песни, темная роща скрыла от всех их нежные ласки и только ветер подслушал и унес к небесам их клятвы и любовные речи...

III

На следующее утро они были у мэра, потом еще раз осмотрели ранчо и вернулись в Энджел-Сити устроить свои денежные дела так, чтобы можно было немедленно же внести первую часть требуемой за имение суммы. Сделав это, они сообщили своим друзьям о том, что они повенчались и сделали это так поспешно для того, чтобы в интересах своего будущего колледжа избежать каких бы то ни было неприятных инсинуаций в буржуазной прессе.

Потом Бэнни отправился сообщить об этом событии Руфи, и, как это ни странно, это его немного смущало. Берти и Ви постоянно вбивали ему в голову мысль, что Руфь все эти десять лет была в него влюблена, а теперь Рашель говорила то же самое. У женщин же в таких случаях бывает всегда какой-то удивительно верный инстинкт. Да и он сам (об этом он, разумеется, Рашели не сказал) думал одно время — это было как раз когда он ехал из Парижа — о Руфи, не зная, на ком из двух, на Рашели или Руфи, остановить свой выбор, кого попросить быть его женой. Он питал к Руфи глубокую привязанность, такое же спокойное, теплое чувство, какое и она всегда выражала по отношению к нему. Но дело осложнял Поль. Руфь была связана с ним стальными цепями, а следовательно — и с коммунистическим движением. И Бэнни вновь попробовал разобраться во всех этих вопросах.

Рано или поздно вам все равно предстояло сделать выбор, решить, к какой партии вы принадлежите, намеревались ли вы свергнуть строй непосредственным действием, насильственным путем. Капиталисты, по словам Поля, готовились к новой войне, а это означало расцвет большевизма во всех воюющих нациях, если не в начале войны, то, во всяком случае, при ее окончании. Социалисты будут стараться не допустить до войны, и в случае, если им это не удастся, все будет разрешено тем способом, о котором говорил Поль: с помощью Третьего интернационала. В данное же время, в силу своего темперамента, Бэнни, безусловно, сочувствовал больше социалистам. Всякое насилие было противно его природе. И если уже не удастся

обойтись без открытой борьбы, то начать действовать в этом направлении должна противная сторона.

Как бы Руфь в глубине своей души ни отнеслась к известию о женитьбе Бэнни, внешне она во всяком случае приняла его очень сочувственно и выразила большую радость. Она сказала, что она этого ждала. Рашель была очень интересная девушка, разделявшая убеждения Бэнни, а это было главное. Потом она сказала, что Поль должен был приехать на следующий день утром и вечером говорить на митинге. Его приверженцам удалось путем тонкой дипломатии обеспечить ему вход на митинг рабочих, и он будет, наконец, в состоянии передать рабочим все, что он видел в России. Руфь просила Бэнни и Рашель непременно прийти его послушать, и Бэнни обещал.

Это было воскресенье — канун торжественного дня президентских выборов, конец долгой политической кампании. К рабочим обращались с бесконечными воззваниями, касающимися их предстоящих голосований, но они оказались поглощенными теперь другими вопросами, представлявшими для них больший интерес, чем результат предстоящих выборов. Как бы враждебно ни относились к этому их лидеры, рядовые рабочие не могли не увлечься рассказами о том чуде, которое совершалось по ту сторону океана, в громадном государстве, где во главе правительства стояли их товарищи — рабочие, издававшие свои законы и насаждавшие свою собственную культуру. Поль только что вернулся из этой страны. Речь его была живой, образной, все так ярко вставало перед глазами слушателей: Красная армия, красные школы, красные газеты.

О, каким бешеным гневом кипела на следующий день вся капиталистическая пресса! Она не передавала содержания самого митинга, но помещала негодующие против него протесты во всех своих передовых статьях. Достаточно зла приносили "красные" ла Фоллетта, вчерашний же случай представлял собой совершенно неслыханное по наглости и подлости действие: агент московского правительства, выгнанный из Франции, осмелился говорить на митинге в Энджел-Сити и подстрекать рабочий союз к недовольству и открытому восстанию! Что же делал наш департамент полиции? Куда делись все наши патриотические общества и наш Американский легион? Где все они были, эти блюстители закона и порядка?

Бэнни поехал к Руфи. Ему хотелось повидать Поля, чтобы поговорить с ним о будущем колледже, но он не застал его дома. Руфь сказала, что он отправился в гавань посмотреть, не удастся ли устроить митинг для рыбаков и лодочников этого побережья. В то время как Бэнни был за границей, все эти люди устроили серьезную забастовку: шестьсот человек, за то, что устроили шествие по улицам с пением революционных песен, были схвачены и посажены в клетки, а человек двадцать их лидеров были заключены в городскую тюрьму на десять и двадцать лет по обвинению в "криминальном синдикализме". Поль решил, что оставшимся на свободе будет, наверное, интересно познакомиться с коммунистической доктриной, учащей о том, что рабочие должны взять в свои руки капиталистический класс. Как раз в этот вечер была назначена в одном из свободных помещений в окрестностях гавани вечеринка с музыкой и угощением, и Поль хотел поехать туда, чтобы познакомиться с лидерами. Бэнни сказал Руфи, что он с Рашелью собирался в Бич-Сити и на обратном пути они заедут за Полем и привезут его домой.

Бэнни не мог отказать просьбам Берти, умолявшей его оказать содействие в ее хлопотах и съездить посмотреть участок "Проспект-Хилл". Вернон Роскэ говорил, что больше половины его фонтанов были истощены, но Берти этому не верила, думая, что это только один из новых способов магната их обобрать. И она просила брата самого туда съездить посмотреть фонтаны и поговорить со сведущими людьми о будущем этого нефтяного поля. Бэнни взял с собой Рашель, — они всюду теперь бывали вместе, — и, поручив контору издательства наблюдению одного из членов Лиги социалистической молодежи, они отправились. Бэнни опять правил одной рукой, автомобиль делал зигзаги, и Рашель нервничала, когда они ускоряли ход, потому что, как она говорила, "боги не могли не завидовать тому блаженству, каким была полна ее душа".

Рашель никогда еще так близко не видела нефтяного поля, и Бэнни все ей подробно объяснял. Он повел ее к первому "пробному фонтану" участка и рассказал, как м-р Кюлер изуродовал себе уши, стараясь задержать своей головой стремительный поток нефти. Потом он показал первый фонтан, пробуравленный его отцом, — это был первый шаг к их богатству. Его отец и еще, может быть, с десяток других людей разбогатели на этом поле. Зато, как бы в противовес, немало людей в Бич-Сити на этом же деле обеднели, и их имущество было описано за долги. Тут было наглядное подтверждение факта, о котором говорил Поль, — что в эту землю было вложено денег больше, чем сколько было взято из нее нефти. "Проспект-Хилл" представлял собой редкое богатство, и его нефти при правильном бурении хватило бы по крайней мере на тридцать лет. Теперь же выкачивание нефти производилось так бестолково, что только одна шестая часть шла на дело, а пять шестых пропадало зря. Результат благословенного "соревнования", которое так проповедуют в классах экономики.

Бэнни проверил фонтаны Росса. Некоторые из рабочих были те самые, которых он знал. Они пришли с ним поздороваться, и он расспросил их о состоянии нефтяного участка, и их показания мало чем отличались от того, что говорил Верн. Когда день стал клониться к вечеру, он пошел с Рашель к тому месту, где он оставил свою машину, и, проходя мимо одного невзрачного бунгало, Бэнни остановился и прочел на воротах надпись: "5746 Лос Роблес".

— Смотри, — воскликнул он, — вот где живет м-с Гроарти! Миссис Гроарти — тетка Поля. В этом доме мы были с отцом для подписания первого договора на нефтяной участок, и вот здесь, под этими окнами, я в первый раз познакомился с Полем.

Бэнни рассказал Рашель об этом курьезном собрании и о характере главных действующих лиц. В то время как они говорили, дверь домика открылась, и на пороге появилась толстая, краснощекая женщина в старой грязной шали.

— А вот и сама м-с Гроарти, — сказал Бэнни. — Добрый вечер, м-с Гроарти! — закричал он, быстрыми шагами направляясь к крыльцу.

Разумеется, она его не узнала. Сколько лет прошло с тех пор, как она видела его в последний раз! Ему надо было назвать себя, и он представил ей свою жену. Боже,

кто мог бы это подумать! Этот мальчик уже женат! Господи, как летит время!.. А м-р Росс скончался? Ее муж читал об этом в газетах... М-с Гроарти знала, что Бэнни будет очень богат, и была страшно рада с ним встретиться и непременно потребовала, чтобы они к ней зашли хотя бы на одну минутку, только чтобы не обращали внимания на беспорядок, который царил в комнатах.

Бэнни хотелось, чтобы Рашель увидела знаменитую лестницу. Он представлял себе, как она будет смеяться, когда узнает, что эта лестница никуда не вела... И они вслед за хозяйкой вошли в дом.

В гостиной все было совершенно так же, как и в тот вечер, когда он был здесь с отцом. Только размеры ее стали как будто меньше, и стены потеряли весь свой прежний блеск. А вот и окно, через которое он разговаривал тогда шепотом с Полем. Боже, что это? На столе все та же книжка: "Руководство хорошего тона. Настольная книга для дам". Но за это время она успела превратиться из голубой в грязно-белую и была вся в пятнах от мух. Рядом с книжкой возвышалась целая груда бумаг — вышиной по крайней мере в восемь дюймов, аккуратно сложенных и перевязанных шнурком. М-с Гроарти, поймав взгляд Бэнни, сказала, указывая на бумаги:

— Все эти бумаги касаются дела о нашем участке. Я взяла их от нашего адвоката, так как он тянет с нас только деньги и ровно ничего не делает.

И она рассказала целую историю, поучительную для Рашели. Гроарти вошли сначала в одну компанию, очень большую, потом, так как все члены ее перессорились, вошли в другую, меньшую, но и тут не поладили и заключили договор со Слипером и Вилькинсом, а эти хитрые "ищейки" продали их синдикату. Синдикат обанкротился, и их договор купил один тип, которого м-с Гроарти называла "самым ужасным жуликом из всех". В конце концов он удрал неизвестно куда, а на их владенье наложили кучу разных запрещений, и каждый старался что-нибудь от них вытянуть, считая их собственниками нефтяного участка, хотя с этого участка они до сих пор не получили ни копейки. Достаточно взглянуть на то, как они живут, чтобы поверить их словам.

V

Пообедав в гостинице, Бэнни и Рашель отправились к берегу моря. Была тихая, теплая ночь, — большая редкость в Южной Калифорнии. Светила луна, и маленький ресторан, помещавшийся на пристани, весь горел огнями, а из его раскрытых дверей доносились звуки музыки, и Бэнни предложил Рашели войти туда и принять участие в танцах. Ведь надо же было им отпраздновать их медовый месяц.

Но не прошло и пяти минут с того момента, как они вошли в залу, где танцевали, как раздался глухой страшный удар, похожий на раскат грома, от которого зазвенели стекла в окнах и пол заколебался под ногами.

— Что это такое?! — воскликнула Рашель. — Землетрясение?

— Пушки, — ответил Бэнни.

— Пушки?

Бэнни ей объяснил, что это была практическая стрельба с военных судов. В гавани стояло около двадцати таких судов, и их команда при свете прожекторов стреляла в цель.

После такого объяснения Рашели уж не хотелось больше танцевать. Всякий раз, как она слышала пушечный выстрел, она опять представляла себе войну и груды убитых и раненых. Капиталисты делали приготовления к новой войне, и социалистам нечего было танцевать под грохот из страшных орудий.

Они вышли из ресторана, сели в автомобиль и поехали вдоль бульвара, который начинается от самой пристани и тянется по берегу на протяжении пятнадцати или двадцати миль.

Вечеринка, на которой должен был присутствовать Поль, происходила в самой отдаленной части рабочего квартала. Довольно большой холл был хорошо освещен, из окон слышались звуки фортепьяно и детский голос, певший какую-то песенку. Вдоль тротуара стояло много автомобилей. Найдя среди них свободное место, Бэнни въехал в него и, замкнув коробку скоростей, собирался выйти из экипажа, когда Рашель быстрым движением схватила его за руку.

— Подожди! — воскликнула она испуганным голосом.

По улице мчалось несколько автомобилей по двое в ряд, совершенно загоразивая дорогу. Они остановились перед освещенным холлом, и из них вышло человек пятьдесят или больше мужчин с разного рода оружием в руках — дубинами, топорами, железными болтами. Они шумной толпой ворвались в помещение, и мгновение спустя музыка затихла, послышались страшные крики, звук разбиваемых стекол и шум тяжелых, обрушивавшихся на что-то ударов.

— Толпа негодяев нападает на это собрание! — закричал Бэнни, стремительно вскакивая со своего места. Но Рашель его непустила. Охватив его руками, она заставила его снова сесть рядом с собой.

— Нет, нет, не двигайся! Что ты можешь сделать?!

— Но так же нельзя! Надо им помочь!

— Ты безоружен, и ты не можешь голыми руками удержать толпу. Тебя убьют. Не двигайся!

Крики, которые неслись из освещенных окон, достигли теперь своего апогея. Это был какой-то бедлам. Народу на вечеринке было, по-видимому, много, и все кричали изо всей силы своих легких. И эти страшные звуки тяжелых ударов обо что — неизвестно... Может быть, о человеческие тела?.. Бэнни был вне себя от ужаса. Он вырывался из рук Рашели, но та боролась с ним в припадке дикого, безумного отчаяния. Никогда до тех пор он не предполагал в ней такой изумительной силы.

— Нет, Бэнни! Нет! Ради бога! Ради меня... Если ты меня любишь!

В эти ужасные минуты в душу Рашели впервые закрался тот отчаянный, мучительный страх, который не покидал ее в течение всей ее дальнейшей жизни, — страх, что настанет минута, когда долг ее мужа заставит его пойти на верную смерть. Но не сейчас еще, не сейчас! Не в их медовый месяц!

Все произошло с быстротой молнии. Налетел шквал и пронесся, и вы не могли сразу отдать себе отчета в том, что случилось.

Приехавшие в автомобиле с оружием в руках люди так же стремительно выбежали из холла, как и вбежали туда. Они притащили с собой человек десять

пленников, бросили их в автомобили, вскочили сами. Раздался шум моторов, застучали колеса — и через мгновение все затихло.

Бэнни выскочил из экипажа и побежал так быстро, как только мог. Рашель бежала за ним. В его голове была теперь только одна мысль, та же, которая была у него в тот вечер, когда он бежал по саду м-с Гроарти и кричал: "Поль! Поль!" Он был теперь уверен, что участники этого нападения увезли Поля в числе своих жертв. И что сможет он сделать теперь, чтобы его спасти?

Первое, что он увидел, когда вошел в холл, был человек с большой раной на лбу, из которой ручьем лилась кровь. Он шатался, так как ничего не видел, и дико кричал: "Сукины дети! Сукины дети!" С ним рядом стоял другой рабочий, мертвенно-бледный.

Кисть его руки была почти совсем перерублена, и какая-то женщина, разорвав свою юбку, делала ему перевязку. Маленькая девочка лежала на полу и дико, отчаянно кричала, в то время как кто-то, стоя перед ней на коленях, снимал с нее чулки и вместе с чулками отрывал окровавленные куски кожи и мяса.

— Ее бросили в кипящий кофе, — сказал кто-то у самого уха Бэнни.

— Иисус Христос! Они бросали детей в кипящий кофе!

Женщины лежали в истерике. Некоторые судорожно бились об пол. Со всех сторон раздавались рыдания и стоны. Все стулья были разрублены в куски, столы опрокинуты, посуда, кушанья валялись на полу. Большой кувшин, заменявший собою кофейник, в котором варили кофе, лежал на боку, и из него лились остатки содержимого. В него-то негодяи и окунули ноги несчастной девочки, которая теперь навсегда должна была остаться хромой. Эту девочку все называли певчей птичкой "красных". У нее был прелестный звонкий голосок, и она часто пела на вечеринках рабочих разные песенки. Пела и в этот вечер...

Что означало это дикое нападение? Газеты писали на другой день, что это был результат патриотического негодования матросов военных судов. Незадолго перед тем на одном из военных судов произошел взрыв пороха, несколько человек было убито, и газеты напечатали такую историю, что будто матросы этого судна слышали потом, как некоторые рабочие из "красных" при этом известии злорадно смеялись. Газеты в этом случае следовали традициям: в старой России газеты всегда "вдохновляли" черносотенцев рассказами о "ритуальных убийствах", совершенных евреями, о христианских младенцах, убиваемых для жертвоприношения. В Англии правительство фабриковало фальшивые письма, которые приписывались советским лидерам, и пользовалось ими при выборах. В Америке безумная горячка изгнаний была санкционирована целой коллекцией фальшивых документов.

Произведенное на собрании нападение, по словам газет, — а им было велено так говорить, — было делом рук возмущившейся толпы, ее непосредственным порывом. Но при этом интересен следующий факт: во всех подобных случаях на митингах неизменно присутствовали чины полиции, для того чтобы записывать все противозаконные выступления. В этот же вечер нигде — ни в самом холле, ни на улице — не было ни одного полицейского. Не вмешивалась в это дело полиция и потом. Бэнни и другие "красные" могли сколько угодно осаждать департамент полиции и городское управление и предъявлять имена главных зачинщиков этого

дикого нападения, — властями не было предпринято ни единого шага для того, чтобы подвергнуть наказанию хотя бы одного из всей этой шайки.

VI

Бэнни не ожидал найти Поля здесь, в этом холле, — он думал, что если он был на собрании, то эти негодяи обязательно забрали его с собой. А между тем это он, Поль, лежал там, в дальнем углу комнаты на полу, и вокруг него стояло несколько человек. Его левый глаз представлял собой одну сплошную окровавленную массу. Он лежал совсем неподвижно, и когда Бэнни назвал его по имени — ничего не ответил. Но он был жив, он дышал, и дыхание вырывалось из его груди с каким-то зловещим хрипом.

— Доктора! Доктора!

Тут поблизости жил один врач, и несколько человек бросились его искать. В памяти Бэнни сохранилось имя одного хирурга, который приезжал лечить их рабочих, когда они жили в Бич-Сити, и, позвонив по телефону, он застал его дома. Бэнни рассказал ему о том, что случилось, и доктор обещал немедленно приехать. А тем временем он поручил Бэнни телефониловать тем докторам, которые имели дело с X-лучами, так как для определения поранения придется, по всем вероятностям, иметь дело именно с ними. Одновременно Бэнни телефониловал в госпиталь — за сиделкой и каретой "скорой помощи".

Доктор приехал и констатировал сотрясение мозга. Был нанесен тяжелый удар в основание черепа. Может быть, Поль сначала получил удар в глаз, упал и, падая, сильно ударился обо что-нибудь затылком; а может быть, он был сшиблен с ног ударом по голове и, падая, поранил себе глаз. Требовался прежде всего снимок, а потому Поля в бессознательном состоянии отвезли в ту лабораторию, где эти снимки производились. И, по получении снимка, доктор показал Бэнни и Рашели трещину в основании черепа, которая шла к ушной кости. Операцию в таком месте делать было нельзя. Весь вопрос был в том, насколько сильно был затронут мозг, а это должно было выяснять время. Теперь же надо было только предоставить больному полный покой.

В городе был довольно хороший частный госпиталь, и часу не прошло, как Поль лежал в кровати с перевязанным глазом. Бэнни и Рашель сидели у его изголовья. Бэнни молчал, и Рашель со свойственной женщинам чуткостью читала его мысли.

— Мои дорогой, — прошептала она, — ведь не можешь же ты упрекнуть себя в том, что случилось? Если бы ты кинулся туда с голыми руками, то и тебе проломили бы череп, а помочь ему тебе все равно не удалось бы.

Да, он это знал, он ничего не мог бы сделать. Но для чего, о, для чего все это случилось именно с Полем — самым лучшим человеком, которого Бэнни только знал! И он продолжал сидеть молча, с испуганным, страшным лицом, с остановившимся взглядом.

Впереди предстояла еще другая пытка. О ней напомнила Рашель.

— Надо пойти сказать Руфи.

И она предложила сделать это за него; чтобы избавить его от новых тяжелых переживаний. Она позвонила своему старшему брату, Якову — он оказался дома, — и велела ему взять скорее такси, поехать за Руфью и привезти ее в госпиталь Бич-Сити.

Час спустя Руфь бегом поднималась по лестнице. Лицо ее представляло собой маску безумного ужаса.

— Боже мой! Как он? Как он?

Войдя в комнату и увидав Поля, она остановилась как вкопанная.

— Что? Что?... — И, когда он ей сказал, она воскликнула — Но жить-то он будет?..

Не сводя с него глаз, она стала медленно приближаться к постели. Она протянула было к нему руки, но тотчас же их опустила: его нельзя было касаться. Но руки опять, точно сами собой, потянулись к нему. И одновременно колени ее подогнулись, она упала на пол, закрыла лицо руками и беззвучно, мучительно зарыдала. И рыдала долго, долго.

Ее старались успокоить, но она не отдавала себе отчета ни в том, что ей говорили, ни в том, кто был около нее. Она была одна в этом страшном, черном коридоре печали. Бэнни смотрел на нее, и слезы текли по его щекам. "Было неестественно, чтобы сестра так относилась к брату", — говорила когда-то Ви, но Бэнни понимал чувство Руфи. Он мысленно перенесся туда, на холмы Парадиза, тогда еще так мало населенные, и видел Руфь еще маленькой девочкой. Для нее ее брат был единственной опорой в этой семье фанатиков, где отец постоянно бил ее за то, что она осмеливалась думать не так, как он. Она уже тогда смотрела на брата как на необыкновенного человека и с каждым годом убеждалась в этом все больше и больше. Вся ее жизнь была отголоском его жизни. Все, что она знала, — она узнала от него... И вот сейчас он лежал перед ней без сознания, жертва наглого негодяя, проломившего ему череп тяжелым железным болтом.

VII

Время было далеко за полночь, и Рашель думала о том, чтобы увезти Бэнни домой. Больше в данную минуту им уже нечего было делать ни для Поля, ни для его сестры. Неподалеку от госпиталя был маленький отель; они возьмут там комнату, а сестра милосердия немедленно даст им знать, если будет какая-нибудь перемена. И Бэнни согласился на убедительные увещания Рашели. Он знал, что в его собственной преданности Полю было тоже что-то неестественное, — в этом его полном подчинении своих мыслей мыслям Поля, в этом его тщательном сохранении в памяти каждого малейшего слова, сказанного Полем. Об этом говорили ему и Берти, и Ви, и вот теперь Рашель.

Заснуть он не мог. Лежа с открытыми глазами в кровати, он старался объяснить все Рашели: как Поль вошел в его жизнь как раз тогда, когда он безотчетно отыскивал в этой жизни какие-нибудь лучшие идеалы. Поль ему дал такой идеал. Он своим собственным примером показал ему, что человек может быть независим, может смело смотреть в лицо жизни и стараться понимать ее, а не жить одной

только мыслью о деньгах и удовольствиях. Бэнни был не в состоянии следовать этому идеалу, — он продолжал жить в роскоши и гонялся за женщинами, — но этот идеал жил в его душе, и он жаждал когда-нибудь сделаться похожим на Поля. И при каждом переломе, совершавшемся в его жизни, появлялся Поль. Он был для него тем стандартом, который помогал ему отдавать себе отчет в том, что он делал. И как медленно двигался он по пути самоусовершенствования!.. Поль научил его думать о рабочих и понимать их интересы. Он был для него воплощением этого нового, пробуждающегося рабочего класса. Ум Поля представлял собой тот прожектор, который освещал мир и показывал Бэнни то, что ему нужно было знать. И вот теперь этот яркий свет был погашен, и Бэнни предстояло смотреть на все при слабом свете своего собственного маленького фонарика...

— Дорогой мой, он, может быть, еще поправится, — шепнула Рашель.

Но Бэнни простонал:

— Нет... нет. Он умрет!

Точно молния сверкнула перед его глазами, и в ее свете он опять увидел снимок, который дали X-лучи, а на нем страшную трещину. Яркий свет сознания Поля потух! В этом мире, во всяком случае... Гнусный негодяй ударом тяжелого железного болта потушил его.

Нежными ласками Рашель старалась его успокоить. Он наконец задремал. Но Рашель не спала. Она прислушивалась к его дыханию и крепко обнимала его всякий раз, когда он начинал что-то нервно говорить во сне, стонал и пытался вскочить и бежать.

Что снилось Бэнни? Что он сражается с этими гнусными животными, стараясь вырвать у них их жертву? Или, может быть, ему снились давно минувшие дни, когда он был свидетелем всех тех несправедливостей, какие творились у него на глазах и угнетали его юную душу? Как его отец приобрел землю Аткинсов; как нефтепромышленники усмиряли первую забастовку рабочих; как правительство сделало из Поля штрейкбрехера и поместило на службу к банкирам Уолл-стрит; как Вернон Роскэ заключил Поля в тюрьму; как капитализм со своей системой мирового террора бросал Поля то туда, то сюда, клеветал на него, мучил его, грозил ему и, в конце концов, нанял негодяя, который усмирил его ударом железного болта по голове!..

VIII

Настало утро, и они опять были в госпитале. В положении больного не произошло никаких перемен. Поль лежал по-прежнему неподвижно, и из груди его вылетали хриплые прерывистые вздохи. Руфь сидела у его изголовья. Ее глаза были устремлены на брата, пальцы рук судорожно стиснуты. Она не жаловалась, не произносила ни звука, была только бледнее обыкновенного, и губы ее не переставали нервно вздрагивать. Сестра милосердия уговаривала ее лечь и попробовать заснуть, но она только молча отрицательно покачала головой. Нет, она привыкла дежурить у постели больных. Она тоже была сестрой милосердия.

Опять приходил хирург, но делать ему было совершенно нечего. Надо было ждать. Бэнни отвел его в сторону и спросил, что он думает. Есть ли какая-нибудь надежда? Доктор ответил... что ничего решительно сказать было нельзя. Если Полю суждено поправиться, то он придет в сознание. Если нет, то, по всем вероятностям, надо ждать менингита.

По совету Рашели, Бэнни послал телеграмму в Парадиз Абелю Аткинсу, сообщая о случившемся. Он был не уверен, извещать ли также Эли, и решил этот вопрос отрицательно. Старик, Аткинс может это сделать сам, если пожелает, но только во всяком случае не он, Бэнни, зная, как относился Поль к своему брату. Потом он взял утренние газеты и прочел изумительный отчет о вечернем происшествии. "Красные" получили вполне заслуженный урок, и закон и порядок в Бич-Сити были обеспечены.

Это было утро великого дня выборов. Кульминационный момент кампании, которая представлялась Бэнни каким-то долгим кошмаром. Одно время выдвигалась кандидатура ла Фоллетта, поддерживаемая социалистами, и в этом, безусловно, сыграл роль нефтяной скандал. Были моменты, когда казалось, что народ начинает прислушиваться ко всей этой истории. Но неприятель только ждал благоприятного момента, чтобы нанести свой удар. В эти последние три недели кампании он пустил в дело свои резервы, и точно громадная черная туча ос и шершней повисла над страной: весь воздух был отравлен колющим, жгучим ядом лжи.

Все это сделали деньги Вернона Роскэ и других нефтепромышленников и банкиров, всех тех, кому был важен этот подкуп правительства. Еще новая пятидесятимиллионная кампания. И в каждой деревне, в каждой лачужке, в каждом городишке, и в каждом городе были организованы специальные комитеты для распространения лжи и наведения страха. Центральными же "фабриками", где все это фабриковалось, были Нью-Йорк и Вашингтон, и продукты этих фабрикаций распространялись по всей стране. Их агентами были газеты, листки, митинги, народные гулянья, фейерверки, факельные шествия и радио и кино. Если бы ла Фоллетт, этот "красный" сенатор, как они говорили, был выбран, то вся промышленность остановилась бы и все рабочие остались бы без работы. А потому голосуйте за этого сильного молчаливого политического деятеля, за этого великого, мудрого, благородного друга бедных, неимущих классов! И вот теперь, в то время как Поль Аткинс лежал неподвижно и тяжело и мучительно дышал и каждый его вздох уносил частичку его жизни, — в это самое время в стране падал дождь из белых билетиков — около тысячи билетиков в секунду! Воля "народа" скоро станет всем известна!

IX

День был теплый, точно в середине лета, и окна госпиталя были раскрыты настежь. В одной из квартир ближайшего дома, как раз около того окна, которое было против той комнаты, где лежал Поль, помещалось радио, — один из тех двухсот тысяч аппаратов, которые действовали в Калифорнии, — и все, что

возвещалось на радио, слышали и все те, кто дежурил у постели Поля. Они слушали и отрывки из одного популярного квартета, и органнйй квартет первой церкви методистов, и оркестр братьев Пигли-Виггли, и радио QXY, докладывающего, что выборы уже начались; радио VZW, предлагавшее внаем дешевые автомобили, и еще неизвестного оратора, приглашавшего всех граждан спешить подавать голоса. И наконец, мисс Эльвиру Смиттерс, колоратурное сопрано, сверлившую воздух своими руладами и трелями.

Позвонил телефон. Говорили из Парадиза. Мели Аткинс, — теперь м-с Бегнер, — передавала, что ее отец, мать и Сэди были на беседе, но где происходила эта беседа, она не знает. Постарается их найти. Узнав от Бэнни о положении Поля, она посоветовала дать знать Эли. Верили они в него или нет — дело не в этом, а в том, что он исцелял очень многих и, конечно, сделает все возможное для спасения своего брата. И Бэнни ничего не оставалось, как послать телеграмму в скинию "третьего откровения", и не прошло и двух часов, как великолепный лимузин остановился перед дверью госпиталя.

Эли Аткинс, "пророк" "третьего откровения", был в светлом костюме, который очень полнил его высокую фигуру. В эти дни своей славы и власти он имел очень важный, величественный вид. Руки он вам не подавал, но пристально взглядывал на вас своими большими выпуклыми голубыми глазами и говорил: "Мир вам". Когда он вошел в комнату брата, он несколько минут смотрел на него молча, видимо пораженный. Потом сказал:

— Я желал бы остаться наедине с моим братом.

И так как не было никакого основания не исполнить его желания, то Бэнни, Рашель и Руфь тотчас же вышли из комнаты.

Для Руфи было совершенно безразлично, где бы ни быть. Она всюду стояла и сидела так же неподвижно, устремив глаза в одну точку, и губы ее не переставали дрожать. Ее вид разрывал ваше сердце: олицетворение беспредельного горя. Госпитальный врач попросил ее выпить молока, сиделка принесла стакан. Она попробовала, взяла в рот, но проглотить не могла, и слезы хлынули у нее из глаз. Говорить с ней, сделать для нее что-нибудь, — не было никакой возможности.

Эли вышел из комнаты и уехал, не сказав никому ни слова. Простых смертных он не всегда достаивал своими речами.

В положении Поля не было никакой перемены. Руфь вернулась было дежурить у его изголовья, но на этот раз доктор строгим тоном велел ей принять порошок и лечь, он не позволит ей убивать себя в его учреждении. Привыкнув слушаться докторских приказаний, Руфь дала себя увести, а Бэнни и Рашель заняли ее место у постели больного.

X

Наступил вечер. Хозяин той квартиры, где было радио, вернулся домой и, поужинав, снял свой пиджак и, удобно усевшись в кресло перед аппаратом, с трубкой в зубах, принялся слушать все последние новости дня, и дежурившие у постели Поля могли узнать все, что касалось выборов, не сходя со своих мест.

Пятидесятиmillionная кампания сделала свое дело, и отовсюду приходили вести о том, что сильный, молчаливый государственный деятель получил голосов больше, чем все его соперники, вместе взятые.

Выслушав эти новости, хозяин квартиры захотел послушать, что делалось в скинии "третьего откровения", но, услышав звуки органа, предпочел иметь дело с радио QWZ, знакомившего публику с новым веселеньким трио кафешантанных певичек, дебютирующих в Энджел-Сити. "Мой миленький, маленький Джаз-бэби, Рацц-бэби — Куун!" Но и это ему скоро надоело, и он опять попробовал пощупать почву в скинии. На этот раз раздался могучий голос Эли, так любимый всеми калифорнийскими хозяйками. Он заговорил, и Бэнни и Рашель узнали цель утреннего посещения Эли. Он рассказывал своим последователям о Поле, о том, как он был с ним в детстве дружен и как потом Поль попал в дурную компанию, и та любовь, которой в детстве полно было его сердце, уступила место ненависти, злобе и зависти к тому, кому бог открыл свою волю. Но все то зло, какое он готовил в глубине своего сердца другим, обрушилось на его собственную голову, и теперь он лежит умирающий, во власти всех тех злых страстей, которые он сам вскормил в своей душе...

Потом Эли рассказал, как он, узнав о болезни брата, поехал к нему, и умирающий, когда он подошел к его изголовью, открыл глаза, заплакал, покаялся в своих грехах и принял от него благословение. И вот теперь он, Эли, безмерно радуется, что нашел пропавшую овцу своего стада.

Несколько раз, пока Эли говорил, его речь прерывалась восторженными возгласами толпы, а когда он кончил, раздался хор благодарственных песнопений. И в то время как с улицы доносились эти звуки, дверь палаты, в которой лежал Поль, открылась, и на пороге появилась Руфь Аткинс. Она давно уже проснулась, все слышала и теперь стояла бледная как полотно и, устремив испуганный взгляд на Бэнни, шептала:

— О, Бэнни, какая ложь! Какая возмутительная ложь!

Да, Бэнни тоже думал, что это была ложь, но он не мог этого доказать, а если бы и мог, то что же из того? Радио — "одностороннее учреждение": вы можете слушать, но не можете отвечать. Этим оно приносит громадную пользу капиталистической системе: граждане сидят спокойно у себя дома и вбирают в себя все то, что им преподносят, подобно тем детям, которых кормят при помощи соски. Радио — это тот фундамент, на котором строится величайшее в истории государство рабов!

XI

Губы Поля тихо зашевелились и издали слабый, едва внятный звук. Руфь наклонилась над ним и, затаив дыхание, напряженно прислушивалась.

— Он приходит в себя! О, поскорее, поскорее доктора!

Доктор пришел, тоже наклонился, послушал пульс и покачал головой.

— Произносить слова он, может быть, и будет в состоянии. Все зависит оттого, какие области мозга затронуты воспалением.

Он еще послушал. Произносимые больным звуки были бессмысленны, и доктор сказал, что Поль произносит слова совершенно бессознательно. В таком состоянии он мог оставаться несколько дней, может быть, даже неделю или две.

Но Руфь продолжала жадно прислушиваться, стараясь разобрать какое-нибудь слово. Может быть, доктор ошибался, может быть, Поль понимает и хочет сказать что-нибудь, спросить?.. С замирающим сердцем она прошептала:

— Поль, Поль, ты хочешь мне что-то сказать? Да?..

Губы Поля зашевелились быстрее, звуки стали громче, и Рашель, которая была тут же, сказала:

— Это какое-то иностранное слово.

— Наверное, русское, — прибавил Бэнни. — Он не знает никакого другого языка.

Они продолжали напряженно прислушиваться. Получалось такое впечатление, точно эти слова произносила какая-то восковая кукла — резкие, неприятные звуки, выходившие не из груди, а из горла.

— Da zdravstvooyet Revolutsia, — проговорил Поль и произнес это слово несколько раз под ряд.

— Это, должно быть, "революция", — сказал Бэнни.

— Vsyā vlast Sovietam.

— А это что-то, очевидно, о "Советах".

Но Руфь такое объяснение не удовлетворило.

— Бэнни, мы должны непременно, непременно узнать точно, что он говорит. Вдруг он нас о чем-нибудь просит...

Рашель попробовала ее в этом разубедить: без сомнения, он бредит, это было ясно. Но Руфь с каждой минутой приходила во все большее волнение, и слова Рашели ее только раздражали. Она спасла своего мужа, и что она понимает о страданиях других людей?

— Необходимо узнать, что говорит Поль! Необходимо. Неужели нельзя найти никого, кто знал бы по-русски?

Чтобы ее успокоить, Бэнни телефонировал Григорию Николаеву, прося его немедленно приехать.

Когда Бэнни вернулся в комнату больного, до его слуха опять донеслись непонятные отрывочные слова, и Руфь взволнованным голосом сказала Бэнни:

— Мне кажется, что нам надо было бы записывать, что он говорит. Вдруг он замолчит и никогда, никогда уже больше не скажет ни слова!

Бэнни понимал: Руфь верила в "откровения", в то, что некоторые слова, сказанные в исключительно важных случаях жизни, могут иметь особое значение, верила в то, что и самый язык, на котором произносятся такие слова, мог отличаться от языка простых смертных. Доктора называли это бредом, но как они могли быть в этом уверены? То, что скрыто от мудрецов, бывает открыто младенцам!.. Поэтому Бэнни вынул свою записную книжку и записал слова Поля, приблизительно, конечно, так, как он их слышал: "Hlieba, mira, svobody", и когда два часа спустя приехал Николаев, то он перевел эти слова, означавшие: "Хлеба, мира, свободы". Это были лозунгами большевиков, когда они захватывали в свои руки Россию. И почти все слова, которые произносили губы Поля, относились к революции. Все это были

слова, которые он слышал сначала в Сибири и позднее в Москве. Нет, Поль говорил не с сестрой. Он рассказывал молодым рабочим Америки о том, что делали молодые рабочие России.

XII

Хозяин той квартиры, у окна которой помещалось радио, опять сидел против своего аппарата, и то, что слышал он, слышали и все те, кто дежурил у постели больного. Тетерь по радио QZW передавали последние новости о выборах, подсчет голосовавших в тех или других центрах. Сначала известия эти были из маленьких городков и местечек. "Розарио, Калифорния; ла Фоллетт получил сто семнадцать голосов, Давис — восемьдесят семь, Кулидж — пятьсот сорок девять". "Парадиз, Калифорния: ла Фоллетт — двести семнадцать, Давис — девяносто восемь, Кулидж — шестьсот девяносто три"... Потом вскоре были получены сведения из самых крупных центров. В Массачусетсе Кулидж получил на четыреста тысяч голосов больше остальных; в Нью-Йорке — на триста одну тысячу больше...

Тот, кто передавал эти сведения по радио, говорил не очень уверенным голосом; очевидно, он уже сильно подвыпил и в промежутках между сообщаемыми сведениями переговаривался с какими-то, очевидно, певичками. Теперь он говорил: "А ну-ка, Тэдди, ту маленькую штучку, знаешь, которую я так люблю!" Веселый громкий негритянский голос тотчас же ответил: "Знаю, знаю", — и запел на негритянском жаргоне какую-то песенку, кончавшуюся бесконечным припевом: "Пленкети, пленкети, пленкети, пленк-пленк-пленк!"

Шесть или семь лет тому назад граждане Соединенных Штатов провели закон, запрещающий продажу спиртных напитков. Но защитники закона и порядка оставили за собою право решать, каким именно законам они желают следовать, и акт о запрещении продажи напитков в число этих последних не попал. Поэтому все правящие классы Америки праздновали свои политические победы тем, что напивались допьяна. Это было хорошо известно Бэнни; четыре года назад он сам был пьян в день выборов президента Гардинга и помнил, как были пьяны и его отец, и Ви Трэсси, и Аннабель Эмс, не говоря уже о Верноне Роскэ. А потому он только снисходительно улыбнулся, когда язык говорящего по радио стал заплетаться: "Э-э-то невежливо, Полли... со-ов-сем невежливо... Не трогай этот микро-к-к-к-ро-ф-фо-о-он."

XIII

Поль двинул рукой, и опять Руфь возбужденным голосом воскликнула, что он приходит в себя. Но сестра милосердия сказала, что это ничего еще не означало, что доктор говорил, что делать движения он будет. Нельзя было только позволять ему двигать головой. Она измерила ему температуру, но, взглянув на термометр, никому ничего не сказала.

Слабые руки Поля двигались по одеялу, и по временам его пальцы делали такие движения, точно снимали и бросали каких-то невидимых насекомых. Голос его звучал теперь громко, и в словах, которые он произносил, все время упоминалось о России. Григорий Николаев переводил. Больной, по-видимому, воображал себя то в Сибири и слушал игру на балалайке Менделя и видел красные войска, двигавшиеся в маршевом порядке, то в Москве. "Da zdravstvooet revolution!" — "Да здравствует революция!" "Vsia vlast Sovietam" — "Вся власть Советам!"

Постепенно голос его стал затихать, а радио QZW знакомило всех дежуривших у постели больного с тем, что делалось в этот момент в большом танцевальном зале Королевского отеля в Энджел-Сити. Бэнни ясно представлял себе этот зал, где он так часто танцевал с Эвникой Хойт и с Ви Трэсси. Теперь там все его друзья: и Верн, и Аннабель, и Фред Орпан, и Тельма Норман, и Пет О'Рейли, — все сливки плутократии, праздновавшие это свое "торжество из торжеств". Он представлял себе всю эту толпу, в которой теперь почти все поголовно еле уже держались на ногах: толстых финансистов в смокингах, с измятыми пластронами рубашек, принимающих к себе во время танцев своих толстых жен или стройных любовниц с оголенными спинами и полуоголенными грудями, с бриллиантами и жемчугами на шее, с ярко-пунцовой штукатуркой на губах и с платиновыми кольцами в ушах. Они извивались и кружились под удары тамтама, под воюющие звуки саксофона, под звон колокольчиков и рычание труб джаз-оркестра. А бедренные и тазовые мышцы толстых финансистов попеременно сокращались, и ноги волочились по полу, проделывая ряд каких-то странных, некоординированных, судорожных движений.

XIV

Поль протянул вперед руки, точно желая приподняться на подушках. Необходимо было удержать его в прежнем спокойном положении. Но это оказалось не так просто. Он не позволял, чтобы до него дотрагивались, и желал оказывать энергичное сопротивление. Может быть, ему казалось, что он один из забастовщиков Парадиза и что его схватывают полицейские? Или, может быть, — что на него набрасываются сторожа сан-эмуской тюрьмы? Или агенты федеральной тайной полиции? А быть может, — те подлые негодяи с топорами и железными болтами?.. Во всяком случае он сопротивлялся так энергично, что Бэнни пришлось держать его за одну руку, Николаеву — за другую, а Руфь с Рашелью держали его за ноги, в то время как сиделка бегала за горячечной рубашкой. В конце концов им удалось перевязать его очень основательно, но он продолжал все время делать отчаянные усилия, чтобы освободиться. Лицо его сделалось багровым, и на шее вздулись жилы. Но высвободиться ему все же не удалось. Тем временем в раскрытое окно опять послышалось радио QWZ. Оно продолжало сообщать обо всем, что происходило в большом зале Королевского отеля. Кто-то говорил теперь речь и был, очевидно, настолько уж пьян, что постоянно останавливался и путал слова. Но его аудитория была, наверное, не трезвее его и потому не обращала на это ни малейшего внимания и так галдела, что из всей речи доносились только отрывочные фразы: "блестящая победа", "величайшая страна", "знаменитейший

человек из всех когда-либо живших в Белом доме", "Кулидж!.." "За здоровье Кулиджа!" Неистовые крики, свист, хохот, а потом другой голос, тоже совершенно пьяный: "Бэби Бэлль! Маленькая Бэби... Спой нам, Бэби! Спой. Встань! Не качайся так! Я поддержу тебя..."

Послышался голос Бэби Бэлль, но, очевидно, и ее и того, кто ее "поддерживал", качало так сильно, что пение все время прерывалось длинными паузами, и до Бэнни доносились только отрывочные бессвязные слова: "Мамми плачет... Бэби в город... любви мученья... на миг забвенья..."

Раздался громкий крик Руфи:

— Боже мой, он смотрит! Он хочет что-то сказать!

Одну секунду это, действительно, так казалось. Поль широко открыл свой здоровый глаз. Безумный испуг выразился на его лице. Он приподнял голову. Дыхание сделалось еще более громким, еще более хриплым.

"Любви мученья... На миг забвенья!.." — визжал голос певицы.

— Поль, Поль! Что с тобою?! — еще испуганнее закричала Руфь.

Поль откинулся на подушки. Из его груди вырвался хриплый последний вздох, и Руфь со сложенными молитвенным жестом руками, казалось, уносила душой туда, в тот неведомый мир, куда он от нее уходил...

"Любви мученья... На миг забвенья!.." — визжал голос, пьянея с каждой минутой все больше и больше.

— Он умер!.. Умер!!!

Руфь приложила руку к сердцу Поля и с отчаянным криком вскочила с колен.

"На миг забвенья!.." — орал пьяный хор последние слова припева.

Руфь бросилась к окну, вскочила на него. Но ее схватили сильные руки Бэнни. Сестра милосердия прибежала со шприцем, и спустя несколько минут Руфь лежала в наркотическом сне и казалась такой же холодной, такой же безжизненной, как и Поль.

А по радио QZW из Энджел-Сити сообщали последний бюллетень: республиканский центральный комитет в Нью-Йорке извещает, что Кальвин Кулидж выбран президентом таким большинством голосов, подобного которому не было в истории Америки, — восемнадцать миллионов! Покойной ночи, граждане!

XV

Коммунисты хотели устроить красные похороны, сделать из смерти Поля своего рода пропаганду. Но верховная власть Эли воспротивилась: раз Поль раскаялся во всех своих злых деяниях, то он будет похоронен согласно ритуалу "третьего откровения".

А потому три дня спустя погребальная процессия двигалась по склону одного из холмов Парадиза. За гробом шла большая толпа, и тут же ехала тележка со всеми необходимыми для радио принадлежностями, так как никогда уже больше ни одно слово Эли не могло быть брошено на ветер. Бэнни, Рашель и кучка "красных" стояли поодаль, зная, что они являются нежелательным элементом в этой толпе. У самой могилы стояли Руфь и все остальные члены семьи. Лицо Руфи было страшно:

мертвенно-бледное, с блуждающим взглядом. Она, казалось, не отдавала себе отчета в том, что означали и эта глубокая темная яма и этот черный гроб, покрытый цветами. Все время, пока Эли говорил проповедь о блудном сыне, который вернулся домой, и о заблудшей овце, вернувшейся в стадо, Руфь не сводила глаз с белых облаков, медленно плывших по небу.

...Нет, она никому не доставляла больше хлопот!.. Она целыми днями бродила, по этим зеленым холмам, созывая тех овец которые давно уже здесь не паслись. Иногда она звала Поля, иногда — Бэнни. Она была тиха и спокойна, а потому никто не препятствовал этим прогулкам. Но вот однажды она целое утро звала Джо Гунда. Нефтяные рабочие, которые ставили новые вышки и очищали пострадавшие от пожара фонтаны, были теперь новыми людьми на этом участке "Роскэ", а не "Россмладший". Они никогда ничего не слыхали о Гунде, упавшем когда-то в нефтяную скважину, а потому не обратили никакого внимания на несчастную девушку, которая целое утро бродила по участку, громко произнося его имя.

Только уже поздно ночью, когда обеспокоенные ее долгим отсутствием родные принялись ее искать, кто-то из рабочих сказал, что видел ее утром и слышал, как она звала какого-то Гунда. Мели тотчас поняла, в чем дело, и все бросились к нефтяной скважине, в которой погиб рабочий, и, спустив в колодезь крюк, не замедлили вытащить кусок платья Руфи... Тогда туда спустили трезубый граб и извлекли ее останки... Опять пришел Эли, и Руфь похоронили рядом с Полем, неподалеку от могилы Джо Гунда.

Вы можете видеть и сейчас эти могилы. Они окружены невысокой оградой, и поблизости от них нет ни одной вышки. Настанет день, когда на всем участке совсем не останется вышек. Не будет тогда и этой ограды, а могилы сровняются с землей... Другие девушки с загорелыми босыми ногами будут бегать по этим холмам, и, может быть, когда они сделаются совсем взрослыми, они будут более счастливыми женщинами, чем их матери, — если только до тех пор людям удастся посадить на цепь того страшного, жестокого демона, который убил и Руфь Аткинс, и ее брата, и самого м-ра Росса, — ту злую силу, которая блуждает по земле, калеча женщин и мужчин, и натравливает одни народы на другие, обольщая их призраком незаработанных богатств и возможностью поработать и эксплуатировать труд.

notes

Примечания

1

Вонючка — животное из породы хорьков (водится преимущественно в Америке).

2

Тартаньем производится извлечение из скважины нефти или воды при помощи "желонки", которая представляет собой длинный полый цилиндрический сосуд, опускаемый на стальном канате в скважину и при помощи клапана наполняющийся жидкостью.

3

Помни о смерти.

4

Алкалий — щелочная соль.

5

Перечное дерево — из семейства магнолий.

6

Национальный праздник в Соединенных Штатах, назначаемый президентом на последний четверг ноября для благодарственной молитвы за протекший год. Праздник установлен в память необычайного урожая после нескольких голодных лет.

7

Так называются в Америке различные народные театры, нечто вроде балаганов.